

ТАТЬЯНА ГОРЯВА

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЦЕНЗУРА
В СССР
1917–1991 гг.

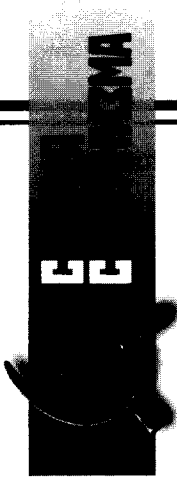
СЕРИЯ
ПОЛИТИЗМА

ТАТЬЯНА ГОРЯЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЦЕНЗУРА
В СССР
1917–1991 гг.

Москва
2009

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

О. В. Хлевнюк

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 66.3(2Рос)12;71.4(2)
Г67

Горяева Т. М.

Г67 Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. / Т. М. Горяева. — 2-е изд., испр. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 407 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1179-2

Объектом данного монографического исследования является сформированная в СССР система всеобъемлющей политической цензуры, «всецензуры» советского типа. В книге показано многообразие форм и методов идеологического и политического контроля, который осуществлялся партийно-государственными органами и институтами цензуры в период с 1917 по 1991 г. Наряду с подавляющими функциями цензуры прямого воздействия — решения о запретах, цензорские вмешательства, отклоненные рукописи и пр., и с использованием всего арсенала идеологического руководства и монополизация всех средств управления, — кадровая, издательская, гонорарная политика, — продемонстрирована и ответная реакция творческой интеллигенции, поведенческие особенности которой выработались в ответ на «дамоклов меч» цензуры. Новаторство исследования заключается и в том, что параллельно с фактами противодействия и сопротивления представлена фактография, отражающая конформизм и компромисс с властью, проявившиеся в период огосударствления различных сфер культурной и общественной жизни: ликвидация литературных группировок и организация Союза советских писателей СССР, создание государственных СМИ и др.

Актуальность книги несомненна и основывается, прежде всего, на острой потребности осмысления нынешнего состояния культуры и ее роли в современном информационном и эстетическом пространстве. Проблемы, поднимаемые и решаемые автором, ставят данное исследование в ряд наиболее востребованных самими различными категориями читательской аудитории в связи с становлением в России гражданского общества и выработкой механизмов взаимоотношения власти и общества.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 66.3(2Рос)12;71.4(2)

ISBN 978-5-8243-1179-2

© Горяева Т. М., 2002, 2009

© Российская политическая энциклопедия,
2009

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация информационных и экономических процессов, развитие средств связи, использование биотехнологий привели к формированию императива XXI в. Он определяется, с одной стороны, пространственными информационными технологиями, создающими культуру виртуальной реальности, доступную любому участнику коммуникативного процесса; с другой стороны — новыми возможностями международной элиты управлять с помощью известных медиа-технологий политическими и экономическими процессами, манипулируя мировым сознанием вне национальных интересов, персональной и общественной идентичности. Таким образом, современный мир представляет собой новый тип цивилизации. Конфликтность нового миропорядка заключается в сопротивлении человека мощному воздействию сетевых метасистем, в связи с чем наиболее остро встают вопросы защиты личности от информационного насилия. В новых условиях приобретает качественно иное звучание проблема цензуры — неотъемлемой функции любого государства, в определенных формах реализующей не только систему запретов и ограничений, но и представляющей собой мощный пропагандистский механизм. Главенство права в этой ситуации обеспечивается в гражданском обществе, об уровне развития которого свидетельствует в этой связи общественное и правовое обеспечение гарантий свободы слова и информации. Однако само по себе это не гарантирует полную свободу творчества, предпринимательства и духовного развития. Политическая цензура, предполагающая иные формы существования (экономическую, конъюнктурную, клановую и пр.) и методы воздействия, существует в различной степени во всех государствах независимо от типа и уровня их развития. Этим можно объяснить актуализацию проблем согласования частных и общественных интересов в режиме легислативного, нормоутверждающего информационного воздействия.

Актуальность данного исследования заключается в анализировании структуры, содержания и механизмов советской политической цензуры, — это позволяет выйти на новый качественный уровень знаний об истории советского периода, его идеологического и государственного аппарата, реализации пропагандистских целей путем воздействия на общественно-политическую, культурную и духовную сферы общества. Более того, без систематизированных знаний о механизме функционирования политической цензуры сегодня нельзя адекватно представить

общие закономерности и особенности исторического развития советского общества. Вот почему изучение истории политической цензуры как системы, реализующей в совокупности идеологические принципы и нормы, так важно для отечественной исторической науки. Тема приобретает особую актуальность и в связи с современными политическими процессами в России, с развитием качественно новой роли общественного мнения, а также для решения правовых и практических задач обеспечения свободы слова как важнейшего фактора политического регулирования.

Научная новизна и теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии освещается как единый целостный процесс история складывания и функционирования системы политической цензуры за весь советский период. Новым для отечественной историографии является рассмотрение советской политической цензуры как всеобъемлющей системы партийно-государственного идеологического руководства и контроля за всеми сферами общественной и культурной жизни общества. На основе анализа закономерностей развития систем разработана периодизация истории политической цензуры советского типа; введен круг терминов и понятий, смысловое значение которых очерчено направлением и границами данного исследования. Используя сравнительный, архивно-эвристический, историко-источниковедческий, филолого-лингвистический и другие исследовательские подходы и методы, автор дает собственную трактовку изучаемого социального феномена. Впервые на монографическом уровне цензурная деятельность рассматривается как действенный механизм влияния на массовое сознание через посредство формального и неформального ограничения и целенаправленного регулирования информационного пространства культуры. Наряду с изучением института цензуры как целостного института, имеющего свою структуру и закономерности развития, автор раскрывает механизмы политической цензуры не только посредством характеристики всей системы, но и ее отдельных компонентов, что позволяет проследить ее функционирование на микроуровне и в целом. Впервые в научный оборот вводится чрезвычайно информативный корпус источников, большую часть которых составляют архивные документы, ранее не привлекавшиеся к исследованиям.

Методологическое значение имеет обоснование принципов и ключевых понятий, в пределах которых строится концепция и рабочие гипотезы исследования. Можно сказать, что основное понятие — «цензура» — требует специальной интерпретации, смысловой и семантической. Как явление многоаспектное, дихотомичное и полиморфичное, цензура представляет собой сложную систему взаимодействия различных компонентов общественно-политической системы. Определяющим фактором является место и роль цензуры в историческом опыте русской общественной мысли. История России последних двух столетий в контексте настоящей темы может рассматриваться как история борьбы

между властью и обществом за свободу слова «никогда ни в какой стране не была раньше так задавлена свобода слова, как в России, — писал Морис Палеолог в своих дневниках 16 января 1916 г. — И сейчас дело обстоит также. За последние 20 лет, правда, немного смягчились суровые полицейские меры по отношению к печати, но сохранилась традиция беспощадной жестокости по отношению к ораторской трибуне, к докладам и обсуждениям»¹. XIX в. оставил многочисленные свидетельства и высказывания современников о цензуре и цензорах, беспощадных и сдержанно терпимых.

Советская цензура всегда оценивалась как крайне реакционное проявление тоталитарной власти. Об СССР в конце 1930-х гг. Г. Струве писал как об обществе, где «литература придавлена, бюрократизирована». Сравнивая две эпохи, он утверждал, что «царская цензура была чисто отрицательной и не затрагивала автора по политическим вопросам». «Положительная» же советская цензура превращает любого автора, который не хвалит СССР, в классового врага и носит разлагающий для художественного процесса характер»². Советская культура, сформировавшаяся в условиях жесткого партийного руководства и контроля, представляла собой часть коммунистической идеологии и квинтэссенцию советской культурной политики, реализация которой осуществлялась с помощью партийно-государственных и цензурных органов.

Ни самодержавный строй Российской империи, ни тоталитарный режим в СССР не способствовали развитию и становлению демократических основ гражданского общества, важнейшей составляющей которого является нетерпимость к любому ограничению права граждан на свободу получения и распространения информации. Проявления цензуры можно наблюдать не только в отечественной истории, но и в западных цивилизациях. Но пуританство и консерватизм цензуры Британии, Франции и других европейских стран, имеющих законодательные основы для выработки охранительных критериев, не сопоставимы с идеологическими догмами государств тоталитарного типа — фашистской Германии, сталинского СССР и им подобных, не заботившихся о легитимности своих требований, защищавших интересы власти как таковой. При явных отличительных характеристиках этих систем в смысле организации их политической и государственной власти отличие их пропаганды находилось исключительно в области содержания и формировалось вокруг доминирующих идей: мирового господства — в Германии и построения коммунизма — в Советском Союзе. Форма же существования цензуры в тоталитарных режимах была одна — карательная, устрашающая, обезличенная, находящаяся вне закона. Примечательно, что в странах Восточной Европы, оказавшихся по одну сторону с СССР по мере освобождения от фашизма, был искусственно насажден институт цензуры советского типа — точная копия Главлита. Более того, все дальнейшие отступления от «генеральной линии» построения мировой системы

социализма связывались с ослаблением политической цензуры или прямыми нарушениями ее канонов. Таким образом, исторический путь, пройденный человечеством, позволяет говорить о зависимости между типом государственного устройства и свойствами института цензуры. Характер этой зависимости определяется не наличием или отсутствием этого института, а развитостью законодательных основ его деятельности и исполнительных норм.

В цивилизованном правовом государстве цензура как важнейший инструмент власти реализует ключевые задачи внутренней и внешней политики. Так, например, она контролирует и регламентирует информационный процесс с помощью различного рода инструкций и нормативов; любая власть наделяет цензуру охранительной функцией, чтобы обеспечить сохранение военной и государственной тайны; осуществляя эталонную функцию цензуры, государство фиксирует и закрепляет этические и эстетические нормы в области искусства, художественного творчества, научных направлений; профилактическая функция цензуры обеспечивает стабильность государства, предупреждая хождение в информационном поле сведений, подрывающих престиж и авторитет власти. Санкционирующая функция обеспечивает введение в социокультурный контекст полной информации, не подвергавшейся воздействию цензуры, и той, которая прошла через ее обработку (соотношение этих двух видов информации свидетельствует о типе политической власти). Таким образом, в условиях правового государства, политического плюрализма, контроля власти и управления с помощью охранительно-профилактических и иных функций цензуры обеспечиваются внутренняя и внешняя безопасность, стабильность государства и политического строя при максимальной гарантии прав и свобод человека. Понятно, что в этой ситуации реализация функций цензуры не противоречит гласности, которая создает условие выражения мнений членов общества относительно мер и действий политической власти в целом и конкретного правительства, в частности.

При тоталитарном типе власти, в котором осуществляется абсолютный и ненормативный контроль над всеми областями общественной жизни, характеристика и порядок запретов существенно отличаются: разрешено то, что приказано властью, все остальное запрещено. Являясь частью пропагандистского заказа тоталитарной системы, цензура осуществляет контрольно-запретительные, полицейские и манипулятивные функции, направленные на управление обществом, а также отдельными гражданами. В полицейском государстве функции цензуры во многом совпадают и переплетаются с функциями репрессивных органов, которые совместно осуществляют политический сыск и надзор, выражающиеся в контроле за частной перепиской (перлюстрация), подслушивании телефонных разговоров и других массовых нарушениях прав и свобод человека.

На политический характер цензуры и стремление вторгнуться непосредственно в творческий процесс, профессиональную сферу и частную жизнь граждан указывал М. Федотов, давая советской цензуре следующее определение: «Цензура родовое понятие. Оно охватывает различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускаемых в свет и распространяемой массовой информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными. Контроль осуществляется в зависимости от вида средства массовой информации (печать, телевидение, радиовещание, кинематограф). Необходимо различать цензуру, налагающую запрет на обнародование сведений определенного рода, и цензуру, вторгающуюся в творческий процесс»³. Вот почему попытки ограничить понятие «советской цензуры» только деятельностью государственных цензурных учреждений без учета изощренных форм и методов различного рода воздействия и контроля малопродуктивны. В определении границ понятия «советская цензура» большую роль сыграло получившее широкое распространение определение М.-Т. Чолдин — «всецензура»⁴. Отсутствие четких законодательных основ, диктат партийных органов, царившая в бюрократической среде атмосфера вкусовщины и патронажа приводили к тому, что любое произведение могло быть объявлено идеологически вредным. Поэтому понятие «советская цензура» не отражает в полной мере все аспекты политико-идеологического контроля, осуществляемого посредством партийно-государственной системы в различных формах. Термин «всецензура», возникший как калька с английского языка, учитывающий монополизацию всех сфер духовной и культурной жизни и проявление подавления любого инакомыслия в крайних формах, наиболее адекватен термину «политическая цензура» и представляет собой идеологическую властную систему, являющуюся частью политики и политической системы общества.

При этом идеология как важнейшая составляющая политической системы объективируется во всех сферах государственной и общественной жизни — от законов и инструкций до СМИ и пропаганды, включая *культуру, искусство, образование*, создавая политическое пространство или систему пространств. Если в демократических системах вторжение идеологии в культурно-образовательную среду минимально или совсем отсутствует, то в тоталитарных государствах ее влияние бесспорно и реализуется в качестве культурной политики, осуществление которой является ведущей задачей политической цензуры. В этом контексте идеологическое руководство, выраженное в партийных директивах, указаниях и конкретных цензурных вмешательствах, рассматривается нами как основное условие функционирования политической цензуры. Следует заметить, что сферы, на которые распространялось руководство партии, не ограничивались идеологически направленными областями

деятельности. Политическая цензура вторгалась в технику и естествознание, подвергая запрету труды ученых и естествоиспытателей целых научных направлений. Однако наиболее очевидно это проявлялось в гуманитарной сфере, культуре, образовании и искусстве, где развитие было обусловлено и ограничено государственной культурной политикой. В рамках последней вырабатывались критерии политической цензуры.

Сущность культурной политики государства тоталитарного типа определяют партийно-государственные органы, деятельность которых направлена на формирование основанных на идеологических канонах концептуальных представлений о месте и роли культуры в жизни общества, о должном состоянии культурной (художественной) жизни. Они определяют приоритетные направления культуры, ограничения, запреты или, напротив, поддержку в различных формах и проявлениях (идеологической, моральной, материальной, финансовой и пр.) для творческих коллективов, отдельных представителей культуры, деятельность и творчество которых совпадает или не противоречит официальной доктрине. Всепроницающим характером политической цензуры можно объяснить то, что стабильно невысокие на протяжении всей истории количественные показатели штатного состава государственного аппарата цензоров на самом деле не являются объективным свидетельством масштабов соответствующих его деятельности. Существовавшая в стране система тотального идеологического давления и контроля заставляла каждого редактора, каждого завлита, каждого администратора на своем рабочем месте осуществлять цензорские функции. Наконец, самый строгий и опасный цензор находился внутри каждого, заставляя идти на компромиссы, писать «в стол», или рисковать свободой ради возможности быть услышанным через «самиздат» и «тамиздат».

Лицемерие и двойная мораль, десятилетиями разъедавшие гуманистические основы российской культуры и этики, привели к тому что, как писал через 30 лет А. И. Солженицын, создали общество, в котором «не только чтоб открыто говорить и писать и друзьям рассказывать, что думаем и как истинно было дело, — мы и бумаге доверять боимся, ибо по-прежнему секира висит над каждой нашей шеей, гляди опустится. Сколько эта потаенная жизнь продлится — не предсказать, может, многих нас раньше того рассекут, и пропадет с нами невысказанное»⁵. Однако невыносимые условия, создаваемые тотальной цензурой, выявляли тем не менее ее многомерный характер, поскольку искусство в культурологическом аспекте имеет огромное преимущество — способность к медиации, многомерность существования в творчестве, возможности экзистенциализации на миру, «наедине со всеми». При любом строе искусство создает свою особую, вторую реальность, обогащая таким образом жизнь, помогая ее осмыслению и примирению с ней.

Метафизическая цензура по З. Фрейду на советской почве превращалась в цензуру буквальную, политическую, жестко задавала официаль-

ную идеологическую координату. Тем поразительнее живучесть, демонстрируемая в этих условиях литературой, искусством, общественным сознанием, развитие которых, несмотря на волю властей, порождало продукт сложного взаимодействия ряда составляющих⁶. Возникающие на этом перепутье гибриды представляли собой синтез официальной и неофициальной культуры, включающей, наряду с искусством конспиративного обхода цензуры, и открытый протест. Люди искусства, которым выпало жить в условиях советской идеократии, в совершенстве умели приспособливаться к цензуре⁷. Соцреализм представлял собой не просто продиктованную волю властей, а ряд составляющих — плод марксистской идеологии, оригинально преломленный русским контекстом (с его конфликтом между западничеством и славянофильством, между интеллигенцией и «почвой»)⁸. Материал для подобных наблюдений имеется в изобилии, ибо история советской литературы и искусства в значительной мере и есть история попыток приспособления писателей к режиму и игре с цензурой. Рассуждая о благодетельности цензуры, Л. Лосев развивает парадоксальную мысль, что суть эзоповского искусства в чисто силовом жесте: запретная идеология демонстрирует свою способность обойти все рогатки цензуры, конспиративно подмигнув понимающему читателю⁹. В наиболее удачных, по-настоящему интересных своих проявлениях оппозиционная игра с цензурой (сознательная или бессознательная) приводила к созданию понятий, стимулирующих воображение и мысль, а не только шифровок готового смысла. Так, шварцевский Дракон, по-эзоповски сочетающий черты Сталина и Гитлера, — это не только смелая вылазка против сталинизма, но и богатое художественное обобщение черт тоталитаризма, сохраняющее свою ценность и сегодня, когда соответствующее явление уже широко осознано человечеством¹⁰.

Лучшим подтверждением природы этого явления служат рецидивы политической цензуры, проявляющиеся в самых различных формах в уже «бесцензурной» России в условиях отсутствия Главлита и других государственных институтов цензуры. Это лишний раз доказывает нашу гипотезу о том, что политическая цензура обеспечивает стабильность власти любого типа, выражает интересы политических элит, используя наряду с институциональными и внеинституциональные связи. Таким образом, политическая цензура является системообразующим началом при формировании и эффективном существовании политической системы общества — целостной упорядоченной совокупности политических институтов, процессов, отношений, характерных для того или иного типа государства и общества. Это имеет принципиальное значение для определения понятия политической цензуры, которое впервые дается в настоящем исследовании.

Итак, под политической цензурой мы понимаем систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов власти, представляющую собой структурную и внеструктурную

деятельность, не всегда обеспеченную законодательно и нормативно. Именно внеинституциональный характер советской политической цензуры определяет границы и наполнение этого понятия, выводит за рамки собственно понятия цензуры, имеющей определенные и традиционно очерченные функции, задачи и государственные органы реализации установок власти в этой сфере. В силу особенностей сложившегося политического режима, происшедшего слияния партии и государства, примата коммунистической идеологии, политическая цензура советского типа включала деятельность партийных и советских органов по руководству и контролю за всеми сферами общественной жизни, имея в виду все существующие формы давления и воздействия на информационно-творческий процесс. Таким образом, политическая цензура представляет собой часть, или подсистему, политической системы в контексте исторического опыта данного общества, который влияет на поведенческие особенности всех участников социокультурного и политического процесса.

Всеобъемлющий характер цензуры обусловил эволюцию видов, форм и этапов контроля, гарантирующих наибольшую эффективность выявления сомнительных и откровенно недопустимых публикаций и высказываний. Исторически сложились следующие виды цензуры, структурированные по различным категориям информации: военная, государственная, экономическая, коммерческая, политическая, идеологическая, нравственная, духовная. В классическом своем проявлении цензура выработала за последние два столетия две основные формы, определяющие проведение цензурного контроля: предварительную и последующую, карательную. Советский опыт, не имеющий аналогов ни по своим масштабам, ни по длительности своего существования, как мы убедились, внес значительные коррективы в понятийный ряд, изменил соотношение родовых и видовых понятий и терминов. Так, цензура как родовое понятие, что мы уже отмечали, традиционно включала специфические по своим характеристикам видовые характеристики. Советская политическая цензура, использующая весь арсенал своих возможностей и технологий, имела всеобъемлющий характер. В книге продемонстрировано как на различных этапах и в разных ситуациях использовалась цензура военного, нравственного или иного характера, в то время как главной для нее была именно политико-идеологическая направленность. Именно в связи с этим мы утверждаем, что советская политическая цензура как явление общественно-политической жизни, социокультурный феномен и важнейшая часть советской политической системы представляла собой более широкое понятие, чем цензура как таковая и ее разновидности. Именно на этом основании исследуются все основные проявления политической цензуры, включая и военную цензуру, и перлюстрацию только в тех случаях, когда через них осуществлялось политико-идеологическое воздействие и контроль. Все остальные виды цензуры, защищающие государственные и общественные интересы, не

являются объектом данного исследования, поскольку являются закономерными и легитимными прерогативами любого государства.

Исходя из вышеизложенного, объектом исследования является сложившаяся в СССР политическая цензура как часть системы политической власти, реализованная с помощью мощного управленческого механизма, и феномен социально-культурной жизни.

Конкретно историческим предметом исследования является процесс становления и функционирования системы политической цензуры, влияние различных ее форм на общественные и культурные сферы жизни. Представляя собой наиболее адекватное отражение целей и содержания идеологии и механизма власти, с одной стороны, и являясь важнейшим фактором, влияющим на интеллектуальную область деятельности, с другой стороны, политическая цензура проявляется в функционировании двух ипостасей — контрольно-запретительных органов и так называемых «объектов цензуры» в широком и узком понимании. Поэтому предметами исследования наряду с элементами партийной и государственной системы цензуры стали и такие важнейшие идеологические подсистемы, как радиовещание и литературно-художественные группировки.

Последнее десятилетие было отмечено активным изучением вопросов, связанных с историей советской цензуры, ее политическим аспектом и влиянием на формирование советской культуры и общественную жизнь. Однако в ряду этих работ не было исследований, в которых цензура рассматривалась бы как целостная система, важнейшая составляющая государства и его политики. Несмотря на большой эмпирический материал, на котором строились исследования последних лет, они отмечены односторонностью, узостью хронологических рамок и локальным характером.

В связи с этим основной целью настоящего исследования стало теоретическое обоснование института цензуры, имеющего глубокие мировые и отечественные корни, воссоздание истории складывания системы и механизма политической цензуры, контроля и регулирования общественного и культурного процесса в период с 1917 по 1991 г. Основная цель исследования обусловила его историко-культурологический аспект, позволяющий прояснить черты и характер советской политической цензуры как историко-культурного феномена. Рассматривая советскую политическую цензуру как всеобъемлющий системный механизм, мы анализируем различные области культурной и общественной жизни во взаимодействии с тоталитарным идеологическим аппаратом.

В соответствии с заявленной целью ставится ряд важнейших исследовательских задач. Важно иметь в виду, что данная работа является первым обобщающим трудом междисциплинарного характера, в котором получили освещение результаты комплексных исследований по научному освоению архивных документов, до сих пор не введенных в

оборот. Этот подход предполагает решение целого ряда взаимосвязанных задач, среди которых следует выделить следующие:

- исследование историографии проблемы на основе междисциплинарного подхода и системного анализа;
- реконструкция документального фонда истории советской политической цензуры;
- характеристика основных документальных комплексов по истории советской политической цензуры;
- классификация и анализ основных видов источников, впервые введенных в научный оборот;
- определение историко-теоретических подходов к изучению феномена политической цензуры; обоснование понятия и сущности советской политической цензуры, факторов ее эволюции и специфики;
- изучение процесса становления видов цензуры и практики цензурской деятельности;
- решение вопросов периодизации истории советской политической цензуры;
- воссоздание истории складывания системы политической цензуры в СССР с 1917 по 1991 г. (под системой понимается не только структура и деятельность различных государственных учреждений цензуры, и прежде всего Главлита, но и партийных органов во взаимодействии с репрессивным аппаратом в определении идеологической и культурной политики);
- выявление и изучение различных форм партийно-государственного управления, имеющего черты политической цензуры, на примерах советского радиовещания и литературных организаций в период становления тоталитарного государства;
- рассмотрение структурных и функциональных особенностей управленческой системы и механизмов влияния политической цензуры на общественную и культурную жизнь страны;
- выявление эволюционных, деформационных и иных процессов в культуре и общественном сознании в условиях политической цензуры в исследуемый период: поведенческие особенности, самоцензура, различные составляющие мифологизированного массового сознания.

Монография охватывает весь период существования советской политической цензуры как части политической системы советского государства с 1917 по 1991 г. Это позволяет реализовать поставленные цели и задачи системного исследования, предопределившие изучение проблемы на протяжении всей советской эпохи. Культурологический и политологический аспекты обусловили необходимость некоторого расширения хронологических границ. Для того чтобы показать исторические корни, сущность, функции и методы цензуры в мировой и отечественной истории, необходимо было обратиться к истокам этого социокультурного явления, берущим свое начало в древних цивилизации-

ях. То, что мы сегодня понимаем под политической цензурой, возникло не только с появлением письменности, а тогда, когда одна группа людей, обладающих властью и большей частью имущества, стремясь удержать их в своих руках, навязывала свою волю остальным.

В эпоху античности происходило становление и оформление цензуры в качестве обязательного атрибута власти. Дальнейшее развитие цивилизации демонстрировало попытки решить эту проблему на новом уровне. Французские просветители провозглашали идеи свободы слова, печати и собраний, но в период Французской революции якобинские цензоры быстро перешли от прежних деклараций к террору. Противоречивые суждения по поводу цензуры высказывались в немецкой классической философии, одни представители которой отстаивали позиции личной свободы в выражении своих взглядов, а другие считали обязательным полицейский контроль за всеми формами общественной деятельности.

Между тем весь ход развития цивилизации свидетельствует о том, что любая власть осуществляла свои охранительно-карательные функции прежде всего в отношении духовной жизни общества, существенной частью которой является культура. Система доказательств концепции исследования, ядром которой является институциональная зависимость политической цензуры от типа государства и политической системы общества, вызвала необходимость обратиться к формам существования политической цензуры уже в «бесцензурное» время в условиях становления правовых гарантий — период, охватывающий последнее десятилетие.

Особую исследовательскую проблему представляет периодизация истории советской политической цензуры, которая стала для нас основой выработки концепции и структуры исследования. Возвращаясь к истории складывания и функционирования советской системы политического контроля, следует определить основные этапы ее формирования¹¹ и более локальные периоды становления¹². Сознвая важность этого методологического аспекта, следует, тем не менее, учитывать, что любая классификация, в том числе и периодизация, имеет утилитарный характер, поскольку служит решению задач, поставленных перед конкретным историческим исследованием. В данном случае периодизация, с одной стороны, имеет принципиальный характер, с другой — обслуживает чисто практическую задачу по структурированию деятельности цензурных органов. Определение хронологических циклов истории советской политической цензуры совпадает, во-первых, с политической историей страны, во-вторых, с историей советской культуры и, в-третьих, с историей складывания государственных учреждений цензуры. Исходя из широкого понимания цензуры как политической системы, включающей различные институты власти и управления обществом, наша периодизация представляет собой синтез вышеперечисленных трех подходов в сочетании с локальными хронологическими схемами.

Для определения основной функции политической цензуры как важнейшей составляющей советской государственности следует понять, что в ее развитии было два основных периода: период становления и утверждения, сменившийся периодом стагнации и распада. Всем системам присущ динамизм и его обратная сторона — статичность, все системы в своем развитии проходят различные этапы: возникновение, развитие, расцвет, кризисы, распад. Эта диалектика вытекает из внутренних противоречий системы различного свойства и может завершиться либо полным разрушением системы, либо перерождением ее в новое качество.

Исходя из этого, можно выделить две основные исторические эпохи, в рамках которых шло развитие системы политической цензуры: с 1917 по 1930-е и с 1940-х по 1991 г. Рубежом между двумя тесно связанными эпохами можно считать период с 1939 по 1941 г. — время начала Второй мировой войны и вступления СССР в военные действия. Но не только объективно сложившаяся международная обстановка способствовала изменениям в политической и экономической структуре страны. Уже начиная с конца 1920-х и до конца 1930-х гг. шло формирование военно-промышленного государства с тоталитарным типом идеологии. В СССР, так же как и в фашистской Германии, шла активная подготовка к войне, которая выражалась в перестройке государственного аппарата, усилении влияния партии, окончательной монополизации идеологии, создании военно-промышленного комплекса, насаждении атмосферы страха и психоза, вызванной массовыми репрессиями. Именно к 1939–1940 гг. полностью сложилась система партийно-государственного управления страной, были отлажены механизмы принятия решений и проведения политических кампаний, способных в несколько недель переориентировать, организовать и мобилизовать огромные массы населения страны. С помощью созданной системы, централизованной и всеобъемлющей, предельно сконцентрированная власть управляла всеми отраслями, используя одни и те же методы и в организации промышленного производства, и в образовании, и в искусстве.

Важнейшим условием и определяющим звеном в этой системе к рубежу 1930–1940-х гг. стала политическая цензура, которая осуществлялась через государственные органы — Главлит и Главрепертком — и напрямую, по линии партии. Именно этот установившийся порядок и привычная для всего круга советских и партийных организаций, творческих союзов система отношений уже не менялись до периода демократических революционных перемен, уничтоживших прежний режим и его механизмы власти. Вот почему, несмотря на, казалось бы, огромные перемены и пройденные исторические вехи, которыми были и годы Великой Отечественной войны, и годы известных идеологических постановлений, и период так называемой «оттепели», сменившейся очередным «заморозком», названным «застоем», в созданной раз и навсегда властной вертикали ничего по существу не менялось. Система подвергалась текущему и

даже капитальному ремонту (наркоматы превращались в министерства, затем преобразовывались в комитеты, совнархозы и наоборот), наполнялась новым идейным содержанием (принимались постановления, велась борьба с култом личности, реставрировались старые ценности, возвращались к ленинским принципам), но все эти перемены осуществлялись с помощью единых по сути аппарата и системы, которая приводила его в действие. Попытки после XX съезда КПСС сломать эту систему были нерешительны и непоследовательны, а главное — малоэффективны. Лишившись своего основного орудия поддержания порядка — массовых репрессий и чрезвычайных законов, система сохранила свое господствующее положение в идеологии и управлении, превратившись в механизм торможения эпохи «застоя». Процесс сращивания партийного и государственного аппаратов привел в конце концов к их функциональному объединению и смешению компетенций. Эта жизнестойкая и высокоэффективная система получила название административно-командной системы управления (АКСУ)¹³. Она стала определяющим признаком советского образа жизни и его духовно-психологической среды с атмосферой страха, подозрительности, неуверенности.

Институциональный подход лег также в основу локальной периодизации становления и функционирования государственного цензурного аппарата. 1917–1922 гг. период ведомственной цензуры (военная в Реввоенсовете республики, а затем в ВЧК, административная — в Наркомпросе РСФСР, Госиздате РСФСР, Главполитпросвете и др.); 1922–1930 гг. — период организации и становления государственной цензурной системы в условиях формирования тоталитарного государства (организация Главлита, Главреперткома, Главискусства; чистка и реорганизация Главлита в 1930 г.); 1930 — октябрь 1953 гг. — период, который вместил деятельность Главлита в структуре Наркомпроса, его попытки выйти на более высокий уровень, краткосрочное подчинение Главлита МВД СССР по инициативе Л. Берии сразу после смерти И. Сталина.

Временная либерализация — октябрь 1953–1966 гг. — имела поверхностный характер, а понижение статуса Главлита в 1964–1966 гг., превратившегося в одно из управленческих звеньев в структуре Государственного комитета по печати, было слишком кратковременным, чтобы существенно изменить ситуацию. Между тем эти попытки были вызваны корректированием общей стратегии партии, которая стремилась модернизировать систему управления обществом, отойдя тем самым от «сталинской модели», с одной стороны, но не желая утрачивать свои руководящие функции в культуре — с другой.

1966–1987 гг. — период бюрократического «благополучия и покоя», во время которого практически не менялись роль и место Главлита в политической системе государства. Период же 1987–1991 гг. можно охарактеризовать как агонию системы, в процессе которой неодно-

кратно в условиях развивающейся демократии и гласности предпринимались попытки реформировать Главлит вплоть до его окончательной ликвидации.

Как многосложное явление, политическая цензура может быть изучена и проанализирована только с помощью синтетических методов исследования на основе междисциплинарного подхода. Наиболее эффективным с точки зрения демонстрации всеобъемлющего значения и функционирования механизма политической цензуры является системный подход. Он предполагает обращение к методам смежных с историческими других гуманитарных наук, применение информационных технологий и статистического анализа¹⁴.

Как общенаучный познавательный метод системный анализ рассматривает общественную и естественную реальность, не как состоящую из отдельных и изолированных друг от друга предметов, явлений и процессов, а как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, определяющих целостные системные образования. Исходным в системном подходе является понятие системы, разность определения которой обусловлена ее сложностью и многообразием. При этом система, представляющая собой целостную совокупность элементов реальности, имеет новые интеграционные качества, не присущие своим отдельным элементам. Так, например, деятельность отдельных цензурных органов или учреждений культуры, производящих ограничения в отношении низкохудожественных или не совсем пристойных произведений, дает только фрагментарное, иллюстративное представление о деятельности цензуры и ее содержании. Этим целостная система отличается от условно сгруппированных элементов.

Строение политической цензуры, которая, как все системы, имела свое строение, структуру и функции, определялось составляющими ее компонентами — связанными между собой подсистемами и элементами, такими, например, как идеологические органы партии, государства, отраслевые идеологические инстанции — Гисиздат, Гостелерадио, Госкино и пр. Мы исходим из того, что политическая цензура сама является подсистемой в системе более высокого порядка — подсистемой политики и частью политической системы общества. Неделимым носителем содержательных свойств системы, пределом ее членения в определяющих качественных границах является элемент системы, под которым в данном случае мы подразумеваем участников цензурного процесса: с одной стороны, художников, писателей, режиссеров, с другой — цензоров, партийных и советских чиновников различного уровня, «генералов» от культуры.

Так, в работе механизм функционирования политической цензуры раскрыт посредством характеристики не только всей системы, но и ее отдельных компонентов (радиовещания, литературно-организационной жизни) и элементов (судьбы отдельных художников или людей систе-

мы). Таким образом, можно продемонстрировать многообразное сочетание компонентов системы в объективной реальности на общем, особенном и единичном уровнях. Компоненты системы, в свою очередь, находятся в единстве и не существуют друг без друга: общее без единичного и наоборот. Целое же выражает то всеобщее, существенное, что присуще его частям. Одновременно часть этого целого обладает собственными свойствами, индивидуальными качествами, которые выражают то специфическое, которое присуще только им. Это вовсе не противоречит законам развития системы, а демонстрирует не только ее единство, но и противоречивость. На этой системной основе построен один из распространенных методов исторического исследования, case-study, когда тщательное, детальное изучение наиболее репрезентативного примера или показательного явления позволяет эмпирически выявить механизмы функционирования системы в целом. Без такого исторически конкретного анализа любые рассуждения об истории становления и деятельности цензурных органов носят описательный, общий характер и не представляют научного интереса.

С точки зрения внутренней организации системы структура определяет ее содержательную суть, выражает ее интегральные свойства. С помощью системного анализа можно подойти к пониманию степени развитости системы, стабильности ее функционирования, выявить свойства, определяющие ее устойчивость или лабильность. Невероятная развитость советского контрольно-запретительного и цензурного аппарата на различных уровнях властной вертикали обусловила стабильность его функционирования. С другой стороны, создание, казалось бы, параллельных цензурных и идеологических органов с дублирующими функциями вовсе не означало бюрократическую неразбериху, а являлось продуманным действием в формировании и укреплении системы с помощью деятельности конкурирующих и взаимопроверяющих инстанций. Даже ослабление одного из звеньев не означало ослабления самой системы. Подтверждением этого тезиса является современное положение, когда на месте разрушенных подсистем политической цензуры советского образца возникли новые — партия власти, олигархический капитал, чиновничий диктат, которые способствовали наполнению системы другими подсистемными составляющими.

Структура и функции системы тесно взаимосвязаны, поскольку функции могут реализовываться только через определенную структуру. Функция представляет собой форму и способ жизнедеятельности общественной системы и ее компонентов. Взаимодействие структуры и функций направлено на сохранение системы в целом, на достижение единого системного результата. Отсюда — институциональный подход исследования и подробное изложение становления и развития управленческого аппарата культуры и учреждений цензуры.

Связи и отношения систем, их взаимодействие характеризуются ложным сочетанием координации и субординации, которое порождает различные уровни иерархии систем. Наилучшим образом это проявляется в развитии системы посредством ее организации и реорганизации, а также складывания механизма принятия решений в соответствии с иерархией. Этим объясняется архивно-источниковедческий аспект изучения проблемы, позволяющий документально проследить всю динамику и механизм структурных изменений.

Системный метод в силу его синтетической природы включает применение различных конкретных методов, например, структурно-функционального, с помощью которого можно осуществлять моделирование системы, в частности, реконструкцию документального фонда, создание макета эфира, структурных схем и пр. Экспериментальный этап содержал разработку методических основ и их реализацию в осуществлении реконструкции, создания информационной базы данных и структурных схем.

Наряду с фундаментальными используются источниковедческий, архивно-эвристический, филолого-лингвистический и искусствоведческий подходы и методы анализа сформированной репрезентативной источниковой базы, значительная часть которой — утраченная — была реконструирована. Источниковая база представляет собой большой корпус многоаспектных и целевых документов, разнородный характер которых потребовал дифференцированного подхода к их анализу. В ряде случаев имелась необходимость углубленного источниковедческого анализа и обработки с помощью специальных методик. В большинстве своем отдельные «источниковедческие связи» отражают объективную реальность ситуационно, событийно, динамически, но в своей совокупности используемые источники составляют комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих документов, позволяющих раскрыть сущность и структуру феномена советской политической цензуры. До настоящего времени специальные архивоведческие и источниковедческие исследования новых документальных комплексов не проводились; отсутствовал навык работы с новыми видами источников, несовершенны были методика и уровень описания специфических документов цензуры. Именно этим обусловлена необходимость специального архивно-источниковедческого анализа.

Структура работы определена целями и задачами исследования, а также отражает междисциплинарный подход к решению исторических задач. Поэтому монография построена по хронологическому принципу в сочетании с предметным. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, приложений и списка источников и литературы. В свою очередь, многоаспектность структуры историографического материала и источниковой базы исследования, а также абсолютная новизна подавляющего большинства вводимых в научный оборот источников обусло-

вили наличие специальной главы. Именно этим объясняется то, что во введении вопросы степени изученности и источниковой базы проблемы не рассматриваются. Характер и подробность изложения материала в основных главах, а также их внутренняя структура соответствуют особенностям этапов развития и формирования системы политической цензуры. Поэтому если период становления системы потребовал и дал возможность подробного и поэтапного воссоздания процесса формирования ее основных элементов и механизмов их взаимодействия, то период функционирования уже сложившейся управленческой машины позволил продемонстрировать только тенденции ее развития.

В первой главе — «Историография и источники проблемы» — дается анализ имеющейся зарубежной и отечественной литературы по истории советской цензуры, а также по широкому спектру проблем, связанных с культурной политикой и идеологическим руководством. Одна из главных особенностей отечественной историографии заключалась в том, что, несмотря на абсолютную закрытость и сверхсекретность, советская политическая цензура всегда претендовала на определенную аналитичность и самопознание. Отсутствие возможности обнародовать собственные достижения в виде специальных исторических исследований и диссертаций приводило к тому, что специальные работы, создававшиеся в недрах аппарата, были доступны только его работникам. Эта ведомственность, исключая наличие какой-либо критики, не могла не отразиться на качестве подобных «историй», которые издавались в виде брошюр «для служебного пользования» и носили парадно-юбилейный характер. Особенностью современной историографической ситуации является односторонность и фрагментарность в освещении вопросов деятельности цензуры, отсутствие институционального подхода при анализе отдельных сюжетов истории политики и культуры.

Как указывалось, потребовался подробный источниковедческий анализ документального корпуса и изложение опыта воссоздания источниковой базы исследования. Кроме этого, рассмотрены результаты реконструкции утраченных частей архивных фондов, которые были восстановлены по специально разработанной для этих целей методике.

Вторая глава — «Цензура XX в. как историко-культурный феномен» — посвящена культурологическому аспекту феномена цензуры, имеющей глубокие исторические корни в мировой цивилизации, и особенностям ее развития в отечественной истории, становлению основных видов цензуры и практики цензорской деятельности. Многоаспектный характер политической цензуры, сложный механизм ее влияния на весь спектр общественной и культурной жизни потребовали не только уточнений собственно понятия политической цензуры, но и более широкого дискурса. Особое место уделено становлению системы политической цензуры как подсистемы советского политического и государственного строя.

В соответствии с обоснованной автором периодизацией образованы третья и четвертая главы.

В третьей главе — «Складывание системы политической цензуры 1917–1930-е гг.» — прослежен процесс формирования руководящих органов и институтов цензуры советского типа. Одной из составляющих концепции исследования является показ взаимодействия партийных, государственных и репрессивных органов в организации и осуществлении идеологического контроля и политической цензуры. Постепенное образование огромного количества партийных и государственных структур с параллельными цензурно-контролирующими функциями привело к созданию к концу 1930-х гг. мощной системы, имеющей определенные механизмы и формы регулирования творческим и информационным процессами. К наиболее эффективной форме можно отнести идеологическое руководство и контроль, которые были основой политической цензуры. В этих условиях не могло быть и речи о свободном развитии культуры и искусства, которые к началу 1930-х гг. были в основном подчинены организованной властью творческим союзам. Специальный параграф посвящен истории литературных группировок 1920-х гг., которые были ликвидированы в 1932 г. в связи с образованием Союза советских писателей (ССП) СССР. На созданный Союз писателей партия возложила определение художественных достоинств и политической благонадежности. Под идеологическим руководством Агитпропа ЦК совместно с Главлитом и Главреперткомом СП СССР осуществлял политическую цензуру на всех стадиях литературно-художественного процесса.

Усиление политической цензуры развивалось одновременно с монополизацией всех сфер общественной и культурной жизни. Складывание политической цензуры продемонстрировано на примере такого эффективного пропагандистского канала, каким является радиовещание. Монополизация выражалась в огосударствлении всех сфер деятельности радиовещательных организаций, начиная от видов собственности на технические радиотрансляционные средства, включая кадровую и информационную политику, а также конкретные вопросы радиоцензуры.

Четвертая глава — «Политическая цензура в 1940-е–1991 г.» — посвящена функционированию уже сложившихся и отлаженных цензурных механизмов в условиях стагнации, кризиса и развала советской политической системы. Попытки что-либо изменить в формах идеологического руководства и политической цензуры были вызваны общей стратегией во взаимоотношениях между властью и обществом, которые партия стремилась модернизировать любыми способами, не утрачивая при этом своей руководящей роли. Эти процессы проходили уже на фоне ослабления «железного занавеса», растущего влияния международной общественности, особенно после подписания СССР Хельсинского акта. В этот период советская политическая цензура предпочитала избавляться от наиболее авторитетных оппозиционеров путем их высылки

за границу. В отношении остальной советской интеллектуальной элиты использовались различные методы воздействия, включая и «профилактическую обработку», и вызовы на беседу в ЦК. В этих условиях Главлит выполнял вспомогательную функцию, утратив в какой-то степени прежнее идеологическое могущество. Демократические процессы, гласность, отмена цензуры в связи с принятием Закона о печати и других СМИ (1990) привели к ликвидации Главлита в конце 1991 г. Эта дата является завершающей в истории советской политической цензуры, однако вовсе не означает, что этот важнейший институт политической власти утратил свое значение и могущество.

В заключении подведены основные итоги исследования, сформулированы важнейшие теоретические и научно-практические выводы, выдвинуты перспективы дальнейших научных направлений исследования в этой области.

Примечания

- 1 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. М., 1991. С. 31–32.
- 2 Цитируется по архивному документу Главлита, в котором говорится об изъятии книги Г. Струве по линии цензуры зарубежных изданий (ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 29. Л. 18–23). См также: Strove G. Russian literature under Lenin and Stalin 1917–1953. London: Routledge and Kogan Paul, 1972.
- 3 Федотов М. А. Гласности цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80–89.
- 4 Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции 24–27 мая 1993 г. Москва. М., 1995. С. 8–11.
- 5 Солженицын А. И. *Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни.* М.: Согласие, 1996. С. 8.
- 6 Clark C. *The Soviet Novel History and Ritual.* The University of Chicago Press, 1981.
- 7 Жолковский А. К. *Блуждающие сны и другие работы.* М.: Наука, 1994. С. 53.
- 8 Clark C. *Op. cit.*
- 9 Loseff L. *On the Beneficence of Censorship Aesopian Language in Modern Russian Literature.* Munchen: Otto Sagner, 1984.
- 10 Жолковский А. К. *Указ. соч.* С. 55.
- 11 Этапы становления общегосударственной системы идеологического контроля: Госиздат (с 1917 г.), Отдел цензуры при Реввоенсовете (1918–1921), Отдел военной цензуры при ВЧК (1921–1922), Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР (1922–1946), Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати (1933–1946), Уполномоченный Совета министров СССР по охране военных тайн в печати (1946–1953), Главное управление по охране военных и государственных тайн

в печати МВД СССР (1953, март–октябрь), Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР (1953–1963), Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати Госкомитета при СМ СССР по печати (1963–1966), Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (1966–1990), Главное управление охраны тайн в печати и СМИ при СМ СССР (ГУОТ) (1990–1991) и их местные органы, а также — Главрепертком при Наркомпросе РСФСР (1923–1936), Комитете по делам искусств при СНК СССР (1936–1946), а также министерства культуры СССР и союзных республик, другие отраслевые комитеты и управления сферы культуры и искусства.

- ¹² Исследователи в этой области главным образом использовали для истории советской цензуры общеисторическую периодизацию. Свой вариант периодизации предложил Жирков Г. В. в работах: История советской цензуры: Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры. СПб.: ПбГУ, 1994. С. 12; История советской цензуры: ее периодизация и виды // Журналистика и культура. Материалы науч.-практ. конф. Пб., 1993. С. 4–5; История советской цензуры: период комиссародержавия (1917–1919) // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1994. Вып. 1. № 2. С. 82–92.
- ¹³ Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994. С. 17–28.
- ¹⁴ См.: Тюхтин В. С. Отражение, система, кибернетика. М., 1972; Блацберг И. В., Юдин Б. Г. Понятие целостности и его роль в науке. М., 1972; Малиновский А. А. Механизмы формирования целостных систем // Системные исследования. М., 1973; Садовский З. Н. Основания общей теории систем. М., 1974; Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978; Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980; Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании мира. Новосибирск, 1982; Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983; Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М., 1984; Аверьянов А. Н. Системное познание мира. Методологические проблемы. М., 1985; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования М., 1987. С. 159–168; Системные исследования. Ежегодник Всесоюзного научно-исследовательского института и др.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Историография проблемы*

Цензура долгое время оставалась за пределами советской историографии. Понятно, что в обществе, в котором официально отрицалось наличие цензуры, любые попытки изучения даже дореволюционной истории цензурных органов рассматривались как вероятность возникновения нежелательных аллюзий. Именно этим объясняется, что в советское время появилось только несколько специальных работ, посвященных дореволюционной цензуре. Однако и они носили справочно-информационный, библиографический (Л. М. Добровольский¹) и архивно-источниковедческий характер (М. Л. Лурье, Л. И. Полянская²) или касались в большей степени литературоведческих вопросов («Гёте в русской цензуре», «Гейне в русской цензуре», «французские писатели в оценках царской цензуры» и пр.), которые рассматривались в статьях Л. И. Полянской, С. Рейсер, А. Федорова и др.³ Несмотря на их несомненную ценность, эти исследования нельзя рассматривать как продолжение традиции дореволюционной историографии по истории цензуры в Российской империи, представленной такими авторами исчерпывающих исторических полотен как М. К. Лемке⁴, А. М. Скабичевский⁵, П. К. Щебальский, В. Розенберг, В. Якушкин, В. В. Сиповский⁶ и авторами локальных исследований — Н. В. Дризеню (театральная цензура), А. Н. Котовичем (духовная цензура), А. Мазоном (Цензурный комитет)⁷.

Изучение истории советской цензуры отечественными историками началось только в начале 1990-х гг. практически с момента ее ликвидации как в правовом (Закон о печати и других СМИ. 1990 г.), так и в организационном плане (ликвидация Главлита в декабре 1991 г.). Поэтому историография этой проблемы условно разделяется на ту, которая сформировалась до 1991 г., и новейшую, возникшую после 1991 г. Эти две основные группы исследований отличаются друг от

* Раздел включает анализ литературы, выпущенной до 2002 г.

друга существенными особенностями. На первом этапе значительную роль сыграли зарубежные историки, советологи, филологи, исследования которых строились на документах открытой печати зарубежных архивов, многочисленных свидетельствах и воспоминаниях деятелей русского зарубежья. Работы зарубежных авторов, которые первыми приступили к исследованию советской цензуры, надолго определили ключевые подходы и оценки, а также исследовательские направления в области изучения советского общества. Зарубежная историография до 1991 г. представляла собой своеобразный период «изучения России без России».

Условно эту литературу можно разделить на две основные группы. Первая представлена главным образом советологами, исследования которых были посвящены изучению советской политической системы и как ее части — партийно-идеологического контроля и цензуры. Это работы известных авторов: Мак-Ко-Хилла, Р. Пайпса⁸, Р. Такера⁹, С. Коэна, А. Рабиновича, Э. Карра, Д. Боффа, И. Дейчера¹⁰ и др. В трудах Р. Пайпса вскрыты исторические корни российского тоталитаризма и русской революции, одним из элементов которых была сначала царская, а затем большевистская цензура¹¹.

Западные историки и литературоведы обратились к изучению взаимоотношений власти и культуры еще в 1940-х — начале 1950-х гг. В 1947 г., сразу после принятия известных постановлений, была издана книга Г. Ривея «Советская литература сегодня»¹², в 1950-е — начале 1990-х гг. в статьях В. Викери, Р. Домара, Э. Саймонса, книгах Е. Брауна, А. Кемп-Уэлча, В. Викери, М. Харварда, Г. Свайса, М. Слоним, М. Хопкинса и др. рассматривались механизмы политического контроля и управления литературным процессом, деятельность Союза советских писателей¹³.

Вторую группу составляют специальные работы, посвященные советской цензуре и ее партийно-государственной специфике. В них представлен интересный архивный материал, в том числе из документов Смоленского архива о деятельности советских цензурных органов. В этой связи следует упомянуть работы А. Гаева, Е. Симмонса, М. Файнсона, Ш. Фицпатрик, Джона и Кэрол Гаррард¹⁴ и др. Оригинальный архивный материал представлен в статье Е. Симмонса о происхождении литературного контроля¹⁵ и работах М. Файнсона «Цензура в СССР» и «Смоленск при советском управлении» (с хроникой работы местного управления Главлита), написанных на основе материалов Смоленского архива¹⁶.

В изданиях справочно-обобщающего характера также имеются сведения о системе управления и цензуры органами информации. В книге «Пресса в авторитарных странах», изданной международным институтом Прессы, давалась краткая характеристика структуры и деятельности Главлита, Агитпропа и Отдела печати ЦК¹⁷. Достаточно полно представлена ситуация со свободой слова и печати в 1960-е гг. в книге

М. Хопкинса, написанной в том числе по впечатлениям автора от его пребывания в Ленинграде в период обучения на журфаке ЛГУ и позже от работы в советских редакциях¹⁸. В энциклопедии Мак-КроХилла «Россия и СССР» имеются статьи о цензуре и литературном контроле, организованном в партийном и государственном масштабе¹⁹. Информативен справочник Б. Горохоффа «Печать в Советском Союзе», в котором приводятся данные о советской печати, библиографии и системе научной информации²⁰.

В период, когда исследования по цензуре в нашей стране не проводились, зарубежные ученые восполняли этот пробел — успешно проводили научные симпозиумы и конференции, издавали монографии и сборники статей о советской цензуре. Источниками, как и для всей советологии, служили обширные библиотечные фонды, публицистика, воспоминания и свидетельства эмигрантов, документы личного происхождения. В качестве наиболее часто используемых источников выступали сборники Л. Г. Фогелевича, о которых будет сказано ниже, книга А. Гаева²¹. Следует отметить, что, несмотря на независимость, не все зарубежные авторы могли преодолеть влияние пропагандистских задач. Особенно это касается литературы периода «холодной войны». Не удалось избежать этого и авторам теоретического исследования о роли и задачах прессы в тоталитарном обществе²².

В 1969 г. в Лондоне прошел симпозиум, специально посвященный советской цензуре. Тема стала предметом обсуждения зарубежных ученых и советских диссидентов. Итоговые материалы этой конференции были изданы в виде книги «Советская цензура» под редакцией М. Дьюхерста и Р. Фаррела²³.

Качественно новый этап в зарубежной историографии начался с появлением работ американских ученых М.-Т. Чолдин и М. Фридберга, (Университет Иллинойса Урбана-Шампейн)²⁴. Среди исследований этого периода — материалы конференций и симпозиумов по советской культуре, литературе и другим видам искусства, сборники статей и монографии, в которых цензура представлена не как обособленный институт, а как результат многоаспектной деятельности идеологической системы²⁴. Так, в 1989 г. были опубликованы материалы научной конференции «Советское руководство творчеством и интеллектуальной деятельностью», которая проходила в 1983 г. в Вашингтоне. Сложные проблемы взаимодействия творчества с тоталитарной системой власти находились в центре внимания Четвертых международных Сахаровских чтений, состоявшихся в 1983 г. в Лиссабоне. В сборнике докладов под редакцией С. Резника были опубликованы статьи В. Войновича «Три вида цензуры в СССР», Б. Хазанова «Контроль над словом в СССР», С. Черток «Киноцензура в СССР» и др.²⁵ В книге «Красный карандаш: литераторы, ученые и цензоры в СССР» были помещены выступления известных бывших советских писателей и публицистов В. Аксенова, В. Войновича,

А. Синявского и другие материалы мемуарно-аналитического характера, а также конкретно исторический материал, собранный М.-Т. Чолдин, и предметная библиография.

Следует все же отметить публицистический налет и определенную ограниченность исследований зарубежных авторов, которые, несмотря на научную добросовестность в поисках доступных источников, не могли по известным причинам использовать документы советских архивов. Поэтому их работы привлекаются только в той степени, в которой они способны оказать качественное влияние на современный уровень изучения проблемы института цензуры.

Фальсифицированность советской истории заключалась не только в односторонности освещения фактов и оценок, но и в умолчании целого ряда явлений и сторон общественной жизни²⁶, в том числе и данной проблемы. Поэтому мы оставили за пределами настоящего историографического обзора работы, рассчитанные на сиюминутный пропагандистский эффект. Характерно, что те качества, которые снижают научную ценность советского историографического наследия, одновременно наделяют его свойствами источника, отразившего официальную политику и действия власти, идеологическое руководство и контроль за всеми областями общественной жизни, в том числе и научной.

В обширной литературе по истории партии и идеологической работы даются исчерпывающие сведения о руководящей и направляющей роли партии, выполнявшей функции политической цензуры. Особенно подробно это было представлено в работах, посвященных советской и партийной печати (А. К. Белков, Б. П. Веревкин²⁷, Н. М. Кононыхин²⁸, Г. Д. Комков²⁹, И. В. Кузнецов³⁰, В. В. Ученова³¹ и др.) и других средств массовой информации и пропаганды (СМИП) (В. Н. Ружников, П. С. Гуревич, А. Я. Юровский³² и др.). Исследования в области теории пропаганды, истории складывания системы советских средств массовой информации и пропаганды (далее – СМИП), «верного идеологического орудия партии», представляют собой самостоятельное направление, которое было подробно изучено и проанализировано в связи с выявлением механизма идеологического контроля и цензуры печати, радиовещания, телевидения. Основы функционирования СМИП, партийное руководство журналистикой и ее роль в идеологической борьбе были подробно освещены в многочисленных сборниках и учебниках по истории советской журналистики. Например, таких как «Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932» (1966), «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма» (1-е изд., 1961, 2-е изд., 1966), «Телевидение и радиовещание СССР» (1979), «Средства массовой информации и пропаганды» (1984), «Журналистика и идеология» (1985), «Основы радиожурналистики» (1984) и др.³³ В этих исследованиях, несмотря на то, что они давали реальную картину практической организации работы журналистских коллекти-

вов, полностью отсутствовало даже упоминание о цензурных органах. Вместе с тем все специальные работы и разделы по методике редактирования полностью отражают цензурный процесс, поскольку о нем говорится как об «области политической, идеологической работы, связанной с руководством СМПП», а редактор представлен как «коммунист, политический деятель», «боец идеологического фронта»³⁴.

На фоне многочисленной книговедческой и журналистской литературы, посвященной вопросам партийной и советской печати, книгоиздательского дела, выделяются работы А. З. Огорокова «Октябрь и крах русской буржуазной прессы» (М., 1970) и Е. Л. Динерштейна «Положившие первый камень...» (М., 1977), трехтомное издание «История книги в СССР. 1917–1921» (М., 1983–1986), а также многочисленные публикации ежегодника «Книга. Исследования и материалы» и справочник «Архивные материалы по истории книги и книжного дела в СССР. 1917–1977» (М., 1977). В них представлена история становления и развития государственной монопольной издательской системы — Госиздата и параллельного удушения частных издательств.

С другой стороны, многоаспектность, дихотомичность и информативность журналистского текста, в совокупности представляющего отражение реалий действительности, стали предметом как теоретико-методологических исследований по журналистике (Е. П. Прохоров³⁵), так и источниковедческих работ, образовавших в 1970–80-х гг. самостоятельное направление и научную школу. Это направление прошло в своем развитии сложный путь от безоговорочного признания абсолютной достоверности советской журналистики до полного их отрицания. В работах М. Н. Черноморского, А. М. Панфиловой, В. В. Фарсобина, О. Е. Соловьева, И. И. Копотиенко, С. С. Дмитриева и других рассматриваются проблемы анализа текста в зависимости от его жанровой и типологической принадлежности, обстоятельств и целей создания и других особенностей происхождения, но без учета цензурных вмешательств³⁶, в учебнике «Источниковедение истории СССР» под редакцией И. Д. Ковальченко (2-е изд. 1981) в разделах, посвященных периодической печати XVIII — начала XX в. (С. С. Дмитриев), при описании методики анализа содержания и достоверности материалов прессы указывается на необходимость учитывать наличие цензуры. В связи с этим достаточно подробно излагается история цензурных органов, основные этапы и правила цензурного вмешательства в деятельность журналов и газет³⁷. В специальной главе о советской периодической печати (Л. Д. Дергачева) упоминания о цензуре полностью отсутствуют³. Однако при анализе прессы переходного периода говорится о ее «идейной неоднородности», применении «эзоповского» языка авторами буржуазного, «сменовеховского» и «попутнического» направления. Все эти черты, с точки зрения авторов, полностью исчезают в «эпоху победившего и развитого социализма». Несмотря на то что учебник

является отражением идеологической ограниченности исторической науки этого периода, авторам все же удалось с помощью того же «эзоповского» языка, не называя открыто органы цензуры и Главлит, дать точные указания на наличие политической цензуры, которая полностью опиралась на сформулированные В. И. Лениным принципы партийности печати. Таким образом, отсутствие возможности объективно оценивать информационно-пропагандистский процесс восполнялось углублением и совершенствованием методики внутреннего анализа содержания, включая и внеисточниковый анализ.

Особое значение для настоящего исследования имеет наследие Ю. М. Лотмана, основателя тартусско-московской семиотической школы, считавшего, что восприятие художественного текста всегда является борьбой между автором и слушателем. Это соответствует положению об относительности эмпирического наблюдения сложных психологических ходов, заключенных в источнике (А. С. Лаппо-Данилевский).

Двойственная ситуация складывалась в изучении культурологических проблем. Существовала официальная историография по истории советской культуры или, как она тогда называлась, «культурного строительства». Несмотря на общие признаки, исследования в этой области имеют определенную эволюцию и подразделяются на несколько этапов. Работы периода 1930 — конца 1950-х гг. можно расценивать только как образцы пропаганды идей партии, а не в качестве самостоятельных исследований³⁹. Новые возможности открылись перед историками культуры, литературоведами и искусствоведами в 1960-х гг.⁴⁰ Несмотря на идеологизацию исследований, в них уже имеется конкретный историко-архивный материал⁴¹.

Однако даже в обобщающих исследованиях по историографии истории культуры авторы, как правило, ограничивались только поверхностной характеристикой общих проблем культурного строительства, а также отдельных отраслей культуры и искусства⁴². Вопросы идеологической борьбы и контрпропаганды рассматривались односторонне и тенденциозно. Разумеется, это можно расценивать как проявление идеологической ограниченности, поскольку тогда же были и исследования, в которых констатирующая, а не обличительная интонация, повествующая о методах и формах идеологической борьбы советской власти, позволяла все же авторам несмотря ни на что давать объективную картину развития культурной политики. К таким работам можно отнести, прежде всего, книгу С. А. Федюкина «Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу» (М., 1977). В ней сказано о создании Главлита, его функциях и деятельности, приводятся выдержки из циркуляров, ссылки на опубликованные, архивные источники, в том числе из так называемого «буржуазного лагеря». Таким образом, в отличие от подавляющего большинства исследователей, Федюкин признает наличие цензуры в СССР (примечательно, что эта работа, видимо

по цензурным соображениям, не была включена в историографическое исследование Л. М. Зак). Наличие цензуры в СССР признавалось также во 2-м издании БСЭ (1957); в последующих ее изданиях, очевидно также по цензурным соображениям, этот факт полностью отрицался.

Пробелом в историографии можно считать отсутствие институциональных исследований, раскрывающих систему управления и контроля учреждениями культуры, в которых бы показывались механизмы и методы идеологического воздействия. Это отмечалось в статье Л. В. Ивановой «Новый этап в создании документальной базы истории советской культуры», которая была напечатана в коллективной монографии «Культура развитого социализма: некоторые вопросы теории и истории» (М., 1978), посвященной созданию опубликованной источниковой базы по культурному строительству в СССР. В том же постановочно-неконкретном тоне говорится об этом и в коллективной монографии «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917–1927» (М., 1985). Однако, если опустить тенденциозные оценки и подбор источников, то в работах М. Б. Кейрим-Мархуза «Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 — середина 1918 г.)» (М., 1980), Л. А. Пинегиной «Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1932» (М., 1984), М. П. Кима, В. Т. Ермакова и В. А. Козлова «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927» (М., 1985), А. И. Фомина «Культурное строительство в первые годы советской власти. 1917–1920 гг.» (Харьков, 1987) и многих других можно обнаружить сведения о деятельности ЦК и его отделов (Агитпроп, Отдел печати и др.) Наркомпроса, Главполитпросвета и других управленческих структур по руководству культурой.

При общей ограниченности советской историографии, некоторые ее направления получили глубокое развитие, в том числе изучение и истории государственной системы управления. Особое место среди исследований по истории советских государственных учреждений в области литературы занимают работы Т. П. Коржихиной, которые имели не только общеисторическое, но и методологическое значение⁴³. Именно госучрежденческий подход в сочетании с системным анализом, успешно разработанный и применяемый Т. П. Коржихиной, легли в основу некоторых публикаций автора, и прежде всего данного исследования.

Более свободно касались взаимоотношений власти и творческой интеллигенции советские литературоведы и искусствоведы, среди работ которых фундаментальный характер имели исследования Б. Алперса⁴⁴, К. Рудницкого⁴⁵, П. А. Маркова⁴⁶, Г. А. Белой⁴⁷, М. О. Чудаковой⁴⁸ и др. Независимо от общей атмосферы, царившей в издательствах, и самоцензуры авторов, им удавалось сквозь личностное восприятие деятелей искусства и психоанализ передать реальные очертания прошлого, осо-

бенно в исследованиях, носивших историко-биографический характер. В этой связи следует отметить монографии — творческие портреты М. И. Туровской «Бабанова. Легенда и биография» (М., 1981) и Л. Яновской «Творческий путь Михаила Булгакова» (М., 1983).

Таким образом, можно сказать, что до 1990–1991 гг. советские авторы лишь опосредованно отражали в своих работах историю и современные реалии системы контроля и цензуры. Зарубежные исследования этих лет отмечены основательными, хотя и ограниченными в источниковой базе попытками изучить отдельные институты политического контроля и деятельность цензурных органов.

Разработка подлинно научной истории советской политической цензуры стала возможна только благодаря демократическим преобразованиям в государственной и политической системе советского, а затем и российского общества. Правовая (1990 г.) и фактическая (ликвидация Главлита в октябре 1991 г.) отмена цензуры вызвала острую необходимость передачи архива Главлита на государственное хранение в ГА РФ (ЦГАОР СССР) с последующим постепенным рассекречиванием. Кроме этого, были рассекречены не только документы по цензурным вопросам фондов редакций, газет и журналов, электронной прессы и других учреждений культуры, но и значительные документальные комплексы высших органов партийного и государственного управления. Именно последние наглядно демонстрировали механизм управления идеологизированной культурой и информацией на всех этажах власти — от Секретариата ЦК и Политбюро ЦК до первичной партийной организации творческих союзов, редакций, театров и др. Эти документы, ставшие доступными для изучения и анализа, явились источниковой основой для объективного изучения феномена политической цензуры.

Появившаяся в последнее десятилетие литература обладает качественно новым содержанием и исследовательскими подходами, требует иных оценочных критериев. Речь идет о полноценных монографических работах и документальных публикациях (в некоторых случаях даже пофондовых), построенных на исчерпывающей источниковой базе в условиях открытости и доступности.

Работы по истории советской цензуры отразили общие процессы, происходившие в отечественной историографии в этот период. Колоссальные изменения в исторической науке были вызваны тем, что с середины 1980-х гг. наряду с марксистско-ленинской методологией исторических исследований стали утверждаться новые методы и подходы. Решающим фактором этих перемен стали перестройка и гласность, открывшие возможность свободного обсуждения ранее «запретных» тем и имен. Одной из таких тем стала советская цензура. Координирующую и организационную роль в ее изучении сыграли научные конференции, которые состоялись в сентябре 1991 г. в Санкт-Петербурге, в 1993 г. — в Москве и Санкт-Петербурге, в 1995 г. — в Санкт-Петербурге

и Екатеринбурге. Направление, возникшее незадолго до этого и уже начавшее оформляться в самостоятельную научную дисциплину, находящуюся на стыке различных наук, привлекло к себе большое число исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и различных регионов России, объединив их с зарубежными специалистами. Первая конференция по цензуре (1991) была организована Институтом истории естествознания и техники Ленинградского отделения Российской академии наук (ИО РАН) совместно с Ленинградским государственным университетом. На этой конференции впервые встретились историки, политологи, правоведы, журналисты, бывшие цензоры, сотрудники органов госбезопасности. Они обменялись мнениями о перспективах законодательного решения проблем, связанных с государственной тайной, теоретико-исторических исследований по этим проблемам⁴⁹. Конференции 1993 и 1995 гг. проходили при поддержке Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) им. М. И. Рудомино, Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Уральского государственного университета, Свердловской областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского. Существенным их результатом явились подготовленные в ходе этих конференций выставки, тезисы и библиографические каталоги⁵. Такая активная научно-организационная деятельность послужила мощным импульсом для появления целого ряда монографических исследований и научных статей по проблеме цензуры. Это, прежде всего, монографии А. В. Блюма и Д. Л. Бабиченко, сборник документальных очерков «Исключить всякие упоминания...» под редакцией автора. Однако началом нового этапа исследования можно считать первые публикации о цензуре на страницах советской научной периодики, которые появились в 1990 г., в то время, когда их выход еще контролировался действующими цензурными органами (Главлит / ГУОТ). Это статьи автора данной монографии «Журналистика и цензура (источниковедческий анализ радиоматериалов 20–30-х гг.)» в журнале «История СССР» (1990. № 1) и С. Джимбинова «Эпитафия спецхрану?..» в журнале «Новый мир» (1990. № 5).

Если говорить об общем характере новых отечественных исследований, то их объединяет попытка объективного анализа рассекреченных и ранее недоступных архивных документов, раскрывающих структуру, механизм, формы и методы политического давления и регулирования в различных сферах культуры и информации. Характерной чертой некоторых из работ является присущий им обличительный пафос, который было трудно преодолеть на первом этапе в освещении действительно драматических страниц истории противостояния, с одной стороны, и компромисса интеллигенции, с другой стороны. Часто авторы, обращаясь к источникам, освещающим только одну сторону, например функционирование репрессивного аппарата партийно-государственной цензуры, представляют ее механизм однобоко, только

«сверху». В качестве жертв выступают так называемые «объекты цензуры» — журналисты, литераторы, режиссеры и др. Однако отношения творческой интеллигенции и власти были гораздо сложнее и драматичнее. Во многих исследованиях не учитывается, что очень многие решения, имеющие поворотный стратегический характер, принимались под воздействием «снизу». Об этом свидетельствуют многочисленные источники института творческих союзов, созданного для реализации монопольного права, на определение эстетических и этических норм в искусстве, а также многочисленные «обращения» и «покаяния» творческой интеллигенции в ЦК и другие инстанции. Этот механизм, существующий в таком виде именно для внутреннего регулирования литературно-художественной жизни, демонстрирует, что исследования политической цензуры выходят далеко за рамки институционального подхода. Только системный анализ, включающий многообразие сторон, граней и проявлений социальной, культурной и политической сфер жизни, дает возможность объемно представить картину и вскрыть глубинные процессы, в том числе психологические и поведенческие. Этим объясняется необходимость обращения к истории литературно-художественных группировок, которая получит освещение в основной части исследования.

Книга А. В. Блюма «За кулисами “Министерства правды”. Тайная история советской цензуры. 1917–1929» (СПб., 1994) стала первой в ряду монографических исследований «нового» поколения. Она явилась результатом изучения архивных комплексов, доступных к этому времени автору. Это документы из архивов Санкт-Петербурга и Москвы, освещающие деятельность цензурных органов с 1917 по 1929 г. Автор выделил два основных этапа в истории цензуры изучаемого периода. Это 1917–1922 гг. и 1922–1929 гг. Если рубежом первого этапа стало создание Главлита, то границей второго был выбран год «великого перелома». В этом случае целесообразно было бы продлить повествование, поскольку изменения в общественно-политической структуре государства вызвали реорганизацию и цензурных органов в 1930–1931 гг. Однако реальная идеологическая перестройка осталась за пределами книги и не получила должного освещения. Тем не менее те аспекты, которые автор выбрал для демонстрации форм, методов и направлений советской цензуры (цензура литературы, издательская политика, аппарат Главлита и Главрепертком и др.), освещены подробно и доказательно. Даже не ставя перед собой задачу системного анализа, А. В. Блюм, изучая деловую переписку Ленгоробллита 1920-х гг., проследил взаимосвязь деятельности государственных цензурных учреждений с работой высших партийных инстанций и репрессивных органов. Несомненно, эта работа, появившаяся как первый результат изучения архивных документов, стала своеобразным справочником для заинтересованного круга исследователей. И, как первое в этом ряду

издание, она обладала такими качествами, как публицистичность и излишняя эмоциональность.

Практически одновременно с книгой А. В. Блюма вышла монография Д. Л. Бабиченко «Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК» (М., 1994), посвященная идеологическому контролю литературного процесса 1940-х гг. со стороны ЦК партии. Этот период — одна из трагических страниц советской культуры, когда в эпоху послевоенного подъема национального самосознания и единения, возрождения веры в справедливость власти сверху были инспирированы очередные репрессивные кампании, призванные запугать, а значит, и подчинить творческую интеллигенцию. Автор путем тщательного изучения и анализа партийных документов провел тонкое расследование: как, когда и кем конкретно из партийных руководителей готовились в недрах ЦК, его идеологических отделов, постановления второй половины 1940-х гг. Это исследование ценно, прежде всего, в плане демонстрации реальной расстановки сил и возможностей в верхних эшелонах власти, ее механизмов и действия. Так, в результате изучения протоколов заседаний Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК и материалов Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Д. Л. Бабиченко выявил предтечу постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград” (1946), определившего на долгие годы судьбы российской словесности. Автор установил, что идея подготовки такого постановления, а также выбор его «героев», т. е. писателей, которые стали объектами критики и травли, уходят своими корнями в 1940 г., и только война помешала реализовать задуманное. Монография Бабиченко, несмотря на локальность темы и хронологических рамок, благодаря точности и выверенности фактографии и ее вдумчивой интерпретации репрезентативно отражает весь процесс партийного управления страной. Эта же проблема получила освещение и в кандидатской диссертации Бабиченко, в которой представлены основные формы и направления политического влияния и партийного руководства советской литературой в период 1939–1946 гг. (М., 1995).

Практически одновременно вышел сборник документальных очерков «Исключить всякие упоминания...» (Минск; М., 1995), состоящий из самостоятельных публикаций в различных жанрах, от статьи до комментированной подборки документов. Авторы, а среди них были в основном студенты-выпускники Историко-архивного института РГГУ, на основе новых архивных источников представили разнообразную палитру советской культуры, находившейся во власти цензурных органов: литературу, театр, радио, живопись и даже цирк. Кроме того, одна из статей сборника была посвящена истории структурных изменений учреждений цензуры. Очерки явились результатом коллективных усилий, направленных на освоение массива рассекреченных архивных документов с целью подготовки научного издания по истории политической цензуры. Этим и

были обусловлены широкие тематические и хронологические рамки сборника, концептуальный стержень которого составила принадлежность рассматриваемой фактографии к проблеме взаимодействия культуры и цензуры.

Характерной тенденцией развития историографии в 1990-е гг. явилась дальнейшая дифференциация исследований, которые в каждом конкретном случае можно оценить как прорыв в освещении малоизвестной или затуманенной идеологической конъюнктурой темы. Например, работа А. В. Блюма «Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991» (СПб., 1996) посвящена изучению политики государственного антисемитизма. Автор убедительно показывает, что проводимые репрессивные санкции советской цензуры были направлены против писателей и поэтов, пишущих на иврите и идише, и их произведений и нанесли колоссальный ущерб многонациональной культуре страны. Материал в книге расположен в хронологической последовательности, раскрывая позорные страницы истории, в которой, казалось бы, хорошо известные факты и имена в сочетании с ранее неизвестными документальными свидетельствами приобретают новую трактовку.

В том же ключе была выполнена монография Л. В. Максименкова «Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938» (М., 1997). В ней, как указывает автор, на основе изучения архивных документов из партийных фондов, помет и резолюций членов Политбюро, Агитпропа ЦК, самого И. Сталина и его окружения предлагается новая версия сталинской культурной революции 1936–1938 гг. Такой тщательный анализ, напоминающий порой составление сложного мозаичного рисунка, помог автору вскрыть тайные намерения и страсти, которые на поверхности облачались в пристойные формы «борьбы с формализмом и натурализмом в советском искусстве». Автор подчеркивает роль и назначение Комитета по делам искусств при СНК СССР, раскрывает механизм идеологического контроля и многоступенчатой цензуры посредством создания параллельных органов управления культурой. В это системное построение автор вмонтировал сюжеты о, казалось бы, известных «постановлениях» и «делах» оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет», М. Булгакова, В. Мейерхольда, С. Эйзенштейна, Д. Бедного и др., которые несмотря на особенности каждого, были объединены поставленной властью целью «укрощения искусства».

Попытку осмысления цензуры как общественного явления осуществил в кандидатской диссертации молодой ученый из Екатеринбургa И. Е. Левченко⁵¹. Он впервые рассмотрел такие основополагающие функции цензуры, как идеологическая и политическая, их место в политической системе власти. Однако в силу хронологических рамок исследования, ограниченных 1920-ми гг., и базирования работы на местных источниках, она имеет локальное историографическое значение. В статьях и учебном курсе лекций Г. В. Жиркова из Санкт-

Петербургского университета (факультет журналистики) цензура рассматривается в общекультурном контексте⁵².

Определение места и роли института цензуры в политической структуре общества тесно связано с исследованием тоталитаризма, изучению которого посвящены работы западных теоретиков⁵³, а также отечественных историков на материале советской истории⁵⁴.

Большинство исследователей ушло от перестроичных взглядов на тоталитаризм, который связывали в основном с 1930–1940-ми гг. Главным образом, начало тоталитарного периода связывают с годом «великого перелома» (А. А. Данилов, Л. Г. Косулина) или считают, что хронологические рамки периода тоталитаризма полностью совпадают со всем периодом советской власти, поскольку все признаки этой системы определились сразу же после переворота 1917 г. (А. В. Бакунин). В противовес этому мнению Ю. И. Игрицкий считает, что тоталитарным было государство, а не советское общество, поскольку идеология не имела всеобъемлющего характера и не была религией для всех граждан. Вот почему она рухнула при первом же прорыве гласности. При этом Игрицкий полагает, что не на всех этапах советское общество имело тоталитарный характер, оно втягивалось в это состояние постепенно, чередуя периоды с элементами тоталитаризма и авторитаризма⁵⁵.

Наиболее близко к сущности тоталитаризма подошли в своих работах исследователи советской культурной политики. Почти одновременно вышли в свет монографии Т. П. Коржихиной «Извольте быть благонадежны!» (М., 1997) и К. Аймермахера «Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932» (М., 1998), посвященные истории деятельности литературно-художественных группировок 1920 — начала 1930-х гг. Книга Т. П. Коржихиной монументальное исследование, восстанавливающее механизм взаимодействия государственной идеологии и культуры. Мы уже отмечали, что в качестве одной из наиболее эффективных форм управления культурой и искусством использовались общественные творческие организации, которые в результате правовых, кадровых и иных изменений за более чем десятилетний период своего существования были ликвидированы, преобразованы или превратились в послушные средства манипуляции. История блестящего расцвета и заката русской культуры первой четверти XX в. показывает, насколько опасен и разрушителен компромисс интеллигенции с властью. Отдельное место в каждом историческом периоде занимает роль и значение цензурных органов, направляемых из Агитпропа ЦК партии. Монография К. Аймермахера рассматривает деформационные процессы в культуре, прежде всего, в связи с деятельностью Пролеткульта, РАПП, журнала «На посту» — непримиримых борцов за чистоту «пролетарской литературы», выполнявших буферную роль своеобразных цензоров, с помощью которых проводились разделение литераторов на «своих» и «чужих» и их дальнейшая унификация.

Теме «Культура и власть» посвящены монографии Т. Ю. Красовицкой, Т. В. Беловой, сборники статей и статьи в научной периодике⁵⁶. Среди многочисленных работ, отражающих вмешательство политической цензуры в литературный процесс, следует отметить сборник докладов и статей «Госбезопасность и литература на опыте России и Германии» одноименной конференции 1993 г. Его авторы (Е. Эткин, А. Борщаговский, В. Оскоцкий, В. Шенталинский, А. Рогинский, А. Даниэль, А. Приставкин и др.) раскрывают механизмы системы, включающей наряду с партийными и цензурными инстанциями репрессивные органы⁵⁷. Судьбам советских писателей была посвящена специальная серия «С разных точек зрения», в которой вышли монографии ««Доктор Живаго» Бориса Пастернака», ««Жизнь и судьба» Василия Гроссмана»⁵⁸, книга В. Шенталинского о литературных архивах КГБ⁵⁹ и многие другие работы⁶⁰.

Обращение к исследованию механизма подавления в государствах тоталитарного типа было вызвано также стремлением переосмыслить историю Советского государства, постараться разобраться в сущности сталинизма⁶¹. Социологией сталинизма успешно занимались философы и политологи⁶². Появились работы, в которых на основе новых материалов подвергались ревизии основы основ, исследовался генезис механизма власти в системе сталинизма, в частности судьба постановления ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград»»⁶³; политические аспекты сталинской идеологии, выраженной в создании «Краткого курса истории ВКП(б)»⁶⁴, и другие вопросы культуры⁶⁵. Попытки раскрыть механизмы управления культурой без объективной фактической основы приводили некоторых историков к схематичным представлениям об этой системе⁶⁶. Появилась потребность обратиться к истокам российской либеральной мысли, судьбам русской революции, роли и месту цензуры в российской истории⁶⁷. В статьях А. Рейтблата, А. Янова, А. Алтуяна в журнале «Вопросы литературы» проводятся исследования корней и истоков русской революции и ее трагической судьбы, изменившей облик российского общества и государства. Не лишённые в определенной степени субъективизма и излишнего пафоса, характерного даже для научной публицистики этого времени, эти статьи богаты фактическим материалом и ценными авторскими наблюдениями о природе национального менталитета и его склонности к сильной власти. Б. Андроникашвили-Пильняк, В. Н. Дядичев, Г. А. Белая, Ю. Карабичевский продолжают эту тему, но уже на материале советской истории⁶⁸.

Переосмыслению подверглись целые направления культуры. Историко-культурологические и реконструктивные исследования стали наиболее актуальными для всех областей культуры и искусства. Это было обусловлено стремлением восстановить историческую справедливость по отношению к «репрессированному искусству»⁶⁹. Так, искусствоведы и историки искусства наряду с литературоведами предприняли фундаментальные и локальные исследования, основанные на новых

источниках. Не менее интенсивно шла реконструкция истории советского театра, находящегося под особым контролем не только партийных, но и двух цензурных органов Главлита и Главреперткома. В монографиях В. С. Жидкова представлена история театрального искусства вплоть до отмены цензуры в контексте культурной политики⁷⁰. Получило развитие целое направление, под условным названием «полочное кино», яркими представителями которого являются киноисторики и искусствоведы В. Фомин, Е. Марголит, М. И. Туровская, Е. Хохлова⁷¹ и другие. «Наше время потребовало заново, без идеологических шор посмотреть на историю советского кино, опираясь на реальные факты, на документы, хранившиеся прежде за семью печатями. Но не спеша при этом с окончательными оценками и выводами, чтобы не породить новые мифы и идеологемы на место рушащихся и отброшенных», — пишет А. Адамович в предисловии к сборнику статей «Кино: политика и люди. (30-е годы)»⁷². Однако мы убедимся, как склонны тем не менее отечественные историки к мифотворчеству в своих попытках отделить «зерна от плевел», объясняя самим себе и читателям парадоксы советского искусства — «истинного искусства» и пропаганды. Типичным методом для подобных построений является презентизм — наложение современных представлений и мировоззрений на психологию людей прошлого без достаточного учета всех обстоятельств и условий, в которых жили и творили предшествующие поколения. Излишняя эмоциональность и идеологизированность мешает сделать спокойный анализ кинематографического процесса и понять неизбежность того явления, когда в силу прагматической сущности кинематографа и объективности законов отражения действительности, в условиях тоталитарного режима ни одному художнику, включая самых известных и талантливых, не удалось полностью уклониться от натиска тоталитарной идеологии, она так или иначе проникала в их фильмы.

Однако весьма эффективен для анализа советского искусства и кино, в частности, компаративный метод, который применяет М. И. Туровская. В своей статье «Кино тоталитарной эпохи» она рисует шкалу мифов на сравнении двух тоталитарных культур — сталинской и гитлеровской: в дополнении к горизонтам стилистических поисков, свойственных данному этапу кино, тоталитарная система выстраивает свою идеологическую вертикаль, подобную мифологической или сакральной. В этой системе присутствуют: миф вождя, фюрера-бога; миф героя; миф юной жертвы; национальный миф («корни»); миф коллективного единства; миф предателя; искупительный миф; миф врага. «Сакральным первоэлементом для советского кино 1930-х гг. является “культ личности Сталина”», что делает советское кино родственным по набору ценностей кино Германии и Италии времен Гитлера и Дуче — идеологической вертикалью: фюрер, партия, народ. Как пишет Туровская, объектом воздействия этого искусства был повседневный человек, приобщающийся

через массовое действо и культ вождя к идее вечности. Суть подобного кино — сакральность, догмат веры, являющееся не свойствами национального происхождения, а продуктами системы. Разница только в наборе образов: в Германии — «настоящий ариец», в СССР — пролетарий. Един и метод — реализм (в СССР — социалистический реализм), стиль бытового правдоподобия, несмотря на патетику и романтизм⁷³.

Ю. Богомолов считает, что страна превратилась из идеократической в мифократическую: в 1920-е гг. кино развивается как мощный аргумент идеи революции, а в 1930-е гг. — легитимности режима. По мнению автора, у тоталитарной системы существовала надстройка — особый мифомир с парадоксальными законами. И парадокс состоит в том, что идеологические установки выглядят для людей того времени более реально, чем материальная, физическая реальность, т. к. миф является вымыслом в отличие от сказки. Об эффекте восприятия такой сказки, в которой зритель мог наслаждаться самой лучшей в мире властью, где работают, но не устают, где все появляется само собой, не мучаются в поисках истины, где еще в начале фильма ясно, кто отрицательный герой, который непременно будет в финале наказан, говорится в статье Л. Мамонтовой «Модель киномифов в 30-е гг.»⁷⁴.

О специфике кино, которую умело использовали как мощный идеологический инструмент, пишет в своей статье К. Зануси. Он также подчеркивает идентичность кинопропаганды сталинизма и фашизма, говоря о том, что это сравнение стало уже банальностью — настолько оно очевидно⁷⁵.

Принципиальным, с точки зрения исследователей, является изучение и оценка сложившейся в нашей стране к середине 30-х годов системы государственного управления киноотраслью. Следует сказать, что основная масса документов по истории государственного строительства в этой области была относительно доступна (та часть, которая хранилась в фондах РГАЛИ). Поэтому работы, появившиеся в последние годы, были в основном посвящены переосмыслению уже тех документов, которые ранее были введены в научный оборот⁷⁶. Такую оценку пытается дать в своей статье «Сталинская модель управления кинематографом» В. Михайлов. При этом выводы, к которым он приходит, опираясь практически на уже известную документальную базу, прямо противоположны прежним оценкам. Если процессы национализации и централизации рассматривались ранее как создание наиболее благоприятных условий для концентрации кинематографических средств и создания материально-технической базы производства, то теперь Михайлов оценивает это исключительно как идеологический расчет высшего политического руководства страной в создании абсолютно послушной и управляемой системы. Автор делает вывод, что именно И. Сталин, как творец командно-административной системы, стоял во главе создания единого централизованного ведомства по управлению киноделом.

Созданная Сталиным централизованная система управления кино верно служила ему все годы (а потом, заметим, также безотказно и всем его преемникам)⁷⁷. Главным, с точки зрения автора, является подчинение республиканского кино московской бюрократической машине (ранее в историографии этот факт рассматривался как добровольное стремление самих республик).

Безусловно, централизация системы управления киноделом действовала весьма эффективно, однако цензурирование кинематографа также развивалось по мере ужесточения идеологического контроля над всеми сферами общественной и культурной жизни страны. Открытие архивов позволило заполнить «белые пятна» истории советского кинематографа, обнародовать факты репрессий против киносоздателей и их произведений. Одним из важнейших справочников, с точки зрения фактографического обеспечения изучения проблемы, явился подготовленный Е. Марголитом и В. Шмыревым популярный «Каталог советских игровых картин, не выпущенных во всесоюзный прокат по завершению в производстве или изъятых из действующего фильмофонда в год выпуска на экран (1924–1953)»⁷⁸. Каталог включает в себя название запрещенной картины, ее краткое содержание и мотивы ее запрета, а также подтверждающую запрет документацию. Можно согласиться с авторами-составителями этого бесценного издания в том, что подобные книги имеют явное преимущество и выигрывают по сравнению с поверхностными, не лишенными конъюнктуры трудами-однодневками. Проводя работу по сбору сведений о «полочном кино», авторы пришли к выводу, что любой фильм в условиях партийного руководства мог оказаться «полочным», живая жизнь с ее массой непредвиденных и удивительных подробностей вносила хаос даже в условиях партийного государства. Как отмечает в своей статье «Будем считать, что такого фильма не было» Е. Марголит, количество запрещенных картин сталинской эпохи приближается к 100, и трудно назвать кого-либо из общепризнанных классиков эпохи, в чьей биографии не обнаружилось бы запрещенная картина, поскольку все, что не совпадало с канонem, официальным мифом, отсекалось. Откровенно антисоветских картин не могло быть создано по определению — такова была организация производства кинопроизведения. Отсечение вариантов — вот главная функция «полки».

Многочисленны публикации о репрессиях, направленных против кинематографистов. Ведь мало кто раньше знал о том, что «планово и целенаправленно в области кино были в 1937–1938 г. уничтожены почти все организаторы кинопроизводства». А. Латышев в статье «Поименно называть» приводит факты об уничтожении практически всего аппарата Государственного управления кинематографии (ГУКФ) во главе с его начальником Б. Шумяцким, руководства и сотрудников «Мосфильма» и др.⁷⁹

Обобщающий характер имеет монография В. С. Листова «Россия, революция, кинематограф»⁸⁰, в которой он не только объединяет ранее искусственно разделяемые дореволюционный и советский периоды, но и разрушает пограничье между гражданской историей и собственно историей кино, доказывая тем самым их взаимообусловленность. На основе новых источников Листов проливает свет на многие проблемы развития кинематографа в первые годы советской власти, историю становления организационных основ управления киноделом, доказательно отстаивая точку зрения о том, что огосударствление киноотрасли было задумано еще царскими чиновниками, а осуществлено большевиками, при этом, как считает автор, на первом этапе не осознанно. Он указывает, что разруха, гражданская война, отсутствие в руководстве партии и государства компетентных специалистов, которые по достоинству оценили бы кино как современное искусство, доступное массам, едва не погубило российский кинематограф. Однако такая точка зрения отнюдь не противоречит концепции о роли партийно-государственной экспансии и тотальной цензуре кино в период становления и развития тоталитарного режима.

Аналогичные явления отмечаются и в подобных исследованиях, посвященных истории советской науки. Этой теме были посвящены не только многочисленные авторские монографии и статьи⁸¹, но и серия специализированных сборников «Репрессированная наука»⁸².

Важнейшим аспектом изучения системы и механизмов советской политической цензуры является рассмотрение историко-правовых вопросов, связанных с обеспечением демократических основ свободы слова и информации, что предопределило их законодательное решение. Безусловный интерес вызывают работы отечественных специалистов последнего десятилетия⁸³. Отдельную группу составляют современные публикации, отражающие правовые проблемы, связанные с обеспечением свободы слова в России. Определенную роль в разработке темы сыграли работы постановочно-теоретического характера, авторы которых, помимо значения исторического опыта подчеркивали роль правовых гарантий в информационно-коммуникативной среде, и прежде всего гарантий свободы слова СМИ в условиях законодательного запрета цензуры и судебной ответственности за любые попытки ограничения этих свобод. Эти вопросы нашли отражение в публикациях историков-правоведов Ю. М. Батурина и М. А. Федотова, авторов проектов Законов о печати и СМИ (1990, 1991)⁸⁴. Обостренное восприятие этих вопросов, особенно в периоды кризисных ситуаций в обществе, продолжает вызывать повышенный интерес к любым попыткам нарушения законодательных основ или вмешательства в систему распространения объективной информации. Эти вопросы находят отражение не только в общей периодике, но и на страницах специальных изданий, таких как продолжающиеся подготовленные Фондом защиты гласности издания «Законы и практика средств массовой информации» (1998, 1999), еже-

месячный бюллетень «Законодательство и практика средств массовой информации», «Преследование журналистов и прессы на территории бывшего СССР», «Профессиональная этика журналистов»⁸⁵, журналы «Четвертая власть», «Досье на цензуру»⁸⁶ и др.

Исследованию структуры и генетической особенности журналистики обслуживать интересы государства, профессиональной этики журналистов и их роли в удовлетворении информационных потребностей общества посвящены работы Е. Ч. Андрунас. Автор отмечает не только системные особенности современного лоббистского характера власти, но именно нежелание журналистов признать свою зависимость от более либеральных хозяев мешают превратить информацию в подлинный товар на рынке масс-медиа, она остается привычным всем «мощным идеологическим орудием», находящимся под политическим контролем⁸⁷.

Эту же опасность видят в своих масс-медиа и американские исследователи. Р. Макчесней рассматривает влияние концентрации масс-медиа в нескольких глобальных корпорациях как негативное явление, угрожающее демократическим основам американского общества⁸⁸.

В трехтомном исследовании американского социолога М. Кастеллса «Информационная эра: экономика, общество и культура»⁸⁹ представлена картина мира с глобальной экономикой и международным финансовым рынком, функционирование которого привело к формированию метасистемы, принадлежащей даже не элитам национальных государств, а безличным и виртуальным электронным импульсам, в манипулировании которыми принимают участие многочисленные игроки с непредсказуемыми поступками. Эта новая мировая экономика создала новое — сетевое — общество, где место традиционной культуры заняла культура реальной виртуальности. В этой информационной галактике массовые коммуникации, особенно телевидение, стали ареной политической борьбы, от захвата и освоения которой зависят победы на выборах, в военных и политических кампаниях. Современные концепции информационного общества и глобальных процессов трансформации сводятся к тому, что прогноз развития человечества на следующее столетие дать практически невозможно⁹⁰. Исследования Кастеллса, шотландского ученого Б. Мак-Нейера⁹¹, американского специалиста Ф. Вебстера примечательны, прежде всего, тем, что помогают взглянуть на события в России в контексте нового миропорядка, уйдя от идеологически ограниченного детерминизма посттоталитарного переходного периода.

Важной тенденцией, которая проявилась в последние годы как результат интенсивной реализации научно-исследовательских проектов, раскрывающих структуру и механизм политической цензуры, является использование этих знаний для решения конкретно-исторических задач. Типичной, на наш взгляд, является диссертация Л. А. Молчанова «Газеты России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.): Опыт комплексного исследования»⁹², в которой специальная

глава посвящена особенностям функционирования военной цензуры. Значительное место занимает анализ цензурного фактора в докторской диссертации М. П. Мохначевой, посвященной специфической области российской журналистики XIX в. — научно-исторической⁹³. По нашему мнению, особый интерес к цензуре XX в. и та роль, которую она занимала в том числе и в научно-издательской деятельности, привлекли внимание автора к Цензурному комитету и его влиянию на науковтворческую деятельность. Однако и это наиболее характерно для диссертации Л. А. Молчанова, цензура рассматривается в лучшем случае как институт государственной власти, но не как политико-идеологическая система, имеющая закономерные структурно-функциональные особенности. Отсюда и размытость таких основополагающих понятий, как военная цензура и идеологический контроль⁹⁴.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Широта и объем историографической информации напрямую связаны с концепцией исследования: с определением понятия «политическая цензура в СССР», представлением о ее функциях и механизмах, структурных и внеструктурных проявлениях. Отсюда — привлечение литературы из различных областей знания, включая культурологические, социологические, философские, филологические, искусствоведческие исследования, в которых раскрываются общие и конкретные черты и проявления целенаправленного давления, контроля и непосредственных цензурных вмешательств.

Цензура долгое время оставалась вне границ советской историографии; практически исключены были любые попытки изучения даже дореволюционной истории цензурных органов: они рассматривались как стремление провести аналогии с современностью. Именно этим объясняется, что в советское время появилось только несколько работ справочно-библиографического характера по истории дореволюционной цензуры.

Историография истории советской цензуры условно делится на ту, которая существовала до 1991 г., и новейшую, после 1991 г. Эти две основные группы исследований отличаются друг от друга существенными особенностями. На первом этапе, который можно именовать периодом «изучения России без России», значительную роль сыграли зарубежные историки, советологи, филологи, исследования которых строились на всех имеющихся в открытой печати источниках, зарубежных архивах и многочисленных свидетельствах и воспоминаниях деятелей русского зарубежья. Условно эта литература подразделяется на две основные группы. Первая представлена главным образом советологами, исследования которых были посвящены изучению советской политической системы и как ее части — партийно-идеологического контроля и цензуры. Вторую группу составляют специальные работы о советской цензуре и ее партийно-государственном институте. Они основаны на опубликованных источниках о деятельности советских

цензурных органов, публицистике, воспоминаниях деятелей русского зарубежья, документах личного происхождения и архивном материале, в том числе из Смоленского архива. В то время, когда исследования по данной проблеме в нашей стране были невозможны, зарубежные ученые восполняли этот пробел, надолго определив ключевые подходы, оценки и исследовательские направления в области изучения политической структуры советского общества. Несмотря на определенные достижения зарубежных специалистов, их работам была присуща определенная публицистичность и относительная ограниченность, связанные с недоступностью документов из советских архивов.

Советская историография отличалась не только фальсифицированным и односторонним освещением фактов и однобокостью оценок, но и умалчиванием целого ряда явлений и сторон общественной жизни, в том числе и данной проблемы. Обширная обществоведческая литература, не представляющая сегодня научной ценности, является при этом важным источником по данной проблеме, поскольку в ней отражена деятельность системы партийно-государственного управления и контроля за всеми источниками и средствами массовой коммуникации. С другой стороны, в различных областях знания получили развитие теоретико-методологические и методические аспекты анализа текста, в том числе и журналистского, образовав самостоятельное научное направление и междисциплинарную научную школу.

Хотя советской историографии была присуща идеологическая ограниченность, некоторые ее направления получили глубокое развитие, в том числе история государственной системы управления. Советским литературоведам и искусствоведам, несмотря на общую атмосферу, царившую в издательствах, и самоцензуру авторов, удавалось сквозь личностное восприятие деятелей искусства и психоанализ передать реальные взаимоотношения власти и творческой интеллигенции. Таким образом, период до 1990–1991 гг. характеризуется опосредованным отражением в работах советских авторов системы контроля и цензуры.

Особенности исследования института советской цензуры в последнее десятилетие были обусловлены несколькими факторами: правовыми гарантиями, доступностью архивных документов, общественным интересом к данной проблеме. Новую отечественную историографию объединяет попытка объективного анализа рассекреченных и ранее недоступных архивных документов, раскрывающих структуру, механизм, формы и методы политического давления и регулирования в различных сферах культуры и информации. Характерной чертой некоторых из работ является присущий им обличительный пафос и одностороннее освещение проблемы, что связано с использованием источников одной структурной принадлежности и отсутствием системного подхода. Как результат локальных исследований структуры и механизма советской цензуры сформировались две тенденции, определяющие совре-

менный принципиальный подход на базе методологического синтеза различных социологических и философско-исторических концепций. Первая — исследования масштабного характера рассматривают политическую цензуру как один из важнейших элементов политической системы общества и решающий фактор в определении характера и структуры взаимоотношений власти и общества. Вторая — как правило, конкретно-исторические исследования преимущественно культурно-политической проблематики учитывают цензуру в своих концептуальных построениях. Это свидетельствует о том, что в результате интенсивной научно-издательской деятельности отечественных историков в последнее десятилетие проблема цензуры как института и как неперемennого фактора исторического исследования прочно вошла в сферу интересов ученых различного профиля и специализации. Тем не менее до сих пор не было предпринято системного исследования многогранного и двойственного явления политической цензуры с использованием междисциплинарного подхода, который дает наилучший результат для изучения наиболее сложных проблем социально-политической истории.

Реконструкция корпуса источников по истории политической цензуры

Широта и многообразие документального фонда истории политической цензуры вовсе не означают его полноту и информационно-качественный уровень. Практически все изучающие советский период историки сталкиваются с неполнотой и фрагментарностью источниковой базы, связанной с несовершенной системой комплектования архивных фондов и архивными лакунами, возникавшими в результате непредвиденных событий, стихийных бедствий, войн и пр. Одна из наиболее ощутимых информационных лакун по истории политической цензуры в СССР возникла в результате уничтожения важнейшей части фонда Главлита СССР за период с 1922 по 1937 г. По свидетельствам самих сотрудников аппарата Главлита и в соответствии с официальным заявлением руководства Центрального архива Федеральной службы безопасности, она была уничтожена⁹⁵. Во всяком случае, в документах более позднего времени, например в приказе Главлита от 19 апреля 1958 г. о создании экспертной комиссии по работе с архивом учреждения, уже фигурируют такие хронологические рамки фонда — 1938–1956 гг. По широко распространенной версии, документы общего и секретного делопроизводства были вывезены и затем уничтожены НКВД во время массовых репрессий, проводимых в структуре Главлита в 1937 г. Долгие годы была затруднена и подчас невозможна работа с документами партийных фондов, доступных только членам КПСС; было ограничено использование подавляющего большинства фондов органов государственной власти и государственного управления.

Неполнота отражения функционирования цензурного механизма в архивных документах связана также с принципами и методами комплектования документального фонда цензуры: его частичное уничтожение началось еще задолго до 1937 г. Изначально фонд Главлита и учреждений его системы формировался только из организационно-распорядительных документов, не отражая тем самым процесс функционирования цензуры в полной мере. Речь идет, прежде всего, о текстах и рукописях, отклоненных и запрещенных к публикации и распространению. В 1920-е гг. архивные органы пытались каким-то образом отрегулировать сохранность всей документации, в том числе и художественных произведений, подвергшихся цензуре и ею отвергнутых. Об этом свидетельствует, например, ответ из Центрархива РСФСР от 18 декабря 1926 г. на запрос Ленинградского губархбюро, в котором говорится, что «гранки и тексты рукописей, как имеющие следы делопроизводства в виде ремарок сотрудников Гублита и штампов о выпуске в свет, должны быть причислены к архивному материалу». Управление Центрархива просило бюро запросить Главлит, «куда поступают рукописи, запрещенные к печати, и сообщить Центрархиву. Основание: утвержденный протокол Проверочной Комиссии»⁹⁶. Обеспокоенный претензиями архивных учреждений Гублит поспешил разрешить этот вопрос с помощью Москвы, куда 28 декабря 1926 г. был направлен запрос с просьбой разъяснить их обязанности перед Главлитом и перед Центрархивом⁹⁷. Ответ из Москвы был лаконичен и скор. Уже 5 января 1927 г. в Ленинградский Гублит поступило распоряжение: «Гранки и тексты рукописей сдаче в Центрархив не подлежат, их следует уничтожить как секретный материал, утративший свое значение. Что касается циркуляра № 867 от 29 / 111-24 г., то в нем идет речь о материалах уже отпечатанных и выпущенных в свет. Зав. Общим отделом Главлита Ревельский»⁹⁸.

И рукописи уничтожались... Утилизации подвергались уже отпечатанные тиражи книг, «рассыпались» набранные гранки. В результате фонд Главлита представляет собой традиционный по своему составу для советского государственного учреждения комплекс, содержащий управленческую документацию, не отражающий специфику деятельности учреждений политической цензуры.

Официальная история передачи архива Главлита в ЦГАОР СССР началась только в 1967 г. (через 45 лет после создания учреждения фондообразователя), когда в результате экспертизы ценности⁹⁹ были подготовлены и описаны материалы, охватывающие период с 1938 по 1955 г.¹⁰⁰ Заметим, что такое непозволительное промедление передачи документов на государственное хранение объясняется не только сверхсекретностью и особым положением Главлита, но и тем обстоятельством, что ведомственные архивисты испытывали определенные трудности и предпринимали усилия к розыску и восстановлению утраченной части архива¹⁰¹. Когда было получено от КГБ СССР подтверждение о физи-

ческой утрате части архива, планомерная передача документов в ЦГАОР СССР была продолжена. Второе поступление¹⁰² было произведено 14 марта 1973 г. и сопровождалось следующей информацией Главлита: «Одновременно сообщаем, что по характеру включенных в описание документальных материалов доступ к ним в архиве должен быть строго ограничен и право пользования ими должно предоставляться в каждом конкретном случае только с письменного разрешения руководства Главного управления»¹⁰³.

В дальнейшем поступление документов шло относительно регулярно: 23 октября 1973 г. было передано 176 дел за период 1949–1958 гг. (Оп. 1); 26 апреля 1974 г. — 91 дело за период 1956–1963 гг. (Оп. 1); 26 декабря 1974 г. — 165 дел за период 1956–1960 гг. (Оп. 1); 20 января 1977 г. — 58 дел за период 1961–1962 гг. (Оп. 2). Проверка наличия, которая была зафиксирована актом, установила хорошее состояние фонда Главлита, который на это время насчитывал 1129 дел, из них 223 дела по личному составу. В дальнейшем текущие поступления не превышали 30 дел за один раз. Поэтому количественный состав фонда увеличивался медленно: в 1982 г. — 1271 дело, в 1988 г. — 1436 дел и т. д.

Новая страница в истории формирования архивного фонда Главлита началась в 1991 г. В первой половине года на государственное хранение поступило: в июне — 146 дел (за 1976–1981 гг.); в июле — 133 дела (за 1981–1985 гг.) и в конце месяца — 29 дел (за 1986 г.). В связи с упразднением Главного управления по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации (ГУОТ) 6 сентября 1991 г. ЦГАОР СССР принял по акту 289 дел за период 1968–1978 гг. Динамика архивных поступлений вполне соответствовала общему духу начала 1990-х гг.: 14 ноября 1991 г. — 3949 дел за период 1988–1991 гг., 6 декабря 1991 г. — 357 дел за период 1928–1990 гг. (ранний период представлен НСА) и 133 дела Главлита Эстонии за период 1976–1990 гг., 14 апреля 1992 г. — 12 дел за период 1938–1977 гг., 12 октября 1992 г. — 214 дел за период 1938–1977 гг. и 11 мая 1993 г. 589 дел 1981–1991 гг. В конце 1993 г. фонд Главлита насчитывал 5568 дел, а по последней проверке при передаче рассекреченных материалов в хранилище социально-культурного строительства — 5572 дела (Оп. 2–5)¹⁰⁴. С сожалением вынуждены констатировать, что все попытки обнаружить в Центральном архиве ФСБ документальные следы, проливающие свет на историю уничтожения архива Главлита в конце 1930-х гг., остались без результата.

Иначе выглядит история складывания и состав документов архивного фонда Главреперткома¹⁰⁵, хранящегося в РГАЛИ. Первое поступление документов на государственное хранение произошло еще в начале Великой Отечественной войны в первые годы существования Литературного архива. Актом от 3 июня 1942 г., в соответствии с постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723, экспертная комиссия Комитета по делам искусств при СНК СССР, начальник отдела

Литературного архива УГА НКВД СССР Евсеева и уполномоченный ГУРК отобрали архивные материалы Комитета по делам искусств при СНК СССР и архивные материалы Главискусства НКП РСФСР для передачи Литературному архиву на постоянное хранение в количестве 5738 ед. хр. Архивный комплекс представлял следующие виды документации, которые были систематизированы по описям: 1. Материалы секретариата Главреперткома НКП РСФСР (Оп. 1–8, 1926–1933 гг.); 2. Пьесы Главреперткома (Оп. 9 за 1934 г.; Оп. 10 за 1935 г.); 3. Пьесы конкурса драматургов 1935 г. (Оп. 11 за 1935 г.); 4. Пьесы ГУРК (Оп. 12 за 1935–1937 гг.); 5. Материалы секретариата Главискусства НКП РСФСР (Оп. 13 за 1925–1935 гг.). В 1945 г. в ЦГЛА поступили еще три описи пьес Главреперткома. Однако по-настоящему работа по систематизации и научному описанию фонда началась уже после окончания войны. Актом от 25 октября 1949 г. было зафиксировано окончание обработки фонда № 656. Работа по усовершенствованию состава фонда продолжилась и в последующие годы. В результате проведенной в конце 1950-х гг. экспертизы ценности по отборочному списку было выделено к уничтожению 1556 ед. хр., оставлено на постоянное хранение 11 421 ед. хр.

В связи с ликвидацией Главреперткома в составе Комитета по делам искусств и передачей его функций в Главлит Министерство культуры СССР инициировало передачу материалов Главреперткома за 1945–1951 гг. в ЦГЛА. Новое поступление в фонд произошло 11 июля 1958 г. от Комитета по делам искусств СССР за 1937–1953 гг. в количестве 351 ед. хр., а 15 сентября того же года фонд пополнился солидным поступлением от Министерства культуры СССР — 9629 ед. хр. Главреперткома за 1936–1953 гг. На этом формирование фонда практически закончилось, если не считать двух ед. хр. Главреперткома, поступивших в ЦГАЛИ в 1967 г. В результате целевых комплексных экспертиз, проведенных в 1970-х гг., по последним сведениям, представленным в «Путеводителе РГАЛИ», фонд Главреперткома насчитывает 11 463 ед. хр.

По составу этот фонд существенно отличается от фонда Главлита, прежде всего, наличием творческих рукописей, присланных в Главрепертком для получения разрешения на сценическое, кинематографическое или иное воплощение. Полнота хронологического охвата архивными документами деятельности учреждения-фондообразователя, наличие относительно полноценного документационного отражения цензурного процесса, который представлен всеми видами документов, в том числе и объектами цензуры, объясняются различными обстоятельствами. Во-первых, тем, что формирование архивного фонда Главреперткома, происходившее в недрах Наркомпроса РСФСР, шло иначе, чем в Главлите. Функции Наркомпроса как руководящего органа в области литературы и искусства обусловили отношение к творческим материалам (особенно малых и средних форм) в составе его архивного фонда,

которые казались более приемлемыми для архивного хранения, чем книжно-издательская продукция Главлита. Во-вторых, свою роль в сохранности архива Главреперткома сыграло то, что в период 1937–1938 гг. он находился уже в составе Комитета по делам искусств (КПИ) при СНК СССР, где массовые репрессии, затронувшие руководящий состав Комитета, не были сфабрикованы в особое «дело», как это произошло в Главлите. Известную роль сыграло и различие подходов к составу документов фондов, объясняющееся спецификой и направленностью тех государственных архивов, которые курировали эти учреждения: для Главлита — ЦГАОР СССР, для Главреперткома — ЦГЛА. Таким образом, архивные фонды основных цензурных ведомств документированы неравномерно, отсутствует единый научный подход к отбору и экспертизе ценности документов цензуры, имеет место изъятие и уничтожение практически половины архивного фонда.

Аналогичная ситуация складывалась и с формированием архивных фондов культуры и средств массовой коммуникации. Наиболее ярким примером является фонд Гостелерадио СССР. Попытки создать документальную историю советского радиовещания были предприняты еще в 1930-е гг., но организованные в 1933 г., а затем в 1940 г. специальные комиссии по сбору документов ограничились приобретением некоторых архивов на средства выделенные специально для этих целей Радиокomiteетом¹⁰⁶. Сохранившиеся отчеты комиссий свидетельствуют о сложном поиске творческих материалов радиовещания, в первую очередь периода так называемого нефиксированного, «живого» вещания (1924–1928 гг.), когда многие радиопередачи шли в эфир без предварительно написанного текста. Это в основном касается художественного вещания. Передачи общественно-политического характера имели заранее подготовленные тексты, а с 1927 г. в связи с прохождением текстов через аппарат Главлита, отношение к ним изменилось в сторону усиления контроля за их оформлением и сохранением, и началось их регулярное архивное хранение. Сегодня только по некоторым документам и свидетельствам можно представить себе объем и ценность материалов 1920–1930-х гг., собранных в архиве Радиокomiteета к началу войны.

О составе ведомственного архива Всесоюзного радиокomiteета при СНК СССР по состоянию на 27 января 1941 г. свидетельствует таблица, подготовленная по данным заведующей архивом А. Н. Лучниковой, в которой показано увеличение количества микрофонных материалов в зависимости от развития организационных основ радиодела в стране и объема вещания¹⁰⁷.

В первые дни войны Управлением государственными архивами (УГА) НКВД СССР были проведены необходимые мероприятия по подготовке к эвакуации документов государственных и ведомственных архивов. Указанием УГА НКВД СССР от 2 июля 1941 г. в ряде ведомств, находящихся на территории, объявленной на военном положении, были

созданы экспертные комиссии по выделению и уничтожению архивных документов, «не подлежащих дальнейшему хранению»¹⁰⁸. 3 июля 1941 г. в Радиокomiteте была образована комиссия для проверки, отбора и уничтожения архивных материалов по 1941 г. включительно¹⁰⁹.

Вот что вспоминает А. А. Садовский, который в 1941 г., готовя очередной том Полного собрания сочинений В. В. Маяковского, изучал документы в архиве Радиокomiteта: «Работа продолжалась около двух месяцев и оборвалась неожиданно — в связи с началом эвакуации: были получены указания уничтожить все лишнее, ненужное для организации текущих радиопередач»¹¹⁰. Понятно, что под такую формулировку попадали практически все микрофонные материалы, особенно художественного и культурно-просветительного направления. В тяжелые дни октября 1941 г. во время массовой эвакуации центрального государственного аппарата и государственных учреждений из Москвы большая часть архива Радиокomiteта, состоявшая из творческих материалов и некоторых видов делопроизводственной документации, по свидетельствам очевидцев, была сожжена. Это произошло 16 октября 1941 г. во дворе Радиокomiteта, который находился в то время в Большом Путинковском переулке¹¹¹. Многие, пережившие эти дни в Москве, вспоминают, что в городе было необычайно тихо и практически ничего не видно из-за дыма: жгли архивы. Учреждения, чьи коллективы и документацию срочным порядком вывозили в Свердловск и Куйбышев, уничтожали все, что не являлось, по их мнению, перво-степенно важным. Так, сотрудникам Радиокomiteта удалось сохранить только часть организационно-распорядительной документации — приказы по личному составу, штатные расписания и пр. Заведующая архивом А. Н. Лучникова организовала вывоз этих документов в своем личном багаже и багаже своих коллег по Радиокomiteту.

В 1942 г. организационно-методическим отделом УГА НКВД СССР отмечалось, что наряду с большой работой, проведенной в наркоматах и центральных учреждениях по организации «отбора и эвакуации из Москвы наиболее ценных материалов», имеющих научно-историческое и практическое значение, в ряде архивов «было допущено массовое огульное уничтожение документальных материалов, недопустимо организовано оформление выделенных к уничтожению материалов»¹¹². В дальнейшем был предпринят ряд мер по ликвидации этих недостатков и улучшению деятельности ведомственных архивов, в том числе и архива Радиокomiteта. Неудачи комиссий 1930-х гг. по сбору документов, а также события осени 1941 г. послужили причиной утвердившегося среди специалистов мнения о полной утрате документов радиовещания и невозможности их реконструкции¹¹³.

Более благополучно с точки зрения сохранности и полноты выглядят архивные фонды государственных органов управления культурой, созданных во второй половине 1930-х гг., — Комитета по делам

искусств (КПДИ) СССР и Комитета по делам искусств РСФСР. Так, союзное ведомство уже в 1942 г. передало на постоянное хранение в ЦГЛА материалы — пьесы, а также тексты и ноты конкурса по созданию «Гимна Советского Союза», образовав архивный фонд № 962. По свидетельствам архивистов, судьба архива сложилась именно так благодаря первому руководителю КПДИ СССР М. Б. Храпченко, который сразу после его назначения в 1939 г. издал приказ о приведении в порядок архивов Комитета и об обязательной ежегодной передаче в ведомственный архив материалов структурных подразделений. В связи с реорганизацией государственного аппарата в 1953 г. Комитет по делам искусств был ликвидирован. Архив перешел в распоряжение к правопреемнику Комитета — Министерству культуры СССР. Часть документов сохранилась в Главном архиве министерства, например, личные дела сотрудников, но большая часть (около 50 тыс. дел) была перемещена в помещение Центральной театральной библиотеки и долгое время оставалась без всякого внимания. Министерство культуры СССР выделило средства на обработку архивных документов, но их оказалось недостаточно, и в 1957 г. по разрешению ГАУ СССР документы КПДИ СССР из помещения библиотеки были перевезены в ЦГАЛИ СССР, где в течение ряда лет подвергались научно-технической обработке. Следующее поступление состоялось в конце 1960–1970-х гг. уже из Центрального архива Министерства культуры СССР. Согласно последней проверке наличия документов, проведенной в 1982–1983 гг. в фонде № 962 КПДИ СССР значится 22 описи, в которых зафиксированы 15 635 дел. Большая часть документов КПДИ СССР (22 149 дел) хранится в фонде № 656 Главреперткома, документы которого частично «поглотили» и таким образом «размыли» целостность архивного фонда КПДИ СССР. Однако главным является сохранение документов, а где и в каких фондах и коллекциях они будут храниться, не имеет принципиального значения.

Таким образом, архивные фонды основных цензурных ведомств отличаются неполнотой и фрагментарным отражением их деятельности. Эта ситуация превращает проблему реконструкции корпуса источников по истории советской политической цензуры из задачи данного исследования в архивно-эвристическую проблему, выходящую далеко за его рамки и имеющую самостоятельную научную значимость.

Проблема реконструкции архивного фонда является одной из актуальных вот уже на протяжении нескольких десятилетий. Смысл реконструкции — не просто найти некоторое количество документов определенного учреждения или лица, а попытаться установить между ними связь, поскольку «информационный потенциал фонда, по-видимому, всегда больше суммы информации документов, составляющих данный фонд». Поэтому задачей историка-архивиста или археографа является установить качественную закономерность образования данного фонда и поддержать его целостность. Раздробление фонда генетических и

структурных связей — нарушает эту целостность, чем «вынуждает историка выполнять дополнительную трудоемкую работу по его реконструированию»¹¹⁴.

По мнению В. Н. Автокротова, «задача восстановления всего комплекса утраченной документации и не должна ставиться. В каждом конкретном случае необходимо выявить лишь ту часть документов, которая дает ответ на поставленные исследователем вопросы. Тем более что существуют и другие виды источников по истории фондообразователя, не имеющие никакой генетической связи с его фондом: эпистолярная литература, воспоминания, публицистические произведения и т. д.»¹¹⁵. Дополнительные преимущества возникают при обеспечении взаимосвязи фондов личного происхождения между собой и фондов личного происхождения с фондами государственных учреждений¹¹⁶. Только в совокупности тех и других исследователь создает необходимый для работы круг источников¹¹⁷. Сущность и наполнение современного исследования должны включать в себя системный анализ общих ситуаций, связанных с коммуникациями, в которых личное общение и письменный текст представляют различные варианты. Лишь в системном отношении к ситуации в целом (культурной, коммуникативной) возможно более точное изучение источника, раскрытие истинных функций и, следовательно, его интерпретация и реконструкция реалий прошлого¹¹⁸.

Реконструкция корпуса источников по истории советской политической цензуры решала две основные задачи. *Первая* задача заключалась в воссоздании механизма идеологического, административного управления и контроля высшими партийными и государственными органами. *Вторая* состояла в реконструкции архивной лакуны, образовавшейся в результате уничтожения архива Главлита в конце 1930-х гг. Для этого был применен традиционный в отечественном архивоведении институциональный (или госучрежденческий) метод, который подразумевает разыскание документов интересующего фондообразователя в фондах учреждений следующих групп: 1) осуществляющих руководство отраслью; 2) находящихся в его подчинении; 3) осуществляющих сопредельные по общности функции и имеющие общие объекты деятельности.

С этой целью было предпринято выявление документов в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Центре хранения современной документации (ЦХСД), Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РГАСПИ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Центральном архиве ФСБ (ЦА ФБС), Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ).

Важнейшими хранилищами документированной фактографии, воссоздающей идеологическое руководство всеми областями культуры, в том числе и цензурными органами, являются бывшие партийные архивы. В качестве демонстраций информационных возможностей документальных комплексов партийного происхождения наибольший интерес представляет Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ – б. ЦХСД), поскольку этот архив, существующий относительно недавно¹¹⁹, не имеет ни путеводителя, ни традиционно развитого НС А. Работа с материалами архива очень сильно связана с особенностями партийного делопроизводства, элементы которого являются, по сути, единственным ключом в процессе поиска документов. Важным обстоятельством является то, что документы съездов, конференций, пленумов ЦК, Президиума (Политбюро) ЦК КПСС и другие важнейшие источники хранятся в Архиве Президента РФ, бывшем Архиве Президента СССР, больше известным как Кремлевский, или Сталинский, архив. Поэтому можно сказать, что партийный фонд разделен не только на две хронологические, но и на две «содержательные» части с различными формами собственности: государственной и «ведомственной»¹²⁰.

Итак, в РГАНИ материалы по теме были выявлены в следующих фондах:

– Фонде пленумов ЦК КПСС (Ф. 2), в котором хранятся документы Июньского пленума ЦК КПСС 1963 г. (18–1 июня), знаменитого пленума по идеологии, сыгравшего решающую роль в торможении демократических процессов в обществе;

– Фонде Бюро Президиума ЦК КПСС и Президиума ЦК КПСС (Ф. 3) 1953–1986 гг., в котором сохранились постановления о руководстве различными областями культуры, о деятельности органов государственной власти. Например, такие судьбоносные документы, как Постановление «О мерах по улучшению руководства развитием художественной кинематографии» от 19 июля 1962 г., Постановление Политбюро ЦК КПСС «О реорганизации Главлита» от 18 августа 1966 г., Постановление Политбюро «О преобразовании Гостелерадио СССР» от 12 июля 1970 г., документы о партийном руководстве деятельностью творческих союзов, созыве съездов творческих союзов (например Съезда художников СССР 7 января 1963 г.), о партийном руководстве отраслями культуры и искусства (например, о беседе в ЦК КПСС с деятелями литературы и искусства от 10 декабря 1962 г., об упорядочении издания газет и повышении их роли в коммунистическом строительстве и идеологической работе партии от 25 апреля 1969 г. и др.), а также документы, касающиеся отдельных выдающихся деятелей культуры, например В. Гроссмана, Б. Пастернака, И. Эренбурга и др.;

– Фонде Секретариата ЦК КПСС (Ф. 4) 1953–1970 гг. – подразделения ЦК, где рассматривались и принимались решения по важнейшим

кадровым вопросам, а также всем ключевым проблемам, связанным с организацией культурной и творческой жизни: организацией фестивалей, конкурсов, выставок, гастролей, изданием зарубежной литературы, утверждением репертуара драматических и музыкальных театров и пр.;

– Фонде Отдела культуры ЦК КПСС (с 20 декабря 1962 г. – Идеологический отдел (Ф. 5) – 1953–1970 гг., где по функциональному признаку сконцентрированы различные виды документов о развитии советской культуры до и после XX съезда партии: о борьбе за «чистку» рядов в творческих организациях, о деятельности Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства, о совещаниях по вопросам социалистического реализма и литературной критики, об улучшении дела литературного перевода, о работе литературно-художественных журналов и газет, о некоторых «нездоровых» явлениях в Московской и Ленинградской писательских организациях, разборы конкретных произведений (Б. Пастернак, В. Дудинцев, Э. Казакевич, В. Кочетов и др.), о переписке Б. Полевого с американским писателем Г. Фастом, о явлениях «формализма» в живописи и музыке, о положении советской оперы и др. В этом же фонде собраны многочисленные факты деятельности тех учреждений и ведомств, которые входили в систему управления Отделами ЦК: центральных и местных газет, журналов и издательств, телевидения и радиовещания, инновационных, звукозаписи и граммофонной промышленности, театра и кинематографа, прокатной и репертуарной политики и, конечно, Главлита и его системы.

– Фонде Бюро ЦК КПСС по РСФСР (Ф. 13) – 1956–1966 гг., решения которого были направлены на идеологическое руководство учреждениями культуры в республике. Так, например, за выпуск Калужским областным книжным издательством сборника «Тарусские страницы», не включенного в план издательства и содержащего «ряд произведений не только слабых в литературно-художественном, но и порочных в идейном отношении», был уволен директор издательства и проведена чистка в творческой организации литераторов области.

– Фондах Идеологических комиссий, Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей (Ф. И) – 1958–1961 гг. и Идеологической комиссии при ЦК КПСС (Ф. 72) – 1962–1966 гг., по сути являвшихся главными цензурными органами, которые определяли всю культурную политику в стране.

Вторая задача, связанная с реконструкцией утраченной части фонда Главлита, решалась с помощью выявления документов в фондах Наркомпроса РСФСР (ГА РФ. Ф. А-2306), Главреперткомма (РГАЛИ. Ф. 656), Главискусства (РГАЛИ. Ф. 365) и других за период 1922–1938 гг. Однако наибольший результат дали фонды ЦГАЛИ Санкт-Петербурга, в которых, как оказалось, помимо внутренних документов сохранилась обширная деловая переписка с Главлитом, Главреперткомом,

Наркомпросом и другими московскими учреждениями. Это, прежде всего, фонд Ленинградского губернского отдела Главлита НКП РСФСР (Ф. 31 (2831), 1922–1927 г.), фонд Ленинградского отдела по делам литературы и издательств Ленисполкомов (Ф. 281 (5984), 1927–1935 г.) и фонд Управления по охране государственных тайн в печати Ленинградских областных и городских исполкомов (Ф. 359 (9785), 1939–1976 г.). В этих фондах, помимо отчетов и докладов о работе гублита и издательств, результатах обследований работы типографий, докладов цензоров по контролю за изданиями и радиовещанием, различного рода переписки об открытии издательств, работе редакций, контролю за репертуаром, отправке рукописей и кинофильмов за границу, сохранились многочисленные запретительные списки литературных, музыкальных произведений, а также списки разрешенных и запрещенных кинофильмов и грампластинок. Однако наиболее ценными для нас оказались циркуляры, распоряжения и приказы Главлита, а также большое количество методических материалов, которые в виде обязательной рассылки поступали в Ленинградский гублит. В результате в фондах Ленинградского гублита и Леноблгорлита за период с 1922 по 1938 г. сохранилась весьма представительная коллекция документов Главлита, которая в достаточной степени отражает основные направления, формы и методы цензуры в этот период, а также деятельность самого Главлита.

Для того чтобы оценить значение фондов ЦГАЛИ Санкт-Петербурга для реконструкции утраченной части фонда Главлита, стоит сравнить их, например, с профильным фондом Мосгублита (Ф. 4405), который хранится в ЦГАМО. Документы фонда охватывают период с 1923 по 1929 г. и представляют собой всего 10 дел, состоящих из выборочных материалов исключительно местного значения за различные годы: протоколов заседаний уездных бюро ЦК РКП(б), Художественных советов при МОНО, переписки с издательствами, отчетов уездных инспекторов по делам печати и зрелищ, планов и отчетов МОНО и др. Представляют определенный интерес лишь два дела. В первом (Д. 8) хранятся отзывы о постановках в театре им. Мейерхольда и «Экспериментальном театре» (1926 г.); во втором (Д. 10) — рукопись сборника материалов и методические указания по организации праздника в деревенских школах I ступени, подготовленная издательством «Советская школа» (1928–1929 гг.). Это свидетельствует о том, что формирование фонда Мосгублита происходило только с учетом местной специфики, и документы «центра» в нем не отложились, как можно предположить, по причине территориальной близости к нему.

Значительно более сложные цели и задачи стояли в связи с реконструкцией материалов по истории советского радиовещания, одного из мощных информационно-пропагандистских средств, подвергнутого массированному воздействию политической цензуры. Поскольку такого рода задача имеет выраженную специфику и впервые решается

в отечественной историографии, она заслуживает подробного описания. В первые годы развитие радиовещания как нового средства коммуникации сопровождалось устойчивым мнением в профессиональной среде, что слово, сказанное в эфире, — это воробей, выпущенный на волю: выпустишь — не поймаешь. И в некоторой степени это действительно было так. Но только в некоторой. В силу своей природы радио тяготеет к эмоционально-образному общению со слушателем, воздействуя на аудиторию комплексом выразительных средств, свойственных звуковому отражению действительности (речь, музыка, шумы и др.)¹²¹. Это определяет своеобразие текстов радиопередач. Система документирования на радио, а также практика цензурирования и редактирования радиоинформации, которая складывалась не один десяток лет, и принятая до недавнего времени предварительная звукозапись радиопрограмм в основном определили и характер творческих архивов советского радио¹²², в архивах тексты хранятся в микрофонных папках и полностью отражают ту информацию, которая была передана в эфир. Они содержат заранее подготовленные дикторские тексты с окончательной редакторской правкой и «расшифровки» документальных звукозаписей. Имеются обозначения особенностей акустического фона (речь, музыка, шумы), использования музыкальных и художественных произведений. В состав реквизита микрофонной папки включены следующие данные: жанр, название и автор радиопередачи, участники и исполнители, наименование редакции и отдела, планируемое и фактическое время выхода в эфир, фамилия дежурного выпускающего редактора, дикторов и уполномоченного Главлита, объем радиопередачи и отметки о прохождении ее в эфир (например: «Передача прошла целиком и в срок»).

Однако говорить о полноценной источниковой базе истории отечественного радио нельзя. Долгое время даже создание документальной истории радиожурналистики считалось невозможным: исследования осуществлялись на основе отчетной документации и на материалах ведомственной периодики; источниковеды и археографы не предпринимали попыток планомерного поиска, анализа и использования источников.

Микрофонные тексты и фотодокументы — две взаимосвязанные части документального фонда советской радиожурналистики. Тем не менее исторически сложились две самостоятельные и не зависящие друг от друга системы комплектования и организации хранения письменных и звуковых документов радиовещания в ведомственных и государственных архивах. Остановимся на краткой истории формирования звукового фонда, который является уникальным источником звуковой культуры 1930–1940-х гг., прошедшей через многоступенчатый политический контроль и цензуру. Появление и развитие электромагнитной записи на рубеже 1920–1930-х гг. и широкое ее применение в радиовещании, организация фабрики «Радиофильм» и бурный успех ее первых работ (радиофильмы: «В шеренгу гигантов» — об открытии завода АМО,

режиссер В. С. Гейман; «Москва в годовщину Октября» — о параде на Красной площади 7 ноября 1931 г., режиссер А. Г. Разумный; «Великий день» — о праздновании 1 Мая 1932 г., режиссер В. С. Гейман и др.) обусловили создание в 1932 г. Центрального государственного архива звуковых записей¹²³.

29 сентября 1933 г. в структуре Радиокomiteта был образован специальный сектор звукозаписи и телевидения, в задачу которого входила «организация во всесоюзном масштабе звукозаписи с использованием всех достижений современной советской и зарубежной техники (запись на пленку, грамдиск, бумагу, металл и др.) и привлечением к делу звукозаписи лучших специалистов и исполнителей». С развитием радиовещания расширялась тематика звукозаписи, повышался исполнительский уровень, чему способствовала деятельность художественного совета, выделение из структуры фабрики звукозаписи цеха «Шоринофон»¹²⁴ и т. д. Вместе с тем усиливались политический контроль и цензура за содержанием звукозаписей как на этапе их создания, так и на этапе хранения. Это привело к необоснованному уничтожению ценнейших общественно-политических и художественных звукозаписей 1930–1940-х гг.¹²⁵ Официально были признаны «не имеющими художественной ценности» и уничтожены по политическим причинам более 400 ед. хр., относящихся к 1937–1940 гг.¹²⁶ Таким образом, ряд причин — распыленность или отсутствие микрофонных текстов в условиях «живого вещания» начального периода развития радиовещания, неудовлетворительное состояние ведомственного хранения текстовых и звуковых документов, уничтожение большинства звукозаписей в конце 1930-х гг., гибель части архива во время эвакуации Радиокomiteта в октябре 1941 г. и др. — привели к тому, что в фонде Гостелерадио СССР за 1933–1970 гг., насчитывающем более 23000 дел, полностью отсутствуют творческие материалы 1930-х гг., а фотодокументы этого периода, сохранившиеся в РГАФД, исчисляются несколькими десятками единиц хранения.

О содержательной стороне фонодокументов говорить не приходится: все они выдержаны в строгих идеологических рамках и отражают официальную звуковую версию советской истории¹²⁷. Для воссоздания утраченных в результате некачественного комплектования материалов и заполнения архивной лакуны потребовалось, применив традиционные методы, разработать специфическую методику реконструкции.

Реконструкция источниковой базы по истории политической цензуры ведущего пропагандистского канала, радиовещания, проводилась в двух направлениях. *Первое*, традиционное, заключалось в просмотре фондов тех учреждений, которые в различные периоды осуществляли идеологическое и организационное руководство радиовещанием. *Вторым* направлением, методика которого была специально разработана для данного исследования, являлось создание «макета эфира» в

виде описи программ радиопередач. Полистный просмотр ряда фондов позволил выявить следующие комплексы документов. В фонде РОСТА при ВЦИК¹²⁸ были найдены документы самого раннего периода истории советского радиовещания 1918–1924 гг.; радиотелеграфные сводки и радиовестники, краткая информация всех отделов РОСТА (официального, иностранного, литературного и театрального, московского и др.) о действиях и распоряжениях советского правительства, о ходе гражданской войны, о международном и внутреннем положении Советской страны; несколько выпусков, в том числе первый, «Радиогазеты РОСТА»; по описи секретариата председателя в деле о выплате гонораров найдены тексты устной газеты РОСТА за 1922 г.¹²⁹ В фонде ТАСС был выявлен комплект выпусков радиогазеты за 1924–1928 гг., куда входят сотый, тысячный номера «Радиогазеты РОСТА», первые номера «Утренней» и «Рабочей» радиогазет, являющихся этапными в развитии радиогазеты — основной формы радиопропаганды начального периода регулярного радиовещания 1924–1932 гг.¹³⁰ В фонде ЦК профсоюзов работников искусств наряду с резолюциями, планами и отчетами Акционерного общества «Радиопередача», Радиосовета и Радиокomisсии Агитпропа ЦК ВКП(б) были найдены тексты радиовечера и радиопереклички 1930 г.¹³¹; в фонде Наркомпроса РСФСР вместе с многочисленной делопроизводственной документацией (положения, уставы, протоколы, переписка и др.) — тексты статей и бесед, подготовленные специально для радио¹³².

Были просмотрены фонды органов управления отраслями промышленности и сельского хозяйства, имеющих культурно-просветительные отделы для пропаганды передового опыта в печати и на радио. Обнаружены тексты радиопередач, планы издательств, сценарии художественных и научно-популярных кинофильмов профилирующей тематики, которые присылались в соответствующее ведомство на визу. Так, в фонде Колхозцентра¹³³ выявлены тексты радиобесед, докладов, радиоперекличек, документы об организации радиопоходов и др. Самые ценные находки — стенограммы всесоюзных радиоперекличек по ликвидации неграмотности и по вопросу размещения «Займа второй пятилетки» за 1933 г. в деревне в культмассовом отделе фонда ВЦСПС.

Учитывая специфику создания документов, представляющих историю художественного, в частности литературного, вещания, мы обратились к источникам, хранящимся в РГАЛИ. Копия выступления у микрофона, рассказа или очерка, написанных по заказу радио, практически всегда оставалась в личном архиве автора. Были просмотрены личные фонды писателей, актеров, режиссеров, композиторов и других деятелей культуры, сотрудничавших в 1920–1930-е гг. на радио. Этому предшествовала большая подготовительная работа по определению списка личных фондов — изучение литературы, периодики, а главное «Радиопрограмм», которые дали фактическую картину авторского

состава радиоэфира. Работа в личных фондах и частных архивах дала наибольшие результаты по выявлению творческих материалов, главным образом 1930-х гг.

Самые ценные сведения деятельности Радиокomiteта как государственного учреждения отражаются в организационно-распорядительной документации, которая отложилась в подлинниках и копиях в ведомственном архиве Гостелерадио СССР с 1924 по 1985 г. Эти материалы важны не только тем, что дают четкое представление о структуре и деятельности Радиокomiteта, но и тем, что содержат сведения об организации новых программ и передач, авторском и редакторском составе отделов и редакций, участии известных режиссеров, музыкантов и актеров. Кроме того, приказы о поощрении лучших радиопрограмм, сведения об их авторах и участниках являются основой для дальнейшего поиска материалов в других архивах или изданиях. В силу специфики деятельности в бытность Гостелерадио СССР Главной редакции писем и социологических исследований — научно-методического кабинета и отдела, Центра научного программирования в них отложились подлинные и копияные документы по истории советского радиовещания с 1918 г. Особую ценность представляют стенограммы заседания руководящего состава Радиокomiteта, его актива, Художественно-музыкального совета, содержащие интересные сведения о развитии радиожурналистики, о зарождении новых методов и форм агитации и пропаганды на радио, о создании звукового фонда художественных радиопрограмм, планы и отчеты, программы радиопередач, материалы научно-методического отдела, вырезки из газет и журналов, отдельные микрофонные тексты и др. Эти документы длительное время находились на ведомственном хранении на том основании, что необходимо их постоянное использование в практической работе. К сожалению, должный учет и условия хранения не были им обеспечены. В результате определенная часть документов была утрачена (расхищена или выброшена, особенно во время неоднократных переездов). Несколько лет назад документы этого ведомственного фонда были обработаны и описаны специалистами ГА РФ, а затем наиболее ценные из них переданы на государственное хранение в ГА РФ и влились в фонд Гостелерадио.

Реконструкция творческих материалов с 1917 по 1930 г. шла через выявление в фондах центральных государственных архивов, которые, как известно, были во время войны эвакуированы и тем самым спасены. Что касается документов периода 1930-х гг., то как уже отмечалось, они были уничтожены в ведомственном архиве Радиокomiteта. Фонодокументы РГАФД и Телерадиофонда РФ¹³⁴ — основных хранилищ фонодокументов — ни по количественным, ни по качественным характеристикам не дают представления о развитии радиожурналистики 1930-х гг. Сохранились в основном звукозаписи трансляций пропагандистских событий, репортажи, выступления митингового

характера. Отсутствуют материалы аналитических и художественно-публицистических жанров (статьи, комментарии, радиоочерки, радиорассказы, радиокomпозиции, радиопьесы и др.), событийные радиорепортажи, фиксирующие повседневную жизнь.

Для реконструкции этого пробела была выработана специальная методика, которая заключается в создании «макета эфира» на основании программ радиопередач¹³⁵. Это позволяет репрезентативно представить содержание вещания по всем его основным направлениям, жанрово-тематической принадлежности, пропагандистской направленности, поскольку включенные в программу радиопередачи были утверждены цензурными органами и политконтролем.

Нами были проанализированы ежедневные программы радиопередач за период 1934 — 22 июня 1941 г. Цель исследования — создание описи радиопрограмм (фактически единственного достоверного источника по данному периоду), с одной стороны, определяющей структуру и содержание радиовещания 1930-х гг., с другой стороны, являющейся своеобразным путеводителем в поисках микрофонных текстов. Основные критерии отбора радиопередач для описи — общественно-политическая значимость в отражении периода; место материала в истории радиожурналистики (учитывалась популярность передач, их жанровое своеобразие, новые приемы в организации материала, технические новшества, премьеры, получившие большой отклик); вероятность обнаружить текст радиопередачи в фондах личного происхождения или в опубликованных изданиях; авторская принадлежность (не только автор текста, но и режиссер, участники или исполнители).

«Радиогазета» и «Радиопрограммы» 1930-х гг. содержат огромный фактический материал по истории радиовещания. Уникальную информацию о несохранившихся радиопередачах несут в себе отклики радиослушателей, статьи радиожурналистов — создателей радиопередач, рецензии и обзоры. 30 ноября 1934 г. радио впервые организовало репортаж со дна Черного моря о работе водолазов. Анализ этой передачи («Радио из черноморских глубин») с подробным ее описанием и частичными цитатами из нее содержится в двух больших статьях А. Ксандера и С. Третьякова «Актуальникам надо расти». Корреспондент «Последних известий» В. Ардаматский писал о прямых трансляциях из Испании митинга трудящихся в связи с гибелью советского теплохода «Комсомол», концерта-митинга в театре Мадрида «Кальдерон», о выступлении делегации бойцов Народного фронта Испании и др.

Особый интерес представляют материалы по истории звукозаписи, с помощью которых было проведено выявление наиболее значимых фонодокументов. Информация о дате звукозаписи, ее точном названии, авторах и создателях не только имеет самостоятельную ценность, но и помогает в их разыскании. Так, например, 17 апреля 1935 г. в 20 ч 30 мин. (объем вещания 1 час) состоялась премьера радиоспекта-

кля «Каменный гость» А. С. Пушкина в постановке В. Э. Мейерхольда (музыка В. Я. Шебалина, исполнители — З. Райх, М. Царев, Н. Зайчиков и др.), в сопровождении концертного ансамбля под управлением Е. Сенкевич¹³⁶. На премьеру в студию приехали Ю. Олеша, С. Прокофьев, известные писатели, музыканты, ученые-пушкинисты. Радиоспектакль получил большой резонанс. По «Радиопрограммам» было установлено, что с апреля 1935 г. по июнь 1936 г. «Каменный гость» прозвучал в эфире в живом исполнении девять (!) раз.

В одном из исследований жизни и творчества В. Э. Мейерхольда отмечается, что ни одна из его радиопостановок не была записана с помощью звукозаписывающей аппаратуры¹³⁷. Но «Радиопрограммы» от 11 июня 1936 г. пишут о подготовке к записи на тонфильм нескольких опер и спектаклей, в том числе и «Каменного гостя»¹³⁸, а 6 августа в 16 ч его запись прозвучала в эфире. По значению установление факта звукозаписи не может быть приравнено к нахождению самого источника, но может послужить обоснованным поводом для его обнаружения¹³⁹.

Исходя из данных аналитической таблицы, была составлена поисковая таблица, в которой указывались предполагаемые места хранения, а также список писателей, актеров, режиссеров, сотрудничавших в этот период на радио. Только после этого, имея все необходимые данные для поиска, мы обратились к фондам РГАЛИ, где содержится наиболее интересный и разнообразный материал по истории отечественной культуры, в том числе и радиовещания. В результате проведенной работы было установлено, что документы по теме хранятся в 10 фондах государственных и общественных организаций и в 213 фондах личного происхождения¹⁴⁰. Обширные распорядительная документация и деловая переписка содержатся в фонде Главискусства Наркомпроса РСФСР (Ф. 645); отдельные материалы — в фондах Союза писателей СССР (Ф. 631), Общества друзей кинематографии (Ф. 2945), некоторых театров — ГОСТИМ (Ф. 963), Государственного Камерного театра (Ф. 2030), Театра Революции (Ф. 655) и др.

Художественное радиовещание всегда было представлено лучшими силами советской официальной культуры и искусства, а о его авторском составе свидетельствует приложение № 3.

Среди выявленных документов — следующие виды источников: договоры творческих работников и деловая переписка с центральными и местными органами руководства радиовещанием, письма радиослушателей с отзывами о прослушанных радиопередачах, материалы биографического характера (автобиографии, биографии, интервью, воспоминания о работе на радио, изобразительный материал) и, конечно, творческие материалы — микрофонные тексты радиопьес, радиопередач, выступлений, бесед и пр. Так, в личном фонде А. В. Луначарского была выявлена его радиоколлекция «Культура СССР и значение радио»¹⁴¹, в фонде режиссера В. Д. Маркова — радиоконпозиция «Гармонь», радиоочерк «Из окна ваго-

на», радиобуффонада «Корона», план радиопереклички «Лагерный сбор социалистической обороны» и др.; в фонде артиста Д. Н. Орлова — радиочерк С. П. Злобина «Сказка про Московское метро»; в фонде В. Э. Мейерхольда — режиссерские экземпляры (с режиссерскими экпликациями) радиопостановок «Каменного гостя» и «Русалки», интервью для радиопередачи о спектакле «Свадьба Кречинского»; в фонде Э. П. Гарина — 15 радиоконпозиций, поставленных и исполненных им в 1930-е гг.: «15 раундов», «Цусима», «Война и мир», «Огни на реке» и др.

Руководствуясь поисковой таблицей, мы также обратились в рукописные отделы музеев и библиотек, в частности Государственного центрального музея им А. А. Бахрушина, Государственного музея В. В. Маяковского, ГЛМ, РГБ. Так были обнаружены неизвестные ранее и неиздававшиеся мемуарные источники, тексты радиопередач и другие материалы. Особую ценность представляют воспоминания А. А. Садовского «Поэт у микрофона» (В. В. Маяковский на радио), письма Р. Роллана в Радиокomitee и Д. Б. Кабалевскому в связи с подготовкой радиоинсценировки «Кола Брюньон» в исполнении О. Н. Абдулова и многое другое.

Однако даже детально разработанная методика выявления источников не исключает неожиданных находок. Без них невозможно себе представить ни одно подобное исследование. Именно таким неожиданным «подарком» явились рогированные микрофонные материалы Радиокomitee, которые хранятся в основном фонде РГБ. Причины, по которым они оказались в центральной библиотеке страны и, несмотря на очевидную доступность, не были тем не менее введены в научный оборот, требуют специального объяснения. Для организации централизованного обеспечения местных радиокomitee микрофонными материалами постановлением № 17 ВРК при СНК СССР от 7 февраля 1936 г. была образована Главная редакция микрофонных материалов, в обязанность которой входили подготовка, издание и рассылка текстов литературного, музыкального, детского вещания, редакции «В помощь самообразованию»¹⁴². Издаваемые для служебного пользования, тиражом более 100 экземпляров, эти материалы по правилам издания в СССР отсылались в РГБ. Случайно обнаруженная в алфавитном каталоге библиографическая карточка (в каталоге радиопередачи помещались по их названию в соответствии с алфавитом) с обозначением «Микрофонные материалы ВРК. Для сектора детского вещания» послужила поводом для организации поиска. В результате были выявлены около 800 материалов такого рода практически всех отделов и редакций Радиокomitee за период с 1938 г. по 1941 г., а также не использовавшиеся ранее в исследованиях сборники творческих материалов¹⁴³.

Воссоздание документального фонда невозможно без обращения к мемуарным источникам и воспоминаниям ныне здравствующих ветеранов радиожурналистики и участников радиопрограмм.

В период подготовки сборника «История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945 гг.»¹⁴⁴ в 1980-е гг. были организованы встречи с радиожурналистами и писателями, композиторами и режиссерами или их наследниками. Такие встречи состоялись с В. П. Катаевым, А. В. Февральским, М. Б. Храпченко, В. И. Ардаматским, Л. С. Ленчем, Е. А. Благиной, К. Б. Минцем, Ю. Б. Левитаном, О. С. Высоцкой, наследниками А. А. Суркова, В. И. Инбер, Г. А. Поляновского. К сожалению, война, эвакуация, общая обстановка подозрения и страха не способствовали сохранению собственных творческих архивов деятелей культуры. Бесценными оказались их непосредственные живые свидетельства, воссоздавшие атмосферу и дух времени, комментарии и уточнения к документам.

Таким образом, только применяя различные методы выявления документов, обращаясь ко всем возможным местам их хранения, опираясь на «макет эфира», оказалось возможным собрать массив различных типов и видов источников, базируясь на которых можно было представить историю создания, становления и развития советского радиовещания. На том этапе эта история получила реальное воплощение в уже указанном документальном издании. Однако не все точки над «i» были расставлены. Поэтому некоторые страницы истории радио выглядели если не совсем чистыми, то не до конца четкими, объяснимыми, а их содержание больше угадывалось интуитивно, с точки зрения построения исторических концепций, гипотетически. Особенно это касалось всех вопросов идеологического и государственного контроля, цензуры радиовещания. До начала 1990-х гг. на секретном хранении находились документы, раскрывающие настоящие причины ликвидации акционерного общества «Радиопередача», которые были выявлены в фонде Северо-Западного отделения «Радиопередачи» в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга¹⁴⁵. Эти документы опровергли все прежние представления и стереотипы, зафиксированные в историографии¹⁴⁶, и послужили поводом для дальнейшего исследования данной проблемы.

Существенную часть воссозданного документального фонда радиожурналистики составили документы, хранящиеся в бывших партийных архивах. Так, в РГАСПИ, где хранятся основные источники о деятельности высших органов политического управления страной — Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁴⁷, Оргбюро и Секретариата ЦК, Агитпропа ЦК¹⁴⁸, в состав которого входили различного рода комиссии, в том числе и Радиокомиссия, удалось обнаружить протоколы и наиболее ценнейший источник — материалы к протоколам, в которых отражены важнейшие партийные решения по радиостроительству, а также многочисленные случаи вмешательства и регулирования деятельности радиоучреждений, их редакционных коллективов. Кроме того, документы по истории радио содержатся в личных фондах партийно-государственных деятелей, имевших в свое время прямое отношение к организации радио-

пропаганды: А. В. Луначарского¹⁴⁹, Н. К. Крупской¹⁵⁰, Н. И. Бухарина¹⁵¹, Ф. Я. Кона¹⁵² и мн. др.

Последним существенным элементом в реконструированном впервые в отечественной историографии фонде архивных документов по истории радиовещания стали документы Архива Президента РФ. В первую очередь речь идет о стенограммах заседаний и материалах (информационные записки, проекты решений, инициативные письма и др.) к протоколам Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, которые позволили восполнить недостающие сведения о ликвидации Акционерного общества «Радиопередача», перераспределении власти в управлении государственным радиовещанием, кадровых «чистках» в Радиокomitee 1935–1938 гг. и организации политической радиоцензуры.

Таким образом, реконструкция корпуса источников по истории советской политической цензуры представляет собой один из основных методов научного исследования данной проблемы. Это объясняется, во-первых, тем, что в научный оборот вводится обширный круг архивных документов за продолжительный хронологический период, которые находятся в многочисленных архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга и на различном хранении, государственном и ведомственном. Во-вторых, это связано с особенностью состава и содержания основных архивных фондов, имеющих значительные документальные лакуны. Проведенная реконструкция дала возможность собрать и проанализировать документы, количественный и качественный состав которых, позволяет воссоздать систему политической цензуры в СССР за весь период ее существования. В практической реализации реконструкции источниковой базы стали фундаментальные исследовательские проекты: формирование информационной базы данных по советской культурной политике, создание «макета радиоэфира», а также издание документальных сборников по истории советской политической цензуры и истории советской радиожурналистики. Главным достижением реконструированного корпуса является документальное обеспечение всех этапов и механизмов многосложного механизма принятия цензурно-контрольных решений, включая все этапы политической власти — партийной, государственной, общественной, а также непосредственно внутри информационно-творческого процесса, включая и собственно авторское начало.

Особенности источниковой базы исследования

Источниковая база по истории советской политической цензуры отличается такой масштабностью, разнообразием происхождения и особенностями содержания, что требует специального обзора и видовой характеристики.

Ниже дается общая характеристика документального корпуса, проводится классификация источников по типам и видам и анализируются специфические источники цензуры, причем — и это особенно важно — не только источники собственно цензуры, но и некоторые ее объекты, ставшие предметом локальных исследований, — документальные комплексы литературно-художественных группировок и радиовещания.

Если говорить об опубликованной части источниковой базы, то следует подчеркнуть значимость двух основных видов источников. Это ведомственные издания 1920–1930-х гг. и мемуарная литература.

Обширная ведомственная периодика в первые годы советской власти продолжала традицию дореволюционных ведомств публиковать основные документы и отчеты о деятельности. К таким изданиям можно отнести «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», в котором публиковались инструкции и циркуляры по контролю за репертуаром театра, кино, за печатью, радио и издательствами. В качестве приложения к «Известиям ВЦИК» в конце 1917 г. начал выходить еженедельник «Народное просвещение», в котором публиковались инструктивные материалы Наркомпроса (всего за период до 1922 г. вышло 111 номеров), под аналогичным названием с 1918 г. выходило еще и ежемесячное издание Наркомпроса. В начале 1919 г. в целях большего охвата аудитории и оперативности было принято решение предоставить Наркомпросу полосу в «Известиях ВЦИК» для передачи официальных распоряжений. По ним можно оценить реакцию ведомств на директивные документы общегосударственного уровня. Кроме того, имеется возможность в общих чертах проследить, как шла разработка постановлений и решений, например, декрета СНК о платежности произведений непериодической печати от 28 ноября 1921 г. (приводятся два проекта)¹⁵³, постановления СНК о частных издательствах от 12 декабря 1921 г. (имеется целый комплекс документов, различные варианты постановления, результаты обсуждений)¹⁵⁴. Здесь помещались и отчеты отделов и управлений Наркомпроса (ИЗО, ТЕО, ЛИТО, Госиздата, Главлита, Главреперткома и др.)¹⁵⁵, Наркомата государственного контроля, НК РКИ (отдел просвещения и пропаганды)¹⁵⁶, Реввоенсовета Республики (в Политуправлении существовал литературно-издательский отдел)¹⁵⁷ и других ведомств.

Об определенной выборке можно говорить в связи со сборником И. Ф. Заколотника и В. Н. Касаткина¹⁵⁸, в который вошли наиболее значительные распорядительные документы на период 1928–1929 гг. и который снабжен перечнем не вошедших в него документов. Издававшиеся с 1927 по 1937 г. сборники Л. Г. Фогилевича были предназначены для работников печати, издательств, Главлита, полиграфии, книжной торговли и самих писателей. По мере подготовки выпусков, а их было шесть, состав сборников обновлялся: сокращались или исключались разделы, посвященные регулированию рынка бумаги, полиграфической про-

мышленности, издательств, расширился раздел руководящих партийных документов. Специальные разделы посвящены политической цензуре — политико-идеологическому контролю над произведениями печати, изобразительным агитационным искусством, театральными и другими постановками. Так, в правилах издания изображений В. И. Ленина говорится о запрете помещать их на картонные коробки, носовые платки и другие предметы домашнего обихода¹⁵⁹. Подобные материалы инструктивного характера помещались в сборнике Главреперткома¹⁶⁰.

Объемное представление о становлении системы управления печатью и книгоиздательством, цензуры и партийного контроля складывается в результате изучения всего многообразия изданий, существовавших в это промежуточное время: советской — «Печати и Революции», независимой — «Летописи Дома Литераторов», «Книжного угла» и др., эмигрантской — «Русской книги», «Новой русской книги» и др.

Существенной для раскрытия темы информацией обладают источники мемуарного свойства, как опубликованные, так и неопубликованные. Это, прежде всего, уникальное документальное свидетельство А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом»¹⁶¹, а также многочисленные воспоминания деятелей литературы и искусства — А. И. Борщаговского, А. Д. Глезера, Г. П. Вишневской, Е. А. Евтушенко, Г. М. Козинцева, Л. З. Копелева, В. Г. Короленко, В. Я. Лакшина, В. А. Каверина, Н. Я. Мандельштам, Л. К. Чуковской, К. М. Симонова — и правозащитного движения и русского зарубежья — А. Авторханова, А. А. Амальрика, Е. Г. Бонар, В. К. Буковского, Н. Е. Горбаневской, П. Г. Григоренко, А. Д. Сахарова, А. Д. Синявского и многих других.

Гораздо более редкими являются мемуары цензоров, которые, как правило, неохотно делятся с обществом своими профессиональными воспоминаниями. Широкую историческую панораму деятельности цензуры в России дают записки цензоров XIX в. А. В. Никитенко¹⁶² и Е. М. Феоктистова¹⁶³. Последние, ввиду своих несомненных литературных качеств, были переизданы уже в 1991 г. Уникальными для советской эпохи являются мемуарные очерки цензора О. Литовского, прославленного М. А. Булгаковым как «злой гений» литературной и театральной жизни 1920–1930-х гг.¹⁶⁴ После ликвидации Главлита в 1991 г. сложилась иная картина: сотни цензоров различной квалификации были вынуждены искать себе применение в иных сферах. Многие из них с удовольствием давали интервью и делились воспоминаниями. Однако политизированность и желание декорировать деятельность цензуры под «санитарно-оздоровительную» функцию государства значительно снижают их источниковую ценность¹⁶⁵.

Неопубликованный источниковый массив можно подразделить на две группы — традиционные для отечественной науки источники и собственно источники цензуры. Под традиционными источниками мы под-

разумеваем документы как государственных учреждений, так и высших политических органов Политбюро, Оргбюро, Пленума, Секретариата ЦК, аппарата ЦК партии. Только в последние годы стали доступны для изучения общественной и культурной жизни государства документы центральных партийных органов¹⁶⁶, в том числе свидетельствующие об идеологическом контроле ЦК, руководстве государственной системой управления культурой и цензурой.

Прежде всего, это постановления и решения ЦК партии по идеологическим вопросам. Хотя такого рода решения публиковались до начала 1990-х гг. многократно¹⁶⁷, говорить о доступности комплекса в целом не представлялось возможным. Целый ряд важнейших решений по идеологическим вопросам носили до недавнего времени секретный характер. Это касается, прежде всего, директивных документов об организации, структуре и деятельности цензурных органов или решений, направленных на различного рода идеологические ограничения. Такие материалы не подлежали опубликованию и использованию, о чем свидетельствуют специальные отметки на них.

Руководство страной, особенно по идеологическим вопросам, концентрировалось в Политбюро, Оргбюро и Секретариате ЦК. Разграничить компетенцию Оргбюро и Секретариата можно только весьма условно. Их личный состав почти полностью совпадал. Часто решения по одним и тем же вопросам встречаются в протоколах обоих органов. На заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК:

1) рассматривались и принимались решения по важнейшим идеологическим вопросам, имеющим принципиальное для партийной идеологии и дисциплины значение, а также по отдельным фактам и конкретным персонам;

2) утверждалось создание новых органов, ведающих вопросами культуры и пропаганды, в системе как государственного, так и партийного аппарата; регламентировались их функции и задачи, объем полномочий, утверждались структура, бюджет, а также изменения по всем названным позициям;

3) рассматривались и выносились решения по вопросам разграничения функций в управлении идеологией и культурой, разрешались конфликты между различными органами, возникающие на этой почве;

4) утверждалась партийная и государственная номенклатура, в том числе и в учреждениях управления идеологией и культурой; решались вопросы назначения, перемещения и увольнения, а также партийных и административных взысканий.

Эти факторы имеют определяющий характер для состава и характера партийной документации. Порядок делопроизводства был общий, протоколы Оргбюро и Секретариата следуют вперемежку, с общей нумерацией. Наиболее ответственные назначения и решения подлежали утверждению на Политбюро. В этих случаях в протоколах Политбюро

повторяется название постановления и делается ссылка на номер протокола Оргбюро (хотя бы это было решение Секретариата). Многие постановления Оргбюро и Секретариата в протоколах отсутствуют, так как являются достоянием «особых папок», их названия заменены буквенным шифром. Протоколы Политбюро¹⁶⁸ представляют собой копии с факсимильной подписью И. Сталина и печатью; протоколы Оргбюро и Секретариата¹⁶⁹ подписаны одним из секретарей ЦК. При необходимости можно обратиться к подлинным протоколам, которые содержат подписи и пометки секретарей ЦК и членов Оргбюро.

Однако наиболее ценные материалы содержатся в приложениях к протоколам заседаний Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК, и именно они позволяют проследить процесс подготовки того или иного решения. Эти материалы представляют собой записки отделов и секретарей ЦК, аналитические материалы, письма и обращения руководителей государственных органов различного уровня, деятелей науки, культуры и искусства и др. К сожалению, таких материалов в РГАСПИ и РГАНИ сохранилось не так уж много. Заведенный в делопроизводстве и архивном деле порядок привел к тому, что эти документы сосредоточились в Архиве Президента РФ. Постепенно осуществляется передача материалов в профильные архивы, однако этот процесс идет медленно. Таким образом, схема хранения партийных документов представляет собой «треугольник»: в РГАСПИ и РГАНИ хранятся подлинники протоколов заседаний высших органов партии, а в АП РФ — материалы к этим протоколам вместе с выписками из них. Поэтому при обращении к решениям высших партийных органов требуется искусственно соединять материалы из всех мест хранения для того, чтобы воссоздать полностью документальную картину.

Дополнительные сведения имеются в вариантных документах, представляющих собой различные стадии подготовки директивных документов — постановлений и решений ЦК. Однако полную картину «движения» директивных документов представляется возможным восстановить только соединив документы из фондов партийных и государственных органов. Так, например, можно проследить историю подготовки известной резолюции ЦК РКП(б) о политике партии в области художественной литературы 1925 г., постановления об Ахматовой — Зощенко¹⁷⁰.

Документы, отложившиеся в результате деятельности ЦК КПСС с октября 1952 по август 1991 г., хранящиеся в РГАНИ, можно разделить на следующие группы: 1. Документы высших органов партии: съездов и конференций; 2. Документы центральных органов партии: Пленумов ЦК КПСС, Президиума (с 1966 г. Политбюро) ЦК КПСС, Секретариата ЦК КПСС, Комитета партийного контроля при ЦК КПСС; 3. Документы ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских комитетов партии, в том числе Компартии РСФСР; 4. Документы ведомств, учреждений, предприятий, государственных и общественных органи-

заций, направлявших в ЦК КПСС информацию о своей деятельности; 5. Документы личного характера; 6. Письма трудящихся в ЦК КПСС.

В силу того, что огромный массив документов, хранящихся в РГАНИ, остается до сих пор не рассекреченным, нам пришлось довольствоваться только доступными видами источников. Именно поэтому не имея возможности проводить комплексный анализ во всем многообразии документальной динамики, мы вынуждены были пойти по пути выявления, анализа и публикации только рассекреченных документов отдельных структурных подразделений аппарата ЦК КПСС. Специфика документальной коллекции РГАНИ состоит в том, что, кроме источников партийного происхождения, в фондах находятся документы государственных учреждений и ведомств, творческих союзов, что подтверждает наши утверждения об искусственном распылении¹⁷¹ документов партии и государства. Одновременно сложившийся комплекс наделяет РГАНИ свойствами самодостаточности. Таков, например, состав источников двух идеологических комиссий: Идеологической комиссии ЦК по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, которая работала в период с 1958 по 1962 г., и пришедшей ей на смену Идеологической комиссии, образованной решением Президиума ЦК КПСС 3 ноября 1962 г. и просуществовавшей до мая 1966 г. В фонде первой отложились только протоколы заседаний, в фонде второй — лишь стенограммы. Протоколы заседаний Комиссии ЦК по вопросам идеологии сохранились довольно полно. Делопроизводство комиссий велось так же, как и в Секретариате ЦК КПСС. Протоколы делились на «заседанческие», утвержденные, принятые на заседании комиссии, и на протоколы, принятые опросом членов комиссии, так называемые «голосованные». Они обозначались соответственно: буквой «з» — «заседанческие», «гс» или «г» — «голосованные». В деле «голосованные» протоколы располагаются после «заседанческих». Вопросы, снятые с заседаний комиссии, располагаются в фонде после всех ее протоколов. Следует также учитывать, что в фонде комиссии отдельно располагаются подлинные постановления, которые называются «подписными», т. е. подписаны членами комиссии, и постановления, к которым подложены инициативные источники, и которые носят название «подлинников». Методика работы с этими протоколами такова: сначала выявляются все постановления, затем отбираются «подписные», к которым подбираются соответствующие материалы. В фонде первой комиссии отложились только протоколы ее заседаний с материалами, в фонде второй — только стенограммы. Для фонда первой комиссии также характерно наличие нескольких, нередко разновременных, проектов постановлений по одному и тому же вопросу. Выявлялись все проекты постановлений, но для публикации отбирался только проект, ставший постановлением или направленный на утверждение в Секретариат или Президиум ЦК КПСС. В приложении к постановлениям комиссии очень часто содержатся про-

екты законодательных и распорядительных актов органов государственной власти и управления: Указы ВС СССР, постановления СМ СССР и РСФСР. Они могли быть приняты только после утверждения их в ЦК КПСС, после этого исправления в законодательные акты вноситься не могли. На наш взгляд, такого рода законодательные источники могут рассматриваться в качестве приложений к постановлениям Комиссии ЦК КПСС, что дает возможность одновременно изучить партийное решение и его главную, содержательную часть. В фонде комиссии отложился такой массовый источник как записки, информации, справки министерств и ведомств. Эти виды источников представлены во всех документальных комплексах. Однако в аппарате ЦК КПСС существовала практика на основании присланных записок составлять свою записку, содержащую суть вопроса и предложения по его решению. Необходимо выявить весь комплекс документов и обратить особое внимание на входящий номер документа, проставлявшийся в ЦК. Этот номер проставлялся на всех документах, связанных с первоначально-инициативным документом. В делопроизводстве ЦК КПСС существовала такая практика: если записка какого-либо отдела ЦК заверялась согласительными подписями двух и более секретарей ЦК, то эта записка приравнивалась к постановлению и носила название «беспротокольного постановления», или «записки с согласием». Выявление таких записок представляет определенные трудности: они могут быть в составе фонда Комиссии ЦК или находиться в фондах профильных отделов ЦК. Для публикации, как правило, отбираются аналитические записки отделов ЦК, хотя они и не являлись инициативными источниками, а присланные записки помещаются в виде приложений.

В фондах ЦК КПСС отсутствует внутренняя переписка. Либо все вопросы решались в директивном порядке — принималось постановление, либо отметка о решении вопроса делалась на самом документе. Поэтому, выявляя документы, необходимо пытаться найти все сопутствовавшие документу источники: сопроводительные письма, указания, которые в ЦК КПСС очень часто представляют собой отдельные документы. Как правило, такие документы при отборе или отражаются в археографическом оформлении, или содержатся в научно-справочном аппарате издания.

Источники, хранящиеся в фондах высших органов государственной власти и государственного управления, представлены в силу особенностей функций и деятельности этих органов документально цельными комплексами источников, раскрывающими отношения власти и культуры. Решения в области культурной политики и политической цензуры, как правило, готовились заранее, в результате чего формировались специальные «дела-досье», в которых собиралась документация по данному вопросу или персоне. Состав «дел» отличается большим источниковым разнообразием и включает переписку, тексты произведений

и рецензии на них, отзывы коллег и др. Так, например, в фонде СНК СССР в секретариате А. И. Рыкова хранится дело, проливающее свет на историю появления повести Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны»¹⁷² и его «покаянного письма». Дело представлено текстом самого обращения Пильняка на имя Рыкова, письмами в редакцию «Нового мира», И. И. Скворцову-Степанову и др. Большой интерес представляют резолюции на тексте объяснения писателя, отражающие функционирование механизма запугивания, эффективно применявшегося властью по отношению к «провинившимся».

Важнейшим источником является комплекс документов государственных органов управления культурой — Наркомпроса РСФСР, учреждений его системы, Комитета по делам искусств при СНК СССР, Министерства культуры СССР, Министерства культуры РСФСР. Это протоколы и стенограммы заседаний коллегий и других руководящих органов управления, на которых также принимались важнейшие решения, а также материалы к ним; переписка с учреждениями культуры по вопросам их деятельности. В составе фондов центральных органов управления содержатся также персональные письма и групповые обращения известных деятелей государства. Кроме того, там хранятся рукописи, ноты и иные письменные формы фиксации художественных произведений, отзывы и рецензии на них и соответствующие решения об их запрете или разрешении, т. е. так называемый «цензурный комплекс». Так, в фонде Министерства культуры СССР хранится полноценный комплекс о работе киностудий страны, включающий планы и отчеты, заключения по сценариям и готовым фильмам, переписка о включении в план литературных сценариев, литературные и режиссерские сценарии игровых фильмов (1953–1962 гг.) выдающихся деятелей советского кино¹⁷³. В фонде имеются также литературные и режиссерские сценарии мультипликационных фильмов (1956–1961 гг.); материалы отдела документальных и научно популярных фильмов, в том числе протоколы и стенограммы заседаний Совета по научно-популярной и учебной кинематографии вплоть до 1962 г.

Для раскрытия темы настоящего исследования центральную роль играют документы второй группы — документы цензурных органов — Главлита и Главреперткома, а также крупнейших государственных отраслевых управленческих систем — Госиздата, Гостелерадио СССР и др. По характеру это главным образом управленческая документация, систематизированная по структуре и деятельности этих учреждений, в том числе и по выполнению ими цензурных функций, а также собственно документы цензуры, которые по известным причинам специально не рассматривались в отечественном источниковедении и будут подробно проанализированы ниже.

Разнообразные по характеру источники хранятся в фондах учреждений культуры — издательств, театров, киностудий, библиотек,

архивов и др. Наиболее важными с точки зрения отражения контроля над творческим и иными процессами являются стенограммы заседаний редколлегий, худсоветов, ученых и иных советов, приказы и распоряжения о цензурных изменениях, а, главное, собственно творческая документация, в которой отразились цензурные вмешательства.

Невозможно себе представить изучение политической цензуры без привлечения источников личного происхождения, которые входят, прежде всего, в состав личных фондов деятелей литературы и искусства. В них подчас полностью сохранена творческая лаборатория художника на всех стадиях его работы, в том числе и во взаимодействии с официальными органами, издательскими и иными учреждениями, в руках которых находилась отчасти судьба произведений. Ценнейшим материалом являются сами произведения искусства, художественного и иного творчества различных форм, жанров и направлений. Они дают возможность проследить эволюцию творческого процесса под воздействием цензуры, установить этапы прохождения произведения через различные государственные инстанции¹⁷⁴. Следует указать на те источники личного происхождения, в которых наиболее наглядно отразились факты цензурного влияния или иные столкновения с властью. Это, прежде всего, рукописные и другие творческие материалы, неопубликованные или опубликованные впоследствии, но содержащие сокращения или изменения в результате редакторских замечаний (известно, что эти коррективы вносились редакторами по прямому указанию цензора); переписка, дневники, записные книжки, в которых отражены события и факты, связанные с трудностями прохождения произведений через различные редсоветы, худсоветы и прочие оценивающие инстанции.

Для нашего исследования огромное значение имеют также источники, хранящиеся в личных фондах государственных деятелей, находящихся на руководящих постах. Характерная черта советской политической практики состояла в том, что многие вопросы решались в результате личного ходатайства представителей высшего руководства. Поэтому так широко были приняты обращения с просьбами о помощи к самым высоким партийным и государственным чинам. Так, в фондах А. В. Луначарского, находящихся соответственно в РГАЛИ и РГАСПИ, сохранились в равной степени такие виды источников как ходатайства деятелей литературы и искусства, содержащие подробное изложение многочисленных фактов цензурного вмешательства в творческий процесс. Как правило, многие такие обращения сопровождалось рукописями, которые были запрещены или существенно искажены цензурой. Вот почему именно в этих фондах содержатся коллекции оригинальных текстов произведений, подвергшихся цензурному вмешательству или запрету.

Перечисленные источники по своему происхождению вовсе не исчерпывают всю совокупность материалов по истории политической цензуры. Так, например, специальную подгруппу составляют документы сило-

вых ведомств и спецслужб, которые выполняли репрессивную функцию по отношению к запрещенным произведениям и их авторам. В нашем случае оперативные донесения НКВД и КГБ, переписка с партийными органами рассматриваются в составе фондов-адресатов — ЦК ВКП(б), ЦК КПСС, Главлита и других государственных учреждений.

Принятым в исследовательской практике способом осмысления собранной источниковой базы является классификация источников. Для нашего исследования типологическая классификация при всей ее условности имеет не только познавательное-теоретическое, но и конкретно-практическое значение. В результате реконструкции корпуса источников по истории политической цензуры в том или ином контексте было выявлено практически все многообразие творческих материалов и художественных произведений, включающих письменные источники (рукописи различных вариантов и стадий подготовки художественного произведения; микрофонные тексты, монтажные листы, текстовые аннотации к фотодокументам и пр.); изобразительные — художественные и графические источники (фото- и кинодокументы, живопись, графика, агитационный плакат; схемы структур учреждений управления культурой); фонодокументы (звукозаписи радиопередач, исторических интервью, воспоминаний). Это требовало учета их специфических особенностей. Не преувеличивая значения специфики методов анализа различных типов источников, тем не менее, наряду с применением общих закономерностей источниковедческой критики очевидна необходимость их дифференциации.

Еще более устойчивыми и обособленными являются видовые источниковые характеристики, которые сложились в результате эволюции в привычный для современного специалиста набор видов и разновидностей исторических источников. Вместе с тем имеет место процесс постоянного расширения этого привычного круга за счет появления и освоения новых видов источников. Прежде всего, это связано с развитием современных систем коммуникаций, постоянно обновляющих способы фиксации и передачи информации на новейших носителях. Другой причиной является медленное, но поступательное освоение исторической наукой документальных комплексов, ранее недоступных для исторических исследований по идеологическим соображениям и в связи с особыми условиями их хранения, — проще сказать, засекреченных. В этом смысле документальный фонд советской политической цензуры содержит во многом ранее неизвестные для историков и источниковедов виды источников.

Если говорить о способе отражения действительности в источниках по истории политической цензуры, то их можно подразделить на *прямые* и *косвенные*. При этом под прямыми источниками мы подразумеваем всю управленческую документацию, которая создавалась во всех звеньях системы партийно-государственного идеологического контроля, вклю-

чая и непосредственно органы цензуры, а также многочисленные учреждения культуры. Ее содержание составляют явные и скрытые формы идеологического давления на культурный и общественно-политический процесс: от непосредственно запретительных и регламентирующих мер до структурных и организационных мероприятий в системе управления. Косвенные, представленные художественно-творческим фондом и документами личного происхождения, отражают событийный ряд опосредованно.

Характеристика административного, хозяйственного и финансового аппарата имеет существенное значение для понимания устойчивости и надежности той или иной системы управления. Основная задача административного аппарата — планово-экономическая, финансовая и юридическая служба, обеспечивающая эффективное функционирование управленческого процесса, т. е. деятельность функциональных отделов, а также получение конечного продукта культуры.

Только на первый взгляд не относящаяся к теме финансовая документация способна дать информацию о наличии режима благоприятствования для одних и отсутствии такового для других. Эти и другие маневры использовались властью в качестве весьма действенных средств, подчас гораздо более эффективных, нежели прямые запреты. Если говорить о видовой характеристике управленческой документации, то она являет собой привычный круг источников. Это организационно-распорядительная, справочно-информационная, финансовая и иная документация, представленная постановлениями, решениями, приказами, циркулярами, отчетами, планами, стенограммами, протоколами и другими хорошо известными своими информативными возможностями видами источников.

Рассматривая советскую политическую цензуру как всеобъемлющий системный механизм, мы анализировали различные формы культурной и общественной жизни во взаимодействии с тоталитарным идеологическим аппаратом. Так, мы рассматривали литературу как важнейшую часть культурной политики партии. Наиболее показательной в этом смысле является история литературно-художественных группировок, которые были использованы в качестве идеологической и организационной формы управления и контроля над культурой и творческой интеллигенцией. Многообразные по видам и разновидностям источники литературно-художественных объединений подразделяются на несколько основных групп.

Группа 1. Учредительные (регистрационные) документы и документы о прекращении деятельности (ликвидационные) литературных организаций и объединений. Документы этой группы включают в себя, как правило, документы об учреждении организации: манифест (декларация) и / или устав, протокол учредительного собрания, заявление в государственные органы с просьбой о регистрации анкеты

членов-учредителей. К этому пакету документов часто (но не обязательно) прилагались рекомендательные письма. В соответствующих органах, ведающих регистрацией общественных объединений, перечисленные документы сопровождалась заключениями о целесообразности регистрации или перерегистрации того или иного объединения, которые предоставлялись НКП, ОГПУ и Отделу по агитации и пропаганде (АППО) ЦК. К этому пакету примыкают документы, связанные с попытками опротестования решений об отказе в регистрации организации: декларации, манифесты или решения соответствующего органа; заключения соответствующих инстанций о целесообразности существования того или иного объединения; другие документы (например, доносы и жалобы членов той или иной организации); письма руководителей организации в вышестоящие партийные и государственные инстанции, решения ее руководящих органов или общих собраний и другие документы, связанные с попытками опротестования решений о закрытии организаций.

Группа 2. Материалы деятельности литературных организаций и объединений. Здесь, в первую очередь, следует назвать: а) протоколы и стенограммы заседаний руководящих органов (Президиума Правления, Правления, Секретариата, Совета и пр.) литературных организаций и объединений; б) решения руководящих органов (Президиума Правления, Правления, Секретариата, Совета и пр.) и общих собраний литературных организаций и объединений; в) переписка руководящих органов литературных объединений с вышестоящими советскими и партийными инстанциями (с ЦК ВКП(б), НКВД / ОГПУ, НКП, Главискусством, Главлитом, Госиздатом и пр.).

Группа 3. Материалы, связанные с реализацией политики партии в области культуры. Это, прежде всего, материалы деятельности первичных партийных организаций в литературных объединениях (комфракции, фракции, комъчейки). Они существовали, как правило, только в организациях сравнительно большого масштаба и были едва ли не основным инструментом проведения партийной политики начиная с 1920 г. Эти материалы подразделяются на следующие подгруппы: а) протоколы (реже стенограммы) заседаний комфракции; резолюции и решения комфракции; переписка комфракции с вышестоящими партийными (АППО и районными комитетами партии) и государственными инстанциями; отчеты о деятельности комфракции перед АППО и районными комитетами партии; б) решения о назначении и снятии руководства литературных организаций и их печатных органов вышестоящими партийными и государственными инстанциями (протоколы и материалы к ним); в) финансовые документы литературных организаций, связанные с государственными субсидиями на их деятельность, а также решения вышестоящих инстанций (прежде всего НКП РСФСР) по финансированию отдельных литературных объединений.

Группа 4. Актовые источники, составляющие законодательную базу по порядку организации и регистрации добровольных и общественных организаций, не преследующих коммерческих целей. Это проекты и утвержденные постановления и указы СНК РСФСР и СНК СССР, главным образом, за период с 1922 по 1934 г.

Группа 5. Литературно-художественный фонд, представленный опубликованными и неопубликованными (рукописными и машинописными) произведениями различных форм (драматургия, поэзия, проза) и жанров (роман, повесть, пьеса, рассказ, очерк, фельетон, скетч и др.).

Остановимся более подробно на выявлении характеристики специфических источников цензуры. Источниковедческий метод предполагает деятельность исследователя в двух основных направлениях. Первое — анализ — связано с определением видов и разновидностей, специфических особенностей, информативности и значимости новых для источниковедения социальных источников информации. Другое — синтез — вызвано необходимостью воссоздать разорванную и искусственно искаженную картину, которую можно восстановить только благодаря органичному соединенному исследованию систем репрессивно-государственной и культурно-подавляемой. Последняя отражает события, факты и чувства, вызванные действиями аппарата подавления и цензуры, и феномен советской культуры, сформированной под воздействием этого мощного аппарата. До сих пор мы имели дело как правило с каждой из этих сторон в отрыве друг от друга. Ключевым элементом этой взаимосвязи являются источники цензуры, которые отражают этапы и механизм принятия решений, определяющих запрет или разрешение на публикацию, постановку, съемку или иную форму реализации произведения. Восстановление этих этапов и механизмов в контексте личностных восприятий в виде воспоминаний и дневников, направленное, с одной стороны, на выявление условий и обстоятельств создания источника, с другой — на воссоздание канонического текста, изобразительного ряда и монтажа и иных вербальных и структурных принадлежностей авторской воли, и есть, с нашей точки зрения, метод источниковедческого исследования цензурного вмешательства в творческий процесс. Вот почему любые изыскания в этой области без учета источников цензуры делают их односторонними и малоэффективными.

Состав источников собственно цензуры (по происхождению) можно подразделить на две основные группы: источники, создаваемые органами идеологического контроля и цензуры, и сами объекты цензуры в различных формах (в зависимости от способа фиксации), от рукописных и машинописных текстов до изобразительных и звуковых источников на различных носителях (мы имеем в виду все разнообразие художественных, публицистических и документальных произведений). При этом учитываются социальные условия возникновения источника, что

имеет существенное значение как для административных, так и для индивидуальных источников, имеющих творческую основу.

Совершенно новыми для источниковедения являются документы, созданные в результате деятельности таких государственных органов цензуры, как Главлит и Главрепертком. Среди собственно источников цензуры можно назвать следующие: документы перечневых комиссий цензорские вычерки предварительного и последующего контроля; различного рода списки (аннотированные и глухие) произведений, подлежащих изъятию из широкого обращения или уничтожения; — печатные и другие виды изданий, в которых производилось купирование фрагментов, изъятие портретов или отдельных упоминаний о репрессированных и репатриированных лицах; справки-заключения цензоров или привлеченных рецензентов с обоснованием идеологической неблагонадежности и «низком художественном уровне» тех или иных художественных произведений, научной и учебной литературы, открыток, марок, фото-портретов, диафильмов, грамзаписей, музыкальных и драматических спектаклей, публичных лекций и другой коммуникативной продукции; цензорские указания (текущие и оперативные).

И при анализе административных источников, и при интерпретации текстов произведений важнейшей методологической задачей является установление авторства (одновременно с установлением адресата), что во многих случаях отождествляется с решением вопроса о подлинности и достоверности сведений источника. Интерпретировать источник, предварительно не воссоздав биографию, профессиональную и общекультурную подготовку, идеологическую ориентацию автора, довольно трудно. Другое дело, порой очень сложно определить автора документа, составленного в делопроизводстве учреждения. Часто истинные авторы-составители скрыты за высокими должностями и подписями, установить их имена можно, только хорошо зная внутреннюю жизнь и законы управленческой деятельности того или иного учреждения. Как правило, основу обобщающих документов — отчетов, справок, записок — готовили руководители профильных структурных подразделений. Однако на некоторых из них стоят специальные делопроизводственные отметки об авторстве. Например, в 1960-е гг. на текстах отпусков записок Главлита в ЦК КПСС ставилась машинописная трафаретная отметка с датой и фамилией исполнителя («Исполнитель Лобанова», «Исполнитель Солодин» и др.). Но даже несмотря на безликость и анонимность подавляющего большинства источников административного цензурного аппарата, можно выделить особый стиль некоторых руководителей. Так, П. К. Романов (р. 1913), возглавлявший Главлит в общей сложности около 28 лет, с 1957 по октябрь 1965 г. и с августа 1966 по 1986 г., отличался особой аналитичностью. Именно при нем, отвечая общим тенденциям в политической жизни страны второй половины 1960-х гг., Главлит приобрел особую роль, которую не утратил до последних

дней своего существования. Анализ информационных справок для ЦК КПСС, составление которых стало практически основным направлением деятельности многочисленного аппарата Главлита и которые отличались особой фактологической насыщенностью, приводит к выводу, что именно в этот период Главлит превратился в настоящий аналитический центр, конечным результатом деятельности которого было создание объемной картины общественной и интеллектуальной жизни страны, хотя и искаженной идеологическими догмами. Таким образом, ЦК КПСС, получая, наряду с информацией КГБ, весьма точное представление о происходящем в среде интеллигенции (в стране и за рубежом), имел возможность вовремя реагировать на происходящее и принимать решения, которые, в свою очередь, приходилось реализовывать тому же Главлиту. И в этом решающую роль играл П. К. Романов, создавший особый стиль в подготовке этих документов и сформулировавший требования к ним. Поэтому данные документы можно смело назвать уникальным источником о культурной и духовной жизни «эпохи застоя».

Целый комплекс проблем связан с установлением авторства некоторых документов, присланных в аппарат ЦК партии в качестве так называемых инициативных материалов к проектам решений. Часто такие документы, обличенные в форму «народного гнева», инициировались или просто фабриковались аппаратом ЦК или первичными партийными организациями. На первый взгляд, приложенный текст статьи к записке В. А. Кочетова, главного редактора «Литературной газеты», на имя секретаря ЦК П. Н. Поспелова (12 августа 1969 г.) был именно из этого разряда. Казалось, об этом свидетельствовали личность и роль Кочетова, текст записки и статьи, которая называлась «Перечитывая диссертацию... (Письмо историку)», а также фамилия ее автора — Свободин, которая очень походила либо на псевдоним, либо на вымышленное «коллективными авторами» имя. Смелое по тем временам и бескомпромиссное изложение кризисной ситуации в исторической науке: двойной стандарт, цензура и самоцензура, конъюнктура и политизированная заданность, в которой вынуждены были существовать «прозревшие» историки, — казалось невозможным для открытого выступления¹⁷⁵. А ведь статья была прислана в редакцию «Литературной газеты» именно для этого. В записке Кочетов сообщает, что вслед за «этой отвратительной «исповедью», которую «хотели просунуть в газету», вышет стенограмму собрания коллектива редакции, на котором последовало ее гневное осуждение (стенограмма в фонде редакции газеты в РГАЛИ отсутствует). Так и напрашивался вывод о «партийном заказе» в свете борьбы с перегибами в исторической науке, получившей в дальнейшем развитие в виде запретов на книги А. М. Некрича, В. П. Данилова, С. И. Якубовской, П. В. Волобуева и др. Не дали результатов беседы с сотрудниками Института российской истории РАН, которые не помнили об этом факте. Тем не менее анализ текста статьи свидетельствовал

о профессиональной принадлежности автора к историческому миру. Однако именно внимательное изучение содержания статьи натолкнуло на мысль о том, чтобы проверить, не являлся ли ее автором известный драматург и критик А. П. Свободин¹⁷⁶. Только личное общение с ним подтвердило гипотезу. Он рассказал следующее об обстоятельствах, при которых появилась эта статья, и событиях, за этим последовавших. Историк по образованию, он в 1950 г. закончил аспирантуру Государственного Исторического музея, но защитить диссертацию не смог, поскольку являлся аспирантом и учеником Н. Л. Рубинштейна, незадолго до этого обвиненного в космополитизме в связи с критикой его фундаментального исследования «Русская историография» (М., 1941). Свою карьеру молодой историк продолжил в качестве директора Курганского Исторического музея, откуда в 1955 г. он вернулся в Москву и погрузился в атмосферу столичной культурной жизни начала «оттепели». По воспоминаниям А. П. Свободина, его статья была принята к публикации заведующим отделом науки «Литературной газеты» А. З. Анфиногеновым, который впоследствии поплатился за это снятием с должности. Однако эти и другие санкции, которые последовали после публикации, включая экстренное собрание коллектива, о котором мы уже упоминали, оказались недостаточными, и все материалы были направлены в ЦК КПСС лично П. Н. Поспелову. Понятно, что для Свободина это означало невозможность профессиональной карьеры, вызовы в КГБ и пр., уже в условиях так называемой «оттепели». В дальнейшем он смог реализовать свои исторические изыскания в творчестве, создав нашумевшие в 1960–1970-е гг. пьесу «Народовольцы» (постановка театра «Современник»), сценарий кинофильма «Нас венчали не в церкви», более 20 телепередач об актерах и др.

Этот пример очень наглядно подтверждает положение М. М. Бахтина о необходимости «понять автора в историческом мире его эпохи, его место в социальном коллективе, его классовое положение»¹⁷⁷, правда применяемое им к авторам художественных произведений, но, на наш взгляд, вполне отражающее поведенческие мотивы в данном случае. Установление авторства, условий и обстоятельств создания источника тем более важно, что это коренным образом влияет на установление достоверности источника.

Особый смысл для исследователя имеет анализ подлинного текста источника, который дает возможность получить помимо основной дополнительную информацию в виде различного рода особенностей оформления текста, его редактуры и других признаков. Таким образом, директивные и организационно-распорядительные партийные и государственные документы, содержащие различного рода пометы, резолюции, приписки, особые отметки, могут дать дополнительную информацию о внутренней жизни номенклатуры и «судьбе» важнейших документов. Наиболее типичные из таких сведений следующие:

1. Сведения об утверждении документа должностными лицами, например на тексте устава ГОМЭЦ: «Утвержден Замнаркомом т. Эпштейном. 20.12.31 г.»¹⁷⁸.

2. Информация об ознакомлении с документом, например на тексте Постановления СНК СССР о реорганизации органов управления кинофикации: «т. Храпченко читал 21 / III»¹⁷⁹.

3. Информация о согласовании с членами коллегиальных органов (путем опроса или иным способом) о принятии проектов тех или иных решений, например на Постановлении СНК СССР № 2066 от 16 декабря 1939 г. О ликвидации Всесоюзной конторы по прокату кинофильмов Союзкинопрокат имеются мнения: «За — А. Вышинский», «За — Булганин (вводную часть предлагаю исключить)», «За — Землячка»¹⁸⁰; на тексте письма заместителя председателя СНК СССР А. Я. Вышинского в Комитет по делам искусств СССР о разрешении комитету Объединение государственных художественных мастерских с передачей ему советской части Ньюйоркской выставки, Дворца Советов и др. зафиксированы мнения высоких чинов по этому поводу: «За А. Вышинский», «Сомневаюсь в необходимости нового аппарата. Н. Вознесенский», «Против [подпись неразборчива]»¹⁸¹.

4. Распоряжения по поводу исполнения директивного документа, например, на проекте приказа о новой структуре Наркомпроса РСФСР: «т. Кубареву, Коробову и Орлову ознакомиться и вернуть; т. Кондратьеву: Организуй обсуждение. Чаплин»¹⁸².

5. Специальные мнения по поводу того или иного документа, например, на письме Госиздата по поводу создания Главискусства заведующий Госиздатом А. Б. Халатов делает приписку члену Коллегии Наркомпроса и будущему руководителю Главискусства А. И. Свидерскому: «Лично А. И. Свидерскому. 1) вот то, что я дам; 2) Я не знаю, ладно ли, просмотри и ответь. Ар. Халатов. 26. V»¹⁸³; на экземпляре письма Главреперткома в СНК СССР, присланном в КПДИ, по поводу критической публикации в «Правде» «Перестраховщики из Главреперткома»: «Выходит, что в Главреперткоме все в порядке?! А. Назаров»¹⁸⁴.

6. Информация о рассылке документа в структурные подразделения и ответственным работникам, которая позволяет проследить механизм принятия решений. Например, записка председателя Главреперткома Ф. Ф. Раскольниково о замене членов состава Главреперткома, содержит следующие пометы: кроме пометы «не подлежит оглашению»: «отп. 3 экз. № 1 т. Бубнову, № 2 в Уч-распред и № 3 в дело № 9. XII. 29 года»¹⁸⁵.

7. Отметки о характере принятых решений — секретном, для служебного пользования или открытом. Например, отметка на тексте Постановления СНК СССР о Литературном фонде СССР при ССП: «Опубликовать в газетах. И. Мирошников»¹⁸⁶ или наоборот, на тексте Постановления СНК СССР об организации Союза советских художников СССР: «Не пуб[ликовать]»¹⁸⁷ (тем не менее постановление было

опубликовано в СП СССР. 1939. № 41. Ст. 311). Необъяснимо, но факт, что практически на всех решениях по структурной реорганизации кинодела в стране и кадровым назначениям в этой области имеются особые отметки о секретности принимаемых документов. Можно только предположить следующее: символическое предвидение В. И. Ленина о том, что кино является важнейшим из всех искусств, обусловило это особое внимание к советскому кинематографу как к важнейшему из идеологических орудий партии, наложило на партийно-советское руководство особую ответственность за принятие тех или иных решений в этой области.

8. Иные сведения, например: «Начало заседания не стенографировалось», «С нарочным. Весьма срочно к засед. МСНК 1 / X [без подписи]» и др.

Наиболее специфическими источниками, фиксирующими завершающий этап деятельности цензурных органов, являются перечневые списки, сводки цензорских вычерков, рецензии и отзывы цензоров. Среди них самым массовым источником являются списки перечневых комиссий Главлита, или перечневые списки, как их называли иначе. Это глухие или аннотированные перечни запрещенных к распространению и использованию изданий, находящихся в библиотечном фонде и книжной продаже. В период массовых репрессий и в дальнейшем, во времена борьбы с космополитизмом, масштабы изъятия изданий невероятно увеличиваются. Огромный аппарат чиновников работал на репрессивную машину и с помощью полученных от НКВД списков выявлял все печатные издания, вылавливая не только книги, статьи, публикации, имеющие какое-либо отношение к репрессированным по политическим мотивам лицам, но и фотографии и любые упоминания о них. Чиновничий разгул достиг таких величин, списки Главлита росли и множились с такой прогрессией, что казалось: еще немного, и на библиотечных полках не останется ни одной книги. Поэтому 9 декабря 1937 г. было принято решение об изменении практики изъятия литературы. В письме заместителя начальника Главлита А. Самохвалова в Отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) о мероприятиях по выполнению решения ЦК ВКП(б) о вредительской практике изъятия литературы из библиотек от 28 января 1938 г. говорилось следующее: «1. Совершенно прекращено изъятие книг по старым спискам. 2. Приостановлено уничтожение уже изъятых книг. 3. Уволены некоторые работники, проводившие эту систему изъятия книг, вопреки решению ЦК. 4. Списки, разосланные старым руководством Главлита, мною приказано отобрать у всех лиц, которым они были разосланы, и сконцентрировать их в Главлите, крайлитах и обллитах впредь до особого распоряжения. Наряду с этим перестроен аппарат библиотечного сектора, который приступил к серьезному библиографированию книг, подлежащих изъятию. Некоторые списки составлены перестроенным аппаратом библиотечного сектора и представлены на утверждение

в ЦК». Предполагалось также осуществление ряда конкретных мер: 1. Дать на утверждение ЦК список литературы, портретов, диапозитивов и пр. лиц, осужденных по политическим процессам или арестованных, но еще не осужденных, занимающих ответственные посты в Советском государстве. 2. Произвести просмотр всей ранее изъятой, но не уничтоженной литературы на предмет возвращения на полки библиотек и в книготорговую сеть таких произведений, которые задерживались по одному признаку, что автор или переводчик этого произведения репрессирован органами НКВД, но по содержанию своему никакого вреда не представляют. Для реализации этих основных задач необходимо было провести переориентировку цензурных и библиотечных кадров, чтобы, по выражению А. Самохвалова, преодолеть «отрыжку»¹⁸⁸. В этот краткий период позиция Главлита была сдержанной и, можно сказать, взвешенной. Однако попытка его руководства ввести цензурный процесс в цивилизованные рамки была обречена на провал. Это обуславливалось тем, что получение квалифицированного отзыва требовало привлечения огромного количества высокообразованных специалистов и расширения штатного цензурного аппарата, а также выработки четких и, главное, законных критериев для определения идеологических запретов. А это сделать было заранее невозможно ввиду того, что власть не хотела и не могла взять на себя ответственность признать наличие политической цензуры и дать ей четкое определение. Симптоматично, что вскоре Самохвалов был оклеветан как «враг народа» и репрессирован¹⁸⁹.

Обратный процесс, т. е. возвращение в открытое обращение ранее исключенных из него произведений и информации об их авторах, начинает развиваться в период, который принято называть «оттепелью», т. е. в 1960-е гг. Наряду с текущими запретами на заседаниях перечневых комиссий рассматривались и вопросы исключения из «Списка лиц, все произведения которых подлежат изъятию». Так, 3 августа 1963 г. из данного списка было исключено 66 реабилитированных лиц¹⁹⁰.

Таким образом, перечневые списки представляют собой важный источник, содержащий определяющие сведения (глухие или аннотированные) о том, какие авторы и какие издания были подвергнуты полному изъятию из библиотечного фонда и книготорговой сети с последующим специальным хранением (помещение в спецфонды) или утилизацией (сожжением и пр.).

Примыкающими по своему значению, функциям и внутренней структуре к перечневым спискам являются оперативные цензорские указания, которые оформлялись в виде приказов и циркуляров. В них давались дополнительные сведения, которые требовали оперативно-го исполнения до подготовки и утверждения перечневой комиссией очередного списка. Пример такого указания — секретный циркуляр Главлита о запрете публикации сведений о самоубийствах и умопомешательствах на почве безработицы и голода, направленный 23 апреля

1925 г. всем гублитам и политредакторам Главлита¹⁹¹. Такой же способ информирования был использован при запрете публикации сведений о зараженности хлеба (4 сентября 1925 г.) «долгоносиком, клещом и прочими вредителями, во избежание паники на внешних рынках и злонамеренного истолкования этих сведений враждебной печатью»¹⁹². Такие указания были закономерны для начала 1920-х гг., поскольку методы работы Главлита находились на этапе формирования, еще не были разработаны перечни запрещенных для распространения в печати сведений.

Однако и в более поздний период эта форма работы Главлита была столь же распространенной, поскольку позволяла без формального соблюдения коллегиальности перечневой комиссии, а по указанию ЦК действовать быстро и надежно. Таким образом осуществлялась только политическая цензура. Так, Приказом Главлита № 418с от 7 февраля 1953 г. было запрещено публиковать в открытой печати какие-либо сведения о народности тайны¹⁹³ в СССР¹⁹⁴, а Циркуляр № 46 / к-2154с от 27 июля 1953 г. II Главного управления МВД СССР (Главлит) предписывал изъятие всех портретов и изображений Берии¹⁹⁵.

В дальнейшем такие приказы имели свой собственный заголовок — «Оперативные цензорские указания руководства Главлита СССР по состоянию на [дата]». Так, 3 апреля 1965 г. в специальных оперативных указаниях говорилось, в частности, что «в связи с проведением с 5 по 20 июля 1965 года международного кинофестиваля в Москве в открытой печати запрещается называть иностранные кинофильмы и давать на них рецензии, если эти кинофильмы не приняты для просмотра дирекцией кинофестиваля». Запрещалось также «называть фамилии почетных гостей и членов жюри международного кинофестиваля и приводить цифры доходов от кинофестиваля» и предписывалось «не называть гор. Сочи, как возможное место проведения очередного международного кинофестиваля». В качестве основания для запретов фигурировала следующая формулировка: «Указание тов. Охотникова А. П. от 22 февраля 1965 года...»¹⁹⁶ В этом смысле еще больше дополняют наши представления о методах цензуры и их документальном фиксировании оперативные цензорские указания руководства Главлита от 3 июня 1965 г. о том, что следует «не давать в печати рецензии, отзывы и другие сведения о пьесе и спектакле Леонида Зорина “Римская комедия”». В данном случае об основаниях говорится: «Указание тов. Романова П. К. от 27 мая 1965 года». А затем следует помета: «Справка. По указанию т. Аветисяна С. П. данный документ цензорам не направлять, ограничиться ознакомлением с ним начальников отделов Главлита. [Подпись]. 3 / VI-65 г.»¹⁹⁷.

Еще более развернутой представляется картина частичного изъятия фрагментов или полного запрета в «сводках об изъятиях цензуры» или «цензорских сводках». Этот вид источника отличается от предыдущих

тем, что в нем дается обоснование выводов и действий цензора в развернутом виде, часто с цитированием тех мест, которые вызвали нарекание или сомнение. Так, в сводках цензорских вычерков за февраль — март 1941 г. говорится: «В книге Чурилина Т. “Стихи”, “Советский писатель”, редактор Катонян, содержались стихи низкого художественного качества (“Дождик-дождик”, “Негритянская колыбельная” и другие), а также стихи, искажающие советскую действительность (“Боля-ток”, “Обыкновенность” и другие)»¹⁹⁸. Эта и другие цензорские вычерки, не всегда имевшие политический оттенок и нередко направленные на недопущение в печать откровенно пошлых произведений, приводятся в приложении № 4.

Сводки имели свою структуру, делились на результаты предварительной и последующей цензуры. В свою очередь, первая часть иногда подразделялась на направления цензуры, например политико-идеологическое, нравственное и др., или на виды коммуникативной деятельности — «газеты», «журналы», «книги и брошюры», «радиовещание» и др. При этом если вопросы «нравственные» хоть и весьма расплывчаты, но все-таки могли получить какое-то объяснение, то «политико-идеологические» нарушения усматривались даже в совершенно безобидных текстах. Например, в одной из сводок отмечалось: «В журнале “Наша страна” № 11, редактор Ф. Кон, в рассказе М. Пришвина “Мой корабль” был такой текст: “Медленно так я иду и волшебным ударом освобождаю множество деревьев. Тогда мне кажется — я иду среди поработанных нуждою людей с вестью о свободе и горько мне думать о людях, что им много тяжелее бывает иногда в их жизни, чем в лесу деревьям, заваленным снегом...”; “Не было никакого плана в этом лесном строительстве, никакой задуманной пользы: оно было ни для чего, и оттого душа человека, встречаясь с ними, открывалась и весь лес, наполненный бесчисленными фигурками, становился душой человека. Каждый человек мог найти тут свою душу, и только бездушный не обращал никакого внимания”. Цензор Еринова эти выдержки сняла»¹⁹⁹. В этой же сводке приводится полностью стихотворение Б. Пастернака «Присяга», которое должно было быть опубликовано в журнале «Красная новь», но, как «политически двусмысленное», было снято.

Результаты последующего контроля носили характер разглашения в печатной и иной публичной продукции сведений, которые были обозначены в специальных перечнях как секретные — военные и государственные. В качестве назидания после каждого примера приводились меры наказания, применяемые к цензорам и редакторам, пропустившим эту информацию. Как правило, это были выговор или увольнение. В сводках приводилась также и статистическая информация о числе просмотренных изданий и публикаций, что дает количественную характеристику объемов и объектов работы на различных этапах цензорской деятельности.

Еще более подробным и информативным источником, раскрывающим скрытую сторону цензуры, является отзыв (или рецензия), который давался привлеченным для этого рецензентом или политредактором. Этот документ являлся внутренним, поскольку отражал этап предварительной цензуры, и никогда ни при каких условиях не мог быть показан автору. Отзыв рецензента был основанием для принятия решений по конкретной рукописи и играл роль документального подтверждения его идеологической и художественной непригодности в случае возникновения спорной ситуации. Для этой работы Главлит и Госиздат привлекали писателей, критиков, литературных сотрудников журналов, которые с удовольствием сотрудничали с ними по целому ряду причин. Одна из них — материальная (эта работа вознаграждалась гонорарами), другая — чисто профессиональная и связана с желанием проникнуть в святая святых цензуры и возможностью лично влиять на нее. Тем более, что с ее помощью легко можно было свести счеты со своими коллегами по цеху. Среди рецензентов Госиздата были А. Арнштатский, К. Лавров, А. Воронский, Л. Жмудский и многие другие. В качестве рецензента выступал даже И. Сталин, когда давал отзыв на брошюру Лейкина по национальному вопросу²⁰⁰. Особой плодовитостью и свирепостью отличался А. Серафимович, «зарезавший» десятки рукописей сборников стихов, учебников и философских трактатов. Правда, в отношении С. Есенина он был более снисходителен, в отзыве на сборник которого написал: «Несомненное дарование; свое лицо, яркие, незаимствованные образы, но все перевешивается манерничаньем, словесными фокусами, какой-то модернизованной изломанностью, и, что особенно делает неприемлемым, постоянные образы религиозные: все равно, будет ли это умиление перед матерью божьей или нарочитое кощунство, вроде выдирания зубами боговой бороды. Можно выбрать часть стихотворений. А. Серафимович 17.XII.20»²⁰¹.

Форма и объем таких отзывов были очень разнообразны: от свободно произвольного, составленного за неимением бумаги на обратной стороне бланков, на одном листе, или развернутого анализа на нескольких десятках страниц до строго соблюдаемого в объеме текста, вписанного от руки или напечатанного на машинке на типографском бланке, который выглядел следующим образом²⁰²:

«ОТЗЫВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕДАКТОРА

Рукопись, книга: Аониды

Автор: О. Мандельштам

Количество страниц, рисунков

Общий отзыв о содержании и направлении книги: Никаких препятствий с политич. стороны не встречается. Если Госуд. Изд. вообще печатает стихи, то, конечно, есть все основания издать книжку Мандельштама.

Исправить на странице строчки:

Выбросить на странице строчки:

Заключение политредактора о напечатании: Печатать.

Подпись: К. Лавров. 27 / V 1922 г.

Дополнительные замечания: Печатать. 27 / V [Подпись]²⁰³».

Для полноты характеристики этого специфического и весьма индивидуального вида творчества приведем еще один курьезный пример. Это отзыв на сказку П. Ершова «Конек-горбунок»: «*Фабула — православный (это всюду автором выделяется) Иван-дурак, наперекор своим умным собратьям становится царем — как нельзя лучше сатиры на дореволюционную Россию — но беды в том, что услужливый автор как истый националист ненавидит басурман и мечтает о “святом кресте” даже на луне (конечно в образе сказочных достижений), глубоко верует в звезду Ивана-дурака. Не в пример сказкам Пушкина сказка Ершова лишь лубочная карикатура на них — по части воспитательной для детей в ней все от реакционного и антипедагогического — здесь все лучшее по царю мерится (стр. 10 — 1-я половина) и по боярам. Конечно ничего не делается, чтобы не перекреститься (стр. 10-я П половина). Ну а истинно русскому обязательно противопоставляется, «не пойдет ли царь Салтан басурманить христиан» (там же). На стр. 11-й находим важный для ума и сердца юношества “тот свет” и т. д., и т. д. В том же духе см. пометки на стр. 12, 14, 15 на стр. 15 народ обязательно “черти босоногие” по сравнению с боярами. На стр. 16 восхваляется “царь надежда” которого, конечно, народ встречает восторженным “ура”. В таком стиле — помещики на стр. 18, 19, 21, 23, 30, 32, 38, 41 (здесь под луною которые “Птицы райские живут”, конечно, “песни царские поют”, а на стр. 42 даже порнография — царь “старый хрен” жениться хочет, “хочет жать там, где не сеял, полно, лаком больно стал”. Далее пометки на стр. 43, 44, 45, 47, 51, 52, 54. На основании всего приведенного считаю “Конек-горбунок” к выпуску в свет весьма нежелательным, если ни недопустимым. 1 / XII 22 г. Лев Жмудский»²⁰⁴.*

Таким образом, комплекс специфических видов цензурных источников дает возможность не только составить полную или почти полную картину той части литературных и иных произведений, которая была по различным причинам изъята из открытого обращения, и при желании воссоздать ее, но и поэтапно проследить все стадии прохождения произведения через цензурный контроль, а также понять критерии и методы оценки объектов цензуры, формы работы цензоров и рецензентов, т. е. впервые проанализировать ранее скрытую область деятельности не только учреждений цензуры, но и издательских, радиовещательных и иных учреждений информации и культуры.

Однако, как мы уже отмечали, воссоздание и анализ функционирования информационного, культурного и иного коммуникативного канала не было бы полным без воссоздания всей цепи этого про-

цесса — от создания, обнародования произведений до собственно его функционирования в социокультурной общности. При этом важнейшей задачей является изучение авторского текста произведения, его интерпретация и анализ содержания. Любое произведение художественного творчества намеренно создается с целью вызвать у аудитории (читателя, зрителя, радиослушателя) эстетическую реакцию. Реконструкция социальной психологии и культуры общества возможна только при изучении непосредственно самих источников — произведений художественного творчества²⁰⁵. Образцы художественно-публицистических произведений способны наиболее адекватно отобразить эмоционально-информационную среду, эволюцию или деградацию духовной культуры общества.

В этом смысле первоочередной задачей является выявление общих признаков и специфических особенностей произведений, принадлежащих одному коммуникативному каналу. Изучение текста источника с последующей публикацией или обнародованием предполагает анализ содержания текста, выявление творческого замысла, явных и тайных мотивов автора, позволяющих передать не только знаковую, но и скрытую информацию. Полноту изучения может обеспечить применение методов текстологического, семантического и лингвистического анализа текста.

Важнейшим приемом выявления особенностей складывания текста является анализ и сопоставление всех его вариантов — от автографа рукописи, издательских вариантов с редакторской и цензурской правкой и отзывами, до окончательного текста, гранок и готовой книжно-издательской продукции. Особое значение для нас имеет компаративный анализ версий произведений, возникших в результате идеологической редактур и цензуры, выраженной в различных формах. Так может выглядеть сравнительная таблица, в которой отражаются поправки и изменения внесенные в текст инсценировки Ю. П. Любимовым пьесы «Что делать?» по требованию Главного управления культуры исполкома Моссовета и Управления театров Министерства культуры РСФСР Московским театром драмы и комедии на Таганке после обсуждения рабочей репетиции спектакля²⁰⁶.

Текст исключенной сцены:

АДЪЮТАНТ. Но ведь, Ваше сиятельство, его статьи печатаются с дозволения цензуры в официальных журналах. Как же его сослать ни с того, ни с сего?

ДИРЕКТОР. Мало ли что! Политическая борьба все равно что война, а на войне все средства позволительны. Человек вреден — убрать (*уходит*).

(*Входит Человек в очках, одетый в темный сюртук*).

АДЪЮТАНТ. Ну, вот что, милостивый государь, предупреждаю, что если в течение трех суток не уедете за границу — будете арестованы.

ЧЕЛОВЕК. Да куда же я уеду?хлопот сколько. Заграничный паспорт. Пожалуй, полиция воспротивится выдаче паспорта.

АДЪЮТАНТ. Уж на этот счет будьте спокойны. Мы и паспорт привезем, и до самой границы проводим.

ЧЕЛОВЕК. Да почему же начальство так заботится обо мне? Ну, арестуют меня, Вам-то что от этого?

АДЪЮТАНТ. Вас арестуют, а значит, потом сошлют за ваши статьи, хоть они и пропущены цензурой. Вот нам и угодно, чтобы на Государя [не] легло это пятно — сослать писателя безвинно.

ЧЕЛОВЕК. Я не поеду за границу — будь что будет.

АДЪЮТАНТ. Послушайте! (*Раздражение*). Неужели Вы не понимаете, что Ваше упорство составляет новое преступление, гораздо хуже прежнего.

ЧЕЛОВЕК. Лучше преступление, чем позор»²⁰⁷.

Сцена окончательного варианта пьесы:

«ВЫСОКОЕ ЛИЦО. Довольно. Прошу сдать книги! Этот человек имеет вредное влияние на общество и поэтому должен быть подвергнут гражданской казни и сослан.

НАЧАЛЬНИК КАНЦЕЛЯРИИ. Но ведь, Ваше сиятельство, его статьи печатаются с дозволения цензуры и в официальных журналах. Как его сослать ни с того, ни с сего?

ВЫСОКОЕ ЛИЦО. Мало ли что? Политическая борьба все равно что война. А на войне все средства позволительны. Человек вреден — убрать.

НАЧАЛЬНИК КАНЦЕЛЯРИИ. Арест без юридических оснований вызовет осуждение правительства и прибавит достаточное количество врагов.

ВЫСОКОЕ ЛИЦО. Сделайте все похитрей и тихо. Привезите и увезите в карете, а не на позорной телеге. Арестантской куртки не надевайте. Пощечины пусть палач не дает. И наших побольше переоденьте в светское платье и проследите, пожалуйста, чтобы физиономии были не полицейские.

АВТОР. Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Вам не угодно теперь меня слушать.

ВЫСОКОЕ ЛИЦО. Конечно нет.

АВТОР. Ну что же, если Вам не угодно меня слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до лучших времен, до тех времен, когда Вам будет угодно меня слушать. Надеюсь этого дожидаться скоро»²⁰⁸.

Другим приемом источниковедческого анализа и реконструкции текста является выявление источниковых цепочек, состоящих из разнородных документов разной видовой и авторской принадлежности, связанных событийно или общностью происхождения. Такая процедура производится на базе глубокого изучения определенного коммуника-

тивного канала с учетом его природы, технических и эстетических особенностей производства и передачи информации, а также ее восприятия. В данном случае мы рассмотрим журналистику как социокультурное явление и окончательный продукт интеллектуальной и общественно-политической деятельности.

Согласно шкале ценностных ориентиров, определяющих степень надежности и достоверности информации в советской историографии произведения журналистики устойчиво занимали место, предшествующее позиции мемуаров и художественных произведений. Несмотря на догматичные постулаты советского источниковедения о несомненной достоверности советской печати, в конкретных источниковедческих исследованиях (М. Н. Черноморский, И. И. Копотиенко, О. Е. Соловьев и др.) отмечалась необходимость проверки фактов в каждом конкретном случае путем их сопоставления с фактами из других видов источников. Тем не менее неопровержимыми качествами журналистских материалов являлись динамичность, выраженная в повседневном отражении действительности, эмоциональность и образность изложения информации, относительная надежность в установлении авторства или источников информации, политематичность и разножанровость и многие другие качества, делающие эти источники привлекательными для всех без исключения исследователей, пытающихся воссоздать реалии прошлого.

Между тем принятая классификация по типам и видам источников в зависимости от их происхождения и способов фиксации информации не учитывает природы произведений журналистики, их разнообразия и вытекающей отсюда специфики их изучения и анализа. Общепринятыми в источниковедении классификационными единицами, в данном случае видами источников, являются акты, статистические источники, организационно-распорядительная и справочно-информационная документация, мемуары, периодическая печать и др. С точки зрения способа фиксации информации мы имеем дело с кино- и фотодокументами, аудиовизуальными и фонодокументами, картографическими и машиночитаемыми источниками. Вместе с тем произведения журналистики, если мы рассматриваем их конечный результат творческой деятельности средств массовой информации (индивидуальный и коллективный), находятся в силу своей синтетической природы на стыке всех классификационных понятий, образуя свою собственную нишу, исходя из достаточно сложных и только ей присущих оснований для классификации.

Журналистика — сложное общественно-политическое явление, тесно связанное с социальной структурой общества, многофункциональный вид общественной деятельности по сбору, обработке и распространению актуальной социальной информации через средства массовой коммуникации — СМК (печать, радио, телевидение, кино и др.). Вот почему

так важно в качестве объекта исследования рассматривать документы самих каналов информации, т. е. непосредственно редакций, издательств, телерадиовещательных компаний, студий и др., анализировать их взаимодействие с властными структурами и политическими партиями, учитывая наличие цензуры, рекламной политики и т. п. Анализируя журналистику в таком аспекте, мы расширяем информационный потенциал всего корпуса источников, дающего возможность не только получения объемного представления о функционировании средств массовой коммуникации, но и реконструкции ранее скрытых процессов и фактов общественной и политической жизни страны.

Традиционный источниковедческий подход к материалам прессы предполагает сравнительный анализ журналистских текстов с другими видами источников, например, архивными документами самой редакции, где содержатся письма читателей, стенограммы редсоветов и другие материалы, чаще всего находящиеся в противоречии с содержанием опубликованных или обнародованных материалов. При необходимости проводится и «источниковедческое расследование», которое включает и поиск архивных документов, раскрывающих события с разных сторон, и обращение к авторам и героям этих публикаций, и многое другое. Безусловно, все эти усилия направлены на установление достоверности содержания, надежности источников информации и ее авторской интерпретации. Значительные «разночтения» устанавливаются путем сравнения письменных вариантов радио- и телевизионных программ, кинопроизведений (микрофонных текстов, монтажных листов, сценариев и др.) с их изобразительной и звуковой формой. Технология производства электронной прессы и установившаяся практика документирования журналистского процесса обеспечивала до определенного периода специалиста-исследователя всей необходимой для этого документацией. Бурное развитие во второй половине 1980-х гг. «прямого эфира» сначала на радио, а затем и на телевидении, применение новых технологий (компьютерная графика, анималистика, звуковые и видео-эффекты и др.) поломали прежнюю систему донесения информации до массовой аудитории, не отрегулировав до конца новые способы фиксации информационного потока, и значительно усложнили тем самым методику анализа художественной структуры произведений и информационно-аналитических программ.

Сравнительный анализ необходим для выявления канонического текста произведения, учитывая ту цензуру, которая все эти годы процветала в средствах массовой коммуникации. Выявление всех вариантов текста; установление редакторской, авторской и цензорской правки; определение идеологии монтажа путем сравнительного анализа исходных материалов, вырезок и вычерков с окончательным результатом; исследование критики — неизбежный этап в изучении произведений журналистики как исторического источника, содержащего огромный и

неожиданный по конечному результату его исследования массив социальной информации.

Источники радиовещания также отличаются разнообразием и многоплановостью и подразделяются в целом на общие и специфические. Безусловно, они также представлены всеми разновидностями ОРД (положения, уставы, правила, нормативы, решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, протоколы, стенограммы, планы и отчеты). Среди них выделяются общие характерные для учреждений культуры источники: договоры творческих работников и деловая переписка с центральными и местными органами руководства радиовещанием, партийными и цензурными органами о содержании радиопрограмм, материалы радиотестов и радиоконкурсов на лучшую программу, письма радиослушателей с отзывами о прослушанных передачах и на другие темы, материалы биографического характера (автобиографии, биографии, интервью, воспоминания о работе на радио, изобразительный материал).

Специфическими источниками радиовещания являются творческие материалы (письменные и звуковые, относящиеся к различным данным). В соответствии с современной жанровой классификацией в радиожурналистике различаются информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры²⁰⁹.

Коротко охарактеризуем основные группы жанров²¹⁰. Главной задачей информационных жанров (информационная заметка, радиокomпозиция, радиорепортаж, радиоинтервью) является оперативное информирование радиослушателей о происходящих в мире событиях. Радио обеспечивает самую высокую степень оперативности. Если утренние газеты сообщают о том, что произошло до момента подписания номера к печати, т. е. до 3–4 часов ночи, а вечерние — до полудня, то радио передает информацию спустя несколько минут после ее получения или в момент происходящего события (в случае прямой трансляции). Если учитывать, что, например, в 1920-х гг. в некоторые районы Советского Союза газета поступала лишь через 3–4 недели, а во время Великой Отечественной войны для большей части населения радио являлось единственным источником информации, то можно себе представить, какое значение, информационное и пропагандистское, оно имело.

Основной задачей аналитических жанров (выступление, беседа, комментарий) является не столько сообщение фактов, сколько их анализ, пояснение, оценка. Здесь наиболее ярко проявляется публицистичность радиосообщений, когда информация выступает в качестве фактической основы для анализа и оценки, прямого обращения к мыслям и чувствам аудитории²¹¹. Наибольшая убедительность достигается, если оценку событию дает компетентный человек, пользующийся безусловным авторитетом у слушателей. Именно этим обстоятельством объясняется то, что у микрофона в разное время выступали известные

партийные и государственные работники и выдающиеся деятели науки и культуры.

Художественно-публицистические жанры отличаются синтезом документальности и литературно-художественных обобщений, обладающих значительной силой эмоционального воздействия. Это такие жанры, как радиочерк, радиорассказ, радиопельетон, радиопозиция, радиопьеса, документальная радиодрама и другие, где наиболее ярко проявляются специфические возможности радио в подготовке художественно-организованных (драматизированных) передач. Они открывают для источниковедов и историков такие источники, в которых информационная насыщенность сочетается с наличием художественного (звукового) образа.

Напомним, что мы рассматриваем источники радиовещания, поскольку они стали основой специального исследования, на примере которого демонстрируется механизм политической цензуры. Творческие материалы, которые являлись объектами политической цензуры, представлены различными формами и жанрами произведений искусства, публицистики и документалистики, запечатлены как в традиционной письменной форме, так и на специальных носителях.

Анализ радиожурналистских текстов целесообразно проводить на конкретном комплексе материалов, что обуславливается самой историей радио в СССР. Наиболее важным для определения их специфических особенностей является коллекция радиогазет 1920 — начала 1930-х гг. Обращение к ранним образцам радиожурналистики позволяет выявить и проследить генезис наиболее устойчивых признаков, присущих только этим образцам творческой деятельности.

С точки зрения внешних особенностей, радиогазеты представляют собой архивные экземпляры микрофонных текстов радиопередач (в основном машинописные копии или восковки), заключенные в папки, на титульном листе которых имеется трафаретный текст обращения: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Всем! Всем! Всем! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Далее идет порядковый номер радиогазеты с начала года и со дня ее появления, дата и содержание выпуска. Некоторые радиогазеты за начальный период начинались со стихотворных объявлений. «Рабочие радиогазеты» начиная с 15 мая 1926 г. заключены в микрофонные папки, отпечатанные типографским способом. На радиогазетах имеются отметки редакторов о прохождении в эфир, примечания выпускающих о ходе программы и другие сведения. В дальнейшем появляются отметки цензоров, разрешающих передачу программы в эфир²¹².

Материалам радиогазет присуще многообразие способов отражения действительности, т. е. использование всего арсенала газетных жанров и возникших в процессе развития практики радио радиожанров. Информация, главный «гвоздь» радиожурналистики, была представлена в радиогазете информационной заметкой, корреспонденцией, интервью,

радиорепортажем. При этом использовались как оригинальные материалы, подготовленные непосредственно в редакциях радиогазет, так и материалы прессы и агентств.

Главной задачей информационных жанров радиожурналистики (информационная заметка, радиокomпозиция, радиорепортаж, радиоинтервью) является оперативное информирование радиослушателей о происходящих в мире событиях.

Информационные заметки радиогазет содержат информацию, в основном поглощенную периодической печатью. Однако сравнение радиоинформации с печатной наглядно демонстрирует главную специфику радиоканала — оперативность. Радиогазета передавала в эфир информацию, имевшую важное политическое значение, нуждавшуюся в высокой степени оперативности при доведении ее до сведения населения.

В распоряжении редакции находился «громадный информационный материал РОСТА и притом, что называется, “со сковородки”»²¹³. Телеграммы вставлялись в радиогазету немедленно по получении их РОСТА. Поэтому многие тексты начинались такими словами: «Сейчас принесли новые телеграммы...» или — «Сейчас, товарищи, мы сообщим вам те новости, которые получены по телеграфу ночью и утром и не вошли в сегодняшние утренние газеты». Однако, несмотря на, казалось бы, присущую радиоинформации краткость, сиюминутность и достоверность, сама подача информации, ее отбор, а также применение специфических средств воздействия — дикторская интонация, голосовой рисунок — были в той или иной степени подвергнуты воздействию общей идеологической установки, хотя, безусловно, и в меньшей степени, чем жанры, в которых превалировал комментарий или художественно-публицистическое осмысление или откровенная пропаганда²¹⁴.

Широкое распространение в 1930-е гг. получил жанр радиорепортажа, который позволял слушателям становиться свидетелями наиболее актуальных событий. Радиорепортаж — один из самых распространенных жанров в радиожурналистике. Прообразом его можно считать переданный 7 ноября 1925 г. в «Радиогазете» № 285 комментарий происходящим в Москве событиям празднования годовщины Октября. Впечатления от услышанного лучше всего демонстрирует отзыв жителя Вологды: «Я уверен, что вы уже получили сто тысяч благодарностей за эту передачу, которую вы делали в эти дни... Ну, и “шуму” же вы наделали по белу свету!.. Впечатление было такое, что находишься на возвышении, а внизу проходят многотысячные организации города Москвы»²¹⁵.

Основной задачей аналитических жанров (выступление, беседа, комментарий) является не столько сообщение фактов, сколько их анализ, комментарий, оценка. Здесь наиболее ярко проявляется публицистичность радиосообщений, когда информация выступает в качестве фактической основы для анализа и оценки, прямого обращения к мыслям и чувствам аудитории²¹⁶. Вот почему выступление и беседа были очень

характерны для радио эпохи великих социальных потрясений, когда требовались доходчивые и внятные и, вместе с тем, оперативные разъяснения мероприятий, проводимых в хозяйственной и общественной жизни. Так, 30 ноября 1925 г. «Радиогазета» передала приказ Ф. Э. Дзержинского, направленный против спекуляции промышленными товарами и регулирующий розничные цены²¹⁷. Появление этого приказа было вызвано резким увеличением розничных цен, что грозило обвалом экономики. Газеты, в свою очередь, постоянно давали на своих страницах материалы, посвященные реализации приказа в жизнь. «Радиогазета» (№83) своевременно подключилась к кампании, передав 5 декабря 1925 г. беседу с Ф. Э. Дзержинским, в которой он выступил против неверного истолкования приказа в отношении частной торговли, доля которой в общей системе торговли в этот период была еще значительной по сравнению с объемом государственной и кооперативной. В дальнейшем в радиогазетах звучали отклики на выступление Дзержинского и освещались первые результаты борьбы со спекуляцией²¹⁸.

В «Радиогазете» было много информации по культуре и искусству — корреспонденции, интервью, в которых рассказывалось в основном о наиболее значительных событиях культурной жизни столицы. И здесь главным условием для «проходимости» информации были, с одной стороны, интересы аудитории, с другой, — все более обозначавшаяся тенденция лояльности официальной идеологии к направлениям, группировкам, отдельным деятелям культуры. Так, почти скандальная ситуация с «невозвращением» В. Э. Мейерхольда из-за границы в 1928 г. была разрешена передачей его интервью, взятым у него корреспондентами «Радиогазеты» на вокзале сразу по прибытии поезда. Этот период был тяжелым для ГОСТИМа. Предыдущий сезон 1927 / 28 г. прошел без прежнего успеха. Сказывалось отсутствие пьес современных авторов, у театра не было своего постоянного помещения. С отъездом Мейерхольда за границу встал вопрос о закрытии театра. На страницах газет началась откровенная травля режиссера и его театра. Вернувшись в Москву, В. Э. Мейерхольд, воспользовавшись возможностями и популярностью «Радиогазеты», обратился напрямую к общественности, разом опровергнув все обвинения: «Репертуарный кризис нашего театра мы наполовину преодолели. Сейчас мы имеем три новых пьесы: Багдасаряна, Эрдмана и Сельвинского. Меня упрекали за малую продуктивность работы в прошлом сезоне. Но этому причиной были крайне неблагоприятные условия нашей работы: отсутствие помещения для репетиции, для склада декораций, для сооружения конструкций. Если нам не возвратят помещения бывшего «Казино», мы и в этом сезоне работать не сможем»²¹⁹.

Однако важнейшей формой, освоенной «Радиогазетой» и сделавшей ее поистине народной трибуной, «митингом миллионов» (по выражению В. И. Ленина), был радиомитинг. Важнейшим обстоятельством,

подтверждающим действенность и огромную популярность радио в эти годы, являлось то, что радиомитинги возникли по инициативе самих радиослушателей, которые присылали в редакцию «Рабочей радиогазеты» письма с просьбой разъяснить что-либо, ответить, помочь. В радиомитингах обсуждались самые важные вопросы государственного строительства, быта. О значимости, популярности и масштабности этой новой формы общения с аудиторией говорит то, что за два года в эфир прошло более 600 митингов, на которых обсуждались вопросы рационализации, обороны, соцсоревнования, антирелигиозной пропаганды, проституции, неграмотности и пр.²²⁰

Каждый радиомитинг начинался со вступительного слова редакции, в котором высказывались различные точки зрения на обсуждаемую проблему. В дальнейшем обсуждение строилось так, что поднятый вопрос разрешался не сразу. Дискуссия растягивалась на несколько недель. И только после того, как успевало откликнуться большое число радиослушателей, редакция подводила итог, который доводился до сведения государственных и общественных организаций. В некоторых случаях поводом для дискуссии служили корреспонденции рабкоров с мест. Так, корреспонденция в «Рабочей радиогазете» от 4 августа 1928 г. вызвала бурный отклик радиослушателей, которые в течение нескольких месяцев живо обсуждали проблему бытового пьянства, рапортовали с мест о проведенных мероприятиях, предлагая еще более радикальные меры, которые, как известно, оказались малоэффективными. О том, как на деле проходил свободный разговор в эфире, свидетельствует фрагмент стенограммы радиопереклички по проблеме ликвидации неграмотности и малограмотности рабочих железнодорожного транспорта, которая проходила в ночь с 7 на 8 января 1933 г.²²¹ Подавляющее большинство «народных» материалов отличалось актуальностью и остротой. Наглядным примером этого может быть текст «Рабочей радиогазеты» № 282 от 3 декабря 1928 г.²²²

Мощное движение рабселькоров, нарастающее влияние общественного мнения, формирующегося посредством радио, наделяли радио властными качествами и грозили превратиться в опасную альтернативу регламентированной пропаганде тоталитарного государства, не терпящей никаких импровизаций.

«Радиогазеты» как форма радиовещания просуществовали до 1932 г., а радиомитинги были запрещены в 1937 г. С ликвидацией радиогазет и организацией редакции «Последних известий» в августе 1932 г. произошла существенная перестройка эфирной сетки «вещательного дня»: ежедневно передавалось четыре выпуска «Последних известий» (по станции им. Коминтерна в 7 ч 30 мин., 12 ч 00 мин., 18 ч 00 мин., по станции ВЦСПС в 23 ч 30 мин.).

Художественно-публицистические жанры являлись синтезом документальности и литературно-художественных обобщений, обладающих

значительной силой эмоционального воздействия²²³. В «Радиогазете» впервые были обнародованы очерки, рассказы и фельетоны многих известных писателей, поэтов, публицистов 1920–1930-х гг. Это была одна из почетных трибун, с которой можно было обратиться к огромной аудитории. Вот почему произведения, передаваемые в «Радиогазете», отличались документальностью и литературно-художественным обобщением. Показательным с точки зрения роли и места радио в творчестве писателей и поэтов является участие В. В. Маяковского в радиопрограммах. Он более 15 раз выступал в «Радиогазете» с чтением своих новых стихов, считая эту форму общения со своим читателем наиболее эффективной. Первое выступление В. В. Маяковского по радио состоялось 2 мая 1925 г., в конце мая того же года несколько дней подряд «Радиогазета» передавала его стихи и частушки, написанные специально по заказу редакции. Тогда же, специально для сотого номера «Радиогазеты» было написано стихотворение «Радиоагитатор», впервые опубликованное в газете «Призыв» (г. Владимир)²²⁴. В дальнейшем сотрудничество поэта с радио становится постоянным, он выступает у микрофона с чтением стихов и пьес, с рассказами о зарубежных поездках, по заказу «Рабочей радиогазеты» и других редакций пишет стихи и стихотворные лозунги. 7 декабря 1920 г. в Ленинграде в Институте живого слова и 9 декабря 1928 г. в Государственном институте истории искусств С. И. Бернштейном была осуществлена звукозапись авторского чтения поэта²²⁵. Последний раз живой голос В. В. Маяковского прозвучал по Всесоюзному радио 20 марта 1930 г. Он читал антирелигиозные стихи на пленуме Центрального совета Союза воинствующих безбожников.

Особенностью радиопубликаций являлось то обстоятельство, что многие произведения получали свое рождение именно в радиоэфире, минуя привычную издательскую процедуру. Это не означает, что радиоцензура была более снисходительна, но технические и редакционные особенности эфирного прохождения художественных текстов существенно отличались от издательского производства. Особенно это касалось раннего периода, когда вещание шло непосредственно в эфир без звукозаписи. Однако и в дальнейшем именно выступления писателей и поэтов у микрофона очень часто проводились в прямом эфире, что давало большую свободу в выборе авторского чтения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы об особенностях источниковой базы.

Анализ источников цензуры должен идти в двух основных направлениях. Первое связано с определением видов и разновидностей источников, выявлением специфических особенностей степени информативности и значимости новых для источниковедения социальных источников информации. Второе направление вызвано необходимостью воссоздать разорванную и искусственно искаженную картину прошлого, отражающую события, факты и чувства, вызванные действиями

аппарата подавления и цензуры, и представляющую процесс создания феномена советской культуры, сформированной под воздействием этого мощного аппарата. Эту картину можно восстановить только благодаря органичному соединению знаний о репрессивно-государственной и культурно-подавляемой системах.

И при анализе административных источников, и при интерпретации их текстов важнейшим методологическим вопросом является установление авторства (одновременно с установлением адресата), что во многих случаях отождествляется с решением о подлинности и достоверности источниковой информации. Особый смысл для исследователя имеет анализ подлинного текста источника, который дает возможность получить, помимо основной, дополнительную информацию в виде различного рода особенностей оформления текста, его редактуры и других признаков. Так, директивные и организационно-распорядительные партийные и государственные документы, содержащие различного рода пометы, резолюции, приписки, особые отметки, могут дать дополнительную информацию о внутренней жизни и «судьбе» важнейших принципиальных документов.

Таким образом, комплекс специфических видов цензурных источников дает возможность не только составить полную или почти полную картину той части культуры, которая была по различным причинам изъята из открытого доступа, но и поэтапно проследить все стадии прохождения через цензурный контроль, критерии и методы оценки объектов цензуры, формы работы цензоров и рецензентов, т. е. впервые подвергнуть рассмотрению ранее скрытую область деятельности не только органов цензуры, но и учреждений информации и культуры.

Восстановление этапов и механизмов творчества в контексте личных восприятий, заключенных в форму воспоминаний и дневников, направленное, с одной стороны, на выявление условий и обстоятельств создания источника, с другой, — на воссоздание канонического текста и иных вербальных и структурных принадлежностей авторской воли и есть, с нашей точки зрения, источниковедческий метод исследования культуры. Вот почему любые изыскания в этой области без учета источников цензуры делают их односторонними и малоэффективными. Наряду с традиционными методами текстологии (сопоставление вариантов, образовавшихся в результате творческого процесса), компаративного анализа версий произведений, возникших в результате идеологической редактуры и цензуры, интересен опыт исследования семиотики пропагандистских текстов, который обнаруживает намерения автора и скрытые механизмы цензуры.

Данное исследование основано главным образом на рассекреченных архивных документах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива литературы и искус-

ства (РГАЛИ), Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива современной политической истории (РГАСПИ), Архива Президента Российской Федерации (АП РФ) и других государственных и ведомственных архивов и центров. Были изучены и проанализированы документы архивных фондов таких государственных учреждений и общественных организаций, как Главлит, Главрепертком, Госиздат, Наркомпрос, Реввоенсовет, ЦК РАБИС, НК РКИ, ВЦСПС, Гостелерадио СССР и др.; высших органов государственной власти СНК СССР, ВЦИК, ЦИК СССР, Совет министров СССР; руководящих партийных органов — Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, Секретариат ЦК, Агитпроп ЦК др. Кроме этого, были использованы материалы учреждений культуры и средств массовой информации — издательств, театров, музеев, редакций газет, журналов, радио, телевидения и др.; документы личных фондов деятелей литературы и искусства, Центра документации «Народный архив» и др.

Источниковая база отличается масштабностью, разнообразием происхождения источников и своеобразием отражения действительности. Весь источниковый массив можно подразделить на две группы: традиционные для отечественной науки источники и собственно источники цензуры. В качестве традиционных источников выступают документы государственных учреждений и высших политических органов — Политбюро, Оргбюро, Пленума, Секретариата ЦК, аппарата ЦК партии, которые представлены всеми разновидностями управленческой документации (положения, уставы, правила, нормативы, решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, протоколы, стенограммы, планы и отчеты), включая и специфические разновидности партийных источников.

Важнейшими для настоящего исследования явились прямые источники цензуры, которые возникли в результате деятельности Главлита и Главреперткома. Среди них — документы перечневых комиссий: цензорские вычерки предварительного и последующего контроля, различного рода списки (аннотированные и глухие) произведений, подлежащих изъятию из широкого обращения или уничтожению, цензорские указания (текущие и оперативные). Важнейшим источником являются регулярно обновлявшиеся перечни сведений, запрещенных к публикации в открытой печати, и другие нормативные документы внутреннего режима деятельности системы Главлита.

Подробный анализ разработки и принятия цензурно-идеологических постановлений ЦК и их реализации демонстрирует логическую связь документов партийной и государственной принадлежности. Только исследовательское объединение физически разобщенных источников может дать в совокупности информационно адекватный результат.

Созданная и действующая на протяжении многих десятилетий система государственных коммуникационных средств и их каналов, официальные литература и искусство были направлены на формирование массового сознания и мифологизированных представлений. Подборки газет, микрофонных текстов радио- и телепередач, образцы официально признанных произведений литературы, живописи, кинематографа, массовой культуры в разной степени также входят в источниковую основу исследования. В результате реконструкции корпуса источников по истории политической цензуры в том или ином контексте было выявлено практически полностью все многообразие творческих материалов и художественных произведений, включающих письменные источники (рукописи различных вариантов и стадий подготовки художественного произведения; микрофонные тексты, монтажные листы, текстовые аннотации к фотодокументам и пр.); изобразительные — художественные и графические (фото- и кинодокументы, живопись, графика, агитационный плакат; схемы структур учреждений управления культурой); фотодокументы (звукозаписи радиопередач, исторических интервью, воспоминаний). Использование перечисленных источников требовало учета их специфических особенностей. Особую видовую группу составляет литературно-художественный фонд, представленный опубликованными и неопубликованными (рукописными и машинописными) произведениями различных форм и жанров. Архивные варианты произведений дают возможность проследить эволюцию творческого процесса под воздействием цензуры, установить этапы прохождения произведения через различные государственные инстанции. В личных фондах деятелей литературы и искусства подчас полностью сохранились документы, дающие возможность воссоздать «творческую лабораторию» художника, показать все стадии творческого процесса, в том числе взаимодействие с официальными органами, издательскими и иными учреждениями, в руках которых находилась отчасти судьба произведений.

Подводя общий итог историографического и источниковедческого освоения проблемы, следует подчеркнуть, что широта и объем базовой информации напрямую связаны с определением структуры советской политической цензуры, с пониманием ее функций и механизмов. Если зарубежные исследования до 1991 г. строились на ограниченной источниковой базе, то советская историография в подавляющем большинстве отличалась односторонним освещением и умалчиванием целого ряда явлений и сторон общественной жизни и сама может быть использована в качестве историографического источника. Сильной стороной отечественных гуманитарных наук являлось развитие таких направлений, как методология и методика анализа текста, история государственной системы управления, а также исследования литературоведов и искусствоведов. Исследования советской цензуры последнего десятилетия, несмотря

на интенсивность, отличаются, в определенной степени, локальностью и отсутствием институционального подхода.

Имеющаяся источниковая база отличается масштабностью, разнообразием происхождения источников и особенностями отражения в них действительности. Искусственная распыленность документов по различным архивохранилищам, наличие лакун в основных архивных фондах, засекреченность подавляющего массива источников выдвинули перед автором данной книги задачу реконструкции корпуса источников в качестве принципиально важного метода научного исследования данной проблемы. Главным элементом реконструирования источников является документальная обеспеченность исследования всех этапов и элементов многосложного механизма принятия цензурных решений, включая все «этажи» политической власти — партийной, государственной, общественной, а также возможность проанализировать информационно-творческий процесс изнутри.

Примечания

- ¹ Добровольский Л. М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1948–1968. Т. 5. Сб. статей. 1961; Он же. Запрещенная книга в России. 1825–1902. М., 1962.
- ² Лурье М. Л., Полянская Л. И. Большевицкая печать в тисках царской цензуры. 1910–1914. Л., 1939; Полянская Л. И. Архивный фонд Главного управления по делам печати // Литературное наследство. Т. 22–24. М.; Л., 1935. С. 603–634; Она же. Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной // Архивное дело. 1938. № 1 (45). С. 18–32.
- ³ Полянская Л. И., Айзеншток И. Французские писатели в оценках царской цензуры // Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939. С. 769–858; Рейсер С., Федоров А. Гете в русской цензуре // Литературное наследство. Т. 4–6. М.; Л., 1932. С. 915–934.
- ⁴ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С. И. Е. В. канцелярии. СПб., 1908; Он же. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Он же. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904.
- ⁵ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892.
- ⁶ Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М.: Сабашниковы, 1905; Розенберг В. Из истории русской печати: Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.). Прага, 1924; Сиповский В. В. Из прошлого рус-

- ской цензуры // Русская старина. Т. 98. СПб., 1899 (апрель — май — июнь). С. 162–175; Щебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.
- ⁷ Мазон А. Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. № 3. С. 471–484; Котельников В. А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24–51; Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909; Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. М., 1916.
- ⁸ Mc. Crau-Hill. Encyclopaedia of Russia and Soviet Union / Ed. M. T. Florasky. N. Y.; Toronto, 1961; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Он же. Три «почему» русской революции. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996; Он же. Русская революция: [В 3 т.: Авториз. пер. с англ.]. М., 1994 (в обзоре даются ссылки на русские издания Р. Пайпса, вышедшие в российских издательствах после 1991 г.).
- ⁹ Tucher R. Stalinism as Revolution from Above // Stalinism: Essays in Historical Interpretation / Ed. R. Tucher. N. Y., 1997.
- ¹⁰ См. об этом: Коэн С. Изучение России без России // Свободная мысль. 1998. № 9. С. 21–35; № 1012.
- ¹¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме; Он же. Три «почему» русской революции; Он же. Русская революция.
- ¹² Reavey G. Soviet Literature Today. New Haven, Yale U. P., 1947.
- ¹³ Domar R. A. The Tragedy of Russian Society. Columbia U. P., N. Y., 1953; Swayze H. Political Control of Literature in the USSR, 1946–1959. Cambridge, 1962; Simmons E. J. Russian Literature and Controls, in Trout the Glass of Soviet Literature. Harvard, 1963; Brown E. J. Russian Literature since the Revolution in the Soviet Russia 1917–1962. London, 1963; Vickery W. N. Zhdanovism (1946–1953), in Literature and Revolution 1917–1962. London, 1963; Slonim M. Soviet Russia Literature. Writers and Problems 1917–1977. N. Y.; Oxford, 1977; Hayward M. Writers in Russia 1917–1978. London: 1983; Kemp Welch A. The Union Soviet Writers. 1932–1936. London: School of Economics, 1982; Kemp-Welch A. The Literaturny Intelligentsia. 1929–1939. London, 1991.
- ¹⁴ Гаев А. Цензура советской печати. Мюнхен, 1955; Fainson M. Censorship in the USSR — a document report // Problems of Communism. 1956. Vol. № 52 (March–April); Fainson M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge: Masg, 1953; Fitzpatrick S. The Russian Revolution. N. Y., 1982 и др.
- ¹⁵ Simmons E. J. The Origins of literature Control // Survey. London. № 36. 1961. № 37 (Apr.–Jun.); 1961. № 37 (Jul.–Sept. № 37).
- ¹⁶ Fainson M. Censorship in the USSR — a document report; Fainson M. Smolensk under Soviet Rule.
- ¹⁷ The Press in Authoritarian Countries / Published by International Press Institute. Zurich, 1959.
- ¹⁸ Hopkins M. W. Mass media in the Soviet Union. N. Y., 1970. P. 108–150.
- ¹⁹ Mc. Crau-Hill. Encyclopaedia of Russia and Soviet Union / Ed. M. T. Florasky. N. Y.; Toronto, 1961.

- ²⁰ Gorohoff B. I. Publishing in the Soviet Union. Indiana Univ. Publishers, 1959. P. 73–83.
- ²¹ Гаев А. Цензура советской печати. Мюнхен, 1955.
- ²² Four theories of press: The Authoritarian Libertarian, Social Responsibility and Soviet Communist concepts of What the Press Should Be and Do. Urbana Univ. of Illinois, 1956.
- ²³ The Soviet Censorship / Ed. Martin Dewhirst and Robert Farrell. Metuchen, New Jersey: Scarecrow Press, 1973.
- ²⁴ Fridberg M. Soviet books censors and readers // Literature and Revolution in Soviet Russia. 1917–1962. A Symposium... London; N. Y.; Toronto, 1963. P. 198–210; Choldin M.-T. Fridberg M. The Red Pencil: Artists, Scholars, and Censors in the USSR. Boston Unwin; Hyman, 1990; Choldin M.-T. A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars. Darham: Duk University Press, 1985; Censorship in Slavic World. An Exhibition at University of Illinois Library, Urbana Champaign April 21 – July 3, 1986; Choldin M.-T. Censorship under Gorbachev // Solanus. 1991. № 5. P. 130–142; Choldin M.-T. The New Censorship: Censorship by Translation in Soviet Union // The Journal of Library History. 1986. V. 21. № 2. University of Texas Press. P. 334–349.
- ²⁵ Proceedings of the Fourth International Sakharov Hearing / Ed. By Semvon Reznik Lisbon. October 1983.
- ²⁶ Афанасьев Ю. Н. Избавить историческую науку от мертвых пут сталинщины [Историки и писатели о литературе и истории. 27–28 апр. 1988 г.] // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 72–73.
- ²⁷ Белков А. К., Веревкин Б. П., Кононыхин Н. М. История партийной и советской печати. М., 1975.
- ²⁸ Кононыхин Н. М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960.
- ²⁹ Комков Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965.
- ³⁰ Кузнецов И. В. Большевицкая печать Москвы. М., 1968; Кузнецов И. В., Мишуриц А. Л. История партийно-советской печати. 4-е изд., испр. и доп. Учеб.-метод. пособие. М., 1968; Кузнецов И. В. Многонациональная советская журналистика. М., 1972 и др.
- ³¹ Ученова В. В. Партийно-советская печать восстановительного периода (1921–1925). М., 1964.
- ³² Гуревич П. С. Ружников В. Н. Советское радиовещание: Страницы истории. М., 1976; Дубровин В. Б. Об эволюции газетных форм работы и жанров на радио (1922–1932 гг.) // Журналистика: Наука. Образование. Практика. Л., 1971; Летунов Ю. А. О развитии документальной радиожурналистики. М., 1965; Михалкович В. И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. М., 1986; Основы радиожурналистики. Учебник. М., 1989 и мн. др.
- ³³ Журналистика и идеология. М., 1985; Звучащий мир: Книга о звуковой документалистике. М., 1979; Максимов А. А. Советская журналистика 20-х гг. Краткий очерк журнальной периодики. Л., 1964; Методологические проблемы изучения средств массовой коммуникации. М., 1985;

- Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932. М., 1966 и
мн. др.
- ³⁴ Средства массовой информации и пропаганды. М., 1984. С. 261–271.
- ³⁵ Прохоров Е. П. Классовость журналистики: (К вопросу о марксистской концепции журналистики) // Вестник МГУ. Серия «Журналистика». 1972. № 4. С. 50–61; № 6. С. 13–20; Он же. Публицист и действительность. М.: Изд-во МГУ, 1973; Он же. Методологические проблемы социологии журналистики // Человек в системе массовых коммуникаций. София, 1973. С. 8–48. (На болгар. яз.); Он же. Семиотические проблемы деятельности средств массовой информации // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. 1. М., 1973. С. 50–57 и др.
- ³⁶ Черноморский М. Н. Периодическая печать. М., 1956; Он же. Источниковедение истории СССР. Советский период. Учебн. пособ. 2-е изд. М., 1976; Панфилов А. М. Советская периодическая печать как исторический источник. М., 1975; Фарсоби́н В. В. К вопросу о периодической печати как источнике по истории Великой Октябрьской социалистической революции на местах (октябрь 1917–февраль 1918 гг.) // Проблемы источниковедения. Вып. XI. М., 1973; Соловьев О. Е. Источниковедческий анализ газет Советской России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; Копотиенко И. И. Периодическая печать Украины как источник по истории КПСС (1921–1923): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1975; Симкин Е. Я. Изучение журнальной периодики как научная проблема // Вестник МГУ. Сер. П. Журналистика. 1976. № 6; Илизаров Б. С., Козлов В. А. Развитие системы средств массовой информации и пропаганды СССР // Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории. М., 1978; Борический В. Я. Некоторые вопросы изучения советской периодической печати как исторического источника // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1978; Копотиенко И. И. К вопросу о путях установления полноты и достоверности газетных материалов // Вопросы историографии и источниковедения истории КПСС. Киев, 1978; Корогод Г. И. Публицистика – источник изучения деятельности коммунистической партии в годы реконструкции народного хозяйства (на материалах Украины): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982; Горяева Т. М. Радиогазета 20–30-х гг. как исторический источник // История СССР. 1984. № 1 и др.
- ³⁷ Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 221–237; 325–342.
- ³⁸ Там же. С. 446–465.
- ³⁹ Еголин А. М. Расцвет социалистической культуры в СССР. М., 1946; Он же. Тридцать лет советской литературы. М., 1948; Он же. Сталин и советская литература. М., 1950; Плоткин Л. А. Борьба партии за высокую идейность советской литературы в послевоенный период. М., 1956; Советская литература в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1957.
- ⁴⁰ История русской советской литературы. 1930–1941 гг. Т. 1. М., 1967; История русской советской литературы. 1941–1953 гг. Т. 3. М., 1968; История совет-

ской многонациональной литературы. Т. 2. М., 1968; История советской многонациональной литературы. Т. 3. М., 1970; Кузьменко Ю. Б. Советская литература вчера, сегодня, завтра. М., 1984.

41 Идеологическая работа КПСС на фронте (1941–1945). М., 1960; Кононыхин Н. М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960; Комков Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965; Максакова Л. В. Советская литература и искусство в Великой Отечественной войне // Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945. М., 1971; Она же. Культура советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.

42 Зак Л. М. История изучения советской культуры. М.: Наука, 1981.

43 Коржихина Т. П., Фигантер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление и механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38; Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. М., 1986; Она же. Политическая система СССР в 20–30-е годы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–30-е годы. М., 1991. С. 6–17; Она же. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления: Проблемы и факты. М., 1992. С. 4–27; Она же. Основные черты административно-командной системы управления // Формирование административно-командной системы, 20–30-е годы. М., 1992. С. 146–165; Она же. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991 г. М., 1994; Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995.

44 Алперс Б. Театральные очерки. В 2-х тт. Т. 1. М., 1977.

45 Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969.

46 Марков П. А. В Художественном театре. Книга завлита. М., 1976.

47 Белая Г. А. Литература в зеркале критики. М., 1986.

48 Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки Отдела рукописей. Вып. 37. М., 1976.

49 На подступах к спецхрану. Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны. Прошлое, настоящее, будущее», 24–26 сентября 1991 г., Санкт-Петербург. СПб., 1995.

50 Цензура в царской России и Советском Союзе // Материалы конференции 24–27 мая 1993 г., Москва. М., 1995; Цензура в России: История и современность. Тезисы конференции 20–22 сентября 1995 г., Санкт-Петербург. СПб., 1995; Цензура в России. Тезисы научной конференции 13–15 ноября 1995 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 1995.

51 Левченко И. Е. Цензура как общественное явление: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995.

52 Жирков Г. В. История советской цензуры. Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры. СПб.: СПГУ, 1994; Он же. История советской цензуры:

- период комиссародержавия (1917–1919 гг.) // Вестник СПУ. Сер. 2. 1994. № 1. С. 82–92.
- 53 Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Арон А. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Тоталитаризм: что это такое. Исследования зарубежных политологов. М., 1993; Морен Э. О природе СССР: тоталитарный комплекс и новый импульс. М., 1995 и др.
- 54 Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; Тоталитаризм и социализм. М., 1990; Погружение в трясину. М., 1991; Головатенко А. Ю. Тоталитаризм XX в.: Материалы для изучающих историю и обществоведение. М., 1992; Бакунин А. В. Советский тоталитаризм, генезис, эволюция, крушение. Екатеринбург, 1993; Он же. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1996. Кн. 1. Генезис; Кн. 2. Апогей; Кузнецов И. С. Генезис тоталитаризма в России: социально-политический аспект. Новосибирск, 1993; Он же. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск, 1995; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М., 1995; Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993; Мау В. Реформы и догмы 1914–1924. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М., 1994.
- 55 Игрицкий Ю. И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1993. № 1. С. 9.
- 56 Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. М., 1992; Белова Т. В. Культура и власть. М., 1991.
- 57 Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР) // Доклады конференции. Москва. Апрель 1993 г. М.: Рудомино, 1994.
- 58 С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. М., 1990; С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана: Сб. М., 1991.
- 59 Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995.
- 60 Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть. М.: АН СССР, Институт социологии, 1991; Баташев В. СМОЕ: Поколение с перебитыми ногами // Столица. 1992. № ?. С. 53–56; Буртин Ю. Власть против литературы (60-е годы) // Вопросы литературы. 1994. № 2. С. 223–307.
- 61 Иного не дано. М., 1988; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Возвращенные имена. М., 1989; Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989; Осмыслить культ Сталина: Перестройка, демократия, социализм. М., 1989; Реабилитированные историей. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; Драма обновления. М., 1990; Через тернии. М., 1990; Трудные вопросы истории. М., 1991 и др.
- 62 Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9; Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть. М., 1991; Белова Т. В. Культура и власть. М., 1991; Дубин Б. А. Игра во власть: интеллигенция и литературная культура // Свободная мысль. 1993. № 1.

- 63 Коммунист. 1987. № 1; Карякин Ю. Стоит ли наступать на грабли // Знамя. 1987. № 9.
- 64 Маслов Н. Н. Тоталитарная система власти и идеология сталинизма // Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Ч. 2; Он же. Советское искусство под гнетом «метода» социалистического реализма: политические и идеологические аспекты (30–40-е гг.) // Отечественная история. 1994. № 6; Он же. «Краткий курс истории ВКП(б)» энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Он же. Из истории распространения сталинизма // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7; Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1993.
- 65 История советской культуры: Новый взгляд. По материалам Всесоюзной научно-творческой конференции. 11–12 мая 1989 г. М., 1990; Оскоцкий В. Д. Как управляли литературой // Вопросы литературы. 1991. № 4; Лазарев Л. И. «Как бы ни была горька» // Коммунист. 1991. № 8; Он же. «Колесико и винтик». Заметки о том, как партия руководила литературой. Октябрь. 1993. № 8; Громов В. Сталин: пути эстетического утилитаризма // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1; Добренко Е. А. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Munchen, 1993.
- 66 Зезина М. Р. Культура советского общества // История русской культуры. М., 1990.
- 67 Рейтблат А. Видок Фиглярин // Вопросы литературы. 1990. № 3; Янов А. Загадка Фаддея Булгарина // Вопросы литературы. 1991. № 9–10; Алтунян А. Власть и общество. Спор литератора и министра (Опыт анализа политического текста) // Вопросы литературы. 1993. Вып. 1. С. 173–214.
- 68 Андроникашвили-Пильняк Б. Два изгоя, два мученика: Б. Пильняк и Е. Замятин // Знамя. 1994. № 9. С. 123–153; Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989; Она же. Литература в зеркале критики. М.: Советский писатель, 1986; Она же. Угрожающая реальность (Об истоках термина и явления «социалистический реализм») // Вопросы литературы. 1990. № 4. С. 3–23; Дядичев В. Н. Маяковский: стихи, поэма, книги, цензура... // Литературное обозрение. 1993. № 9–10. С. 63–69; Карабичевский Ю. Улица Мандельштама: К 100-летию со дня рождения О. Э. Мандельштама // Юность. 1991. № 1. С. 65–69.
- 69 Чагодаева М. А. России черный год (Психологический портрет художественной русской интеллигенции в преддверии Октября). М., 1991; Голомшток И. Е. Тоталитарное искусство. М., 1994 и др.
- 70 Жидков В. С. Культурная политика и театр. М., 1995; Он же. Театр и время: От Октября до перестройки. М., 1991.
- 71 Фомин В. Кино и власть. Советское кино: 1965–1985 годы. Документы, свидетельства, размышления. М.: Материк, 1996; Марголит Е., Шмыров В. Изъятое кино. М., 1995 и др.
- 72 Кино: политика и люди. (30-е годы). М., 1996. С. 2.
- 73 Там же. С. 25–27.

- 74 Там же. С. 56.
- 75 Зануси К. Мои сто лет // Искусство кино. 1995. № 11. С. 25.
- 76 Самое важное из всех искусств. Ленин о кино. М., 1973; Рубайло А. Партийное руководство развитием киноискусства (1928–1937 гг.). М., 1976; Гак А. М. Деятельность В. И. Ленина и коммунистической партии по созданию советского кинематографа (1917–1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1972 и др.
- 77 Кино: политика и люди. (30-е годы). С. 24.
- 78 Марголит Е., Шмыров В. Изъятые кино. М., 1995.
- 79 Кино: политика и люди. (30-е годы). С. 157.
- 80 Листов В. С. Россия, революция, кинематограф. М., 1995.
- 81 Гранин Д. Зубр. М.: Книжная Палата, 1988; Горбаневский М. В. В начале было слово. Малоизвестные страницы истории советской лингвистики. М., 1991; Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М., 1991.
- 82 Репрессированная наука. Сборник статей / Под ред. М. Г. Ярошевского. Вып. 1. Л.: Наука, 1991; Вып. II. СПб., 1994.
- 83 Журналистика и идеология. М., 1985; Канспаров В. Гласность и безгласность // Нева. 1990. № 3; Андрунас Е. Ч. Информационная элита: корпорация и рынок новостей. М., 1991; Красников Е. Стратеги информационной войны // Московские новости. 16 июня 1996; Ваксберг А. Писатель нужен любой власти, если он ее обслуживает // Литературная газета 25. сентября 1996 г. С. 14; Система средств массовой информации России / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1995; Мелюхин И. С. Информационное общество: проблемы становления и развития: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997; Засурский И. Масс-медия второй республики. М., 1999 и др.
- 84 Закон СССР об издательском деле. Каким ему быть? Мнение ученых / Ю. М. Батулин, М. А. Федотов, Л. М. Энтин: Юридическая литература, 1991; Законы и практика СМИ в одиннадцати демократиях мира (сравнительный анализ) / Сост. М. Федотов. М., 1996; Батулин Ю. М. Политический осциллятор: «Новый Карфаген» против гласности // Политические институты и обновление общества. М.: Наука, 1989. С. 168–184; Федотов М. А. Был ли разрушен «Новый Карфаген»? (Из истории советского законодательства о цензуре) // Политические институты и обновление общества. С. 185–194; Он же. Гласность и цензура. Возможность существования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80–89; Он же. Свобода печати — конституционное право советских граждан: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М.: ВЮЗИ, 1976; Он же. Советы и пресса. М., 1987; Он же. СМИ в отсутствие Ариадны: Энциклопедия жизни русской журналистики. М., 1998.
- 85 Профессиональная этика журналистов. Т. 1. Документы и справочные материалы. М., 1999; «Дело № 1. П. Грачев против В. Поэгли. Ст. 131 УК РСФСР». М., 1998; «Дело № 2. Республика Калмыкия против “Советской Калмыкии”». М., 1998; «Дело № 3. Журналист Андрей Колесников и колесница правосудия». М., 1998; Ежегодник фонда защиты гласности. Итоги 1998 года. М., 1998.

- 86 INDEX on censorship. Досье на цензуру. 1997. № 1–3; 1998. № 1–4; 1999. № 1–4; 2000. № 1.
- 87 Андрунас Е. Ч. Информационная элита: корпорации и рынок новостей. М., 1991; Andrunas E. Soviet Media in Transition: Structural and Economic Alternatives. Westport, Connection-London: Preger, 1993.
- 88 McChesney R. Corporate Media and Threat to Democracy / The Open Pamphlet Media Series. N. Y.: Seven Stories press, 1997.
- 89 Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society (1996); The Power of Identity (1997); End of Millennium (1998), Maiden (Massachusetts, USA), Oxford (UK), Blackwell Publishers.
- 90 Webster F. Theories of the Information Society. Routledge, London and N. Y., 1998.
- 91 McNair B. Media in post-Soviet Russia: an overview // European Journal of Communications. 1994. Vol. 9.
- 92 Молчанов Л. А. Газеты России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.): Опыт комплексного исследования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.
- 93 Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука в России 30–70-х гг. XIX в. (Опыт источниковедения историографии): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.
- 94 Молчанова Л. А. Газеты России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.): Опыт комплексного исследования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 353–433.
- 95 Из служебной переписки между ЦГАОР СССР и КГБ.
- 96 Письмо подписал зам. заведующего Централхивом Адоратский (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 27. Л. 24).
- 97 ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 27. Л. 25.
- 98 Там же. Л. 26.
- 99 Пр. № 3 ЭПК № 0179 от 15 июня 1966 г.
- 100 Две описи: оп. 1 — секретные документы, оп. 2 — документы ограниченного доступа. Всего 906 дел. Акт № 1 о передаче материалов был подписан заместителем начальника 1 Отд. Главлита А. Меркуловым и директором ЦГАОР СССР В. Р. Крыловым. Документы Главлита поступили на специальное хранение (хранитель фондов — Анисимов) и получили гриф секретности.
- 101 Из служебной переписки между ЦГАОР СССР и КГБ.
- 102 Несекретные материалы с 1938–1948 гг., всего по двум описям 123 дела.
- 103 ГА РФ. Дело фонда Главлита № 9425.
- 104 Сведения об истории складывания архивного фонда Главлита почерпнуты из материалов Дела фонда.
- 105 Главное Управление по контролю за репертуаром при Главлите РСФСР (система НКП РСФСР), 1923–1928; Главное Управление по контролю за репертуаром Главискусства НКП РСФСР, 1928–1934; Главное управление по контролю за репертуаром и зрелищами НКП РСФСР, 1934–1936; Главное управление за репертуаром и зрелищами при Комитете по делам искусств при СНК СССР (Совете министров СССР), 1936–1951.

- ¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 195–198; Оп. 3. Д. 1527, 1528.
- ¹⁰⁷ Горяева Т. М. Радио России: Политический контроль радиовещания в 1920-х — начало 1930-х гг.: Документированная история. М., 2000. С. 35.
- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 900. Л. 41–42. Подробнее см.: Богданова О. Э. Архивы наркоматов и центральных учреждений в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 154–163.
- ¹⁰⁹ Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 143. Л. 119.
- ¹¹⁰ Государственный музей В. В. Маяковского. Рукописно-документальный фонд. № 13657.
- ¹¹¹ В настоящее время там располагается Комитет по печати РФ, с одной стороны, и редакция журнала «Новый мир», с другой стороны.
- ¹¹² ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 900. Л. 41.
- ¹¹³ Гуревич П. С. Характеристика архивных источников по истории советского радиовещания (1917–1941 гг.) // Вестник МГУ. Серия 7, филолог, журналист. 1965. № 3. С. 46–54.
- ¹¹⁴ Автократов В. Н. Общая теория архивоведения // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 63–64.
- ¹¹⁵ Он же. О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов: На примере фонда Военного приказа // Исторический архив. 1961. № 6. С. 165.
- ¹¹⁶ Сомнич Г. Е. Комплектование ЦГИА СССР фондами личного происхождения XIX — начала XX в. // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советских архивах 1917–1987 гг.: Межвуз. сб. научн. тр. М., 1989. С. 96–107.
- ¹¹⁷ Автократов В. Н. О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов: На примере фонда Военного приказа. С. 165.
- ¹¹⁸ Медушевская О. М. Источниковедение: Теория, история и метод / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1996. С. 47.
- ¹¹⁹ ЦХСД был создан в конце 1991 г. на базе текущих архивов ЦК КПСС — в первую очередь VII сектора Общего отдела ЦК, который объединял документы Секретариата и аппарата (отделов) ЦК КПСС, за период с октября 1952 по август 1991 г.
- ¹²⁰ Если РГАНИ и РГАСПИ входят в состав Государственного архивного фонда, то Архив Президента РФ подчиняется только Администрации Президента РФ и Президенту России. Поэтому доступ к документам последнего является ограниченным и только с разрешения Администрации. Надо отдать должное, что уже с 1991 г., и особенно с 1994 г., началась большая работа по передаче документов из Архива Президента РФ в профильные государственные архивы.
- ¹²¹ См. подробно: Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М., 1976; Дубровин В. Б. Об эволюции газетных форм работы и жанров на радио (1922–1932 гг.) // Журналистика: Наука. Образование. Практика. Л., 1971. С. 114–132; Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых

- информационных процессов. М., 1973; Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973; Гуревич П. С. Ружников В. Н. Советское радиовещание: Страницы истории. М., 1976; Звучащий мир: Книга о звуковой документалистике. М., 1979; Методологические проблемы изучения средств массовой коммуникации. М., 1985; Михалкович В. И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. М., 1986 и др.
- ¹²² Современная практика «живого» эфира существенно отличается от прежней. Поэтому оформление текстов также сильно изменилось. Нет прежних точно выверенных и отредактированных текстов, поскольку практически все журналисты работают по своим рабочим наброскам, многие интервью готовятся предварительно только по основным вопросам, а в эфире идет свободная беседа. Безусловно отсутствуют многие атрибуты, такие как, например, отметка цензора и др.
- ¹²³ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 г.). М., 1961. С. 82.
- ¹²⁴ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 2. Л. 153–154; Оп. 9. Д. 2. Т. III. Л. 165–167; Ф. 5508. Оп. 1. Д. 2073. Л. 43–44.
- ¹²⁵ Приказ № 415 по Всесоюзному комитету по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР от 22 сентября. 1939 г. о создании комиссии «для проверки имеющегося фонда тонфильм и очистки его от негодных в идеологическом и художественном отношении фильмов» (Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 74. Л. 45).
- ¹²⁶ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 988. Л. 356–374.
- ¹²⁷ Об этом подробнее: Архивы звука и образа. Статьи и методические материалы / Под ред. Б. С. Илизарова, сост. Т. М. Горяева. Серия «Народный архив». М., 1996; Горяева Т. М. Из истории отечественной звуковой культуры: (Жизнь и деятельность С. И. Бернштейна) // Труды Историко-архивного института. Т. 33. М., 1996. С. 204–219.
- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. 391. Оп. 6.
- ¹²⁹ ГА РФ. Ф. 391. Оп. 35. Л. 5–6, 812.
- ¹³⁰ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Имеются в виду различные адресно-тематические модификации радиогазеты («Радиогазета», «Утренняя радиогазета», «Рабочая радиогазета» и др.), появившиеся в результате дифференциации радиовещания (по возрастному и социальному признакам). 31 марта 1925 г. в эфир вышли две новые радиогазеты — «Радиопионер» и «Радиооктябренок», весной 1926 г. «Радиогазета» разделилась на «Крестьянскую радиогазету» и «Рабочую радиогазету».
- ¹³¹ ГА РФ. Ф. 5508. Оп. 1.
- ¹³² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1, 69.
- ¹³³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 6.
- ¹³⁴ Ранее назывался Всесоюзный фонд телевизионных и радиопрограмм Гостелерадио СССР (Телерадиофонд), был создан 28 января 1974 г. как самостоятельная производственная организация. Ее задачи: обеспечение главных редакций Центрального телевидения и радиовещания всеми видами телевизионных программ на пленке, киноматериалов, видео- и магнитных записей,

- фото- и изобразительных материалов; комплектование фондов телекинофотофотоматериалами временного и длительного хранения, их учет, хранение, восстановление и реставрация; оперативное информирование редакций, служб и организаций Гостелерадио (в настоящее время телерадиокомпаний) о наличии, состоянии и движении фондовых материалов.
- ¹³⁵ Программа радиопередач издавалась Радиокomiteетом сначала в качестве приложения к журналу «Говорит СССР», а с 1 января 1934 г. — в виде самостоятельного издания «Радиогазеты». С 6 июня 1935 по 22 июня 1941 г. оно выходило под названием «Радиопрограммы», возобновлено было 15 мая 1947 г.
- ¹³⁶ Радиопрограммы. 1935. 5 апреля. С. 3.
- ¹³⁷ Февральский А. Московские встречи. М., 1982. С. 124.
- ¹³⁸ Радиопрограммы. 1936. 11 июня. С. 8. Подробнее см.: Горяева Т. М. Проблемы выявления, отбора и публикации документов по истории советской радиожурналистики // Современные вопросы историографии советской археографии. М., 1985. С. 41–42.
- ¹³⁹ К сожалению, до сих пор местонахождение тонфильмов с записями «Каменного гостя», «Русалки» и других радиопедевров В. Э. Мейерхольда не установлено.
- ¹⁴⁰ Уже после выхода в свет «Истории советской радиожурналистики» выявление было продолжено студенткой Е. Романовой для дипломной работы «Становление и развитие советского художественного радиовещания в 1920–1950 гг. (Тематический обзор по материалам РГАЛИ)» (М., 1996) (науч. рук. Т. М. Горяева), а также в процессе работы межархивной группы для международного проекта «Структура, формы и механизмы советской культурной политики. 1917–1940 гг. (Документация и научный анализ)» (Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана; Рурский университет, Бохум, ФРГ). Руководители проекта — К. Аймермахер, К. Вашик, руководитель подпроекта — Т. М. Горяева.
- ¹⁴¹ А. В. Луначарский выступил с лекцией перед выходом первой «Радиогазеты» 23 ноября 1924 г., тем самым как бы открывая начало регулярного радиовещания в СССР.
- ¹⁴² О радиофикации и радиовещании: Сб. постановлений. М., 1936. С. 37.
- ¹⁴³ Детское вещание: Сб. творческих материалов / Ред. М. Гезенцвей. М., 1934. № 29–34, 44–60; Радиовещание для детей / Ред. В. А. Гончаров. М., 1940. Вып. 2.
- ¹⁴⁴ История советской радиожурналистики: Документы. Тексты, Воспоминания. 1917–1945 гг. / Под ред. Я. Н. Засурского, отв. сост. Т. М. Горяева. М., 1991.
- ¹⁴⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1–3.
- ¹⁴⁶ См. основную литературу по истории радиовещания в СССР, представленную в списке источников и литературы.
- ¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 112, 113, 114, 60.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 148.

- 150 Там же. Ф. 2.
- 151 Там же. Ф. 329.
- 152 Там же. Ф. 135.
- 153 Наркомпрос. Бюллетень. 1921. № 50. С. 5; Бюллетень Главного управления Государственного издательства. 1921. № 7–8. С. 30.
- 154 Наркомпрос. Бюллетень. 1921. № 41. С. 2; Бюллетень Главного управления Государственного издательства. 1921. № 5. С. 2.
- 155 Наркомпрос. Отчет о деятельности литературно-издательского отдела. М., 1918; Государственное издательство. Отчет о деятельности на 1 декабря 1920 г. М., 1920; Главный политико-просветительный комитет. Отчет о работе. М., 1920. Наркомпрос. Обзор отдела изобразительных искусств. М., 1920.
- 156 Наркомат государственного контроля. Краткий отчет о реорганизации и деятельности. М., 1918; НК РКИ. Отчет о деятельности с 1. 01 по 1. 11. 1920. М., 1920 и др.
- 157 РСФСР. ПУР. Отчет о деятельности отдела военной литературы. М., 1923.
- 158 Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / Под общ. ред. В. Н. Касаткина; сост. И. Ф. Заколотник и А. Ф. Подземский. М.; Л., 1929.
- 159 Основные декреты и законодательства о печати / Сост. А. Г. Фогелевич. М., 1927; 2-е изд. М., 1929; 3-е изд. М., 1931; Основные директивы и законодательство о печати. 4-е изд. / Сост. А. Г. Фогелевич. М., 1934; 5-е изд. М., 1935; 6-е изд. М., 1937.
- 160 Главное управление по контролю за репертуаром. О контроле за зрелищами и репертуаром: Официальный сборник положений, инструкций и распоряжений. М., 1935.
- 161 Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996.
- 162 Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877) / А. В. Никитенко. Т. 1–3. СПб., 1893; Он же. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л., 1955.
- 163 Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы, 1848–1896. Воспоминания. Л., 1929; Он же. За кулисами политики и литературы, 1848–1896. Воспоминания. М., 1991.
- 164 Литовский О. Так и было. Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958; Он же. Глазами современника. Заметки прошлых лет. М., 1963.
- 165 Митрохин Н. А. «Убежден, что работал на стабильность государства...» Интервью В. П. Солодина // «Исключить всякие упоминания...» Очерки истории советской цензуры / Сост. и предисловие Т. М. Горяева. Минск: «Старый свет-Принт»; М.: «Время и место», 1995. С. 315–331; Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции. 24–27 мая 1993 г., Москва. М., 1995.
- 166 Варшавчик М. А. Классификация источников изучения истории КПСС. Материалы к лекции. Киев, 1971; Он же. Вопросы источниковедения истории КПСС. М., 1972; Архивный фонд КПСС — источник изучения истории

- Великого Октября, революционных свершений партии и народа. М., 1978; Источниковедение Истории Великого Октября. Сборник статей. М., 1977; Антонюк Д. И. Некоторые вопросы опыта перспективного изучения документов архивного фонда КПСС // Опыт изучения архивного фонда КПСС. М., 1980; Аникеев В. В. Из истории образования фонда КПСС. М., 1984 / Новое в жизни, науке, технике. Серия «История и политика КПСС». 1984. № 4 и мн. др.
- ¹⁶⁷ В. И. Ленин о печати. 2-е изд., доп. М., 1974; О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954; О советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов. М., 1972 и мн. др.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.
- ¹⁶⁹ Там же. Оп. 112–121.
- ¹⁷⁰ Бабиченко Д. Л. И. Сталин: «Доберемся до всех» (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943–1946 гг.) // «Исключить всякие упоминания...» Очерки истории советской цензуры. С. 139–189.
- ¹⁷¹ Имеется в виду принятое в нашей стране раздельное комплектование и хранение документов партии и государства.
- ¹⁷² Повесть появилась в майской книге «Нового мира» в 1926 г.
- ¹⁷³ Имеются в виду источники, отражающие деятельность А. А. Алова, В. Е. Ардова, Г. Я. Бакланова, С. Ф. Бондарчука, Ю. П. Германа, Е. И. Габриловича, Ю. Т. Дунского, Э. Г. Казакевича, В. П. Катаева, Л. А. Кулиджанова, Х. А. Локшиной, А. Н. Митты, В. Н. Наумова, А. С. Михалкова-Кончаловского, Ю. Н. Нагибина, А. И. Райкина, К. М. Симонова, Л. З. Трауберга, М. М. Хуциева, Е. Л. Шварца, В. М. Шукшина, Н. Р. Эрдмана и мн. др.
- ¹⁷⁴ Озеров Ю. А. История и мемуары // История СССР. 1966. № 2. С. 236–237; Черноморский М. Н. Некоторые вопросы изучения мемуаров деятелей советского искусства и литературы как исторических источников // Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968. С. 4–7; Ясман З. Д. Частная переписка как исторический источник // История СССР. 1968. № 2. С. 224; Волкова Н. Б. Комплектование ЦГАЛИ СССР материалами личного происхождения деятелей литературы и искусства // Советские архивы. 1917. № 6; Блинов А. М. Комплектование и использование материалов частных коллекций // Советские архивы. 1974. № 6; Житомирская С. В. Личные архивные фонды — объект собирания. М., 1979; Сырченко Л. Г. Личные фонды деятелей литературы и искусства в архивах СССР. Учеб. пособие. М., 1984; Мамонов В. М. Работа по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1987. № 4; Сиротинская И. П. Основные направления совершенствования работы с документами личного происхождения // Материалы научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в развитом социалистическом обществе». Вып. 4. М.: Главархив СССР, 1985; Она же. Особенности работы с документами личного происхождения // Советские архивы. 1989. № 1; Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения. М.: ЦГАЛИ

СССР, 1990; Архивы звука и образа. Сборник статей и методических материалов. М., 1996 и др.

- 175 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 321. Л. 69–79.
- 176 Свободин А. П. (1925 — март 1999) — историк, драматург, телесценарист, критик.
- 177 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 191.
- 178 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- 179 Там же. Ф. 962. Оп. 3. Д. 636. Л. 39.
- 180 Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 161. Л. 374–375.
- 181 Там же. Ф. 5446. Оп. 24. Д. 471. Л. 49.
- 182 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2131. Л. 2.
- 183 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
- 184 Там же. Ф. 962. Оп. 3. Д. 388. Л. 46.
- 185 Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 203. Л. 5.
- 186 Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 89. Л. 143.
- 187 Там же. Д. 156. Л. 283.
- 188 Там же. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 6. Л. 34–39.
- 189 АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 37. Л. 92–93.
- 190 Это были Алыпов С. А., Андреев С. Д., Анишев А. И., Аржекаев Е. А., Балабанова А., Богаевский Г. В., Борисов Н. А., Борн Г., Буйский А. А., Варавва А. П., Вишневский А. И., Волосевич В. О., Голиков А. П., Гольдман Э., Гоникмам С. Л., Горев Б. И., Давид Ф., Двойченко П. А., Дробнис Я. Н., Зайцев А. Н., Зайцев В. А., Заковский Л. М., Залучкий П. А., Зельцер В. З., Зорин Б. П., Ивонин Н. П., Истмэн М., Карев Н. А., Карелин В. А., Карпов И. К., Кондратьев Н. Д., Крестинский Н. Н., Лазаревский Б. А., Лелевич Г., Лемус В. И., Лившиц В. А., Лилина З. И., Литвинов И. И., Ломинадзе В. В., Макарьев С. А., Мещерский А. П., Муралов Н. И., Нейман Г., Норкин Б. О., Оглоблин А. П., Отвальт Э., Певнев А. Л., Пикель Р. В., Равич-Черкасский М., Раскольников Ф. Ф., Рахимбаев М. А., Роговский А. А., Смирнов С. А., Соллогуб Н. В., Столяров А. К., Строилов М. С., Тальгеймер А., Тверяк А. А., Уранов С., Фридолин С. П., Цейтлин Н. П., Цытович Н. П., Шацкин Л. А., Шляпников А. Г., Штепа К., Эйсмонт Н. Б.
- 191 ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 16. Л. 11.
- 192 Там же. Д. 1. Л. 3.
- 193 Айны — в настоящее время народ на о. Хоккайдо (Япония), составляющий отдельную айнскую расу, имеет собственный язык (айнский), исповедует буддизм
- 194 Ф. 9425. Оп. 1. Д. 827. Л. 20.
- 195 Там же. Л. 40а.
- 196 Там же. Д. 1255. Л. 41.
- 197 Там же. Л. 52.
- 198 Там же. Д. 26. Л. 16–20.
- 199 Там же. Л. 10–11.
- 200 Там же. Ф. 395. Оп. 9. Д. 16. Л. 222.

- 201 Там же. Л. 38.
- 202 Курсивом обозначены графы бланка.
- 203 ГА РФ. Ф. 395. Оп. 9. Д. 6. Л. 129–129а.
- 204 Там же. Д. 40. Л. 304–304об.
- 205 Выготский Л. С. Психология искусства. 2-е изд., испр. и доп. М., 1968. С. 40–41.
- 206 РГАЛИ. Ф. 2485. Оп. 2. Д. 419, 1500.
- 207 Там же. Д. 419. Л. 2.
- 208 Там же. Д. 433. Л. 79–80.
- 209 Летунов Ю. А. О развитии документальной радиожурналистики. М., 1965; Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М., 1976; Основы радиожурналистики: Учебник. М., 1989.
- 210 Ввиду сложности и недостаточной разработанности определений ряда художественно-публицистических жанров, таких, например, как радиоконпозиция, документальная радиодрама и др., здесь приводятся только те из них, которые получили достаточное теоретическое осмысление.
- 211 Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. С. 52.
- 212 См., например: ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 1. Л. 1.
- 213 Новости радио. 1925. № 1. С. 3.
- 214 Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 458–59.
- 215 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 14. Л. 93–95.
- 216 Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М., 1976. С. 52.
- 217 ГА РФ. Ф. 459. Оп. 7. Д. 14. Л. 2.
- 218 Там же. Л. 59.
- 219 Там же. Д. 99. Л. 47–48.
- 220 Там же. Д. 49. Л. 69–87, 107–127; Д. 93. Л. 71–76; Д. 94. Л. 1–22; Д. 97. Л. 419–429 и др.
- 221 ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 17. Д. 503. Л. 1–18.
- 222 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 99. Л. 41–42.
- 223 Пугачева В. В. С позиций историка: (Об изучении связей истории и литературы) // Взаимодействие и синтез искусств. М., 1978. С. 239–242; Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982 и др.
- 224 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 7. Д. 3. Д. 85–86.
- 225 См. об этом: Горяева Т. М. Из истории отечественной звуковой культуры: Жизнь и деятельность С. И. Бернштейна // Архивы звука и образа. М., 1996. С. 26–41.

Глава II

ЦЕНзуРА XX ВЕКА

КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Становление основных видов цензуры и практики цензорской деятельности

Цензура берет свое начало в период существования древних цивилизаций. То, что мы сегодня понимаем под цензурой, возникло не с появлением письменности, а тогда, когда одна группа людей, обладающих властью и имуществом, стремясь удержать их в своих руках, стала навязывать свою волю остальным. Язык — один из наиболее точных фиксаторов времени — отражает приблизительно эпоху рождения правового института цензуры. Это слово происходит от латинского «ценз» («census»), что в Древнем Риме означало периодическую оценку имущества для значительного разделения на податные разряды. Еще одно значение этого слова — «ограничение условия допущения лица к пользованию какими бы то ни было правами и преимуществами, например избирательными». Соответственно, цензор в Древнем Риме являлся должностным лицом, ведавшим проведением ценза и следившим за поведением и благонадежностью политической ориентации граждан¹.

Становление и оформление цензуры в качестве обязательного атрибута власти произошло в эпоху античности. Древние хроники свидетельствуют о фактах сожжения в Афинах книги Протагора о богах (480–410 гг. до н. э.), за критику властей в своих пьесах был посажен в тюрьму Гней Невий (ок. 217–210 гг. н. э.), во времена Римской империи (при Августе, Калигуле, Нероне и др.)² репрессии за свободомыслие стали составляющей государственной политики³. В трудах древних авторов (Платона, Цицерона, Иоанна Златоуста и др.) прослеживается позитивное отношение к цензуре как инструменту государственной и религиозной власти, предназначенному для поддержания порядка и благонравия в обществе. Однако исторические факты свидетельствуют о противодействии народных масс насильственному влиянию государства. Единственным конкурентом государства в борьбе за умы являлась цер-

ковь, история которой сопровождалась увеличением масштабов духовной цензуры, приобретшей форму жестоких репрессий. Родоначальником духовной цензуры считают папу Геласия (ум. 19 октября 496 г. н. э.), выступившего с первым индексом запрещенных книг — «Index librorum prohibitorum»⁴. Это было началом гигантского костра, который запылал по всей Европе и в огне которого сгорали не только книги, но и их авторы. На одном из таких костров в 1415 г. по постановлению Констанцкого собора был сожжен Ян Гус. Период Реформации также был отмечен крайней нетерпимостью к своим идеологическим противникам и жестокими мерами по отношению к ним. В 1527 г. в Лейпциге за выпуск крамольных книг был обезглавлен печатник Ганц Гергот⁵.

Появление печатного станка существенно изменило общекультурную и политическую картину мира. В Средние века, характеризующиеся противостоянием теократии и светской власти, и в эпоху Ренессанса с ее реформаторскими процессами цензура заняла главенствующее положение в политической жизни. Отсюда стремительная централизация и структурное закрепление функций цензуры за двумя основными господствующими силами: церковью и государством. Церковь сразу попыталась узурпировать власть над печатным станком: следуют распоряжения пап Сикста IV (1471 г.), Иннокентия VIII (1487 г.), решение Лютеранского собора (1512 г.) о введении предварительной церковной цензуры всей литературы. Папа Пий V учредил в 1571 г. Конгресс Индекса — *Congregatio Indicis*, по которому ни один католик под страхом отлучения не должен был ни читать, ни держать у себя книги, не входившие в Индекс⁶. В общественно-политической мысли произошло размежевание точек зрения на цензуру: сторонники цензуры в жесткой форме (Б. Клервоский, М. Лютер, Т. Кампанелла и др.) и критики, которые подвергали сомнению целесообразность этого феномена и положительный характер его влияния на культурную и духовную жизнь общества (П. Абеляр, Э. Роттердамский, М. Монтень и др.).

Для мыслителей Нового времени характерны были попытки решить эту проблему на новом уровне. Французские просветители провозглашали идеи о свободе слова, печати и собраний, но в период Французской революции якобинские цензоры быстро перешли от прежних заверений о всеобщей свободе и равенстве к террору. Противоречивые суждения по поводу цензуры высказывались в немецкой классической философии. Так, Э. Кант стоял на позиции личной свободы в выражении своих взглядов перед обществом и государством. Гегель же считал, что свобода публичного сообщения, настоятельное влечение высказать свое мнение обязательно должно контролироваться полицейскими распоряжениями и законами. На рубеже XIX–XX вв. следует выделить суждения М. Вебера, который рассматривал цензуру в качестве элемента права и явления легитимного порядка, и оригинальные интерпретации инстинкта запрета З. Фрейда, рассматривающего цензуру как

особую психическую силу, неразрывно связанную с психофизической природой человека⁷.

Между тем весь ход истории цивилизации свидетельствует о том, что власть, и государственная, и церковная, осуществляла свои охранительно-карательные функции прежде всего в отношении духовной сферы жизни общества, существенной частью которой является культура. Пиршество массовой культуры, исход интеллигенции во власть и бизнес, относительный кризис общекультурного национального процесса в XX в. — все эти объективные в какой-то мере явления породили неожиданные и, на первый взгляд, пугающие высказывания не только «рядовых граждан», но и отдельных творческих деятелей о причинах кризиса отечественной культуры, которые, как им кажется, заключаются в том числе в утрате института цензуры. Можно было бы успокоиться, пожалев «потерянное поколение рабов», грустящее о потере своих цепей и оказавшееся несостоятельным в условиях личной и творческой свободы, если бы не вечные вопросы, возникавшие не только у современников, но и у многих наших предшественников, задумывавшихся над проблемой соотношения и взаимодействия между культурой и властью.

Для того, чтобы объяснить парадоксальность характера этого взаимодействия, который состоит в том, что высокая степень проявления подавляющих функций государства чаще всего вызывала исключительную интеллектуальную и творческую активность общественной мысли, как бы провоцировала появление наиболее заметных произведений, создавая тем самым питательную среду для развития культуры, некоторые пытались отделять понятия «культура» и «цивилизация». Однако все это не что иное, как попытка практику жизни объяснить старыми способами, поскольку даже на уровне лингвистического анализа «цивилизация» и «культура» одно и то же, а именно — эволюция людей к более высокой организации и более высокой нравственности. В таком случае надо говорить скорее о наличии этической и неэтической культуры и этической и неэтической цивилизации⁸.

Культура как важнейший результат человеческого разума и интеллекта является наиболее характерным отражением уровня развития человечества. Во все времена культура испытывала на себе жесткое давление власти, преодоление которого и было высшим проявлением творческого начала и эволюции мысли. Этические, эстетические и идеологические нормы общества создавали тот «водораздел», на котором возник институт цензуры, разделивший культуру на официальную и неофициальную, подпольную. При этом, по наблюдению Ю. М. Лотмана, неофициальная культура, как запретный плод, была исключительно привлекательна для аудитории, оказывая на нее не менее, а в некоторых случаях и большее воздействие⁹.

Культура представляет собой некое сооружение, «этажи» которого тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, питая и обогащая

этическую, стилистическую и жанровую основу творчества. Культуру как всеобъемлющее социальное явление можно сравнить с айсбергом, в котором официально признанная культура составляет самую незначительную видимую его часть, тогда как неофициальная, подпольная, и, что естественно, большая скрыта под водой. Так было до недавнего прошлого, когда «этажи» культуры довольно четко распределялись между «литературными генералами», мастерами эзоповского языка, авторами «произведений для ящиков письменного стола», культурой русского зарубежья, «тамиздатом» и «самиздатом», рок культурой и авторской песней — магнитофонной культурой, тюремно-лагерной и примитивной культурой и т. д. Именно в недрах нонконформистской культуры вызревали бурные «перестроечные» процессы конца 1980-х гг., под влиянием которых произошло разрушение цензурно-идеологической стены и крушение существовавшего многоэтажного здания «советской культуры». То, что ранее было скрыто и труднодоступно, стало откровением и сенсацией для большинства, но, к сожалению, одновременно приобрело и другие качества, определяющие новую конъюнктуру и обусловившие «возведение» новых «этажей» культуры. Философские и психологические основы творчества немислимы без личных и общественных свобод автора, вместе с тем парадигмой культурного и художественного процесса является, как уже говорилось, почти аксиоматичная ситуация, когда в условиях наибольшего политического гнета культура достигала невероятных высот, а периоды относительной свободы порождали в обществе культурный упадок. Все это можно попытаться объяснить, если обратиться к трудам этнографов и антропологов, рассматривающих культуру как систему выживания (процесс осмысления себя и мира), присущую только человеку. При этом чем сильнее выражены неблагоприятные условия выживания, тем более высокого уровня развития достигает культура. И если для культуры материальной питательной средой являются экстремальные природные и ландшафтные условия, то для культуры духовной — политико-идеологические.

Однако такую культуру, возникающую в результате борьбы между темным и светлым, тайным и явным, следует считать культурой «детского» периода вызревания цивилизации, признаком ее недоразвитости. Естественным, а значит, и неизбежным является период «взросления» и превращения культуры больного общества в «нормальную». А то, что общество, не имеющее реальных правовых гарантий гласности, больно, не вызывает сомнения. И в основе этой болезни, по мнению Д. Фурмана, «лежит страх. В основе любого сокрытия информации, или, попросту, лжи, лежит страх, за себя эгоистический (чтобы не потерять не по праву занимаемое положение) или за других (например, когда правда скрывается от тяжело больного человека)»¹⁰. И в том, и в другом случае причиной является страх обнародования информации, способной разрушить мнимую стабильность. Мнимую и иллюзорную потому, что общество не

может существовать действительно стабильно без гласности, ибо любая попытка сообщить обществу правду «вдруг», может вызвать шок и разрушить эту стабильность.

Понять и объяснить происходящее в нашей стране стремится А. Битов в «Попытке утопии»: «Что-то кончилось, но ведь что-то и началось. И что кончилось, мы знаем, а что началось — не так уж. Мы-то уж знали чего бояться: Сталина, ЧК, ЦК, КПСС, КГБ, МПС, ГКЧП. Эти скрипучие аббревиатуры, которые уже не слова человеческие, суть синонимы и страха нечеловеческого. И мир зато знал, чего бояться: нас, называя наш страх коммунизмом.

Теперь — вдруг. Чего бояться? Ни того, ни другого, ни третьего.

Еще страшнее.

До того страшно, что прошлое уже не пугает нас, мимикрируя под счастье. Счастье ведь всегда не ценили и оно всегда в прошлом.

И тогда надо сказать, что боимся мы не чего-нибудь. Угроза — вещь ясная. А боимся мы **НАСТОЯЩЕГО, РЕАЛЬНОСТИ**»¹¹.

Наиболее наглядно этот эффект проявился в последнее десятилетие, когда на массовое сознание в целом невежественного в подавляющем большинстве обывателя обрушились разоблачительные публикации. В результате произошел разрыв между целями и усилиями науки и реакцией массового сознания. Помимо объективных законов пропаганды этот разрыв был связан также с психологическими особенностями национального характера в восприятии правды и лжи. Психологи и философы русской школы утверждают, что русские в большей степени ориентируются на психологическую категорию «правды», а не на познавательную истину, т. е. им свойственно стремление сместить акценты с гносеологических концепций истины на ее прагматические аспекты, создание своего собственного отношения к ней, основанного на системе моральных ценностей. Противоречие между разумом и чувством оказывается психологическим барьером, препятствующим пониманию истины. Вследствие этого во многих коммуникативных ситуациях истина в лучшем случае так и остается истиной, не превращаясь в правду, а в худшем — понимается как неправда или ложь. Можно сказать больше. Склонность ко лжи «святой», подчиненной высокой цели, есть неотъемлемая черта русского и советского человека. И корни этого — не только в бесконечных поисках справедливости, но и в том обстоятельстве, что россияне испокон веков жили в условиях отчуждения отдельного гражданина от государства, что способствовало формированию защитной реакции — мнения об оправданности лжи при взаимодействии человека с бездушной государственной машиной. Еще в середине XIX в. в записке Александру II известный славянофил К. Аксаков писал о том, что «ложь пропитала насквозь все общество сверху донизу»¹².

Именно этим объясняется трагическая несовместимость социокультурной психологии народного сознания с попыткой интеллек-

туалов «раскрыть глаза» общества на прошлое. Кризис социально-экономической структуры общества 1990-х гг. только углубил процесс отторжения людей от правды: исследования социологов показывают, что значительная часть населения страны считает ложь неотъемлемой частью нашего бытия, с которой практически невозможно бороться — ее нужно принимать как данность. Вся архивная машина была запущена на рассекречивание и публикацию документов, торопливо откликаясь на многочисленные обвинения со стороны специалистов и общественности в закрытости и недоступности архивов. Обрушившаяся на аудиторию правда о «белых пятнах» истории вместо прозрения и стремления к качественному осмыслению прошлого вызвала у подавляющей массы обратную реакцию, выразившуюся в активной эксплуатации примитивной формулы «очернения нашей истории» и возникновении национал-патриотических направлений в историко-архивном сознании. Отсюда и полное несоответствие первоначальным запросам общества — «Откройте архивы!» — происшедшие в ответ реформы в системе доступа к архивным документам, затраченные усилия на публикацию и обнародование документов, и последующего эффекта (независимо от разновидностей эффекта — научной, социокультурной и др.) его можно охарактеризовать в целом как слабо выраженный, полностью отсутствующий или прямо противоположный по качеству. Можно рассматривать происшедшее с точки зрения теории пропаганды, когда направленное коммуникативное воздействие при определенных обстоятельствах вызывает обратный эффект.

Страх рождает не только рецидивы цензуры и самоцензуры, но и вызывает агрессивные выпады СМИ. Наиболее распространенной формой политической и экономической борьбы на сегодняшний день является война компроматов. При этом публикации этого распространенного жанра выполнены в стилистике 1930–1940-х гг. Борьба уже идет повсеместно, и не только в СМИ. Во всех сферах, в любом учреждении граждане ищут коррупционеров, мздоимцев, как раньше искали туенядцев, стилияг и спекулянтов. Только вместо анонимок используется пресса. Вирус взаимных обвинений заразен и очень опасен. В 1920–1930-е гг. этот вирус, заразивший все общество параноидальным поиском врагов народа, пришел к нам именно со страниц газет и из радиоэфира. «Шантажистами прессы» называл в начале века В. Розанов далеко не бескорыстных разоблачителей, а подобные публикации — «панамой»¹³.

Генезис культурного развития неизбежно связан с социальными катаклизмами и национальными трагедиями, и путь к демократическим преобразованиям и «взрослой» культуре проходит через фашизм в Германии, Италии и Испании, сталинизм в России, «культурную революцию» в Китае. Однако исторические корни культурной ситуации, которая сложилась в России в XIX в. и наложила отпечаток на судьбу русской революции, следует искать даже не в реформах Петра I, а намно-

го раньше, в выборе великим князем Владимиром греческого православия в 988 г. Д. Фурман рассматривает эту ситуацию как постоянно существующий на протяжении веков колоссальный разрыв между передовой «европейской» культурой, реформаторскими устремлениями верхушечного слоя и средневековым сознанием темной забитой народной массы, загнанной в консервативные тиски социально-политического строя. Это вызывало непреодолимое стремление к свободе и ненависть к самодержавию со стороны интеллигенции, порождая в ее среде крайне выраженную форму революционности. Идеологический экстремизм был связан все с тем же преобладанием средневековых составляющих в менталитете русского народа, всегда готового к бунту, но исключая нормальную эволюционную перспективу¹⁴. Эти же обстоятельства сковывали реформаторские усилия власти, которая при показном либерализме панически боялась любых «ослаблений», могущих вызвать народные бунты и потрясения. Эта опасная «игра в реформы», которая в действительности всегда оборачивалась лишь одними только декларациями и манифестами, порождала в обществе крайние идеологические формы оппозиции, опровергающие официальную систему. Вот почему институт цензуры в России отличался от европейского.

Истоки российской цензуры обнаруживаются еще в историко-правовых актах средневекового периода. В Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат в статье «Цензура» выделяются следующие периоды истории цензуры в России: 1. Эпоха, предшествовавшая изобретению книгопечатания, когда в руках церковной власти и университетов сосредоточились права по наблюдению за правильностью переписки церковных и юридических книг. 2. Эпоха расцвета местной и ведомственной цензуры. 3. Эпоха государственно-полицейской цензуры. 4. Период замены предварительной цензуры карательной. 5. Период замены цензуры карательной ответственностью за преступления печати по суду¹⁵.

Россия явила миру образец последовательного государственного контроля за печатным словом начиная с сентября 1796 г., когда Екатерина Великая за два месяца до своей кончины учредила первый официальный светский цензурный орган. Екатерина II, несмотря на свои либеральные взгляды на проблему личных свобод, тем не менее была приверженкой самодержавия как единственно пригодной для России формы государственного правления со всеми присущими элементами полицейского государства¹⁶. Церковь в России, за исключением XVI в., не имела такой власти, не могла самолично определять национальную идеологию. Духовная цензура, особенно после правления Петра I, была ограничена монархической властью и сосуществовала с цензурой светской¹⁷. Светская (гражданская) цензура развивалась параллельно с духовной, находясь с ней скорее во взаимодействии, чем в противоречии, испытывая давление духовных иерархов при определении ценностных ориен-

тиров. Согласно указу 1796 г. все частные издательства и типографии в Москве, Санкт-Петербурге и других городах учреждались специальными цензурными комитетами. Павел I продолжил политику в этой области, издав в 1800 г. указ, запрещающий ввоз из-за границы любых печатных изданий, включая ноты. Наиболее мягкий, как это принято считать, закон 1804 г. был принят Александром I. Этим законом все печатные издания подвергались цензуре с целью «допущения к читателю лишь книг, способствующих просвещению ума и воспитанию нравственности, и запрещению тех книг, которые не способствовали этим условиям».

Печально известный «чугунный устав» 1826 г., принятый Николаем I, надолго погрузил Россию и российское вольное слово в глубокие сумерки, и, несмотря на дальнейшие «послабления» в виде разграничения функций цензурского контроля за внутренним и внешним книжно-газетным делом, просуществовал вплоть до выхода закона о цензуре 1865 г.

В соответствии с духом проводимых Александром II реформ Россия стремилась не отставать от своих европейских соседей, отказавшихся от предварительной цензуры после революции 1848 г. Высшим органом для общего руководства цензурой стало Главное управление по делам печати, состоявшее в системе Министерства внутренних дел. Утвержденные «Временные правила о печати» определяли положение печати вплоть до 1905 г. Оно заключалось в том, что предварительная цензура была введена выборочно, а те издания, которые от нее освобождались, несли административную ответственность в случае нарушения цензурных предписаний. Новое оживление гласности в 1879–1881 гг. было вскоре прервано введением новых «Временных правил», ограничивающих оппозиционную прессу, запрещающих обнародование информации о голоде, холерных эпидемиях, крестьянских восстаниях, студенческих беспорядках и др. Манифест 17 октября 1905 г. изменил положение печати. Начала выходить легально первая большевистская газета «Новая жизнь», но вскоре многочисленные издания марксистского толка ушли в глубокое подполье. Таковы основные вехи становления цензуры в России.

Существовавшая долгие годы царская цензура имела свои юридические и правовые основы, нашедшие отражение в уставах о печати и цензуре. Так, один из таких уставов гласил: «Во всех вообще произведениях печати следует не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность верховной власти и ее атрибутов, уважение к особам царствующего дома, непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого. Цензура обязана отличать благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрствований, равно противных истинной вере и истинному любомудрию. Она должна притом разли-

чать творения дидактические и ученые, назначаемые для употребления одних ученых, с книгами, издаваемыми для общенародного употребления. Не следует допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии. Не допускаются к печати статьи: 1) в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому; 2) в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы»¹⁸.

Осмысление роли и места цензуры в государственном устройстве активно происходило в первой половине XIX в. и определенным катализатором этого процесса послужили события на Сенатской площади. В 1826 г. Ф. В. Булгарин в своей записке «О цензуре в России и о книгопечатании вообще»¹⁹ предлагал с помощью литературы влиять на общественное мнение (по его выражению, «общее мнение»), формировать его в интересах общества и государства. Особую роль он отводил цензуре, рассматривая ее как систему действий, охраняющих интересы российского самодержавия и «направляющих общественное мнение». Булгарин писал: «...большая часть людей, по умственной лени, занятиям, недостатку сведений... гораздо способнее принимать и присваивать себе чужое суждение, нежели судить самим» поэтому «лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его (это большинство. — Т. Г.) и управлять оным» с помощью книгопечатания, которое и сообщит этой «большой части людей»²⁰ те сведения и суждения, какие правительство сочтет нужным им сообщить. Надо отметить, что мысли и соображения Булгарина о механизмах манипулирования общественным мнением поражают своей исключительной прозорливостью, знанием социальных законов развития общества, российской психологии. Его замечания и наблюдения о государственном управлении и власти можно сравнить с известными высказываниями Макиавелли. Что, например, стоит метафорическое суждение: «Силою невозможно остановить распространение идей...» Идеи овладевают общественным мнением. Но умелое управление им, «искусное направление парусами и рулем даже вопреки ветру выведет корабль... к желаемой пристани»²¹.

Не менее изощренной была и предложенная Булгариным практическая модель управления обществом. Она заключалась в знании «пружин» (выражение Ф. В. Булгарина. — Т. Г.), с помощью которых можно заставить это устройство действовать. Например, для молодежи высшего состояния — это театральная сфера; для среднего состояния (основной массы публики) — это «справедливость и некоторая гласность», для низшего состояния — использование идеологической формулы «Матушка Россия». В письме к Л. В. Дубельту 4 марта 1846 г. Булгарин пишет об управлении поляками, используя знание черт национального характера, играя на них²². Однако во всех случаях предлагается управлять

общественным мнением с помощью литератора. Следует заметить, что, несмотря на лобовые и примитивные действия дореволюционной и уж тем более советской цензуры, некоторые уроки Булгарина все-таки были восприняты нашими чиновниками, которые умело использовали эту черту российской интеллигенции, которая в дальнейшем была выражена формулой «поэт в России больше, чем поэт».

В нашем случае крайне важны замечания Ф. В. Булгарина по поводу «некоторой гласности». Он писал: «Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать к трону одну тень свободы в мнениях на счет некоторых мер и проектов правительства, как сие было до 1816 г. И поныне с восторгом вспоминают о царствовании Екатерины II по ее “Наказу”, по сильным нравственным комедиям и журнальным суждениям о различных предметах, по одам Державина и т. п. Споры, бывшие в “Духе журналов” о некоторых мерах Министерства внутренних дел, и статьи “Вестника Европы” в начале царствования императора Александра поныне услаждают нашу публику. Повторяю, что восстановлением суждений о том, что угодно будет правительству передать на суждение публики, произведется благодетельное влияние на умы и не только в России, но даже в чужих краях». При этом, по наблюдению исследователя текстов записок Булгарина и Шишкова, они предлагали две несколько отличные друг от друга политологические модели отношения власти и общества. Первая модель, принадлежащая Булгарину, заключалась в том, что «общее мнение» не есть мнение всего общества (публика не равна обществу), и политическая власть имеет единые цели, что строит их отношения по схеме: власть — литератор — общее мнение — общество. «Общее мнение» влияет на общество: «увлекает за собой толпу, раздает славу и бесславию и порождает добро и зло». Предполагалась и обратная связь, в результате которой, во-первых, власть узнавала реакцию «общего мнения», а во-вторых, выявляла наиболее талантливых и лояльных власти литераторов, руками которых она проводила бы свои идеи и которых предполагала использовать. Таким образом, по Булгарину субъектом отношений является «правительство», а объектом — «общее мнение».

У Шишкова в его записке нет «публики», а есть «народ». Государство же структурировано на «государь» и «правительство». Разница в точках зрения распространяется и на такие понятия, как «гласность»: по Булгарину это только механизм управления, а по Шишкову — возможность обратного контроля общества за властью. Если Булгарин полагал, что «неограниченная гласность производит своеволие», а «гласность же, вдохновленная правительством, примиряет обе стороны и для обоих полезна», то для Шишкова «безмолвие» — нормально, и опирается он в этом на мнение крестьян, на их восприятие гласности. Схема Шишкова выглядит следующим образом: власть — цензура — литератор = читатель, где власть определяет

ее соблюдение, а цензура контролирует ширину канала информации между литератором и читателем²³.

Очень любопытны суждения Булгарина и Шишкова о символе «Матушка Россия», который раскрывает сущность и корни мифологизации политической культуры, построенной на традиционных символах, предложенных С. С. Уваровым — самодержавие, православие, народность — и продолжающей их использовать. Возникает иная эпоха и иные исторические персонажи при знакомстве с теми «пунктами» «программы» Булгарина, которые касаются роли литераторов и отношения к ним властей. По мнению Булгарина, правительству «бесполезно раздражать этих людей», а надо «привязать их ласковым обхождением и снятием запрещения писать о безделицах». А «главное... — дать деятельность их уму и обращать деятельность истинно просвещенных людей на предметы, избранные самим правительством, а для всех вообще иметь какую-нибудь, одну общую, маловажную цель, например театр²⁴, который у нас должен заменить суждения о камерах и министрах»²⁵.

Но не только идеологические образы Булгарина вошли в плоть и кровь российской политической жизни. Его практические рекомендации о создании специального комитета по печати, которому поручалось формирование политики правительства в отношении печати, гласности, воплотились в жизнь в 1859 г., когда был образован Негласный комитет по делам книгопечатания, в полномочия которого входили не только стратегические вопросы, но и возможность в приказном порядке помещать в газеты и журналы статьи, спущенные «сверху». Использование всех этих механизмов манипулирования субъектами и объектами политического процесса давало до определенного времени положительные результаты. Сценарий, написанный и разыгранный на сцене российской истории, устраивал до поры до времени всех участников этого спектакля. И одним из главных условий, обеспечивших его успех, была внешняя легитимность действий власти: вся деятельность цензуры была обеспечена законодательными актами и строго регламентирована уставами и положениями.

Однако не следует ни излишне идеализировать законный характер царской цензуры, ни впадать в другую крайность, поскольку деятельность цензурных органов и вошедших в историю цензоров была зеркальным отражением общественного сознания XIX — начала XX в. От самодурства чиновников не мог спасти ни один устав. «В издании подцензурном цензор может не только запретить статью или отдельное место; он может исказить ее до неузнаваемости, выбрасывая слова и фразы, уничтожая связь между предложениями, обесцвечивая картины, обессиливая аргументацию, обращая живое тело в мертвый остов»²⁶, — писал о цензуре К. К. Арсеньев. Вся история русской литературы и журналистики есть одно большое сражение с цензурой, в котором считала себя победителем каждая из сторон. Однако в ходе этого противостояния возникли

и укоренились такие явления, как самоцензура и политический донос, о которых с печалью и возмущением писали наиболее прогрессивные писатели и публицисты. «Не вдруг решаешься передать свои мысли печати, когда в конце каждой страницы мерещится жандарм, тройка, кибитка и в перспективе Тобольск или Иркутск» — писал А. И. Герцен. В 1900 г. Н. К. Михайловский замечал: «Есть ли предел падению русской литературы? Особенно характерны эти жалобы на неблагонамеренность или, по крайней мере, на недостаточную деятельность цензурного ведомства. Очень интересна, но и очень отвратительная струя, проходящая через всю историю русской литературы»²⁷. Можно добавить, что эта история была продолжена в XX в., а самоцензура стала второй натурой и качественным отличием советского образа жизни. Однако российское образованное общество не было одноцветным. Среди тех, кто выступал за строгую государственную цензуру, помимо Ф. В. Булгарина, были и представители либерального направления, такие как П. И. Пестель. Критическую позицию по отношению к цензуре занимало большинство писателей и мыслителей, но и в их суждениях не было абсолютного единства. Так, А. Н. Радищев, П. Г. Каховский и др. предлагали отказаться от использования предварительной цензуры. А. С. Пушкин известен своими страстными поэтическими протестами против цензурной тирании, но ему столь же отвратительны были своеволие и вседозволенность «журнальных балагуров», и он допускал цензуру как естественный элемент общественной жизни. В гораздо меньшей степени, чем «Разговор с цензором», известны строки А. С. Пушкина, исполненные не только терпимостью, но и уважением к цензуре, которая охраняет интересы государства: «Но цензор — гражданин, и сан его священный / Он должен ум иметь прямой и просвещенный»²⁸.

Политические пристрастия повлияли на мировоззрение славянофилов, которые считали, что цензура должна обеспечивать нравственное здоровье русского народа, но поскольку она с этой задачей не справлялась, то ее функционирование в качестве государственного института признавалось нецелесообразным и даже вредным²⁹. Безоговорочно отрицали цензуру и с возмущением отзывались в своих сочинениях о ней, в том числе о цензуре административной и церковной, С. Н. Булгаков, А. И. Герцен, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский и др.

Говоря о цензуре как об отрицательном проявлении узурпированной формы власти и, прежде всего, ее использовании в политических целях, мы тем не менее не можем односторонне оценивать это явление как таковое, поскольку одновременно цензура в ее нормативном проявлении (охрана государственной, военной, экономической тайн, тайны личной жизни и пр.) является элементом управленческой функции общества и государства. Поэтому точка зрения о том, что цензура «вообще останавливает творческий процесс»³⁰, представляется не

вполне обдуманной. Скорее, истина располагается посредине между приведенным в предыдущем предложении мнением В. Красногорова и позицией М. Ольминского, который считал, что «на самом деле, по крайней мере в первой половине XIX в., цензурное ведомство и высшая власть нередко шли впереди русской интеллигенции, защищая право свободного исследования и право критики против покушений со стороны литераторов и ученых. Писатели сплошь и рядом жаловались на цензурные послабления»³¹. До сих пор не устаешь удивляться тому, что на протяжении века в царской цензуре служили и гордились этим многие выдающиеся русские писатели и поэты. Так, А. Н. Майков проработал в цензурном комитете по иностранной литературе 45 лет, начав младшим цензором и став в 1875 г. начальником этой структуры; С. Т. Аксаков был цензором Московского цензурного комитета в 1827–1832 гг.; П. А. Вяземский — членом Главного управления цензуры с 1857 по 1858 г.; И. А. Гончаров — членом Петербургского цензурного комитета с 1856 по 1860 г., цензором «Отечественных записок» и «Русского слова» — 1856–1857 гг., членом Совета по делам книгопечатания — 1856–1857 гг., членом Совета Главного управления по делам печати — 1865–1867 гг.³²; И. И. Лажечников был цензором Петербургского цензурного комитета — 1856–1858 гг., цензурировал с декабря 1856 по апрель 1855 г. журнал «Современник»; Я. Н. Полонский — цензором Центрального комитета цензуры иностранной³³; Ф. И. Тютчев, служивший цензором Петербургского комитета иностранной цензуры с 1848 г., являлся его председателем в 1858–1872 гг. В своем письме «О цензуре в России» на имя князя М. Д. Горчакова он замечал: «Признавая ее своевременность и относительную пользу, я главным образом обвиняю ее в том, что она, по моему мнению, вполне неудовлетворительна для настоящей минуты, в смысле наших нужд и действительных интересов»³⁴. Другими словами, Ф. И. Тютчев выразил наиболее распространенную точку зрения не только своего поколения, но и последующих: цензура как часть государственной системы управления и регулирующий фактор общественной жизни необходима, однако не в том виде и не в тех формах, в которых она существует, особенно в части ее использования в политических целях.

Аналогию явлений, получивших развитие в российском и советском обществе под воздействием цензуры, с одной стороны, и радикальной критики — с другой, невольно подметил в своей публичной лекции, прочитанной в Корнельском университете 10 апреля 1958 г., В. Набоков: «...Первой силой, сражающейся с писателем, было правительство. Второй силой, хватающейся за русского автора девятнадцатого века, была антиправительственная общественно-направленная утилитарная критика, гражданственные, радикальные мыслители того времени. Радикальный критик был озабочен благосостоянием народа и рассматривал решительно все — литературу, науку, философию — лишь как средство

улучшить социальное и экономическое положение бедствующих и изменять политическую ситуацию страны. Он был неподкупен, самоотвержен, нечувствителен к лишениям ссылки, но также нечувствителен и к красоте искусства»³⁵. Литературная критика, излишне увлекаясь «революционностью» и «народностью», играла роль цензуры. Это, по справедливому наблюдению Г. В. Жиркова, было вызвано, прежде всего, объективными условиями, в которых существовало российское общество: литературная критика была единственной легальной политической трибуной³⁶. Излишне крайне выраженная революционность породила в умах интеллигенции взгляды, оппозиционные официальной идеологии: вместо патриархальности и вечных устоев — вера в прекрасное будущее, вместо православия — атеизм, вместо «русской идеи» — всеобщее братство народов.

Таким образом, можно сказать, что на протяжении периода XVIII — начала XX в. цензурная политика была весьма противоречивой, периоды усиленного политического контроля и цензурного террора сменялись периодами временного ослабления цензурных тисков; вместе с тем прослеживается тенденция профессионализации (участие в работе цензурных комитетов известных литераторов) и дифференциации цензуры (духовная, иностранная, театральная и другие виды цензуры), ее легитимность, т. е. правовое обеспечение деятельности, с одной стороны, и использование в политических целях — с другой.

Исторически сложились следующие *формы цензуры*: предварительная и последующая — карательная. Эта двухэтажная система должна была обнаружить случаи, когда на предварительном этапе некоторые произведения и тексты по различным обстоятельствам попадали на страницы печати, чтобы исключить их дальнейшее распространение, а также определить меру наказания виновным в этом. После принятия в 1865 г. «Временных правил о печати» была произведена цензурная реформа, по которой для ряда столичных изданий была введена карательная цензура вместо предварительной; в дальнейшем в связи с реформаторскими тенденциями эти изменения углубились, и в 1872 г. карательная цензура была ликвидирована в связи с возобновлением административной ответственности органов печати.

Советская цензура отличалась развитостью как предварительного, так и последующего контроля. При этом понятие карательной цензуры имело буквальное значение. Непосредственное участие в работе аппарата Главлита и каждого гублита представителей ГПУ / НКВД / КГБ на коллегиальных и иных условиях — факт неопровержимый. Не говоря уже о прямых контактах между двумя органами по всем вопросам санкций в отношении авторов-нарушителей, тиражей изданий, отдельных экземпляров, требующих изъятия и утилизации, и пр.

В царской России сложились определенные *виды цензуры* — общая (внутренняя и иностранная) и ведомственная (духовная, военная, теа-

тральная и др.), которым соответствовали самостоятельные цензурные ведомства. Так, театральная цензура оформилась еще в начале XIX в. и, по мнению исследователя театральной цензуры Н. В. Дризена, отличалась «особой свирепостью»³⁷. Первоначально в советской России возникла и оформилась в виде самостоятельного органа военная цензура, хотя Ревтрибунал печати 1917 г. выполнял, без всякого сомнения, функцию политической цензуры. В дальнейшем в недрах Госиздата стала развиваться цензура предварительная, традиционная. Когда в 1922 г. был организован Главлит, то первоначально подразумевалось объединить все виды цензуры под крышей одного учреждения. Однако вскоре оказалось, что наиболее эмоциональные и поэтому глубоко воздействующие на подсознание человека зрелищные виды искусства требуют особого внимания. Так в 1923 г. возник Главрепертком, объединивший в себе цензуру театра, кино, радиовещания, эстрадного и циркового искусства. «Советский контроль не мог ограничивать свою деятельность разрешениями и запрещениями, — он вынужден был входить в самое нутро творческого процесса театра. Такой цензуры не было во всей истории мирового театра»³⁸, — вспоминал О. Литовский, один из тех, что занимал пост руководителя Главреперткома наиболее продолжительное время. Военная цензура была выделена в специальное подразделение в аппарате ГПУ / НКВД, но и Главлит осуществлял контроль за соблюдением военных и государственных тайн по соответствующим перечням. В начале 1930 г. эта функция была возложена на руководителя Главлита, который одновременно являлся Уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати. Одной из важных функций цензуры, о которой всегда стыдливо умалчивали и продолжают умалчивать сторонники сильной государственной власти, — это перлюстрация. Проверке подвергались письма и другие почтово-телеграфные отправления не только заранее намеченных лиц, служивших предметом особого внимания органов политического сыска, но и рядовых граждан. Эту функцию выполняли совместно государственные органы цензуры, политического сыска и связи.

В литературе крайне скупо упоминаются случаи перлюстрации в связи с деятельностью Главлита, НКВД, Министерства связи. Поэтому важно уточнить основные элементы практики перлюстрации, которые практически полностью были заимствованы у царской цензуры и ее уникальных специалистов. В этой связи крайне важными, с нашей точки зрения, являются сведения, почерпнутые из служебных документов ВЧК. Таким источником, представляющим исчерпывающую информацию по истории перлюстрации в России, является обзор И. Зорина «Перлюстрация корреспонденции при царизме» от 17 февраля 1919 г., который в дальнейшем послужил основой для создания советского «Черного кабинета». Черный кабинет был создан во второй половине XVIII в. при Главном почтамте, он вел наблюдение не только за эми-

грантами из России, но и за всеми российскими дипломатами. Заметим, что все цари, кроме Николая II, охотно читали выписки из перлюстрированных писем; Александр III собственноручно отобрал четыре золотых портсигара с гербами и бриллиантами и передал их секретному чиновнику для подарков служащим Кабинета. Перлюстрация подвергалась и вся корреспонденция царской семьи, а результаты сообщались по принадлежности. Так были расстроены планы великого князя Михаила Александровича Романова, который влюбился в дочь предводителя дворянства одной из южнорусских губерний и решил на ней жениться; были раскрыты действия графа Воронцова-Дашкова на Кавказе; разоблачена шайка фальшивомонетчиков; раскрыта коррупция в одной из губерний и др. «Черные кабинеты» существовали везде, но в России это дело было постановлено и лучше всего.

Черный кабинет находился «за семью дверями»: на Почтамтской улице и в Почтамтском переулке помещалась цензура иностранных газет и журналов, вход был закрыт для всех кроме чиновников, его охранял сторож. Для того чтобы попасть туда надо было миновать канцелярию, называемую «гласным отделением», затем пройти через кабинет старшего цензора Михаила Георгиевича Мардарьева, который, подобно церберу, караулил вход в «негласную» — «черную» половину. Вход в Черный кабинет был загорожен черным шкафом, а выход находился по другую сторону, через кухню по коридору, где постоянно находились несколько сторожей. В записке И. Зорина дается полное описание штатной расстановки и методики работы почтовых цензоров. Так, в Петербургском Черном кабинете вскрыванием писем занимался всего один чиновник (1000 писем за два часа), чтением занимались четыре человека, снятием копий и выписками — два человека, один делал фотографии. Итого, вместе с начальником, столичный аппарат насчитывал 12 человек, которые ежедневно подвергали цензурной обработке 2–3 тысячи писем. Соответственно, в Москве (начальник В. М. Яблочков) — 7 человек, в Варшаве (начальник А. Ф. Шлитер) — 5 человек, в Одессе (начальник Ф. Б. Гольберг) — 5 человек, в Киеве (начальник К. Ф. Зиверта) — 4 человека. В Харькове, Риге, Тифлисе служба перлюстрации имела всего по 2 человека. Все цензоры были высоко образованы и знали по четыре иностранных языка. За три года перед переворотом, как пишет И. Зорин, Черные кабинеты были закрыты. Однако характер почтовой цензуры несколько изменился уже с начала XX в. в связи с появлением коммунистических и солдатских писем, а также с общим увеличением объема переписки. Сортировкой занимались почтовые чиновники, которые по почерку и иным признакам отбирали письма для дальнейшей проверки. В Черном кабинете они вскрывались на пару костяным ножиком, читались и вновь заклеивались. Для писем с печатями изготавливались печатки, и письма вновь опечатывались. Существовала специальная технология изготовления поддельных свинцовых печаток с

помощью гипсовых и восковых форм. Особенно отличился один секретный чиновник, который изобрел способ изготовления идеально точных печаток из твердого металла, за что был награжден орденом Владимира IV степени. Также подделывались пломбы, которыми опечатывались пост-пакеты иностранных посольств. Дешифровка дипломатической почты велась в особом режиме, она доставлялась за несколько часов до отправки на поезде, время было предельно ограничено. Поэтому имелась полная коллекция копий печаток и пломб всех иностранных посольств и консульств, миссий и агентств. Шифровые коды покупались у служащих посольств и известных продавцов в Брюсселе и Париже. Так, коды менее значимых государств — Греции, Болгарии, Испании — стоили от 1,5 до 2 тысяч золотых рублей; коды Северо-Американских Штатов, Германии, Японии — от 5 до 15 тысяч.

Особым навыком чиновников почтовой цензуры, была графология — распознавание по почерку — автора. Этот навык приобретался многолетним трудом, но результат был поразительным: на основе анализа почерков было установлено, что литераторы пишут неразборчиво и скорописью; военные — бисерным почерком; коммерсанты — каллиграфическим, банкиры и врачи — небрежным, революционеры — ученическим, анархисты — грубо, как физические рабочие и пр. По намекам и иносказательным выражениям чиновники восстанавливали скрытую авторами корреспонденции информацию. Так, внутри каждой нелегальной организации существовала своя манера общения: о том, что кто-то арестован, сообщали с помощью фразы, что «кто-то заболел, и доктора нашли его положение безнадежным и прописали ему перемену климата», т. е. сослали в Сибирь; обыск называли «консультацией», типографию — «аптекой», прокламации — «рецептами» и пр. Корреспонденция сановников представляла общегосударственный интерес и просматривалась без исключения. Письма же эмигрантов и «левых» подразделялись на письма «по подозрению» и «по наблюдению». Последние подлежали просмотру по спискам, которые присылались из Департамента полиции с такими пометками: «особо строгое наблюдение», «точные копии», «фотографии», «представлять в подлиннике». Характерным качеством перлюстраторов была их особая аккуратность, которая не оставляла ни малейшего намека на вмешательство в тайну переписки. Даже самый опытный специалист не мог бы распознать, что целостность письма или печати были нарушены. Не помогали даже волоски и царапины в местах склейки, а прошитые на машинке письма вызывали еще большее подозрение и только отнимали больше времени. Опыт и навыки, накопленные в отношении перлюстрации Российской империей за почти полторы сотни лет, вызывали зависть и восхищение за рубежом, однако были временно забыты после событий революции 1917 г. в предположении того, что это больше никогда не понадобится. А между тем, по свидетельствам одного из бывших чиновников, оставшийся от

Черного кабинета «несгораемый шкаф» имеет ценнейшее содержание, на которое следовало бы, по мнению И. Зорина, обратить особое внимание в связи с работой органов военной цензуры. «Опыт Черного кабинета весьма полезен, кое-чему нашему брату, советскому работнику, поучиться можно, т. к. опыт показал, что со старыми методами борьбы царского правительства мы все-таки иногда считаемся. Признавая ценность содержимого «Черного кабинета» безусловно для современного положения и вообще для Советской России колоссальной, я считаю своим гражданским долгом коммуниста довести до сведения своих стоящих в верхах политических работников»³⁹ — заканчивает свою записку автор. Эти рекомендации были полностью восприняты, и специальный отдел военной цензуры ВЧК, а затем и ГПУ / ОГПУ / НКВД / КГБ осуществляли контроль за почтовой цензурой и широко использовали ее результаты в своей агентурной деятельности. Непосредственно советские «черные кабинеты» находились в ведении Наркомата почт и телеграфов РСФСР и Министерств связи РСФСР и СССР, которые подчинялись органам политического сыска и Главлиту. Перлюстрация почтовых и телеграфных сообщений и прослушивание телефонных разговоров стали неотъемлемыми чертами советского образа жизни, глубоко вошедшими в подсознание людей. Постоянно ощущаемый страх присутствия всевидящего ока власти заставлял приспосабливаться и принаравливаться. В этих условиях самоцензура стала естественной защитной реакцией на проникновение политического сыска и цензуры в частную жизнь граждан.

Самоцензура является одним из характерных проявлений деформации гражданского общества и, как мы уже отмечали, не представляет исключительную характеристику российского менталитета. Однако именно в условиях советского режима самоцензура приобрела гигантские масштабы, поразив не только массовое сознание, но и большей части творческой интеллигенции, которая всегда соотносила содержание текста на авторском листе с вероятностью его публикации. Надо быть последним ханжой, чтобы отрицать компромиссы, на которые приходилось идти многим, и весьма достойным, людям ради элементарного выживания. «Литература не может развиваться в категориях “пропустят — не пропустят”, “об этом можно — об этом нельзя”, — писал А. И. Солженицын в своем Письме к IV съезду писателей; он предлагал “принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист”»⁴⁰. «Безумство храбрых», которые, несмотря на свою малочисленность, своими правдивыми выступлениями смогли подготовить общество к радикальным переменам, выражалось, прежде всего, в единодушной ненависти к цензуре. И если одни не шли на открытый конфликт, хотя мы имеем значительное число примеров, когда авторы пытались любы-

ми способами отстаивать свое «детище», то другие бесстрашно выступали с гневными обвинениями против всемогущего Главлита. Такое же отношение к надоевшим всем запретам испытывали и миллионы рядовых граждан, не сталкивавшихся в своей профессиональной деятельности с проявлениями цензуры. Однако все они как читатели, зрители и слушатели отчетливо понимали какую дозированную и искаженную информацию они вынуждены были получать по официальным каналам. Не случайно в советском обществе такое распространение получило прослушивание зарубежных радиостанций, чтение подпольной литературы, хождение политических анекдотов, что было одним из признаков кризиса власти.

В заключение заметим, что самоцензура в цивилизованном обществе имеет совершенно иные функции, регулирующие отношения между источниками, ретрансляторами информации и ее потребителями. Самоцензура является компенсаторным механизмом, позволяющим обеим сторонам коммуникативного процесса на основе этических и эстетических норм, правовых актов и административных правил осуществлять свои профессиональные обязанности и удовлетворять информационные потребности. Разумеется, это возможно только в условиях демократического общества с высокой правовой культурой и развитым общественным мнением. В зарубежной практике существуют различные формы ограничения или дифференциации поступающей на информационный рынок продукции: определенные места для распространения порнографической литературы; кодирование телепрограмм, содержащих сцены насилия и эротики, и др., в результате чего родители имеют возможность ограничить или исключить вовсе просмотр нежелательных телепрограмм для детей младшего и среднего возраста. В современном российском обществе, испытывающем посттоталитарные «фантомные боли», т. е. ностальгию по прошлому, в том числе и цензуре, тем не менее все более очевидны тенденции выработки цивилизованных форм самоцензуры: проведение судебных разбирательств информационных споров, появление некоторых ограничений в отношении порнографической и ультранационалистической литературы.

Эволюция политической цензуры

Октябрьский переворот 1917 г. коренным образом изменил прежний государственно-идеологический строй; сила разрушения имела колоссальную инерцию, прямо противоположную наиболее жесткому, по сравнению с другими европейскими странами, социально-политическому режиму. Однако именно в этом, не знающем преграды, разрушении была заложена мина замедленного действия. Особость культурной среды, сложившейся после революции, по мнению Д. Фурмана, заключалась в ее «варваризации»: революция всколыхнула и привела к культуре общественной жизни огромные массы со средневековым сознанием

(к 1917 г. в России 80% населения было неграмотным). Именно революции в России мир обязан такими понятиями и явлениями, как массовая культура и массовое искусство. Здесь сработали величины с прямо противоположными знаками: с одной стороны, богатейшие достижения «золотого» и «серебряного» веков русской культуры, предназначенные для элитарной части общества, с другой — агитационные «шедевры», рассчитанные на восприятие малограмотной массы. В какой-то мере это наблюдалось во всех европейских революционных моделях, но не в таких масштабах. Соотношение в пользу фактически религиозно-догматического и монархического невежественного сознания пришедших к активной жизни масс позволило И. В. Сталину превратить «революционное освобождение» в «новое закабаление», а идеологию революционную в гротескно-карнавальную средневековую⁴¹. Как бы предвидя это, большевики с первых дней своей власти приступили к строительству новой, не знающей аналогов в цивилизованном мире бюрократической машины, одной из важнейших составляющих которой являлась контрольно-запретительная система, распространяющая свое влияние на все сферы общественной жизни.

Другим феноменом советской культуры и общественного массового сознания являлась мифологизация. Как утверждал еще в начале XX в. Л. Леви-Брюль, мифологический тип мышления принадлежит вневременной категории и является многофункциональным признаком особенности мышления, когда миф становится господствующей частью культуры⁴². К. Юнг утверждал, что войны и революции — это формы массового психоза, которым предшествуют и за которыми следуют коллективные бессознательные идеи на уровне нации⁴³. При этом, как отмечали исследователи концепции ментальности, проявления бессознательного наиболее ярко сосредотачиваются не в элитарной, высокой культуре, а в массовой, народной, где отразилось повседневное сознание, регулярно повторяющиеся представления и ощущения⁴⁴. Влияние исторических судеб нации на коллективное бессознательное отмечали в своих исследованиях историки, принадлежавшие к французской школе «Анналов», — Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель и др. Связь ментальности народа с его политической историей неизбежно воспроизводит обратный процесс влияния мифов и мифологем на поведенческие особенности общества. Особенно ярко эта связь выражена в обществах тоталитарного типа с огромной концентрацией власти и необходимостью эффективно управлять народными массами. Именно на почве идей о неизбежности насилия при невозможности обеспечения справедливого социального устройства мира⁴⁵, возбуждающих силы бессознательного, возникают идеологии большевизма и фашизма⁴⁶. Отечественные историки, несмотря на понятные ограничения, тем не менее исследовали теорию мифа и архаического сознания российского общества, особенно в контексте корней коммунистической идеологии. Исследователи⁴⁷ констатировали

постоянное присутствие архаических мифов в русской политической культуре, а революцию 1917 г. рассматривали как реализацию идеи крестьянской общины, как «большую крестьянскую революцию»⁴⁸. А, как известно, «миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность» (А. Ф. Лосев). Эти особенности неизбежно стали основой официальной коммунистической доктрины, которая, в свою очередь, сформировала новую социалистическую культуру с только ей присущим методом социалистического реализма. Массовая атеизация общества потребовала от советских идеологов создать новую коммунистическую религию, которая на десятилетия стала единственной для всех народов СССР, независимо от их классовой и национальной принадлежности. Глубинной идеологической основой этой религии служили архаические мифы русской культуры и новой революционной интеллигенции, а вся деятельность поистине титанически сложно управляемой охранительно-запретительной системы была направлена на обеспечение непоколебимой верности и безоговорочного соответствия главным и второстепенным постулатам коммунистической идеологии. Советская мифология, обеспечиваемая средствами массовой коммуникации (СМК) и политической цензурой, воспроизвела на свет и внедрила в подсознание нескольких поколений, пожалуй, наибольшее количество мифов, сказов и легенд, которые до сих пор являются составной частью менталитета современного российского общества⁴⁹. Архаичность сознания порождает в посттоталитарном сознании и новые мифы, которые, впрочем, менее устойчивы, но им, развенчанным и отжившим, на смену приходят новые. К наиболее широко распространенным мифам относятся прогнозы о судьбе России: наряду с пророчествами о полном крахе и развале государства существует миф, который можно было бы озаглавить на обыденном уровне так: «все будет хорошо».

Одну из наибольших опасностей мифологизированная советская культура и ее идеологи видели в любом проявлении индивидуального, психологически и личностно окрашенного. Ф. А. Хайек определял, что для эффективного функционирования тоталитарного строя необходимо сделать так, чтобы общество жило единой целью, а убеждения людей, пусть выбранные без их участия и им навязанные, стали бы их собственными убеждениями. Он объяснял феномен того, что в тоталитарных странах угнетение обычно ощущается совсем не так остро, как это представляется жителям свободных стран, тем, что благодаря системе определенных мер удается заставить людей думать так, как это нужно правящей верхушке. И главным является не пропаганда как таковая, а то, что она «служит одной и той же цели, а каждое из ее орудий и весь аппарат организовывается так, чтобы координированным образом влиять на людей в одном направлении и в конечном счете достичь полной унификации (Gleichshaltung) всех умов...». Главным условием

достижения пропагандистской цели, а именно придания человеческому мышлению любой требуемой формы, когда даже самые развитые, самые независимые в своих взглядах люди не могли бы целиком избежать этого влияния, является монополизация всех источников информации в одних руках. В этом состоит безграничная власть искусного пропагандиста, который способен манипулировать умами в интересах власти⁵⁰.

Именно с помощью системы пропагандистских мер, ограниченных жесткими рамками политической цензуры, в умы советских граждан внедрялся образ врага, с помощью чего осуществлялось формирование массового политического сознания и манипулирование общественной психологией. Наиболее ярко особенности советской политической цензуры проявились в период Великой Отечественной войны.

Являясь важнейшим элементом тоталитарной системы, цензура выполняет *контрольно-запретительные* и *полицейские функции*, которые в этом случае преобладают над функциями, присущими этому институту, но в цивилизованном, правовом государстве. Так, например, в правовом государстве цензура выполняет *функции контроля и регламентации*, которые регулируют информационный процесс в обществе посредством отслеживания и анализа информации в соответствии с существующими в обществе нормами, применяя различного рода предписания, рекомендации, запретительные санкции и пр. Любая власть наделяет цензуру *охранительной функцией*, призванной обеспечивать сохранение военной и государственной тайны; *эталонная функция* предназначена для фиксации и закрепления этических и эстетических норм в области искусства, художественного творчества, науки; *профилактическая функция* обеспечивает стабильность государства и предупреждает хождение в информационном поле сведений, подрывающих престиж и авторитет власти, а *санкционирующая функция* обеспечивает введение в социокультурный контекст полной информации, не подвергавшейся воздействию цензуры, и той, которая прошла через ее обработку (соотношение этих двух видов информации свидетельствует о типе политической власти). Возвращаясь к цензуре при тоталитарном типе политической власти, следует, помимо *контрольно-запретительных и полицейских функций* указать и *манипулятивные функции* цензуры, направленные на формирование общественного мнения общества и отдельных граждан и осуществляющие воздействие на него⁵¹.

Главная сила и неуязвимость цензуры в нашей стране, породившие ее уникальную способность к самосохранению и самовоссозданию, заключаются в том, что важнейшим определяющим звеном в этой регулирующей цепи являлась партия, возведенная в ранг государственной структуры, действующая в тесном сотрудничестве с репрессивными органами.

На протяжении 1930-х гг. в партии постоянно шли дискуссии о степени идеологического контроля и характере управления художественной жизнью, творческим процессом. Еще в 1927 г., отвечая на упреки

левых в отсутствии четкой политики Наркомпроса в области искусства, А. Луначарский утверждал, что «государственная политика в области искусства вообще не может быть особенно острой, ибо, в противном случае, искусство превращается в официальное, ненавистное для всего населения»⁵². Кроме того, Луначарский сетовал на нехватку материальных средств, а также, по его мнению, главную причину — отсутствие ярко выраженной партийной воли и общегосударственных директив, имели место случаи индивидуальной трактовки отдельных аспектов этой политики⁵³. Основной особенностью, не позволяющей осуществлять управление искусством традиционно, по мнению А. Луначарского, была «его [управления] специфичность, разбросанность управления искусством вне НКП (литература оторвана от НКП и находится в ведении других центров)». Известная резолюция партии по литературе 1925 г. фактически допускала существование «оппозиционного искусства, представленного художниками из мелкой буржуазии»⁵⁴. Во взаимоотношениях власти и культуры, власти и художника в тоталитарной системе больше всего поражает следующее: постоянно сопротивляясь и противостоя своим творчеством официально предложенным доктринам, интеллигенция, а с ней и чиновники от культуры просто жаждали четких директив от партии на самом примитивном уровне — «что можно, а что нельзя». Так, 16 марта 1928 г. группа кинорежиссеров — Г. Александров, Г. Козинцев, В. Трауберг, А. Попов, В. Пудовкин, М. Роом, С. Эйзенштейн, С. Юткевич — обратилась к партийному совещанию по делам кино (копия в ВАПП) с заявлением об отсутствии идеологического руководства на участке кино и о необходимости создания авторитетного органа, который бы планировал продукцию кинопромышленности⁵⁵. Это была чисто политическая акция, как с одобрением писал 19 марта 1928 г. в ответ на это обращение Л. Авербах (ВАПП), акция, которая имела «общеполитическое значение не только с точки зрения оценки современного положения в кинематографии, но и как свидетельство политического приближения авторов письма к ВАППу (у ВАПП имеется киносекция)»⁵⁶.

Стремление «приблизиться» к власти ощутили в том же 1928 г. и художники. Члены художественных группировок «ОСТ», «Маковец», «4 Искусства», «Бытие», «Общество молодых» обращаются в Политбюро ЦК ВКП(б), к И. Сталину с просьбой срочно принять партийную директиву по изобразительному искусству, такую же, как по литературе⁵⁷. Такое стремление приблизиться к власти и услужить ей можно объяснить как с психологической (потребность восстановления внутреннего комфорта, защищенности, приобщенности к чему-то значительному и пр.), так и с чисто житейской точки зрения — получить привилегии.

И. Сталин учел и использовал эту поведенческую особенность, когда в 1929–1932 гг. планомерно проводил курс на введение единообразия в культуре. Взамен свободы писатели и художники, вписывающиеся в

социалистический реализм, получали щедрые подарки: дачи, квартиры, мастерские. Деятели культуры становятся одной из самых привилегированных, самых высокооплачиваемых групп в структуре советского общества 1930-х гг. А партия становится их рулевым — соавтором, ассистентом, самым внимательным зрителем, читателем, слушателем и рецензентом. В 1929 г. Художественный театр принимает новую пьесу Булгакова «Бег», которая обсуждается на Политбюро. Постепенно такая практика становится нормой. Начиная с 1934 г. по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) И. Сталин как секретарь ЦК стал лично «наблюдать Культпроп»⁵⁸.

В отношении отклонившихся от «генеральной линии» регулярно принимались постановления и решения Политбюро, Оргбюро (ОБ) и Секретариата ЦК. Такого рода решения содержали в основном конкретные рекомендации государственным структурам, которые в дальнейшем разрабатывали свою систему мер. Вопросы такого характера рассматривались практически на каждом заседании высших политических органов. Так, 27 февраля 1922 г. ОБ ЦК РКП(б) приняло решение «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской деятельности», а по сути, одобрило конкретные меры, разработанные на Объединенном совещании Коллегии Агитпропа. По решению ОБ ЦК были закрыты «Вестник литератора», «Летопись Дома Литераторов» и, наоборот, поддержан ежемесячный журнал «Красная Новь», принадлежавший Госиздату⁵⁹. Характерна в этой связи история журнала «Авангард», главным редактором которого был Оскар Блюм, вызвавший негодование Л. Троцкого. Троцкий даже сигнализировал в ЦК о недопустимом сотрудничестве коммунистов в такого рода журнале. На это письмо И. Сталин наложил резолюцию: «Разобраться»⁶⁰. Результатом проведенного Агитпропом расследования был проект решения ОБ о закрытии журнала с рекомендациями Главлиту «относиться осторожнее к такого рода предложениям» и МК РКП(б) «немедленно реагировать на участие коммунистов-журналистов» в частных издательствах, сразу же привлекая их к ответственности⁶¹. Однако решение ОБ было характерно компромиссным для этого переходного периода: признавая недопустимость руководства журналом О. Блюмом, ЦК в принципе не имел ничего против самого журнала и не возражал против его издания после увольнения редактора⁶².

Партия определяла не только издательскую, но и кадровую политику, учитывая личностные факторы — авторитет, влияние, симпатии того или иного деятеля культуры и искусства. Эта была весьма тонкая работа. Так в письме Л. Троцкого Н. Мещерякову в Госиздат от 25 июня 1922 г.⁶³ автор сетовал, что «книжки стихов и литературной критики, 99% этих изданий пропитаны антипролетарскими настроениями и антисоветскими, по существу, тенденциями», указывал на необходимость «больше обратить внимания на вопросы литературной критики и поэзии, не

только в смысле цензурном, но и в смысле издательском». Троцкий предлагал более активно использовать «для литературно-художественной пропаганды в нашем духе будущую “Ниву”», особо подчеркивая, что «наилучшим редактором литературно-художественного отдела был бы Брюсов». «Большое имя, большая школа, и в то же время Брюсов совершенно искренно предан делу рабочего класса». «Завоевание для этого предприятия Брюсова, — отмечал он, — сразу подняло бы художественный авторитет издания»⁶⁴.

Важнейшей, с точки зрения Л. Троцкого, идеологической задачей советской цензуры должна была стать также «забота» о творческой молодежи. В связи с организацией Главлита он обращается 30 июня 1922 г. с запиской в Политбюро ЦК, где пишет о «риске растерять молодых поэтов и писателей», которые по причине материальных трудностей вынуждены сотрудничать с буржуазными и мелкобуржуазными, а значит и контрреволюционными частными издательствами. Троцкий предлагал следующие меры по «завоеванию» симпатий пишущей братии и привлечения ее на сторону официальной власти:

«1. Вести серьезный и внимательный учет поэтам, писателям, художникам и пр. Учет этот сосредоточить при Главном Цензурном Управлении в Москве и Петрограде. Каждый поэт должен иметь свое досье, где собраны биографические сведения о нем, его нынешние связи, литературные, политические и пр. Данные должны быть таковыми, чтобы: а) они могли ориентировать цензуру при пропуске подлежащих произведений, б) они могли помочь ориентировке партийных литературных критиков в направлении соответственных поэтов и в) чтобы на основании этих данных можно было принимать те или другие меры материальной поддержки молодых писателей и пр. [...]

3. Дать редакциям важнейших партийных изданий (газет, журналов) указание в том смысле, чтобы отзывы об этих молодых писателях писались более “утилитарно”, т. е. с целью добиться определенного воздействия и влияния на данного молодого литератора. С этой целью критик должен предварительно ознакомиться со всеми данными о писателе, чтобы яснее представить себе линию его развития. Очень важно также установить (через посредство редакций или другими путями) личные связи между отдельными партийными товарищами, интересующимися вопросами литературы и этими молодыми поэтами и пр.

4. Цензура наша также должна иметь указанный выше педагогический уклон. Можно и должно проявлять строгость по отношению к изданиям с вполне оформившимися буржуазными художественными тенденциями литераторов. Необходимо будет проявлять беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам, которые являются фактическим центром сосредоточения меньшевистско-эсеровских элементов. Необходимо в то же время внимательное, осторожное и мягкое отношение к таким произведениям и авторам, которые хотя и несут

в себе бездну всяких предрассудков, но явно развиваются в революционном направлении.

Поскольку дело идет о произведениях третьей категории, запрещать их печатание надлежит лишь в самом крайнем случае. Предварительно же нужно попытаться свести автора с товарищем, который действительно компетентно и убедительно сможет разъяснить ему реакционные элементы произведения, с тем, что если автор не убедится, то его произведение печатается (если нет действительно серьезных доводов против напечатания), но в то же время появляется под педагогическим углом зрения написанная критическая статья.

5. Вопрос о форме поддержки молодых поэтов подлежит особому рассмотрению. Лучше всего, разумеется, если бы эта поддержка выражалась в форме гонорара (индивидуализированного), но для этого нужно, чтобы молодым авторам было где печататься. “Красная Новь” ввиду ее чисто партийного характера — недостаточное для них поле деятельности. Может быть, придется создать непартийный чисто художественный журнал под общим твердым руководством, но с достаточным простором для индивидуальных “уклонений”.

6. Во всяком случае на это придется, очевидно, ассигновать некоторую сумму денег.

7. Те же меры нужно перенести и на молодых художников. Но здесь нужно особо обсудить вопрос о том, при каком учреждении завести указанные выше досье и на кого персонально возложить работу»⁶⁵.

По существу, Л. Д. Троцкий сформулировал целую программу, циничную по своему характеру, но очень привлекательную для власти по содержанию. В записке В. М. Молотову от 3 июля 1922 г. Сталин писал: «Возбужденный тов. Троцким вопрос о завоевании близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки является, на мой взгляд, вполне своевременным. Я думаю, что формирование советской культуры (в узком смысле слова), о которой так много писали и говорили одно время некоторые “пролетарские идеологи” (Богданов и др.), теперь только началась. Культура эта, по-видимому, должна вырасти в ходе борьбы тяготеющих к советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контрреволюционными течениями и группами на новом поприще. Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе — в этом задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения молодых литераторов была бы организация самостоятельного, скажем, “Общества развития русской культуры” или чего-нибудь в этом роде. Пытаться пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету или к какому-нибудь “казенному” учреждению — значит оттолкнуть молодых поэтов от себя и расстроить дело. Было бы хорошо во главе такого общества поставить обязательно беспартийного, но советски настроенного, вроде, скажем, Всеволода Иванова. Материальная поддержка вплоть

до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима⁶⁶». Таким образом, Сталин предложил более мягкий, но подходящий для того времени вариант. Программа Троцкого даже Сталину показалась чрезмерно примитивной, а потому — малоэффективной. Однако одно из предложений Л. Троцкого было реализовано в кратчайшие сроки: партийные и репрессивные органы взяли на себя слежку за художественной интеллигенцией. Позиция по отношению к творческой интеллигенции выразилась в последовательно проводимой системе мер, направленных на регулирование деятельности литературно-художественных группировок.

Документально подтверждено, что все не только стратегические, но и частные персональные вопросы, связанные с запретительными мерами по отношению к целым направлениям и отдельным творческим личностям, решались именно в партийных кабинетах различного уровня. Главлит и другие государственные учреждения советской цензуры являлись только орудием, исполняющим волю главного идеологического заказчика. В качестве конкретного примера можно привести историю принятия и реализации органами цензуры постановления ЦК ВКП(б) «О плакатной литературе» от 11 марта 1931 г.⁶⁷ В этом постановлении впервые на уровне ЦК партии подчеркивалось неудовлетворительное состояние массовой плакатно-картинной продукции, говорилось о недопустимо безобразном отношении к этому виду пропаганды со стороны ГИЗ, ИЗОГИЗ, АХРР, Госиздата, Сельхозиздата и других издательств, о засоренности аппарата издательств классово-враждебными элементами, о неудовлетворительном контроле со стороны Главлита за плакатной продукцией. В постановлении был поднят вопрос о передаче Отделу агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) руководства делом плакатно-картинной агитации. Постановление также предусматривало ряд практических мер: издание плакатов объединялось в ИЗОГИЗ, что должно было способствовать улучшению идейного и художественного качества картинно-плакатной продукции; был поставлен вопрос о создании общества художников-плакатистов. На заседании Секретариата проект представляли К. И. Николаева и П. М. Блинов — соответственно заведующая и заместитель заведующего Отдела агитации и массовых кампаний (Агитпроп) ЦК ВКП(б), директор ИЗОГИЗа Б. Ф. Малкин, начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский и директор ИЗОГИЗ А. Б. Халатов. Из подготовительных документов видно, что именно эти организации принимали участие в разработке текста постановления. Между тем представленный на рассмотрение документ в исходной редакции не был принят. Секретариат ЦК ВКП(б) поручил Агитпропу совместно с заинтересованными организациями — ОГИЗ, Главлит, ИЗОГИЗ и Наркомпросом — переработать проект; его окончательная редакция была поручена секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постышеву. Сохранились два варианта этого постановления: первоначальный текст

с правкой членов комиссии, в том числе и лично П. П. Постышева, и окончательный, известный нам по опубликованным источникам. Чем же было вызвано столь сложное «прохождение» этого решения через Секретариат ЦК?

Предыстория этого проекта такова. Изданием плакатов в конце 1920-х гг. занималось несколько десятков издательств, что естественно затрудняло, а порой и сводило на нет, возможность какого-либо контроля. В ноябре 1930 г. решением сектора НКП РСФСР была создана Центральная комиссия по контролю над массовой изопродукцией при Главреперткоме с целью введения художественно-идеологического контроля над массовой изопродукцией ввиду бесконтрольного выпуска «антихудожественных плакатов»⁶⁸. Тогда же, в ноябре 1930 г., Изосектором Наркомпроса РСФСР была проведена «чистка» московских обществ «4 искусства», ОМХ, ОХР, ОСТ и др.⁶⁹ В январе 1931 г. Агитпроп ЦК докладывал в Секретариат ЦК об обследовании сотрудниками отдела ЦК картинно-плакатной продукции ИЗОГИЗ, АХРР, ОХР, Центросоюза и других издательств, вышедшей после XVI съезда ВКП(б). Ряд плакатов были признаны политически вредными как по содержанию, так и по художественному исполнению; было зафиксировано «неотображение в большинстве плакатов ведущих лозунгов партии», неудовлетворительное руководство ИЗОГИЗ публикацией плакатов и массово-художественных изданий⁷⁰. Проведенный текстологический анализ докладной записки отдела ЦК и первоначального текста постановления ЦК ВКП(б) позволяет утверждать, что зафиксированные в записке результаты проверки явились основными положениями будущего постановления.

Таким же образом можно проследить последствия принятия этого постановления и механизмы партийно-государственного контроля за его исполнением. Уже 28 марта 1931 г. Сектор искусств Наркомпроса РСФСР обратился с письмом в Наркомат финансов и СНК СССР об ассигновании дополнительных средств на командировки художников в колхозные и индустриальные районы страны для написания агитационно-пропагандистских произведений. Такая задача была поставлена в постановлении ЦК. Решением СНК СССР для этих целей было выделено 100 тыс. руб. и создана межведомственная комиссия из представителей ПУР, ЦК Рабис, ИЗОГИЗ, Федерации художников для разработки тем для художников. 9 апреля 1931 г. Агитпроп ЦК докладывал на Секретариате ЦК о предпринятых отделом мерах по реализации постановления, в том числе об изъятии 14 антисоветских плакатов, организации выставки плакатов, создании инициативной группы по выработке устава общества художников-плакатистов⁷¹. 12 мая 1931 г. Сектор искусств Наркомпроса РСФСР доложил об организации Федерации объединенного совета работников пространственных искусств, в которую вошли художественные общества «Октябрь», АХР, ОМАХР, ОХС,

ОСТ, ОМХ, ОРС, «Круг», «4 искусства» и др., о «чистке» аппарата ИЗОГИЗ, о создании Общества революционных плакатистов (так вначале называли Объединение работников революционного плаката)⁷². 14 июля 1931 г. Сектор искусств Наркомпроса РСФСР принял план по проверке состояния картинно-плакатной литературы в целях выполнения того же постановления ЦК ВКП(б). 21 июля 1931 г. коллегия НК РКИ РСФСР приняла постановление по докладу комиссии по «чистке» аппарата ИЗОГИЗ, в котором был сделан акцент на низкой политической и художественной подготовке художников, слабом контроле и некачественной разработке заданий художникам со стороны редакторов ИЗОГИЗ, отмечен большой «процент брака» у художников, выпуск «идеологически невыдержанных и вредных плакатов», сделаны предложения по изменению структуры издательства, форм и методов руководства секторами и др.⁷³ При ИЗОГИЗ создается общественный совет с привлечением Комакадемии, Главискусства и ЦК Рабис, вводится новый порядок обсуждения тем, эскизов и готовых плакатов. В сентябрьском плане Сектора искусств Наркомпроса 1931 г. было намечено проведение проверки выполнения постановления ЦК обществами художников, а также пересмотр всех деклараций и уставов художественных организаций, их взаимоотношений с госиздательствами и другие мероприятия дисциплинарно-идеологического толка, результаты которых были изложены в отчете заведующего ОГИЗ А. Б. Халатова секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу (12 ноября 1931 г.) о ходе выполнения постановления⁷⁴. Более подробная информация о проведенной кампании по выполнению постановления содержится в отчете Главискусства 25 ноября 1931 г. (организация передвижных выставок-вагонов, повышении качества изопродукции, отражение текущего политического момента и классовой борьбы в изобразительном искусстве и пр.)⁷⁵, а также отчете-плане работы ФОСХ на 1932 г. с подведением итогов «классовой борьбы на фронте изобразительного искусства»⁷⁶.

В дальнейшем практически каждое художественное общество и госиздательство, производившее плакатную продукцию, считало себя обязанным «отреагировать» на инициативу партии. Так, 8 января 1932 г. на секретариате РАПХ был сделан доклад ВУАП-МИТ о классовой борьбе на изофронте Украины⁷⁷, а 29 января 1932 г. прошел совместный диспут ОРПП и Комакадемии о задачах плаката с приглашенным докладчиком из ЦК⁷⁸. Об осязаемых результатах перестройки в выпуске плакатно-картинной продукции Агитпроп ЦК доложил 5 апреля 1932 г. на заседании Оргбюро ЦК⁷⁹. Проведение новой политики в отношении наглядной агитации выразилось и в изменении структуры в самом ЦК: 7 мая 1932 г. в составе Отдела агитации и массовых кампаний Сектора общей агитации и массовой работы. Этот перечень можно было бы продолжить, поскольку реализацию принятого в 1931 г. постановления ЦК можно проследить вплоть до 1938 г. Надо сказать, что по многим позици-

ям постановление было выполнено, но некоторые задачи, обозначенные в нем, долгие годы оставались только на бумаге. Издательства отказывались передавать свои издательские портфели ведомствам, боролись за свой приоритет в деле выпуска плакатов, одним словом, продолжали проявлять остатки финансовой и организационной самостоятельности до 1936 г. и отчасти до 1938 г.

Важно также еще раз подчеркнуть, что партия «определяла и направляла», органы цензуры осуществляли многоярусный контроль, а ВЧК/ ГПУ / ОГПУ / НКВД / МГБ / КГБ боролись с изданием (нелегальным), распространением и пересылкой из-за границы запрещенной литературы. «Цензорская работа очень ответственная и очень серьезная работа... Советский цензор должен руководствоваться едиными указаниями, которые дает партия, и строго соблюдать правило, чтобы в печать не проникал политико-идеологический брак, военные и государственные тайны и халтурные произведения. В силу этого у нас должна быть строгая централизация в организации цензуры. У нас должна быть централизация в разработке методологии»⁸⁰, — говорил Уполномоченный Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати К. К. Омельченко на совещании с Отделом предварительного контроля 8 мая 1946 г.

Наряду с централизацией, другой особенностью советской политической цензуры, отличающей ее от царской, несмотря на определенную преемственность, является отсутствие законности и, отсюда, размытость допустимых норм, таинственность и полная безнаказанность. Любое произведение на основании тенденциозно сфабрикованных мотивировок могло быть объявлено идеологически вредным. Цензоры и привлекаемые специально для этой цели «компетентные рецензенты» достигали в этом небывалых высот, подвергая критическому анализу художественные произведения классиков литературы и даже классиков марксизма в зависимости от политической конъюнктуры момента. Однако и они испытывали некоторое неудобство, не всегда успевая перестраиваться и следить за передовицами газет и программными выступлениями партийных лидеров.

Об этом свидетельствует любопытная дискуссия между начальником украинского Главлита Полонником⁸¹ и руководителем Главлита К. К. Омельченко, которая состоялась на очередном совещании руководящих работников Главлита в 1946 г. Процитируем ее полностью.

«Тов. Полонник: По вопросам печати мы руководствуемся "Перечнем". Но мы считаем, что настало время, чтобы дать указания по вопросам художественной литературы. Если мы вернемся к истории, тогда давались указания, какую литературу можно давать. Должен быть кодекс требований по литературе. Если старая цензура запрещала писать что-нибудь порочащее женщину, нарушающее святость семьи, дискредитирующее образ офицера, то мы таких указаний не имеем.

Тов. Омельченко: Вы предлагаете дать общий эталон для художественной литературы, известные рамки?

Тов. Полонник: Чтобы цензор знал, с каким критерием подходить к вопросу оценки художественной литературы.

Тов. Омельченко: Цензор не редактор, он лицо, осуществляющее определенные, порученные ему функции. Мне Ваше предложение не понятно. Художественная литература — это не сапоги тащить. Это не обувная фабрика, где можно давать указание, какой фасон выпускать. Это схоластический вопрос.

Тов. Полонник: Мне хотелось бы получить от Вас какое-то указание.

Тов. Омельченко: Я считаю, что это чепуха. Можете считать это за указание. Какой же можно выдумывать устав для художественной литературы?

Тов. Полонник: Я имею в виду устав 1885 года. Устав цензору художественных произведений»⁸².

Заметим, что этот разговор велся на тридцатом году советской власти. Слишком очевидно выражена заинтересованность государства в отсутствии правовых основ контроля за печатным и другим словом. Запретив всю оппозиционную печать декретами 1917 г., введя «временно» в условиях гражданской войны и интервенции в 1918 г. чрезвычайную военную цензуру, организовав в 1919 г. Госиздат, в 1922 г. Главлит, а в 1923 г. Главрепертком, советская власть обеспечила себя мощным аппаратом, просматривающим и проверяющим всех и вся под присматривающим недремлющим оком высших и местных партийных органов. Вместе с тем отсутствие законодательной основы деятельности советской политической цензуры, явное несоответствие этой деятельности всем международным стандартам и собственным демагогическим декларациям о свободе слова и печати, вызывали первое время дискомфорт даже у чиновников высшего уровня, не говоря о бурных протестах творческой интеллигенции. Однако вопрос с интеллигенцией в России решался всегда просто и радикально: кто не с нами, тот против нас. И те из них, кто, будучи возмущен действиями Госиздата или Наркомпроса, недавно подписывал соответствующие письма и обращения, грузились на пароходы и поезда или обрекали себя на репрессии или многолетнее безмолвие, оставаясь на Родине.

О попытках различных властных структур подготовить и утвердить Закон о печати свидетельствуют проекты таких законов, подготовленных на различных исторических этапах становления и развития советского общества. Только архивной полке посчастливилось стать прибежищем этих попыток, предпринятых в 1920–1930-е гг. для того, чтобы сменить чрезвычайщину на хотя бы внешне более привлекательную и цивилизованную форму закона или положения о печати, а может, — кто знает, — и соорудить некий цивилизованный механизм вместо, беспредела идеологического монополизма.

1923 год. В недрах ЦК, в Отделе печати, готовится проект положения о печати, в общей части которого говорится: «На основании ст. 14 Конституции РСФСР, в интересах содействия успешному строительству рабоче-крестьянского государства и в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений, как периодические, так и непериодические издания трудящихся, как то: советов и их центральных и местных губернских и областных органов, Коммунистического Интернационала и его секций, РКП, Профинтерна и Профессиональных союзов на языках всех народов мира *от просмотра предварительной политической цензуры освобождаются* (курсив наш. — Т. Г.)⁸³. Удивительно, что после волокиты прохождения через все инстанции, продлившейся целый год, проект закона получил в целом положительную оценку. Однако Главлит, в лице П. И. Лебедева-Полянского, и Госиздат, в лице Н. Л. Мещерякова, разразились гневным отзывом⁸⁴, который нашел явную поддержку в ЦК ВКП(б), считающем, что надежнее всего будет руководство издательским делом и печатью через Отдел печати ЦК, через систему Главлита и Главреперткома⁸⁵.

И проект остался проектом. Страна на долгие десятилетия погрузилась в сумрак лжи и двойной бухгалтерии: официальная пропаганда заверяла, что в СССР цензуры нет, а реальность всевластия Главлита и его аппарата была очевидна не только тем, кто непосредственно зависел от его прихоти, но и любому обывателю. Забавна некая ханжеская «стеснительность» власти по отношению к своим слабостям, проявленным в первый период ее существования. Так, циркуляр Главлита от 1926 г. откровенно заявлял, что «в СССР цензуры нет», а потому использование устаревших терминов «цензор» и «цензура» неправильно, поскольку «Окрлиты, Улиты, Гублиты и Обллиты — не цензура, а органы контроля», что и предписывалось впредь учитывать⁸⁶.

В 1938 г., когда чудовищный сталинский режим уже не нуждался в принародном декорировании, появился проект Положения о Главном управлении цензуры при Совнаркоме СССР. Правда, автором его уже являлся сам Главлит, прошедший незадолго до этого через массовую чистку в числе со своим руководством и старавшийся, насколько это возможно, проявить рвение в борьбе с врагами народа. В тексте проекта наиболее впечатляет не столько подробнейшее перечисление всех возможных объектов цензуры без уже давно исчезнувших оговорок, сколько структура создаваемого монстра, в которой предполагались специальные подразделения по «изъятию и конфискации подлежащих произведений печати и искусства» (функции НКВД), а также главная инспекция по собственному внутреннему контролю «за выполнением постановлений и полиграфпредприятиях»⁸⁷.

Остается только предполагать, что остановило прохождение этого документа через законодательные инстанции, но факт остается фактом: он также остался лежать на архивной полке. Скорее всего, власть

сознательно предпочла более привычное и, вероятно, удобное для нее призрачное существование цензуры, когда она, как невидимая и неосознаваемая радиация, разъедала общество, оставляя после себя страшные следы уничтожения.

В дальнейшем развитие ситуации зависело от «заморозков» или «оттепелей» в советской истории, но, главным, с точки зрения определения сущности советской культуры (вернее, используя ленинскую формулу, «партийной организации и партийной литературы») всегда оставался «принцип партийности», руководствуясь которым создавали идеологические модели типа «интернационализм», «национализм» и «космополитизм», «реализм» и «очернительство», «революционный романтизм» и «лакировка» и многие другие.

Знаменательным в этом смысле являлось закрытое постановление ЦК КПСС от 7 января 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара», в котором фактически устанавливалась персональная ответственность авторского и редакторского состава за содержание публикуемых произведений. Таким образом, самоцензура, которая к этому времени уже являлась для многих нравственной нормой и условием самосохранения, была установлена высшим партийным руководством как единственно возможная форма существования советской культуры «в современных условиях укрепления и развития социалистического общества, расширения социалистической демократии»⁸⁸.

Новым проявлением лицемерия власти явилась очередная попытка усыпить мировое общественное мнение в связи с выполнениями положений Заключительного акта Общеευропейского совещания. 11 декабря 1975 г. Политбюро ЦК КПСС было принято решение о разработке Закона о печати (авторы записки — Ю. В. Андропов и А. А. Громыко)⁸⁹ Проект провозглашал свободу слова и отсутствие какой бы то ни было цензуры. Однако у высшего партийного руководства хватило трезвого расчета, чтобы отказаться от этой заранее уязвимой для политических оппонентов затеи, поскольку декларативное провозглашение заявленных, скопированных с законов демократических европейских государств гарантии свободы слова и печати явно не соответствовало реальной ситуации⁹⁰. В стране шла «охота на ведьм», борьба с диссидентами, «самиздатом» и «тамиздатом». Поэтому было принято мудрое решение: лучше по-прежнему продолжать жить без Закона о печати, чем отбиваться от обвинений идеологических противников в нарушении этого закона. Шел 1976 год. До принятия Закона о печати и других средствах массовой информации, запретившего какую-либо цензуру, оставалось 14 лет...

Советская цензура изначально предполагала создание двойной системы в осуществлении цензурной политики: с одной стороны, путь,

более-менее законный, предполагающий судебно-административные преследования лиц и учреждений, нарушивших ограничительные перечни, с другой — путь «умелого идеологического давления и воздействия», провокаций и преступлений против личности. Отсюда — рождение мифологизированных представлений о роли художника и его взаимоотношениях с властью и народом. Мы уже приводили факты, подтверждающие возникновение политической цензуры сразу же после октябрьского переворота 1917 г. Декрет о печати, давно и хорошо известный текст которого свидетельствует о «временном» запрете всех контрреволюционных органов печати, явился отправной точкой в истории советского идеологического террора. Поэтому факт организации Главлита в 1922 г. можно рассматривать не как определенный поворот в отношении идеологии и культуры, а как логическое продолжение определенной политики власти. Неопровержимым подтверждением истинных целей создания и подлинного характера методов советской цензуры является циркуляр, созданный Главлитом практически сразу же после его организации и разосланный местным органам цензуры. Он гласил:

«Товарищи! В настоящее время большее значение приобретает печатное слово, одновременно являющееся могучим средством воздействия на настроение разных групп населения Республики, как в наших руках, так и в руках наших противников. Своеобразные условия пролетарской диктатуры в России, наличие значительных групп эмиграции, усилившиеся, благодаря новой экономполитике, материальные ресурсы у наших противников внутри Республики создали благоприятную для них атмосферу в выступлениях против нас в печати. Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии.

Главлит (организованный по инициативе ЦК РКП) имеет своей основной задачей осуществить такую цензурную политику, которая в данных условиях является наиболее уместной. Опыт цензурного воздействия выдвигает два основных пути цензурной политики: первый путь — административное и судебное преследование, которое выражается в закрытии издательств или отдельных изданий, сокращении тарифа, наложении штрафа и предании суду ответ[ственных] лиц. Второй путь — путь умелого идеологического давления, воздействия на редакцию — путем переговоров, вводе подходящих лиц, изъятия наиболее неприемлемых и т. д. Органам Главлита необходимо иметь тщательное наблюдение не только за частными, но и за кооперативными, профсоюзными, ведомственными и прочими издательствами, имея подробные сведения о характере и программе, личном составе правления, связи издательств с общественными и политическими группировками как в России, так и за рубежом...»⁹¹

И сама организация Главлита, как признается в процитированном циркуляре, и все последующие реорганизации цензурных органов происходили по инициативе и при участии высших партийных инстанций,

защищающих свою идеологию. Так, в записке Агитпропа ЦК (Мальцев) к заседанию ОБ ЦК от 23 ноября 1926 г. (Пр. № 71, п. 4) в преамбуле говорилось: «Подходя к оценке деятельности Главреперткома, нельзя ограничиваться рассмотрением только цензурных и регулирующих функций, необходимо заглянуть глубже и определить, что же вообще лежало в основе его деятельности. Здесь встает вопрос о политике в области театра. (Вопрос о политике в области кино имеет свои особенности, поэтому должен быть рассмотрен особо.) Нужно прямо сказать, что политики, отвечающей общим задачам партии в ее борьбе с враждебными нам идеологиями, у нас в этом деле не было (выделено нами. — Т. Г.). Революция мало отразилась на театре. К 9-й годовщине Октября мы имеем театр в основном таким же, каким оставила его буржуазия. Больше того, мы имеем теперь факты, свидетельствующие о том, что театр тянется даже назад и старается ликвидировать уступки, которые у него все же были вырваны революцией»⁹². Далее следует всеобъемлющий обзор ситуации в театральном мире: от государственных академических до рабочих и клубных театров. При этом отмечается засилье, наряду со старым дореволюционным репертуаром, постановок бульварного, «сменовеховского» и «авантюрно-заговорнического» характера и пассивная роль Ассоциации советских драматургов в становлении советского репертуара, определяемого как «революционно-бытовые и агитационные пьесы». Только на фоне этих проблем формулируются задачи Главреперткома, призванного решить «недостатки в управлении театрами и театральной политикой»⁹³. Документ демонстрирует, что все цензурные преобразования носили политико-идеологический оттенок и имели своей целью, прежде всего, проведение культурной политики или ее корректировку.

Бесценную, с точки зрения объективности, характеристику цензуре дает в своих воспоминаниях О. Литовский, — фигура, мифологизированная М. А. Булгаковым, занимающая в истории советской цензуры особое место. «Советский контроль не мог ограничивать свою деятельность разрешениями и запрещениями, — она (цензура. — Т. Г.), вынуждена была входить в самое нутро творческого процесса театра. Такой цензуры не было во всей истории мирового театра» — писал он. Говоря о специфике советской цензуры, Литовский подчеркивал прежде всего ее «неформальность», подразумевая идеологическую направленность. Если в дореволюционное время цензоров интересовала буква закона, соответствие текста официальному, реестрам дозволенного, то советская цензура, как утверждал он, всегда входила в существо дела, а именно анализировала его политическую благонадежность. Обладая колоссальным опытом 15-летней работы в цензурных органах, О. Литовский отмечал, что советская цензура являлась как бы продолжением общественной критики и совмещала в себе функции контроля с функциями художественного и идеологического руководства⁹⁴.

С уверенностью обремененного безграничной властью чиновника О. Литовский свидетельствовал о том, какое давление оказывали цензоры на таких столпов культуры, как М. А. Булгаков, В. И. Немирович-Данченко, А. М. Горький. Если о цензурных мучениях М. А. Булгакова мы знаем из его романов, то из воспоминаний самого О. Литовского мы узнаем о том, как под его «руководством» В. И. Немирович-Данченко составлял пятилетний репертуар МХАТ, определяя, «какая пьеса нужная, а какая ненужная». Однако сцена, которая произошла на просмотре «Егора Булычева», превзошла и это. Присутствующие на репетиции были смущены присутствием А. М. Горького и ждали первой реплики от него, но О. Литовский, углядев политический «прокол», его опередил, спросив у драматурга, правильно ли, что во время демонстрации в канун Октябрьской революции у окон дома Булычева демонстранты пели «Марсельезу»? Горький поднял глаза и сказал: «А Вы хотели, чтобы они «Интернационал» пели?» «Нет, почему же...», — не смущаясь ответил цензор. И пояснил свою точку зрения, предложив «Смело, товарищи, в ногу!». Горький подумал и согласился⁹⁵.

Политический оттенок советской цензуры и ее стремление вторгнуться непосредственно в творческий процесс имел в виду М. Федотов, давая современной советской цензуре следующее определение: «Цензура — родовое понятие. Оно охватывает различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускаемых в свет и распространяемой массовой информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными. Контроль осуществляется в зависимости от вида средства массовой информации (печать, телевидение, радиовещание, кинематограф). Необходимо различать цензуру, налагающую запрет на обнародование сведений определенного рода, и цензуру, вторгающуюся в творческий процесс»⁹⁶. Вот почему попытки ограничить понятие «советской цензуры» только деятельностью государственных цензурных учреждений без учета изощренных форм и методов различного рода воздействия и давления малопродуктивны (в определении границ понятия «советская цензура» большую роль сыграло получившее широкое распространение определение Марианны Тэкс Чолдин — «всецензура»)⁹⁷. Отсутствие четких законодательных основ деятельности, диктат партийных органов, царившая в бюрократической среде атмосфера вкусовщины и патронажа и многие другие явления советского образа жизни приводили к тому, что практически любое произведение могло быть объявлено идеологически вредным. Понятие «советская цензура» значительно шире политико-идеологического контроля, осуществляемого посредством партийно-государственной системы в различных формах. Методы надзора и контроля за издательской или иной творческой продукцией также отличались многообразием, а способы их реализации были подчас неожиданными. Вот почему термин

«всецензура», родившийся как точный перевод с английского языка, который подразумевает именно монополизацию всех сфер духовной и культурной жизни и проявление крайнего подавления любого инакомыслия в тоталитарном обществе, наиболее адекватен термину «*политическая цензура*» в его исторически сложившемся советском варианте и представляет собой идеологическую властную систему, с помощью которой в значительной степени реализовывалась *государственная культурная политика*, которая является частью политики и политической системы общества. Под *политикой* подразумевается организационная и регулятивно-контрольная зона власти, включающая такие составляющие, как экономика, идеология, церковь и другие институты. При этом идеология объективируется во всех сферах государственной и общественной жизни — от законов и инструкций до СМИ и пропаганды, включая культуру, искусство, образование, образуя политическое пространство или систему пространств, которые могут совпадать или не совпадать⁹⁸. Если в демократических системах вторжение идеологии в культурно-образовательную среду минимально или совсем отсутствует, то в тоталитарных государствах влияние первой на вторую бесспорно⁹⁹.

Исходя из этого, *культурная политика* в условиях становления и функционирования государства тоталитарного типа представляет собой деятельность партийно-государственных органов, направленную на формирование основанных на идеологических канонах концептуальных представлений о месте и роли культуры в жизни общества, о должном состоянии культурной (художественной) жизни, на определение приоритетных целей и направлений культуры, ограничение, запрет или, напротив, поддержку в различных формах (идеологическую, моральную, материальную, финансовую и пр.) определенных направлений, творческих коллективов, отдельных представителей культуры, деятельность и творчество которых идет в русле официальной доктрины или не противоречит ей¹⁰⁰.

Вот почему все количественные характеристики штатного состава центрального и местного аппаратов цензоров (в том числе и совместителей), отличавшегося относительно скромными и стабильно невысокими показателями на протяжении всей истории советской цензуры, на самом деле не являются объективными показателями масштабов этого явления. Существовавшая в стране система тотального идеологического давления и контроля заставляла каждого редактора, каждого завлита, каждого администратора осуществлять цензорские функции. Наконец, самый строгий и опасный цензор находился внутри каждого, заставляя идти на компромиссы, писать «в стол». Не все в этих условиях были способны рисковать свободой ради возможности быть услышанным через «самиздат» и «тамиздат». Наилучшим доказательством источников и мотивов происхождения этого явления могут служить рецидивы политической цензуры, которые проявляются в самых различных формах в уже «бес-

цензурной» России в условиях отсутствия Главлита и других государственных институтов цензуры. Это доказывает положение о том, что политическая цензура обеспечивает стабильность власти любого типа и выражает интересы политических элит. Таким образом, политическая цензура играет роль системообразующего начала при формировании и эффективной поддержке *политической системы общества* — целостной упорядоченной совокупности политических институтов, процессов, отношений, подчиненных тем идеологическим и культурным нормам и традициям, которые характерны для того или иного типа государства и общества. При этом политическая система включает как институциональные так и неинституциональные, отношения (имеется в виду аппаратная структура власти)¹⁰¹. Это имеет принципиальное значение для определения понятия политическая цензура, тем более, что оно впервые дается в нашем исследовании.

Итак, под *политической цензурой* мы понимаем систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов власти. При этом под системой действий и мероприятий мы подразумеваем структурную и внеструктурную деятельность, не всегда обеспеченную законодательно. Именно внеинституциональность политической цензуры определяет наполнение этого понятия и его границы, которые гораздо шире рамок собственно понятия цензуры, имеющей определенные и традиционно очерченные функции, задачи и государственные органы их реализации. В силу особенностей сложившегося после 1917 г. в нашей стране политического режима, слияния партии и государства, главенства коммунистической идеологии, политическая цензура советского типа включала деятельность партийных и советских органов по руководству и контролю за всеми сферами общественной жизни с использованием всех существующих форм давления и воздействия на информационно-творческий процесс. Таким образом, политическая цензура представляет собой часть, или подсистему, политической системы в контексте исторического опыта данного общества, в значительной степени определяющего поведенческие особенности всех участников культурного и политического процесса.

Всеобъемлющий, как мы убедились, характер политической цензуры в тоталитарном государстве обусловил многоэтапный контроль, который должен был гарантировать наибольшую результативность в выявлении сомнительных и откровенно недопустимых публикаций и высказываний.

Говоря об истории складывания и функционирования советской политической цензуры, следует определить основные этапы ее формирования¹⁰² и их периодизацию¹⁰³. Сознвая важность этого методологического аспекта, следует тем не менее учитывать, что любая периодизация является подчиненной проблемой любого конкретного исторического исследования. В данном случае периодизация органически вытекает

из анализа воссозданного корпуса источников по истории советской политической цензуры. Определение хронологических циклов истории политической цензуры должно идти с учетом, во-первых, политической истории страны, во-вторых, истории советской культуры и, в-третьих, истории складывания государственных учреждений цензуры. Исходя из понимания цензуры как системы, включающей различные институты власти и управления обществом, наша периодизация должна строиться на синтезе всех подходов в сочетании с локальными хронологическими схемами.

Как комплексная система, политическая цензура проходит две основные стадии развития: период становления и утверждения и период стагнации. В истории советской политической цензуры можно выделить две основные исторические вехи: с 1917 по 1930-е гг. и с 1940-е по 1991 г. Выбор границ между двумя большими историческими этапами в истории советской политической цензуры требует дополнительного разъяснения. Хронологическая граница между двумя эпохами находится на рубеже 1930–1940-х гг. и непосредственно связана с началом Второй мировой войны и вступлением СССР в военные действия. Рубеж этих десятилетий характеризовался переходными явлениями и инерционными тенденциями. Отсюда — невозможность дать разграничение с точностью до года. Но не только объективно сложившаяся международная обстановка способствовала изменениям в политической и экономической структуре страны. Начиная уже с конца 1920-х и до конца 1930-х гг. шло формирование тоталитарного государства с соответствующим типом идеологии. В СССР, как и в фашистской Германии шла усиленная подготовка к войне, которая выражалась в перестройке государственного аппарата, повышении руководящей роли партии, окончательной монополизации идеологии, создании военно-промышленного комплекса, насаждении атмосферы страха и психоза, вызванного и стимулируемого массовыми репрессиями. Именно к 1939–1940 гг. полностью сложилась система партийно-государственного управления страной, были отлажены механизмы принятия решений и проведения политических кампаний, способных в несколько недель переориентировать, организовать и мобилизовать огромные массы населения страны. С помощью созданной системы, централизованной и всеобъемлющей, предельно сконцентрированная власть управляла всеми отраслями, используя одни и те же методы и в организации промышленного производства, и в образовании, и в искусстве. Важнейшим условием существования и функционирования этой системы и ее определяющим звеном на рубеже 1930–1940-х гг. стала политическая цензура, которая проводилась как через государственные органы — Главлит и Главрепертком, так и напрямую, по партийной вертикали. Именно этот установившийся порядок, ставший привычным для всего круга советских и партийных организаций, творческих союзов, оставался

неизменно-постоянным до начала 1990-х гг. Несмотря на, казалось бы, огромный пройденный исторический период, вместивший и Великую Отечественную войну, и годы сталинских идеологических постановлений, и время так называемой «оттепели», сменившейся очередными «заморозками», называемыми «застоем», ничего, по существу, не менялось в созданном раз и навсегда властном механизме политической цензуры. Система подвергалась текущему и даже капитальному ремонту (наркоматы превращались в министерства, затем преобразовывались в комитеты, совнархозы и наоборот), наполнялась новым идейным содержанием (принимались постановления, велась борьба с «культом личности», реставрировались старые ценности, возвращались к ленинским нормам), но все эти перемены осуществлялись с помощью старого аппарата и прежней системы, которая приводила его в действие. Попытки после XX съезда КПСС сломать эту систему были нерешительны и непоследовательны, а главное, малоэффективны. Лишившись основного орудия поддержания нужного ей порядка — массовых репрессий и чрезвычайных законов, система тем не менее сохранила свое господствующее положение в идеологии и управлении, превратившись в механизм торможения и «застоя».

Эта жизнестойкая и высокоэффективная система получила название административно-командной системы управления (АКСУ)¹⁰⁴. Среди причин возникновения АКСУ еще в начале 1920-х гг. Т. П. Коржихина называет неправильные решения при выборе пути экономического развития, внутривластную борьбу на фоне очень низкой общей и политической культуры в обществе, в результате которой власть была узурпирована сначала группой людей, а затем одним человеком. На наш взгляд, основной причиной, приведшей к рождению АКСУ, явилась острейшая борьба за власть, в ходе которой были принесены в жертву все демократические преобразования первых лет революции, декларированные в законодательных актах, а в последствии — миллионы жизней и судеб советских людей.

Основными чертами АКСУ, характерными для нее на протяжении всего времени ее существования, являлись: 1) умаление роли советов, их бюрократизация и отстранение от реальной власти, подмена лозунга народовластия; 2) чрезвычайщина как основной метод управления обществом и государством — совокупность принципов, приемов и методов управления, основанных на массовых репрессиях, судебном и внесудебном принуждении; 3) разрастание государственного аппарата и сращивание его с партийными органами с характерными для этого феномена признаками огосударствления, излишней централизации и концентрации власти в общесоюзных (общесоюзных) государственных и партийных органах, ведомственность, подмена партийной властью советской и государственной; 4) номенклатура — осевой стержень, на котором держалась личная заинтересованность и безответственность

управленческих кадров, утверждаемых партийными органами, введенная в конце 1923 г.¹⁰⁵

Процесс сращивания партийного аппарата с государственным привел в конце концов к их объединению и смешению их функций. Именно с этим связана безрезультативность многочисленных сокращений штатов, поскольку незыблемость функций учреждений неизбежно требовала все новых и новых штатных расширений. Вмешательство партийных органов достигало таких пределов, которые практически стирали границы государственного аппарата, а бюрократизм и номенклатура породили такое явление, как корпоративность, следствием чего стало, в частности, использование власти в интересах определенных групп, в корыстных целях.

АКСУ наложила свой отпечаток на все сферы экономической, культурной и духовной жизни, насаждая в стране атмосферу страха, подозрительности, неуверенности¹⁰⁶.

Вместе с тем изменения, которые происходили в системе управления культурой и структуре самих учреждений цензуры, являются объективными основаниями для создания периодизации, решающей группу задач, связанных с изучением истории становления и функционирования государственного цензурного аппарата. Таким образом, институциональный подход лег в основу локальной периодизации: *1917–1922 гг.* — период ведомственной цензуры (военная в Реввоенсовете республики, а затем в ВЧК, административная — в Наркомпросе РСФСР, Госиздате РСФСР, Главполитпросвете и др.); *1922–1930 гг.* — организация и становление государственной цензурной системы в условиях формирования тоталитарного государства (организация Главлита, Главреперткома, Главискусства; чистка и реорганизация Главлита в 1930 г.); *1930 — октябрь 1953 г.* — деятельность Главлита в структуре Наркомпроса, его попытки выйти на более высокий уровень, краткосрочное подчинение Главлита МВД СССР по инициативе Л. Берии сразу после смерти И. Сталина; *октябрь 1953–1966 гг.* — период временной либерализации, которая, несмотря даже на временное понижение статуса Главлита в *1964–1966 гг.* до одного из многочисленных управлений в структуре Государственного комитета по печати, имела поверхностный характер; *1966–1987 гг.* — период бюрократического «благополучия и покоя», во время которого роль и место Главлита в политической системе государства практически не менялись; *1987–1991 гг.* — этот период можно смело охарактеризовать как агонию системы, в процессе которой неоднократно предпринимались попытки реформировать Главлит в условиях развивающейся демократии и гласности вплоть до его окончательной ликвидации.

Эта периодизация, в основу которой был положен институциональный подход к истории советской политической цензуры, легла в основу выработки концепции исследования и структуры монографии.

Многоаспектный характер политической цензуры, сложный механизм ее влияния на весь спектр общественной и культурной жизни потребовали уточнений не только собственно понятия политической цензуры, но и основных понятий и терминов, связанных с коммуникативным процессом. Особенно много вопросов возникает вокруг таких понятий, связанных непосредственно с деятельностью цензуры, как тайна и ее разновидности. Состояние понятийного аппарата, разработанного в ходе законодательного процесса 1990-х гг., позволяет использовать дефиниции, вошедшие в практику современной государственной деятельности.

Итак, *тайным*, или секретным, можно считать все, что не является явным. В соответствии с существующими в Российской Федерации законодательными нормами не подлежат засекречиванию сведения:

- о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях, а также о стихийных бедствиях, их официальных прогнозах и последствиях;

- о состоянии экологии, здравоохранения, санитарии, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства, а также о состоянии преступности;

- о привилегиях, компенсациях и льготах, предоставляемых государством гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям и организациям;

- о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина;

- о размерах золотого запаса и государственных валютных резервах Российской Федерации;

- о состоянии здоровья высших должностных лиц Российской Федерации;

- о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами¹⁰⁷.

Как родовое понятие, тайна имеет свои разновидности¹⁰⁸: государственная тайна; военная тайна; коммерческая тайна; неприкосновенность частной жизни; личная тайна; семейная тайна; информация о гражданах (персональные данные); тайна переписки; телефонных, почтовых, телеграфных и иных сообщений; профессиональная тайна; конфиденциальная тайна; служебная тайна; банковская тайна; тайна страховая; тайна связи; тайна усыновления; медицинская тайна; врачебная тайна; тайна сведений о вкладах физических лиц; данные предварительного расследования (следствия); тайна голосования; тайна исповеди; тайна совещания судей; тайна совещания присяжных заседателей; служебная информация; сведения, сообщенные доверителем в связи с оказанием юридической помощи; сведения, ставшие известными в связи с совершением нотариальных действий (профессиональной деятельности нотариуса); тайна совершения нотариальных действий; сведения о страхователе; сведения о доноре и реципиенте;

содержание дискуссий и результатов голосования закрытого совещания Конституционного суда; информация о намерениях заказчика архитектурного проекта; охраняемая законом компьютерная информация; секреты мастерства; иная охраняемая законом информация.

Государственная тайна — защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

Перечень сведений, составляющих государственную тайну, — совокупность категорий сведений, в соответствии с которыми сведения относятся к государственной тайне и засекречиваются на основаниях и в порядке, установленных федеральным законодательством.

Персональные данные — зафиксированная на материальном носителе информация о конкретном человеке, отождествленная с конкретным человеком или которая может быть отождествлена с конкретным человеком, позволяющая идентифицировать этого человека прямо или косвенно, в частности посредством ссылки на идентификационный номер или на один или несколько факторов, специфичных для его физической, психологической, ментальной, экономической, культурной или социальной идентичности. К персональным данным относятся: биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном положении, образовании, навыках, профессии, служебном положении, финансовом положении, состоянии здоровья и пр.

Режим конфиденциальности персональных данных — нормативно установленные правила, определяющие ограничения доступа, передачи и условия хранения персональных данных.

Держатель (обладатель) массива персональных данных — федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, юридические или физические лица, осуществляющие работу с массивами персональных данных на законных основаниях.

Работа держателя (обладателя) с персональными данными — любые действия, выполняемые с персональными данными: сбор, запись, организация, накопление, хранение, актуализация или изменение, извлечение, группировка, использование, передача, обезличивание и уничтожение персональных данных — стирание или разрушение и т. д.

Получатель персональных данных (получатель) — физическое или юридическое лицо, орган государственной власти или местного самоуправления, которому раскрываются данные на основании заключаемого договора, являющийся или не являющийся третьей стороной. Орган государственной власти, получающий персональные данные по служебному запросу в порядке служебного обмена данными, не должен считаться получателем. Если обработка персональных данных осуществляется

исключительно в целях журналистики или в целях художественного и литературного творчества, то следует соблюдать условия, при которых такие действия будут согласовываться с соблюдением права на неприкосновенность частной жизни и свободой слова.

Являясь частью коммуникативного процесса, цензура использует также целый ряд общепринятых терминов, вкладывая в них свое содержание. К ним можно отнести следующие основные термины.

Произведение (художественное, публицистическое, документальное) — результат индивидуального или коллективного авторского творчества, объект цензуры.

Информация — сведения, сообщаемые с помощью различных средств коммуникации — объект цензуры.

Публикация, издание, обнародование, оглашение, объявление:

- 1) доведение чего-либо до всеобщего сведения посредством СМИ;
- 2) издание и другие формы официального и неофициального функционирования произведения.

* * *

Таким образом, цензуру как явление и часть государственной и общественной жизни нельзя оценивать односторонне: с одной стороны, неоспоримо отрицательным является проявление узурпированной формы власти, использующей цензуру в политических целях, с другой стороны, одновременно цензура в ее нормативном проявлении (охрана государственной, военной, экономической тайн, тайны личной жизни и пр.) является элементом управленческой структуры общества и естественной составляющей государства.

То, что мы сегодня подразумеваем под цензурой, возникло тогда, когда одна группа людей, обладающих приоритетом власти и имущества, стремясь удержать их в своих интересах начала навязывать свою волю остальным. Среди мыслителей и философов во все времена не было единства в отношении к цензуре при однозначно негативном ее восприятии общественным мнением. По нашему мнению, наиболее точным была оригинальная интерпретация инстинкта запрета З. Фрейдом, рассматривавшего цензуру как особую психическую силу, неразрывно связанную с психофизической природой человека.

Истоки российской цензуры обнаруживаются еще в историко-правовых актах средневекового периода. На протяжении XVIII — начала XX в. цензурная политика в России была весьма противоречивой: периоды усиленного политического контроля и цензурного террора сменялись периодами временного их ослабления; вместе с тем в тот же период прослеживается тенденция профессионализации (участие в работе цензурных комитетов известных литераторов) и дифференциации цензуры (духовная, иностранная, театральная и др. виды цензуры),

соединение легитимности цензуры, т. е. правового обеспечения деятельности с использованием в политических целях.

Особенности культурной и политической среды советского строя — «варваризация», мифологизация, самоцензура, политический донос, предельная концентрация средств информации и пропаганды. Комплекс этих свойств давал возможность, используя механизмы и структуры политической цензуры, внедрять образ врага, с помощью которого осуществлялось формирование массового политического сознания и манипуляция общественной психологией. В СССР, как в любом тоталитарном государстве, наряду с функциями контролирующей и регламентирующей, охранительной, эталонной, профилактической, санкционирующей и др., цензура имела манипулятивные, контрольно-запретительные полицейские функции, которые преобладали. Важнейшей определяющей и регулирующей основой идеологического заказа являлась партия, возведенная в ранг государственной структуры, в тесном сотрудничестве с репрессивными органами. Другой особенностью советской политической цензуры, отличающей ее от царской, несмотря на определенную преемственность, являлось отсутствие законности и, отсюда, таинственность и размытость допустимых норм, и полная безнаказанность.

Изначально Главлит, при его создании в 1922 г., рассматривался партийными органами как политико-идеологический орган контроля, поэтому применение термина «цензура» к советскому периоду не совсем корректно. Здесь более уместно использовать понятие «политическая цензура», которая представляет собой идеологическую властную систему, призванную создавать основы государственной культурной политики и реализовывать ее.

Примечания

- 1 Словарь иностранных слов. М., 1979. С. 566.
- 2 Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 325.
- 3 Там же.
- 4 Богословская энциклопедия. СПб., 1911. Т. XII. С. 107.
- 5 Черняк Е. Химеры старого мира. М., 1970. С. 40.
- 6 Богословская энциклопедия. Т. XII. С. 107.
- 7 Левченко И. Е. Цензура как общественное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 8–9.
- 8 Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 65–66.
- 9 Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1.
- 10 Фурман Д. Наш путь к нормальной культуре // Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1988. С. 570–571.

- 11 Битов А. Оглашенные. М., 1995. С. 265.
- 12 Цит. по: Знаков В. В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993. С. 107–108.
- 13 Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. Панама — крупное мошенничество с подкупом должностных лиц. Слово возникло в 1889 г., когда раскрылись грандиозные злоупотребления французской компании, созданной для прорытия Панамского канала.
- 14 Фурман Д. Наш путь к нормальной культуре. С. 573.
- 15 Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 45. Ч. 3. С. 286.
- 16 Каменский А. Б. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 36–37.
- 17 См. об этом: Котович А. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909. С. 9.
- 18 Устав о цензуре и печати: Сборник официальных документов / Сост. В. П. Широков. СПб., 1904. С. 49.
- 19 Записка Булгарина была подана для «Государя императора» в мае 1826 г. и была передана министру народного просвещения А. С. Шишкову, который в ответ составил свое «мнение» [Шишков А. С.]. Мнение о цензуре и книгопечатании в России // Русская старина. 1904. Июль — август — сентябрь. Т. 119. С. 202–211.
- 20 Цит. по: Алтунян А. Власть и общество. Спор литератора и министра: (Опыт анализа политического текста) // Вопросы литературы. 1993. Вып 1. С. 177–178.
- 21 Там же. С. 178.
- 22 Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 322.
- 23 Алтунян А. Указ. соч. С. 193–194.
- 24 По указам 1815 г. и 1824 г., вплоть до принятия Устава 1928 г. писать о театре было запрещено.
- 25 Алтунян А. Указ. соч. С. 199.
- 26 Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 226.
- 27 Русское богатство. 1900. № 11. С. 111, 113.
- 28 Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 2. С. 122.
- 29 Левченко И. Е. Указ. соч. С. 10.
- 30 Красногоров В. Гласность и безгласность // Нева. 1990. № 3. С. 153.
- 31 Ольминский М. О печати. М., 1926. С. 9.
- 32 См.: Гончаров — цензор. Незданные материалы из его биографии. С предисловием К. А. Военского // Русский вестник. 1905. № 10. С. 571–619; Мазон А. Гончаров как цензор // Русская старина. 1911. № 3. С. 471–484; Евгенийев В. И. А. Гончаров как член Совета Главного управления по делам печати: (По неизданным рукописям его) // Голос минувшего. 1916. № 11–12. С. 80; Котельников В. А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24–51.

- 33 Егоров А. (Канспаров). Страницы из прожитого. Т. 1. Из мира цензуры. Одесса, 1913. С. 148–149.
- 34 Тютчев Ф. И. Сочинения. СПб., 1911. С. 330; см. также: Брикман М. Ф. Ф. И. Тютчев в комитете цензуры иностранной // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19 / 21. С. 565–578.
- 35 Набоков В. В. Русские писатели, цензоры и читатели // Ленинградский университет. 1989. 20 окт.
- 36 Жирков Г. В. История советской цензуры: Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры. СПб., 1994. С. 7.
- 37 Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. М., 1916.
- 38 Литовский О. Так и было: Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958. С. 230.
- 39 ЦА ФСБ. Ф. (8) 1. Оп. 3. Д. 18. Л. 1–5об.
- 40 Новый мир. 1991. № 5. С. 114.
- 41 Фурман Д. Указ. соч. С. 574.
- 42 См.: Зайцев А. И. Миф: Религия и поэтический вымысел // Жизнь мифа в античности. Ч. 1. С. 278–279.
- 43 Юнг К. Г. О современных мифах. М., 1994. С. 239, 241, 243, 245.
- 44 Ионов И. Н. Историческое бессознательное и политический миф: Историографический очерк // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А. П. Логунов, Т. В. Евгеньева. М., 1996. С. 12–13.
- 45 Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 486, 506, 344.
- 46 Ионов И. Н. Указ. соч. С. 17.
- 47 Пропп В. Я. Русская сказка. М., 1975; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976; Чистов К. В. Русские народные социальные утопии XVII–XIX вв. М., 1977; Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977, 1981; Поршнев В. Ф. Социальная психология и история. М., 1979; Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984.
- 48 Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. В 2-х тт. М., 1991; Бабашкин В. В. Крестьянский менталитет: Наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 2.
- 49 См.: Ахиезер А. С. Дебри неправды и метафизика страны // Общественные науки и современность. 1991. № 5; Зачесов К., Магомедов А. Магия понятий и социальная реальность // Там же. № 6; Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // Там же. 1992. № 6; Цымбульский В. Метаистория и теория трагедии: К поэтике политики // Там же. 1993. № 5–6; Одесский М., Фельдман Д. Революция как идеологема // Там же. 1994. № 2; Они же. Террор как идеология // Там же. 1994. № 6; Могильнер М. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Там же. 1994. № 5.

- 50 Новый мир. 1991. № 8. С. 195–196.
- 51 Левченко И. Е. Цензура как общественное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 11; Макаренков Е. В., Сушков В. И. Политология: Альбом схем. М., 1998. С. 107–113.
- 52 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 843. Л. 2–3.
- 53 В качестве примера приведена деятельность заведующего театральным отделом Главреперткома В. Блюма, который развернул травлю академических театров от лица партии.
- 54 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 843. Л. 4–57.
- 55 Там же. 5446. Оп. 31. Д. 80. Л. 23–24.
- 56 Там же. Л. 26.
- 57 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 805. Л. 56–66.
- 58 Там же. Оп. 3. Д. 946. Л. 20.
- 59 Там же. Оп. 112. Д. 293. Л. 2.
- 60 Там же. Д. 372. Л. 120.
- 61 Там же. Л. 118–119.
- 62 Там же. Л. 4.
- 63 На письме имеется гриф «Сов. секретно».
- 64 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 65.
- 65 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1016. Л. 9.
- 66 Там же. Л. 7.
- 67 Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 221. Л. 3, 25, 97.
- 68 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 106. Л. 131–132.
- 69 Там же. Д. 119. Л. 84.
- 70 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 221. Л. 99–103.
- 71 Там же. Л. 104.
- 72 Там же. Л. 105–110.
- 73 Там же. Л. 111–112.
- 74 Там же. Л. 177.
- 75 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 107. Л. 185–187.
- 76 Там же. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–2.
- 77 Там же. Д. 76. Л. 4–16.
- 78 Там же. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 30. Л. 7–9.
- 79 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 403. Л. 89.
- 80 ГА РФ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 401. Л. 30–31.
- 81 Инициалы установить не удалось.
- 82 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 401. Л. 16–17.
- 83 Там же. Ф. 395. Оп. 9. Д. 26. Л. 1–3об.
- 84 Там же. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 3365. Л. 129–138.
- 85 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 664. Л. 66.
- 86 Там же. Оп. 60. Д. 808. Л. 157.
- 87 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–15.
- 88 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 131. Л. 2–6.

- 89 АП РФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 284. Л. 136–137.
- 90 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1556. Л. 16–17, 52–54.
- 91 ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 87–87об.
- 92 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 243. Л. 236–237.
- 93 Там же. Л. 236–239.
- 94 Литовский О. С. Так и было: Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958. С. 230–232.
- 95 Там же. С. 245.
- 96 Федотов М. А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80–89.
- 97 Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции, 24–27 мая 1993 г., Москва. М., 1995. С. 8–11.
- 98 Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 251–252, 254.
- 99 Прежняя историография рассматривала культурную политику как формирование новой культуры – социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам и интернациональной по своему духу и характеру (См.: Ким М. П. КПСС – организатор культурной революции в СССР. М., 1955; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1932. М., 1984; Ким М. П., Ермаков В. Т., Козлов В. А. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927. М., 1985 и др.).
- 100 Данная дефиниция основывается на высказанных подходах и определениях в: Жидков В. С. Культурная политика и театр. М., 1995. С. 4–15.
- 101 Политология: Энциклопедический словарь. С. 273.
- 102 См. сноску 11 на с. 21 наст. издания.
- 103 Исследователи главным образом использовали общеисторическую периодизацию для истории советской цензуры. Свой вариант периодизации предложил Жирков Г. В. в работах: История советской цензуры: Ее периодизация и виды // Журналистика и культура: Материалы науч.-практ. конференции. СПб., 1993. С. 4–5; История советской цензуры: Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры. СПб., 1994. С. 12; История советской цензуры: Период комиссародержавия (1917–1919) // Вестник С.-Петербургского гос. ун-та. Серия «Журналистика». 1994. Вып. 1. № 2. С. 82–92.
- 104 Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 17–28.
- 105 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 462. Л. 32; Оп. 69. Д. 136. Л. 167–169.

¹⁰⁶ Коржихина Т. П. Указ. соч. С. 27.

¹⁰⁷ Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1, редакция 6 июня 1997 г.

¹⁰⁸ В приложении 2 к проекту Федерального закона «Об информации персонального характера» указываются эти виды тайны, охраняемые законодательно.

Глава III

СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

(1917–1930-е гг.)

Формирование системы политической цензуры в советской России началось сразу же после захвата власти большевиками. Главную роль в этом процессе сыграла большевистская партия и ее руководство. Пройдя многолетнюю школу подпольной печати и испытав на себе все тяготы царской цензуры, о которой было сказано и написано так много резких и справедливых слов, большевики с первых же дней установили жесткую идеологическую диктатуру, превзойдя своих предшественников многократно. Новый порядок вызывал отторжение не только у творческой и научной интеллигенции, других революционно настроенных слоев населения, но и у наиболее дальновидных большевистских лидеров, которые отчетливо понимали всю уязвимость такого положения власти, провозгласившей на весь мир лозунги демократических свобод. Некоторые из большевистских вождей отдавали себе отчет в том, что построить идеологический фундамент для управления огромной страной нельзя одними революционными декретами и трибуналами. Этот многотрудный процесс создания отлаженной идеологической системы растянулся практически на два десятилетия.

Несмотря на достаточно серьезные расхождения, существовавшие между большевистскими лидерами в отношении тактических вопросов реализации идеологического курса, стратегически все было сконцентрировано в высшем партийном эшелоне, ведающем всеми вопросами политики и государственного строительства. Поэтому роль государственных учреждений, созданных для реализации партийных директив, на деле всегда оставалась вторичной. Партия напрямую контролировала цензурные органы, постоянно используя аппарат репрессивных органов.

Советская цензура, независимо от ее ведомственной принадлежности, всегда носила ярко выраженный политический характер, что также входило в явное противоречие с основными положениями официально провозглашенной идеологической доктрины. Поэтому главными чертами системы политической цензуры в СССР являлись декорирование и скрытность, с одной стороны, и проникающий, взаимопроверяющий

многоярусный контроль — с другой. Нельзя с уверенностью утверждать, что все это планировалось заранее. Многие из того, что было создано, родилось в результате деятельности партийно-государственного аппарата и его отдельных чиновников. Однако в принципах и процессе становления советской цензуры как системы прослеживаются тенденции, определившие тип и характер политической власти страны.

Формирование руководящих органов и институтов цензуры

Декрет «О печати» от 28 октября 1917 г.¹ определил нормы, по которым использование прессы в контрреволюционных целях каралось трибуналом. Это привело к закрытию всех буржуазных газет, массовым очисткам от «вредных» изданий государственных, общественных и частных библиотек.

Новый строй стал возводить в систему тотальную слежку и охрану интересов советской власти, мощную и жестокую, как сама власть. Буржуазным нравам и религиозным канонам пролетариат, по словам В. И. Ленина, должен был противопоставить партийную печать и литературу, основным условием существования которых стало фактическое уничтожение оппонента в лице буржуазной прессы. Мероприятия были решительными: 28 января 1918 г. был принят декрет «О революционном трибунале печати», по которому за «контрреволюционные выступления» в прессе должны были применяться меры наказания от денежного штрафа и временной приостановки издания до уголовной ответственности, лишения свободы и политических прав². Понятно, что этим актом декларации декрета «О печати», о том, что ограничение в свободе слова «имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлению нормальных условий общественной жизни»³, отодвигались на неопределенный срок⁴. Все последующие действия власти по отношению к оппозиционным изданиям были не менее решительными и жестокими, в духе чрезвычайки. Так, 18 марта 1918 г. СНК принял решение⁵ о закрытии московской буржуазной печати и применении к редакторам и издателям «самых суровых мер наказания», в связи с чем было дано специальное поручение Ф. Э. Дзержинскому⁶.

К лету 1918 г. положение обострилось, популярность новой власти резко падала даже среди «революционных масс», поэтому репрессии против прессы, публиковавшей оппозиционную властям информацию, приняли массовый характер. Показательно следующее, достаточно рядовое для тех дней, решение исполнительной власти. На заседании ВЦИК 11 мая 1918 г.⁷ слушался вопрос «о буржуазной и другой печати, поместившей вздорные и ложные слухи, в связи с событиями на Украине»⁸. Было принято следующее решение: «Ввиду того, что во многих московских газетах появились ряд ложных и ни на чем не основанных сообще-

ний, ввиду того, что все эти ложные слухи направлены исключительно к тому, чтобы посеять среди населения панику и восстановить граждан против Советской власти, наконец, ввиду того, что подобные вздорные сообщения усиливают в других городах контрреволюцию, Президиум Ц. И. К. постановляет немедленно, впредь до рассмотрения этого вопроса в трибунале печати, закрыть все газеты, поместившие ложные слухи и вздорные сообщения. Установить кару в виде штрафа от 25 до 50 000 рублей и передать редакторов газет суду трибунала. Исполнение настоящего постановления, ввиду срочности, поручить Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией»⁹.

Внутреннее и внешнее противостояние советской власти, вылившееся в гражданскую войну и иностранную интервенцию, обусловило организацию *военной цензуры*. Решающим шагом в процессе ее становления явилось учреждение 23 декабря 1918 г. по указанию ЦК РКП(б) отдела военной цензуры в структуре Реввоенсовета¹⁰. Однако в докладе Реввоенсовету Республики¹¹ начальник Отдела военной цензуры Я. Грейер утверждал, что впервые при советской власти военная цензура начала действовать 20 января 1918 г., когда приказом народных комиссаров по военным делам и почт и телеграфов было учреждено Петроградское областное управление военно-почтово-телеграфного и пограничного контроля¹². Так закончился первый этап в истории складывания цензурной системы, — этап так называемой «декретной цензуры».

Управление, в дальнейшем переименованное в Военный контроль приказом Наркомата по военным делам¹³, было создано путем преобразования Центрального военно-почтово-телеграфного контрольного бюро. Заметим, что Бюро было открыто после расформирования Петроградской военной цензурной комиссии, работавшей во время Первой мировой войны с 19 июля 1914 г. Военная цензура над печатью была введена в конце июня 1918 г., с образованием Военно-цензурного отделения при Оперативном отделе Наркомвоена. Вначале деятельность Военно-цензурного отделения распространялась только на Москву, а потом постепенно цензура была введена еще в 15 губерниях¹⁴.

Организационно военная цензура была отделом регистрационного управления Реввоенсовета, которому подчинялись цензурные подотделы при отделах военного контроля губернских военных комиссариатов и местные военные цензоры. В обязанности Отдела цензуры входило немедленное введение военной цензуры на всей территории страны; информирование правительственных учреждений и высылка заинтересованным советским органам сведений, могущих быть полезными в борьбе со злоупотреблениями, наносящими вред интересам страны; руководство и контроль подведомственными учреждениями и лицами; издание руководящих инструкций; рассмотрение жалоб, поданных по поводу неправильных действий местных органов цензуры и их отдельных работников. Полномочия органов цензуры были практически без-

граничны. Так, лица, виновные в издании произведений печати и других материалов без разрешения цензуры, подлежали, по предоставлению цензуры, суду военного трибунала. В местах, где действовало военное положение, такие лица подвергались различного рода взысканиям и наказаниям, вплоть до судебно-административных¹⁵.

Таким образом, военной цензуре с первых дней ее существования было отведено в управленческой системе место ведомственного контроля. Созданная как сугубо военно-охранный орган, цензура сразу же была ориентирована на более широкие задачи. На нее возлагался предварительный и последующий контроль над всеми произведениями печати, фото- и кинематографическими снимками, рисунками, всякого рода приказами, официальными сообщениями и прочими материалами. Органы цензуры проводили предварительный контроль международных и, по мере надобности, внутренних почтовых отправок, телеграмм, а также всех произведений печати, вывозимых за границу. Они также осуществляли контроль над переговорами по междугородному телефону. Таким образом, военная цензура наделялась широкими функциями. Поэтому есть все основания утверждать, что до организации Главлита Отдел военной цензуры являлся, по существу, не только контролирующим, но и карательным органом, функции которого в дальнейшем перешли к ОГПУ / НКВД / МГБ / КГБ (перлюстрация почтовых отправок, подслушивание телефонных разговоров и др.). Гражданская литература также выпускалась с разрешения различных органов власти. Так, разрешение на выпуск журнала «Вестник литературы» Общества взаимопомощи литераторов и ученых было получено от Комиссариата печати, агитации и пропаганды Петрограда 14 мая 1919 г.¹⁶ Наркомпрос пытался как-то противостоять все более активной позиции комиссаров и военных цензоров. В письме заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского в Совнарком от 5 ноября 1918 г. говорится, что при обсуждении в Коллегии Наркомпроса вопроса об обязательной доставке типографиями экземпляров всех изданий Отдела Книжной палаты в «учреждение, ведающее цензурой книг», было признано, что в «Советской Республике существование цензуры на книги является вообще нежелательным», что требует постановки на повестку одного из ближайших заседаний СНК вопроса об отмене цензуры на книги¹⁷. Однако это предложение в дальнейшем не получило развития и больше на заседаниях СНК не обсуждалось.

Не требует специального объяснения тот факт, что в функции военной цензуры не входил морально-нравственный контроль над литературой. Между тем летом 1918 г. по ходатайству Отдела печати Моссовета организуется цензура порнографической и уголовно-лубочной литературы: из состава Отдела военной цензуры командировается специальная бригада (5 человек) для проверки литературы на предмет выявления криминала¹⁸.

Деятельность Военно-цензурного отделения заключалась главным образом в просмотре уже вышедших газет (фактически цензурировались только две газеты: «Известия Наркомвоена» и «Известия В. Ц. И. К.»), цензуре телеграмм РОСТА и оперативных сводок. Выборка материалов из недопущенных к оглашению в печати производилась неаккуратно, и часто ценные сведения оставались без движения. Таким образом, своими действиями военная цензура ополчила против себя журналистов и редакций газет и журналов.

Характерной особенностью военной цензуры являлось то, что она действовала без ясного определения ее функций и задач, состав ее сотрудников часто менялся, финансовое положение было неопределенным. Попытки реорганизовать работу отдела, введя новое Положение о военной цензуре¹⁹, натолкнулись на серьезные трудности: отсутствие надежных и профессионально подготовленных сотрудников, противостояние журналистов. Большинство сотрудников военно-цензурных учреждений, особенно на почте и телеграфе, были «беспартийными» и не испытывали симпатии к советской власти. Как считал Я. Грейер, «основательную чистку» необходимо было провести в Москве и Петрограде, но делать это следовало осторожно, чтобы «не нарушить правильности работ». Петроградское отделение серьезно обновило свой кадровый состав: на треть состояло из коммунистов (главным образом на руководящих постах), остальные — сочувствующие, с солидными партийными рекомендациями. По такому же приблизительно принципу было сформировано Московское окружное отделение. Во главе Петроградского окружного отделения был поставлен Плотников, «идейный и деловой работник». Довольно дипломатично были установлены отношения с Союзом журналистов, который даже «выделил 4-х товарищей для активной работы в цензуре»²⁰.

В соответствии с Положением от 23 декабря 1918 г. порядок осуществления военной цензуры на всей территории Советской Республики заключался в следующем: «первым делом проводится всеобщая цензура печати, во всех военных Округах организуются Окруж[ные] Военно-ценз[урные] отделения, которые в свою очередь вводят таковую в губерниях и уездах по мере надобности. Что касается Цензуры почтовой корреспонденции, то вначале вполне будет достаточно сосредоточить ее в Москве и в Петрограде. Эти два пункта, являясь транзитными, пропускают значительную часть всей корреспонденции Республики». «Кроме цензурирования уже перечисленного рода корреспонденции мною отдано распоряжение о просмотре корреспонденции освобождающихся оккупированных областей, — говорилось в докладе Я. Грейера. — Этот род корреспонденции может дать весьма ценныя* сведения для нашей раз-

* Так в тексте. Здесь и далее во всех цитируемых документах сохраняется орфография подлинника.

ведки (курсив мой. — Т. Г.). На этой же неделе введена цензура над корреспонденцией из действующей армии. Пропускная возможность цензуры в обоих пунктах исчисляется 40–45 тысячами писем. Таким образом ежедневно будут просматриваться около 25-ти тысяч из действующей армии. 15 тысяч писем оккупированных областей и вся международная. Контроль над иногородними телефонами первым делом будет введен в центрах и прифронтовой полосе»²¹.

Грейер также высказал уверенность, что цензура не должна быть ради цензуры, а «при меньшей затрате сил и средств должна принести возможно больше пользы нашему Социалистическому отечеству»²². По его мнению, цензуру нельзя рассматривать «как орган, стесняющий свободу печати и прикрывающий недостатки нашего молодого государственного механизма, а наоборот, помимо недопущения к оглашению и распространению сведений, могущих вредить боевой мощи Республики, нащупывающий эти недостатки и дающий указания соответствующим учреждениям и лицам для уничтожения таковых»²³.

В секретном циркуляре Отдела военной цензуры регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики от 12 августа 1919 г., посланном всем начальникам военно-цензурных пунктов при полевых почтовых конторах, говорилось о том, что на упомянутые военно-цензурные пункты возлагалось следующее: «1. Обязательный просмотр всей проходящей через данную полевую почтовую Контору корреспонденции из Красной Армии; 2. Временно до получения соответствующего распоряжения от Военно-Цензурного Отделения Реввоенсовета данной Армии проходящей через полевую почтовую контору корреспонденции, адресованной в Красную Армию; 3. Перлюстрация всей корреспонденции по секретным указаниям, получаемым из Отделения при Реввоенсовете 1-й Армии; [...] 6. Весь материал, полученный от просмотра почтовой корреспонденции, т. е. меморандумы (в 3-х экз.) с соответствующими письмами... ежедневно направлять в Отделение Военной Цензуры при Реввоенсоветах Армий...»²⁴.

В 1919 г. объем работы цензурных органов в центре и на местах был очень велик. Об этом свидетельствуют в том числе данные штатного расписания: Отдел военной цензуры Реввоенсовета Республики насчитывал 107 человек; Московское отделение военной цензуры почт и телеграфов — 253 человека; Петроградское военное цензурное отделение — 291 человека; отделения военной цензуры почт и телеграфов на местах — 100 человек; при реввоенсоветах армий состояло 30 человек. Численность цензоров на местах определялась по количеству просмотренных почтовых отправок и печатной продукции²⁵. Наиболее тревожные с точки зрения настроений в действующей армии письма посылались в ЦК РКП(б). При этом соблюдалась строжайшая конспирация. Цензоры-перлюстраторы в специальных сопроводительных письмах просили «не объявлять заинтересованным лицам, откуда добыты...

сведения, т. к. Военная Цензура существует конспиративно». Благодаря этой конспирации, в ЦК становились известны факты, свидетельствующие о полном беспределе, творящемся в Красной Армии²⁶:

«Писано 1 января 20 г,

84 полевая почтовая контора Рев. Триб. 13 арм. Следователь В. Гришин — Особый пункт Особого отдела XIII ар[мии] Завед[ующему] т. Кондрашеву.

В твоём письме я прочел подтверждение о смерти Василия Сергеевича. Я еще раньше слышал, что его где-то в Южфронте расстреляли. Велика была печаль у меня. Ведь товарищ Березовский был хороший товарищ и друг, да и при том старый Коммунист с 1903 года, рабочий и верный честный работник. Я уверен, что здесь произошла ошибка. Борец за свободу и процветание Коммунизма пал, пал жертвой недоразумения от своих же товарищей по борьбе. Не будем их обвинять: здесь виноват рок судьбы, всегда преследующий тов. Березовского. Будем Шура надеется, что дети его простят товарищам их отца по борьбе, за их слепой и роковой шаг. Вечная память Коммунисту В. Березовскому, погибшему безславно и от рук же наших и его товарищей. Его имя должно Шура не забываться, как и его дела на пользу Коммунизма. Тяжело такие истории переносить и чем больше будет таких явлений, тем хуже для всех нас»²⁷.

О полной неразберихе «на местах» свидетельствует перехваченное Пермским отделением военной цензуры письмо из Верхнеудинска от 7 августа 1920 г.:

«Пишу из Верхнеуды. Ну и люди здесь. Это прямо черт знает что такое. Партия запутана — левозеровщина. Как остров среди моря сидишь. Надо вести широкую партийную работу — сбить с позиции старое. В это же время надо вести проф[ессиональную], работу — копаться с тарифами. Всего не перескажешь. Людей много, а человек нет. Нет ни рабочих, нет маломальских наших рабочих середняков. Кругом мещане с потугом на либерализм. Коммунисты с российским узким патриотизмом — слепым мещанским. Вот таковы наши дела. Да, это не Урал! Если нам не дадут поддержки из России, едвали выдержим. Кругом чиновники»²⁸.

Такого же характера и письмо артиллериста Мартышко²⁹ посланное военной цензурой для информации в Деревенский отдел ЦК РКП(б) и ВЧК. В нем говорилось:

«...Грабежа всюду и везде полно. Все основано на грабеже и насилии. За кого же теперь пропадают люди. За тех, кто хорошо живет, а если скажет кто за бедняка, так как раз бедняк давно стонет от ихнего декретного обеспечения. Декрет обеспечивает сирот и семей красноармейцев, а в сущности идет у них отборка всего, что попадет на глаза этим освободителям угнетенных. Если вы хотите проехать по железной дороге на народном поезде, то вас обыскивают, обирают, обстреливают, вот это называется проведением в жизнь «социализма» несмотря на то

что декрет или конституция говорит — только по доброй воли. Вот всю правду, которая осуществляется ложью и обманом. Здесь ожидается восстание против «ига», которое лежит на нас в настоящее время, сколько плакат всюду порасклеивали, а если разобраться, то получается, что на крестьянах так еще никто не ездил (кроме крепостного права) а теперь уже едут и велят сопротивляться, а только должны симпатизировать власти. Лучше бы они ничего не показывали»³⁰.

Совершенно очевидно, что авторы писем излагали свои политические взгляды на происходящее, на поведение новой власти и констатировали ее явный кризис; в письмах не разглашаются сведения, подпадающие под ограничительный Перечень охраны военной и государственной тайны. Информирование высших партийных органов и ВЧК о настроениях в народе, сведения о которых были получены путем перлюстрации переписки, преследовало цели политического сыска (о судьбе авторов писем можно только догадываться). Вероятно, что информация, полученная из разных источников, в том числе и с помощью перлюстрации, свидетельствующая о «прозрении» даже тех, кто выступал на стороне большевиков, и о массовой непопулярности советов в народе, сыграла не последнюю роль в смене политико-экономического курса и выработке новой экономической стратегии.

Военная цензура дозировала информацию о положении на фронтах, которая публиковалась в газетах и передавалась в радиосводках. Были установлены дисциплинарные санкции, вплоть до закрытия газет и журналов, ареста редакторов и имущества, в случае невыполнения порядка подачи материалов в органы цензуры. В цензурных сводках упоминаются случаи применения подобных санкций, возникшие из-за непредоставления гранок на просмотр, помещения вычеркнутых цензурой гранок, публикации конкретных аналитических материалов без просмотра и т. д.³¹ Иногда такая строгость была вполне обоснованной: нужно было урезонить и охладить пыл журналистов, стремящихся в своих статьях опережать события и раздувать успехи советской власти на военном и хозяйственном фронтах. Распоряжение Председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого начальнику военной цензуры от 17 октября 1920 г. по поводу публикации в газетах «телеграммы тов. Гусева без визы Полевого Штаба и задержки телеграммы тов. Каменева, также направленной непосредственно в газеты» содержало вполне справедливые претензии к прессе в условиях военных действий. Троцкий предлагал редакциям газет не печатать никаких военных телеграмм, кем бы они ни были присланы, без согласия военной цензуры, а военной цензуре — строго следить за тем, чтобы газеты не сеяли неуместного оптимизма и не провозглашали побед, которые еще только нужно одержать³².

Следующий этап истории военной цензуры был связан непосредственно с деятельностью органов внутренних дел, которые в этот период функционировали как структуры чрезвычайного характера.

В январе 1919 г. для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии был организован Особый отдел ВЧК, преобразованный в дальнейшем во 2-й спецотдел Управления особых отделов НКВД, занимавшихся военной цензурой, а именно перлюстрацией военных писем, свидетельствовавших о настроениях солдат по ту и эту стороны фронта³³. Вместе с тем практически все управления, включая хозяйственные, занимались «агентурной разработкой» (мероприятия по сбору информации о подозреваемом лице через своих агентов, посредством наружного наблюдения и специальных технических средств), арестами и следствием по делам сотрудников той или иной отрасли. На языке чекистов это называлось «оперативным обслуживанием»³⁴.

В связи с окончанием Гражданской войны и укреплением советской власти, на основании постановления IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. и постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г., ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. По своим задачам и структуре ГПУ в целом не отличалось от упраздненной ВЧК. После образования СССР на базе ГПУ было создано Объединенное государственное политуправление (ОГПУ) СССР. 28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключений в концентрационный лагерь людей, обвиняемых в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции золотом и валютой. Согласно этому документу, ОГПУ получило право без суда ссылать обвиняемых на срок до трех лет, заключать их в концентрационный лагерь и высылать за пределы государственной границы СССР. Решения о ссылках принимало особое совещание в составе трех членов Коллегии ОГПУ, а вопросы о высылке за границу и заключении в лагерь входили в компетенцию особого совещания при ОГПУ. Эти чрезвычайные и практически неограниченные права значительно увеличили оперативную работу органов, которые создавали соответствующие подразделения для сбора информации и доказательств.

В связи с новой политической обстановкой несколько изменилось и положение цензуры. Сначала контроль над почтово-телеграфной корреспонденцией, а затем и все функции военной цензуры были переданы в ведение ВЧК: на заседании МСНК³⁵ Реввоенсовету Республики было поручено передать с 1 августа 1921 г. военную цензуру в ВЧК³⁶. Этим завершился *второй этап* истории формирования системы, когда военная цензура находилась в составе Наркомпочтеля и РВС, продолжавшийся с 1918 до 1 августа 1921 г.

Освоение нового цензурного дела в ВЧК шло с трудом, поэтому потребовалось в приказном порядке «разъяснить» «одну из очень важных возложенных на ВЧК задач». В специальном Приказе ВЧК № 127 от 11 мая 1921 г. с осуждением констатировалось, что «Особый отдел смотрит на Отделения Военной Цензуры как на излишний и чужой

придадок, мало интересуется постановкой их работы и использованием в своих целях» и не оказывает должной кадровой и технической поддержки. Приказывалось: «1. Считать Военно-цензурные Отделения равноправными составными частями органов ВЧК, снабжать их всеми необходимыми средствами наравне со всеми Отделами и Отделениями. 2. Председателям и начальникам ЧК и Особотделов обратить должное внимание на правильную постановку работы и максимальное использование сведений Военной Цензуры. 3. Не позже 15-го июня всем Председателям и Начальникам ЧК и Особотделов представить свои соображения о самом целесообразном использовании Отделений В.Ц. при осуществлении возложенных на ВЧК задач»³⁷. Передача и прием дел военной цензуры в аппарат ВЧК окончательно завершились в течение августа, после того как Приказом ВЧК № 249 от 11 августа 1921 г. были слиты все органы Управления военной цензуры Штаба РККА с отделениями военной цензуры Наркомпочтеля. В центральном аппарате ВЧК был образован Подотдел военной цензуры (начальник И. Я. Верба) в составе Информационного отдела на базе бывшего Управления военной цензуры Штаба РККА, 6-го отделения Организационного отдела и Отделения военной цензуры Информотдела ВЧК³⁸.

По положению СНК о военной цензуре ВЧК от 21 октября 1921 г., «в целях сохранения военной тайны, предупреждения разглашения сведений о преступной деятельности шпионских контрреволюционных сил и ограждения политических, экономических и военных интересов РСФСР», помимо печатных произведений и почтово-телеграфных корреспонденции должны были подвергаться контролю «радиотелеграфные сношения»; более четко был определен предварительный и последующий контроль. Центральным органом объявлялся Подотдел военной цензуры Информационного отдела ВЧК. Новым, по сравнению с прежними положениями, являлось обязательное представление «на цензуру» всех видов печатной, фотографической, кинематографической и иной продукции, а также почтово-телеграфной, телефонной и радиотелеграфной корреспонденции для просмотра (по соглашению ВЧК с Наркомпочтелем). Исключением для предварительной цензуры являлись только оперативные сведения³⁹.

Таким образом, можно говорить о том, что с первых же дней существования советской власти был введен контрольно-репрессивный порядок военного образца, с помощью которого осуществлялась партийная диктатура во всех без исключения интеллектуальных сферах. Определяющими в реализации идеологии были высшие партийные органы — Центральный комитет и его структурные подразделения, принимающие важнейшие решения, — Политбюро, Секретариат, Оргбюро; функциональные отделы, занимающиеся вопросами идеологии и культуры. Идеологизация культуры шла постепенно, но последовательно. Культура, как ее понимали большевики, была важнейшей частью

идеологии, наиболее доступной пониманию народных масс. Поэтому вопросам культуры и идеологии уделялось огромное внимание. Об этом свидетельствует, прежде всего, анализ повесток дня заседаний ЦК, содержание которых говорит о преобладании культурной проблематики. Об этом же говорит и развитие структуры ЦК РКП(б), на заседаниях которого вопросы культуры занимали важное место: в его составе множились отделы и сектора этого направления.

5 марта 1919 г. из состава ЦК партии было избрано Политбюро, которое мыслилось Лениным как мозговой центр партии и руководитель всей ее жизни — политической, экономической, культурной. Для текущей работы образуются Оргбюро и Секретариат, на заседаниях которых готовятся и принимаются важнейшие решения, осуществляются кадровые назначения и реорганизация учреждений. В 1920 г. в структуре ЦК был образован Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп), призванный вырабатывать стратегию и тактику общественно-политической и культурной жизни партии и страны. Агитпроп пережил несколько этапов реорганизации: в 1920–1924 гг.; 1924–1928 гг.; 1929–1933 гг.; 1934–1935 гг.; 1935–1939 гг. и в 1939–1947 гг. Эти реорганизации, различные по значимости, были следствием тех изменений в политической структуре власти, которые требовали перестройки идеологической работы. Наиболее разветвленной структурой ЦК отличался в период с 1935 по 1939 г., когда существовали пять его самостоятельных отделов: партийной пропаганды и агитации, печати и издательств, культурно-просветительной работы, науки, школ. Именно в моменты наиболее жестоких политических схваток на пути к полной концентрации власти И. В. Сталиным шло значительное расширение и специализация функциональных отделов ЦК. Значение самостоятельных направлений приобретают проблемы образования, культурно-просветительной работы, издательской политики, науки. Все многочисленные преобразования в структуре ЦК ВКП(б) логически завершились в 1939 г., когда выполнение основных идеологических функций сконцентрировалось в Управлении политагитации (УПА) ЦК.

Важнейшим элементом в системе советской политической цензуры на раннем этапе ее существования, ее ядром и опорой являлись чрезвычайные, возникшие в целях охраны завоеваний революции, а впоследствии постоянные репрессивные органы. Уже указывалось на организационную связь цензуры с ВЧК / ГПУ / ОГПУ. Давление на интеллигенцию осуществлялось не только с помощью таких «невинных» мер, как подкуп, шантаж, запугивание, организуемые травли, но и путем прямых репрессий. О жуткой и невыносимо тягостной обстановке постоянной опасности арестов ОПОЯЗовцев, Серапионов, завсегда-таев Дома искусства в Ленинграде вспоминает в «Эпilogue» В. Каверин. Б. Эйхенбаум в своем дневнике от 20 августа 1921 г. пишет: «В городе аресты (Лосский, Лапшин, Харитонов, Волковвыский, Замятин)»⁴⁰.

Позднее репрессивные меры применялись по отношению к членам гонимых литературно-художественных обществ, например ВОЛЬФИЛ. В 1926 г. Е. Васильева за свои занятия антропософией была арестована и отправлена в ссылку, где и умерла в 1928 г.⁴¹

О роли и месте ГПУ в разворачивающейся борьбе с внутренними идеологическими врагами свидетельствует докладная записка 1921 г. специальнополномоченного ГПУ Я. Агранова председателю ГПУ Ф. Дзержинскому «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». В ней говорится об опасности консолидации буржуазных и мелкобуржуазных сил в обстановке нэпа: «Антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможности организации и собирания своих сил, созданной мирным курсом Советской власти и ослаблением деятельности репрессивных органов»⁴². При этом главным тревожным симптомом, по мнению Агранова, являлось образование всевозможных творческих, свободных объединений и организаций (научных, экономических, религиозных и др.), которые на самом деле вели контрреволюционную борьбу, выбрав для нее ареной высшие учебные заведения, различные общества, печать, всякого рода ведомственные съезды, театр, кооперацию, тресты, торговые учреждения, религиозные организации. Автор записки указал два основных направления «антисоветской борьбы»: первое — борьба за «автономию» высшей школы и второе — за улучшение материального положения профессуры и студенчества. Борьба за «автономию», считал он, является не чем иным, как борьбой против влияния в высшей школе коммунистической партии и классового принципа — в школе. «“Контрреволюционные” элементы в высшей школе создают благоприятную почву для воспитания студенчества в антикоммунистическом и антисоветском» настроениях, используя это в «качестве орудия политической борьбы». Главное обвинение было направлено против руководства и профессуры Московского университета и Высшего технического училища⁴³.

Подобным обвинениям подверглись общественные организации и объединения (научные, торгово-промышленные, культурные и проч.), которые, по мнению того же ГПУ, являлись убежищами для «уцелевших от разгрома революции антисоветских элементов», «не проявивших себя активно в первые годы советской власти и потому нетронутых карательными органами»⁴⁴. Отмечалась смена настроений и позиций в этих организациях, которые, как, например, Пироговское общество, существующее полуофициально, имели «тенденцию играть традиционную роль искусно прикрытой оппозиции против советской власти»⁴⁵. При этом специально подчеркивалось, что главная беда — «в отсутствии порядка и неразбериха регистрации частных обществ: в то время, как одно Ведомство не разрешает открытие какого-либо общества, другое регистрирует то же общество»⁴⁶. Это положение было вскоре изменено. 3 августа 1922 г. было принято постановление ВЦИК

и СНК «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними», а также инструкция о подготовке документов к регистрации, проводившейся НКВД совместно с ОПТУ⁴⁷. Отрицательно характеризовалась деятельность частных издательств и периодической печати (журналы «Экономист», «Экономическое возрождение», «Летопись Дома литераторов», журнал Пироговского общества и др.), которые дали, по выражению автора записки, «в руки антисоветской интеллигенции могучее орудие борьбы, которым она не преминула воспользоваться». Подчеркивалось, что частная печать дает возможность объединяться вокруг печатных органов определенным антисоветски настроенным кругам: в издательстве «За друга» члены партии к.-с. Мельгунов, Мякотин, Пошехонов, в издательстве «Берег» — члены ЦК партии кадетов, бывшие члены тактического центра, национального центра, совета обществ, привлекавшиеся к суду в 1920 г., издательство «Книга» находится в руках меньшевиков. Это приводит не только к определенной их активизации, но и «наводняет рынок антикоммунистической литературой, поповско-мистическими изданиями и разного рода порнографией»⁴⁸. Подверглись обвинениям в антисоветских выступлениях также такие центральные ведомства, как Наркомзем и Наркомздрав. Ведущим оплотом контрреволюции были названы кооперация, где «слишком мало коммунистов» и слишком много материальных средств, и религия, в вопросах которой «высшая черносотенная интеллигенция, как духовная, так и из числа верующих мирян, заметно оживилась и подготавливает почву для создания фронта по борьбе с атеизмом» и изъятием церковных ценностей⁴⁹.

Контроль партии над церковной жизнью и давление на нее с каждым годом усиливались, более организованной становилась антирелигиозная пропаганда. Созданной 13 октября 1922 г.⁵⁰ при АПО ЦК Комиссии по антирелигиозной пропаганде, в состав которой были включены Менжинский от ГПУ и Смидович — председатель Комиссии по сектантским делам, были даны полномочия «как по ведению дел церковной политики (связь с церковными группами, с ВЦУ), так и [по] выработке директив по печатной и устной пропаганде и агитации»⁵¹. Комиссии также было дано указание установить тесную и постоянную связь с ГПУ, Церковным отделом Наркомюста и АПО ЦК⁵². Главполитпросвету было поручено ЦК РКП(б) и Наркомпросом⁵³ руководить «государственной пропагандой коммунизма»⁵⁴.

В первой половине 1920-х гг. главную идеологическую опасность репрессивные органы видели в независимых общественных организациях; в атмосфере, царившей в высших учебных заведениях; в деятельности трудноконтролируемых частных издательств; в характере социального состава служащих ряда ведомств, в которых было мало коммунистов и работали «спецы»; в кооперации и религии.

В дальнейшем сложившаяся система взаимодействия главного идеолога — ЦК партии — с исполнителями — государственными цензурными и полицейскими органами постоянно обогащала свои возможности все новыми и новыми средствами давления и воздействия. Для этого создавались новые бюрократические объединения и структуры, призванные и контролировать конкретные направления общественной и культурной деятельности. Так, на созданные по инициативе ГПУ в 1920-е гг., при АПО ЦК постояннодействующие комиссии возлагалась задача курирования соответствующего направления идеологической работы. В связи с дальнейшим усилением идеологического контроля на заседании СТ ЦК⁵⁵ в начале июня 1924 г. было решено создать при Агитпропе ЦК постояннодействующую комиссию для осуществления контроля над работой киноорганизаций в составе С. И. Сырцова, Л. Н. Мещерякова, В. Н. Яковлева, Сенюшкина⁵⁶.

Регулярное отслеживание политической направленности частной издательской деятельности осуществляла специально созданная комиссия ОБ ЦК РКП(б), результаты работы которой оформлялись в виде «совершенно секретного» бюллетеня специально только для членов ОБ. Контролируемые издательства были распределены по следующим основным группам: зарубежные «сменовеховские», частные издательства в Москве, с партийной окраской и предпринимательского характера, частные издательства в Петрограде. Подробный анализ издаваемой литературы имел ярко выраженную критическую направленность, для оценок использовались такие определения, как «кадетские и новокadetские», эсеровские и политиканствующие издания⁵⁷. Не наладив еще как следует работу в Главлите, центральный идеологический аппарат сам, непосредственно выполнял функции, отошедшие потом к государственной цензуре. Параллельно эту работу выполняли руководители и члены комфракций литературных группировок 1920 — начала 1930-х гг. Они также осуществляли контроль над литераторами и информировали ЦК об их идеологических настроениях. Так, в одной из записок А. Воронского Л. Троцкому от 11 ноября 1922 г. дается краткая, но вполне исчерпывающая характеристика писателей:

«1) *Настоящая фамилия Дон-Аминадо — ШКОЛЯНСКИЙ. Раньше сотрудничал в "Сатириконе" и в других изданиях. Никакого отношения этот псевдоним к Ив. Бунину не имеет.*

2) *О. Мандельштам ни к какой группировке сейчас не принадлежит. Начинал с акмеистами. Охотно сотрудничает в Сов[етских] изданиях. Настроен к нам положительно. Пользуется большим весом, как хороший знаток стиха, талантлив. Стихи индивидуалистичны. К Замятину никакого отношения не имеет.*

3) *Лидин — состоит членом правления Всероссийского Союза писателей. К определенным литературным группировкам не принадлежит. Год тому назад боялся участвовать в Сов[етских] изданиях. Теперь*

идет охотно. В литературном настроении замечается тоже перелом: советский быт в последних вещах ("Ковыль Скифский", "Мышинные будни" — еще не напечатанные) выглядит приемлемо. Раньше писал под Бунина, теперь копирует Пильняка. К Замятину тоже отношения, по-моему, не имеет и, кажется, его не любит.

4) "Островитяне" — небольшое издательство в Петрограде. Ник [олай] Тихонов — сератионовец. Был в красных гусарах. Ему 23 года. Чрезвычайно талантлив (книга стихов "Орда", поэма о Ленине "Сами" в "Красной Нови"). Об Алпатъеве сведений не имею, полагаю, что "Островитяне" просто небольшое и недоходное издательство»⁵⁸.

Для максимальной централизации издательской деятельности накануне образования Госиздата была создана специальная Комиссия ЦК РКП(б) по объединению издательств (Еремеев, Луначарский, Бонч-Бруевич, Данилов, Ангарский, Клиггер, Ионов), которая разрабатывала организационные основы этого объединения. Во главе всего книжно-издательского дела была поставлена Центральная редакционная коллегия с отделами по социально-научной, агитационно-политической литературе, научных сочинений, научно-популярной, изящной, учебно-педагогической и детской литературе, критике и истории литературы, а также Центральная издательская коллегия и Центральная коллегия по распространению литературы⁵⁹.

Одним из важнейших завоеваний в области идеологического контроля над издательским делом стало огосударствление всего издательского дела в стране⁶⁰. Под демагогическими лозунгами о массовом издании книг для народа определение и реализация издательской политики сосредоточились в руках монополиста Госиздата. Ему предоставлялось право субсидировать периодические и книжные издания, признаваемые общественно полезными⁶¹. Осуществляя определенный отбор, государство тем самым становилось владельцем интеллектуальной собственности, присваивая себе доходы от изданий. Бесправие авторов и государственный грабёж были узаконены. В дальнейшем это явление распространилось на все виды искусства и средства массовой коммуникации — кино, радиовещание, телевидение и др.

В мае 1919 г. было создано Государственное издательство Наркомпроса РСФСР (Госиздат, ГИЗ), положение о котором было утверждено 21 мая ВЦИК РСФСР. В него вошли издательства ВЦИК, Наркомпроса РСФСР, «Коммунист», издательства Петроградского и Московского Советов, а также некоторые кооперативные издательства. Они и составили основу Госиздата. Издательская деятельность отдельных наркоматов и учреждений была прекращена. Старые издательства продолжали свою работу по заданиям Госиздата и Наркомпроса. Немногочисленные, не вошедшие в Госиздат частные и кооперативные издательства испытывали огромное давление с его стороны. Они были вынуждены обращаться к Наркомпросу и другим органам управления культурой для того, чтобы

как-то защитить свои интересы и интересы огромной части разнообразной писательской среды, которая в результате деятельности Госиздата была отрешена от читательской аудитории. Об этом свидетельствует письмо Бюро конференций кооперативных объединений писателей от 18 октября 1921 г. (П. Сакулин, В. Львов, А. Эфрос, С. Мельгунов, Н. Одинцов), адресованное А. С. Енукидзе, в котором говорится о разрушительной политике Госиздата:

«Что непонятнее всего, — это политика Госиздата в отношении издательских кооперативов самих писателей. Мы выдержали три года борьбы за существование только для того, чтобы теперь потерять и эти последние возможности создать русскую писательскую книгу: ныне закрывают наши издательства, отбирают наши последние запасы бумаги, запирают наши типографии, прекращают набор рукописей, аннулируют уже данные разрешения на издания, даже отказываются от контрактов, которые органы власти, в качестве представителей государства, заключали с писательскими коллективами и с издательствами на потребу самого государства... Об опасном или вредном характере кооперативных издательств не приходится говорить, поскольку вся их работа протекает под контролем государственных органов... Работая в самых тяжелых условиях, они бросили в русскую читательскую массу по крайней мере десять миллионов экземпляров книг — зерен общечеловеческой культуры. У каждого из них выработаны и выношены планы дальнейших посевов... Но главное не в этом. Главное в том, что монополизировать все издательское дело, как простую индустриальную промышленность, нельзя. Издательство и творчество неразрывно связаны друг с другом, и режим издательский неизбежно превращается в режим творческий»⁶².

Однако позиция государства и, главное, партии по отношению к независимым издательствам была неизменной, на фоне борьбы «Центральной Периодической Печати с проявлениями возродившейся буржуазно-интеллигентской публицистики, беллетристики и бульварщины»⁶³. Не позднее 27 февраля 1922 г. объединенным совещанием Коллегии Агитпропа ЦК РКП(б) было принято решение считать материальную и техническую поддержку частных и кооперативных издательств делом политическим, а потому недопустимым. Наряду с этим назывались некоторые литературные группировки, достойные, с точки зрения высшего идеологического органа, создания самых благоприятных условий для творческой и издательской деятельности, например «Серрапионовы братья», группа Маяковского, группа Боброва и др. Издательство Главполитпросвета вообще освобождалось от налогов, ему предоставлялись по льготным ценам резервы бумаги, которая в то время была большим дефицитом. Признавалась необходимость группировки вокруг Госиздата «дочерних» издательств, продукция которых делилась на научную, учебную и основную политическую. Кроме этого, «для

борьбы с враждебной идеологией» в Госиздате создавался отдел материалистической философии, и организовывалось издание популярных иллюстрированных сборников, журналов (типа «Нива»).

Но даже книжная продукция Госиздата вызывала неудовольствие партийных лидеров. Типичен и по форме, и по содержанию один из многочисленных отзывов В. И. Ленина от 7 августа 1921 г.:

«Из новых книг я получил от Госиздата: Сем. Маслов “Крестьянское хозяйство” 1921 г. 5-ое изд. (или 4-ое изд.). Из просмотра видно, что насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая мужичка показной буржуазной “ученой” ложью. Почти 400 страниц и ничего о советском строе и его политике, о наших законах и мерах перехода к социализму и т. д. Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу. Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц»⁶⁴.

Разворачивающиеся внутри партии дискуссии по экономическим и политическим вопросам выплескивались на страницы книг и журналов. Особенно острая полемика возникла после перехода к нэпу. В этой связи на заседании Секретариата ЦК было принято решение об усилении через Политотдел Госиздата политической цензуры литературы, выпускаемой частными издательствами. Говорилось также о специальной функции Политотдела Госиздата, сильно напоминающего будущий Главлит⁶⁵. Политотдел ГИЗ и политотделы его местных органов были призваны противостоять проникновению враждебной идеологии и обеспечить «идеологическую чистоту» книжной продукции. Отделы также ведали выдачей разрешений на ввоз книг из-за границы и заключений на покупку книг у кооперативных и частных издательств. Об идеологизации системы свидетельствуют структурные изменения как по вертикали, так и по горизонтали. Например, в аппарате Госиздата в 1919 г. существовали три подразделения, курирующих по различным направлениям агитационно-пропагандистскую работу в издательствах. В 1920 г. к ним добавились еще три самостоятельные структуры, а в 1921 г. были созданы специальные коллегии агитационная и по марксистской литературе. Кроме этого, был организован Агитпропотдел в центральном управлении, а также секция политической цензуры. И это помимо того, что каждый отдел Госиздата по соответствующему направлению самостоятельно осуществлял предварительный идеологический контроль издательской политики. Особенно строго эта процедура проходила в отделе учебников: тотальный идеологический контроль осуществлялся еще на стадии подготовки учебной литературы⁶⁶. Только образование Главлита в июне 1922 г. повлекло за собой ликвидацию Агитационно-пропагандистского отдела. Незадолго до организации Главреперткома в 1923 г. в Музыкальном секторе Госиздата возник Политотдел, который был ликвидирован лишь после образования подобного подразделения в Главреперткоме.

Особую роль в становлении системы управления культурой, в том числе органами цензуры, сыграл *Наркомпрос РСФСР*, созданный наряду с другими наркоматами на заседании I Всероссийского съезда Советов 8 ноября 1917 г.⁶⁷ Структура НКП РСФСР соответствовала его задачам и была определена Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 12 ноября 1917 г. «Об учреждении Государственной Комиссии и Народного комиссариата просвещения РСФСР»⁶⁸. Наркомат состоял из 17 отраслевых и функциональных отделов, каждый из которых был создан для осуществления одной или нескольких актуальных задач культурной революции. На Комиссию по просвещению возлагалось общее руководство народным образованием в стране. Позже, а именно 26 июня 1918 г., Декретом СНК РСФСР функции НКП РСФСР и Государственной Комиссии по просвещению были разделены. К ведению комиссии относилась выработка общих принципов организации и устройства народного образования по единому плану. НКП РСФСР, в свою очередь, заведовал непосредственно научными и учебными вопросами, в том числе и конфликтами, возникающими между отдельными учреждениями образования и культуры. Кадровый дефицит приводил к тому, что многие сотрудники Комиссии по просвещению являлись одновременно и сотрудниками НКП РСФСР, поэтому как только в конце 1919 г. последний окреп, было принято решение о ликвидации комиссии с передачей ее функций в НКП⁶⁹. В результате этого в НКП РСФСР был сосредоточен обширный штат, занимавшийся всеми без исключения вопросами культуры, образования, науки и искусства, а также вопросами социального воспитания и политико-просветительной работы.

С конца 1918 по 1920 г. структура НКП РСФСР сильно изменилась. Так, например, 19 сентября 1919 г. в составе этого наркомата был создан Центральный театральный отдел⁷⁰, задачей которого было общее руководство театральным делом в стране, создание нового театра в связи с «перестройкой государственности на началах социализма». 26 августа 1920 г. Театральный отдел был преобразован в Центральный театральный комитет (Центротеатр) в системе НКП РСФСР⁷¹. Но уже к ноябрю 1920 г. Центротеатр был ликвидирован, а его функции распределены между Управлением государственных академических театров и Художественным подотделом Главполитпросвета⁷². 18 сентября 1919 г. постановлением НКП РСФСР на основании Декрета СНК РСФСР от 27 августа того же года в системе НКП был создан Всероссийский фотокинематографический отдел (ВФКО)⁷³. Отдел был образован для использования кино и фотографии в агитационно-пропагандистских и учебных целях, а также для централизации производства и распределения в кинопромышленности. Однако его деятельность сначала не дала желаемых результатов. Так, Комиссия по обследованию деятельности наркоматов РСФСР при ВЦИК отметила в докладе о работе отдела в 1920 г., что кинокартины, выпускаемые под руководством ВФКО, не

отвечают своему назначению, «в 95% они негодны в смысле растлевающего своего влияния на массы; показательные кинотеатры не отвечают своему назначению»⁷⁴.

В 1921 г. произошла первая общая реорганизация НКП РСФСР. Декрет СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. «О народном Комиссариате просвещения» предусматривал новую структуру наркомата⁷⁵. Основными его структурными подразделениями стали Организационный центр, Академический центр, а также четыре главных управления. Академический центр осуществлял общее теоретическое и программное руководство научными и художественными учреждениями РСФСР, а каждое из главных управлений занималось определенной отраслью образования и культуры. Разнообразие возложенных на НКП РСФСР функций обусловило сложность и неустойчивость его структуры. В первые 13 лет своего существования он претерпел несколько общих реорганизаций, а в промежутках между ними — структурные изменения.

Система государственного управления культурой менялась в соответствии с линией партии. Так, уже 28 октября 1920 г. Политбюро ЦК⁷⁶ вынесло решение о руководящей роли партии во всей работе НКП⁷⁷. Наркомпрос второй половины 1920-х гг. по концентрации власти можно сравнить только с НКВД 1930-х гг. Дальнейшее рассредоточение его функций по различным управлениям отнюдь не ослабило контроль, а только сделало его более изошренным и запутанным. Многочисленные отделы и управления постоянно выясняли между собой отношения, распределяли функции. Например, в течение двадцати лет безуспешно велись переговоры и принимались решения о разделении функций между Главлитом и Главреперткомом.

После окончания Гражданской войны, в условиях кризиса экономического устройства и политического сознания общества, возникла необходимость в новых методах управления. В целях самосохранения власть шла не только на идеологические компромиссы с собственной доктриной (нэп), но и на применение явно репрессивных мер по отношению к устойчивой оппозиции («философский пароход»). Все это, а также необходимость централизации ведомственной цензуры потребовало создания государственных органов цензуры. 15 марта 1922 г. Президиум Коллегии НКП РСФСР⁷⁸ рассмотрел вопрос об объединении цензуры, рассредоточенной по различным учреждениям. Первоначально единый комитет по делам печати предполагалось создать при Наркомвнуделе⁷⁹. Однако 27 марта 1922 г. на заседании Политбюро⁸⁰ было принято следующее решение: а) признать необходимым объединение всех видов цензуры в одном центре (при Наркомпросе), с выделением и оставлением под руководством ГПУ наблюдения за типографиями; б) во главе всей цензуры поставить одно лицо, назначенное Наркомпросом, с помощниками от военного ведомства и ГПУ; в) поручить комиссии в составе

Луначарского, Рыкова, Уншлихта и представителя военного ведомства, разработать в недельный срок на основании вышеуказанного, проект положения и провести решение через советские органы (созыв комиссии был закреплен за Рыковым); г) принять предложение Мещерякова и коллегии Агитпропотдела ЦК об освобождении от цензуры Госиздата, партийно-советской печати, Главполитпросвета, ЦК РКП(б) и Коминтерна⁸¹.

Третий этап истории развития системы политической цензуры завершился почти через три месяца, 6 июня 1922 г., когда Декретом СНК СССР было учреждено Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР и его местные органы, объединившие все виды цензуры⁸². На органы Главлита возлагался предварительный просмотр предназначенных к опубликованию или распространению как рукописных, так и печатных периодических и непериодических изданий, снимков, рисунков, карт и др.; выдача разрешений на право издания отдельных произведений печати, запрещенных к продаже и распространению; издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов.

Аналогичные декреты об учреждении органов Главлита были приняты правительствами Украины (29 августа 1922 г.)⁸³, Туркестана (11 декабря 1922 г.)⁸⁴, Белоруссии (5 января 1923 г.)⁸⁵, Азербайджана (22 апреля 1923 г.)⁸⁶, Киргизии (25 апреля 1923 г.)⁸⁷.

Однако не стоит думать, что в отношениях центра с республиками по вопросу о создании государственной цензуры не было проблем. Большинство республик считало решение о создании республиканских органов Главлита прямым посягательством на свой суверенитет, о чем свидетельствует протест члена Коллегии, Уполномоченного НКП УССР при НКП РСФСР Гадзинского, направленный в СНК 27 июня 1922 г. В нем говорилось, что «в Положении о Главном Управлении по делам литературы и искусства “Главлит”, напечатанном в газете “Известия ВЦИК” от 23 / VI 22 г. за Вашей подписью есть статья, в которой некоторые абзацы не соответствуют основным положениям Советской Конституции, касающиеся не объединенных комиссариатов советских республик, в частности в данном случае, касающиеся Наркомпроса Украины, как, например: редакция положения № 7 предлагает организовать Главное Организационное Управление на местах в Киеве и Харькове, которые считаются за не объединенным Комиссариатом Просвещения Украины. Принимая во внимание, что НКП УССР в своем положении работает вполне самостоятельно, этот абзац является крупной фактической и политической ошибкой, которая вообще может быть понята в нежелательном для нас смысле и создать ненужное настроение в кругах, очень внимательно следящих за каждым политическим шагом советской власти»⁸⁸. В заключении протеста Гадзинский просил «в сроч-

ном порядке дать ответ, является ли это положение обязательным для Украины или нет»⁸⁹.

Вопрос был решен по- существу волевым путем: по рекомендации Наркомюста было принято специальное решение на Президиуме ВЦИК, после чего инцидент с попыткой отстоять свою самостоятельность в принятии важнейших идеологических решений был исчерпан. 29 августа 1922 г. Главлит УССР был организован по образу и подобию центрального аппарата Главлита.

Что же именно в тот период новая власть считала невозможным для массового распространения? Прежде всего, произведения печати, содержащие «агитацию против советской власти», разглашающие «военные тайны республики», возбуждающие «общественное мнение путем сообщения ложных сведений», возбуждающие «националистический и религиозный фанатизм, материалы порнографического характера»⁹⁰. По новому положению в обязанность цензуре вменялась не только охрана военных и государственных тайн, но и политический контроль над печатью в самом широком смысле. От политического контроля освобождались лишь партийные, официальные (советского правительства) и некоторые ведомственные издания наркоматов.

Возглавляли Главлит начальник и два его заместителя, назначаемые Наркомпросом по согласованию с Реввоенсоветом республики и ГПУ. Первым начальником ведомства был П. И. Лебедев-Полянский⁹¹. На органы ГПУ возлагалась борьба с распространением произведений, не разрешенных органами Главлита, а также надзор за типографиями, таможенными и пограничными пунктами, борьба с подпольными изданиями и их распространением, с привозом из-за границы не разрешенной к обращению литературы; наблюдение за продажей русской и иностранной литературы и изъятие книг, не разрешенных органами Главлита. Списки не подлежащих распространению произведений печати, издаваемые Главлитом, были обязательны для всех.

Руководители полиграфпредприятий под страхом судебной ответственности обязывались неуклонно следить за тем, чтобы подготовленные к изданию произведения имели разрешительную визу представителя Главлита; они должны были обязательно представлять в органы цензуры по 5 экземпляров всякого рода печатаемых произведений, после изготовления тиража. Например, имеются сведения, что уже в 1922 г. стихотворный сборник И. Шишова, члена правления литературного кружка «Вторники на Кузнецком» («Артифекс»), в обязательном порядке был разослан по учреждениям, в числе которых на первом месте — Главлит, ГПУ и Дом печати⁹².

С 1922 г. положение о цензуре пересматривалось не один раз. Главлит переходил из одного подчинения в другое, постепенно охватывая политической цензурой все новые и новые сферы общественной жизни и даже общественного сознания. Театральные и зрелищные мероприятия,

грамзаписи, лекции, радиовещание, кинематограф всех жанров, учебно-методические материалы, ведомственные научные издания, афиши и открытки, театральные программы и множительная продукция — все это всасывалось органами Главлита, отфильтровывалось и проштамповывалось разрешительным штампом. Естественно, что в связи с этой тенденцией аппарат Главлита и его местных органов усложнялся, разрастался и множился, превращаясь в некоего монстра.

Анализируя собственные функции, Главлит подчеркивал свою роль идеологического наставника и надсмотрщика. В записке В. М. Молотову начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский писал, что «цензура наша также должна иметь ведомство с идеологическим уклоном. Можно и должно проявлять строгость по отношению к изданиям с вполне оформившимися буржуазными тенденциями литераторов. Необходимо проявлять беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам, которые являются фактическим центром сосредоточения меньшевистско-эсеровских элементов...»⁹³

В социалистическом государстве, имеющем плановую экономику, все было подчинено заранее определенным нормам, даже цензура. В первые годы их существования органами Главлита, по соображениям охраны военных и государственных тайн, а также по политико-идеологическим мотивам, в результате предварительной цензуры запрещалось к публикации от 0,3 до 1% всех контролируемых материалов. И это при том, что практически все типографии находились в руках государства и выход буржуазных изданий был прекращен. Именно в эти ничтожные, на первый взгляд, проценты входили произведения Б. Пильняка, М. Булгакова, А. Платонова. В декабре 1922 г. были запрещены цензурой рассказы Б. Заходера («Ты» и «Рассказ») и Бахрушина («Жертва»), входящих в то время в уже упоминавшееся литературное объединение «Вторники на Кузнецком» («Артифекс») ⁹⁴. Понятно, что в связи с дальнейшим «осложнением международной обстановки и обострением классовой борьбы» процент запрещенных изданий рос, а критерии цензурной экспертизы усложнялись и расширялись.

В основе осуществляемого Главлитом контроля над литературой, ввозимой из-за границы, лежали критерии политической и идеологической целесообразности. Исходя из них, например, в 1926 г. было запрещено распространять 5,5% поступивших в страну книг и 7,8% газет и журналов ⁹⁵.

Большое место в работе Главлита в 1920–1930-х гг. занимал контроль над издательской деятельностью. Главлит выдавал разрешения на открытие издательств и периодических изданий, утверждал их руководство, вмешиваясь тем самым во внутренние дела печатных органов, приостанавливал их выход и закрывал их. Руководящие инструкции Главлита формировались в соответствии с указаниями партийных органов. Характерна в этом смысле резолюция Ленинградского област-

ного комитета ВКП(б) по вопросу о частных издательствах, принятая в 1926 г. Отметив резкое снижение продукции частных издательств до 17–15%, Ленинградский обком ВКП(б) счел нецелесообразным расширение сети частных издательств и наметил программу мер по «удушению» уже существующих. В частности, процедура их регистрации теперь напрямую зависела от «выяснения их физиономии», частным издательствам фактически запрещалось выпускать общественно-политическую литературу, рассчитанную на широкие массы читателей. Государственным издательствам запрещалось передавать в частные руки заказы; распространение продукции частных издательств всячески осложнялось. Для них устанавливался лимит на бумагу⁹⁶. Понятно, что в условиях «конкуренции» с такими монополистами, как Агитпроп ЦК и Госиздат, частные издательства к концу 1920-х гг. прекратили свое существование.

Реализацию «плана Троцкого», в частности, в отношении критики, можно проследить на протяжении всех 1920-х гг. Суть плана состояла в том, что критика должна была выполнять роль последующего оценщика произведений — благодетеля или палача. Характерно, что организация положительных или отрицательных откликов прессы была обычным приемом не только для пролетарских писателей, но и для литературных группировок самого различного направления. Так, на очередном заседании литературного кружка «Вторники на Кузнецком» (или «Артифекс») 2 января 1923 г. Шишов, Заходер, Судейкин, Бахрушин и другие специально рассматривали вопрос «о переговорах с редакцией “Известий” и журналом “Печать и революция” по поводу положительной критики на книги собственного издательства»⁹⁷. В дальнейшем этот стиль стал одним из элементов сложного механизма советской политической цензуры, одним из методов поощрения или расправы.

Продолжая говорить о функциях Главлита и объектах его контроля, следует сказать, что сначала в его ведении находились все зрелищные мероприятия: спектакли театров, в том числе и академических, эстрадные представления, концерты, лекции и др. Короткий *четвертый этап* истории складывания системы цензуры, с 1922 по 9 февраля 1923 г.⁹⁸, был связан именно с окончательным определением круга функций Главлита и выявлением тех участков работы, которые не были охвачены его деятельностью. Для более эффективного проведения этой работы в недрах самого Главлита был образован *Главрепертком* — *Комитет по контролю за репертуаром*. Идея создания такого органа возникла и была воплощена в аппарате Главполитпросвета (ГПП) еще задолго до образования самого Главлита: 11 января 1922 г. на заседании ГПП⁹⁹ было утверждено Положение о Репертуарном комитете при ТЕО ГПП¹⁰⁰. Положение о Главреперткоме обсуждалось и было поддержано 30 ноября 1922 г. на президиуме Коллегии НКП¹⁰¹, а утверждено постановлением СНК СССР 9 февраля 1923 г., в котором говорилось

о структуре и обязанностях Главреперткома (ГРК). Он должен был состоять из трех членов: председателя, назначаемого Наркомпросом по Главлиту, и 2-х членов, из которых один назначался Наркомпросом по Главполитпросвету, а другой — Наркоматом внутренних дел. При нем создавался Совет из представителей ведомств, в т. ч. НКП, ГПУ, ПУР, Госкино, ЦК РАБИС. Основные функции Главреперткома сводились к разрешению постановки драматических, музыкальных и кинематографических произведений; составлению и опубликованию периодических списков разрешенных и запрещенных к публичному исполнению произведений. 28 ноября 1924 г. на Секретариате ЦК был утвержден следующий состав ГРК: Пельше — заместитель председателя ГРК, Исаев (ВЦСПС), Мальцев (Агитпроп ЦК), Колесников (Агитпроп ЦК), Козырев, Гончаров (МК) — члены ГРК¹⁰². Для осуществления указанных выше функций на Главрепертком возлагались следующие обязанности: а) контролировать репертуар всех зрелищных предприятий и издавать инструкции о порядке осуществления упомянутого контроля; б) принимать необходимые меры и закрывать, через соответствующие административные и судебные органы, зрелищные предприятия, в случаях нарушения ими его постановлений. Надзор за деятельностью зрелищных предприятий «с целью недопущения постановки неразрешенных произведений» и наблюдение за проведением в жизнь постановлений Главреперткома возлагались на НКВД и его местные органы. Контроль за репертуаром на местах выполняли в пределах губернии гублиты, а в пределах уезда — заведующие УОНО¹⁰³.

С этого момента ни одно произведение не могло быть допущено к публичному исполнению или демонстрации без специального разрешения Главреперткома или его местных органов. Более того, за рассмотрение этих произведений взимался особый сбор, на основании правил, устанавливаемых по соглашению Наркомфина с Наркомпросом.

Для осуществления контроля над исполняемыми произведениями все зрелищные предприятия должны были отводить по одному постоянному месту, не далее 4-го ряда, для представителей Главреперткома и Отдела политконтроля ГПУ, «представляя им для этого бесплатную вешалку и программы». Публичное исполнение и демонстрация произведений без надлежащего разрешения в помещениях, принадлежащих зрелищным предприятиям, карались отныне по ст. 284 Уголовного кодекса РСФСР¹⁰⁴.

Работа закипела. За шесть месяцев работы Главрепертком связался со всеми гублитами и обллитами, проводящими линию, намеченную им¹⁰⁵. В центре ГРК взял под свое наблюдение репертуар ПУРАа (пьесы, киноленты и т. д.) и заключил с ним соглашение о координации контроля над репертуаром воинских частей по всей территории СССР, кроме Украины, Грузии и Армении. Было известно, что там отдельные

запрещенные произведения исполнялись, однако некоторое уважение к самостоятельности этих республик в то время еще сохранялось. Главной задачей театрально-зрелищной цензуры была «чистка» эстрады. Эстрадный репертуар (юморески, частушки, импровизации и т. д.), по мнению ГРК, «больше всего содержал элементы контрреволюционности, порнографии, шовинизма и т. п.». Особенно много было сделано, чтобы «выкорчевать этот эстрадный репертуар, который содержал в себе издевательства над национальными меньшинствами (евреями, татарами, грузинами и т. д.)»¹⁰⁶

Второй задачей Главреперткома была «расчистка кино», которая состояла в централизованном просмотре фильмов в Москве, откуда они направлялись затем в провинцию. Контроль был налажен в местах импорта — в Петрограде и Владивостоке. Однако отсутствие идеологического надзора на этапе предварительного контроля приводило к тому, что цензорам приходилось часто запрещать уже закупленные ленты, вырезать из них куски и т. д. и тем самым наносить «громадный материальный ущерб конторам, а тем самым, в значительной мере, и жизни»¹⁰⁷. Следовало применить кадровую политику, усилить киноконторы «дельными коммерческими директорами-коммунистами» и «работниками, направляющими идеологическую сторону, которые должны следить, чтобы заграничные покупки соответствовали бы нашим идеологическим запросам, чтобы монтаж (переделка фильма) производился бы в нужном направлении»¹⁰⁸.

Что касается театров, то на момент начала работы ГРК они были часто целиком предоставлены сами себе, влияние губполитпросветов было весьма незначительно, так как в большинстве случаев они выступали как «хозяйственный» орган, эксплуатируя театры и не желая, по финансовым соображениям излишне нажимать на кассовую заинтересованность арендатора. О какой-либо «линии», какой-либо «политике» в области репертуара говорить еще было рано. По свидетельству ГРК, афиши пестрели такими названиями, как «Трильби», «Казнь», «Хамка», «Стрелянная совесть», «Дни нашей жизни», «За монастырской стеной», «Сестра Тереза», «В горах Кавказа» и т. п., с редкой прослойкой Островского.

Любопытно, что «рыночные отношения» периода нэпа наложили свой отпечаток на театральную цензуру. В провинции при чистке местного репертуара она стала более гибкой, не ставя «перед собой демагогических задач искусственного идеологического форсирования». ГРК не отстаивал жестко свою точку зрения как при утверждении плана театральных постановок, так и при разрешении отдельных пьес, учитывая обстановку и среду. Для этого была разработана категоричность, в результате чего цензура применяла дифференцированный подход. В зависимости от различных показателей весь «ходкий» репертуар был классифицирован на три категории.

Первая категория включала пьесы, разрешенные для всех театров; вторая категория — разрешенные, но не для рабоче-крестьянской аудитории. Во вторую категорию входили пьесы, которые по общим цензурным условиям хоть и являлись допустимыми, но не могли быть рекомендованы для широкой аудитории. Сюда же были отнесены и «мещанские пьесы, пьесы болезненно-индивидуалистического характера» и т. п. Третья категория включала запрещенные пьесы. Сюда входили контрреволюционные, ярко-мистические, шовинистические и т. д. произведения, а также все то, что «по современным условиям: считалось несвоевременным».

Особая ситуация сложилась с академическими театрами, которые в силу традиций наиболее активно сопротивлялись новой власти с ее весьма сомнительными идеологическими критериями. Однако власть считала, например, оперный репертуар Большого театра «ответшалым», а балетный — «дворянско-классическим с культом добрых королей и волшебных фей». Особые нарекания вызвал Театр Революции, находящийся «в особых благоприятных условиях: на полном госснабжении» (академические театры субсидировались только частично). Во главе Театра Революции был Политсовет в составе О. Каменевой, С. Богуславского, В. Мейерхольда и др. Нарекания были вызваны появлением на сцене этого театра пьесы «Озеро Люль», «где хотя и показан разлагающийся капитализм, но противопоставленные ему революционеры выявлены как бандиты». Постановлением президиума Коллегии Наркомпроса эта пьеса была признана «идеологически неприемлемой»; было принято решение о «партийном воздействии на Политсовет театра с тем, чтобы предотвратить в будущем подобные постановки, дорого обходящиеся государству»¹⁰⁹.

Неудовлетворенность партии постановкой театральной цензуры выразилась в специальной резолюции, принятой на заседании ОБ ЦК РКП(б) 23 октября 1926 г. В ней подчеркивалось, что театр, являясь одним из мощных орудий общественно-культурного и политического воспитания масс, до сих пор крайне мало использован и не поставлен на службу пролетариату и трудящемуся крестьянству. «Неизбежны попытки буржуазии и мелкой буржуазии использовать театр как одну из форм советской общественности, через которую возможно проводить свое влияние на массы. Это выражается в заполнении театрального репертуара чуждым пролетариату содержанием, возрождении явно антисоветских, сменовеховских и упадочных постановок, засилье в провинциальных и местных рабочих театрах бульварного репертуара и механической переделке старого репертуара под советский...» Далее отмечалось, что «советизация» репертуара является одной из основных задач советского театра. Но, независимо от достижений в деле создания своего репертуара, необходима более решительная борьба с попытками протащить на сцену всякого рода контрреволюционные, сменовехов-

ские, религиозно-мистические, националистические и т. п. постановки, а также с проникновением бульварщины, порнографии и пр. Отделу печати ЦК и Агитпропу поручалось инструктировать центральную прессу относительно мер, направленных к поднятию качества газетных отделов «критики театра и кино», указано на необходимость привлечения к участию в работе этого отдела рабкоров и селькоров.

В резолюции также предлагалось реформировать Главрепертком. Его существование как междуведомственного органа, составленного по принципу представительства различных органов и учреждений, было сочтено нецелесообразным. Предлагалось сосредоточить в руках ГРК все контрольные функции, как текстуальные, так и художественные, по театру и кино, дав ему право требовать от театров не только текста любой постановки, но и, в случае необходимости, проекта ее художественного оформления и режиссерской трактовки¹¹⁰. Это решение означало существенное усиление цензурного контроля одного из наиболее тонких и очень популярного у аудитории вида искусства — театрального.

Таким образом, несмотря на сопротивление театров и других учреждений культуры, определенные сложности в выработке методов контроля над репертуаром имели место. Главрепертком постепенно создавал централизованную систему, от бдительного ока которой не мог скрыться ни один гастролер. Так, в письме Главреперткома в Ленинградский гублит от 12 июля 1927 г. говорилось: «На Ваш запрос от 31 / V о “Синей птице” в постановке МХАТ 1, телеграммой ГРК от 1 / VI постановка была разрешена без “Лазурного царства”¹¹¹. Между тем, по дошедшим сведениям, сцена эта, во время только что закончившихся гастролей МХАТ 1, исполнялась. Просим срочно представить объяснения¹¹²». Исключение составляли только заслуженные и народные артисты, которым предоставлялось право выступать без предварительного цензурирования репертуара¹¹³. Однако такое положение просуществовало до организации Главискусства в 1928 г.

Осуждению подвергались не только одиозные и «чуждые советскому строю» современные танцы, шимми и фокстрот, но и классические произведения, запрещенные к публичному исполнению по соображениям высоких инстанций. Многими эти распоряжения рассматривались как проявление невежества и воинствующего революционного карьеризма. Тем не менее 13 августа 1927 г. в адрес Ленинградского гублита пришло следующее распоряжение Главреперткома:

«До сведения ГРК дошло, что 1. VIII в “Саду Отдыха” была исполнена с Вашего разрешения увертюра Чайковского “1812 год”. Произведение это принадлежит к роду программной музыки, программа которого, иллюстрируемая темами “Спаси Господи” и “Боже Царя Храни”, является, конечно, абсолютно неприемлемой для нас. Что касается музыкальных достоинств, то эта увертюра является с этой стороны

одним из слабейших произведений данного композитора. Ввиду этого, увертюра "1812 год" Чайковского подлежит запрещению для публичных исполнений»¹¹⁴.

Новый этап в истории политической цензуры, связанный с острой политической борьбой и усилением внимания партии к вопросам культуры и роли творческой интеллигенции в социалистическом строительстве, охарактеризовался более требовательным отношением к цензурным органам и эффективности их работы. Поэтому деятельность Главреперткома и Главлита была подвергнута резкой критике. В связи с этим 14 ноября 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение¹¹⁵ о создании Комиссии Политбюро по проверке деятельности Главлита и Главреперткома. В состав комиссии вошли Скворцов-Степанов, Сырцов, Варейкис, Луначарский, Марецкий, Лелевич, Воронский, Рязанов, Сенюшкин, Яковлева¹¹⁶. Комиссия провела работу по проверке Главлита, итогом которой стала справка о его деятельности, представленная на заседании ОБ ЦК 7 марта 1926 г.¹¹⁷ В ней основные задачи Главлита определялись следующим образом: идеологически-политическое наблюдение и регулирование книжного рынка (статистический учет выходящей литературы, разрешение и закрытие издательств, утверждение издательских программ, издателей и редакторов, регулирование тиража); предварительный и последующий просмотр литературы (идеологически-политического характера и на предмет сохранения экономических и военных тайн); изъятие с книжного рынка и из библиотек «вредной» литературы, выходявшей в дореволюционные годы и последующий период. В качестве оперативных задач назывались охрана военной и экономической тайны и регулирование деятельности частных издательств; эти задачи были определены в резолюции Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах воздействия на книжный рынок»¹¹⁸.

Если постановляющая часть справки комиссии носила скорее формально-обязательный характер, то подготовительные материалы содержали подробный анализ новых тенденций, появившихся в работе Главлита в новой политической обстановке. В записке П. И. Лебедева-Полянского, подготовленной специально к заседанию Оргбюро, подробно раскрываются наиболее характерные методы и формы деятельности цензуры и ее взаимоотношения с партийными органами, важные с точки зрения понимания проблемы вертикали власти и выявления механизма принятия решений. Отметим, прежде всего, утверждение, что Главлит находится в тесной связи с центральными партийными органами, в частности с Агитпропом, Отделом печати ЦК, работники которого входят в Коллегию Главлита, снабжают его директивами и «получают от него спорадическую и ежедневную отчетность». В развитии этого взаимодействия руководитель Главлита предлагал

предоставлять Отделу печати ЦК, помимо текущих отчетов, «специальные, содержащие идеологически-политическую характеристику отдельных видов литературы»¹¹⁹. Как мы убедимся, в последствии этот «жанр» стал постоянным. С помощью таких отчетов осуществлялось информирование Главлитом идеологических отделов ЦК о культурной ситуации в стране. При общей характеристике книжного рынка в СССР говорилось, что, несмотря на отдельные достоинства, заметно преобладание книг отрицательного характера: «русская беллетристика страдает чаще такими недостатками — бульварный характер, низкопробный эротизм и порнография, идеалистические тенденции, отсутствие классовой установки, необоснованная патетика, бесплодная фантастика, неубедительное изображение положительных героев, психологизм не первого сорта, идеологическая путаница, неясность политических воззрений»¹²⁰. Давалась отповедь изданиям, вышедшим в частных издательствах, особенно ленинградских. Однако, справедливости ради, Главлит констатирует, что «из 179 прорецензированных книг только 11 можно отнести к определенно плохим, главным образом по литературным качествам»¹²¹. Общее количество запрещенных рукописей, прошедших через Главлит и Мосгублит, по всем частным издательствам — 47, что составляло на тот момент 3,4% от всех запрещенных рукописей по всем издательствам вместе. Ленгублитом было запрещено 68 рукописей частных издательств, что составляло 4,1% от всех запрещенных Ленгублитом рукописей¹²². О ситуации в частном секторе говорилось, что в ближайшее время он «захиреет» и станет послушнее, «преследуя не столько идеологические цели, сколько коммерческие». Цинизм, с которым чиновники рассуждали об удушении частных издательств, в дальнейшем распространился и на все проявления самостоятельности в идеологии и культуре (например, в сферах кинодела и радиодела), при этом как инструмент воздействия государство использовало финансовые и технические средства.

Основными пороками художественной литературы в материале П. И. Лебедева-Полянского назывались порнография, нездоровый эротизм, матерщина, халтура и бульварщина, извращение советской действительности, изображение ОПТУ как застенка, «явная контрреволюция». В качестве примеров проявления явной контрреволюционности приведены повести М. Булгакова «Роковые яйца», «Записки на манжетах», «Собачье сердце», «проскользнувшие в печать по недосмотру», «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка и др. Ограничения переводной литературы носили облегченный характер, поскольку к ней имела доступ очень ограниченная часть читателей. Общее количество книг и периодических изданий, разрешенных в 1925 г. с исправлениями по Главлиту и Ленгублиту, продемонстрировано в таблице 1.

**Книжно-издательская продукция, запрещенная в 1925 г.
Главлитом и Ленгублитом**

Ведомственная принадлежность изданий	По политическим и идеологическим соображениям	По перечню
Наркоматские	26	150
Учреждений наркоматов	37	128
Местно-советские	21	12
Партийные (РКП(б))	22	64
Других партий	3	
Профессиональные	62	116
Кооперативные	8	25
Частные	255	19
Прочие	14	13
Итого	448	527

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 271. Л. 141.

Данные наглядно демонстрируют, что чаще всего жесткому контролю и запрету подвергались ведомственные и частные издания. Однако эти показатели значительно увеличились бы, но, как указывалось Главлитом, огромная часть литературы вообще не подвергалась цензуре (Госиздат, партийная литература). Поэтому «наиболее сомнительные рукописи передавались этим издательствам и там печатались», что вызывало справедливое недоумение у писателей: «почему у власти две мерки». Главлитом подчеркивалось, что двойственность проявлялась в «бережном воспитательном отношении к писателям», скорее «менее-натском отношении некоторых партийных товарищей к обиженным Главлитом писателям», во враждебном изображении Главлита, который «лес рубит без разбора направо и налево», в недостаточном информировании Главлита со стороны партийных органов, дававших весьма противоречивые директивы. Так, например, при разрешении к печатанию беллетристической литературы предписывалось не считать препятствием к этому описание темных сторон современного советского быта в том случае, если эти произведения в целом не были враждебны советской власти¹²³. «Педагогический уклон» цензуры заключался в следующих установках: «можно и должно проявлять строгое отношение только по отношению к изданиям со вполне оформившимися буржуазными художественными тенденциями», «необходимо также проявлять

беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам, которые являются фактическим центром сосредоточения меньшевистско-эсеровских элементов, и бережное отношение к таким произведениям и авторам, которые хотя и несут в себе бездну всяких предрассудков, но явно развиваются в революционном направлении». При этом главной задачей цензуры, как подчеркивалось в постановлении ПБ от 6 мая 1923 г.¹²⁴ являлась попытка «свести автора с товарищем, который действительно компетентно и убедительно сможет разъяснить ему реакционные элементы произведения с тем, что если автор не убедится, то его произведение печатается (если нет действительно серьезных доводов против его напечатания), но в то же время появляется под педагогическим углом зрения написанная критическая статья»¹²⁵.

Подводя итоги, П. И. Лебедев-Полянский заключает: «Работа Главлита исключительно трудная. Приходится все время ходить по лезвию бритвы. Сохраняя равновесие, невольно уклоняешься то в одну, то в другую стороны. Все время печатно и устно [нас] упрекали в неразумной жестокости, эта обстановка вынуждала Главлит иногда быть мягче, чем он находил нужным. Но в общем он стоял на позиции, не нарушая культурных интересов страны, не принимая внешне свирепого вида, не допуская того, что мешало бы советскому и партийному строительству. В практическом проведении этой линии Главлит считал, лучше что-либо лишнее и сомнительное выдержать, чем непредвиденно допустить какой-либо прорыв со стороны враждебной стихии. Необходимо: а) более приблизить Главлит к Центральным партийным органам; б) передать Главлиту предварительный и последующий просмотр всей литературы, до сих пор изъятой из его ведения»¹²⁶.

Таким образом, руководство Главлита отмечало двойственность и неопределенность в идеологических установках партии, следствием чего были нерешительная, вынужденно «педагогическая» позиция цензуры и потребность непосредственного участия центральных партийных органов в выработке запретительных критериев. Оно высказывало требование более жесткого отношения к писателям без либеральных проявлений, говорили о необходимости введения всеобщей предварительной и последующей цензуры Главлита, без исключения для Госиздата и партийной литературы.

В целях совершенствования управления печатью и издательским делом 23 августа 1926 г. Оргбюро ЦК приняло специальное постановление. В нем констатировалось, что вследствие неразграниченности функций Отдела печати ЦК и советских органов, ведающих вопросами печати, Отдел печати ЦК перегружился вопросами советского порядка (по линиям организационно-хозяйственной, производственной и финансовой) в ущерб его основной задаче — осуществлению идеологического руководства. Для усиления идеологического руководства печатью, обеспечения хозяйственного регулирования производства и распространения про-

дукции в издательской сфере было признано необходимым размежевать работу Отдела печати и советских органов, ведающих вопросами печати, и уточнить их функции на следующих основаниях: а) вопросы идеологического руководства сосредоточить в Отделе печати ЦК; б) вопросы административного регулирования печати в соответствии с политикой советской власти сохранить за НКП; в) вопросы хозяйственного регулирования производства и распространения произведений печати сосредоточить в соответственно реорганизованном Комитете по делам печати. Для Отдела печати были определены следующие задачи: 1) выявление идеологических запросов рабоче-крестьянских масс и всех прослоек советской общественности; 2) содействие своевременной постановке новых вопросов и проблем и способствование правильному их разрешению в партийной печати; 3) привлечение печати к активному участию в проведении решений партии и наблюдение за правильным проведением печатью (во всех видах) политики партии; 4) осуществление контроля, обеспечивающего идеологическую выдержку и необходимое качество печати и исправление ее недочетов¹²⁷.

Позиция Агитпропа ЦК по отношению к работе Главреперткома основывалась на прекрасной информированности о ситуации в цензурных учреждениях, с одной стороны, и в учреждениях культуры, а также среди драматургов, сценаристов, либреттистов и прочих деятелей культуры — с другой. Поэтому записка заместителя заведующего Агитпропа Мальцева имела реалистичный и информативный характер, в ней были указаны следующие недостатки в работе цензуры: «1) отсутствие проведения на местах директив Главреперткома: там часто ставятся пьесы, запрещенные ГРК, самовольно переделывают их или переносятся из литера “а” в “б” и т. д.; 2) отсутствует ясность организационных взаимоотношений между ГРК, с одной стороны, и коллегией Наркомпроса и Главлита с другой; 3) нет точности в определении функций Главреперткома по отношению к авторам, дающим ему на просмотр свои произведения, и по отношению к театральным постановкам. Неясно, должен ли Главрепертком только запрещать или разрешать те или иные вещи, объясняя мотивы своего разрешения, или же может также указывать, как, по его мнению, нужно исправить; 4) разделенность киноцензуры между Главреперткомом и Художественным советом по делам кино при Главполитпросвете¹²⁸; 5) случайность состава членов ГРК, большинство которых никакого участия в работе не принимает; 6) слабость состава сотрудников Главреперткома в центре и на местах; 7) отсутствие руководства местными уполномоченными ГРК как со стороны органов Наркомпроса, так и партийных комитетов»¹²⁹. При этом предлагались коренная реорганизация работы и проведение курса на идеологизацию и решительную «чистку» репертуара.

После обсуждения этого вопроса на Оргбюро ЦК 23 ноября 1926 г. было принято решение о роспуске Главреперткома в данном составе, о

подборе квалифицированных кадров в количестве 7 человек¹³⁰. 20 января 1928 г. на Секретариате ЦК¹³¹ был утвержден новый состав коллегии Главреперткома: Ф. Ф. Раскольников — председатель, Р. Ф. Пиккель, Н. А. Рузер-Нирова, П. А. Бляхин, И. Г. Лазьян — члены коллегии¹³². Также было принято решение организовать Совет по репертуару в составе 30 человек¹³³, который в дальнейшем получил название Художественно-политического совета¹³⁴. Его основная деятельность проходила уже в новых условиях развития государственной цензуры театрально-зрелищного репертуара в системе Главискусства, с созданием которого 14 апреля 1928 г. завершился *пятый этап* истории складывания системы управления цензурой.

Определившаяся тенденция в области идеологического руководства культурой, постоянная неудовлетворенность работой цензурных органов и Наркомпроса привели к созданию еще одного управленческого звена, призванного объединить все виды искусств. Выявленные архивные документы позволяют проследить как в течение шести лет вызревала идея создания *Главискусства* «для централизации общего идеологического руководства и управления жизнью искусства в РСФСР». Впервые эта идея прозвучала на заседании ГУС НКП 23 октября 1922 г.¹³⁵ В дальнейшем этот вопрос ставился и обсуждался на самых различных уровнях. Пожалуй, трудно найти управленческую структуру, которая бы прошла такой тернистый путь с момента своего зарождения. И это вполне объяснимо. Окончательно признать существование государственного органа управления неуправляемым — искусством — было непросто даже для большевиков. Эта позиция отражала еще не сформировавшееся отношение партии к ее роли в руководстве творческим процессом. Создание Главискусства сопровождалось бурной полемикой в самом Наркомпросе РСФСР и на страницах печати. Статья А. В. Луначарского «Нужно ли нам Главискусство?» вызвала дискуссию, в которой приняли участие П. И. Коган, А. И. Свицерский, Н. Я. Марр. Известно, что Н. К. Крупская занимала по этому вопросу отрицательную позицию. Только 14 апреля 1928 г. постановлением СНК РСФСР в составе Наркомпроса РСФСР утверждается специальный «орган идеологического руководства в области литературы и искусства» — Главискусство¹³⁶, который вырабатывал директивы по всем направлениям и областям искусства, а также сообщал «наверх» в ЦК о тревожных симптомах в искусстве. Однако структурное оформление этого органа не было завершено сразу. Долгое время обсуждались положение, на основе которого он должен был действовать, штатное расписание Главискусства, его функции и их разделение. Противоречия, возникшие с самого начала деятельности нового управления, не исчезли и в последствии, что вызывало частую смену его руководства. Главискусство попеременно возглавляли А. И. Свицерский, Ф. Ф. Раскольников, Ф. Я. Кон, М. П. Аркадьев.

Таким образом, к 1928 г. сложилась разветвленная сеть государственных учреждений с параллельными функциями идеологического контроля. Основными звеньями в ней были система Госиздата, функциональные отделы Наркомпроса РСФСР (ИЗО, МУЗО, ТЕО и др.), прежде всего Главлит и Главрепертком, Главполитпросвет. Причиной возникновения и существования столь расточительной в финансовом отношении политики являлась не столько бюрократическая неразбериха, царившая в 1920-е гг., сколько система взаимопроверки и конкурентного ажиотажа, существовавшая именно в связи со стремлением каждого элемента системы доказать свою самостоятельность и эффективность. Параллельно с доносами друг на друга шло постоянное уточнение и разграничение функций между тремя основными контролирующими органами — Главлитом, Главреперткомом и Главискусством. Так, в течение двадцати лет безуспешно велись переговоры о разделении функций между Главлитом и Главреперткомом, которые начались буквально с первых дней существования последнего. 16 марта 1923 г. ГРК в целях разъяснения своих взаимоотношений с Главлитом циркулярно сообщал следующее: «а) Комитет по контролю за Репертуаром является организацией, автономной в пределах, предоставленных ей компетенций, координирующей, однако, всю свою работу с Главлитом, поскольку перед обоими организациями стоят общие цели и задачи. Члены Комитета непосредственно назначаются Коллегией Наркомпроса, а посему существование Комитета при Главлите следует понимать не “внутри Главлита” (то есть не как Отдел Главлита), а рядом с Главлитом; б) в связи с этим Комитет по контролю за Репертуаром ведет непосредственные сношения с другими организациями (помимо Главлита), имеет свою особую печать и т. д.; в) к этому нужно прибавить, что штаты Комитета должны быть заполнены высококвалифицированными работниками, требующими сравнительно высокой оплаты, и что вообще органы контроля должны быть материально лучше обеспечены»¹³⁷.

Между тем, судя по штатным расписаниям Наркомпроса, ГРК долгое время не мог избавиться от опеки Главлита, находясь непосредственно в его структуре. 23 ноября 1926 г. ЦК вынужден был даже принять специальное решение о «признании Главреперткома не межведомственным органом, а органом НКП»¹³⁸. Кроме этого, было принято решение о концентрации киноцензуры в Главреперткоме и ликвидации в связи с этим Художественного совета по делам кино в Главполитпросвете¹³⁹. Даже включение ГРК в 1928 г. в систему Главискусства не смогло существенно изменить этого положения, что ставило под сомнение целесообразность существования двух параллельных цензурных органов. Похожие ситуации возникли у ГРК с функциональными отделами Главискусства, которые, в свою очередь, также осуществляли идеологический контроль. Так, уже 10 января 1929 г. на закрытом заседании НКП РСФСР¹⁴⁰ рассматривался вопрос о разграничении функций между Главреперткомом

и отделами театра и кино Главискусства¹⁴¹, а 28 января этого же года Коллегией НКП РСФСР¹⁴² было принято постановление об изменении проекта инструкции о порядке контроля за репертуаром зрелищных предприятий в связи с разграничением функций этих учреждений¹⁴³. Этой проблеме было посвящено специальное постановление Оргбюро ЦК «О работе советских органов, ведающих вопросами печати (Комитет по делам печати, Главлит, Книжная палата и пр.), организационной увязке этого дела и размежевании функций с Отделом печати ЦК ВКП(б)»¹⁴⁴. Между тем понятно, что никакие инструкции и постановления не могли ликвидировать ту путаницу, которая навсегда прописалась в кабинетах Главлита, Главреперткома и Главискусства этих трех главков, находящихся друг с другом в сложных иерархических и функциональных отношениях.

Возвращаясь к вопросу о создании Художественно-политического совета Главреперткома в составе Главискусства, следует подчеркнуть, что он формировался по сугубо идеологическому признаку. Представители художественной интеллигенции «попутнических» взглядов в его состав не вошли. 4 мая 1928 г. на заседании Секретариата¹⁴⁵ и 7 мая на заседании Оргбюро¹⁴⁶ был утвержден состав Совета ГРК, в который вошли: И. М. Беспалов, Б. С. Ольховский, Н. Н. Мандельштам (Агитпроп ЦК), Д. М. Ханин (ЦК ВЛКСМ), Т. С. Костров («Комсомольская правда»), Н. О. Кучменко (НК РКИ), Е. М. Ярославский (ЦКК), Н. К. Крупская, П. М. Керженцев, Р. А. Пельше (Главполитпросвет), В. С. Попов-Дубровский («Правда»), Н. Н. Евреинов (ВЦСПС), Ю. М. Славинский (ЦК Рабис), С. Г. Дулин (МГСПС), В. Ф. Плетнев (Пролеткульт), Л. Л. Авербах (ВАПП), В. М. Киришин (А. Р. К.), Я. С. Агранов (ГПУ), Я. Р. Гайлис (Мосгублит) и т. д.¹⁴⁷ Структура ГРК была следующей: Комитет из 4 членов, которые назначались Коллегией НКП, и Политико-художественный совет из 45 человек. Возглавлял ГРК в составе Главискусства председатель.

Между тем не прошло и немногим более года, как деятельность Главискусства вызвала явное неудовольствие Агитпропа ЦК, о чем свидетельствует докладная записка заместителя заведующего АППО П. М. Керженцева¹⁴⁸. Главным «обвиняемым» стал А. И. Свидерский, первый председатель Главискусства, под руководством которого, как выяснилось, Главискусство отстаивало «враждебный, сменовеховский репертуар, в частности пьесу М. Булгакова «Бег»»¹⁴⁹. Свидерскому инкриминировались: 1) разрешение к постановке пьесы «Бег», несмотря на запрет Главреперткома и его Совета; 2) разрешение Камерному театру постановки пьесы Левидова «Заговор равных», снятой из репертуара; 3) разрешение МХАТ 1 постановки «Братьев Карамазовых» без купюр («он заявил руководителям театра, что пьеса должна идти целиком, добавив, что «не нужно было считаться с постановлением Политико-художественного совета и снимать постановку с репертуара»¹⁵⁰;

4) разрешение Камерному театру постановки пьесы М. Булгакова «Багровый остров», которую даже немецкая консервативная печать («Дойче Альгемайне Цейтунг») называла «пьесой, возбуждающей в публике антикоммунистические чувства», от постановки которой «должны ликовать все мыслящие люди страны». Позиция же Наркомпроса и Главискусства была более чем сдержанна. В письме В. Н. Яковлевой от 5 января 1929 г. говорилось, что «пьеса в окончательном виде не дает поводов для снятия». Таким образом, руководство Наркомпроса и Главискусства вошло в противоречие с позицией АППО ЦК и Главреперткома, а «А. Свидерский начал дискредитировать это учреждение (Главискусство. — Т. Г.)», заявив: «Мы имеем репертуарные планы, но они пока остаются невыполненными. Если пьесы и пишутся, то Главрепертком их не пропускает». 15 октября 1928 г., на заседании Главискусства в присутствии беспартийных актеров МХАТ 1 и газетных корреспондентов он сказал: «Главрепертком душит творчество авторов и своим бюрократическим методом регулирования обостряет репертуарный кризис»¹⁵¹. Однако Свидерский решил пойти дальше своих публичных заявлений и подготовил проект о фактической ликвидации Главреперткома, который был «внесен в советские органы без согласования с партийными инстанциями».

Интересно отметить, что привлеченная к проверке работы Сектора искусств НКП рабочая бригада завода им. Лепсе, после неоднократных заседаний на заводе и в секторе, пришла к тому же выводу и вынесла вердикт: ликвидировать Главрепертком как совершенно ненужную структуру, сократить штаты Сектора искусств НКП¹⁵². Список «преступлений» А. Свидерского можно было бы продолжить. Здесь и попытка ликвидировать ГОСТИМ оплот пролетарского искусства, и пренебрежительное отношение к ВАПП и АХРР, и «недооценка низовой художественной работы», и отсутствие руководства литературой, кинематографом, радиовещанием и пр., и пр. Главный вывод всех идеологических инстанций не вызывал никаких сомнений: «отсутствие четкой классовой линии в руководстве»¹⁵³. Разумеется, решение было принято незамедлительно: А. Свидерский был снят с работы. Эта, казалось бы, нереальная ситуация, когда руководитель одного из ведущих учреждений мог проводить в течение года либеральную политику и свободно высказывать крамольные мысли о вредности цензуры, свидетельствует о наличии противоречий и порой диаметрально противоположных подходов к руководству искусством, о еще не законченном формировании вертикали власти, которая впоследствии больше не допускала подобной «самостоятельности».

После кадровой и структурной реорганизации атмосфера в Главискусстве резко изменилась: она была приведена в соответствие с новыми идеологическими задачами. Культурная жизнь страны, со всем ее многообразием, уместилась в принятые Госпланом контрольные

данные пятилетки художественной работы¹⁵⁴. В докладной записке Главискусства в Секретариат Коллегии НКП о проделанной работе по выполнению постановления Коллегии НКП от 13 сентября 1929 г. по вопросу о пропаганде пятилетки в области художественной работы¹⁵⁵ рапортовали, что по линии ГРК созданы рекомендательные списки пьес, в которых затронуты вопросы и проблемы пятилетки («до настоящего времени ни одной пьесы на эту тему через ГРК не проходило»); по линии кино созданы просветительные кинофильмы и кинохроники; по линии изо организованы выставки на индустриальные темы, проведены конкурсы на плакаты и лубки; по линии театра идет в основном шефская работа и т. д.¹⁵⁶

Структурная и качественная перестройка коснулась также и репрессивных органов. К 1927 г. в состав Секретно-оперативного управления (СОУ) входили следующие отделы: Секретный, Контрразведывательный, Особый, Информационный, Транспортный, Восточный, Оперативный и Отдел центральной регистратуры. В 1931 г. Секретный и Информационный отделы были объединены в единый Секретнополитический отдел. В 1932 г. прошла общая реорганизация ОГПУ, и его структура стала еще более централизованной, а уже созданные в 1930 г. ГУЛАГ и Особый отдел во многом поглотили функции СОУ.

Изменения политической обстановки в стране, установление тоталитарного режима, утверждение монополизма на идеологию и культуру потребовали от Главлита выполнения новых задач, подчиненных всей системе подавления. Соответствующей реорганизации этой структуры предшествовала ее обстоятельная проверка. Для этого была создана Комиссия по обследованию и чистке аппарата Наркомпроса. В апреле 1930 г. выводы рабочей бригады при этой комиссии НК РКИ (председатель Бауэр) были готовы и содержали анализ структуры, организации и методов цензурирования.

В 1930 г. структура Главлита включала Русский, Военно-экономический, Иностраный и Организационно-плановый отделы. Разумеется, основную работу вел Русский отдел, который осуществлял 1) *предварительный* политико-идеологический контроль над выходящей русской литературой и радиовещанием; 2) *последующий* контроль над русской литературой и радиовещанием; 3) *предварительный и последующий* политико-идеологический контроль над выставками произведений искусства; 4) выдачу разрешений на лекции и диспуты; 5) составление литературных обзоров; 6) руководство местными органами цензуры. Эта грандиозная по объему работа проводилась одним заведующим и 12 политредакторами. Все сотрудники были коммунистами, что не исключало «склочной атмосферы» в Главлите.

Для того чтобы представить как проводился предварительный контроль над выходящей литературой, обратимся к работе. Сотрудники

Русского отдела просматривали продукцию следующих издательств: ЗМФ, «Федерация», «Молодая гвардия», «Недры», РАНИОН, «Ком. Академия», «Никитинские субботники», «Жизнь и знание», МОДПИК, «Центросоюз», издательства НКТорга и другие, а также все местные издательства беллетристики. Однако 65% литературы, выпускаемой на рынок, составляла продукция ГИЗа, который от идеологического контроля был освобожден и имел уполномоченных при издательствах. Политредакторы, в большинстве ответственные старые партийцы, просматривали рукописи и давали им те или иные отзывы, которые передавались старшему политредактору или заведующему отделом для окончательного решения. Заведующий имел право согласиться или же не согласиться с выводом политредактора. Такое положение вызывало обострение взаимоотношений между заведующим отделом и остальными политредакторами. Широкую известность в узких кругах получила склока вокруг бывшего заведующего отдела Гришина и пришедшего на его место Мордвинкина, т. к. его «демократический» метод обсуждения рукописей с политредакторами привел к множественным конфликтам.

Излишняя политизированность при просмотре рукописей приводила к тому, что разрешалось издание книг, откровенно пошлых и не представляющих художественной ценности. Таких, например, как книги Алексева «Ресторан на Арбате» и «Любовь голубая», Сергеева-Ценского «Блистательная жизнь», Гумилевского «Игра в любовь» и др. Выяснилось также, что в ряде случаев книги, запрещенные политредакторами, оказывались тем не менее опубликованными.

Системы последующего контроля в Русском отделе не существовало. Обычно эту роль выполняла пресса, отдельные организации и лица. Продолжалась практика, когда запрещенная Главлитом рукопись разрешалась местными литами. Таким образом, причины появления в печати «вредной и бесцветной литературы» заключались, по мнению комиссии НК РКИ, в следующем: отсутствие руководства со стороны главка, распыленность ответственности, а отсюда — почти безответственность политредакторов, некоторая слабость и притупленность внимания самих политредакторов.

Аналитическая функция Главлита также практически не реализовывалась. Обзоры разрешенной и запрещенной литературы составлялись 2 раза в год в виде бюллетеня и рассылались ограниченному кругу лиц и учреждений. В них содержалась весьма скудная информация и не было полной картины состояния литературно-книжного мира страны. В обзорах полностью отсутствовала та литература, которую издавал ГИЗ, они готовились с большим запозданием и быстро устаревали.

Выполнение разрешительно-регистрационной функции Главлита, осуществляемой Организационно-плановым отделом, также страдало серьезными недостатками. Результатом этого были постоянные конфликты с Комитетом по печати, неутвержденные планы издательств,

которые вынуждены были выпускать литературу в счет будущих планов, чтобы не останавливать деятельность вовсе.

Комиссия отметила низкий уровень работы уполномоченных, которые занимались побочными приработками, не имели специальных помещений (кроме радиоуполномоченных, уполномоченных при издательствах «Работник просвещения» и «Огонек»), слабое руководство со стороны Главлита, которое ограничивалось выдачей мандатов и высылкой перечней и циркуляров. Все это усугублялось конфликтом между Лебедевым-Полянским и Самохваловым, вышедшим за рамки личной неприязни и отражавшимся на служебном взаимодействии руководителя и его заместителя. Поэтому выводы Комиссии по чистке аппарата Наркомпроса носили решительный характер. В условиях «ожесточенной классовой борьбы, в том числе и на идеологическом фронте», предлагалось еще более остро ставить вопрос об укреплении Главлита в правовом и организационном отношении, говорилось, что «новые повороты революции и условия социалистического строительства *требуют новой организации Главлита* (курсив мой. — Т. Г.), но никак не распыления его функций, что дало бы возможность идеологически чуждым элементам подрывать наше строительство»¹⁵⁷.

По докладу НК РКК комиссия подготовила проект постановления СНК РСФСР, в котором констатировался низкий политико-идеологический уровень контроля в РСФСР. Причины сложившейся ситуации были следующие: а) недостаточная организованность аппарата как в центре, так и на местах; б) слабое руководство аппаратом, особенно на местах; в) слабость самой работы по осуществлению политико-идеологического контроля; г) низкая квалификация политредакторов; д) раздробленность работы по составлению промфинплана издательской промышленности и редакционно-издательских планов между Главлитом, Комитетом по делам печати, Бумсиндикатом и другие. Результатом всего этого был разрыв между идеологическим регулированием и планированием издательского дела. Для исправления существующего положения предлагалось ликвидировать Главлит в структуре Наркомпроса и создать единый орган по управлению печатью, объединяющий функции Главлита при НКП РСФСР и Комитета по делам печати с добавлением функций контроля над плановой, хозяйственной и редакционной деятельностью издательств¹⁵⁸. Таким образом, возник бы планово-контрольно-хозяйственный гигант. С одной стороны, в его руках сосредоточилась бы неограниченная власть, но ослабилась бы, в силу собственной кровной заинтересованности, цензурная функция — с другой. Этот проект не получил поддержки, хотя в своей констатирующей части он лег в основу реорганизации Главлита. Особенно это касалось увеличения количества объектов цензуры в результате лишения Госиздата и партийных издательств права внутреннего рецензирования рукописей.

Одним из принципиальных результатов работы Комиссии НК РКИ РСФСР явилось признание необходимости выделения Главлита из структуры и подчинения НКП РСФСР¹⁵⁹. На заседаниях Секретариата¹⁶⁰, Оргбюро¹⁶¹ и Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁶² были рассмотрены и утверждены основные принципы реорганизации Главлита¹⁶³. Реорганизация объяснялась потребностями перестройки издательского дела в центре, ростом низовой печати и радиовещания, необходимостью улучшения контроля над литературой, радиовещанием, лекциями, выставками. Для повышения качества контроля предлагалось освободить центральный аппарат Главлита от всяких оперативных работ по предварительному просмотру печатного материала как с точки зрения политико-идеологической, так и с военно-экономической. Предлагалось также сохранить за аппаратом Главлита функции общего объединения всех видов цензуры; общего руководства и инспектирования подчиненных органов и уполномоченных; последующего контроля за выходящей литературой как с политико-идеологической, так и с военно-экономической точек зрения; разрешения и запрещения издания и издательств; издания правил и распоряжений для обеспечения требований партии и правительства в области цензуры; рассмотрения апелляций на решения органов и уполномоченных Главлита; выработки совместно с другими ведомствами перечней сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной; составления обзоров литературы и происходящих в ней явлений; привлечения к ответственности виновных в нарушении требований Главлита и его органов в области цензуры.

Одним из ключевых звеньев реорганизуемого Главлита в области предварительного контроля становился институт уполномоченных, который должен был проводить весь предварительный просмотр печатного материала в издательствах. При этом издательства обязаны были обеспечить содержание необходимого штата уполномоченных Главлита или осуществлять это по совместительству. Кроме этого, подчеркивалось значение организации политконтроля над радиовещанием¹⁶⁴.

5 октября 1930 г. было принято постановление СНК СССР «О реорганизации Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита)», в котором основные функции этой структуры определялись следующим образом: контроль над деятельностью по опубликованию или распространению произведений как печатных, так и рукописных, снимков, рисунков, картин и т. п., над радиовещанием, лекционной деятельностью осуществляется в виде предварительного и последующего контроля, который проводится уполномоченными Главлита при государственных и общественных организациях, при телеграфных агентствах, на почтамтах и таможнях. Назначение, смещение и число уполномоченных при каждом учреждении устанавливалось Главлитом, но содержание уполномоченных осуществлялось за счет предприятий, учреждений и организаций, при которых они состояли¹⁶⁵.

Эти изменения нашли отражение также и в Положении о Главлите, утвержденном постановлением СНК РСФСР от 6 июня 1931 г.¹⁶⁶, которым был установлен обязательный порядок предварительного контроля всей продукции издательств, входящих в систему ОГИЗа, осуществляющегося заведующими этих издательств — уполномоченными Главлита.

Не находит объяснения тот факт, что к постановлению СНК РСФСР № 643 от 6 июня 1931 г. об утверждении Положения о Главлите 14 июня была принята поправка об исключении из вводной части этого положения ст. 2, в которой говорилось об утрате силы Положения о Главлите от 1922 г.¹⁶⁷ Осталась неизменной и прежняя ведомственная принадлежность Главлита Наркомпросу РСФСР. Зато обновлению подверглось руководство Главлита: после почти десятилетнего правления П. И. Лебедева-Полянского на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁶⁸ 8 и 10 июня 1931 г. заведующим Главлитом и членом коллегии НКП РСФСР был утвержден Б. М. Волин¹⁶⁹. Эти изменения явились рубежом *очередного этапа* построения государственного механизма цензуры.

В соответствии с изменившейся ситуацией в стране и соответствующими обновленными требованиями к цензуре расширился перечень запрещенных по политическим мотивам сведений. Теперь в открытой печати и по радио не разрешалось сообщать о стихийных бедствиях и эпидемиях, случаях самоубийства, в том числе на почве голода и нищеты, террористических актах¹⁷⁰. В 1930 г. инструкция для районных цензоров содержала запретительные статьи, относящиеся к какой-либо информации об антисоветских выступлениях и восстаниях, забастовках, фактах протеста «кулацких и под кулацких элементов»¹⁷¹.

Особая роль в системе двойного контроля отводилась политредакторам, которые осуществляли предварительный контроль в соответствии с инструктажом Главлита:

«а) На каждую рукопись, вызывающую те или иные сомнения, требующую значительных изменений или поправок, или запрещаемую к печати, политредактор составляет мотивированты, а также указываются места, подлежащие изъятию или переработке, или мотивы запрещения. Политредактор несет всю полноту ответственности за точность анализа рукописи и, в случае последующего обнаружения в напечатанной рукописи политически или идеологически вредных моментов, в отзыве не отмеченных, привлекается к ответственности перед советским судом и партийным контрольным органом.

б) Составленный политредактором отзыв предоставляется вместе с рукописью на утверждение уполномоченного Главлита или его заместителя, работающего в области политконтроля. Если выводы о рукописи у уполномоченного Главлита (или его заместителя) совпадают с выводами политредактора, разрешительную карточку на рукопись подписывает политредактор. Если рукопись или отзыв внушают сомнение, уполномоченные или его заместители сами знакомятся с содержанием рукописи.

В тех случаях, когда выводы о произведении расходятся, и политредактор не согласен с разрешением уполномоченного или его заместителя, последние, наложив на отзыв надлежащую резолюцию, сами подписывают разрешительную карточку»¹⁷².

О том, к каким последствиям приводило функционирование созданной системы взаимоконтроля печатной и непечатной продукции свидетельствует следующий пример. 27 мая 1933 г. Главлит обращал внимание начальника Леноблита Орлова на эпизод с № 2–3 журнала «Литературный современник», который был задержан Леноблитом из-за стихотворения «Лирика» П. Антокольского. Признавая, что «Лирика» могла и должна была быть снята в порядке предварительного контроля, как вещь, не отвечающая политическим задачам журнала, Главлит тем не менее еще большей ошибкой цензора Тарасенкова называл распоряжение вырезать стихотворение из уже напечатанного журнала, что повлекло задержку номера и перепечатку страницы. Отмечалось, что, «борясь со всей решительностью с политической близорукостью и гнилым либерализмом в работе отдельных политредакторов, необходимо также предостерегать их от применения политики «перестраховки», так как грубые цензурные перегибы могут дискредитировать советскую цензуру в глазах советских писателей, подрывают доверие к ней, затрудняют работу партии по перевоспитанию писателей, стоящих на платформе советской власти»¹⁷³. Оставляя за пределами нашего анализа стиль и содержание этого образца административного «творчества» чиновников, из которого так и не ясно, правильно или нет поступил цензор Тарасенков, отметим, что подобные «разборки» профессиональных качеств цензоров и политредакторов проводились ЦК и Главлитом регулярно в качестве показательных кампаний, а результаты их широко рассылались по системе Главлита и Госиздата.

Как мы уже отмечали, деятельность Главлита была тесно связана с работой органов государственной безопасности. Между Главлитом и ОГПУ шел постоянный обмен информацией, результатом чего были персональная слежка и доносительство. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. на базе ОГПУ был образован НКВД СССР, в состав которого почти полностью вошли управления и отделы ОГПУ. Так, СПО¹⁷⁴ вошел полностью¹⁷⁵ сначала в НКВД, а затем в созданное в его структуре Главное управление государственной безопасности, наряду с Оперативным¹⁷⁶ и Специальным отделами¹⁷⁷. Работой этих подразделений руководил фактически сам нарком Г. Г. Ягода.

Именно в этот период началось наиболее активное взаимодействие репрессивных органов с цензурными на политических процессах, часто в качестве вещественных доказательств фигурировали печатные и рукописные тексты, которые по различным критериям попадали под запретительные статьи Перечня Главлита. Так, 20 марта

1933 г. начальник Ленинградского облгорлита Орлов и заведующий Иностранным отделом Л. Грюнберг сообщали полномочному представителю ОГПУ в Ленинграде Медведю о том, что «10 марта на имя Кибальчича (литературный псевдоним: Виктор Серж) был прислан из-за границы (Бельгия) пакет, содержащий несколько номеров выходящего в Бельгии журнала [...]»¹⁷⁸, в котором помещено письмо Виктора Сержа о поэзии и поэтах в СССР», написанное в «тонах, явно нам враждебных и искажающих действительное положение вещей на поэтическом фронте в СССР». К служебной записке прилагался перевод письма Кибальчича вместе с номером французского журнала, изъятого из пакета с помощью перлюстрации (остальные экземпляры были направлены адресату), а также рецензия на книгу¹⁷⁹ Кибальчича, вышедшую во Франции¹⁸⁰.

Материалы, подготовленные совместно Главлитом и ОГПУ, являлись основой для партийных решений, которые становились основополагающими идеологическими ориентирами в тот или иной момент. Так, подробная записка Главлита в Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1931 г., посвященная подведению итогов литературной периодики в 1931 г., больше походила на военную сводку и содержала беспощадную критику целого ряда произведений, опубликованных на страницах московских и ленинградских журналов, «работающих самотеком (резкое невыполнение данных партийно-пролетарской общественности обещаний), далеко не выполняющих своих большевистских обязанностей на литературном участке идеологического фронта». Вот что гласил этот «литературный обзор»:

«Красная Новь». В №3 была напечатана кулацкая повесть Платонова "Впрок". Номер журнала изъят. В №10–11 напечатан роман Мугуев-Хаджи-Мурата "Три жизни", где полностью идеализировано белое юнкерство и особенно любовно описан Деникин, и сверхпошлая, политически вредная повесть Б. Левина "Одна радость", где, между прочим, одна из вставных глав объективно идеализирует контрразведку. Номер конфискован... В "Красной Нови" были напечатаны также отрывки из запрещенной Главлитом повести Яновского "Четыре сабли"; философски-идеалистическая вещь Пастернака "Охранная грамота" (проза о смерти Маяковского); крайне идеалистическая, индивидуалистическая "Повесть о страданиях ума" Буданцева; очерк Тарловского "На полюсе Востока", где есть реакционные места по отношению к национальным меньшинствам.

«Октябрь». В №4–5 напечатаны очерки Киша и Чарного. Первый очерк — художественно обобщенный поклеп на нашу партию. Второй очерк — крайне двусмысленная оценка Н. Н. Суханова на суде, с.-д. центра. Номер журнала конфискован. Кроме того, в "Октябре" была напечатана явно упадническая и троцкистская повесть Б. Левина "Жили два товарища".

“Новый Мир”. В ряде номеров дан роман А. Яковлева “Повороты”, где царь, царица, дети крайне очеловечены — “до жалости”. Крепкий большевик верхисетский рабочий там даже плачет, узнав, что вместе с царем будет расстрелян и царенок. Печатаение этого романа прекращено Главлитом...

“Ленинград”. В №67 напечатана повесть Правдухина “Гугенот из Териберки” — откровенно кулацкая антисоветская повесть, глорифицирующая кулака — потомка гугенотов в Архангельске, до конца борющегося против советской власти. Повесть эта до того к изданию отдельной книгой не была пропущена Главлитом. Номер журнала конфискован.

“Молодая Гвардия”. Помещена клеветническая повесть Шведова “Два окна”. (Издательство “Молодая гвардия” пыталось выпустить эту повесть отдельной книгой. Главлит ее задержал.) На протяжении всего года печатался роман Бутковского “Девятьсот тридцатый”, полный “левацкой” практики, извращения линии партии по коллективизации, художественного смакования злоупотреблений при раскулачивании. Как и в ряде молодежных романов (писанных, между прочим, коммунистами: Митрофанов “Июнь—июль”, Левин “Жили два товарища”), главный герой романа Ветров кончает самоубийством, не найдя никакого выхода из положения.

“Звезда”. Ведущими авторами в журналах являются правые попутчики. Отдельные произведения свидетельствуют о дальнейшем сдвиге вправо некоторых из них (Гынянов, Каверин, Воронский). Несомненная ошибка помещению повести Гынянова “Восковая персона” (восковая скульптура Петра I, пугающая всех, как символ продолжения петровской диктатуры). То же следует сказать о романе Каверина “Художник неизвестен”, откровенной апологетике идеалистических принципов художественного творчества, противостоящих, по автору, советской действительности. Политически вредной вещью того же автора является повесть “Пролог”, явно извращающая подлинный характер строительства и работы зерносовхозов. Повесть Воронского “Глаз урагана”, где февральско-октябрьские события 1917 г. и Кронштадта, поданные лирически-размагниченно и пессимистично, сочетаются с банальной историей некой “демонической” женщины. Здесь же в этой пошлой повести выведен и образ Фрунзе...

“30 Дней”. В ряде номеров печатался “Золотой Теленок” Ильфа и Петрова — пасквиль на Советский Союз, где банда жуликов совершенно безнаказанно обдeldывает свои дела. Дальнейшее печатание этого пасквиля, искажающего советскую действительность, было прекращено Главлитом. Редакция ответила на это помещением на всю страницу портретов авторов и возмутительной статьей Луначарского, где, между прочим, восхваляется сатирическое творчество Замятина. В одном из последних номеров напечатана часть повести Правдухина, где говорится о посылке ленинградским рабочим на ноябрьские праздники акулыего мяса...»¹⁸¹.

Проведенная Главлитом работа не пропала даром. Все указанные в сводке провинившиеся были уволены или получили серьезные взыскания. На заседании Оргбюро ЦК, подготовленном Культпропом (А. Гусев и А. Стецкий), 5 января 1932 г. было принято постановление «О журналах», в котором были даны не только общие оценки и директивы на будущее, но и определены конкретные мероприятия: были сняты с работы главные редакторы следующих журналов: «Красной Нови» (А. Фадеев), «Нового Мира» (В. Полонский), «Звезды» (Белицкий). Журнал «Ленинград» решено было укрепить партийными кадрами; журнал «Пролетарский авангард» прекращал свой выход. Остальным журналам было указано обновить состав редакционных коллегий и организовать покаянные выступления с критикой опубликованных в 1931 г. произведений¹⁸².

Приход к власти в Германии Гитлера заставил руководство СССР предпринять определенные меры по укреплению обороны и безопасности государства. Новая политическая и международная обстановка породила новые обстоятельства, приоткрылись неожиданные факты, подтверждающие подготовку СССР к потенциальной войне¹⁸³. В связи с этим 15 сентября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривает проект постановления «Об усилении охраны военных тайн»¹⁸⁴, что, по сути, положило начало *новому этапу* в деятельности цензурных органов. В проекте постановления Политбюро говорилось о назначении Б. М. Волина уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати, о выделении группы Главлита по военной цензуре в самостоятельный отдел при уполномоченном СНК СССР, о создании таких же отделов в союзных республиках при начальниках республиканских главлитов и о пересмотре персонального состава цензурных работников, имеющих отношение к охране военных тайн (проект был внесен Стецким)¹⁸⁵. Уже через месяц, 14 октября, это постановление было принято на Оргбюро ЦК, но несколько в иной интерпретации. Пожалуй, только последний, пункт 5-й постановления остался полностью без изменений: «Весь личный состав отделов по охране государственных и военных тайн считать состоящим на действительной военной службе». Во всех остальных пунктах термин «военная» по отношению к цензуре был заменен на «государственная»¹⁸⁶. Однако это в целом не изменило цель и пафос документа. Общий настрой в учреждениях цензуры стал почти военно-фронтowym. Тем более, что инициаторами воссоздания военной цензуры по образу и подобию таковой времен Гражданской войны стали военачальники. Об этом свидетельствует записка заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б) Стецкого, в которой он, в свою очередь, ссылается на инициативную записку заместителя Наркомвоенмора Тухачевского, поставившего эту проблему перед ЦК¹⁸⁷.

В результате организации военной цензуры Главлит в этой части своей деятельности стал подотчетен СНК СССР. Постановлением

Совнаркома СССР в ноябре 1933 г. было утверждено «Положение об уполномоченном СНК СССР по охране военных тайн в печати и об отделах военной цензуры». Руководство делом охраны военных тайн в печати на территории всей страны осуществлялось уполномоченным СНК СССР, который одновременно являлся начальником Главлита. При уполномоченном был создан самостоятельный Отдел военной цензуры (ОВЦ), работающий под его непосредственным руководством. В союзных республиках военную цензуру осуществляли отделы при начальниках главлитов республик. Все мероприятия и реорганизации в структуре Главлита были прежде всего направлены на то, чтобы вся предварительная цензура проводилась только сотрудниками этого ведомства.

Такое изменение стало очередной попыткой руководства Главлита вырваться из структуры Наркомпроса, подняться на более высокий уровень. Оно объяснялось также и тем, что после реорганизации НКП в 1933 г. вопросы искусства, театра, руководства художественной жизнью страны были окончательно изъяты из его ведения. Из Сектора искусства и литературы было выделено Управление театрально-зрелищными предприятиями, которое осуществляло руководство театральным искусством, в том числе театральными учебными заведениями. Была создана Главная инспекция по музыке и изобразительному искусству, в систему которой входили Государственная филармония, консерватории, Российская академия художеств. Расширились функции Главреперткома, что отразилось в слегка изменившемся названии этого органа — Главное управление по контролю за репертуаром и зрелищами¹⁸⁸. Постановлением СНК СССР вместо Союзкино было создано Главное управление кинофотопромышленности при СНК СССР¹⁸⁹. Руководство Наркомпроса художественными учреждениями осуществлялось теперь только административно, через цензурные и полужензурные органы — ОГИЗ, Главлит, Главрепертком, Управление театральными и зрелищными предприятиями. Главной сферой деятельности Наркомпроса стало образование и просвещение.

Этот процесс завершился постановлением ВЦИК и СНК СССР от 17 января 1936 г., согласно которому был образован *Всесоюзный Комитет по делам искусств (ВКИ) при СНК СССР*¹⁹⁰. Ему НКП РСФСР должен был передать управление художественными предприятиями и функции управления искусством автономных республик. Более того, в осуществлении деятельности по управлению предприятиями и органами, расположенными на территории РСФСР, НКП РСФСР подчинялся ВКИ при СНК СССР. В ведение Комитета был также передан Главрепертком. В постановлении говорилось, что Комитет образуется «в связи с ростом культурного уровня трудящихся и необходимостью лучшего удовлетворения запросов населения в области искусства и в целях объединения всего руководства развитием искусства в СССР». На ВКИ возлагалось руководство всеми видами

искусства, с подчинением ему театров и других зрелищных предприятий, кино- и фотоорганизациями, музыкальными, художественно-живописными, архитектурными, скульптурными и другими учреждениями и организациями культуры, учебными заведениями, а также промышленными предприятиями отрасли. ВКИ должен был осуществлять государственный контроль за репертуаром всех театров, кино, цирков, концертных и эстрадных программ, звукозаписью, а также контроль за зрелищными и культурными мероприятиями, организуемыми различными учреждениями. Помимо осуществления прямой цензуры Комитет мог проводить цензурную политику посредством следующих предоставленных ему функций: присваивать почетные звания, организовывать выставки, олимпиады, смотры, конкурсы, осуществлять руководство издательской деятельностью и проводить закупки художественных произведений, устанавливать цены на билеты и организовывать зарубежные показы советского искусства и гастроли отечественных артистов и художественных коллективов. Совершенно очевидно, что важнейшие творческие и финансовые вопросы решались только в комплексе с идеологическими характеристиками деятелей культуры и искусства. Первым председателем Комитета был назначен П. М. Керженцев, опытный пропагандист, сотрудник ленинских газет «Звезда» и «Правда», основатель РОСТА. Этот новый качественный виток завершает *очередной этап* структурного развития, продолжавшийся с 1933 г. до образования 17 января 1936 г. ВКИ при СНК СССР мощного цензурно-контрольного управляющего ведомства.

Политика, которую стал проводить Комитет по обустройству театрального дела, показывает его безоговорочное следование генеральной линии партии и правительства в области культуры. Так, например, было проведено закрепление театров в качестве стационарных учреждений, «паспортизация» и составление списков театров по категориям, перевод всех театров на госдотацию. Была отработана типовая квота для областного центра три театра: драматический, музыкальный и Театр юного зрителя (ТЮЗ); в национальных республиках и округах добавлялись национальные драматические и музыкальные театры. Понятно, что в условиях подобной бюрократизации была ликвидирована частная антреприза. Все актеры, начиная с выпускников театральных вузов, прикреплялись к определенным театрам и не имели права перейти в другой без разрешения соответствующих органов управления. Репертуар каждого театра утверждался на год вперед, все пьесы должны были иметь гриф Главреперткома о категории и разрешении к постановке. Пьесы, в которых в качестве действующего лица фигурировал В. И. Ленин, были на особом учете, разрешение на их постановку давалось не всем театрам, а только по утвержденному списку. «Удостоенный» театр посылал в руководящий орган характеристики на актеров, которые должны были играть роль Ленина, а также их фотографии в гриме Ленина на

утверждение¹⁹¹. Именно по приказам КПДИ СССР¹⁹² были ликвидированы ГОСТИМ¹⁹³ и Камерный театр.

Успешно проводилась политика «кнута и пряника». На фоне репрессий по отношению к одним театрам, щедро поощрялись привилегированные театры и театральные «генералы», получающие фантастические оклады в 2000–3000 рублей (по сравнению с 600–700 руб. в управленческом аппарате). Таким образом, можно сказать, что новая управленческая структура стала осуществлять функции политической цензуры в сочетании с специфическими методами воздействия на культурную среду.

В 1930-е гг. концентрация усилий в области политикоидеологического контроля над всеми произведениями печати, радио и литературой, ввозимой из-за границы и вывозимой из СССР в другие страны, достигла своего апогея. Советское государство практически не скрывало того, что оно готовится к неизбежной военной схватке с фашистской Германией, воздвигало «железную стену» между двумя идеологиями и режимами. В связи с этим был принят ряд мер: введено дополнение к Перечню на военное время, расширяющее объем вопросов, составляющих государственную тайну; иностранным подписчикам было запрещено выписывать многотиражки, районные, городские, областные и краевые газеты. По данным за 1938 г., контролю органов цензуры по всему СССР подверглись: 8550 газет, 1762 журнала, 39 992 книги общим тиражом 69 2700 тыс. экземпляров, 74 вещательных радиостанции, 1200 радиоузлов, 1176 типографий, 70 000 библиотек. Достаточно сказать, что только за 9 месяцев 1939 г. органами Главлита в результате предварительной цензуры было выявлено 12 588 сведений, не подлежащих оглашению, и 23 152 различных политико-идеологических искажений. Кроме того, цензуре была подвергнута литература, прибывшая из-за границы: 24 0000 бандеролей, 1500 книг и 1050 тонн всевозможных печатных произведений¹⁹⁴.

Это был поистине титанический труд, если учитывать также глобальную очистку всего ранее изданного от «политически вредной литературы», содержащей какую-либо информацию о лицах, подвергшихся репрессиям в годы сталинского террора. В связи с массовыми изъятиями, «вымарываниями» портретов и надписей из библиотечных фондов, «исправлениями» кинопродукции, диафильмов и тому подобными операциями, ЦК ВКП(б) 9 декабря 1937 г. принял специальное решение, которым предписывалось подключить к этой работе весь имеющийся штат работников соответствующих учреждений¹⁹⁵. В свою очередь, с начала 1940 г. Главрепертком был подключен к контролю за массовым изготовлением скульптурных моделей и изображением Ленина и Сталина: представитель ГУРК был введен в Центральную комиссию¹⁹⁶.

Все эти мероприятия проводились на фоне кадровой и структурной перестройки НКВД. 26 сентября 1936 г. генеральный комиссар госбезопасности Г. Г. Ягода был освобожден от занимаемой должности,

а 13 марта 1938 г. — приговорен к расстрелу. 26 сентября 1936 г. наркомом внутренних дел был назначен Н. И. Ежов, главной задачей которого, как он сам говорил, стала очистка кадров НКВД от предателей и контрреволюционеров. В этот период были репрессированы практически все бывшие начальники отделов ГУГБ — А. Х. Артузов (Ино), Г. И. Бокий (Спецотдел), М. И. Гай (ОО), Л. Г. Миронов (ЭКО и КРО), Г. А. Молчанов (СПО), который был обвинен «в позорном провале органов безопасности в борьбе с зиновьевцами и троцкистами».

25 декабря 1936 г. отделам ГУГБ НКВД СССР в целях конспирации были присвоены номера. В результате всех изменений структура получила следующий вид: 1-й отдел (Отдел охраны), начальник — К. В. Паукер; 2-й отдел (Оперативный отдел — Оперот), начальник — Н. Г. Николаев-Журид; 3-й отдел (Контрразведывательный отдел — КРО), начальник — Л. Г. Миронов; 4-й отдел (Секретно-политический отдел — СПО), начальник — В. М. Курский; 5-й отдел (Особый отдел — ОО), начальник — И. М. Леплевский; 6-й отдел (Отдел транспорта и связи), начальник — А. М. Шанин; 7-й отдел (Иностраннный отдел — ИНО), начальник — А. А. Слуцкий; 8-й отдел (Учетно-регистрационный отдел — УРО), начальник — Е. Цесарский; 9-й отдел (Специальный секретно-шифровальный отдел — Спецотдел), начальник — Г. И. Бокий; 10-й отдел (Тюремный отдел), начальник — Я. М. Вейншток.

Массовые репрессии 1937–1938 г. затронули весь государственный аппарат. В Наркомпросе, Комитете по делам искусств при СНК СССР, Главлите и Главреперткоме шли постоянные кадровые чистки. 3 апреля 1937 г. был освобожден от работы много лет занимавший должность начальника Главреперткома О. С. Литовский¹⁹⁷, вошедший в историю как прообраз ненавистного критика Мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»¹⁹⁸. Назначенный на эту должность В. Н. Василевский¹⁹⁹ был уволен уже 1 июня 1938 г., а на его место назначен И. А. Бурмистренко²⁰⁰. В КПДИ СССР руководящие сотрудники высшего и среднего звена удерживались в должности не более полугода, после чего следовали громкие увольнения с последующими арестами. Поразительно, но документы свидетельствуют, что образовательный и профессиональный уровень сменявшихся в течение этих страшных лет чиновников не снижался, а оставался до начала войны высоким.

Главлит не стал исключением в отношении массовой борьбы с «врагами народа», которые проникли в «святая святых». Вот каким увидел Главлит его новый руководитель Н. Г. Садчиков через четыре месяца после вступления в должность²⁰¹ уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати в связи с массовыми репрессиями в 1938 г. в аппарате Главлита:

«Органы Главлита были засорены троцкистско-бухаринскими, буржуазно-националистическими шпионами и вредителями. Достаточно сказать, что в 1937 и 1938 гг. из общего количества 144 работников цент-

рального аппарата изъято органами НКВД 44 человека, причем все они были расставлены на самые ответственные и ведущие участки Главлита: военный, иностранный отделы, отдел кадров и спецчасть. По политическим и деловым соображениям должны быть отстранены от работы 14 цензоров центральных газет.

Такое же приблизительно положение и на местах. Во главе некоторых органов Главлита сидели враги народа, разваливавшие органы цензуры. Наркомвнутделом были разоблачены как враги народа бывшие начальники Главлитов Союзных республик: Украинской, Грузинской, Азербайджанской, а также Главлитов автономных республик: Татарской, Башкирской, Марийской и других. Разоблачен был как враг народа нач-к Леноблгорлита. По политическим мотивам местными парторганизациями сняты с работы 14 начальников крайобллитов.

Фашистские шпионы использовали органы Главлита для разглашения государственных и военных тайн. За 1936 и 1937 годы в общей печати по Союзу ССР было пропущено совершенно секретных сведений 2428, в том числе раскрыто: 195 гарнизонов, из них 29 авиационных, 21 автоброневых и 15 военных строителей. Вместе с этим раскрыта большая часть гидротехнических сооружений, электростанций и рассекречены схемы связи в пограничных районах; разглашена мощность по синтетическому каучуку, азоту и метиловому спирту; раскрыты все строящиеся в СССР радиостанции; опубликованы сведения относительно всех железнодорожных станций, производящих операции с взрывчатыми грузами. В одном только 1937 г. обнаружено разглашение в печати: 713 случаев военных частей, 272 случая оборонных предприятий и 330 случаев других объектов оборонного значения. В самом Главлите украдено 3 экземпляра совершенно секретных списков заводов оборонной промышленности с их дислокацией и характеристикой производства; исчезли также 5 экземпляров "Перечня сведений, составляющих военную тайну". Один из них даже попал в литовское посольство.

Не лучше дело обстоит и на местах. Так, например, утерян "Перечень сведений, составляющих государственную тайну" в Архангельске, в Краснодаре, в Киргизии (3 экземпляра), в Таджикистане (4 экземпляра). Если теперь ко всем этим фактам учесть затраченные государством средства на переброску раскрытых воинских частей в другие места расположения, изменение системы связи в пограничных районах и т. д., становится ясным, какой большой политический и материальный ущерб нанесен нашей родине.

Враги народа всячески подрывали и разваливали работу органов цензуры. Об этом свидетельствует нижеприведенная таблица задержки и изъятия книг и версток только лишь в центральных издательствах города Москвы, пропущенных в печать цензорами Главлита».

Результаты карательной цензуры. 1936–1938 гг.

Сколько названий задержано и изъято готовой продукции,
разрешенных цензурой к печати

1936	1937	1938 (январь–май)
744 книг и журналов	1037 книг и журналов	171 книг и журналов

Главлиту требовалась поддержка и помощь высоких инстанций в проведении совершенно неотложных мероприятий, которые повысили бы статус цензуры. Н. Г. Садчиков ходатайствовал об ускорении принятия СНК СССР решения о переподчинении Главлита Совнаркому СССР²⁰² и его реорганизации в Главное управление по делам цензуры. Наряду с этим, Садчиков просил улучшить материальные условия новым работникам Главлита, пришедшим на места «вычищенных из органов цензуры». Для них должны были быть выделены квартиры и зимние дачи за городом²⁰³.

Как видно, ни перемены в кадровом составе руководства, ни смена обстановка не влияли на общие тенденции в стремлении Главлита обрести могущество власти и привлекательные материальные привилегии.

В рассматриваемый период осуществлялись решительные действия по реорганизации и усилению репрессивных органов. Эта кадровая и структурная «чехарда» способствовала приходу к власти Л. П. Берия. 9 июня 1938 г. была объявлена очередная новая структура оперативно-чекистских управлений НКВД СССР²⁰⁴: Управление государственной безопасности (1-е управление), начальник — М. П. Фриновский; Управление особых отделов (УОО, или 2-е управление), начальник — Н. Н. Федоров; Управление транспорта и связи (3-е управление), начальник — Б. Д. Берман. В свою очередь, в структуру 1-го управления входили оперативные отделы охраны правительства, ОО, КРО, СПО, ИНО и др. Принципиальное значение имело решение Президиума Верховного Совета СССР, объявленное приказом НКВД СССР № 370 от 11 июня 1938 г., о передаче Центрального архивного управления из ведения ЦИК СССР в ведение НКВД. Несколько месяцев (с 17 апреля по 29 сентября 1938 г.) продлилось пребывание акционерного общества «Интурист» в составе НКВД СССР.

22 августа 1938 г. первым заместителем наркома внутренних дел СССР был назначен первый секретарь ЦК ВКП(б) Грузии Л. П. Берия, который уже через месяц стал начальником ГУГБ. Одновременно 29 сентября 1938 г. структура НКВД была вновь реорганизована. 24 ноября 1938 г. Политбюро удовлетворило просьбу Н. И. Ежова об освобождении его от должности наркома из-за целого ряда ошибок и промахов, а 25 ноября Указом Президиума Верховного Совета СССР он

был освобожден от этой работы, на которую был назначен Л. П. Берия. Берия после проведения чистки ежовских кадров как в центре, так и на местах, приступил к собственному строительству органов НКВД. Стал стремительно разрастаться центральный аппарат, появились новые управления, отделы и подведомственные отрасли. Так, 22 декабря 1938 г. была организована Следственная часть (Следчасть), начальником которой стал по совместительству один из начальников отдела ГУГБ Б. З. Кобулов. Уже через полгода Следчасть разделилась на два подразделения, входящих в ГУГБ и ГЭУ, которые непосредственно вели дела выявленных оперативными отделами «врагов народа».

При Л. П. Берии окончательно оформились функции ГУГБ. Так, по штатному расписанию на конец 1939 г., в котором были определены структура и функции подразделений, 2-й отдел ГУГБ (Секретно-политический) имел разветвленную внутреннюю структуру, которая соответствовала основным направлениям агентурной деятельности (борьба с антисоветскими формированиями среди академической, научно-технической, гуманитарной, медицинской интеллигенции, работников искусств и литературы, советского управленческого аппарата, агентурно-оперативная работа среди молодежи). Среди одиннадцати его отделений как минимум четыре имели отношение к политической цензуре, поскольку занимались агентурной разведкой и разработкой всей интеллектуальной элиты советского общества: 5-е отделение занималось литераторами и другими деятелями искусства, а также органами печати и издательствами, 6-е отделение — Академией наук, НИИ и научными обществами; 7-е отделение — учащейся молодежью, всей системой Наркомпроса и детьми репрессированных; 10-е отделение — борьбой с церковью²⁰⁵.

Всего на 1 января 1940 г. в центральном аппарате по штатам числилось 32642 человека. Только в секретариате служило 200 человек, 233 сотрудника числились в СПО и 394 сотрудника — в ОО ГУГБ.

Процесс роста репрессивного аппарата продолжался. Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 февраля 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата: НКВД СССР (нарком — Л. П. Берия) и НКГБ СССР (нарком — В. Н. Меркулов). Такое положение продлилось недолго, и в связи с началом войны 20 июля 1941 г., они были вновь объединены в единый наркомат (нарком — Л. П. Берия, первый заместитель — В. Н. Меркулов). По новому штатному расписанию 3-е управление (Секретно-политическое) возглавил Н. Д. Горлинский, а Управление ОО В. С. Абакумов. В связи с объединением двух наркоматов (10 тыс. человек в НКВД и 11 тыс. в НКГБ) и началом войны численность сотрудников составляла около 9 тыс. человек; 33 тыс. человек сотрудников и членов их семей были эвакуированы.

Этот период ознаменовался усилением цензуры, которое проявилось не только в ужесточении санкций за нарушение существующих правил,

но и в принятии различного рода новых инструкций и распоряжений, регламентирующих многоступенчатый контроль на стадиях предварительной и последующей цензуры. Последняя осуществлялась введенным повсеместно институтом политредакторов (инструкция 1938 г.), которые проверяли работу цензоров и должны были выборочно отсматривать всю продукцию учреждения с точки зрения соответствия Перечню и идеологическим нормам²⁰⁶. Понятно, что власть политредакторов была, по существу, безграничной, и то, что могло миновать око предварительного цензора, попадало в поле зрения бдительного политредактора, который всеми правдами и неправдами должен был оправдывать свое существование.

Как попытку упорядочить и разграничить сферы деятельности многочисленных цензурных органов и органов управления культурой можно расценить передачу киноцензуры Комитету по делам кинематографии²⁰⁷. Одновременно эту же работу, т. е. «просмотр и утверждение планов и сценариев кинокартин и готовых кинокартин», осуществлял Отдел культуры и пропаганды ЦК, ранее эту работу проводила помимо Главреперткома, специальная Комиссия по кино и радиовещанию²⁰⁸. Однако и эта «перестройка» не ликвидировала параллелизм в деятельности Главреперткома и органов управления культурой и Главлитом, что вызывало неудовольствие всех сторон.

Редким для того времени явлением была открытая критика идеологических органов в прессе. В феврале 1938 г. в «Правде» была опубликована статья В. Евгеньева²⁰⁹ «Перестраховщики из Главреперткома». В письме председателя Главреперткома В. Н. Васильевского в адрес СНК СССР и КПДИ СССР, написанном после публикации этой статьи давались пространные объяснения о положении с контролем репертуара. Интересно, что на тексте письма имеется помета председателя КПДИ СССР А. И. Назарова: «Выходит, что в Главреперткоме все в порядке?!», что свидетельствует о неудовлетворенности начальства оборонительной позицией цензоров²¹⁰. 20 января 1939 г. в «Правде» была опубликована статья С. А. Трегуба²¹¹ «Павел Греков», в которой также резко критиковалась работа Главреперткома. Обсуждению этой статьи было посвящено общее собрание сотрудников управления 26 января 1939 г., на котором были высказаны предложения по реорганизации всей системы контроля за произведениями искусства²¹². Тем не менее все осталось без изменений, поскольку, как мы можем судить из штатного расписания на 1939 г., в состав Главреперткома входили следующие отделы театров и драматургии; эстрады, музыки и цирка; изобразительного искусства; художественного радиовещания, а также организационно-инструкторский отдел²¹³. Их деятельность по-прежнему сталкивалась с деятельностью управленческого аппарата или перекрывалась ею. Например, по Положению о Комитете по делам искусств при СНК СССР от 25 сентября 1939 г. Главное управление театрами занималось

рассмотрением репертуара театров союзного подчинения и представлением его на утверждение Комитета, Главное управление музыкальными учреждениями занималось организацией и формированием музыкального и эстрадного репертуара, а Главное управление изобразительных искусств утверждало проекты памятников и т. д. И все это параллельно с ГРК²¹⁴.

В определенном смысле кампанией по усилению политического контроля можно назвать ряд мероприятий конца 1930-х гг. по упорядочению кадровых назначений уполномоченных Главреперткома. Так, приказом КПД И СССР № 646 от 8 декабря 1938 г. было запрещено всяческое перемещение на другие должности работников системы государственной цензуры и совмещение цензурных функций с другими обязанностями²¹⁵. Вслед за этим приказом были изданы повторные гневные предупреждения республиканским и областным органам цензуры, основанные на конкретных примерах²¹⁶. Так, 29 ноября 1939 г. КПДИ был издан приказ № 534, в котором ставилось «на вид начальнику Управления по делам искусств при СНК БССР тов. Озирскому и зав. Сталинградским отделом по делам искусств тов. Беяниной в связи с нарушением приказа КПДИ СССР от 8 февраля 1939 г., запрещающего начальникам управлений и отделов искусств без согласования с Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром смещать уполномоченных ГУРК и начальников реперткомов (был уволен уполномоченный РУРК по Сталинградской области Пенкин)»²¹⁷. Этих мероприятий оказалось недостаточно, и 25 сентября 1940 г. на заседании Художественного совета КПДИ СССР было принято решение «провести централизацию органов Главреперткома, изъяв уполномоченных Главреперткома из подчинения местным органам, укрепив при этом состав аппарата новыми кадрами»²¹⁸.

Еще не достаточно охваченной цензурой зоной, с точки зрения управленцев²¹⁹, являлись курортные города, в которых культурная жизнь бурлила, особенно летом. Поэтому приказом КПДИ СССР № 139 от 24 марта 1939 г. «Об усилении репертуарно-зрелищного контроля на курортах» при учреждениях культуры (концертно-эстрадные, цирковые, развлекательные) были утверждены должности уполномоченных Главреперткома (Сочи — Магеста — 1 человек, Крым — 2 человека, Кавказские Минводы — 1 человек), которые должны были содержаться этими же организациями²²⁰. Для упорядочения выполнения финансовых обязательств 3 мая 1939 г. был издан дополнительный приказ № 208 «Об оплате расходов по контролю за зрелищами и репертуаром в районах», которым начальникам управлений и отделов искусств (рассылка 118 адресатам) вменялось в обязательном порядке выделить средства для оплаты расходов по осуществлению уполномоченными Главлита и Главреперткома своей деятельности в районах и городах, где нет освобожденных работников²²¹.

Согласно Положению о КПДИ при СНК СССР от 25 сентября 1939 г. Комитет осуществлял организационное и идеологическое руководство всеми видами искусства в СССР, за исключением кинематографии. Новая структура КПДИ была разработана²²² в соответствии с поставленными перед ним партией грандиозными задачами, которые кроме управленческих функций предполагали и цензурные. Цензурные функции были сформулированы следующим образом:

1. Направлять и контролировать репертуар художественно-зрелищных предприятий республиканского и местного значения.

2. Рассматривать и утверждать проекты памятников выдающимся общественно-политическим деятелям, деятелям науки, техники и искусства, проекты архитектурных и скульптурных сооружений, посвященных крупным историческим событиям, и т. п.

3. Наблюдать за деятельностью организаций, объединяющих работников различных отраслей искусства (Союз советских композиторов, Союз советских художников, Союз советских архитекторов, Театральное общество, Всекохудожник и др.).

4. Осуществлять контроль над зрелищами и репертуаром (театр, музыка, эстрада, цирк), зрелищной рекламой, художественно-звуковой записью, художественным радиовещанием, над произведениями живописи и скульптуры.

5. Осуществлять методическое руководство художественной самодеятельностью и координировать деятельность профсоюзных и общественных организаций в области художественной самодеятельности²²³.

Своего рода бюрократическим апофеозом системы советского политконтроля явился План развития искусства на 1940 г. Творческий процесс в СССР предполагалось развивать не только в системе строжайшего контроля и отчетности, но и в плановом режиме, как и все отрасли народного хозяйства. План был представлен в правительство 20 октября 1939 г. исполняющим обязанности председателя КПДИ при СНК СССР М. Б. Храпченко. В краткой объяснительной записке к плану говорилось, что в основу его разработки «положена задача повышения идейного и художественного уровня произведений искусства и дальнейшее увеличение и улучшение обслуживания населения, путем развития сети новых предприятий и учреждений искусства, расширения объема существующих и поднятия качества их работы». Далее давалась подробная «раскладка» по театрам, циркам, как это ни парадоксально, музыке, изоискусству, специализированным учебным заведениям. И всюду было заложено увеличение и рост количественных показателей искусства²²⁴.

Последний раз изменить свой статус Главлит попытался в августе 1940 г. В очередном ходатайстве в СНК РСФСР, отмечалось следующее: «...Хотя Главлит юридически до сего времени и числится при Наркомпросе, фактически уже свыше двух лет из этой системы вышел; финансируется по союзному бюджету и все директивные указания

получает непосредственно от СНК СССР и Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)»²²⁵. Официально выход Главлита из Наркомпроса произошел только после войны, фактически же приправительственного статуса этот орган добился к 1940 г. На этом в основном завершилось формирование системы политико-идеологического контроля и цензуры в СССР.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

С первых дней существования советской власти в стране был введен контрольно-репрессивный порядок чрезвычайного военного образца, осуществлявший идеологическую диктатуру во всех без исключения интеллектуальных сферах. Важнейшими и определяющими в выработке идеологического курса инстанциями были высшие партийные органы — Центральный Комитет и его Политбюро, Секретариат, Оргбюро, а также функциональные отделы, занимавшиеся вопросами идеологии и культуры.

Культура, в понимании большевиков, была важнейшей частью идеологии, мощнейшим инструментом внушения и манипуляции народными массами. Идеологизация культуры, всех ее областей шла последовательно. Постепенно тенденция к минимизации свободы в идеологии охватила все этажи власти, идеократия стала стержнем господства большевиков.

Партия ни на минуту не ослабляла своего внимания к вопросам руководства культурой; именно она определяла не только издательскую, но и кадровую политику в этой области. В 1922 г. Л. Троцкий в письме ЦК изложил план «укрощения искусств». Он был реализован, в частности, в последовательно проводимой политике в отношении литературно-художественных группировок. Кроме реализации «плана Сталина — Троцкого» (подкуп, шантаж, запугивание, травля, организуемые выступления критики), давление на интеллигенцию осуществлялось путем прямых репрессий, в подготовке и проведении которых главную роль играли органы госбезопасности, внутренних дел и цензуры. Характерным проявлением системы являлась организационная и функциональная связь цензуры с репрессивными органами. Вначале военная цензура, а затем и другие структурные подразделения ГПУ — НКВД стали осуществлять цензурный надзор во взаимодействии с Главлитом, в том числе и перлюстрацию. К концу 1938 г. ГУГБ паутиной опутало практически всю интеллектуальную элиту советского общества, используя в своих целях любые незаконные методы, в том числе и политическую цензуру.

Параллельно с возникновением ведомственной цензуры (военной, иностранной и пр.), шло складывание государственной системы управления культурой, которая была призвана осуществлять прежде всего функции идеологического контроля. По степени концентрации власти наркомпрос 1920-х гг. можно сравнить только с НКВД 1930-х гг. Рассредоточение функций политической цензуры по различным управ-

лениям отнюдь не ослабило контроль, а только сделало его более изощренным и запутанным.

Главлит был создан изначально как идеологический орган, в целях объединения всех видов цензуры для борьбы с идеологическими противниками. С 1922 г. Положение о цензуре пересматривалось не один раз. Главлит переходил из одного подчинения в другое, постепенно распространяя политическую цензуру на все новые и новые сферы общественной жизни. История складывания государственного цензурного аппарата имеет свою периодизацию: с 28 октября 1917 («Декрет о печати») до 20 января 1918 г. — «декретная цензура» (учреждено Петроградское областное управление военно-почтово-телеграфного и пограничного контроля); с 20 января 1918 до 1 августа 1921 г. — военная цензура в составе Наркомпочтеля и РВС; с августа 1921 г. до 6 июня 1922 г. — военная цензура в составе ВЧК — ГПУ до образования Главлита; с июня 1922 по 9 февраля 1923 г. — организация Главреперткома; с февраля 1923 до 14 апреля 1928 г. — создание еще одного контролирующего органа — Главискусства; с середины апреля 1928 г. до 6 июня 1931 г. — чистка и реорганизация Главлита; с июня 1931 г. по 14 октября 1933 г. — Положение об уполномоченном СНК СССР по военной цензуре; с середины октября 1933 г. по 17 января 1936 г. организация Всесоюзного Комитета по делам искусств (ВКИ) при СНК СССР; 1936–1938 гг. — период массовых репрессий в аппарате Главлита и других управленческих структурах; 1939–1940 гг. — фактический выход Главлита из состава Наркомпроса и его переподчинение СНК СССР.

В результате сложилась разветвленная сеть государственных учреждений с параллельными функциями идеологического контроля, куда входили система Госиздата, функциональные отделы Наркомпроса РСФСР (ИЗО, МУЗО, ТЕО и др.), прежде всего Главлит и Главрепертком, Главполитпросвет, Главискусство и др. Новая управленческая структура ВКИ при СНК СССР, имея возможность применять специфические методы воздействия на культурную среду, стала осуществлять параллельные функции политической цензуры.

Идеологическое руководство художественной культурой и контроль над ней как главная особенность функционирования системы политической цензуры (на примере политики по отношению к литературным группировкам 1920 — начала 1930-х гг.)

Богатейшая палитра русской культуры начала XX в. была представлена разнообразием направлений, эстетических и национальных традиций, художественных форм, методов и приемов. Литературно-художественная элита, несмотря на свою малочисленность, оказыва-

ла колоссальное влияние на общественно-политическую атмосферу, зачастую определяя ее градус. Разнообразие вкусов и пристрастий, порождающее бурные дискуссии в художественной среде, находило свое выражение в создании многочисленных литературных кружков, обществ, союзов, художественных салонов, вокруг которых группировались единомышленники. В первые годы после революции они продолжили свою деятельность, появились новые группировки в основном с пролетарским акцентом. Вначале государство никак не ограничивало их деятельность, отсутствовал официальный порядок их регистрации. В основном деятельность этих общественных образований состояла в обсуждении профессионально-творческих вопросов; в некоторых случаях они, наподобие профсоюзов, решали проблемы социальной защиты своих членов. Финансовой основой их существования были членские взносы и издательская деятельность, что делало жизнь членов этих организаций, независимой от государства, хотя и небогатой.

Политика партии первое время касалась общих принципов протекания культурного процесса. Как и другим областям культуры, литературе было отказано в праве полной автономии или свободы. А. В. Луначарский подчеркивал, что «государство обязано влиять на искусство и оно может делать это в определенном смысле, может определенным образом руководить искусством»²²⁶. Во второй половине 1920-х гг. литературе отводилась существенная роль в процессе всеобщего распространения образования и воздействия на народ наряду с агитационными видами искусства и печатью. Такая позиция объяснялась, с одной стороны, особенностями культурного наследия, которое досталось новому господствующему классу, с другой стороны, наличием огромной массы рассеянных на огромных территориях малообразованных людей. Однако концепции о соотношении определяющей роли партийной идеологии и степени ее влияния на литературно-художественную жизнь не существовало, а вопросы политической цензуры носили дискуссионный характер. Это было связано с тем, что у большевистских лидеров, в прошлом профессиональных революционеров, не было практического опыта управления страной. Они не владели механизмами этого многосложного процесса и поэтому стремились укрепить свои позиции прежде всего на идеологическом фронте.

Нетипичным, с точки зрения демонстрации внутренней технологии проведения культурной политики, является письмо А. В. Луначарского Н. К. Крупской (август–ноябрь 1920 г.), в котором он цинично и откровенно излагает скрытые мотивы линии поведения по отношению к Пролеткульгу: «...я буду вести такую линию, что де мы признаем импонирующую силу объединения полмиллиона пролетариев и считаем необходимым в нашей культурной работе опереться на это объединение, а для этого считаю нужным ввести по одному официальному представителю в Главполитпросвет и в Художественный сектор с целью, с

одной стороны, связать таким образом Наркомпрос с самой крупной пролетарской культурной организацией, а с другой стороны, влить в эту организацию те многочисленные силы культурного характера, которые имеются в НКП, и сгладить нелепую границу между государственной культурной работой рабочего государства и рабочей же внегосударственной культурной работой. Сделаю это так, что им покажется отчасти и это признанием их заслуг и значения, на деле же будет знаменовать собою подчинение Пролеткульта контролю соответствующих органов Наркомпроса. Впрочем, наиболее умные из сепаратистов поймут в чем дело и, м[ожет] б[ыть], будут даже возражать, но мы операцию подчинения Пролеткульта государствен[ному] внешкольному делу должны выполнить во что бы то ни стало. Приблизительно такую линию в общих чертах наметил мне вчера Владимир Ильич...»²²⁷. Далее мы убедимся, что этот план был успешно реализован на практике.

Надо сказать, что большую часть творческой интеллигенции всерьез заботили идеи просвещения и она искренне пыталась помочь и поддержать новую власть своим участием в просветительстве и творчестве. Учредители литературно-философского объединения ВОЛЬФИЛ (А. Блок, Р. В. Иванов-Разумник, А. Штейнберг, К. Эрберг) в 1918 г. в положении об этом обществе писали:

*«Русская Революция открывает перед Россией и перед всем миром новыя широкия и всеобъемлющих перспективы культурнаго творчества. Впервые из идеи Единаго Человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строителстве единаго зданія мировой культуры может, наконец, осуществиться в действительности и должна принять характер конкретной организационной попытки. Этому делу хочет посвятить себя ВФА. Она связывает словом Академия память о первых источниках европейской культуры, когда науки, искусства и общественность еще были связаны вольностью и законченностью античного мирозозерцания. Академия, видящая в свободе общения и преподавания ту естественную атмосферу всякаго творчества, в которой только и могут зародиться и развиваться существенные культурные начинания; Академия относится к философии, как к той хранильнице заветов единства, без котораго нет ни единого Человечества, ни единого Общечеловеческаго Идеала. В этом именно смысле вся работа академии должна протекать в духе философии и социализма»*²²⁸.

Однако неприятие насильственных методов диктатуры пролетариата многими интеллигентами, с одной стороны, и судорожные усилия большевиков, стремившихся удержать власть силой, с другой стороны, приводили к неоправданным репрессиям против тех, кто недавно так горячо приветствовал крах самодержавной империи и победу революции.

Часто для того, чтобы вывести то или иное общество из-под критики, или защитить его от угрозы ликвидации, на его спасение бросались авторитетные партийные и государственные деятели, которые организовы-

вали составление и отправку в соответствующие инстанции рекомендательных писем. «Похлопотать» о судьбе отдельного человека или целой организации — прием, который был широко распространен в советской среде. Патронирование стало одной из отличительных черт советской партийно-государственной элиты. Главным защитником культуры был А. В. Луначарский, к которому поступало огромное количество жалоб не только на притеснения цензурного характера, но и на действия ВЧК²²⁹. Такими же жалобами был завален секретариат СНК, руководители которого считали необходимым прекратить преследования литераторов. Так, 12 декабря 1919 г. управляющий делами СНК РСФСР обратился к заведующему комиссариатом внутренних дел в Петрограде О. Равичу с просьбой защитить представителей Дома литераторов, который оказывал материальную поддержку полутора тысячам человек — преимущественно старым и больным писателям, ученым и артистам. Из письма ясно, что местное ЧК третировало Дом литераторов для того, чтобы «выбить» из его руководителей верноподданнические признания в лояльности к советской власти²³⁰.

Однако не все писатели уклонялись от сотрудничества с партией или сопротивлялись ей. Полную готовность служить своим творчеством целям политической агитации и пропаганды в области искусства выразила группа футуристов и пролетарских писателей²³¹. 7 июня 1920 г. ЛИТО Наркомпроса сообщал, что пролетарские писатели отправлены на фронт для агитации среди солдат. Партия и руководители Наркомпроса с одобрением относились к пропагандистской деятельности футуристов, которая находила выражение в плакатах и стихотворных лозунгах²³².

Мы уже останавливались на позиции Троцкого и Сталина²³³ в отношении вопросов политической цензуры. Только к концу 1920-х гг. окончательно сформировалась концепция литературной политики, о которой в 1927 г. А. В. Луначарский говорил как о наиболее уязвимом месте в позиции партии, где она чувствует себя неуверенно. Эта неуверенность проявилась в том, что литературная политика проводилась неровно — часто непоследовательно и импульсивно. Луначарский писал: «...разумеется, у нас в Наркомпросе не обязательно имеется единая линия; возможно, это объясняется отчасти отсутствием ясных партийных директив»²³⁴.

Л. Д. Троцкий вмешался в полемику о литературной политике, разгоревшуюся между напостовцами и партией, своей книгой «Литература и революция», вышедшей в 1923 г. Он писал: «Партия руководит пролетариатом, но не историческим процессом. Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. И есть, наконец, области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия должна командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно руководить... Однако ведь

и культурничество, т. е. усвоение азбуки допролетарской культуры, предполагает критику, отбор, классовый критерий? Еще бы! Но это критерий политический, а не отвлеченно-культурный»²³⁵. Еще более приближенными к практике жизни выглядят его рассуждения о формуле политической цензуры: «У партии нет никаких решений относительно стихотворных форм, развития театра, обновления литературного языка, архитектурных стилей и т.п., и она не может принять подобных решений — точно так же, как и в другой области у нее нет, например, решений относительно вида удобрений, наилучшей организации транспорта, более совершенной модели пулемета — таких решений нет и не может быть... В области искусства вопрос одновременно и проще, и сложнее. Если речь идет о политической роли искусства или о помехах со стороны врагов, здесь у партии достаточно опыта, чутья, твердости и средств...»²³⁶ Эта схема, по мнению Троцкого, должна была определять характер взаимоотношений между партией и литературой, а особенно цензуры, отношение к различным литературным группировкам пролетарского и попутнического толка.

В связи с этим Л. Д. Троцкий требовал, чтобы цензура судила обо всем с точки зрения интересов революции. Тех же взглядов придерживался и А. К. Воронский. А. В. Луначарский публично, последовательно и с пылом выступал против тех цензоров, для которых основным аргументом при принятии запретительных или карательных решений было то, что данный писатель не коммунист. «Нельзя запретить то, что прекрасно, — писал Луначарский в 1923 г. — ...Это главным образом относится к тем случаям, когда речь идет о произведениях искусства, не соответствующих целям нашей агитации, но тем не менее правдиво отражающих действительность и проникнутых революционными тенденциями, то есть в той или иной степени полезных и в агитационном смысле; их следует непременно “поддерживать”». А. К. Воронский вторил ему: «...политическая цензура в литературе вообще очень сложное, ответственное и очень трудное дело и требует большой твердости, но также и эластичности, осторожности и понимания... Прежде всего нашим тов[арищам] цензорам следует перестать вмешиваться в чисто художественную оценку произведения, затем нужно понять, что нельзя от беспартийных промежуточных писателей требовать коммунистической идеологии, тем более четкой»²³⁷, в 1924 г. он обращал внимание на «явные несуразности и излишества со стороны» цензурных политделов²³⁸. По мнению К. Аймермахера, если сравнить эту позицию с литературной политикой партии в конце 1920-х годов, то станет ясно, что в это время цензуру поправляли, чтобы избежать снижения художественного уровня произведений²³⁹. Политическая цензура конца 1920-х гг. выдвигала куда более конкретные требования: не только не писать ничего негативного, но и писать только позитивное о советской действительности.

У партийной верхушки созрело мнение, что для того, чтобы «защитить» писателей от мелких придилок цензоров, надо «дать четкую определенную линию относительно того, какими правилами должен пользоваться марксистский цензор»²⁴⁰. Еще в 1920 г. ЦК РКП(б) обратился с письмом «О пролеткультах», в котором давались оценки буржуазным взглядам пролеткультовцев, прикрываемым пролетарскими лозунгами, и высказывались требования о необходимости «сближения» деятельности Пролеткульта с работой Наркомпроса²⁴¹. Такова краткая предыстория резолюции «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г.²⁴², которая подвела итог дискуссиям о месте литературы в идеологической работе партии и заявила ее руководящие права в отношении всех без исключения литературных вопросов, включая вопросы формы и содержания.

Широко известна реакция многих писателей на эту партийную инициативу²⁴³. В этой связи интересно подобострастно-льстивое письмо А. М. Горького Н. И. Бухарину от 17 июля 1925 г.

«Резолюция ЦК “О политике партии в области художественной литературы” — превосходная и мудрая вещь, дорогой Николай Иванович! Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство. Молодежь осмелеет в своем отрицании старого быта, получит возможность отринуть беспощадно его ядовитую пыль и грязь в “комчванстве” и с большей энергией начнет искать и создавать “героя”, — человека, в совершенстве воплощающего в себе инстинкт и дух массы, влекомой историей к жизни поистине новой... Очень хорошо, что “Прожектор” будет издавать книжки и в их числе издает рассказы Романова о деревне. Это — весьма хорошие рассказы, особенно если противопоставить их возрождающемуся сентиментальному народничеству, столь ярко выраженному в “Сахарном немце” поэта Клычкова и в гекзаметрах Родимова “Деревня”. Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”. Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и неудобная — этой идеологии должна быть дана теперь же.

Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима. Хотелось бы, чтоб Казин и Тихонов скорее поняли это...

...сам вижу кое-кого — очень хорош наш рабочий, Ник[оклай] Иванович! Большой это человек. Вот где его надо бы взять для романа, для рассказа. Люди моего поколения одолеть эту дьявольски простую, а потому дьявольски трудную тему — не могут. Нам дано добить старое, но у нас нет сил для изображения нового в том грандиозном объеме, как его выдвигает жизнь. А потому и своевременно, и мудро приласкать несколько моло-

дых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК. Город и деревня должны встать и ближе лоб в лоб. Писатель рабочий обязан понять это. Крепко жму Вашу руку. Здоровья и бодрости! А. Пешков. 13-VII. 25»²⁴⁴.

Несмотря на то что все идеологи новой культурной политики, включая и самого В. И. Ленина, воспитывались на классической русской реалистической литературе, их официальные политические симпатии вынуждены были сосредоточиться на пролетарской литературе и искусстве, которые особенно ярко воплотились в Пролеткульте. Процесс выработки методов руководства литературой растянулся на целое десятилетие и коснулся группировок различных направлений, которые исчислялись десятками. Их самостоятельность и самобытность, особенно в первые послереволюционные годы, заставляли партноменклатуру изобретать все новые и новые рычаги контроля и политической цензуры²⁴⁵.

Руководство литературными группировками прежде всего затронуло правовые вопросы их организации. До 1922 г. эта проблема не была урегулирована: общества и союзы возникали и юридически оформляли свое существование в различных местностях по-разному. 1922 г. стал рубежом в культурной жизни страны. После организации Главлита было принято постановление ВЦИК и СНК от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора над ними»²⁴⁶. С этого момента работу по утверждению и регистрации обществ и союзов, а также надзору за их деятельностью осуществлял НКВД. Прежде всего, это касалось организаций всероссийского масштаба или объединений, по масштабу своей деятельности выходящих за пределы одной административно-территориальной единицы, края или губернии. Кроме того, НКВД регистрировал объединения всесоюзного масштаба и наблюдал за ними, их уставы утверждал СНК СССР. По сведениям на 13 января 1929 г., за весь период с 3 августа 1922 г. до конца 1928 г. через НКВД прошло 386 заявлений об утверждении обществ, из них было утверждено 107 обществ всероссийского значения²⁴⁷.

Порядок утверждения обществ был следующим. НКВД предварительно согласовывал вопрос о целесообразности утверждения того или иного объединения с заинтересованными ведомствами; все без исключения организационные вопросы обсуждались с ОГПУ и как правило все вопросы — с Агитпропом ЦК ВКП(б). Помимо заключений ведомств, обращалось внимание на состав учредителей, главным образом на то, имеются ли в числе учредителей члены ВКП(б). По директиве ЦК ВКП(б) 1924 г. существовал порядок испрошения учредителям — членам ВКП(б) согласия партийных органов на право участия в этом процессе, но впоследствии эта процедура перестала существовать, поскольку ее сочли излишним и формальным моментом. Кроме того, было замечено, что учредители использовали авторитет

«видных партийных товарищей в момент утверждения обществ» путем «вербовки их в члены учредителей» или получения «лестных отзывов с просьбой утвердить устав или ускорить утверждение». При этом партийные патроны сразу же забывали о существовании этих обществ и членстве в них. Например, Луначарский фигурировал в 9-ти обществах, Семашко — в 6-ти, а Каменев — в 4-х.

Фактическим руководством деятельностью обществ занимался НКП и его подразделения. Знаменательным является первый крупный факт, подтверждающий слияние государственной организации с общественной формой литературной жизни. В 1921 г. группа писателей Пролеткульта выделилась из него и вошла в ЛИТО НКП как структурное подразделение, в качестве подотдела пролетарской литературы, стала получать госзарплату. Впоследствии в рамках ЛИТО было учреждено издательство «Кузница», а в 1922 г. под таким же названием — Всероссийское общество пролетарских писателей.

Однако было бы неверно оценивать отношения между властью и интеллигенцией односторонне по принципу «жертвы и злодеи». Очень многие инициативы шли «снизу», от интеллигенции, которая стремилась найти компромисс с властью, чему имеются многочисленные подтверждения именно в документах о деятельности литературных группировок²⁴⁸. Безусловно, мы не можем оценивать ситуацию, опираясь только на обращения, резолюции, протоколы литературных организаций и письма отдельных литераторов, которые по стилистике больше напоминают политические доносы, стенограммы обвинительных процессов, кухонные склоки. При изучении этих документов возникает вопрос: что было делать цензуре в условиях добровольного и массового стремления участников забега оттолкнуть соперников и первым прорваться к кормушке? Объективности ради необходимо подчеркнуть, что все усилия литературных организаций были направлены на достижение чисто материальных целей: литераторы, входящие в группировки пролетарского направления, находились на регулярном финансировании государства (на зарплате) через органы управления культурой (Наркомпрос РСФСР). Поэтому желание «вписаться» в официально признанные объединения было обусловлено не столько победой одного литературного направления над другим, сколько чисто прагматическими стремлениями выжить в сложной идеологической и экономической обстановке²⁴⁹. Первопричиной этого морального разложения был страх, разъедающий души даже самой лучшей части общества. Конечно, страх 1920-х гг. отличался от страха начала 1930-х гг. и страха 1937-го года.

В середине 1930-х гг. конформизм и беспринципность стали уже привычными для творческой интеллигенции. Газеты тех лет пестрели гневными статьями и «публицистическими произведениями» Д. Бедного, А. Суркова, М. Кольцова и других. Интеллигенция хорошо себе усвоила, что без благосклонности высшего политического руководства и членства

в соответствующем творческом союзе она будет обречена на молчание и безызвестность и даже исчезновение и уничтожение. В наши дни опубликованы стенограммы и протоколы обсуждений с обличительными речами писателей против своих товарищей по цеху, сказано много горьких слов в адрес советской образовательной среды, но полного и до конца осмысленного понимания причин нравственного падения поколения «детей революции» не приходит. Слишком велики соблазны наложить современные представления на психологию людей переходного периода.

Итак, основными проблемами, которые решались в результате узаконения литературной деятельности через зарегистрированные объединения, были: государственное финансирование, издательская деятельность (включая реализацию книжной продукции), взаимодействие с партийными и цензурными органами по идеологическим вопросам, в том числе и организация положительной критики (например, даже «Артифекс» не смог избежать соблазна организовать переговоры с Д. Бедным о его рецензии на сборник «Вторники на Кузнецком» 26 декабря 1922 г.²⁵⁰). Наиболее вожделенным для писателей являлось обеспечивающее достойное существование государственное финансирование творческой деятельности, которого добивались всеми возможными и невозможными способами. Об этом правдиво пишет в своем дневнике 5 марта 1928 г. А. Я. Закушняк, автор и исполнитель «Вечеров рассказа»: «Наркомфин выпустил новое положение о налоге подоходном. Ты знаешь, как мне приходится трудиться, чтобы жить и, главное, иметь возможность приготовить новый репертуар, а тут выходит так, что все равно — сколько ни работай, еще хуже выходит. Мое дело не шаблонное, и потому ни под какой закон не подведешь. И потому так трудно. Это меня нервит, не дает покоя. Юрьев устраивает мне свидание с Луначарским — пусть хоть Наркомпрос сделает меня, что ли, государственным, чтобы легче дышалось»²⁵¹.

Другим привлекающим фактором близости к власти являлись безграничные издательские возможности, которые гарантировались лояльным литераторам и литературным группировкам. Так, решения о финансировании и «режиме полного благоприятствования» принимались в отношении пролетарских или околопролетарских группировок. Государство медленно и коварно подготавливало единственно возможную форму существования литературы — государственную, обязательно лояльную и подконтрольную. Здесь следует подчеркнуть, что собственно творческие вопросы редко являлись предметом обсуждения на многочисленных заседаниях обществ и союзов, кроме тех случаев, когда авторы или их произведения удостоивались поддержки или подвергались резкой критике по идеологическим соображениям. При этом следует сказать, что организации так называемых литераторов-попутчиков или непролетарских направлений были гораздо более озабочены непосредственно литературным процессом, чем пролетарские организации. Здесь в

качестве примера опять приведем «Артифекс» (Б. Жидков, Б. Захoder, Ю. Бахрушин, В. Судейкин), который, в отличие от других обществ, рассматривал на своих заседаниях, отраженных в протоколах, и чисто литературоведческие вопросы, например, о задачах словотворчества, не говоря уже об оригинальной форме, в которую была заключена деятельность общества (главные организующие — главный мастер, хранитель печати, мастерская, капитул, конституция). Манера общения между собой членов общества «Артифекс» существенно отличалась от уже утвердившейся в писательской и иной творческой среде манеры, сводившейся к взаимному неприятию или корпоративному подхалимажу. В письме главного мастера «Артифекса» В. И. Авдиева И. Ф. Шишову от 1 октября 1920 г. (по старому стилю) говорилось: «Любезный Игорь Федорович! Разрешите мне обратиться к Вам, как к хранителю печати сообщества “Artifex”, с нижеследующим официальным заявлением. Будучи избранным другом сообщества, я, как Вам это, наверно, поведали, приняв с благодарностью это звание, не мог его не принять, т. к. в душе моей связь с “Artifex-ом” не порвалась, а только ослабилась. Теперь же, когда, по словам Алексея Николаевича, от моего возвращения на пост гл [авного] мастера зависит само бытие общества, я, ни минуты не колеблясь и даже жертвуя в некоторой степени своим сомнением, иду на Ваш зов и согласен продолжить начатое мною, и так некстати прерванное, дело²⁵²».

В обращениях же и декларациях групп пролетарских писателей и поэтов ВАПП клеймились все, не поддерживающие активно пролетарские лозунги, выражающие традиционные российские эстетико-философские воззрения. При этом стиль и тон обвинений не предполагали дискуссии и обсуждения. Так, в канун отплытия эпохального «философского парохода» в обращении ВАПП ко всем литераторам говорилось: «В последнее время замечается появление произведений пролетарских писателей на страницах чуждых, а зачастую даже враждебных классовым задачам пролетариата. ВАПП, являясь преемницей и носительницей лучших заветов первых литературных объединений рабочего класса, возникших задолго до 17 г., не может обойти молчанием подобных явлений, грозящих разрушением единого фронта пролетарской литературы и ведущих к вольной или невольной измене делу всемирного пролетариата... Исходя из этого, Правление ВАПП требует от своих членов незамедлительного выполнения следующих пунктов:

«1. Члены ВАПП не должны состоять членами лит[ературно]-худ[ожественных] организаций, союзов и кружков.

2. Безусловное неучастие членов ВАПП в органах печати, чуждых пролетарско-коммунистической идеологии.

3. Выступления пролет[арских] писателей на литературных и других вечерах с писателями враждебных нам групп должны иметь своей целью борьбу с последними.

ВАПП предпринимает немедленную чистку своих рядов в целях удаления тех писателей, которые, ввиду отсутствия классового сознания и твердого коммунистического воззрения, неспособны проводить намеченную линию. Правление ВАПП объявляет перерегистрацию, добавляя, что впредь в члены ее будут приниматься только те товарищи, которые безоговорочно примут и выполнят все вышеуказанные требования.

Вл. Кириллов, Мих. Герасимов, Ив. Филиппенко, С. Обрадович, С. Родов, С. Малашкин, А. Дорогойченко, П. Яровой, Гр. Санников, А. Безыменский, П. Низовой, Н. Полетаев, В. Казин»²⁵³.

Некоторые из литературных группировок ставили перед собой не только идеологические, литературно-творческие и узко цеховые задачи: они считали необходимым внести свой вклад в развитие экономики страны и в определение ее хозяйственной политики. К таким следует отнести группу поэтов-конструктивистов (ЛЦК). Как документ эпохи технического романтизма можно рассматривать «Технический кодекс» об идеологической платформе ЛЦК 1924 г.:

«Общая часть. Ст. 1. Бытие определяет сознание (Фейербах).

Ст. 2. Анархическая стихия хозяйства буржуазного общества с его произвольными размерами производства, нездоровой системой обмена и специфическим характером распределения материальных благ — приводила к систематическим промышленным кризисам, периодичность которых была замечена буржуазными и полубуржуазными идеалистами (Джевоис, Левеле, Ценлар, Миллье, Сисмоней, фон Кауфман, Родбертус, Турган-Барановский), но объяснения природы их, в силу опасения этих ученых вскрыть противоречия капиталистического строя, — были разноголосны, противоречивы и научно неудовлетворительны...

Ст. 3. Социальная революция с 1-го ее момента силою обстоятельств поставила революционное общество перед? “быть или не быть”. У отчаяния один метод: напряжение всех сил, отсюда отстранение всего, кроме насущного задания, на которое должны быть переброшены все силы и средства, хотя бы в ущерб остальным интересам, имеющим 2-ое значение. Этим знаком определилась эпоха военного коммунизма с его лозунгам “Даешь” — будь то перекопское заграждение или продрасверстка.

Ст. 4. Отхаркавшись оптацией и прелиминарными условиями мира с Польшей в 1920 г. — революция в итоге гражданских войн и бандитизма имела в активе: тиф, голод, разруху и пароксическую жажду животной жизни — печки, бани, хлеба без примеси, свежего белья, половой любви.

Ст. 5. Отсюда Метод: нужно срочно сделать переброску всех частей на борьбу с разрухой, на восстановление хозяйственной структуры, однако батарейный погром, лихой кавалерийский рейд и пехотные походы — бессильны перед этой задачей — бой по хозяйственному фронту должен был разрешить проблемы: а) во-первых: промышленные (централизация, или хозрасчет, вопрос о концессиях, о частном капитале, о взаимоотношениях крупной, мелкой и средней производ. системы, об экстенсивности или

интенсивности аграрной культуры), б) во-вторых, — финансовые (стабилизация валюты и след., значит и сокращение эмиссии, и налажение налоговой системы, установление бюджета, учет; вопрос о кредитном аппарате; вопрос об обоих займах и т.п.), в) в-третьих, — коммерческие (учреждение фондовой и товарной биржи, институт синдикатов, вопросы кооперации, характер и размеры импорта и экспорта), г) в-четвертых, — транспортные — (вопросы протекционистического тарифа, распоряжений подачи подвижного состава по ударным ценам акционерных транспортных средств, д) в-пятых, — юридические — в смысле установления прочных норм гражданского оборота, т.е., короче говоря, установления своеобразной капиталистической системы в рамках и при контроле Социалистического Союза.

Эта колоссальная задача требовала тонких методов разрешения, выяснения потребностей, постоянного учета наличности и распределения силы не по количеству штыков и шашек, а по квалификации, стажу, по качественному отбору; отсюда болезненно острое стремление революционного общества к организационности как единственного способа овладения хозяйственной аппаратурой»²⁵⁴.

Такой нетрадиционный подход к роли литературы в социалистическом строительстве вызывал первоначально одобрение, особенно в среде молодых партийцев. Тем не менее конструктивисты были подвергнуты критике со стороны лидера ВЛКСМ А. Косырева, который требовал, чтобы они меньше занимались идеологией, а больше хозяйственными вопросами. Поводом для этого послужили сборник «Бизнес» и статья К. Зелинского «Конструктивизм и социализм»²⁵⁵.

По-разному складывались судьбы обществ: одни, не успевали развернуть свою работу или не получали права на существование, другие подвергались неоднократному шантажу и, после выполнения условий, получали долгожданную регистрацию. Примером может служить история с отказами в регистрации устава общества «Литература и быт» в связи с мнениями ЦК, ОГПУ по поводу антисоветски настроенных учредителей общества²⁵⁶ или история нерегистрации НКВД устава «Общества Чехова и его эпохи» также в связи с наличием антисоветских настроений его членов — С. А. Детинова и Ю. В. Соболева²⁵⁷. Все эти события относились к 1928 г. Но так или иначе, рано или поздно, конец у всех обществ был один. Но в 1925 г., а затем в 1928 г. мало кто об этом догадывался в пылу бурных политических боев за место около партии.

Интересна в этом смысле история так называемого слияния московского и ленинградского обществ драматургов и писателей Модрик и Драмсоюза (ленинградского общества драматургов). Неповиновение и самостоятельность последнего явились причиной этого «слияния» под лозунгами комфракции Союза Революционных Драматургов (СРД). В одном из писем новоиспеченного «революционного» союза в ЦК РКП(б) от 29 октября 1925 г. откровенно предлагается план уду-

шения Драмсоюза, который предполагал объединение драматургов и композиторов под идеологическим руководством СРД, с целью создания мощной, единой во всероссийском и всесоюзном масштабе, организации с широкими культурно-общественными задачами, с материальной базой, заключающейся в монополии этих организаций на сбор и распределение авторского гонорара под контролем и руководством соответствующего правительственного органа в тесном контакте с НКП союзных республик. В качестве мер по легальной ликвидации Драмсоюза предлагалась его «дискредитация в целях лишения его общественного авторитета, вскрытия его реакционных тенденций и лишения его покровительства органов НКП». При этом рекомендовались методы материального давления, административного наказания²⁵⁸ и морального воздействия — блокирования Драмсоюза даже ценой запрета Всероссийской конференции авторов малых форм, где предполагались выступления мятежных ленинградцев²⁵⁹. Примечательно, что весь конфликт, конечной целью которого было создание управляемой структуры, инспирировался и развивался ГПУ / ОГПУ.

К этому времени начались не только традиционные цензурные ограничения, но и прямые репрессии, направленные против писателей, которые не вписывались ни в одну из групп, созданных естественным и искусственным образом. При этом вопросы любых отклонений рассматривались на самом высоком уровне. Так, проект решения СТ ЦК о «Молодой гвардии»²⁶⁰, сохранившийся в рукописном варианте, позволяет убедиться в том, какое значение придавалось вопросам цензуры высшим политическим руководством: документ был подписан И. Сталиным, В. Молотовым и Л. Кагановичем²⁶¹. Редакции «Молодой гвардии» был объявлен строгий выговор за помещение в № 5 «Молодой гвардии» «полурассказа» Артема Веселого «Босая правда», представляющего «однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам». Также было принято решение пересмотреть состав «Молодой гвардии» «в направлении, гарантирующем партию и комсомол от таких нежелательных случаев»²⁶².

Тремя годами раньше литературный мир потрясла история с публикацией повести Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны», также пропущенной предварительной цензурой и опубликованной в «Новом мире». По этому поводу Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение²⁶³ об изъятии пятой книги «Нового мира» в связи с тем, что это произведение Пильняка «является злостным, контрреволюционным выпадом против ЦК и партии». Было решено также «поставить на вид» членам редакционной коллегии «Нового мира» Луначарскому и Скворцову-Степанову, а Полонскому, как члену редколлегии, ответственному за художественный отдел, «объявить строжайший выговор». Воронскому²⁶⁴ письмом в редакцию «Нового мира» предлагалось «отказаться от посвяще-

ния Пильняка (последний посвятил свою повесть Воронскому. — Т. Г.), с соответствующей мотивировкой, которая должна быть согласована с Секретариатом ЦК». Покаяться предлагалось и всей редакции и, что совершенно естественно, самому Б. Пильняку, который был не только исключен из списка сотрудников журналов «Красная новь», «Новый мир» и «Звезда» (Ленинград), но и лишен всех договоров с Госиздатом. Досталось и Вороненному, ему был объявлен строгий выговор именно за то, что некоторые детали из истории болезни М. Фрунзе, использованные в повести, стали известны Б. Пильняку именно из его рассказа²⁶⁵.

Б. Пильняк о себе сказал так: «Мне выпала горькая слава быть человеком, который идет на рожон. И еще горькая слава мне выпала — долг мой — быть русским писателем и быть честным с собой и Россией»²⁶⁶. Немного, наверное, произведений в мировой и отечественной литературе, появление которых вызвало бы такую бурную негативную реакцию со стороны властей, немного произведений, которые, будучи официально запрещенными, вернулись к читателю через несколько десятилетий. «Повесть непогашенной луны» Пильняка поразила современников своей горькой прозорливостью. Трагическая судьба повести предопределила и трагическую судьбу писателя. Повесть увидела свет в майской книге «Нового мира» за 1926 г., и сразу же началась ожесточенная травля автора. Значительная часть тиража журнала была конфискована и к подписчикам не поступила. Срочно был выпущен другой вариант майского номера тиражом 15 тыс., в котором повесть Б. Пильняка отсутствовала. Резко отрицательно отозвался об этой повести, написанной, по его мнению, уродливым языком, М. Горький. «Удивительно нелепо поставлены в нем хирурги, да и все в нем отзывается сплетней»²⁶⁷, — писал он А. К. Воронскому. В №6 журнала за июнь 1926 г. было опубликовано гневное письмо А. К. Воронского, в котором он публично отказался принять посвящение ему Б. Пильняком повести; мотивируя свое решение так: «...подобное посвящение для меня, как коммуниста, в высокой степени оскорбительно и могло бы набросить тень на мое партийное имя...» И далее в письме был сделан убийственный для автора вывод: «Подобное изображение глубоко печального и трагического события является не только грубейшим искажением его, крайне оскорбительным для самой памяти тов. Фрунзе, но и злосчастной клеветой на нашу партию ВКП(б)»²⁶⁸. В этом же номере журнала его редакция, состоящая из А. В. Луначарского, В. П. Полонского и И. И. Скворцова-Степанова, поспешила признать факт публикации повести на страницах своего журнала «явной и грубой ошибкой»²⁶⁹.

Возвратившись в Москву из-за границы и узнав о случившемся, Пильняк ищет поддержки, обращается к тем, кто, по его представлению, может помочь. В №1 журнала «Новый мир» за 1927 г. было напечатано его «покаянное письмо»²⁷⁰. В этом письме писатель попытался опровергнуть все обвинения сразу. Он писал: «...я понял,

как моя “Повесть непогашенной луны”, напечатанная в майской книге “Нового мира” за 1926 год, возмутительнейше была использована контрреволюционной обывательщиной. Обыватель, искажая мои замыслы, вкладывает в повесть содержание, клеветующее на виднейших работников партии и революции, противное моему писательскому существу. При таких обстоятельствах мне совершенно ясно, что появление повести есть несомненная бестактность. Это тем более печально для меня, что я сознаю себя художником революции, рожденным революцией и связанным с революционной — здоровой — общественностью»²⁷¹. Однако в письме А. И. Рыкову он был более откровенным, объясняя причину случившегося именно тем, что написал повесть о том, «как машина человеческого коллектива подчиняет себе человеческие индивидуальности, и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности очень часто превращаются в катастрофические неоправимости». Уже на этапе обсуждения повести в редакции «Нового мира» выявились разные мнения, и тогда было принято решение, чтобы Б. Пильняк написал к ней предисловие, в котором он исключал возможные ассоциации и параллели. «...Где кончается ответственность автора, и, при наличии политцензуры, начинается ответственность редактора?»²⁷² — вопрошал он, говоря о том, что его «теперь отринут от прессы». Однако в этот раз Пильняк уцелел: на его письме появились две пометы, определившие его судьбу. Первая — В. Молотова: «С месяца тому назад я передал Отделу печати ЦК, чтобы Пильняка с год не пускали в основные три журнала, но дали возможность печататься в других». Вторая принадлежит И. Сталину: «Думаю, что этого довольно. Пильняк жульничает и обманывает нас»²⁷³. Это было время, когда компромат только собирался, расплата пришла позднее. Но история, происшедшая с Б. Пильняком, а затем с Замятиным и Веселым, стала наглядным уроком для всего литературного мира и всех, кто еще не сделал выбор в пользу монополии и оставался на позициях человеческой и художественной индивидуальности²⁷⁴.

Этапным для литературных организаций явился поворотный в идеологии период 1928–1929 гг., который начался с призыва рабочих-ударников в литературу, «ускоряющего неслыханно сроки и повышение темпов борьбы за гегемонию пролетариата в культуре», «ибо по-новому ставится вопрос о напе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии» (Сталин). Для того, чтобы создать правовую основу для ликвидации литературных группировок попутнического толка, сначала было утверждено новое «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». Постановлением ВЦИК — СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. впервые были определены правоспособность руководителей и других должностных лиц этих обществ: выборные должности могли занимать только лица, не лишённые избирательных прав, а также ограничены цели обществ: они

не должны были противоречить общим целям социалистического государства²⁷⁵. Все ранее принятые и утвержденные уставы и положения общественных организаций отменялись, а перерегистрация поручалась НКВД. Суть этой перерегистрации предельно ясно была изложена в специальном постановлении ОБ ЦК от 27 мая 1929 г. «Об итогах обследования ряда добровольных обществ»²⁷⁶ (обследование проводилось НКВД)²⁷⁷:

«1. Проводимую НКВД перерегистрацию добровольных обществ использовать для:

а) ликвидации обществ, фактически не работающих или не имеющих базы для своей работы;

б) ликвидации обществ, существование которых нецелесообразно по политическим соображениям (засорение антисоветскими элементами и т. п.);

в) слияния обществ, ставящих аналогичные цели, в тех случаях, когда подобные слияния целесообразно по политическим соображениям;

г) оформления вывода из сети добровольных обществ тех организаций, которые представляют собой, по характеру их деятельности, кассы взаимопомощи или другого рода экономические организации.

2. Подтвердить директиву ЦК от 1924 г. о необходимости согласия местных парткомитетов на участие членов партии в качестве учредителей вновь возникающих добровольных обществ, а также признать необходимым, чтобы члены партии, выступающие членами-учредителями обществ, несли фактическую ответственность за дальнейшую деятельность общества и чтобы члены партии, входящие в исполнительные органы добровольных обществ, фактически участвовали в работе этих исполнительных органов.

3. С целью усиления партийного влияния в научных, литературных и т. п. обществах предложить фракциям соответствующих профорганизаций провести работу по вовлечению в эти общества членов партии, ведущих работу в соответствующих областях.

4. При регистрации новых обществ предложить НКВД учитывать, на основании данных соответствующих органов, наличие базы для работы общества и целесообразность их работы с точки зрения задач социалистического строительства.

5. Установить фактическое руководство и ответственность за работой добровольных обществ соответствующих советских (Главнаука, Главискусство, НКЗдрав, НКСобез, ЗСНХ, НКЗем) и профсоюзных (ИТС союзов, секция научных работников, НКПроса, ЦК Рабис и т. п.) организаций, путем:

а) выделения в этих организациях работников, фактически отвечающих за работу обществ;

б) вовлечения в научные общества молодых научных сил;

в) фактической проверки работы обществ.

6. Допускать пребывание лишенцев в составе членов научных обществ или обществ, объединяющих деятелей искусства, только в том случае, если тот или другой лишенец представляет действительную ценность с точки зрения науки и искусства.

7. Предложить НКВД не допускать коммерческой деятельности обществ, не отвечающей целям и задачам общества»²⁷⁸.

Для проведения перерегистрации в ГПП и НКВД были организованы специальные отделы регистрации клубов, кружков и других организаций. Тем самым были созданы легальные условия и механизм ликвидации попутнических организаций. Партия и правительство взяли курс на уничтожение существовавшего небольшого разнообразия в идейно-художественных направлениях и эстетических вкусах, решив, что это поможет сохранить основные литературные организации-монстры. Это не оправдало первоначального расчета и вызвало даже некоторое злорадство у руководителей литературных объединений пролетарской направленности впоследствии те же приемы удушения были применены властью и к ним.

Результат перерегистрации был внушительный. С одинаковой формулировкой «ознакомление с деятельностью общества, обнаружившее его замкнутый характер, отсутствие — базы для развертывания работы в массовом масштабе» — были не перерегистрированы Всероссийское литературно-драматическое общество им. А. Н. Островского²⁷⁹, Коллектив писателей им. А. С. Неверова²⁸⁰, Кружок памяти Валерия Брюсова²⁸¹ и др.

Немногом ранее был ликвидирован Всероссийский Союз поэтов (ВСП, однако бюрократическая волокита, связанная с проверкой Союза, многочисленными комиссиями и протестами, отсутствием серьезных причин для его закрытия, по всей вероятности, и натолкнула на мысль о централизованной перерегистрации. Никакие протесты и массовые кампании не рассматривались и не учитывались. Зато вот какую красочную картину из околотитулярной жизни Москвы рисует в своей записке в НКВД председатель ВСП И. Аксенов (12 октября 1927 г.):

«ВСП, основанный в 1918 г. является одной из старейших, если не самой старейшей литературной организацией РСФСР. В период гражданской войны и блокады, при крайне ограниченных возможностях типографского распространения поэтических произведений, Союз давал своим членам, в число которых входили все наличные поэтические силы Москвы, возможность ежедневных устных выступлений перед аудиторией, организовал столовую бесплатного питания как для своих членов, так и для нуждающихся литераторов вообще и, несмотря на все трудности того времени, издал ряд сборников стихов. Помимо этого, Союз из выручки столовой выдавал московским поэтам безвозвратные ссуды и предоставлял отапливаемое помещение при столовой для литературной работы тем из поэтов, которые находились в наиболее тяжелых жилищных усло-

виях. Все это давало базу разрозненным поэтам-одиночкам для создания крепких групп и организаций внутри Союза.

С 1922 г., параллельно эстрадным исполнительным вечерам, Союз организывает еженедельные «академические вечера» с обсуждением творчества писателей, обменом мнений, дискуссиями. Т. о., поэты, не имеющие возможности опубликовать свои произведения, смогли получить свою аудиторию и выслушать мнение о своем творчестве..., через эстраду и академические вечера прошли практически все имеющиеся в стране поэты, получили путевку в жизнь И. Сельвинский, А. Жаров и мн. др.

Не получая субсидий и, ввиду материальной необеспеченности своих членов, не имея возможности существовать на членские взносы, ВСП вынужден был покрывать своих расходы из средств, добываемых от так называемых подсобных предприятий при Союзе, которые организовывались согласно его устава, утвержденного НКП и зарегистрированного в НКВД. Этими подсобными предприятиями служили по очереди кафе-столовая при клубе ВСП, кинематограф и столовая. В данное время подсобные предприятия ликвидированы, ввиду полной невозможности ведения их без наличия оборотных средств...

Что касается до жилищных обстоятельств ВСП, то они определенно ненормальны с тех пор, как в середине зимы 1926 г. Комендант Дома Герцена, гр. А. И. Свирский, без предупреждения правления ВСП и без полномочия от Правления Союза Писателей, выселил правление ВСП из занимавшейся ими комнаты и передал эту комнату другой литературной организации. При этом имущество ВСП было частью уничтожено, часть присвоено иными литературными организациями. Путем переговоров с Правлением ВСПисателей было достигнуто получение новой худшей комнаты в Доме Герцена, которая, однако, была вновь отобрачена летом 1927 г., оставшееся имущество частью уничтожено путем засыпки негашеной известью, а пишущая машинка передана в пользование Месткома писателей...»²⁸²

Особая роль — роль «буфера» между литераторами и властью отводилась создаваемой на переходном этапе Федерации писателей. Однако, если на начальной стадии создания ФОСП речь шла о защите профессиональных и социальных прав «мастеров пера», то в дальнейшем все большее место в ее работе стали занимать вопросы «проработки» и наказания провинившихся литературных организаций и их отдельных членов. Казалось бы, Федерация была призвана объединять и защищать интересы писателей, создавать им благоприятную творческую атмосферу. На самом деле она превратилась в некий «товарищеский суд» над всеми, кто отклонился от генеральной линии и не вписался в новые реалии. Разумеется, деятельность этой «общественной» организации щедро поощрялась, огромные суммы были выделены по специальному решению ПБ ЦК ВКП(б)²⁸³. Своеобразной демонстрацией истинных целей и задач деятельности Федерации является «внутрен-

ний» по происхождению документ, а потому откровенный вплоть до цинизма, — рабочие тезисы В. А. Сутырина 1929 г. В них излагаются «идеи» Федерации: «Инструмент партии для работы с одним из отрядов (особым и важным) интеллигенции. Федерация проблема переработки попутчиков... 3. Возможности федерации. Пильняковско-Замятинская история, как показатель значения и возможностей ФОСП... 6. Период реконструкции и писательские настроения (попутчиков)». Отмечая свои успехи в «деле» Пильняка и Замятина, ФОСП предвидела, что должна стать «органическим соединением», т. е. средоточием, классово-вой борьбы, происходящей в литературе, и задача фракции виделась в том, чтобы добиваться исхода этой борьбы «в области художественной литературы...»²⁸⁴. Таким образом, была создана еще одна контролирующая и регулирующая бюрократическая структура, предтеча Союза писателей и Литфонда, которые помимо осуществления централизованного политконтроля, выполняли роль большой «кормушки» — источника привилегий.

В связи с массовой ликвидацией литературных организаций и ограничением их издательской деятельности создалась тяжелая социальная обстановка в литературной среде. Протокол Всесоюзного совещания горкомов писателей при ЦК Союза бумажников и печатников от 21 июля 1932 г. свидетельствует, что «многие писатели из-за необеспеченности идут в бухгалтеры, переводчики и т. д., писателей также посылают на посевную, нет даже средств на их отправку, на курорт нет путевок»²⁸⁵. Вся идеологическая атмосфера, а также невыносимо тяжелые материальные условия и социальная незащищенность — все эти факторы, как мы убедились, искусственно создаваемые главными руководителями из Политбюро, практически подготовили почву для появления эпохального постановления от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» и создания единого Союза советских писателей. Понятно, что к тому времени единственно возможным откликом на это со стороны самих писателей могло быть либо коллективное одобрение, либо глухое молчание. В приветствии Всероссийского Союза советских писателей (ВССП) ЦК ВКП(б), посланном из Дома Герцена 26 апреля, в ответ на постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., говорилось:

«Накануне второго пятилетия социалистической стройки это историческое постановление о создании единого мощного творческого объединения советской литературы обязывает каждого писателя к напряжению всех творческих сил в борьбе за писательские кадры, идущие рука об руку с пролетариатом, строящим бесклассовое общество. Мы горячо приветствуем постановление ЦК именно в силу того, что оно эту перестройку литературных организаций связывает с серьезнейшим моментом: с наступлением развернутого социалистического строительства на основе навсегда укрепленных уже достигнутых успехов стройки.

Констатировать обусловленного этими успехами качественного роста литературы и искусства в СССР, является для нас радостным итогом и возложением на нас огромной ответственности. Чувствуя каждым биением сердца значение наших обязательств перед страной, мы, входя в новое объединение советских писателей, обязуемся бороться за высокое мастерство. Мы будем осуществлять в писательской работе лозунги высокого качества, под которыми идет гигантская стройка второй пятилетки. Пусть в деле совершения культурной революции работа советского писателя найдет свое место и значение не только в выполнении актуальных задач нынешнего дня, но и в оценке будущих поколений бесклассового общества.

Да здравствует ударная бригада мировой социалистической стройки, Коммунистическая Партия!

Да здравствует ЦК ВКП(б)!

*Да здравствует вождь партии товарищ СТАЛИН!*²⁸⁶

Так закончилась одна и началась другая эпоха в литературной жизни страны. В этой новой истории стали возможными резолюции, в которых выносились приговоры ученым и писателям, инженерам и режиссерам, приводившие сначала к утрате профессиональной реализации творческих возможностей, а затем и физическому устранению. Эта атмосфера возникла сразу после появления постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»²⁸⁷ и письма И. Сталина в журнал «Пролетарская революция»²⁸⁸, которые стали сигналом для развязывания «классовой борьбы» на культурном фронте. Одним из первых результатов этой разворачивающейся борьбы, на которые так рассчитывали ее организаторы, была зловеющая по своему содержанию резолюция объединенного собрания партийно-комсомольской организации НИЯЗ, в которой говорилось, что в лингвистической литературе имеются факты явно антимарксистских, антипартийных выступлений. К таковым относилось, например, выступление Поливанова, представителя теории фашистско-буржуазного индоевропеизма и его книга «За марксистское языкознание» (по сравнительному языкознанию). Назывались и такие идеологические враги: «учебные руководства, где говорится о наличии у нас государственного языка (Шапиро); словарь синонимов — Павлова, Шишкина и Стефановского...», подчеркивалось что «есть книги, в которых кондратьевско-чаяновские контрреволюционные установки сочетаются с троцкистским лозунгом о бюрократическом характере нашего литературного языка». Далее разбирались книга Аптекаря с его «языковым строительством в вопросах литературного языка» и «языковым строительством в вопросах орфографии», работы Худякова, проводящего теорию о «национальной по языку и пролетарской по содержанию культуре» и академика Марра, «отрицающего существование пролетарской культуры и пролетарской литературы, основоположника яфетидологии, одной из теорий языкознания, пытающейся заменить

собой марксизм». Вместо подлинной науки о языке и его объективных законах, предлагалась формула «марксистско-ленинской лингвистики, которая возникает как результат рабочего революционного движения пролетариата в условиях возникновения и развития научного коммунизма — диалектического материализма, основные методологические установки которой имеются в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина».

Далее следовали конкретные предложения провести репрессивные мероприятия — уволить, снять, проверить и пр., а также «усилить критику и контроль по отношению к изданиям института — при сдаче в печать практиковать проверку их путем обсуждения на бригадах, систематически проверять работу аспирантов, ускорить выпуск ленинской хрестоматии по языку; поставить перед Райкомом ВКП(б) вопрос о необходимости консолидации марксистских и партийных сил путем организации общества марксистов-лингвистов; развернуть самокритику среди языковедов коммунистов»²⁸⁹.

«Перестройка», начавшаяся с критики и ликвидации творческих союзов и обществ и разворачивающейся истерии обвинительных акций, была направлена на «выстраивание» всех писателей²⁹⁰; художников, архитекторов, музыкантов в «шеренги» всесоюзных творческих союзов, закрепление за ними таких понятий как «советский писатель», «советский художник», «советский композитор» и пр. Дальнейшая унификация и централизация политической цензуры в ходе подготовки первого съезда Союза писателей, создания Литературного института (1933), выработки постановления ЦИК и СНК СССР от 7 июля 1933 г. об улучшении жилищных условий писателей²⁹¹ и в процессе создания единого художественного метода советской литературы — соцреализма, насаждением и внедрением которого были призваны заниматься Союз писателей, партийные и цензурные органы, которые использовали весь арсенал партийной критики.

Так завершился один из важнейших этапов монополизации литературной жизни, было создано единоначалие в писательских организациях. Союз советских писателей явился одним из главных звеньев в системе политической цензуры и ее подсистемой, поскольку непосредственно подчинялся Агитпропу ЦК ВКП(б). Вся дальнейшая жизнь Союза проходила под бдительным руководством ответственных за его деятельность партийных структур. Все вопросы, начиная от выборов руководящих органов Союза и кончая кадровыми, издательскими и социальными, решались только с ведома и при непосредственном участии ЦК ВКП(б). В первый период возникла даже такая ситуация, когда ВССП взял на себя функции Главлита, фактически определяя не только тиражи и пути их реализации, но и саму возможность издания тех или иных литературных произведений. Несмотря на то что после неоднократных протестов Главлита ВССП признал необходимость ограничения своих функций, его деятельность всегда была направлена на

осуществление контрольно-запретительных мер и реализацию монопольного права определения художественно-эстетических и идеологических приоритетов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

В первые годы после революции многочисленные и разнообразные группировки и объединения продолжили свою деятельность, кроме того, их численность возросла в связи с появлением новых группировок в основном пролетарского толка. Деятельность общественных образований в основном сводилось к обсуждению профессионально-творческих вопросов и проблем социальной защиты. Вначале государство никак не ограничивало их деятельность, поскольку политика партии по отношению к культуре, по крайней мере на первом этапе, касалась лишь ее общих принципов. В новой общественно-политической обстановке, сложившейся после Гражданской войны, литературе отводилась существенная роль в процессе всеобщего распространения образования и воздействия на народ. Жесткой позиции в соотношении определяющей роли партийной идеологии и степени ее влияния на литературно-художественную жизнь не существовало, а вопросы политической цензуры еще носили дискуссионный характер. В первой половине 1920-х гг. цензура «поправляли», чтобы избежать снижения художественного уровня произведений. Политическая цензура конца 1920-х начала выдвигать куда более конкретные требования: не только не писать ничего негативного о советской действительности, но и писать только позитивное.

Усилия большевиков удержать власть и неприятие насильственных методов многими интеллигентами, приводили к неоправданным репрессиям против тех, кто недавно так горячо приветствовал крах самодержавной империи и победу революции. Однако не все писатели уклонялись от сотрудничества с партией или сопротивлялись ей.

Несмотря на то, что все идеологи новой культурной политики, включая и самого В. И. Ленина, воспитывались на классической русской реалистической литературе, их официальные политические симпатии вынужденно сосредоточивались на так называемой пролетарской литературе и искусстве. Выработка методов руководства писателями, не принадлежащими к пролетарскому направлению, растянулась на целое десятилетие. Многочисленность различных литературных группировок (они исчислялись десятками), их самостоятельность и самобытность, особенно в первые годы, заставляла партноменклатуру изобретать все новые и новые рычаги контроля и политической цензуры. Прежде всего это коснулось правовых вопросов организации и ликвидации общественных организаций, поскольку именно такой статус имели многочисленные литературно-художественные группировки.

1922 г. стал рубежным в культурной жизни страны. После организации Главлита было принято постановление ВЦИК и СНК от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследу-

ющих цели извлечения прибыли, и порядке надзора над ними». С этого момента работу по утверждению и регистрации обществ и союзов, а также надзор за их деятельностью осуществлял НКВД.

Нельзя оценивать отношения между властью и интеллигенцией по принципу «жертвы — злодеи». Очень многие инициативы шли «снизу», от интеллигенции, стремившейся к компромиссу с властью. Усилия литературных организаций, главным образом, были направлены на достижение чисто материальных целей: регулярного государственного финансирования через органы управления культурой (Наркомпрос РСФСР), гарантированной издательской базы (включая реализацию книжной продукции), организации положительной критики. Поэтому желание «вписаться» в официально признанные объединения было обусловлено не столько победой одного направления над другим, сколько чисто прагматическими соображениями выживания в сложной идеологической и экономической обстановке.

Этапным для литературных организаций явился поворотный в идеологии период 1928–1929 гг. Для того чтобы обеспечить правовую основу для ликвидации литературных группировок попутнического толка, сначала было утверждено новое «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». Согласно постановлению ВЦИК — СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. выборные должности в таких объединениях могли занимать только лица, не лишенные избирательных прав, цели обществ не должны были противоречить общим целям социалистического государства. Для проведения перерегистрации в ГПП и НКВД были созданы специальные отделы. Сначала с помощью перерегистрации избавились от попутнических организаций, уничтожив и без того небольшое разнообразие в идейно-художественных направлениях и эстетических вкусах, сохранив основные литературные организации-монстры.

Своеобразным «буфером» между литераторами и властью должна была стать Федерация писателей. Однако если на начальной стадии создания ФОСП речь шла о защите профессиональных и социальных прав «мастеров пера», то в дальнейшем все большее место в ее работе занимали вопросы «проработки» и наказания «провинившихся» литературных организаций и их отдельных членов. Разумеется, деятельность подобной «общественной» организации щедро поощрялась, морально и материально. Таким образом была создана еще одна контролирующая и регулирующая бюрократическая структура, предтеча Союза писателей и Литфонда.

В результате ограничения издательской деятельности литературных организаций и их массовой ликвидации в литературной среде создалась тяжелая обстановка. Так была подготовлена почва для эпохального постановления 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» и создания единого Союза советских писателей. Эта

«перестройка» была направлена на унификацию и централизацию политической цензуры.

Монополия государства на средства массовой информации как основа политической цензуры (на примере радиовещания)

В основе всей концепции радиопропаганды лежит, прежде всего, природа канала передачи информации, что и определяет суть ее специфики. М. И. Ромм писал в своих воспоминаниях о том, что И. В. Сталин на просмотре одного из фильмов А. Б. Столпера ужасно возмутился, услышав закадровый голос диктора: «Что это за загробный мистический голос я слышу все время?» После этого в течение многих лет было запрещено включать в документальные фильмы дикторский текст. Исключение было сделано по специальному разрешению Сталина только для привычного голоса Юрия Левитана²⁹². Вопрос: почему? Ответ не так-то прост, как кажется. Согласно последним исследованиям Института мозга, сила воздействия голоса без изображения на подсознание человека велика, это воздействие обладает уникальными свойствами и особенностями. Они использовались древними религиозными сектами, такими как древнегреческие пифагорейцы, в некоторых ответвлениях иудаизма, ислама, где во время богослужения жрец, учитель, священник произносили слова учения не на виду у аудитории, а находясь за ширмой или занавеской. Как подчеркивает в своих записках о кинематографе Ю. М. Лотман, видеть говорящего — значит понимать, что мы слышим мнение одного конкретного человека, с которым мы можем не соглашаться. Голос-невидимка претендует на большее — на абсолютную истину, как говорится, на истину в последней инстанции. Психологи утверждают, что в раннем детстве, когда человеком командуют больше всего, ребенку меньше приходится видеть говорящего взрослого, находящегося часто слишком высоко над его головой или за его спиной. Все эти обстоятельства еще раз доказывают авторитарные свойства невидимого голоса, придающего содержанию речи оттенок бесспорности и директивности. И здесь важны, прежде всего, интонации говорящего, тембр его голоса, действующего больше внушением, чем логикой и аргументами²⁹³, и действительно, создаваемые средствами радиожурналистики и радиоискусства звуковые художественные образы играют огромную роль в формировании социальной психологии общества, морально-нравственных критериев, эстетических и этических норм.

Эти необыкновенные свойства «великого говорящего» были гениально распознаны В. И. Лениным и его окружением буквально с первых шагов технического развития радио в России, сначала в качестве военного средства (радиобомбы, оперативная связь), а затем как мощного идеологического орудия партии, так называемого «митинга миллионов»,

которому даже в самые тяжелые для советской власти дни оказывалось предпочтение в государственном финансировании²⁹⁴. Здесь большевиками учитывались два важнейших фактора — с одной стороны, особая русская привязанность и предрасположенность к устной речи, которую так тонко подметил еще Морис Палеолог²⁹⁵, с другой — огромная территория России, а также большой процент малообразованных людей.

История формирования государственного пропагандистского канала весьма примечательна, поскольку развитие радио как средства связи, его информационного и творческого потенциала совпало с процессом становления сталинского режима. С одной стороны, не надо было ломать старые традиции и формы. С другой, как нечто совершенно новое, радио в своей и содержательной, и организационной основе очень чутко впитывало все атрибуты тоталитарной власти. Вот почему «чудо XX века», действительно зарождавшееся как народная трибуна и мощное культурное средство, трансформировалось в «постоянно бубнящую черную тарелку»²⁹⁶, символизирующую сталинскую эпоху. Эта история особенно показательна с точки зрения понимания происшедших в этот период необратимых деформаций, которые сделали всю систему социокультурных ценностей советского общества незыблемой.

Не стоит забывать, что речь идет о зарождении нового синтетического коммуникативного канала, с развитием которого мир обрел новые психо-эстетические формы общения и получения информации. Особую привлекательность радио имело в глазах обывателя, мифологизировавшего всех, кто был связан со «звучащим невидимкой», для обывателя радио имело своеобразную притягательную силу. Поэтому так непросто и противоречиво складывались взаимоотношения между «четвертой властью» и «властью первой», отчетливо сознававшей зависимость своего политического успеха от уровня ангажированности журнализма²⁹⁷. Вообще заслуги прессы и журналистов в становлении и «обслуживании» тоталитарных режимов не только значительны, но зачастую и определяющи. Подмена нравственных основ профессиональной этики журналиста принципами «партийности печати и литературы» обусловила функции и характер советских масс-медиа. Впрочем, общим местом является утверждение о том, что об уровне демократии в государстве свидетельствует наличие независимой и самостоятельной журналистики и что, напротив, тоталитарный режим различными средствами, от непосредственной цензуры до мер финансовой, кадровой и иной политики, стремится к созданию системы «карманных» масс-медиа, полностью зависимых от власти.

Именно в связи с той действительно первостепенной ролью, которая была исторически отведена радио в 1920–1930-е гг., особое значение приобретает анализ механизма идеологического руководства им со стороны партии и государства, формирования системы контроля над его работой.

Прежде всего следует выделить те специфические аспекты, которые характеризуют контроль над радио со стороны господствующей идеологии. Эта специфика вытекает из правового статуса информационного канала. Статус, в свою очередь, напрямую обусловлен законодательством в области свободы слова и печати; организационными формами собственности радиоконпаний и агентств, радиопередающих средств связи; конкретными формами и методами идеологического контроля над содержательной частью радиосообщений.

Формирование радиоэфира идет по нескольким направлениям: определение структуры вещания — «эфирной сетки» или программы вещания, с помощью которой осуществляется распространение общественно-политических, культурных и других ценностей²⁹⁸, и организация непосредственного контроля (предварительного и последующего) цензурными органами микрофонных материалов. Непосредственный контроль проходит в два этапа: 1) просмотр и утверждение микрофонных папок; 2) прослушивание (тотальное или выборочное) радиопрограмм²⁹⁹. Здесь достаточно четко можно проследить картину складывания системы контроля внутри Радиокomiteта.

Система сталинской радиопропаганды складывалась в первое десятилетие существования пролетарского государства, что почти совпало по времени с началом речевых радиопередач и организацией регулярного вещания. Становление государственно-идеологического контроля над радио прошло следующие периоды: 1917–1920 гг. — «военно-технический»; 1921–1924 гг. — организационно- и творчески-«поисковый»; 1924–1928 гг. — создание «идеальной модели» организационного начала и внутреннего содержания вещательных программ, становление жанрово-тематической структуры радиожурналистики, формирование основ радиорежиссуры; 1928–1933 гг. — «ведомственный» — принадлежность радиовещания сугубо техническим ведомствам — Наркомпочтелю РСФСР, а затем Наркомату связи СССР, возникновение системы радиопропаганды; 1933–1990 гг. — «государственный» — от основания Государственного Радиокomiteта при СНК СССР вплоть до основания в 1990 г. альтернативного государственного канала — ВГТРК, позже независимых коммерческих телерадиовещательных компаний — НТВ и ТВ-6.

Очень важным по своей сути событием в истории радио и радиовещания в нашей стране стала организация осенью 1924 г. акционерного общества «Радиопередача». Развитие радиодола в стране встало на совершенно особую, по сравнению с другими масс-медиа, организационно-творческую почву. Учредители акционерного общества (Трест заводов слабого тока, РОСТА, Наркомпочтель и др.)³⁰⁰ в уставных документах определили его следующие функции и задачи: объединение всего радиодола в стране, организация широковещания, строительство и эксплуатация радиостанций, торговля радиоаппаратурой, издательская, рекламная и другая

коммерческая деятельность³⁰¹. Такая постановка дела превращала радио в самостоятельную, самокупаемую и даже вполне доходную сферу деятельности, гарантирующую акционерам и журналистам свободу не только финансовую, но и творческую.

Первый этап существования «Радиопередачи», несмотря на большие внутренние проблемы страны, характеризовался полной поддержкой ее деятельности со стороны государства и партийных органов. Это выражалось не только в восторженных отзывах в печати о первых радиопередачах — радиогазетах и радиопостановках, но и, что гораздо более важно, в государственном финансировании и предоставлении кредитов. Так, в 1925 г. вместо первоначально заявленных 200 тыс. руб. государство предоставило «Радиопередаче» долговременную ссуду в 2 млн руб.³⁰²

Однако уже в 1926 г. появились проблемы в получении с Наркомпочтеля части абонентной платы за радиоустановки. Эти сложности, а также противоречия между представителями «Радиопередачи» и государственными органами управления культурой и связью (Наркомпрос, Наркомпочтель) приняли хронический характер, становясь непримиримыми. Кроме этого, все доходы от абонентной платы и продажи радиоприемников шли не на развитие радио, а в государственную казну. Так началась борьба радио с государством за стремительную увеличивающуюся прибыль и возможности влияния на аудиторию.

Созидатели идеологии понимали значение нового коммуникативного средства для «распространения и внедрения идей коммунизма для дальнейшей победы на арене классово-борьбы»³⁰³; они подчеркивали важнейшую функцию радио «на пути к проникновению политической активности граждан Советского Союза» (Г. В. Чичерин). И если «романтик» А. В. Луначарский с пафосом говорил о «развитии в нашем социалистическом Союзе этой новой изумительной формы междучеловеческой связи», то «главный безбожник» Е. М. Ярославский в своем приветственном слове первой Радиогазете³⁰⁴ вывел формулу гласности, которая заключалась в том, что «пока СССР является единственной страной, где пролетарские массы могут пользоваться государственным аппаратом...», они «пользуются ничем не ограниченной свободой слова». Оставляя в стороне присущее коммунистическим вождям лицемерие, мы тем не менее должны констатировать, что советское радиовещание на заре своего существования действительно было близко к идеальной модели «народной трибуны» — доступной, демократичной, с практически беспрецедентной для того времени аудиторией.

По сравнению с периодической печатью, которая подвергалась цензуре еще по «Декрету о печати» 1917 г., радио в начале 1920-х гг. имело только общее, координирующее руководство Агитпропа ЦК РКП(б). В постановлении «О радиоагитации» от 2 марта 1925 г. говорилось в рекомендательном стиле также о «необходимости привлечь внимание парторганизаций к делу радиоагитации...»³⁰⁵ Только в июне 1925 г. для

осуществления единого руководства делом радиоагитации была создана Радиокomisсия ЦК, в которую вошли А. В. Шотман, И. А. Халепский, Ф. И. Драбкина, А. С. Енукидзе и др. Постановлением ЦК РКП(б) «Радиоагитация» от 22 июня 1925 г. «руководство и контроль радиоагитацией в советском порядке было возложено на Наркомпросы республик (через Главлиты и Главреперткомы)»³⁰⁶.

В то время отличия радио от периодической печати обуславливались не только техническими особенностями вещания (передачи шли в эфир непосредственно из студии) и спецификой подготовки радиопередач различных форм и жанров (только выпуски радиогазет имели предварительно написанные тексты, заверенные редактором, а затем и представителем Главлита), но и позицией высшего политического руководства и его ближайшего окружения относительно свободы слова в радиоэфире, которая отличалась от последующих жестких цензурных норм. Реальному цензурному контролю подвергались только тексты пропагандистских радиопередач — радиогазет, статей и др. Художественные, музыкальные и культурно-просветительные программы не только предварительно не проверялись, но и довольно часто не имели заранее написанных текстов. Как вспоминает один из организаторов музыкально-художественного вещания, «музрук» (руководитель музыкального вещания) Г. А. Поляновский, лекции по истории музыкальной культуры он и его коллеги читали по так называемым лекционным карточкам, рабочим тезисам, свободно и каждый раз по-разному излагая тему³⁰⁷. Этим «грешили» не только музруки (Г. А. Поляновский, М. С. Куржиямский, С. Чемоданов и др.), принадлежавшие к племени высокообразованных профессионалов, свободно владеющих звучащим словом, но и многие лекторы и докладчики, приглашенные к микрофону в атмосфере, пока еще достаточно свободной для высказывания различных точек зрения и дискуссий. Только постановлением ЦК ВКП(б) от 10 января 1927 г. был определен обязательный порядок прохождения всех эфирных материалов через органы Главлита с последующим хранением их в архиве³⁰⁸. Но это было позже...

С конца 1925 г. постепенно стал складываться порядок осуществления контроля над структурой и содержанием радиопрограмм, обстановкой и режимом работы в учреждениях радиовещания. Так, 2 ноября 1925 г. приказом № 21 по правлению акционерного общества «Радиопередача» был установлен порядок, при котором лицам, не имеющим непосредственного отношения к передаче, категорически запрещалось входить в радиостудию³⁰⁹. В дальнейшем проблема охраны микрофонов и введения строгой пропускной системы решалась с помощью органов внутренних дел.

Инициатива создания механизма идеологического управления радиовещанием исходила от органов управления пропагандой Агитпропа ЦК ВКП(б) и Главлита. При этом позиция первого была более либераль-

ной и заключалась в определении общей директивы о необходимости контролировать все возрастающее влияние радио. Позиция Главлита основывалась на стремлении расширить перечень объектов контроля и тем самым увеличить штаты, льготы и средства, отпускаемые государством на его деятельность, и в результате создать мощную ведомственную империю, способную оказывать существенное влияние на общественно-политическую жизнь страны.

Первое принципиальное решение «О радиоцензуре» было принято на заседании Радиокomisсии Агитпропа ЦК РКП(б) 3 декабря 1925 г. Главлиту было предложено немедленно приступить к контролю радиовещания, положив в основу временную инструкцию, которая устанавливала: 1) политический контроль Главлита над работой радиовещательных организаций; 2) обязательную регистрацию в органах Главлита всех учреждений и организаций, занимающихся радиовещанием, с указанием используемых радиостанций; 3) создание института уполномоченных Главлита, отвечающих за политическую сторону работы радиовещательных организаций; 4) предварительный контроль материалов и выдача разрешительных виз; 5) специальный контроль за трансляцией докладов и прений, происходящих на съездах и конференциях и др.³¹⁰ Было также принято решение возложить ответственность за организацию радиоцензуры на специально созданный при Главполитпросвете Центральный радиосовет, в состав которого входили представители ЦК РКП(б) и МК РКП(б), ВСЕРАБИС, Наркомпочтеля, Главполитпросвета, Главлита, ОГПУ, Реввоенсовета СССР, ВЦСПС, МГСПС и акционерного общества «Радиопередача».

Изначально радиоцензура (предварительная и последующая), несмотря на возражения Главлита, была рассредоточена по различным ведомствам: художественно-просветительные программы и радиогазеты были включены в сферу контроля Главлита, губ (обл)литов, а лекции и доклады — в сферу контроля Главполитпросвета, губ (обл)политпросветов. Последующий контроль радиовещания осуществлялся одновременно органами Главлита, Главполитпросвета и Политконтроля ГПУ. Было также принято решение об обязательном предоставлении для цензуры предварительных программ радиопередач с их последующей публикацией в прессе: план художественно-просветительного репертуара — за три месяца, детальные радиoproграммы — не менее чем на неделю вперед; внеплановые радиопредачи подвергались оперативному цензурированию³¹¹. Примечательным является тот факт, что регулярная публикация радиoproграмм в прессе была вызвана именно требованиями цензуры, а не стремлением удовлетворить потребности аудитории.

Тем не менее воплощение разработанной схемы контроля на практике было осуществлено позже. Во всяком случае, дискуссии относительно целесообразности предварительной радиоцензуры шли достаточно продолжительное время. Точка зрения Агитпропа была двойственной, она

складывалась явно под воздействием радиожурналистов и организаторов радиовещания, пользующихся в ЦК большим авторитетом и часто вышедших из недр партийного аппарата. С одной стороны, считалось, что предварительный просмотр (с последующей проверкой) необходим, с другой — высшие партийные органы признавали, что «методы осуществления предварительного контроля должны быть достаточно гибкими и не задерживать работу радиовещательных станций»³¹². Именно это обстоятельство давало редакциям возможность чувствовать себя относительно самостоятельно и не ощущать каждодневно тягостный груз ответственности перед цензорами.

Однако Главлит занял активную позицию по отношению к введению предварительного контроля на радио. Весной и летом 1926 г. Главлит неоднократно обращался в ЦК с предложениями «взять на себя политическую ответственность за радиовещание», организовав «по аналогии с печатными произведениями... полный предварительный контроль»³¹³. Предложения сопровождалась критикой радиовещания и угрозами, что если не будут приняты своевременные меры, то работа партии идеологически будет провалена. Говоря о «трудностях в деле организации радиоконтроля», Главлит называл прежде всего неукомплектованность штатами, что было не чем иным, как тактическим приемом: незадолго до этого Главлит категорически отклонил попытки принятия Закона о печати, существенно ограничивающего сферу его деятельности³¹⁴. Второй трудностью, по мнению Главлита, являлись «кустарные методы» радиовещания, которые приводили к различного рода «экспромтам», исключаяющим полноценную предварительную проверку. Указывалось также на то, что редакции зачастую не имеют даже тезисов выступлений докладчиков (особенно часто это случалось во время трансляций заседаний съездов, митингов и др.). В качестве примеров был приведен случай «поздравления т. Калинина с заключением нового брака» и «попадания в эфир во время трансляции первомайских речей с мавзолея на Красной площади фразы А. И. Рыкова: «Очень устал. Какого черта никто меня не сменяет»». Однако самым ярким проявлением «недопустимой свободы» прямых трансляций, по мнению цензоров, являлась «недопустимая брань (матерщина) в прямом эфире, которая в таком обилии может нанести большой вред престижу СССР не только у нас, но и за границей»³¹⁵.

Сознавая, что предлагаемые жесткие меры могут привести «к срыву и парализации работ радиовещательных организаций», Главлит тем не менее предлагал следующее: ввести предварительный фактический контроль тех материалов, которые могут быть представлены в печатном виде (в рукописях), и последующую их проверку через приемник или на месте передачи; выделить от организаций лиц, ответственных за идейное содержание лекций и докладов, в том числе партийных работников, отвечающих за трансляции съездов и конференций; ввести строгий надзор за микрофоном для предупреждения случаев злоупотребления; уста-

новить порядок согласования с Главлитом всех замен радиопрограмм; организовать специальную подготовку работников радио по ознакомлению их с цензурными требованиями. Безусловно, такая программа могла быть реализована только при наличии новых должностных единиц, предоставленных Главлиту — заведующего контролем по радиовещанию (1 шт. ед.) и политредактора по радиовещанию (3 шт. ед.)³¹⁶.

Первый период борьбы за влияние и контроль на радио был обозначен критикой, развернувшейся в прессе и на заседаниях многочисленных радиокomisсий и радиосоветов в ЦК ВКП(б), Главполитпросвете, Наркомпросе, Главреперткоме, конкурирующих идеологических инстанций. «Радиопередача» все больше испытывала давление и вмешательство с их стороны в свои внутренние дела. Для того чтобы утвердиться на заявленных позициях «главного идеолога», Главполитпросвет, возглавляемый Н. К. Крупской, инициировал в 1926 г. «дело “Рабочей радиогазеты”», которой были предъявлены обвинения в «поверхности, беглости, обывательщине и даже черносотенстве». Говорилось, что «в ней нет ничего, что помогало бы втягиванию рабочего в общественную работу, в строительство социализма», зато «газета пестрит сенсационными известиями о мужьях, вешающих своих жен, о пожарах, хищениях»³¹⁷. Заключение было категоричным: требуется серьезная реорганизация.

Реакция руководства «Рабочей радиогазеты» в лице назначенного на эту должность ЦК ВКП(б) А. Садовского была решительной по форме и обоснованной по содержанию: безграмотные и необоснованные обвинения Главполитпросвета, в частности, в «черносотенстве только на основании сообщений о плохих жилтовариществах, проворованных сберкассах, прогулах и выходах из партии», были полностью отменены. На обсуждение в Агитпропе ЦК был представлен обстоятельный отчет о действительном положении вещей в радиовещании. Руководство «Радиогазеты» яростно сопротивлялось вмешательству в свои дела расплодившихся к этому времени культурных ведомств системы Наркомпроса РСФСР и Главлита. Вышедшая из недр ЦК партии «Рабочая радиогазета» признавала в худшем случае только его высокое покровительство, стремясь за счет этого вырваться из-под опеки цензоров.

Идея принадлежности и подчинения радио непосредственно органам высшего политического руководства была напрямую высказана в материалах к обсуждению этого вопроса в Агитпропе ЦК в октябре 1926 г. Говоря о пройденном пути, А. Садовский в своих тезисах признавал, что «Рабочая радиогазета» является, прежде всего, «массовым агитатором-пропагандистом, выступающим с московской трибуны по радио от лица партии, советской власти и самого рабочего класса». С другой стороны, радио в лице «Рабочей радиогазеты» должно выявлять позицию рабочей общественности, формировать пролетарское общественное мнение по основным вопросам текущей политики пар-

тии, советской власти и конкретным вопросам рабочего быта. Другими словами, признавая неотъемлемую связь партии со средствами массовой информации, радиожурналисты тем не менее оставляли за собой право обратной связи с народом. При этом налаживание живой связи с рабочими массами не носило формальный характер, оно включало не только рабселькоровское движение, но и непосредственное привлечение к микрофону представителей народа, организацию обращений к партийным собраниям и съездам³¹⁸. «Идеологическое воздействие должно быть тесно увязано с информацией. Одно должно дополнять другое, а не заменять. Должна быть соблюдена правильная пропорция... Для того, чтобы не оттолкнуть слушателей, чтобы не превратить газету в “агитку”, “Рабочая Радиогазета” должна сохранить свежесть и необходимую полноту информации», — так удивительно прозорливо «пионеры советского радио» формулировали теоретические основы электронных средств массовой информации. И далее: «Радиогазета при известных условиях может быть мощным политическим орудием, особенно в моменты крупных международных потрясений (пример: английская забастовка в мае 1925 г.). Живая речь, кроме того, действует на психику гораздо сильнее, чем печатное слово. Масштабы действия радиогазеты не ограничены. Все это говорит за то, чтобы “Рабочая Радиогазета” находилась в ведении ЦК ВКП(б)»³¹⁹. Поставленные на полях тезисов в нескольких местах возле последней фразы вопросы отражают позицию ЦК на этот период: высшее руководство страны в лице И. В. Сталина и его ближайшего окружения пока еще не в полной мере оценили возможности радио в борьбе за власть.

Вскоре на более низком уровне, в Наркомпросе РСФСР, было выработано следующее решение: дело идеологического руководства и контроля в области радиовещания осуществляется Наркомпросом РСФСР через Главполитпросвет и Главлит. При этом: 1) на Главполитпросвет возлагается идеологическое руководство радиовещанием (совместная разработка программ и планов, контроль за выполнением общих директив высших органов и др.); 2) на Главлит возлагается осуществление идеологического и военно-политического контроля над ширококвещанием (утверждение отдельных программ радиовечеров, а при необходимости и — самих материалов, предназначенных к ширококвещанию, издание правил и распоряжений по контролю над радиовещанием)³²⁰.

Таким образом, оставаясь организационно независимым, радио, прежде всего общественно-политическое вещание, постепенно оказывалось в сетях многочисленных органов управления идеологией и культурой, приближаясь по методам прохождения материалов в эфир к печати. Установление системы идеологического руководства радиовещанием и контроля над ним шло в период бурных творческих дискуссий о специфике радиоискусства и радиорежиссуры, о феномене радиокommunikации и природе радиоканала³²¹.

Развитие радио выражалось не только в выработке теоретико-методологических основ вещания, но и в бурном росте его технических возможностей: строительстве новых приемно-передающих радиостанций в центре и провинции, увеличении производства приемников³²². Это вызвало появление местных радиогазет на уровне области, губернии, города, которые в свою очередь, попали в сферу внимания партии³²³. 7 января 1927 г. на Секретариате ЦК ВКП(б) было принято постановление о руководстве парткомитетами работой радиотелефонных станций, «используя их максимально в агитационных и просветительных целях». Для осуществления этого намечалось выделить из состава парткомитета «ответственного партийного товарища», который должен был отвечать за все передаваемые в эфир материалы, организовать их предварительный просмотр и проверку выступающих перед микрофоном лекторов и докладчиков, обеспечить охрану микрофонов³²⁴.

Развернувшаяся во второй половине 1920-х гг. острая внутрипартийная борьба вызвала усиление власти центра и идеологического контроля во всех сферах общественно-политической и культурной жизни. XV съезд ВКП(б) в 1927 г. признал необходимым «всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте»³²⁵. После съезда был принят ряд партийных постановлений, фактически введших военно-политический и идеологический контроль над прессой как со стороны партийных органов, так и со стороны Главлита. К этому времени частные издательства практически были ликвидированы. Система партийно-государственного контроля окончательно сложилась, однако радио, по сравнению с другими средствами массовой коммуникации, организационно все еще оставалось общественным и независимым акционерным обществом, владеющим и распоряжающимся всем имуществом, материальными и техническими средствами связи, со своими творческими и техническими кадрами, прибылью. Необходимо было законодательно заключить радио в рамки сложившейся государственной системы, поставив его тем самым в полную от нее зависимость. Началась планомерная «операция захвата», имеющая свой сценарий, режиссуру, драматургию, применяющуюся в практике советского «политического театра» неоднократно. Руководство «Радиопередачи», оценив обстановку, приняло «план обороны», который заключался в том, чтобы опередив официальные власти, выйти первыми со своими предложениями о реорганизации радиовещания, подстроившись тем самым под общую линию огосударствления и окончательного свертывания нэпа.

Накануне этих событий, в начале лета 1927 г., была предпринята последняя попытка отстоять идеологическую самостоятельность, заручившись прямым руководством ЦК ВКП(б). Ответственный редактор из ЦК должен был нести персональную ответственность за содержание и политическую направленность радиопередач. Но эта попытка

потерпела поражение. Предложения А. Садовского о независимости радиогазет и самостоятельности редакционного аппарата были решительно отклонены на заседании Радиокomisсии Агитпропа ЦК 24 июня 1927 г.³²⁶ Резко критическая оценка парторганами в целом положения в «Радиопередаче» предопределила неизбежность перемен и подтолкнула руководителей акционерного общества к решительным действиям опережающего характера.

К октябрю 1927 г. в недрах «Радиопередачи» была разработана программа реорганизации всего радиодела в стране. Она предусматривала: 1) выделение радиодела в самостоятельный орган, не подчиненный никакому ведомству; 2) финансовую самостоятельность за счет получения целевого сбора и доходов от продажи радиоаппаратуры; 3) концентрацию радиотехнических средств в руках широкоэмитальных организаций в целях обеспечения интересов радиовещания³²⁷.

План, разработанный в «Радиопередаче», содержал важнейшую идею о создании единого межнационального информационного пространства на территории всей страны с развитой местной радиовещательной структурой, учитывающей национальные особенности республик, краев и областей. План предусматривал создание государственного Радиоагентства при СНК СССР во главе с Советом, состоящим из представителей всех союзных республик, ВЦСПС, ВСНХ и др. Этот план был, по существу, альтернативой, дающей возможность сохранения относительно демократических условий для получения и распространения информации средствами радио. Однако эта альтернатива наряду с другими была жестоко подавлена. Радио железной рукой было превращено в одно из мощных средств идеологической обработки масс. Его задача должна была состоять в том, «чтобы, всемерно пропагандировать успехи в строительстве коммунизма, показывать жизнь советского общества в ее непрерывном движении вперед, освещать ход социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение государственных планов хозяйственного и культурного строительства, распространять опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства»³²⁸. Определяющую роль в провале предложенного плана сыграло то обстоятельство, что в процессе огосударствления радио вся техническая база (приемно-передающие радиостанции) была передана из радиовещательных организаций в Наркомпочтель. Этот аспект требует специального разъяснения, поскольку ранее никогда не рассматривался в контексте истории управления СМИ.

Испытывая на себе усиление идеологического давления, радио между тем до последнего сохраняло свою независимость от власти за счет технических особенностей распространения информации — звучащего слова. «...Наша печать должна, во-первых, возможно более правильно информировать о положении вещей. Мы, разумеется, не можем рассказывать «всем, всем, всем» о некоторых вещах, не можем потому,

что это принесет вред пролетариату», — высказывал Н. И. Бухарин официальную точку зрения на допустимую степень гласности. Тем не менее для переходного периода характерны были даже демагогические рассуждения о «необходимости вовремя информировать массы о существующих трудностях и недостатках», «о роли рабселькоровского движения в осуществлении связи с массами»³²⁹. Если слово печатное было полностью подконтрольно, то слово звучащее нет-нет да и доносило до слушателей реалии и подлинную атмосферу жизни тех лет. Несмотря на все попытки исключить непредвиденные ситуации в «живом» эфире, у приглашенных к микрофону имелась возможность высказать свою точку зрения. Отключение трансляции и политика в отношении использования радиоэфира входили в прерогативу радиовещательных организаций. Вот почему намеченная реформа радиовещания включала не только преобразование собственности из акционерной в государственную (этим и объясняется промежуточный «ведомственный» вариант передачи всего управления радио в Наркомпочтель), но и отторжение от радиовещательных организаций их технических средств — радиостанций — для возможности манипуляции и в, крайних случаях, отключения микрофонов.

Руководство «Радиопередачи» полностью сознавало, что, утратив свою власть над «кнопкой», оно попадает в полную зависимость от государства — идеологическую, финансовую и техническую, превратясь по сути в придаток Агитпропа ЦК, не имеющий перспектив творческого и политического развития. Указывая на «организационные недостатки в технической базе радиовещания», «Радиопередача» в своих «Тезисах о технических средствах радиовещания» отмечала несогласованность технических и строительных планов Наркомпочтеля, его стремление обособить техническую базу от радиовещания, в особенности недопустимые попытки оторвать эфирные студии и трансляционные узлы от радиовещания, и пр. Основная установка «Радиопередачи» по этому вопросу была следующая: «Не радиовещание применительно к технике, а техника применительно к радиовещанию, его задачам и нуждам; техника — целиком в руках и в полном распоряжении радиовещательных организаций, которые кровно, непосредственно и более чем кто-либо другой заинтересованы в своей технической базе, в ее усовершенствовании и полной пригонке к радиовещанию. Единство техники и радиовещания, а не разрыв. Радиостанции, трансляционные узлы, линии и студии — для радиовещательных организаций то же, что собственные типографии для газетных издательств, — они им позарез необходимы, им принадлежат, на их целиком средства (даваемые государством) и по их планам строятся и им целиком подчинены. В соответствии с этим является вредным и утопичным стремление Наркомпочтеля... забрать себе все радиовещательные станции от радиовещательных организаций и от республиканских, краевых и прочих исполкомов и других организаций»³³⁰.

Окончательный этап борьбы за радиоэфир между государством и «Радиопередачей» проходил уже в условиях финансового бойкота радиовещания, организованного с помощью заинтересованных ведомств, и прежде всего Наркомпочтеля³³¹. Если еще в начале 1927 г. Н. И. Бухарин, обеспокоенный материальным положением «Радиопередачи», говорил о том, что радио бьется в тисках чудовищных бесстыдно высоких цен на радиоаппаратуру, то в последнем квартале 1927 г. финансирование радиовещательных органов было полностью прекращено. Одновременно усиленно распространялись слухи о якобы несметных денежных средствах, получаемых радио от целевого сбора и абонентной платы, и говорилось о том, что предполагается их немедленное снижение вплоть до полной ликвидации. Общественное мнение было подготовлено.

Начало 1928 г. ознаменовалось регулярными обсуждениями на самом высоком уровне проектов по реорганизации радиовещания. Однако окончательное решение было принято только после многочисленных комиссий. Но не все из них выполнили возложенные на них задачи. Так, выводы комиссии НКРКИ в подавляющем большинстве содержали положительную оценку деятельности «Радиопередачи» по всем направлениям³³². Повторная проверка проводилась членами Комиссии по вопросам кино и радио при Политбюро ЦК, которая 6 июня 1928 г. вынесла постановление о содержании радиовещания. Справедливости ради, следует отметить, что в заключении и этой комиссии (в особенности в неотредактированном архивном варианте) замечания носили, в основном, рекомендательный характер³³³.

20 июня 1928 г. состоялось «судьбоносное» заседание Комиссии ЦК по улучшению постановки дела радио и кино, которое было полностью посвящено окончательному решению этого вопроса. Присутствовавшие на заседании представители всех борющихся сторон в полной мере аргументировали свою точку зрения и окончательно определили судьбу советского радио на будущие десятилетия. Главными противниками — «Радиопередачей» и Наркомпочтелем — были выдвинуты друг против друга жесткие обвинения в несостоятельности руководить радиовещанием и проводить политику партии. В своем выступлении А. Бердников («Радиопередача») пытался отстоять решение Комиссии НКРКИ об организации Радиовещательного агентства вневедомственного типа. У «Радиопередачи» даже имелась устная договоренность с М. И. Калининым и А. С. Енукидзе о создании Радиоагентства при ЦИК. Бердников бесстрашно обвинял Наркомпочтель в желании присвоить отпущенные на развитие радиовещания бюджетные средства и в полном провале массовой радиофикации. Однако он и его товарищи оказались в изоляции, преданные даже своими коллегами из Ленинграда, которые вовремя подстроились под общий хор и заблаговременно перешли «под крышу» Наркомпочтеля. В своем выступлении заведующий Ленинградским радиовещательным узлом Гурвич отчитался о

своим месячным опытом работы в аппарате Наркомпочтеля так: средств отпущено достаточно, созданная партийная радиокомиссия «подрабатывает все идеологические вопросы», «товарищи из Наркомпочтеля стараются помочь, это самое главное, а дальше есть партия, которая нами руководит».

Позицию Н. К. Крупской можно оценить более как житейскую, нежели партийно-наркомпросовскую. Привычно призвав профсоюзы к активной позиции, она обратилась к крестьянской мудрости: «Тут место крадучее, кто ни сядет, обязательно красть будет, а я сяду, и я украду»³³⁴. На грани приличия прозвучало выступление Антипова (Наркомпочтель), уверенного в полной безнаказанности и поддержке «сверху». На общем фоне неожиданным было эмоциональное и мужественное выступление представителя Украины Захарченко, поддержавшего «Радиопередачу» и лично А. Бердникова. Однако его одинокий голос потонул в возбужденном гуле организованной травли: последние итоги были подведены в выступлениях Б. А. Ройзенмана (Радиокомиссия при ЦК) и С. В. Косиора (Политбюро ЦК), решительно проводивших политику ЦК, с одной стороны, и либерально рассуждавших о целесообразности и интересах радиослушателей — с другой. Несмотря на приведенные слова «отца радио» А. Шотмана о том, «что в руках Наркомпочтеля радио погибнет», главным аргументом были все-таки другие (Б. А. Ройзенмана³³⁵): «Теперь относительно постановления Коллегии РКИ. Т. Бердников сидит и все время указывает мне на постановление Коллегии РКИ. Конечно, дисциплина у нас есть, Коллегия РКИ постановила, а ЦК партии постановил другое. А ЦК над всеми, брат! И здесь, извините меня пожалуйста, нечего мне тыкать, что я должен проводить постановление РКИ. Я здесь член комиссии и должен проводить мнение ЦК партии. Я стою за то, чтобы это дело передать скорее Наркомпочтелю»³³⁶.

Стенограмма заседания Комиссии полностью раскрывает весь цинизм и заранее определенный характер поведения его участников, демонстрируя в образах и диалогах «карнавализацию власти эпохи сталинизма» (по Бахтину)³³⁷. Но упорное сопротивление «радивостов» и решение комиссии НКРКИ повлияли на общий итог обсуждения, и было принято компромиссное решение о передаче радиододела в Наркомпрос РСФСР.

Между тем 4 июля 1928 г. Политбюро ЦК приняло постановление о ликвидации «Радиопередачи» с дальнейшим возложением ее функций на Наркомпочтель РСФСР, несмотря на предложения Радиокомиссии Политбюро ЦК. 13 июля было принято постановление СТО «О реорганизации радиовещания», деятельность акционерного общества «Радиопередача» была приостановлена в соответствии с положением об акционерных обществах от 17 августа 1927 г.³³⁸ Вся организация и руководство радиовещанием были возложены на Народный комиссариат почт и телеграфов³³⁹. Можно только предполагать, как стремительно

разворачивались события. Сложившийся к этому времени механизм принятия решений по всем вопросам был таким: решающее слово было за членами Политбюро, а последнее — за Сталиным и его ближайшим окружением. Приняв соответствующее принципиальное решение относительно управления радиовещанием, равно как и законодательного уровня постановления (СТО³⁴⁰); этот вопрос, как и многие другие, решили «опросом».

Необходимый профессионально-идеологический уровень руководства радиовещанием должен был обеспечить созданный по решению Секретариата ЦК ВКП(б) 24 августа 1928 г. Радиосовет при Наркомпочтеле. В его состав вошли Н. И. Смирнов и М. И. Салтыков (НКПТ), А. А. Садовский («Рабочая радиогазета»), Б. С. Ольховой и П. М. Керженцев (Агитпроп ЦК), А. С. Костров (ЦК ВЛКСМ), Е. Коган (МК ВКП(б)), А. Я. Гольшев (Главполитпросвет), А. И. Гусман (ВЦСПС), А. И. Свицерский (Главискусство)³⁴¹. Полувоенное ведомство, каким был Наркомпочтель, контролировалось ЦК ВКП(б) через партийные организации сверху донизу. 17 октября 1928 г. ЦК ВКП(б) направил всем ЦК союзных республик, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам партии письмо «Об усилении внимания к органам Наркомпочтеля», предписывающее партийным инстанциям усилить контроль над местными органами Наркомпочтеля, укрепить их политическими кадрами³⁴².

Однако победившая на этом этапе линия Наркомпочтеля хоть и выполнила основной заказ «сверху» по огосударствлению радио и отделению технических средств в пользу «связистов», но сильно обострила внутреннюю обстановку внутри Радиоуправления НКПТ СССР. Статус второстепенного, провинциального управления не мог удовлетворить Агитпроп ЦК, радиожурналисты также были недовольны. Последовали новые решения и директивы, которым предшествовал уже привычный «обмен любезностями» с обвинениями в развале радиорботы. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 августа 1931 г. «О радиовещании»³⁴³ было направлено на «наилучшее использование радио в целях агитации и пропаганды и выделение радиовещания из ведения НКПТ в ведение ЦК ВКП(б) (руководитель — Ф. Кон), оставив в НКПТ административно-хозяйственную часть»³⁴⁴. 26 августа 1931 г. Политбюро приняло повторное решение об организации самостоятельного Радиокomiteта, но в старой структуре Наркомпочтеля при идеологическом руководстве Культпропа ЦК³⁴⁵.

Борьба продолжалась и на заключительном этапе формирования Радиокomiteта в 1932–1933 гг.: 7 сентября Президиум ЦИК СССР принял решение о выделении радиовещания из ведения Наркомата связи и передаче его в ведение специально организуемого Комитета по радиовещанию при ЦИК СССР³⁴⁶. Это решение было подкреплено обстоятельной запиской А. С. Енукидзе, который последовательно при-

держивался занятой ранее в ЦК позиции от имени фракции ВКП(б) в Президиуме ЦИК о необходимости освобождения важнейшего средства агитации от «узковедомственных лап НКС»³⁴⁷. Рассматривая различные варианты, в том числе и проект Л. Кагановича, который делал упор на самофинансирование путем введения абонентной платы³⁴⁸, 1 декабря 1932 г. Политбюро ЦК приняло решение о подчинении вновь созданного Радиокomiteта СНК СССР³⁴⁹. Но 16 января 1933 г. Политбюро вновь проявило нерешительность и склонилось в пользу ЦИК СССР³⁵⁰. Привычная чехарда с отменой ранее принятых решений повторилась и на сей раз. Наконец, 31 января 1932 г. постановлением СНК СССР был образован Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию (ВРК) при СНК СССР, первым председателем которого был назначен П. М. Керженцев, бывший управляющий делами СНК СССР. Деятельность нового комитета полностью финансировалась и контролировалась государством. Принадлежность приемно-передающих средств Наркомату связи СССР была подтверждена законодательно, Радиокomiteту была отведена роль «советчика и помощника» в вопросах радиотехнического строительства³⁵¹. Таким образом, была создана государственная структура управления, с помощью которой отныне осуществлялось руководство всех форм, прежде всего идеологическое.

Параллельно с уничтожением организационно-финансовой и технической независимости радио шло цементирование радиоцензуры, которая приобретала все большую схожесть с цензурой печатной. Еще в январе 1928 г. приказом по правлению акционерного общества «Радиопередача» был введен строгий порядок оформления микрофонных текстов с визами заведующего отделом или его заместителя и уполномоченного Главлитом. Только правильно оформленные микрофонные материалы допускались для передачи по радио, после чего все без исключения микрофонные экземпляры передавались ответственному дежурному по радиопередачам для их дальнейшего хранения³⁵². В постановлении СНК РСФСР от 5 октября 1930 г. о Главлите был закреплен обязательный контроль всех материалов, передаваемых по радио, в том числе и художественно-образовательных³⁵³.

Расширенная сеть радиовещания на местах также была заключена в жесткие рамки инструкций и положений о контроле всех видов и жанров радиовещания — радиогазет, радиобюллетеней, подробных тезисов докладов, лекций и бесед, других неперидических изданий. Проверялись полные тексты в оригиналах — или отпечатанные на пишущей машинке, или разборчиво написанные от руки, а все изменения, введенные непосредственно перед эфиром, подлежали вторичной разрешительной визе³⁵⁴. Для осуществления предварительного и последующего контроля в структуре облгорлитов были созданы специальные группы радиовещания, установлены радиоприемники и радиоточки не только на работе, но и на квартирах сотрудииков³⁵⁵.

Редкие откровения цензоров в ведомственной засекреченной периодике раскрывают внутреннюю «кухню» и психологию крепнущего «монстра» — Главлита. Оживают строки нестареющей пьесы Е. Шварца «Тень» о «несметных количествах цензоров в сказочной стране..., все бывшие людоеды..., работающие по совместительству оценителями в ломбардах». Авторитетное мнение одного из «радиооценителей», уполномоченного Свердловского обллита Трухановского, сводилось к тому, что контроль над радиоматериалами связан с особыми трудностями, «которые заключаются в том, что надо не только просмотреть материал, но и учесть, что после него и что перед ним идет. Иллюстрирую примером: допустим, идет доклад о соцсоревновании, о субботниках и т. п., и сразу же после этого начинается концертное отделение, первым номером которого стоит — песнь “Замучен тяжелой неволей” или что-нибудь в этом роде... Дается важная политическая передача, а текст иллюстрируется глупейшими частушками или резко несоответствующей музыкой. Теперь о контроле за радиоперекличками... очень легко допустить нарушение перечня. Почему? Да потому, что “слово не воробей: вылетит — не поймашь”. А инструктировать товарища, который сидит где-нибудь в глухом углу, очень трудно... В перекличке часто участвует до 100 человек и более. Выключать же микрофон в процессе хода переклички представляет большие трудности, да и не всегда успеешь»³⁵⁶.

Вот почему одним из явных проявлений идеократии было запрещение в 1937 г. радиоперекличек, нарушение которого грозило уголовной ответственностью³⁵⁷. Другими важнейшими признаками деформации в сфере радиовещания были: ликвидация в 1932 г. по рекомендации ЦК самой демократичной формы вещания — радиогазет; централизация в 1936 г. системы подготовки тиражированных микрофонных текстов радиопередач в аппарате ВРК и их обязательная рассылка для местного вещания (т. е. насильственное распространение через местные радиостанции материалов из Москвы); регулярные кадровые чистки³⁵⁸.

Тяжелейшим испытанием для коллектива Радиокomiteта было сфабрикованное в недрах НКВД в 1935 г. «дело Радиокomiteта», — своеобразный «юбилей» десятилетия советского регулярного радиовещания, в результате которого весь руководящий состав был снят с партийными взысканиями и в дальнейшем репрессирован. Основой для очередной расправы и «закручивания гаек» явились результаты работы комиссии КПК, председателем которой был назначен Шохин, заведующий группой просвещения и здравоохранения КПК. В итоговой справке, направленной через Н. Ежова и В. Шкирятова в ЦК ВКП(б) (секретарям ЦК — Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову), отмечалось чрезвычайно тяжелое состояние аппарата центрального и местного вещания. Среди особых провинностей назывались функциональная система построения аппарата, самостоятельность дирекций в проведении гонорарной политики и распределении ставок, ведение отдельного делопроизвод-

ства и пр. Главным недостатком считалось отсутствие планирования и централизации.

Гораздо более серьезные обвинения предъявлялись по поводу политических срывов в эфире, которые были перечислены в следующем порядке: «после передачи контрреволюционного скетча «Мама» по радиостанции им. Коминтерна было передано выступление крестьянина Акулова, который после слов «в 1933 г. был голод и дети с голоду пухли» замолчал — он был неграмотный»; при передаче «Интернационала» перед началом пошли слова «который служит защитой от зверей» (техником был ошибочно подклеен кусок пленки); был передан «гнусный пасквиль на революцию, исключительная дискредитация и опошление идеи героизма труда — рассказ Германа “Герой труда”»; в крестьянских новостях был передан такой текст: «Подбельская МТС Средне-Волжского края 18 июня проводит праздник коня. На празднике примут участие 700 лошадей. Приглашен М. И. Калинин». Был арестован и предан суду работник редакции «Последние известия», который вел с Красной площади трансляцию встречи челюскинцев и заявил в микрофон по окончании передачи: «Комедия окончена» (он оказался из дворян, а его родственники уже были репрессированы ОГПУ).

Радиокомитет был назван «радиопреходным двором», засоренным «антисоветскими классово чуждыми элементами, рвачами и халтурщиками», среди которых — бывший коннозаводчик, присяжный поверенный, офицер, который при чтке обвинительного заключения по делу Кирова назвал Котельникова «товарищем» (диктор В. Ю. Про); троцкисты (дикторы Рабинович, Ремизова, Дюшен); бывший меньшевик, «вычищенный при чистке соваппарата» (руководитель сектора самообразования С. Л. Паперный), и другие «мягкотелье либералы без оргспособностей» и рвачи (Гусман, руководитель сектора искусств). Вывод был очевиден: «отсутствие твердого, оперативного руководства, «функционалка», бесплановость, разбухший аппарат, обильно зараженный мелкобуржуазной богемой, рвачеством, и засоренность классово чуждыми элементами — создали такое положение, при котором радиовещание не только не выполняет своей исключительной роли в деле политического и культурного воспитания широчайших масс, но и не обеспечивает охрану микрофона от использования его скрытыми врагами»³⁵⁹.

Несмотря на обстоятельную справку П. М. Керженцева на имя И. В. Сталина от 14 апреля 1935 г., отстаивающую с точки зрения профессионала целесообразность проверенной временем структуры Радиокомитета, доказывающую неизбежность эфирных «накладок» в работе с микрофоном, Керженцеву и другим «героям» был вынесен строгий выговор³⁶⁰. Вскоре руководство Радиокомитета было полностью обновлено³⁶¹.

Устрашающие действия власти, регулярные чистки и проверки творческих кадров радиожурналистики, строжайший предварительный

контроль микрофонных материалов, регламентированных с 1938 г. до минуты³⁶², жесткие санкции ко всем, допустившим ошибки в эфире, привели к желаемой цели: из репродукторов доносилось однообразное славословие о «гении вождя» и «новых победах и достижениях», клеймились «враги народа» и звучали многочасовые трансляции с политических процессов.

Для того чтобы оценить значение проводимой информационной политики следует уточнить, что коммуникативный процесс имеет три стадии функционирования: подготовительный, непосредственно-созидательный и последующий, т. е. осуществление обратной связи с аудиторией. С первых дней существования советского радио структура и содержание информационного потока радиоэфира формировались осмысленно и научно обоснованно: Главполитпросвет и специальное бюро при Культотделе «Радиопередачи» осуществляли анализ эффективности вещания и состава аудитории. Дифференциация радиовещания с целью удовлетворения запросов самых различных категорий радиослушателей (по возрастному и социальному признакам), с одной стороны, и достижения максимальной эффективности радиопропаганды, с другой стороны, вызвала появление новых адресно-тематических модификаций «Радиогазеты». Была установлена тесная связь с аудиторией, которая в дальнейшем вылилась в массовое рабселькоровское движение.

Структуру радиовещания в этот период демонстрирует таблица, в которой учтено количество передач с момента начала регулярного радиовещания в ноябре 1924 по ноябрь 1925 и с ноября 1925 г. по ноябрь 1926 г.

Таблица 2

Структура основных направлений и форм советского радиовещания в 1924–1926 гг.³⁶³

Направление и формы	1924–1925 гг.	1925–1926 гг.
Радиогазеты	642	735
Лекции и доклады: агитационно-пропагандистские культурно-просветительные	28 400	43 375
Концерты студийные*	50	369
Трансляции художественные**	10	153

Источник: Новости радио. 1927. № 8. 20 февраля.

* Имеются в виду только концерты, организованные для передачи в эфир специально из радиостудий.

** Учтены внестудийные трансляции концертов и музыкальных спектаклей. Оригинальные спектакли радиотеатра из-за малочисленности их в тот период не учитывались.

Таблица 3

**Структура эфирной сетки по основным направлениям вещания
1926–1931 гг.**

Период	Направления				
	информаци- онное	агитац.- пропаганд.	культ.- просветит.	художест- венное	музыкаль- ное
1926					
январь	02.10*	01.20	00.25	—	01.00
апрель	02.50	01.30	02.00	—	03.30
август	02.30	—	06.00	—	06.30
октябрь	01.00	02.00	03.00	04.00	02.30
1928					
май	02.00	01.15	04.00	—	06.30
1930					
январь	03.15	02.15	3.20	01.00	—
август	03.00	09.00	01.00	01.00	—
1931					
март	03.25	02.40	00.20	01.00	00.35

Источники: Сведения получены в результате статистического подсчета (с соответствующей выборкой) радиопрограмм, опубликованных в газетах «Правда» и «Известия». (Издание ВРК при СНК СССР «Радиопрограммы» начало выходить в свет только с января 1934 г.)

* Здесь и далее: цифры до точки — часы, после точки — минуты: например, 02.10=2 ч 10 мин.

Очевидно преобладание передач пропагандистского характера (к этому времени выходило пять центральных радиогазет), значителен рост пассивной текстовой пропаганды, «агитки» — лекций и докладов. Однако совершенно очевидны изменения, произошедшие в художественном эфире. Наряду с чтением передовиц из газет, художественный эфир заполнялся трансляциями из оперных театров, концертами классической музыки, фольклора.

Как в дальнейшем распределялись в эфирной сетке основные направления вещания показано в таблице 3.

Структура вещания год от года усложнялась, образуя сектора общественно-политического вещания, самообразования, искусства, детского вещания, интернациональных передач. Главные пропагандистские задачи радио концентрировались вокруг политических, экономических и культурных проблем, каждая из которых представляла целый комплекс тематических направлений вещания. Так, в секторе общественно-политического вещания в 1930-е гг. существовали редакции, которые готовили направленные передачи для различных групп слушателей: колхозников, красноармейцев, молодежи, женщин.

С ликвидацией радиогазет и организацией в августе 1932 г. редакции «Последних известий» произошла существенная перестройка эфирной сетки «вещательного дня»: ежедневно передавалось четыре выпуска «Последних известий» (по станции им. Коминтерна в 7 ч 30 мин., 12 ч 00 мин., 18 ч 00 мин., по станции ВЦСПС в 23 ч 30 мин.).

В 1930-е гг. был очень распространен жанр репортажа, получивший свое теоретико-эстетическое обоснование в документальном кино (Дзига Вертов), параллельно развивающийся в публицистике и радиожурналистике. Аудитория была заморожена актуальными репортажами о полете стратостатов, встрече челюскинцев, парадах с Красной площади, из черноморских глубин и лаборатории академика И. Павлова. Эта имитация проникновения в реальную жизнь, сдобренная возбужденными патетическими комментариями, создавала тем не менее определенную документальную среду (архивные звукозаписи 1930-х гг. хранятся в РГАФД). Соотношение информационных и документальных передач резко уменьшилось в пользу чисто пропагандистских радиопрограмм, готовившихся в недрах созданного в 1936 г. Отдела микрофонных материалов. Невысокий профессиональный уровень текстов, однообразие жанров (лекция, беседа, литературная композиция), а главное — их тематика («Церковные шпионы японского империализма», «Ленин и Сталин — вожди и организаторы Красной Армии», «За сталинские семь-восемь миллиардов пудов зерна», «Работа академика Лысенко и яровизация сельскохозяйственных продуктов», «Поднять теоретический уровень и политическую закалку наших кадров» и пр.) превратили речевой эфир второй половины 1930-х гг. в однообразный фон, на котором контрастно выделялось художественное³⁶⁴ и музыкальное вещание.

Объем программ музыкального вещания уже в начале 1930-х гг. превышал объем всех других видов вещания. А к 1936 г. они стали занимать половину всего объема эфира. В течение месяца Центральное радио давало более 500–600 передач — концертов, опер, музыкальных монтажей. Одним из ведущих направлений была классическая музыка русских и западных композиторов: передавались концерты,

знакомившие радиослушателей с различными музыкальными эпохами и стилями; транслировались оперные и музыкальные спектакли из ведущих театров Москвы и Ленинграда. Радио предоставляло микрофон и советским композиторам, устраивая всесоюзные радиопремьеры операм О. Чишко «Броненосец Потемкин», В. Юровского «Дума про Опанаса», Д. Кабалевского «Мастер из Кламси». Именно на радио в 1934 г. прозвучала и получила восторженную оценку музыкального критика³⁶⁵ опера Д. Шостаковича «Катерина Измайлова», ставшая в дальнейшем объектом беспощадной борьбы партии с формализмом в музыке.

Предметом острых дискуссий являлась легкая музыка на радио. «По кочкам и ухабам радиоэстрады. Покончим с репертуарным безобразием эстрадной дирекции», «Какая же должна быть легкая музыка на радио?» — из этих заголовков публикаций и многочисленных откликов радиослушателей на страницах отраслевой периодики видно, что эта проблема имела принципиальный характер, достигая в определенных выступлениях идеологических высот. Особые нарекания со стороны авторитетных советских музыкантов и композиторов вызывала танцевальная и джазовая музыка³⁶⁶. Однако, уступая пожеланиям определенной части аудитории, музыкальная редакция планировала концерты легкой и танцевальной музыки в ночное время. В программы таких концертов включались выступления джаз-оркестров под управлением Л. О. Утесова и О. Лунгстрема, зарубежных музыкантов.

Долгое время было принято считать радиоаудиторию безгранично доверяющей «голосу правды из Москвы». Это связано, прежде всего, с недоброкачественными социологическими исследованиями и отсутствием источников, свидетельствующих об ином отношении к официальной радиопропаганде. Однако даже немногочисленные, просочившиеся сквозь время и спецхраны сведения, опровергают, хотя бы частично, мнение об одноцветном конформизме советского общества. Единичные критические оценки читателей и радиослушателей, в основном анонимные, рассматривались как враждебные выпады и пересылались в ОГПУ для дальнейшего расследования. Например, на переданный в 1926 г. по Ленинградскому радио фельетон, в котором бичевался буржуазный образ жизни, пришел такой отклик: «Так же было и у нас на Соловках, так же скулы дробили, заставляли писать заключенных опровержение на иностранную заметку... Все так и было... Да здравствует правда!» А вот реакция анонимного радиослушателя на передачу кулинарных советов: «...объявляете, что готовить, а вы дали муки, масла, рису и т. д.? Хорошо вам говорить, если вас Советы кормят, а нас морят, а также и деревни»³⁶⁷.

В дневниках В. И. Вернадского имеются записи о первых днях войны, в которых говорится о бездарности и лживости сообщений радио.

Конечно, нельзя сравнивать восприятие личности планетарного масштаба с реакцией массовой аудитории. Однако документально собранные свидетельства, приводимые А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», дают определенный социальный срез общества и его дифференцированную активность: «То обожествление Сталина и та вера во все, без сомнения и без края, совсем не были состоянием общенародным, а только — партии; комсомола; городской учащейся молодежи; *замечателя* интеллигенции (поставленного вместо уничтоженных и рассеянных); да отчасти городского мещанства (рабочего класса)... Именно с 30-х годов рабочий класс стал главным костяком нашего мещанства, весь включился в него. Как, впрочем, и большая часть советской интеллигенции, у кого не выключались репродукторы трансляции от утреннего боя Спасской башни до полуночного Интернационала, для кого голос Левитана стал голосом их совести... Однако было и городское меньшинство, и не такое уж маленькое, во всяком случае из нескольких миллионов, кто с отвращением выдергивал вилку из радиотрансляции, как только смел; на каждой странице каждой газеты видел только ложь, разлитую по всей полосе; и день голосования был для этих миллионов днем страдания и унижения...

Сказав о городе, не упустим теперь и о деревне..., несравнимо трезвее города, она несколько не разделяла обожествления батьки Сталина (да и мировой революции)... В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только доселе железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: «Братья и сестры!..», — один мужик ответил черной бумажной глотке: «А-а-а, б..дь, а *вот* не хотел», — и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. И загоготали мужики. Если бы по всем селам да всех очевидцев опросить, — десять тысяч мы таких бы случаев узнали, еще и похлеще»³⁶⁸.

Эти и другие подобные им проявления относительной устойчивости человеческой психики (как мы убедились, не зависящей от образовательного уровня людей) к идеологической лоботомии заставляли систему в целях самосохранения все больше узурпировать коммуникативные каналы, модель которых так красочно описана в романе Д. Оруэлла «1984».

К началу 1940-х гг. в целом завершилось формирование мощного пропагандистского канала. Дальнейшее ужесточение партийно-государственного контроля радиоэфира связано с переходом во второй половине 1940-х гг. вещания на звукозапись, сведшей практически на нет «живой» эфир, с жесточайшей идеологической цензурой «по горизонтали», установившейся после секретного постановления Секретариата ЦК КПСС от 7 января 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений

культуры и искусства за идейнополитический уровень публикуемых материалов и репертуара»³⁶⁹. Однако все это стало возможно только в результате тех качественных изменений, которые произошли в первые пятнадцать лет становления тоталитарного государства и его радио.

Подведем выводы.

Создаваемые средствами радиожурналистики и радиоискусства звуковые художественные образы играют огромную роль в формировании социальной психологии, морально-нравственных критериев, эстетических и этических норм общества. Особенности передачи и восприятия радиoinформации сделали этот коммуникативный канал особенно привлекательным для партийно-государственной власти.

Советское радиодело начинало свой путь в годы нэпа, поэтому первоначальной формой его организации была акционерная, что превращало радио в самостоятельную, самокупаемую и даже вполне доходную сферу деятельности, гарантирующую акционерам и журналистам свободу не только финансовую, но и творческую. Именно в этот, наиболее плодотворный период, были заложены основы советской радиожурналистики и радиоискусства.

Политическая цензура на радио имела свою выраженную специфику. Она была связана с уникальными возможностями звуковой передачи информации и особенностями ее восприятия. Поэтому долгое время традиционная, «печатная» цензура не могла адаптироваться к новому «объекту». Фактически только с введением обязательного предварительного документирования радиoproграмм в конце 1920-х гг. стало возможно говорить о реальном контроле над эфиром. Однако «прямые» трансляции, которые получили распространение по мере технического развития радиовещания, все равно не поддавались привычному дословному контролю. Не говоря уже о безграничных интонационных возможностях человеческого голоса, способного вобрать в себя всю палитру мыслей и чувств, не подконтрольных даже самой бдительной цензуре. Понимание этого пришло к партийным идеологам не сразу, а постепенно, как и осознание колоссальных информационно-пропагандистских возможностей, которые таило в себе радио, предтеча телевидения.

Борьба за тотальный контроль над радио и его огосударствление проходила в три этапа. Первый был связан с организацией политической цензуры радио под руководством Агитпропа ЦК ВКП(б). Второй знаменовался критикой в прессе и на заседаниях многочисленных радиокомиссий и радиосоветов в ЦК ВКП(б), Главполитпросвете, Наркомпросе, Главреперткоме и прочих конкурирующих идеологических инстанциях с целью создания общественного мнения. Третий этап включил в себя ликвидацию акционерного общества «Радиопередача», огосударствление всех форм деятельности радио и элиминирование технической базы радиовещания в распоряжение органов управления связи.

По решению ЦК в 1933 г. постановлением СНК СССР был образован Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию (ВРК) при СНК СССР, деятельность которого полностью финансировалась и контролировалась государством, а принадлежность приемно-передающих средств Наркомату связи СССР была оформлена законодательно. Реальными проявлениями идеологического управления явились: ликвидация радиогазет, запрещение радиоперекличек, централизация системы подготовки тиражированных микрофонных текстов радиопередач в аппарате ВРК и их обязательная рассылка для местного вещания, регулярные кадровые «чистки».

В результате идеологического и управленческого процесса к середине 1930-х гг. в СССР сложилась разветвленная сеть государственных учреждений, которые параллельно по отношению друг к другу выполняли функции политической цензуры. Причиной столь «расточительной» политики являлась не столько бюрократическая неразбериха, сколько продуманная система взаимопроверки и конкуренции, существовавшей в связи со стремлением каждого учреждения доказать свою самостоятельность и эффективность. Одновременно с доносами друг на друга шло постоянное уточнение и разграничение функций между контролирующими органами.

В этот же период фактически сложились отраслевые системы управления сферами культуры и искусства (радиовещанием, кинематографом и др.), которые превратились в подсистемы политической цензуры. Одновременно с этим процессом шла массовая ликвидация литературных организаций и группировок, был создан единый Союз советских писателей, также ставший подсистемой политической цензуры. Руководимая напрямую Агитпропом ЦК деятельность Союза была направлена на унификацию литературной жизни и централизацию политической цензуры в сфере литературы. В результате монополизации всех средств и каналов радиовещания включая и технические, государство приобрело мощное информационное орудие, которое использовалось в пропаганде и манипуляции массовым сознанием.

Примечания

- 1 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24–25.
- 2 Газета Рабочего и Крестьянского правительства. 1918 г. 22 февраля. (№ 30).
- 3 Правда. 1917 г. 10 ноября (№ 1).
- 4 Там же.
- 5 На заседании председательствовал В. И. Ленин, докладывал по этому вопросу Я. М. Свердлов.
- 6 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 10. Л. 36.

- 7 Протокол № 18.
- 8 По этому вопросу докладывал Аванесов.
- 9 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 19. Л. 24–25.
- 10 Там же. Ф. 9425. Оп. 16 (6 – библиотека). № 281. С. 15.
- 11 Доклад о работе военной цензуры за 1918 г. был представлен 13 января 1919 г. в Реввоенсовет Республики заместителю Председателя Реввоенсовета Склянскому.
- 12 Газета Рабоче-Крестьянской Красной Армии и флота. 1918 г. (№ 53).
- 13 Газета Рабоче-Крестьянской Красной Армии и флота. 1918 г. (№ 87).
- 14 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 87. Л. 38–39.
- 15 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 98. Л. 33–34об.
- 16 РГАЛИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- 17 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1036. Л. 19.
- 18 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 181. Л. 81.
- 19 Положение было утверждено Приказом Реввоенсовета Республики от 23 декабря 1918 г. Согласно ему учреждался Отдел Военной цензуры Регистрационного Управления Реввоенсовета Республики.
- 20 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 181. Л. 64–66.
- 21 Там же. Л. 66–69.
- 22 РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 87. Л. 42–43.
- 23 Там же. Л. 43–44об.
- 24 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 98. Л. 23.
- 25 Там же. Оп. 1в (6). № 281. Л. 26–27.
- 26 Текст перлюстрированных писем приводится без каких бы то ни было изменений, включая старое правописание, жаргонизмы и грамматические ошибки.
- 27 Документ копияный, подписан цензорами Быковой и Лисиной. Имеется резолюция: «Письма отправить, копию Росс. Центр. К-ту Коммунистической партии. Ст. Цензор Н. Обухов. 27 / III 20 г.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 80. Л. 23).
- 28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 80. Л. 12.
- 29 Письмо было отправлено из действующей армии 17 сентября 1920 г. по адресу: Царицыно, с. Новоникольское, Огородову.
- 30 Документ заверен цензорами Рыжковым и ответственным руководителем А. Лундиным. Имеется резолюция: «Секр. Строкову для направления в отдел деревни и ВЧК. 8 / XI» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 80. Л. 20–21).
- 31 РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 181. Л. 14об.
- 32 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 39. Л. 15.
- 33 Сведения о структуре органов внутренних дел ввиду засекреченности этих документов в ЦА ФСБ были почерпнуты в кн.: Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917–1960»: Справочник / Сост., введение и прим. А. И. Кокурин, Н. В. Петров, научный ред. Р. Г. Пихоя. М., 1997.

- 34 Забегая вперед, следует сказать, что в 1938–1941 гг. работа этих подразделений заключалась в наблюдении за состоянием дел в соответствующих отраслях народного хозяйства с помощью негласных методов (агентурный аппарат), выявлении «антисоветских» и «контрреволюционных» элементов, дальнейшей их разработки, аресте и следствии; работа госбезопасности в этих сферах строилась по отраслевому принципу.
- 35 Заседание МСНК – Пр. № 722 от 1 августа 1921 г.
- 36 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 112. Л. 9. Решение принято единогласно.
- 37 Приказ подписан заместителем председателя ВЧК Уншлихтом (ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 103. Л. 131).
- 38 Приказ подписан заместителем председателя ВЧК Уншлихтом (ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 102. Л. 156).
- 39 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 940. Положение принято на заседании МСНК 13 октября 1921 г. и в тот же день подписано В. И. Лениным. В ВЧК оно было объявлено 17 октября приказом ВЧК № 345 / с.
- 40 Каверин В. П. Эпилог // Нева. 1989. № 8. С. 5.
- 41 Елис. Васильева. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми...» // Новый мир. 1988. № 12. С. 136.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 55–58 об.
- 43 Там же. 55–56.
- 44 Там же. Л. 58.
- 45 Там же. Л. 57.
- 46 Там же. Л. 58.
- 47 СУ. № 49. Ст. 622; Известия. 1922 г. 12 августа.
- 48 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 58.
- 49 Там же.
- 50 Пр. СТ. ЦК ВКП(б) № 62. П. 15.
- 51 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 378. Л. 3.
- 52 Там же. Л. 4.
- 53 Пр. № 24 / 576 заседания Коллегии НКП от 7 мая 1924 г.
- 54 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2945. Л. 151–152.
- 55 Пр. СТ № 2. От 6 июня 1924 г. П. 2.
- 56 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 567. Л. 2–3.
- 57 Там же. Оп. 60. Д. 178. Л. 3–3.
- 58 Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 505. Л. 5.
- 59 Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2730. Л. 3–5об.
- 60 ДСВ. Т. 1. С. 296–298.
- 61 ГА РФ. Ф. 395. Оп. 9. Д. 1. Л. 91.
- 62 Там же. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 105. Л. 122–125об.
- 63 РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 9. Д. 1. Л. 91.
- 64 ГА РФ. Ф. 395. Оп. 9. Д. 91. Л. 79.
- 65 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 293. Л. 9–11.
- 66 ГА РФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 113. Л. 89–92.

- 67 СУ РСФСР. 1917. № 7. Ст. 1.
- 68 Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. С. 6.
- 69 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 113. Л. 184.
- 70 СУ РСФСР. 1918. № 68. Ст. 740.
- 71 СУ РСФСР. 1919. № 44. Ст. 440.
- 72 Вестник театра. 1920. № 74.
- 73 СУ РСФСР. 1919. № 44. Ст. 433.
- 74 ГА РФ. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 55. Л. 41.
- 75 СУ РСФСР. 1921. № 12. Ст. 78.
- 76 Пр. ПБ № 54 от 28 октября 1920 г. П. 3.
- 77 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 118. Л. 2–3.
- 78 Пр. Коллегии НКП № 15 / 25 от 15 марта 1922 г.
- 79 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2102. Л. 7–9об.
- 80 Пр. ПБ № 115 от 27 марта 1922 г. П. 9.
- 81 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 284. Л. 3.
- 82 СУ. 1922. № 40. Ст. 461.
- 83 СУ Украины, 1922, № 5. Ст. 563.
- 84 Сборник важнейших декретов и постановлений ТССР за 1917–1922 гг. Ст. 126.
- 85 СУ Белоруссии. 1923. № 12. Ст. 7.
- 86 СУ Азербайджана. 1924. № 4. Ст. 197; № 5. Ст. 230.
- 87 СУ Киргизии. 1923. № 13. Ст. 70, 72.
- 88 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 961. Л. 1.
- 89 Там же. Ф. 130. Оп. 6. Д. 961. Л. 2.
- 90 Известия ВЦИК. 1922 г. 23 июня (№ 137).
- 91 Лебедев-Полянский П. И. (1881 / 82–1948) — член РСДРП с 1902 г., в 1918–1920 гг. председатель Пролеткульта. В течение десяти лет возглавлял Главлит, в дальнейшем переключился на литературоведение. Академик АН СССР (1946).
- 92 РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–17об.
- 93 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 271. Л. 128–143.
- 94 РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
- 95 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1в (6). № 281. С. 28–29.
- 96 ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 24. Л. 45.
- 97 РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
- 98 Дата образования Главреперткома.
- 99 Пр. Главлитпросвета № 1 / 54 от 11 января 1922 г.
- 100 ГА РФ. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, 3, 11–13.
- 101 Пр. Коллегии НКП № 47 / 57 от 30 ноября 1922 г., ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2102. Л. 7об.–9об.; Ф. 259. Оп. 24. Д. 64. Л. 130–133.
- 102 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 615. Л. 30.
- 103 СУ. 1923. № 14. Ст. 177; Архивные варианты: ГА РФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 134. 180–181; ГА РФ. Ф. 259. Оп. 24. Д. 64. Л. 130–133 и др.

- 104 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 134. Л. 181.
- 105 Из доклада о деятельности Главреперткома от 5 декабря 1923 г.
- 106 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2269. Л. 4–6.
- 107 Там же. Л. 7–9.
- 108 Там же. Л. 13.
- 109 Там же. Л. 4–18об.
- 110 Документ подписан заведующим АПО ЦК ВКП(б) В. Кнориным (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 243. Л. 240–242).
- 111 Имеется в виду сцена, в которой Тиль-Тиль и Митиль встречаются со своими умершими бабушкой, дедушкой, братом и сестрой в загробном мире.
- 112 ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 27. Л. 585.
- 113 СУ РСФСР. 1925. № 25. Ст. 182.
- 114 ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 1. Л. 631.
- 115 Пр. ПБ № 1 от 14 ноября 1925 г. П. 11, 16.
- 116 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 531. Л. 6–7.
- 117 Там же. Оп. 113. Д. 271. Л. 128.
- 118 Там же. Оп. 60. Д. 753. Л. 325–326.
- 119 Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 271. Л. 132–133.
- 120 Там же. Л. 134.
- 121 Там же. Л. 135.
- 122 Там же. Л. 136.
- 123 Пр. № 147 заседания ОБ ЦК от 27 ноября 1922 г. П. 29.
- 124 Пр. № 16 заседания ПБ ЦК от 6 мая 1923 г. П. 5.
- 125 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 271. Л. 141–142.
- 126 Там же. Л. 142.
- 127 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 223. Л. 1–4.
- 128 В отношении кинопроизводства в начале 1920-х гг. существовал такой порядок: сценарии просматривал и разрешал к постановке Художественный совет ГПП, а поставленную по этому сценарию картину смотрел и разрешал ГРК.
- 129 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 243. Л. 238–239.
- 130 Там же. Л. 240–245.
- 131 Пр. СТ № 8 от 20 января 1928 г.
- 132 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 590. Л. 4.
- 133 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 33. Л. 4–5об.
- 134 Там же. Оп. 69. Д. 1632. Л. 55, 56, 58об.–60об.
- 135 Там же. Ф. 395. Оп. 9. Д. 55. Л. 36–39.
- 136 СУ РСФСР. 1928. № 41. Ст. 313.
- 137 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1818. Л. 4.
- 138 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 243. Л. 3–4.
- 139 Там же. Л. 3–4, 240–245.
- 140 Пр. НКП № 9 от 10 января 1929 г. П. 3.
- 141 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1876. Л. 2.

- 142 Пр. Коллегии НКП № 18 / 825 от 28 января 1929 г. П. 2.
- 143 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1875. Л. 40–43 с об.
- 144 Пр. ОБ № 52 от 25 февраля 1929 г. П. 2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 223. Л. 10–13.
- 145 Пр. СТ № 32 от 4 мая 1928 г.
- 146 Пр. ОБ № 33 от 7 мая 1928 г.
- 147 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 619. Л. 6–7; Д. 620. Л. 8.
- 148 Пр. СТ № 137 от 19 июля 1929 г.
- 149 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 761. Л. 47–48.
- 150 Из протокола Главреперткома от 15 мая 1929 г.
- 151 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. ИЗ. Д. 761. Л. 48–49.
- 152 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 108. Л. 51–103.
- 153 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 761. Л. 49–56.
- 154 ГА РФ. Ф. 1575. Оп. 10. Д. 618. Л. 27–30; Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2058. Л. 192–193 об.
- 155 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 149. Л. 317.
- 156 Там же. Л. 302–303.
- 157 ГА РФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1112. Л. 67–69.
- 158 Там же. Л. 49.
- 159 Пр. № 24 от 6 апреля 1930 г. П. 2. ГА РФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 112. Л. 43–43 об.
- 160 Пр. № 6 заседания СТ ЦК ВКП(б) от 11 августа 1930 г. П. 10. Главлите; Пост. ОБ от 6 августа 1930 г. пр. № 5. П. 6. Присутствовали Стецкий, Эпштейн, Самохвалов, Кокорев.
- 161 Пр. ОБ № 11 от 6 сентября 1930 г.
- 162 Пр. ПБ № 6 от 5 сентября 1930 г. П. 41 / 41; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 794. Л. 11–12.
- 163 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 180. Л. 45.
- 164 Там же. Л. 46.
- 165 СУ. 1930. № 50. Ст. 599.
- 166 СУ. 1931. № 31. Ст. 273.
- 167 ГА РФ. Ф. 259. Он. 24. Д. 6. Л. 42а.
- 168 Пр. ПБ № 2 от 8 и 10 июня 1931 г. П. 47 / 41.
- 169 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 829. Л. 12.
- 170 Аналогичные запреты были в инструкциях Главлита в середине 1920-х гг.
- 171 ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 1. Л. 55–60.
- 172 Там же. Д. 39. Л. 63–64.
- 173 Там же. Д. 43. Л. 158.
- 174 Борьба с враждебными политическими партиями и антисоветскими элементами.
- 175 По штатному расписанию в СПО входило 196 сотрудников. Начальник – Г. А. Молчанов.

- 176 Отдел занимается охраной руководителей партии и правительства, обысками, арестами, наружным наблюдением.
- 177 Отдел занимается обеспечением секретности в ведомствах.
- 178 В тексте сознательно не указано название журнала.
- 179 Имеется в виду книга Кибальчича «Завоеванный город».
- 180 ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 22. Л. 2–2об.
- 181 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 272. Л. 35–38.
- 182 Там же. Д. 275. Л. 84–88.
- 183 См.: Невежин В. А. Синдром наступательной войны. М., 1997.
- 184 Пр. ПБ № 145 от 15 сентября 1933 г. П. 15 «О принятии с поправками проекта постановления о военной цензуре».
- 185 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 930. Л. 6, 62.
- 186 АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 37. Л. 41.
- 187 Там же. Л. 42.
- 188 СУ РСФСР. 1934. № 10. Ст. 66.
- 189 СУ РСФСР. 1933. № 52. Ст. 277.
- 190 СУ СССР. 1936. № 5. Ст. 40.
- 191 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Д. 12.
- 192 С 1938 г. Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР (КПДИ СССР).
- 193 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 18. Л. 60–70.
- 194 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 12. Л. 176.
- 195 Там же. Л. 170.
- 196 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 645. Л. 4–6.
- 197 Пр. № 250.
- 198 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 147. Л. 87–88
- 199 Пр. № 257 от 4 июня 1937 г. (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 147. Л. 114.)
- 200 Пр. № 281. (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 343. Л. 101.)
- 201 О положении в Главлите Н. Г. Садчиков информировал В. М. Молотова.
- 202 Этот вопрос обсуждался 31 января 1936 г. на Оргбюро Центрального Комитета партии, где было принято решение выделить Главлит и его органы на местах из системы Наркомпроса, создав Главное управление по делам цензуры при СНК СССР и подчиненные ему соответствующие управления при Совнаркомсах союзных и автономных республик и краевых и областных исполкомах. Решение не было реализовано.
- 203 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–34.
- 204 Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о новом организационном устройстве НКВД и ликвидации ГУГБ было принято 28 марта 1938 г.
- 205 РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 11. Л. 39–65.
- 206 Там же. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–84.
- 207 Пр. КПДИ СССР № 401 от 4 августа 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 345. Л. 2.)

- 208 Ликвидирована решением Политбюро ЦК. Пр. № 17 от 25 декабря 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 955. Л. 60).
- 209 Автором статьи являлся Максимов В. Е., подписавшийся псевдонимом В. Евгеньев.
- 210 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 388. Л. 46–51.
- 211 Трегуб С. А. (1907–1975) — литературовед и критик.
- 212 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 388. Л. 53–74.
- 213 Там же. Д. 497. Л. 229–233.
- 214 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 153. Л. 233–239.
- 215 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 348. Л. 56–57.
- 216 Там же. Д. 500. Л. 30.
- 217 Там же. 492. Л. 4–5.
- 218 Там же. Д. 809. Л. 53–56.
- 219 Докладная записка зам. начальника Главреперткома И. Бурмистренко (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 486. Л. 42–44).
- 220 РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 486. Л. 38–39.
- 221 Там же. Д. 487. Л. 44.
- 222 Структура была послана на утверждение заместителю Председателя СНК СССР Н. А. Булганину.
- 223 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 24. Д. 490. Л. 12–16.
- 224 Там же. Оп. 23. Д. 1866. Л. 72–75.
- 225 Там же. Ф. 259. Оп. 38. Д. 396. Л. 144.
- 226 Луначарский А. В. Собр. соч. М., 1967. Т. 7. С. 498.
- 227 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 374.
- 228 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 11. Л. 8–12.
- 229 Письмо Луначарского Ленину 21 ноября 1919 г. об освобождении ученых и литераторов, членов Петроградского Дома литераторов, арестованных ВЧК, а затем дальнейшие его просьбы об этом же см.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1170. Л. 17, 21.
- 230 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 230. Л. 130–131об.
- 231 Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. М., 1998. С. 29.
- 232 Луначарский А. В. Собр. соч. Т. 7. С. 401–406.
- 233 Троцкий Л. Д. Партийная политика в искусстве // Литература и революция. М., 1923. С. 159–168.
- 234 Луначарский А. В. Собр. соч. Т. 7. С. 496.
- 235 Троцкий Л. Д. Партийная политика в искусстве. С. 159–168.
- 236 Там же. С. 101.
- 237 Красная новь. 1923. № 7. С. 257–276.
- 238 Воронский А. К. О текущем моменте и задачах РКП в художественной литературе // Пролетариат и литература. Л., 1925. С. 45–54.
- 239 Аймермахер К. Указ. соч. С. 18–36.
- 240 К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе: (Совещание Отдела печати) // Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925. С. 56–139.

- 241 В защиту искусства. М., 1979. С. 282–285.
- 242 Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. С. 215–220.
- 243 Блюм А. В. За кулисами «Министерства Правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994; «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938: Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997.
- 244 РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 44–45.
- 245 1920-е гг. действовало как минимум 81 литературная организация, общество и объединение в области литературы. Вот их названия, которые удалось выявить по документам государственных архивов: ВАПП / ВОАПП, МАПП, Пролеткульт, РАПП, ЛАПП, Суриковский литературно-музыкальный кружок, Трудовая артель литераторов, Общество взаимопомощи литераторов и ученых, Литературное общество рабочих литовцев в Америке, Союз литовских пролетарских писателей и поэтов им. Юлия Янониса, «Звено» («Литературное звено»), ЛЦК («Конструктивисты»), Литературный фронт, Коллектив рабоче-крестьянских писателей и поэтов им. Неверова, Рабочая весна, ВОЛФИЛ, Дом Печати, Союз Приблизительного Равенства, Брейшит, Бригада М-1, Литературная коммуна, Московские вечера, Вечера рассказа, Атака, Общество содействия молодым дарованиям, Общество ревнителей французской культуры, Институт итальянской культуры, Союз поэтов и имажинистов, Общество истинной свободы памяти Л. Н. Толстого, Общество изучения художественной словесности при РИИИ, Московский кружок еврейских литераторов, Общество литературоведов-марксистов при Комакадемии, Всероссийское литературно-драматическое и музыкальное общество им. Пушкина, ЛОКАФ, Московский лингвистический кружок, Общество любителей российской словесности при 1 МГУ, Маспер, Всероссийское литературно-драматическое и музыкальное общество им. Островского, Артифекс («Вторники на Кузнецком»), Кружок памяти В. Брюсова, Литература и быт, ВСПоэтов, ВЦПоэтов, ВСПисателей (Всероссийский союз писателей) ФОСП, ВУСПП / ВСПП, Никитинские субботники, Круг, Кузница, Твори, Литературный особняк, Общество А. П. Чехова и его эпохи, Всероскомдрам, Союздрампис, МОДПИК, ОДПИК, Драмсоюз, СРД, Масткомдрам, Футуризм, Ассоциация любителей живого слова и литературы, Тургеневское общество, Современная Россия, Ассоциация вольнодумцев, Немецкое культурное общество, Писательский кооператив «Полярная звезда», Искусство молодых, Дворец искусств, Пушкинский кружок, Ассоциация содействия литературному музею при Библиотеке им. Ленина, Книжная лавка писателей, Дом литераторов, Биокосмисты, ЛЕФ, Московское товарищество писателей, Резец, Литературные декады.
- 246 СУ. 1922 г. № 49. Ст. 622.

- 247 Письмо НКВД в Агитпроп ЦК ВКП(б) от 13 января 1929 г.
- 248 «Литературно-художественные группировки» — информационная база данных как подпроект российско-немецкой научно-исследовательской программы «Структура, формы и механизмы советской культурной политики 1917–1940 гг.: (Документация и научный анализ)» (Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана (Рурский университет, Бохум, ФРГ), Росархив, РГАЛИ, РГАНИ, РГАСПИ, ГА РФ, РГАКФД).
- 249 Об этом подробнее см.: Коржихина Т. П. Извольте быть благонадежным! М., 1997.
- 250 РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
- 251 Закушняк А. Я. Вечера рассказа. М., 1984. С. 122.
- 252 РГАЛИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27об.
- 253 Там же. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- 254 Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- 255 Письмо Правления ЛЦК И. Сельвинского, К. Зелинского, Э. Багрицкого, Л. Луговского, Б. Агапова 1929 г. (РГАЛИ. Ф. 1095. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–2.)
- 256 ГА РФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1636. Л. 14–21.
- 257 Там же. Оп. 57. Л. 42–42об.
- 258 Там же. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 358. Л. 91–94.
- 259 Там же. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1770. Л. 178–178об.
- 260 Пр. СТ № 118 от 11 мая 1929 г. П. 56.
- 261 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. ИЗ. Д. 728. Л. 229–229об.
- 262 Там же. Д. 327. Л. 12.
- 263 Пр. ПБ № 25 от 13.05.1926 г. П. 22.
- 264 Воронский А. К. (1884–1943) возглавлял журнал «Красная новь» (в 1921–1927), затем издательство «Круг». В 1928 г. исключен из партии и по постановлению Особого отдела ОГПУ 31 сентября 1929 г. выслан на три года. Восстановлен в 1931 г. в партии, работал в Гослитиздате. 1 февраля 1937 г. арестован и приговорен Военной коллегией Верховного суда к расстрелу. Реабилитирован посмертно.
- 265 АСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 560. Л. 5–6.
- 266 Пильняк Б. Человеческий ветер. Тбилиси, 1990. С. 5.
- 267 Пильняк Б. Горький и советская печать, Кн. 2. М., 1965. С. 39.
- 268 Новый мир. 1926. № 6. С. 184.
- 269 Там же.
- 270 Там же. 1927. № 1. С. 256.
- 271 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1050. Л. 6.
- 272 Там же. Л. 4
- 273 Там же.
- 274 Более подробно об этом см.: Павлова Т. В. «Пильняк жульничает и обманывает нас...»: (К истории публикации «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка) // «Исключить всякие упоминания...» Очерки истории советской цензуры. С. 65–78.

- 275 СУ РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157.
- 276 Пр. ОБ № 122 от 27 мая 1929 г. П. 2.
- 277 ГА РФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1632. Л. 149–152об.
- 278 Там же. Л. 168.
- 279 Там же. Оп. 41. Д. 54. Л. 140–140об.
- 280 Там же. Ф. 393. Оп. 77. Д. 259. Л. 1.
- 281 Там же. Оп. 64. Д. 249. Л. 66.
- 282 Там же. Ф. 393. Оп. 84. Д. 75. Л. 35–39.
- 283 Там же. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 3439. Л. 77.
- 284 РГАЛИ. Ф. 3107. Оп. 1. Д. 43. Л. 33–39об.
- 285 ГА РФ. Ф. 5525. Оп. 14. Д. 171. Л. 31–36.
- 286 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 62. Л. 32.
- 287 Правда. 1932 г. 27 апреля. С. 1.
- 288 Сталин И. Вопросы ленинизма. 2-е изд. М., 1947. С. 35–360.
- 289 РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 971. Л. 1–8.
- 290 Оруэл Дж. «1984» и эссе разных лет: Роман и художественная публицистика. М, 1989. С. 278.
- 291 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 429. Л. 190–191.
- 292 Ромм М. И. Точка отсчета: Москва. М., 1987. С. 11, 166.
- 293 Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллинн, 1994. С. 145–146.
- 294 В. И. Ленин и радио. М., 1973. С. 66.
- 295 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. М., 1991. С. 31–32.
- 296 Ямпольский Б. Московская улица // Знамя. 1988. № 2. С. 108.
- 297 Один из устойчивых мифов, всячески поддерживаемых официальной историографией, свидетельствовал, что И. Сталин, уделяя огромное внимание литературе и кинематографу, тем не менее недооценивал роль радио. Это легко опровергается не только всё комплексом выявленных материалов, но и широко известными фактами, когда в роковые моменты истории Сталин прибегал именно к безграничным возможностям радиоэфира.
- 298 В данном случае репертуарная политика осуществлялась с большей свободой, поскольку можно было стихи нежелательных поэтов или легкую музыку транслировать поздно ночью или «во время Марьи Ивановны» (на профессиональном жаргоне – дневное время, когда у радиоприемников находятся главным образом домашние хозяйки).
- 299 О технологии цензуры радиоматериалов см. подробнее: Горяева Т. М. Журналистика и цензура: (Источниковедческий анализ радиоматериалов 20–30-х гг.) // История СССР. 1990. № 3. С. 112–123.
- 300 Далее всюду «Радиопередача».
- 301 Позднее, в августе 1925 г., в число акционеров вошло Главное военнотехническое управление, а для наиболее тесной увязки работы «Радиопередачи» с требованиями военного ведомства в ее правление

- был введен начальник Главного военно-технического управления И. А. Халепский (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 804. Л. 166).
- 302 История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945 / Т. М. Горяева (отв. сост.), Я. Н. Засурский (ред.). М., 1991. С. 24–25.
- 303 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 757. Л. 120.
- 304 Цитируется из заключительной части радиолекции А. В. Луначарского «Культура СССР и значение радио» (23 ноября 1924 г.) перед выпуском первой «Радиогазеты» (РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 91. Л. 44).
- 305 Первый выпуск «Радиогазеты РОСТА» вышел в эфир 24 ноября 1924 г.
- 306 История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945. С. 96–97.
- 307 Известия ЦК РКП(б). 1925 г. 22 июня. № 22–23. С. 8.
- 308 Поляновский Г. А. 70 лет в музыке. М., 1981. С. 28.
- 309 Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М., 1928. С. 739; Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 7. Л. 38–38об.
- 310 Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 2. Л. 28.
- 311 ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 457. Л. 28–29.
- 312 Там же. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 457. Л. 24.
- 313 Справка подотдела агитации Агитпропа, направленная в Главлит 24 января 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 808. Л. 190).
- 314 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 808. Л. 166.
- 315 См. об этом: Горяева Т. М. Долгая дорога к гласности // Index. Досье на цензуру. 1997. № 1. С. 74–81.
- 316 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 808. Л. 164–165.
- 317 Там же. Л. 180, 171.
- 318 Там же. Л. 116.
- 319 Там же. Л. 110.
- 320 Там же. Л. 105.
- 321 Протокол закрытого заседания Коллегии Наркомпроса от 23 декабря 1926 г. Присутствовали: Луначарский, Покровский, Яковлева, Ходоровский, Крупская, Мещеряков. Докладчик – Мордвинкин (ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 603. Л. 29). В связи с возросшей нагрузкой по контролю за репертуаром «Радиопередачи» в учреждениях системы Главлита были установлены радиоприемники (например, в Ленинградском гублите 2 приемника) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 27. Л. 241).
- 322 См. публикации в журнале «Радиослушатель» и газете «Новости радио».
- 323 Декрет СНК ССР о радиостанциях специального назначения (СУ 1923 г. С. 1433–1435); постановление СНК СССР «О частных приемных радиостанциях» (СЗ. 1924. С. 44–46); Постановление СНК

СССР «Об очередных задачах в области радиофикации Союза ССР» (СЗ. 1928. С. 1212–1215).

- 324 Горяева Т. М. Радиогазета середины 20 — начала 30-х гг. как исторический источник // История СССР. 1984. № 1. С. 56.
- 325 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 257. Л. 2–3.
- 326 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4. М., 1970. С. 19.
- 327 ГА РФ. Ф. 5508. Оп. 1. Д. 1028. Л. 2–3, 10.
- 328 ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 55–71. Полностью информационное письмо «Радиопередачи», содержащее тезисы об организации радиовещания, опубликовано в: «Исключить всякие упоминания...»: Очерки истории советской цензуры. С. 78–106.
- 329 Это идеологическое клише, повторяющееся в юбилейных статьях по случаю Дня радио из года в год, в данном случае цитируется по статье председателя Комитета радиоинформации при Совете министров СССР А. Лузина в «Известиях» от 7 мая 1952 г. (С. 3).
- 330 Бухарин Н. И. Текущий момент и задачи нашей печати. Йошкар-Ола, 1928. С. 22.
- 331 ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
- 332 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 14. Л. 10–11.
- 333 ГА РФ. Ф. 5508. Оп. 1. Д. 1028. Л. 2–3.
- 334 Там же. Ф. 2313. Оп. 6. Д. 234. Л. 188–191, 195–201.
- 335 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 102. Л. 132–232.
- 336 Б. А. Ройзенман — член комиссии НК РКИ, член Радиокomisсии при ЦК ВКП(б).
- 337 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 102. Л. 196–198.
- 338 Кормер В. О карнавализации как генезисе «двойного сознания»: Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М., 1997. С. 276.
- 339 СЗ СССР. 1927. № 49. Ст. 500.
- 340 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 637. Л. 102.
- 341 Первоначально предполагался значительно более высокий уровень принятия решения по реорганизации радиовещания — СНК СССР.
- 342 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 650. Л. 12.
- 343 СЗ СССР. 1928. Отд. 1. № 46. Ст. 413.
- 344 Пр. ПБ № 70 от 21 августа 1931 г.
- 345 Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 31. С. 11.
- 346 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 14. Л. 15.
- 347 ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 511. Л. 2.
- 348 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 14. Л. 19–20.
- 349 Там же. Л. 16.
- 350 Там же. Л. 17.
- 351 Там же. Л. 24.
- 352 Радиоежегодник. М., 1934. С. 21.

- 353 Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 8. Л. 71–71об. (на тексте имеется виза Главлита и ГПУ и росписи всех начальников вещательных редакций).
- 354 СУ. 1931. № 31. Ст. 273.
- 355 Инструкция инспекторам райлитов и ответственным руководителям радиоузлов о порядке осуществления предварительного контроля радиоматериалов (ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 23. Л. 6–6об.).
- 356 ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 23. Л. 63.
- 357 Там же. Д. 27. Л. 269.
- 358 Приказ № 511 по ВРК при СНК СССР от 29 октября 1937 г. (Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 75. Л. 270).
- 359 Архив ОРТ. Оп. 1 л / с. Д. 27. Л. 87–89; ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 34. Л. 87–89; Ф. 5508. Оп. 1. Д. 1849. Л. 37–37об.
- 360 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 14. Л. 44–60.
- 361 Выписка из протокола Комиссии КПК № 68 от 9 мая 1935 г.
- 362 АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 14. Л. 70–71.
- 363 Приказ № 694 уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита (ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 3. Л. 154).
- 364 См. об этом: Шерель А. А. Рампа у микрофона. М., 1985.
- 365 Поляновский Г. А. Новая победа советского музыкального театра // Радиопрограммы. 1934. № 23. С. 3.
- 366 Керженцев П. М. О легкой музыке, классическом наследии и культуре музыкального вещания // Радиопрограммы. № 55. 1934 г. 25 ноября.
- 367 ЦГАЛИ СПб. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 75, 222.
- 368 Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. М., 1991. Т. 7. С. 18, 20.
- 369 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 146. Л. 23–26.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА В 1940-е — 1991 гг.

Особенности политической цензуры в годы Второй мировой войны и послевоенной конфронтации (1941–1956 гг.)

Конец 1930-х гг. был освещен заревом близкой войны. Несмотря на внешне мирный характер жизни, вся массовая культура в СССР уже наполнились военизированными атрибутами и символами, а пропагандистская машина действовала в соответствующем духе. Одним из подтверждений реальной подготовки СССР к войне было введение, начиная уже с 1940 г., специальных военных отделов в целом ряде отраслей, в частности в радиовещании¹. 2 июня 1941 г. «в целях усиления военной цензуры в СССР... и перевода цензуры на военный лад» учреждалась должность главного военного цензора при СНК СССР и утверждалось Положение о нем². Этому предшествовала записка уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита Н. С. Садчикова начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. А. Лузину с проектом постановления о главном военном цензоре при СНК СССР. Автор записки ссылался на то, что во всех воюющих странах осуществляется самая строгая почтово-телеграфная цензура: англичане в 1940 г. отправили на Бермудские острова 700 цензоров, контролирующих всю поступающую в Великобританию из других стран корреспонденцию; на лондонском почтамте работало 1500 цензоров; в Германии письма не могли быть отправлены без указания адреса отправителя (он должен был лично явиться на почту и предъявить паспорт), отправитель не имел права наклеивать на письмо марку, это делалось почтовым чиновником. Говорилось также о том, что все эти мероприятия в Великобритании и Германии введены в целях борьбы с разведкой противника и исключения передачи всякого рода сведений, которые правительство считает нежелательными. Проект предусматривал цензуру писем и телеграмм. По справке Наркомсвязи ежедневно в среднем в СССР отправлялось 6 708 800 писем и 375 600 телеграмм, из которых за границу уходило 1500 телеграмм и 33 000 писем; из-за гра-

ницы поступало 1000 телеграмм и 31000 писем. Для полного контроля внешних и внутренних писем и телеграмм, исходя из расчета 1 цензор на 150 писем или 600 телеграмм в день, требовалось дополнительно увеличить имевшийся штат цензоров на 41351 единицу (при неполном цензу меньшее количество цензоров)³.

Исходя из этого, был подготовлен проект Положения о главном военном цензоре при СНК СССР и проект постановления ЦК ВКП(б), в котором новым, по сравнению с предыдущим постановлением СНК СССР и СНК РСФСР⁴, было то, что заместители главного военного цензора при СНК и старшие цензоры союзных и автономных республик, краев и областей состояли на действительной военной службе и были откомандированы в распоряжение главного военного цензора при СНК СССР⁵.

По Положению 1940 г. о главном военном цензоре при СНК СССР⁶ цензура осуществляла две функции: охрану государственных (военных, экономических и политических) тайн и политико-идеологический контроль в произведениях печати, кино, радио, картографии, текстах пьес в печатном и рукописном виде, представленных к постановке, музеях, выставках и др., а также контроль внешней и внутренней почтовой и телеграфной переписки. При этом специально оговаривались параметры политической цензуры. Он должна была препятствовать опубликованию и распространению сведений, заключающих в себе сообщения, взгляды и идеи, направленные против социалистического строя в СССР, ВКП(б), Конституции (Основного закона) СССР и основ марксизма-ленинизма. В качестве основных направлений деятельности назывались: организация и руководство предварительной и последующей цензуры; подготовка перечней; перевод цензуры мирного времени на военное положение; изъятие политически вредной литературы; контроль за деятельностью полиграфических предприятий и доставкой сигнальных и обязательных экземпляров; разработка и издание нормативов; подготовка кадров; привлечение к ответственности лиц, нарушивших требования цензуры. Заметим, что во всяком случае, два направления деятельности были ранее не свойственны Главлиту — это явно репрессивные действия по изъятию литературы и наказанию провинившихся. Неизменным оставалось положение литературы, издаваемой Коминтерном, ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов, которая освобождалась от политико-идеологической цензуры, но подвергалась предварительному просмотру для обеспечения сохранности государственных тайн⁷.

С началом Великой Отечественной войны роль и значение НКВД в руководстве и осуществлении целого ряда цензурных функций усилилась. Особые отделы, появившиеся в структуре ВЧК в январе 1919 г., через месяц после начала войны были преобразованы в Управление особых отделов НКВД. Начальником был назначен комиссар госбезопасно-

сти 3-го ранга В. С. Абакумов, заместитель наркома. К нему поступали докладные записки и донесения из особых отделов фронтов и армий, получавших информацию из дивизионных отделов и от уполномоченных в полках. В годы войны на особые отделы возлагались функции борьбы со шпионажем и предательством в РККА, ликвидации дезертирства в прифронтовой полосе действующей армии. Они наделялись правом не только ареста, но и расстрела дезертиров на месте. Особые отделы сообщали в Москву о «недочетах, выявленных в ходе боевых действий», занимались организацией разведки в ближнем тылу противника. Донесения посылались в НКВД, Ставку главнокомандующего, Генштаб, Политуправление Красной Армии, лично И. Сталину, который хотел иметь информацию «из первых рук». Сталина интересовало состояние собственных войск и войск противника, реакция населения и личного состава РККА на те или иные мероприятия верховной власти. После издания печально знаменитого приказа № 227 «Ни шагу назад» (паникеров и трусов, гласил он, уничтожать на месте) и отмены института военных комиссаров срочно пошли директивы из ставки главнокомандующего собрать отклики, кто и что говорит по этому поводу. Кроме этого, важно было знать о настроениях гражданского населения в прифронтовой полосе. В качестве первичных источников информации служили донесения и разведсводки особых отделов, перлюстрированные письма военнослужащих, трофейные письма и дневники. Эти документы свидетельствовали о широком спектре настроений как у военнослужащих (от рядового состава до генералитета), так и у гражданского населения. Это в очередной раз опровергает устоявшийся тезис о монолитном отношении советского общества к советской власти и коммунистической идеологии.

Так, в спецсообщении о перлюстрации красноармейской почты за период с 15 июля по 1 августа 1942 г. говорилось, что военной цензурой 62-й армии было просмотрено свыше 67 тыс. писем, в которых отражается «здоровое политико-моральное состояние личного состава частей армии, высокий дух патриотизма». Тем не менее было изъято 9 писем, в которых были обнаружены немецкие открытки, топографические карты, на которых был написан текст письма, неофициальные сообщения о смерти военнослужащих, письма на портретах вождей партии и правительства, без адреса, с нецензурными выражениями и пр. В качестве патриотических приводятся тексты нескольких писем. Красноармеец Чесноков писал в Горьковскую область: «Клянусь тебе, родной отец и мать, что в грядущих боях с немецко-фашистскими стервятниками буду драться так, чтобы запомнили фашисты, как дерутся русские». Еще одно письмо: «Здравствуй, Боря. На днях мне пришлось проститься со своей подругой. 20 ноября она погибла. Она спасала под огнем жизнь многих воинов-гвардейцев. Сопровождая снова раненых, она попала в окружение немецких автоматчиков, которые хотели взять бесстрашную

девушку в плен. Укрыв раненых бойцов в блиндаже, Наташа, защищаясь, отстреливалась до последнего патрона. Когда к ее израненному телу потянулись руки мерзких зверей, она взорвала себя гранатой, в клочья разметав фашистских гадов».

Окопы Сталинграда видели разных людей, слышали разные мнения о войне, командирах, товарищах. Среди документов — докладные записки особых отделов «об антисоветских и пораженческих высказываниях со стороны отдельных бойцов и командиров», основанные также на письмах (гладкий стиль этих писем вызывает мысль об их «отредактированности») и «оперативно собранных» высказываниях: «Казначей, сержант Торон среди красноармейцев возводит клевету на жизнь трудящихся в Советском Союзе и распространяет пораженческие настроения, говоря: "...Куда нам воевать, везде видна наша бедность. Мне лично все равно, в какой стране жить. В нашей стране никто лучше не жил, чем в любой стране, где нет советской власти. Коммунизм нам не построить. Зачем полякам и украинцам освобождаться, когда они в настоящее время освобождены?"» После этих строк — резюме: «Особарму даны указания задокументировать а / с (антисоветские. — Т. Г.) высказывания Торона и немедленно его арестовать». Лейтенант Елисеев «восхваляет немецкий плен», где он побывал: там его хорошо кормили. Резюме: проводится документация а / с высказываний Елисеева, он будет арестован. Писарь хозяйства Колесников среди красноармейцев полка распространялся: «Немецкая армия культурнее и сильнее нашей армии. Нам немцев не победить. Смотрите, какая у немцев техника, а у нас, что за самолеты, какие-то кукурузники. Вся наша печать пишет неправду, в газетах пишут о том, что немцев побеждаем, а на деле наоборот». По этому случаю также сообщалось, что проводится документация для ареста Колесникова⁸.

Новая реорганизация НКВД была связана с переломом в ходе войны. Как уже отмечалось, приказом НКВД СССР от 18 января 1942 г. на основе 2-го отдела было образовано 4-е управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника) во главе с П. А. Судоплатовым.

Вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г. был создан НКГБ СССР. Была также объявлена структура и штатное расписание НКГБ, утвержденные решением Политбюро и постановлением СНК СССР № 393-129сс от 14 апреля 1943 г. Центральный аппарат НКГБ состоял из семи управлений (2-е управление — контрразведка — было создано на базе 2-го и 3-го управлений НКВД) и четырех самостоятельных отделов, а также следственной части и секретариата. В составе 6-го управления был организован отдел «В» (военная цензура и перлюстрация корреспонденции). Таким образом, во время войны деятельность НКВД и его управлений существенно расширилась, в том числе за счет расширения функций и увеличения объемов работы по цензорскому контролю.

В центральном аппарате Главлита также был создан военный порядок, однако на местах дело обстояло не так благополучно, как планировалось в директивных документах. Несмотря на созданную вертикаль местных органов цензуры, они на деле оказывались в подчинении местных партийных руководителей, в руках которых, по существу, находилась вся власть на местах, в том числе и политконтроль. Но, прежде всего, партработники были хозяйственниками, которым жизненно необходимо было сдать госзаказ и накормить людей, а уже потом соблюдать «чистоту» местной прессы. Кроме этого, уже с конца 1920-х гг. в среде партийного руководства среднего эшелона распространенным явлением стало «двойное сознание», вырабатывающееся в ответ на двойное давление — «сверху» и «снизу»: из центра требовали высоких показателей, а местные условия не позволяли пренебрегать интересами своего региона. Так, в письме от 15 февраля 1941 г. начальника Алтайского крайлита Никонова в Главлит описывалась занимательная ситуация, когда цензор использовался на хозяйственном фронте, фактически превратившись в «постоянного уполномоченного Крайкома партии в районах по различным сельскохозяйственным кампаниям». «В 1939 году находился в командировках более двухсот дней», — писал Никонов. «В 1940 году 176 дней, это не считая различных краевых и городских совещаний, пленумов и различных поручений Райкома и Горкома партии как внештатный пропагандист и консультант. 1941 год только начался, но, по существу, все пошло по-старому. В январе уже был в командировке 15 дней по хлебозаготовкам, вернулся из командировки 24 января, с 27 по 29 января был на пленуме ВКП(б), а 4 февраля в Крайкоме ВКП(б) было совещание и снова получил путевку для поездки в район по ремонту тракторов сроком по 15–20 февраля... Март — апрель — май и говорить не приходится — это самые боевые посевные месяцы в условиях нашего края, и мне по примеру прошлых лет безусловно придется эти месяцы находиться в командировках на севере...»⁹

Курьезность этой ситуации тем более показательна и очевидна, что в течение ряда предыдущих лет партия последовательно проводила кадровую политику для укрепления среднего и низшего звена системы Главлита. Решением ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1940 г. «О низовых органах цензуры»¹⁰ было определено утверждение цензоров через номенклатуру местных руководящих парторганов (обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик). Началось «перетряхивание» кадров путем их проверки, предоставления соответствующих материалов и утверждения местными руководящими парторганами. Уже в апреле было утверждено 1478 цензоров, а 2091 дело находилось на рассмотрении¹¹. И это на фоне повсеместных массовых репрессий и после незадолго до этого прошедшей коренной «чистки» центрального аппарата Главлита 1937–1938 гг. Даже начало войны не могло отвлечь сотрудников системы цензуры от «аппаратных игр», доносов и следовавших за ними

увольнений и репрессий. Таково было «дело» начальника латвийского Главлита Гринвальда, инспирированного работником Главлита Латвийской ССР Л. Креслиной, приславшей Н. Г. Садчикову донос буквально на следующий день после начала войны. Гринвальд обвинялся в том, что «ничего не мыслит в нашей работе и не хочет вникать в нее., рушит работу и несет панику, ведет себя крайне безответственно». Например, 22 июня, когда уже стало известно о серьезности положения, Гринвальд не счел нужным явиться на работу, и оказалось, что он полтора часа сидел в парикмахерской. Но главным его «преступлением» было то, что он первым делом приказал бухгалтеру получить из банка деньги, хотел разослать уполномоченных из Риги по уездным городам и не отвечал ночью на звонки. В доносе указывалось также, что Гринвальд «спутался с некой Аусекле (раньше продажная женщина), устроил ее в Главлите». «Утверждают, что она кокаинистка» и он «в полной власти этой женщины»¹². Понятно, что вскоре Гринвальд был «срочно снят с работы», и материалы его дела были посланы в 5-й отдел НКГБ СССР¹³.

Начало войны повлекло за собой смену 80% состава работников цензуры, ушедших на фронт; в Главлите шла перестройка работы на военный лад, как во всех государственных учреждениях. Приказами уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита № 700 от 7 октября 1941 г. и № 184 от 17 апреля 1942 г. в Главлите были созданы и укомплектованы группа самозащиты, звено связи и охраны порядка, пожарное и восстановительно-аварийное звено, санитарное звено и другие подразделения, полностью готовые к противовоздушной обороне¹⁴.

Усиление дисциплины и требований к качеству работы приобрели в начальный период войны систематический характер: нарекания и соответствующие наказания следовали за любое отступление от Перечня, состав которого существенно изменился в связи с требованиями военного времени, кроме того, значительно расширились границы требований к политико-идеологическому содержанию текстов, исключались любые двусмысленности и разночтения. Претензии партийных органов к работе цензуры были серьезными, цензоры допускали разглашение военных и государственных тайн, были недостаточно бдительны к идейному содержанию объектов цензуры. Это отмечалось в приказе № 270 уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита от 26 мая 1942 г., в котором одновременно продолжались обвинения в адрес начальников главкрайобллитов, ослабивших внимание к подбору, закреплению и воспитанию кадров. К тому же на местах было широко распространено совместительство в связи с нехваткой средств и кадров. Такие сотрудники, как говорилось в приказе, «слабо знают перечни и дополнения к ним; не изучают инструкции и информационные письма, недостаточно повышают свой идейно-политический

и общекультурный уровень». В этой связи были отмечены Главлиты Казахской ССР и Башкирской АССР, Саратовский, Новосибирский, Рязанский, Пензенский об л литы и Красноярский край лит, в которых работа была поставлена особенно плохо — «здесь начальники недостаточно знают людей, не имеют необходимого резерва, не выдвигают женщин на цензорскую работу, затягивают замену слабых работников и замещение вакантных должностей..., нередки случаи нарушения решения ЦК ВКП(б) от февраля 1940 г., запрещающего переброску цензоров на другую работу». Одновременно намечались меры, которые должны были ликвидировать эти недостатки¹⁵. Однако при внимательном прочтении грозной постановляющей части приказа становятся очевидными его привычно демагогическая интонация, отсутствие реальных условий для выхода из создавшегося положения.

Война внесла свои коррективы во все сферы жизни — и на фронте, и в тылу. Несмотря на опережающую перестройку цензуры, с началом войны произошли большие изменения в наполнении Перечня сведений, составляющих государственную и военную тайну. Парадоксально, но дисциплина военного времени в какой-то степени облегчила, если так можно выразиться, процедуру контроля: критерии запрета стали более четкими, любое сомнение решалось в пользу отрицания. Политико-идеологические требования стали менее расплывчатыми: патриотизм сплотил авторов самых различных направлений в едином стремлении к победе, «самоцензура» с одной стороны, стала следствием искреннего понимания гражданского долга, с другой стороны, была связана с боязнью нарушить дисциплину военного времени. Так, если в 1940 г. было выявлено свыше 1,5 тыс. допущенных в печати ошибок, то в последующем число их не превышало в среднем 80–90 в год. «Ударная» работа сотрудников Главлита получила свое отражение в приказе № 338 от 25 июня 1942 г., посвященном итогам соцсоревнования. В нем говорилось, что коллектив сотрудников Главлита «развернул борьбу за повышение производительности труда, повышение норм читки, за укрепление дисциплины труда, за повышение качества работы». Подведенные итоги по соцсоревнованию показывали, что на первое место по Главлиту вышел Отдел иностранной цензуры (начальник отдела — Добросельская), второе место занял Радиоотдел (начальник отдела — Буртаков) и т. д. По отделу иноцензуры объем работы во время войны не изменялся. При этом до войны в отделе работали 40 цензоров и 25 контролеров, а в военное время остались на работе 10 цензоров и 6 контролеров. Если до войны каждый цензор в среднем в день просматривал 30–35 названий, то во время войны — 60–70 названий при средней продолжительности рабочего дня 9 часов и отсутствии ошибок. В отделе радиоцензуры бригады цензоров работали без выходных дней: бригада русского радиовещания 53 часа в неделю, бригада иновещания — 56 часов — явное превышение норм¹⁶.

Что же стояло за внушительными цифрами выявленных случаев нарушений в деле охраны государственной тайны, если не брать во внимание редкие примеры разглашения мест расположений промышленных предприятий, военных подразделений и др.? Подавляющее большинство цензурных «преступлений» составляли так называемые «идеологические ошибки и контрреволюционные опечатки». Так, в совершенно секретном донесении ЦК ВКП(б) А. А. Пузину сообщалось, что в газете «Коммунист» органе Красноводского обкома и горкома и исполкома местного Совета от 2 марта 1943 г. в тассовской заметке «Американские газеты о задачах стратегии союзника» в третьем абзаце в слове «Сталинград» пропущена буква «р». Кроме этого, по сообщению начальника Военно-морского штаба Каспийской военной флотилии, в № 01 от 14 мая 1943 г. в статье «Водному транспорту — воинскую дисциплину» в слове «главнокомандующий» пропущена буква «л». Эти случаи рассматривались Главлитом как «контрреволюционные опечатки — дело рук врага» о которых было сообщено в НКГБ¹⁷.

Военный период остался в истории цензуры еще и одним из шумных скандалов, который произошел с самим руководителем Главлита Н. Г. Садчиковым. Это свидетельствовало о том, что не всегда понятия «военная и государственная тайны» в условиях военного времени трактовались на высшем уровне одинаково. Подготовленная в чисто управленческих целях брошюра «Цензура в годы Великой Отечественной войны» была воспринята в ЦК партии как враждебная вылазка. Причины, побудившие Н. Г. Садчикова к подготовке такой брошюры, были следующими¹⁸. Во-первых, в местных органах цензуры не было никаких материалов, разъясняющих методы цензурной работы, кроме сжато сформулированных инструкций, приказов и перечня по охране военных и государственных тайн в печати. Во-вторых, необходимо было повысить бдительность работников цензуры на разборе конкретных допущенных ими ошибок в работе и научить их правильно понимать и применять основные документы цензуры. В-третьих, во время войны в большинстве краев, областей и республик были назначены новые руководящие цензорские работники, которых требовалось в короткий срок ввести в курс очень сложной работы и тем самым облегчить руководство с их стороны цензорами при газетах, издательствах и радиовещательных станциях. На проведенных в 1942 г. кустовых совещаниях начальников главкрайобллитов и рядом местных партийных органов высказывалось мнение о необходимости подготовке такой брошюры. Брошюра «Цензура в годы Великой Отечественной войны» была издана с грифом «Секретно», из чего вытекали соответствующие правила ее хранения, пользования ею определенным кругом лиц. Она рассылалась на места через спецсвязь, как и все другие секретные документы. Однако в ЦК придерживались другого мнения. В тексте и в порядке прохождения материала были обнаружены отклонения от требований военного вре-

мени. Во-первых, эта брошюра не была направлена в ЦК ВКЦ (б), тем более что предыдущие брошюры — «Строго хранить тайны социалистического государства» и «О некоторых вопросах работы цензуры во время войны», выпущенные в 1942 г., были своевременно направлены ЦК «товарищам Пузину, Кондакову, Фатееву и Кузьмину». Во-вторых, в тексте в качестве примеров были приведены «выдержки из выступлений гитлеровских главарей в связи с тем, что начальники Главкрайобллитов не входят в номенклатуру работников, имеющих право получения такого рода информации». И, наконец, как посчитали в ЦК, не было необходимости лишний раз упоминать, даже в секретной брошюре, номера военных заводов с указанием области их нахождения, несмотря на то, что отдельные данные об оборонных заводах были взяты из местной печати, где они были опубликованы по вине цензоров (на разборе этих ошибок, как считал составитель брошюры Н. Г. Садчиков, необходимо было поднять бдительность цензоров с тем, чтобы в дальнейшем не допускать подобного рода ошибок)¹⁹. Только высокие ходатайства и правильно выбранная самим Н. Г. Садчиковым линия поведения спасли его от репрессий, он отделался строгим партийным взысканием²⁰.

Широко известно начинание архивистов 1943 г. по сбору документов и материалов, отражающих события и факты военного времени. Однако именно Главлиту принадлежит первенство в этом деле: именно он выступил с инициативой по собиранию и сохранению изданий, выпускаемых в годы войны. В письме начальника Главлита Н. Г. Садчикова и директора Библиотеки СССР им. В. И. Ленина Н. Яковлева в ЦК ВКП(б) от 13 мая 1942 г. говорилось, что для будущих работ по созданию истории Великой Отечественной войны исключительное значение будут иметь все издания, выпускаемые военными ведомствами на фронтах и в тылу: газеты (фронтовые, армейские, соединений и частей), брошюры, листовки, плакаты, лозунги, а также специальные газеты, издаваемые для населения оккупированных районов и для распространения среди войск противника. Указывалось, что эти материалы, являющиеся ценнейшими документами нашей эпохи, будут изучаться не только современниками, но и будущими поколениями. Ввиду этого предлагалось приступить к их собиранию с максимальной полнотой в центральном государственном хранилище СССР — Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, которая, как государственное хранилище СССР, согласно решению СНК СССР, имела право покупать все печатные материалы вплоть до секретных (для хранения их имелся особый секретный отдел со специальным хранилищем). Предлагалось дать указание Политуправлению РККА о присылке или передаче в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина по 2 экземпляра газет, журналов, брошюр, лозунгов и других изданий, выпускаемых военным издательством, политуправлениями фронтов, армий и т. д.²¹ Пожалуй, это был первый случай, когда мероприятие Главлита осуществлялось во благо сохранения исторической памяти.

Этот шаг тем более выделяется на общем фоне действий Главлита в библиотечном и музейном деле, поскольку именно по его инициативе постоянно изымались из общего пользования или уничтожались по тем или иным политико-идеологическим причинам целые комплексы литературы. Изъятие из библиотек и книготорговой сети книги «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в катынском лесу военнопленных польских офицеров» (приказ № 716 уполномоченного по охране военных тайн в печати и начальника Главлита М. Овсянникова от 21 августа 1945 г.)²², перевод каталогов и книг о Чечено-Ингушской, Крымской, Карачаево-Черкесской и Калмыцкой АССР в спецхран (распоряжение заместителя уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита М. Овсянникова директору Государственной библиотеки им. В. И. Ленина Олешеву от 8 марта 1946 г.)²³ и многие другие подобные мероприятия привели к обеднению библиотечных фондов и искажению объективной истории этого периода.

Одновременно Главлиту приходилось постоянно решать актуальные вопросы регламента и ограничений, возникающие по ходу развития событий Великой Отечественной войны. К наиболее характерным для заключительной фазы войны видам работы Главлита относились разработка порядка издания религиозной литературы (циркуляр № 2 Главлита от 8 февраля 1944 г.)²⁴, материалов (воспоминаний, очерков, статей) о партизанском движении (циркуляр № 12 Главлита от 22 сентября 1944 г.)²⁵ после предварительного согласования с секретарями крайкомов, обкомов ВКП(б) и ЦК нацпартий по пропаганде, контроль за публичными лекциями (циркуляр № 11 Главлита от 21 сентября 1944 г.)²⁶ и многое другое. Понятно, что в условиях, когда постоянно возникающие прецеденты сливались в сплошной поток, а Главлит должен был оперативно реагировать на них, случались казусы, подобные тому, который произошел летом 1944 г. Начальник Главлита Н. Г. Садчиков представил в Управление пропаганды ЦК проект приказа об изъятии произведений Иванова Алексея Ивановича, который во время оккупации немцами Ростова-на-Дону изменил Родине и перешел на сторону врага. Не выяснив имени Иванова, его специальности, места издания трудов, Главлит включил в список на изъятие работы всех Ивановых, имеющих инициалы А. И., в том числе работы начальника Военно-морской медицинской академии генерал-майора медицинской службы Иванова Алексея Ивановича, находящегося на фронте, и т. д. (весьма объемный список прилагался)²⁷. После этого случая Н. Г. Садчиков был вызван в Управление пропаганды ЦК и предупрежден, что при повторении подобного случая он будет привлечен к партийной ответственности²⁸.

Еще более серьезные претензии к работе Главлита были высказаны начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Ф. Александровым по результатам проверки Главлита²⁹, прошедшей в этот же период. В докладной записке секретарю ЦК А. С. Щербакову от 29 июля 1944 г. указывалось на ряд правильно принятых Главлитом решений по предварительной цензуре, в то же время отмечалось, что «начальник Главлита т. Садчиков и работники аппарата Главлита в оценке некоторых работ допустили серьезные перегибы, было дано неправильное заключение по статье академика С. И. Вавилова “Ленин и современная физика”». По оценке Садчикова, статья содержала грубые «ошибки идеалистического и махического характера». На самом деле статья С. И. Вавилова, по оценке Управления пропаганды и агитации, была направлена против агностических взглядов и идеалистических тенденций. «Академик Вавилов, — говорилось в справке, — показывает ленинский анализ “кризиса физики” и значение работы В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” для борьбы с идеализмом в современной физике. Автор разоблачает попытки философов и физиков-идеалистов истолковать в идеалистическом духе достижения современной физики. Статья показывает объективное значение диалектики в области физической науки и огромное значение метода материалистической диалектики в познании физических явлений». Так же неправильно, с точки зрения Управления пропаганды и агитации, была оценена Главлитом как «политически вредная, опошляющая героику нашего народа» статья С. Богуславского «Великая Отечественная война в русском народном творчестве» (Известия Академии наук). Вместо разбора статьи цензор процитировал из нее два места и, основываясь на приведенных цитатах, сделал вывод, что автор статьи выдает за народное творчество пошленькие стишки и что статья в целом политически вредная. На самом деле, в статье давалась положительная оценка некоторым плохим стихам, но при этом приводилось много интересного материала об отражении в устном народном творчестве борьбы советского народа против фашистских захватчиков. По мнению Управления пропаганды и агитации, следовало порекомендовать издательству исправить эту статью, а не запрещать. Говорилось также, что во многих случаях цензура отмечает недостатки редакционного характера, а оценивает их как политические ошибки. Так, например, в одном стихотворении, помещенном в сборнике «Стихи молодых украинских поэтов», имелась фраза: «А немец как гаркнет: молчи, старина!» Цензор отметил эту фразу как политическую ошибку, отметив, что выражение: «молчи, старина» вежливо и его нельзя вкладывать в уста немца.

Наряду с этим были отмечены случаи, когда Главлит разрешал в печать материалы, содержащие политически вредные положения, например, статью Клименко «Изменение в организации и технологии производства машиностроительной промышленности в условиях военного времени» (Известия Академии наук. Отделение экономики и права. № 2), в которой давалась «непомерно восторженная оценка успехов про-

изводства США и Англии и снисходительные отзывы о наших успехах». В качестве выводов указывалось, что проверкой было установлено, что в аппарате Главлита нет строгой ответственности цензоров за рецензирование книг и статей, а письменных заключений по книгам и журналам, как правило, не представляется, что «порождает безответственность цензоров за их работу». Указывалось и на недостаточную тщательность и ответственность начальника Главлита Н. Г. Садчикова, который подтверждает ошибочное заключение цензоров. Предлагалось восстановить прежний порядок обязательного обстоятельного заключения цензора на каждую запрещаемую книгу или статью с последующим подтверждением начальника отдела предварительного контроля и утверждения начальника Главлита, а также ежедневного представления Главлитом в Управление пропаганды ЦК ВКП(б) сведений об изданиях, запрещенных к печати, с точным указанием мотивов запрещения³⁰.

Заключительный этап войны и послевоенный период характеризуются массовыми мероприятиями по установлению советской цензурной системы в освобожденных от фашизма восточно-европейских государствах и республиках Прибалтики, Западной Украины, Белоруссии и Молдавии. Закрытие газет и журналов, цензура в театральных и развлекательных учреждениях, очистка библиотечного фонда от религиозной, буржуазной и националистической литературы — вот небольшой перечень основных задач, осуществляемых с огромным напором Главлитом на территории ранее суверенных государств. Подобные действия не могли не вызвать ответного сопротивления. По сообщениям начальника Главлита при Совете министров Эстонской ССР Я. А. Оттендера, в Таллине были совершены «два акта политического бандитизма на работников центрального аппарата Главлита»: в июне 1945 г. был убит цензор Герман Августович, член ВКП(б), активный участник Великой Отечественной войны, а в апреле 1946 г. было совершено вооруженное нападение на квартиру начальника библиотечного сектора Главлита Ксении Плукк, члена ВКП(б), матери четырех детей. Выстрелами из автомата по окнам квартиры были тяжело ранены два ее сына, один — в голову, другой — в грудь (впоследствии один из мальчиков скончался). Эти бандитские нападения были расценены как враждебно-политические и направленные против работников цензуры Эстонской ССР³¹.

Быстрота и глубина изменений в обществе, которые произошли в странах Восточной Европы после окончания Второй мировой войны, объяснялись не только артиллерийскими залпами победоносной Советской Армии, не только успехами СССР на дипломатическом фронте в борьбе за раздел мира, но и стремительными действиями советской идеологической системы, направленными на приведение в соответствие с ней идеологического каркаса всех освобожденных государств. Не умаляя той огромной цены, которую заплатил наш народ за освобождение от фашистского ига, следует, однако, подчеркнуть, и это сегодня не требует

специальных доказательств, что победа СССР во Второй мировой войне принесла народам Восточной Европы не только долгожданный мир, но и «обращение всех в единую социалистическую веру» независимо от их воли. Народное сопротивление этому режиму в последующие десятилетия вплоть до «бархатных революций» и кровавого крушения коммунистических диктатур — лучшее доказательство противоестественности и обреченности безжалостного эксперимента.

Среди стран, оказавшихся под советским «влиянием», была Польша, традиционно вызывавшая особый интерес у Москвы, считавшей судьбу бывшей провинции Российской империи раз и навсегда решенной. «Польская карта» была разыграна между Сталиным и Гитлером, массовым репрессиям подвергались тысячи поляков, проживавших в СССР на присоединенных в 1938–1939 гг. территориях. Сведения об этом самыми невероятными путями, сквозь «железный занавес» просачивались в печать Европы и США. Об этом докладывалось руководству Главлита и НКВД: «Вся реакционная американская пресса (США, южно-американские страны, Канада), а также частично и английская, особенно польская и еврейская реакционная печать, издающаяся в Америке, развернула широкую антисоветскую кампанию по поводу якобы тяжелого положения высланных в Сибирь лиц из западных областей Украины и Белоруссии. Причем различные газеты дают разноречивые цифры сосланных, ни то 200 тыс., ни то 500–600 тыс. и даже больше. Они пишут, что высылаются поляки, евреи, украинцы и белорусы, что физически истребляется польская интеллигенция. Описывают разные жуткие небылицы и прочие ужасы гибели голодных и истязаемых непосильным трудом упомянутых сосланных... В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, необходимо следует соответствующим органам принять надлежащие меры и усилить контроль высылаемых писем куда-либо от лиц, высланных в глубь СССР»³².

С помощью ликвидации всех источников информации власть пыталась позорно скрыть правду о трагедии в Катюни. Все документы по этому делу были либо уничтожены, либо строго засекречены, участники трагедии ликвидированы. Напомним, что в августе 1945 г. особым решением книга «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» (Госполитиздат, 1944), изданная на русском и польском языках, была изъята из книготорговой сети и библиотек общественного пользования и уничтожена. Правда смогла пробиться к людям только через 45 лет.

Аналогичным образом регулировалось обнародование всей информации, связанной с различными общественными процессами, происходившими в Польше в 1960–1980-е гг. Советская цензура бдительно следила, чтобы общая картина «братской дружбы социалистического лагеря» не пострадала от крамольных идей политических деятелей и

представителей интеллигенции восточно-европейских стран. Такие же действия предпринимались и в более поздний период, когда секретным распоряжением начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР П. В. Романова № 1 от 21 января 1971 г. было запрещено цитирование, ссылки и публикация материалов, содержащих статьи, выступления и речи В. Гомулки. Распоряжение было издано на основании указания ЦК КПСС, переданного 21 января 1971 г. заведующим сектором Отдела пропаганды И. И. Чхиквишвили³³.

Одной из основных составляющих процесса насаждения политического строя и идеологии в странах «народной демократии» являлось создание там института цензуры по советскому образцу сразу же после окончания войны. В Польше этот процесс начался вскоре после подавления Варшавского восстания в октябре 1944 г. 3 ноября 1944 г. «для организации цензуры при Польском Национальном Комитете» Главлит «по просьбе тов. Булганина Н. А.» направляет в город Люблин своих ответственных работников П. В. Галдина и К. К. Ярмужа. О том, как разворачивалась «ударная работа», в результате которой практически в двухмесячный срок в Польше была ликвидирована многопартийная пресса, произведены кадровые чистки, а массовая культура (кино, радиовещание, развлекательные жанры), литература и искусство поставлены под жесткий партийный контроль, свидетельствует комплекс документов³⁴, в который входят служебные донесения, нормативные акты, аналитические справки, которые практически ежедневно посылали в Москву ее эмиссары. Примечательны биографии людей, которые за два месяца изменили духовный и культурный облик буржуазной Польши.

Петр Владимирович Галдин родился в 1900 г. в бедной крестьянской семье в селе Белоколодезь Веневского района Тульской области, член РКП(б) с 1924 г. С 14 лет работал чернорабочим фабрики аптекарских принадлежностей, в 1919–1922 гг. служил в Главном управлении Военно-воздушного флота рядовым стрелком. В 1922–1925 гг. работал чернорабочим фабрики «Аэрофото» в 1925–1931 гг. — упаковщиком-экспертом Госиздата; был направлен на учебу во Всесоюзный Коммунистический институт журналистики им. «Правды», после окончания которого работал редактором в различных многотиражных газетах. С 1937 г. по направлению МК ВКП(б) — политредактор Мособлгорлита, на этой должности проявил себя активным разоблачителем «врагов народа». Еще в начале 20-х годов на фабрике «Аэрофото» П. В. Галдин через газету «Правда» «разоблачил» заведующего производством Рикашова, который, как было установлено, являлся в прошлом хозяином этой фабрики. На работу в центральный аппарат Главлита Галдин был принят 10 июня 1940 г., а уже 27 ноября его назначили заместителем начальника отдела кадров. Вот несколько строк из характеристики П. В. Галдина, данной ему начальником Главлита Н. Г. Садчиковым: «Дисциплинированный. Знает

хорошо Перечни и все инструкции по цензурской работе. Политически грамотный. Каждое дело доводит до конца. Можно положиться на такого работника. Растет бесспорно на работе быстро. Учится в Университете марксизма-ленинизма».

В 1941 г. П. В. Галдин был назначен заместителем начальника Главлита, однако уже в начале 1943 г. был переведен на должность цензора-инспектора Отдела предварительной цензуры с более высоким окладом. В 1946 г., после окончания Центральных газетных курсов, он, по своему собственному признанию в заявлении на имя руководства Главлита, не захотел оставаться на цензурской работе и продолжил свое образование в Высшей партийной школе³⁵.

Казимир Казимирович Ярмуж (1885–1950) родился в семье бедных рабочих в Иллуkste Курляндской губернии, член РКП(б) с 1920 г. Окончил трехклассное городское училище г. Двинска. Начал свою трудовую деятельность в 1902 г. ремонтным рабочим на Петербургско-Варшавской железной дороге, в 1904–1905 гг. — телеграфный надсмотрщик на Центральном телеграфе, где активно участвовал в забастовках и волнениях, за что был уволен. В 1920–1921 гг. — военком и начальник телеграфной станции 6-стрелковой дивизии Красной Армии. В 1924 г. окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова по специальности пропагандист. После окончания университета в 1920-е гг. по распоряжению ЦК РКП(б) занимался различной хозяйственной работой, в частности в Якутске, где в 1926 г. был назначен уполномоченным по кооперации при Якутском представительстве в Москве. В 1930–1931 гг. К. К. Ярмуж находился на партийной работе на Челябинском тракторном заводе. Затем по болезни был освобожден от этой работы и направлен МК ВКП(б) в аппарат Наркомвнешторга, а затем во Всекоопинсовет. В ноябре 1935 г. ЦК ВКП(б) перевел Ярмужу на ответственную должность в Разведывательное управление Наркомата Обороны. В 1938 г. он был демобилизован и принят на работу в Главлит. В Главлите К. К. Ярмуж смог применить знание иностранных языков (шведский, польский, английский, немецкий), он сам свою деятельность связывал в основном с работой в Радиокomiteте в качестве уполномоченного Главлита и с 1945 г. — заместителя начальника Отдела радиоцензуры. За всю войну К. К. Ярмуж не допустил ни одной цензурской ошибки; активно боролся с троцкистами и правыми, был награжден грамотой «За отличную работу». Во время аттестации в Главлите в 1947 г. он был переведен на должность цензора с сохранением оклада³⁶.

В одном из первых донесений П. В. Галдин и К. К. Ярмуж сообщали Н. Г. Садчикову: «На основании Ваших распоряжений в гор. Люблин мы прибыли 16 декабря 1944 года. 16 и 17 декабря нами были подготовлены проекты — Декрет о контроле прессы, кино и радио и Положение о «Центральном Бюро контроля прессы, кино и радио при Министерстве Общественной Безопасности Польской Республики». Еще три месяца

тому назад Декрет о цензуре готовили польские патриоты. Но этот проект декрета польских патриотов был составлен крайне неудовлетворительно, причем отдельные статьи были направлены, по существу, против Советского Союза. Так, например, статья 8 гласила, что «Издателем и ответственным редактором издания может быть только польский гражданин, проживающий в Польше, имеющий полных 21 год, не находящийся в заключении и не лишенный прав гражданства и т. п. На основании этого пункта советские граждане исключались бы. Кроме этого, проект Декрета польских патриотов не предусматривал контроль материалов радиовещания, картографии, вывоз и ввоз иностранной литературы, публичных лекций, выставок, кино, музеев и т. п.»³⁷.

Под прикрытием генералов Красной Армии, к помощи которых пришлось прибегнуть цензорам, были достигнуты следующие результаты. 19 января 1945 г. министр Общественной безопасности Польской Республики Станислав Радкевич подписал приказ об организации при Министерстве общественной безопасности Центрального бюро контроля прессы, кино, радио и т. д. (ЦБКП). Временно и. о. начальника ЦБКП был назначен Леон Жендовский — член Польской рабочей партии; ему было поручено организовать ЦБКП под руководством московских должностных лиц из Главлита. В аппарате ЦБКП работали начальник и 3 цензора. С 20 января 1945 г. все центральные газеты Польши начали проходить через предварительный контроль. Для ЦБКП были выделены две комнаты с телефоном, в которых производилась работа. Был подготовлен проект циркуляра для редакторов и директоров издательств и типографий, в котором говорилось о введении цензуры в печати, кино, радио, театрах и т. п. и о порядке контроля. Задание Москвы было выполнено полностью. Случаи политических ошибок в феврале — марте резко сократились, в этом была известная доля «заслуги молодой польской цензуры, которая, несмотря на недостаток и еще малоопытность кадров, усвоила большевистский стиль работы братской Советской цензуры и ведет борьбу за улучшение качества польской демократической печати». Так говорилось в заключительном донесении.

Те же действия осуществляли работники Главлита и в национальных республиках СССР. Вместе с Красной Армией, принесяшей освобождение от фашистских оккупантов, на освобожденные земли пришли те, кому было поручено изменить национальный и культурный облик этих республик. Такой натиск не мог не вызвать сопротивление национальной интеллигенции. Так, заведующий библиотекой Латвийского Государственного университета Страуме, по сведениям Главлита, «всячески тормозил очищение библиотек университета от политически вредной литературы, незаконно перехватил несколько сот книг, изданных в Германии, и не передал их на хранение в спецфонд, прятал изымаемую вредную литературу в подсобных помещениях, не допуская туда работников цензуры и заведующего спецфондом университета, скрыл

библиотеку ранее существовавшего богословско-теологического факультета и тайно передал из этой библиотеки 2100 книг духовной семинарии католической церкви»³⁸. Идеологи из Москвы не делали исключения ни для одной конфессии. Принявшись за наведение порядка в цензорском хозяйстве УССР, в частности в подборе кадров, присланные из Москвы цензоры прежде всего установили контакт с ЦК КП(б) Украины и республиканским Советом министров. Они получили особое задание обратить внимание на украинскую литературу, а также на книжный фонд республики, который был «засорен вредной литературой». В первом полугодии 1945 г. было изъято 13 тысяч книг, во втором — 36 тысяч, всего за год было изъято 43 тысячи книг, на 1 июля 1946 г. — 93 тысячи книг³⁹.

Таким образом, сформировавшиеся к началу войны и окрепшие к ее окончанию идеологические установки и практические правила работы советской политической цензуры насильственно насаждались в странах, освобожденных от фашизма советскими войсками. Цензура советского образца ставила себе целью прежде всего избавиться от произведений культуры, книжно-издательской продукции, отражающей национальные, культурные и духовные особенности народов. Все, что не соответствовало идеологическим и эстетическим вкусам московских цензоров, было объявлено враждебным «народной власти» и «новому образу жизни», установившихся в странах, освобожденных от фашизма, и новых советских республиках.

С окончанием войны произошли структурные изменения в аппарате НКВД.

С образованием НКГБ функции НКВД несколько сместились в сферу управления учреждениями лагерной системы и целыми отраслями промышленности и транспорта, являвшимися лагерными подразделениями системы НКВД, например, такими организациями, как Главпромстрой, Главспецнефтьстрой, Главслюда, Главасбест, Геологоразведывательное управление, Гидропроект и др. ГУЛАГ превратился в отраслевую промышленную систему, а НКВД — в его орган управления. Из непромышленных организаций в состав НКВД входило только Главное архивное управление. Политический сыск стал прерогативой управлений и отделов НКГБ. Следует отметить, что между этими двумя могущественными ведомствами была острая конкуренция за влияние на верховную власть: шли постоянные интриги, велась «война доносов» и подсиживаний.

15 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял Закон о преобразовании СНК СССР в Совет министров СССР, а наркоматы СССР были переименованы в министерства СССР. В соответствии с этим законом НКВД СССР был переименован МВД СССР, а НКГБ СССР — в МГБ СССР. Председателем Совета министров СССР стал И. В. Сталин, а одним из его заместителей — Л. П. Берия, министром внутренних дел СССР был утвержден С. Н. Круглов, а министром государственной

безопасности — В. Н. Меркулов. Системные изменения произошли и в органах управления культурой и искусством, в системе цензурной деятельности.

Кардинальное расширение и изменение структуры МГБ СССР произошло 4 мая 1946 г., когда решением Политбюро ЦК ВКП(б) 51 / IV от 4 мая 1946 г. вместо В. Н. Меркулова министром госбезопасности был назначен В. С. Абакумов. В состав МГБ также вошел Отдел «В», который занимался перлюстрацией корреспонденции. Среди новых, образованных после войны отделов были: Отдел экспертизы и подделки документов, Отдел чекистского наблюдения на объектах атомной промышленности, Отдел оперативной работы по духовенству всех конфессий, Отдел борьбы с «лицами, высказывающими угрозы террористического характера в отношении партийных и советских руководителей», служба дезинформации.

В основном эта структура сохранилась до марта 1953 г. Однако в разные годы происходили некоторые ее «усовершенствования». Так, в 1949 г. была создана служба наружного наблюдения и установки: оперативные функции были выделены из 5 управления МГБ СССР и приказом № 00293 от 10 сентября 1949 г. было создано самостоятельное 7 управление МГБ СССР (оперативное). В соответствии с этим решением приказом МГБ СССР № 00386 от 6 декабря 1949 г. была утверждена новая структура 5 управления. Отдел «О» был упразднен, а его функции были переданы в 5 управление. Теперь основной задачей 5 управления стала борьба с враждебными и антисоветскими элементами, работа против клерикалов и розыск авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных документов, т. е. функции секретно-политического управления. Работа этого отдела тесно примыкала к деятельности Главлита, с которым чекисты имели постоянную связь.

Постепенно жизнь входила в мирное русло, хотя атмосфера военного времени в Главлите царила значительно дольше, чем в других советских учреждениях. Уточнялись функции Главлита, менялась его структура. К 1947 г. она была следующей. Во главе Главлита стояли: начальник Главлита, он же уполномоченный Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати, и его заместители — по общим вопросам, по вопросам информации иностранных корреспондентов за границу, по местным органам цензуры, по кадрам. Внутри аппарата существовали следующие отделы:

1-й отдел (военный); он ведал вопросами «Перечня сведений, составляющих военные и государственные тайны» в печати и радиовещании, совместно или по согласованию с соответствующими министерствами СССР «Перечень сведений, составляющих военные и государственные тайны» на мирное время и отдельно на военное время, совместно с Министерством государственной безопасности СССР разрабатывал сводку секретных и совершенно секретных вопросов для руководства в

служебной переписке, телеграммах и радиограммах, которая была обязательной для исполнения всеми министерствами и подчиненными им учреждениями; личный состав 1-го отдела комплектовался из офицеров, состоящих в кадрах Вооруженных Сил.

2-й отдел осуществлял цензорский контроль над иностранной литературой, поступающей в СССР.

3-й отдел контролировал информацию иностранных корреспондентов из СССР за границу.

4-й отдел осуществлял предварительный цензорский контроль над выпуском книг и журналов центральных издательств.

5-й отдел осуществлял последующий контроль над издающимися на периферии произведениями печати и руководство местными органами цензуры (Главлитами союзных и автономных республик, краевыми и областными управлениями по делам литературы и издательств).

6-й отдел проводил предварительный контроль центральных газет, центрального радиовещания, материалов ТАСС и Совинформбюро.

7-й отдел ведал вопросами изъятия политически вредной литературы, осуществлял контроль исполнения полиграфическими предприятиями «Правил производства и выпуска в свет произведений печати» и контролировал вывоз советской литературы за границу.

Всего в центральном аппарате Главлита в 1947 г. работали 233 человека, во Всесоюзной книжной палате — 350 человек, на периферии — 2120 штатных работников и 3750 районных цензоров-совместителей⁴⁰.

Деятельность цензуры распространялась на работу не только советской прессы, но и иностранных информационных агентств и зарубежных корреспондентов. 14 мая 1947 г. Ассоциация англоамериканских корреспондентов в СССР обратилась с письмом к И. В. Сталину, в котором изложила свои аргументы в пользу полной отмены цензуры в СССР. Она выразила полное единодушие по поводу того, что действия советского правительства, направленные на обеспечение свободы получения и передачи информации, будут «способствовать росту авторитета корреспондентов, которые дают объективный репортаж из Советского Союза», и исключат «клеветнические и неточные сообщения, написанные авторами, которые никогда не были в Советском Союзе»⁴¹. Несмотря на авторитетность авторов обращения, контроль за сообщениями иностранных корреспондентов со стороны Главлита, с одной стороны, и НКВД, с другой стороны, ослаблен не был, а, наоборот, усилился в связи с принятием 9 июня 1947 г. указа Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну. Указ регулировал порядок выполнения ограничений, принятых в «Перечне...», утвержденном Советом министров Союза ССР в постановлении от 8 июня 1947 г. Статьи указа были малочисленны, но по содержанию своему соответствовали военному времени. Разглашение сведений, составляющих государственную

тайну, совершенное лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли получить эти сведения в силу своего служебного положения, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, карались заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от 8 до 12 лет. Разглашение военными служащими сведений военного характера, составляющих государственную тайну, по тем же причинам каралась заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от 10 до 20 лет. Разглашение частными лицами сведений, составляющих государственную тайну, каралось заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от 5 до 10 лет⁴².

Почти сразу же после окончания войны обострился конфликт между Главлитом и Главреперткомом. Постоянно обсуждалась и решалась проблема разграничения контроля за художественным репертуаром и произведениями искусства. Возникший параллелизм между двумя главками Наркомпроса РСФСР, о котором мы подробно говорили выше, создание других руководящих органов для осуществления идеологического контроля в области литературы и искусства, с одной стороны, привели к круговой слежке за обнародованием и опубликованием художественных произведений, а с другой — позволяли в некоторых случаях, получив отказ в одном контрольном ведомстве, найти поддержку и понимание в другом. Этому способствовали сильная забюрократизированность госаппарата, личные пристрастия и симпатии некоторых его чиновников. Понятно, что такая ситуация не могла не тревожить главного «начальника» — Агитпроп ЦК, поэтому регулярно устраивались показательные проверки, слушания и постановления. В этом смысле характерна попытка упорядочить в очередной раз процесс цензуры уже в послевоенные годы, в частности контроль над массовой скульптурой и живописью, над художественными выставками и музеями, который осуществлялся как Главреперткомом Комитета по делам искусств при Совете министров СССР, так и в равной мере Главлитом. Параллелизм вносил путаницу в отношения с художественными организациями и мешал, по мнению М. Б. Храпченко, их нормальной деятельности: нередко Главрепертком разрешал, а Главлит запрещал и наоборот. В конце октября 1946 г. Комитет по делам искусств СМ СССР предложил ЦК выйти из создавшего положения следующим образом: Главрепертком осуществляет контроль над художественными выставками и художественными музеями, рассматривает и утверждает образцы, модели и эталоны скульптурных и живописных произведений, предназначенных к массовому копированию и распространению, Главрепертком же, в порядке последующего контроля, проверяет качество массовой живописи и скульптуры. Главлит же осуществляет контроль над печатной продукцией изобразительного искусства (репродукции, плакаты, графические издания), «Окнами ТАСС», оформительскими портретами⁴³.

Однако попытки скоординировать работу, разделив обязанности между Главреперткомом и Главлитом, не привели к желаемому результату, создали в творческих кругах неразбериху и дополнительные проблемы в связи с прохождением художественными произведениями всех стадий цензурского контроля. Главлит неоднократно делал со своей стороны попытки сосредоточить всю цензуру в своих руках и ликвидировать «ведомственную цензуру» при Комитете по делам искусств. Такие шаги были предприняты в 1949 г. и в 1950 г., когда в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 30 декабря 1950 г. поступила сводка идеологических ошибок, допущенных Главреперткомом и исправленных в последующем контроле Главлитом. Например, только за один 1950 г. Главреперткомом было разрешено 16 произведений, в которых Главлитом было обнаружено и внесено 22 цензурских вмешательства (13 политико-идеологических вмешательства и 9 запрещений к опубликованию в открытой печати)⁴⁴. Однако партийные органы вновь ограничились лишь очередным упорядочением цензурской работы. Постановлением СМ СССР от 28 августа 1951 г. функции этих двух органов были разделены следующим образом: цензура произведений искусства была возложена на органы Главлита, а идейно-художественный контроль за репертуаром театров, музыкальных коллективов, цирков и концертных исполнителей: работа с авторами по созданию произведений искусства — на комитет по делам искусств при СМ СССР и его органы на местах. Решение подкреплялось введенной 18 января 1952 г. «Инструкцией о порядке цензурского контроля произведений искусства». Пожалуй, трудно представить более циничный и противоречивый документ, в котором творчество рассматривалось как промышленное производство. Приведем только его основные положения:

«1. Произведения искусства (драматургия всех жанров и форм, музыкальные, музыкально-вокальные и разговорного жанра произведения для эстрады, цирка, художественной самодеятельности, живопись, графика, скульптура, тиражируемая фотопродукция, запись на грампластинку) могут публично исполняться, демонстрироваться и выпускаться в свет лишь при условии, если они разрешены органами цензуры [...] 3. Органы цензуры свои замечания по контролируемым произведениям сообщают тем организациям, которые представляют данные произведения на контроль. Принимать на контроль произведения искусства непосредственно от авторов и исполнителей и вступать с ними в переговоры по контролируемым произведениям органам цензуры запрещается. 4. При осуществлении контроля над произведениями искусства цензоры должны руководствоваться решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и действующим цензурским указаниям, предусмотренным для открытой печати. Органы цензуры обязаны обеспечить соблюдение всех требований по охране государственных и военных тайн, не допускать к опубликова-

нию и распространению политически вредных, идеологически чуждых, безыдейных, халтурных, пошлых, искажающих советскую действительность произведений... 5.... На каждом допущенном к исполнению репертуарном произведении указывается, когда и каким органом произведение допущено к исполнению, а также индекс и разрешительный номер органа цензуры. Какие-либо дополнения, исправления, переделки разрешенного цензором текста могут производиться лишь по получении нового разрешения цензуры [...] 9. Публичное исполнение произведений искусства может производиться только после приема спектакля или концерта органами Комитета по делам искусств в установленном им порядке. 10. В программу репертуара, исполняемого гастролирующими театрами, художественными коллективами, бригадами и отдельными исполнителями, могут включаться лишь произведения, допущенные к исполнению органами Комитета по делам искусств и разрешенные органами цензуры. Последние проверяют у гастролирующих наличие направления на гастрольную поездку, выданного соответствующим органом по делам искусств, и гастрольного (маршрутного) листа, содержащего полный перечень произведений, включенных в репертуар гастролирующих исполнителей»⁴⁵.

Проблема разделения функций Главлита и Главреперткома окончательно решилась с ликвидацией последнего в 1951 г. Однако эта реорганизация была вызвана не столько ослаблением, сколько концентрацией и усилением идеологического контроля в связи с изменившейся международной обстановкой, вызвавшей изоляцию Советского Союза, и максимальной политизацией всех сфер общественной жизни. 8 сентября 1951 г. был издан секретный циркуляр № 9с «Об усилении политико-идеологического контроля произведений печати». В качестве идеологической платформы на новом этапе служила редакционная статья в «Правде» «Против идеологических извращений в литературе». В ней были изложены «неотложные задачи цензуры в области усиления политико-идеологического контроля произведений печати и искусства». В качестве прецедента было взято помещенное в № 5 журнала «Звезда» стихотворение В. Сосюры «Люби Украину», «являющееся идейно порочным произведением, под которым бы подписался любой недруг украинского народа из националистического лагеря». В том, что это «вредное» стихотворение появилось на страницах «Звезды» обвинялись прежде всего работники цензуры, в частности, работники Главлита Украинской ССР и Леноблгортита, не сделавшие «необходимых выводов из решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам». В таких же грехах обвинялись работники Главлита Азербайджанской ССР, допустившие публикацию произведений, «идеализировавших феодально-патриархальный уклад, искажавших историческую правду». «Грубые политические извращения, допущенные в ряде произведений печати, также не были вскрыты цензорами Казахского, Узбекского Главлита и

других органов цензуры», — отмечалось в статье. Особому осуждению был подвергнут цензор Главлита УССР, который «не предотвратил грубую ошибку Украинского радиокомитета», включившего в литературную передачу явно устаревшее стихотворение Мамеда Рагима «Бессмертный герой», «несмотря на совершенно очевидные мотивы, по которым была упразднена Чечено-Ингушская АССР, о чем было опубликовано (см. официальное сообщение о решении седьмой сессии Верховного Совета РСФСР в июне 1946 г.)». Острой критике в партийной печати были подвергнуты и другие «политически ошибочные, безыдейные произведения, извращающие советскую действительность, не отражающие жизни нашей страны, строящей коммунизм».

Далее следовали крайне негативные оценки деятельности цензоров, которые «не проявляют должной политической остроты и бдительности при контроле материалов, глубоко не разбираются в существе публикуемых произведений» и пр. Предлагались строгие меры «в целях усиления политико-идеологического контроля произведений печати и искусства», которые, если отбросить политизированную формулу типа «усилить, углубить, усовершенствовать», сводились к следующему: повышать бдительность и персональную ответственность каждого цензора за контролируемые материалы; тщательно изучать не только текст, но и суть произведения, а также делать анализ критики — рецензий, отзывов в прессе; составлять индивидуальные планы и проводить аттестации цензоров; повседневно контролировать работу цензоров, практиковать параллельную цензорскую читку отдельных изданий, на производственных совещаниях регулярно заслушивать сообщения цензоров о сделанных вмешательствах, разбирать их по существу, а также рассматривать результаты параллельной читки; о всех задержанных произведениях и произведениях, в которых были сделаны политико-идеологические вмешательства, а также о выявленных в ходе контроля недостатках в редакционной работе издательств и редколлегий доводить до сведения местных руководящих партийных органов⁴⁶.

В этом же ряду находились мероприятия по расширению различного рода спецфондов и спецхранов, повсеместная организация которых в дальнейшем определяла порядок доступа к информации и ее использования, вернее отсутствие возможностей доступа к ней. 18 апреля 1947 г. был организован специальный архив («Особый архив») для концентрации трофейных документов и материалов. Согласно постановлению Совнаркома СССР № 544-220с от 9 марта 1946 г., все поступавшие в МВД СССР из Германии и других стран трофейные документы, а также литература поступала в Центральный государственный особый архив СССР Главного архивного управления МВД СССР изолированно от общих фондов и обрабатывались ограниченным кругом лиц из числа специально выделенных для этого работников МВД. Поступившие в МВД СССР трофейные документы и литература использовались толь-

ко для оперативных нужд органов НКВД — МГБ, в связи с чем отпал вопрос о проверке этих материалов органами цензуры⁴⁷.

Использование партийных документов также было значительно усложнено в связи с выходом циркуляра № 28 / 1576сс Главлита от 10 июня 1947 г. о запрете публикации архивных документов М. И. Калинина, Е. М. Ярославского, Р. С. Землячки, А. Н. Толстого, Д. Бедного и других лиц, а также неопубликованных архивных материалов о них, как полученных из их личных архивов, так и из других источников без специального разрешения Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)⁴⁸.

Не менее важным для определения общих позиций в работе цензуры являлась выработка форм и методов цензорского контроля. Особенно остро потребность в этом проявилась в послевоенный период. «После войны нельзя подходить к работе с мерками военного времени», — говорил на одном из совещаний начальник Главлита УССР Полонник. «Цензору было легко работать во время войны, у всех было повышенное чувство бдительности. Это было невольно. После войны вожжи ослабили. Люди начали болтать. Поэтому должна быть особая настороженность цензуры, стоять строго на страже и добиваться внимания цензоров»⁴⁹.

Несмотря на длительный период существования института советской цензуры, ее деятельность постоянно натывалась на отсутствие правовой и нормативной базы. Именно эти обстоятельства приводили к тому, что многоопытное цензорское начальство постоянно сталкивалось с проблемой определения критериев советской цензуры на практике. В результате поисков и упорядочивания структуры, функций и методов работы цензуры в послевоенный период был налажен механизм взаимодействия Главлита с партийными и репрессивными органами для проведения эффективного предварительного и последующего контроля всей выпускаемой литературы. Об этом свидетельствуют отчетные документы, несмотря на их относительную достоверность в связи с характерной планово-отчетной риторикой, порой значительно расходящейся с действительностью. Тем не менее статистические данные о работе 4-го отдела (Отдел предварительного контроля) Главлита СССР свидетельствуют о том, что в течение 1950 г. контролировалась книжно-журнальная продукция 30 центральных издательств, выпускающих общеполитическую, социально-экономическую, художественную, учебно-педагогическую, детскую, искусствоведческую литературу и изобразительную продукцию. По сравнению с 1949 г. объем контролируемой литературы значительно возрос, нагрузка на цензора продолжала оставаться высокой — в среднем 250 печатных листов, а у отдельных цензоров до 500–600 печатных листов в месяц. В результате цензорского контроля было снято и задержано для исправления 163 работы, из них: книг, альбомов, брошюр — 50; рассказов, статей, очерков — 52; стихотворений — 13; плакатов и портретов — 48. Наибольшее количество снятых и задержанных произведений было выявлено в изда-

тельствах: «Правда» — 16, «Советский писатель» — 13, Гослитиздат — 9, «Искусство» — 35, в том числе изопродукция — 21, «Учпедгиз» — 12, «Советский художник» — 18, «Молодая гвардия» — 7.

Предотвращенные нарушения касались главным образом двух параметров — перечневого и политико-идеологического. Если первый имел отношение к информации об объектах строительства, мощности промышленных предприятий, технико-экономическим показателям по стройкам, выходящим за пределы сведений, указанных в правительственных постановлениях, сведениям о себестоимости промышленного производства и т. п., то второй, как правило преобладающий, относился к политико-идеологическим вопросам в «идейно-порочных произведениях, искажающих советскую действительность, обедняющих образы советских людей, раболепствующих перед буржуазной наукой и культурой, идеализирующих реакционное прошлое, смакующих обывательские настроения». В 1950 г. из 163 снятых и задержанных на переработку произведений 128 работ было снято по политико-идеологическим мотивам, а в 352 работы были внесены соответствующие существенные поправки и изменения.

В соответствии с директивными указаниями о контроле над выпуском политических плакатов ЦК ВКП(б) или соответствующих министерств (при контроле плакатов по производственным темам) было произведено значительное количество снятий и задержаний плакатов, портретов и настенных картин. Для безошибочности работы в отделе существовала картотека и фототека «всех разрешенных к репродуцированию портретов и настенных картин с образами вождя партии и Правительства»⁵⁰.

Главлит принимал самое активное участие во всех пропагандистских кампаниях, организованных ЦК под руководством И. В. Сталина во второй половине 1940 — начале 1950-х гг. Первым серьезным испытанием для всего пропагандистского аппарата стало постановление ЦК 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. Послевоенное административно-погромное вмешательство в творчество литераторов, драматургов и кинематографистов, выразившееся в постановлениях «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября), сталинское руководство фактически начало готовить с 1943 г.⁵¹, когда определился поворот в ходе войны. В эти годы у значительного числа людей произошло отрезвление умов. Война высветила всю предыдущую пропагандистскую ложь, заставив многих представителей интеллигенции пересмотреть свои компромиссные отношения с властью. «Конечно, писатели, — пишет Л. И. Лазарев, — не все тогда знали, не все понимали в обрушившемся на страну хаосе горя и доблести, мужества и бедствий, малой частицей которого они были сами, но их взаимоотношения с правдой, как они ее видели и понимали, не были,

как в предыдущие и последующие годы, столь осложнены внешними обстоятельствами, государственными рекомендациями и запретами»⁵². Интересное наблюдение делает В. Ф. Кормер: «Интеллигенция встретила войну с облегчением и радостью... Ощущение трагедии народов лишь обостряет его [интеллигента] чувства, делает их полновесней... Интеллигент снова был при деле, он снова был нужен своей земле, он был со своим народом. Неважно стало, кто правит этим народом... Зло опять было где-то вонне, интеллигент опять видел перед собой эту цель — уничтожить зло, интеллигент опять становился спасителем человечества. С оружием в руках он чувствовал себя впервые после всех унижений сильным, смелым, свободным. Он надеялся, что по возвращении это чувство не покинет его, что государство, которого он снова стал полноправным гражданином, это государство, пройдя через огонь войны, совершит великий подвиг, преобразится...»⁵³

Открывшаяся перед литераторами в этих новых условиях возможность рассказать правду воплотилась в работах В. Гроссмана (сталинградские очерки), Л. Леонова («Нашествие»), А. Твардовского («Теркин»), О. Берггольц («Февральский дневник») и других. Издательская судьба этих сочинений сложилась более или менее удачно. Однако одновременно большая группа известных и не очень известных писателей, поэтов, критиков попала под удар политических проработок. Их произведения были объявлены «идеологически вредными».

В 1946 г. было отменено постановление Секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами». В начале апреля по решению Оргбюро и Политбюро был снят с поста оргсекретаря правления ССП Д. Н. Поликарпов. Казалось, эти шаги свидетельствовали о некотором ослаблении идеологического контроля. На самом деле это было лишь временное отступление, которое стало подготовкой к широкомасштабной кампании, задуманной в ЦК.

К весне 1946 г. Политбюро стало очевидно, что проработки произведений писателей на заседаниях президиума ССП, критические выступления в печати, широко практиковавшиеся во время войны в отношении Асеева, Зощенко, Платонова, Сельвинского, Чуковского, Федина и других, оказались недейственными.

13 апреля 1946 г. на заседании Политбюро под председательством Сталина было решено «поручить тт. Жданову и Александрову представить предложения о мероприятиях по значительному улучшению руководства агитпропаботой и по улучшению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП(б)»⁵⁴. На одном из заседаний ОБ А. Прокофьев пытался объяснить, что писатели — народ ранимый и обращаться с ними следует бережно. У Союза писателей, говорил он, «не хватает мужества, в ряде случаев, сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем... будут обижены. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают... Даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину»⁵⁵.

Но Сталин настаивал: «Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики», — заявил он⁵⁶.

Решение 13 апреля 1946 г. явилось началом разразившейся в сфере литературы бури. Вот что говорил о направленной против интеллигенции кампании 1940-х гг. Н. С. Хрущев: «Жданов сыграл тогда отведенную ему роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина. Думаю, если бы Жданов лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жестокой»⁵⁷.

Сразу же после выхода в свет постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», 15 и 16 августа, перед партактивом и писателями Ленинграда с докладами на эту тему выступил Жданов. Писательские собрания по всей стране «единодушно» поддержали решение ЦК. Потоком пошли статьи, обличавшие вдруг обнаружившиеся в большом количестве «безыдейные» «вредные» произведения. Главлит приступил к массовому изъятию произведений Зощенко и Ахматовой из книготорговой сети и библиотек общественного пользования⁵⁸, включая не только книги, но и диафильмы, сделанные по их мотивам⁵⁹.

Эта кампания преследовала несколько политических целей. В основе лежало стремление властей «подкрутить» идеологические гайки, «поставить на место» писателей. Образно эта идея сформулирована у К. Симонова: «...прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзию, указать ей на ее место в обществе и напомнить, что задачи, поставленные перед ней, будут формулироваться так же ясно и определенно, как они формулировались и раньше, до войны, во время которой задрали хвосты не только некоторые генералы, но и некоторые интеллигенты, словом, что-то на тему о свержке и шестке»⁶⁰.

Эта цель, переплетающаяся с политическими интригами в Кремле, и предопределила выбор объектов погрома. Уже попадавшие ранее в опалу Ахматова и Зощенко были выдвинуты для проработки в последний момент и на этот раз заплатились не только за свое «невыдержанное» творчество, но и за то, что оказались авторами журналов, выходивших в городе, руководство которого было втянуто в интриги «большой политики». В кампании вокруг постановления ясно прочитываются претензии высшего руководства партии, и прежде всего Сталина и Маленкова, к ленинградским руководителям и их покровителям в Москве⁶¹.

Борьба с космополитизмом плавно перешла в активную государственную антисемитскую кампанию, которая захватила практически все сферы общественной, политической и даже весьма далекой от официальной пропаганды производственной жизни. На протяжении всего периода травли Главлит регулярно издавал оперативные цензорские указания об изъятии книг еврейских авторов. Так, на завершающей стадии этой позорной акции в январе 1953 г. Главлит проводил изъятие книг врачей-вредителей по списку, предъявленному органами государ-

ственной безопасности. В числе таких изданий были книги Е. Смирнова «Советские военные врачи в Отечественную войну», «в которой положительно оценивается деятельность М. Вовси, П. Егорова, С. Юдина», и книги М. Загорского «Михоэлс», «которая до сих пор находится в обращении ввиду того, что Главлиту (по заявлению К. К. Омельченко) не было известно о националистической деятельности Михоэлса». Критика, изложенная ЦК в докладной записке В. Степанова и В. Фомичева, была направлена против недостаточной активности Главлита. По их мнению, «следовало бы в приказе Главлита указать на необходимость изъятия всех произведений врачей-вредителей и всех работ Михоэлса независимо от их тематики»⁶².

Как складывались судьбы писателей, ставших объектами этой кампании, видно из многочисленных свидетельств и документов, в том числе и докладных записок Отдела культуры и пропаганды ЦК КПСС. В частности, о письме В. Ардова в ЦК он сообщал, что после выступления газеты «Правда» 9 августа 1949 г. с критикой в его адрес, писатель в течение трех лет не мог добиться опубликования ни одного вновь написанного произведения (в издательстве «Советский писатель» лежала без движения написанная им книга). Сразу же после того, как Ардов отправил письмо в ЦК КПСС, в «Правде» от 11 января 1953 г. появился фельетон, в котором «критиковались его устные выступления с халтурными произведениями». Дополнительно в отношении него была предпринята весьма распространенная «форма работы» с писателями и иными представителями творческой интеллигенции: В. Ардов был вызван в Отдел художественной литературы и искусства ЦК КПСС для беседы⁶³. Таковы были действия партии.

Определенной «вершиной» этих действий явилось письмо руководителей Союза советских писателей А. Фадеева, А. Суркова и К. Симонова Н. С. Хрущеву от 24 марта 1953 г. Надо сказать, что творческие союзы, созданные идеологическим аппаратом ЦК в начале 1930-х гг., всегда оказывали полную поддержку партийным органам, заранее угадывая и опережая их действия. В данном случае была подготовлена почва для очередных репрессий, поддержанных писательскими «генералами» как меры по освобождению писательской организации от балласта. Этот постыдный документ, за который его авторы заплатили в дальнейшем таким жестоким раскаянием, содержал информацию о «ряде лиц, бездельствующих литераторов, мешающих работе Союза Советских Писателей, а в ряде случаев дискредитирующих высокое звание советского писателя». Понятно, что среди заядлых иждивенцев, бездельников и халтурщиков в подавляющем большинстве указывались еврейские литераторы. Это были главным образом авторы, пишущие на еврейском языке и публиковавшиеся в еврейской прессе в 1920 — начале 1930-х гг. При этом им вменялось отсутствие опубликованных работ в последние 15 лет, что было само по себе абсурдным, поскольку именно в этот период

возможность писать и публиковаться на родном языке практически была утрачена. Например, О. Дриз, не имея возможности публиковаться, уже несколько лет работал гранильщиком в одной из строительных организаций. Под этот «мощный аргумент» были подведены более 150 человек московской писательской организации, «значительную часть которых составляли лица еврейской национальности и, в том числе, члены бывшего «Еврейского литературного объединения» (московской секции еврейских писателей), распущенного еще в 1949 году. Все руководство этого объединения и значительная часть его членов были в свое время репрессированы органами МГБ». Далее следовала сухая статистика: «...из 1102 членов московской организации Союза писателей русских — 662 чел. (60%), евреев — 329 чел. (29,8%), украинцев — 23 чел., армян — 21 чел., других национальностей — 67 чел. При создании Союза советских писателей в 1934 г. в московскую организацию было принято 351 чел., из них — писателей еврейской национальности 124 чел. (35,3%). В 1935–1940 гг. принято 244 человек, из них писателей еврейской национальности — 85 человек (34,8%). В 1941–1946 гг. принято 265 чел., из них писателей еврейской национальности 75 человек (28,4%). В 1947–1952 гг. принято 241 чел., из них писателей еврейской национальности 49 чел. (20,3%)». Вывод был следующий: «...такой искусственно завышенный прием в Союз писателей лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по их литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и в результате замаскированных проявлений националистической семейственности (особенно в период существования в Союзе писателей еврейского литературного объединения, часть представителей которого входила в состав руководящих органов ССП СССР)». Приводились и первые результаты «чистки»: за ряд месяцев президиумом правления ССП СССР было исключено из Союза 11 чел.; секретариатом ССП внесена в президиум рекомендация исключить еще 11 чел. В связи с этим генеральный секретарь ССП и его заместители предупреждали ЦК КПСС о том, что «исключенные будут обращаться с жалобами в руководящие партийные и советские организации», поскольку работа по очистке кадров планировалась на ближайшие два года⁶⁴.

В декабре 1955 г., когда родственники репрессированных еврейских писателей стали обращаться в ССП с просьбами об их реабилитации, оставшийся к тому времени на своем посту А. Сурков (А. Фадеев застрелился, а К. Симонов был отстранен от должности и всю оставшуюся жизнь нес на себе груз вины) в письме в ЦК КПСС совсем по-другому осветил ситуацию двухлетней давности. Пожалуй, этот документ наиболее правдиво отражает официальную политику в отношении литераторов, пишущих на родном языке. В нем говорилось, что с первых лет существования советского строя сложилась большая группа литераторов, писавших на

еврейском языке. Базой для их деятельности являлись периодические издания, альманахи и книжные издательства, печатавшие их произведения, и еврейские национальные театры. Произведения многих, наиболее талантливых еврейских писателей (Бергельсона, Галкина, Маркиша, Кушнерова, Фефера, Квитко, Горфштейна и других) широко переводились на русский и другие языки народов СССР и составляли неотъемлемую часть многонациональной советской литературы. «Несколько лет назад (примерно с 1950 г.) подавляющее большинство периодических и непериодических изданий, а также книжные издательства, печатавшие литературу на еврейском языке, прекратили существование. Перестали существовать и еврейские театры. Таким образом, за последние 5 лет не появлялись в изданиях на родном языке произведения ни одного из еврейских советских писателей и свелась к минимуму публикация их произведений в переводах на русский и др. языки народов СССР».

В записке А. Суркова подчеркивалось, что кроме вопросов, связанных с дальнейшей деятельностью еврейских писателей, перед правлением Союза писателей в последние годы вставали и вопросы о судьбе некоторых других национальных литератур. Когда в годы Великой Отечественной войны государством были предприняты известные репрессивные меры по отношению к ряду народов, фактически перестали существовать национальные писательские группы немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар. Все члены Союза писателей, принадлежавшие к этим национальностям, были одновременно исключены из него. Когда впоследствии некоторые из них выступили в качестве переводчиков или с оригинальными произведениями на других языках, их членство в Союзе не восстанавливалось, хотя они были и оставались членами КПСС. Для секретариата правления ССП было ясно, что произведения посмертно или при жизни реабилитированных еврейских писателей, имеющие общесоюзное идейно-художественное значение, необходимо было издавать в переводах на русский и другие языки на общих основаниях, равно как и аналогичные произведения других живущих и работающих еврейских писателей⁶⁵.

В связи с этим требовались указания «сверху» о мероприятиях, которые бы позволили восстановить утраченное, в том числе и издательскую базу для национальных литератур, которая одним росчерком пера идеологических начальников ликвидировалась без следа. Так, приказом Главлита № 418с от 7 февраля 1953 г. запрещалось публиковать в открытой печати какие-либо сведения о народности тайны в СССР⁶⁶.

В день смерти И. В. Сталина состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором было принято решение об объединении МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство — МВД СССР. Первым заместителем председателя Совета министров СССР и одновременно министром внутренних дел был назначен Л. П. Берия. Именно в это

время давно вынашиваемая идея административной реорганизации получила реальное воплощение: постановлением СМ СССР № 769 от 15 марта 1953 г. Управление уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ СССР) было включено в состав МВД СССР под наименованием — Главное управление МВД СССР по охране военных и государственных тайн в печати (11 главное управление МВД СССР), начальником которого был назначен К. К. Омельченко. По штатному расписанию на этот период в центральном аппарате Главлита значился 301 человек.

Весьма примечательно, что в проекте Положения об МВД СССР, который рассматривался и был подписан Л. П. Берией 17 июня 1953 г., в качестве основных задач министерства, наряду с привычными «борьбой с вредительской деятельностью, ведением разведывательной и контрразведывательной работы» и прочим, значилась «охрана военных и государственных тайн в печати». Однако только несколько месяцев суждено было Главлиту официально находиться «под крылом» у одного из своих главных покровителей. После ареста, отстранения от всех должностей и расстрела Л. П. Берии началась кардинальная структурная и кадровая реорганизация, затронувшая ведущие направления деятельности МВД СССР. В итоге многие управления были упразднены, другие слиты; штатная численность сократилась приблизительно на 20%. Постановлением СМ СССР от 8 октября 1953 г. и приказом МВД СССР № 00940 от 20 октября 1953 г. Главлит (11 управление) было выделено из состава МВД в самостоятельное Главное управление при СМ СССР, его руководителем вновь утвержден К. К. Омельченко⁶⁷. Примечательно, что решение «о выделении из системы МВД органов по охране военных и государственных тайн в печати» было принято Секретариатом ЦК вскоре после «развенчания Берии»⁶⁸ — 24 августа 1953 г. Уже 2 октября было подготовлено и принято решение о переподчинении органов цензуры Совету министров СССР⁶⁹, что свидетельствовало о расстановке сил в сложившейся вертикали власти.

Вместе с тем уже в марте 1954 г., через год после смерти И. В. Сталина, Президиумом ЦК КПСС 10 февраля 1954 г. (П 50 / 11) было принято решение о выделении органов государственной безопасности из МВД СССР в самостоятельное ведомство, а 12 марта 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял решение об основных задачах органов государственной безопасности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР, председателем которого был назначен И. А. Серов. В новой структуре КГБ наиболее близкую к политической цензуре и идеологическому контролю направленность имело 4-е управление (борьба с антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами). В этом же ряду стоит и постановление Совета министров СССР № 387 от 8 марта

1954 г., утверждающее персональные оклады работникам Главлита⁷⁰. В соответствии с распоряжением СМ СССР № 805-484сс от 26 апреля 1955 г. был организован 6-й спецотдел (перлюстрация телеграфной и почтовой корреспонденции), функции которого ранее исполнял 10-й отдел 4-го управления КГБ при СМ СССР. Реорганизация подразделений, осуществлявших оперативно-техническую работу, была проведена 2 июля 1959 г. на основании постановления Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1959 г. (П 233 / XXIX) и Совета министров СССР № 677-305 от того же числа. На базе 2, 3, 4, 5 и 6-го спецотделов было создано Оперативно-техническое управление КГБ.

Период «безвременья», наступивший сразу после смерти Сталина и продлившийся вплоть до XX съезда партии, характеризовался отсутствием каких-либо значительных идеологических новаций, обычно исходивших из недр партийного аппарата, и полной растерянностью подведомственных ему органов управления культурой. В творческих коллективах, «редакционных портфелях», душах литераторов и деятелей искусства, соизмеряющих свое творчество с очередными постановлениями, также царили пустота и смятение. В умах интеллектуальной элиты шел процесс осознания прошлого, возникновения и накопления новых идей и замыслов. Такие периоды, как правило, отличает обращение к классике, в которой народ черпает вечные истины, помогающие оценить прошлое, осмыслить настоящее и определить перспективы развития. Новые произведения только вынашивались в головах осторожных и привыкших к постоянному окрику писателей и драматургов. В театрах шел классический репертуар — Пушкин, Островский, Шекспир; издательские планы также были наполнены переизданиями литературы XIX — начала XX в.

Однако эту тенденцию, потребность читать и доносить до зрителя и слушателя то, что так прозорливо угадывалось между строк, чутко восприняли в ЦК. Реакцией стало закрытое постановление Президиума ЦК⁷¹ от 31 января 1955 г. «Вопросы Всесоюзного совещания работников издательств и полиграфической промышленности»⁷². Совещание состоялось 14 февраля 1955 г. С докладом на нем выступил министр культуры Г. Ф. Александров⁷³, высказавший позицию ЦК, которая сводилась, главным образом, к полной монополизации издательского дела под «крышей» Министерства культуры. Неожиданно для собравшихся гневную отповедь начальники получили от М. Шагинян. Газета «Советская культура» так писала об этом: «Писательница М. Шагинян в своем выступлении выразила несогласие с отдельными положениями, содержащимися в докладе Г. Ф. Александрова. В частности, она коснулась вопросов специфики издания художественной литературы, которые, по ее мнению, не были учтены в докладе. Она считает неправильным объединение в данный момент издательств в руках одной организации — Министерства культуры СССР. Значительную часть

своего выступления тов. Шагинян посвятила необходимости расширить выпуск приключенческой литературы»⁷⁴.

Вот как сама М. Шагинян описывает сложившуюся вокруг нее ситуацию в письме в ЦК В. М. Молотову, по свежим впечатлениям от 17 февраля: «Когда я кончила свое выступление, тов. Александров встал и сказал в залу, что моя речь выразила тенденцию “некоторых” писателей “увести советскую литературу из-под партийного и государственного контроля”... Разумеется, три директора издательств в своих выступлениях поддержали этот выпад против меня... Когда же я, доведенная до крайнего негодования, во всеуслышание сказала Александрову, что считаю его заявление, брошенное в залу, клеветническим, а за клевету отвечают у нас все граждане, в том числе и министры, то кто-то из президиума вызвал охрану, которая предложила мне выйти из президиума. Такой беспрецедентный в нашей советской общественной жизни случай пришлось пережить в Министерстве культуры»⁷⁵. Кроме чудовищной по своей жестокости по отношению к уважаемой писательнице сцене, М. Шагинян описывает подробно всю не менее чудовищную атмосферу, которая царила в то время в редакциях журналов и издательств: безграмотность, мздоимство, желание нажиться на изданиях умерших авторов и многое другое. «Политическим контролем должен быть образованный коммунист, возглавляющий издательство, — дипломатично резюмирует М. Шагинян, — но приглядитесь, кто возглавляет издательства, вызовите их, поговорите с ними, — уверяю Вас, не все они выдержат экзамен по простейшим разделам литературы». Выводы были жесткие и бескомпромиссные: издательская бюрократия наносит колоссальный ущерб советской литературе, не дает молодым писателям продуктивно работать и печататься.

«Ветер перемен» уже проникал сквозь потрескавшийся «железный занавес», разделявший мир на две несоединимые части. Международные контакты СССР к этому времени начали оживать. Знаменательным в этом смысле стало принятие решение Президиума ЦК КПСС от 14 июля 1955 г. «О разрешении туризма иностранцам и ввоза фотоаппаратов»⁷⁶. Однако начавшиеся перемены не коснулись хорошо отлаженной бюрократической машины, которая после XX съезда партии замерла в ожидании изменений.

В качестве итогов рассмотрения истории цензуры в СССР периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия кратко изложим ее основные особенности. Цензура военного периода осуществляла две функции: охрану государственных (военных, экономических и политических) тайн и политико-идеологический контроль в усиленном режиме, включая репрессивные действия по изъятию литературы и наказанию провинившихся. Критерии цензурных запретов стали более четкими, «самоцензура» определялась объединяющим всех стремлением к победе и требованиями военного времени, что в какой-то

степени упрощало процедуру контроля и облегчало работу цензоров. Существенно расширилась за счет увеличения функций и объемов работы по цензорскому контролю и перлюстрации деятельность НКВД и его управлений. Требования и обстановка военного времени были закреплены в дальнейшем указами и постановлениями об ответственности за разглашение государственной тайны, повышением бдительности и персональной ответственности каждого цензора. Резко расширилась сеть различного рода спецфондов, спецхранов и секретных архивов, ограничив доступ к информации и ее использованию, в том числе партийных документов и трофейных материалов (книжных фондов и архивов). Сформировавшиеся к началу войны и окрепшие к ее окончанию идеологические критерии и контролирующие формы советской политической цензуры были насильственно введены в странах Восточной Европы, освобожденных от фашизма советскими войсками.

В результате проведенной работы по упорядочению структуры, функций и методов работы цензуры был четко налажен механизм взаимодействия Главлита с партийными и репрессивными органами для проведения предварительного и последующего контроля всей выпускаемой литературы. Ликвидация Главреперткома была вызвана концентрацией и усилением идеологического контроля в связи с изменением международной обстановки, изоляцией СССР и максимальной политизацией всех сфер общественной жизни. В таких условиях Главлит эффективно проводил все мероприятия организованных Сталиным политических кампаний 1946–1953 гг., в основе которых лежало стремление властей устроить общество, «подкрутить» идеологические гайки, «поставить на место» интеллигенцию, которая в годы войны стала по-новому понимать свое место в обществе.

Наступившее в советском обществе после смерти Сталина охлаждение не застало органы цензуры врасплох: Главлит чутко реагировал на все новые тенденции. Постановка классического репертуара в театрах и широкое переиздание литературы XIX — начала XX в. рассматривались идеологическими и цензурными органами как стремление интеллигенции использовать их в качестве эзоповского языка.

Модернизация системы политической цензуры (1956–1968 гг.)

Критика культа личности Н. С. Хрущевым на XX съезде партии была воспринята обществом, и прежде всего творческой интеллигенцией, как сигнал для пересмотра многих историко-культурных и идеологических проблем, для начала широких открытых дискуссий. Обсуждался роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», по-новому стала трактоваться статья В. И. Ленина «О партийной организации и партийной литературе». Общая атмосфера также свидетельствовала о либерализации жизни

советского общества: выставка Пикассо в 1956 г., Московский фестиваль молодежи и студентов 1957 г., появление мемуарной литературы (хотя и прошедшей цензуру) о периоде 1910–1920-х гг. Однако новые явления, которые находили отклик у большей части общества, были дозированы и отрегулированы совместными усилиями ЦК партии (Отдел культуры) и творческих союзов. Эти органы постоянно следили, анализировали и «поправляли» в достаточно резкой форме все мало-мальски заметные общественно-культурные события. Окрик партии всегда постоянно преследовал каждого самостоятельно мыслящего.

Очередному витку «борьбы с очернительством» предшествовала детальная проработка в Отделе культуры ЦК тактики, которая была изложена в информационной записке 1956 г.: «У некоторых писателей имеется тенденция рассматривать культ личности как закономерное порождение социалистического строя, стремление найти в нашем обществе социальные силы, породившие его. Раздавались голоса о происшедших якобы под влиянием культа личности коренных изменениях социальной природы советского общества, о коррупции партийного и государственного аппарата... На собраниях писателей и работников искусств подвергается резкой критике сложившаяся в период культа личности практика руководства литературой и искусством. Писатели выражают недовольство системой мелочной опеки и регламентации, администрирования, директивного навязывания субъективных суждений, которые не до конца преодолены еще в практике работы органов искусства, издательств, в нашей печати».

Власть расценила критику действительных недостатков в практике руководства искусством как стремление «освободиться» от всякого влияния партии и государства на развитие искусства и защищать «свободу творчества» в буржуазно-анархическом, индивидуалистическом духе». Попыткой «теоретического обоснования» такой порочной тенденции была объявлена опубликованная в «Вопросах философии» (№ 5 за 1956 г.) статья Б. Назарова и О. Грдневой, в которой отстаивалась идея стихийного развития искусства и выдвигалось требование ликвидации государственных органов по руководству им. Авторы статьи опирались на высказывания В. И. Ленина, утверждая, что он был против всякого руководства процессом развития искусства, которое является продуктом «свободного цветения». Отмечался и ряд других выступлений, направленных против партийности искусства и принципов социалистического реализма: статьи И. Грабаря («Литературная газета») и А. Каменского («Новый мир») по вопросам изобразительного искусства; Н. Гудзия («Литературная газета») по вопросам литературной теории и др.

Попытки пересмотреть партийные решения о литературе и искусстве, принятые в 1946–1948 гг., были также встречены с нескрываемым недоброжелательством. Так, выступление секретаря правления СП СССР К. М. Симонова 30 октября 1956 г. на совещании заведующих кафедрами

советской литературы, в котором он подверг критике доклад А. Жданова и постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о кинофильме «Большая жизнь», было оценено негативно, поскольку основное содержание этих постановлений ЦК по-прежнему считал «совершенно правильным и сохраняющим свое значение и сегодня».

Начала разворачиваться кампания против Б. Пастернака и его романа «Доктор Живаго». Отказ в публикации романа и явный интерес к нему зарубежных издательств, хождение романа в рукописи среди отечественных литераторов и студенческой молодежи, в частности на филологическом факультете МГУ, вызывали ярость партийных чиновников. В этой обстановке выделилась группа писателей и деятелей искусства (Ф. Панферов, М. Исаковский, М. Царев, Е. Вучетич, А. Герасимов и другие), которые обратились в ЦК КПСС с письмом, в котором говорилось, что «в творческих организациях подняли головы остатки разгромленных в свое время партией группировок и течений, которые ведут открытую атаку на основы нашего мировоззрения, на социалистический реализм и на руководство литературой и искусством». Это письмо, инициированное по указке сверху, явилось основой ужесточения политики в отношении творческой интеллигенции. ЦК признал необходимым осуществить следующее: «1. Разъяснить секретарям Правления Союза писателей СССР, что они обязаны организовать и возглавить выступления на дискуссиях, собраниях и в печати в защиту политики партии в области литературы и искусства, мобилизовать творческие силы писателей на решение задач, поставленных XX съездом КПСС [...] 3. Поручить редакции газеты «Правда» выступить с редакционной статьей, в которой разъяснить в свете решений XX съезда КПСС вопросы, выдвигаемые писателями и деятелями искусства об отношении партии к постановлениям ЦК о литературе и искусстве, принятым в 1946–1948 гг.»⁷⁷.

В этих решениях проявились серьезные опасения партии, что литература и искусство, с их социально-педагогическими функциями, и культура в целом, могут быть потеряны для партии как привычное средство манипуляции сознанием граждан. А это означало бы фактический развал созданного к концу 1930-х гг. совершенного идеологического механизма. Отсюда — реакция консервативной части творческой интеллигенции, процветавшей при сталинизме и ощутившей образовавшийся вакуум в идеологической сфере.

Партия начала выстраивать новую тактику и отреагировала на ситуацию в декабре 1956 г. закрытым письмом ко всем членам партии со знаменательным названием «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечение вылазок антисоветских, враждебных элементов». Стиль и язык письма вызвал в памяти ситуацию недалеких 1930–1940-х гг., времени поиска и разоблачения врагов народа. Заключительная часть письма не оставляла никаких сомнений в том, что «роман» интеллигенции с властью (а среди «группы риска»

были обозначены творческая интеллигенция и студенчество) ждет скорый и плохой конец: «...В отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата к антисоветским элементам должна быть беспощадной»⁷⁸. Обострившийся конфликт, в котором каждая сторона, понимая необходимость компромисса, тем не менее отвоёвывала свое пространство, вылился в дальнейшем в традиционную для советской идеологии схему взаимоотношений партии с интеллигенцией. Эта схема представляла собой исключаящие друг друга временные периоды потепления отношений и даже диалог, который использовался властью для развертывания очередных политических кампаний, и устрашающие акции с привычными уже «козлами отпущения», которые служили наглядными примерами для всех остальных.

Новая общественно-политическая ситуация, сложившаяся после XX съезда партии, и недолгая «оттепель» в жизни страны практически не отразились на государственной системе цензуры, не ослабили ее тиски. Напротив, этот этап ознаменовался очередным витком упорядочения взаимодействия партии в целом и ее идеологических институтов с органами цензуры. 27 ноября 1956 г. на заседании Секретариата ЦК⁷⁹ было вынесено решение «О работе Главлита», в связи с чем Пospelову, Громову, Сноστину, Московскому было дано поручение подготовить необходимые материалы для принятия соответствующего постановления⁸⁰. Окончательная корректировка и редакция постановления была осуществлена и подверглась обсуждению на заседании Секретариата ЦК 23 февраля 1957 г.⁸¹ В первую очередь последовали действия в отношении руководства Главлита: 6 марта на заседании Секретариата с формулировкой «снят с должности» был освобожден от работы начальник Главлита К. К. Омельченко, а на его место назначен П. К. Романов, заместитель заведующего Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС⁸². Усилил Главлит опытным партийным руководителем, который возглавлял государственную цензуру с небольшим перерывом 20 лет, в ЦК было подготовлено Постановление⁸³, в ходе обсуждения которого отмечались недостатки, в том числе и «медленная перестройка работы Главлита в связи с задачами, поставленными ЦК на XX съезде КПСС». Подчеркивалось также отсутствие необходимой оперативности и настойчивости в изменении устаревших цензорских регламентов и инструкций. Отмечалось, что в связи с этим каждый цензор истолковывает их по-своему, превышая свои служебные полномочия, присваивая себе функции политредакторов, допускаются необоснованные вмешательства в произведения печати. С другой стороны, говорилось об ошибках руководства в подборе кадров, слабости парторганизации, «формальном отношении цензоров к своим обязанностям, неправильных взглядах на роль и значение советской цензуры в современной обстановке», отсутствии принципиальных позиций в отношении ошибок, допускаемых в печати. В качестве повода

для существенной реорганизации и кадровых обновлений цензуры был использован донос заместителя начальника Главлита Котеленеца на злоупотребления и расправы с «честными коммунистами», чинимые в Главлите. Постановлением «О работе Главлита», принятом на этом заседании⁸⁴, ЦК КПСС обязал руководство Главлита «обеспечить коренное улучшение работы цензуры, повысить роль Главлита и его местных органов». В этих целях было предложено следующее: разработать единый перечень секретных и других сведений, не подлежащих разглашению в открытых изданиях; «решительно улучшить руководство местными органами; наладить регулярную информацию редакций газет, журналов и издательств об основных требованиях цензуры, с тем чтобы привлечь самих работников печати к более активному участию в охране военных и государственных тайн». Кроме этого, поручалось разработать в трехмесячный срок Положение о Главлите, в котором уточнить функции и структуру государственных органов цензуры⁸⁵.

Вместе с этим ограничивались контролирующие функции Главлита в отношении охраны государственной и военной тайны: из его компетенции был выведен политико-идеологический контроль. Попытка упорядочить ограничения свелась к введению в действие в 1957 г. нового «Перечня сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению». В феврале 1958 г. было также утверждено новое Положение о Главлите СССР, в котором определились основные права и обязанности Главлита и его местных органов. С этого времени началась работа по пересмотру и уточнению документов цензуры, определяющих содержание, формы и методы работы органов Главлита, их деловых взаимоотношений с редакциями, издательствами, организациями, занимающимися издательской деятельностью, полиграфпредприятиями и т. д. Упраздненный институт цензоров-совместителей, содержащийся за счет самих печатных органов, был заменен персональной партийно-профессиональной ответственностью, которая отныне возлагалась непосредственно на редакторов городских и районных газет. Не желающая конфликтовать с местной властью, во всем от нее зависящая, пресса окончательно утратила свою критическую направленность, превратилась в придаток этой власти.

Изменения, происшедшие в положении Главлита, были следствием осуществления общей стратегии во взаимоотношениях между властью и обществом, которые партия стремилась модернизировать, отойдя тем самым от «сталинской модели», но не желая при этом утрачивать свои руководящие функции в культуре. Отсюда проистекали противоречивость и непоследовательность действий цензурных органов, которые поэтому часто имели обратный эффект. В качестве примера рассмотрим создание и деятельность идеологических комиссий ЦК, ставших в период с 1958 по 1964 г. мозговым центром, фактическим органом управления культурой и реальным политическим цензором.

Первая идеологическая комиссия была образована решением Президиума ЦК КПСС от 3 января 1958 г. и должна была изучать проблемы международной пропаганды, теоретические вопросы международного рабочего движения, осуществлять «наблюдение» за освещением этих вопросов в печати и контроль за политической направленностью деятельности Совинформбюро и Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами, радиопередач за границу и, в более широком плане, — за состоянием дел и событиями в области науки, литературы, искусства, имеющими политическое или идеологическое значение. Комиссия также занималась вопросами выезда за границу советских специалистов, творческой интеллигенции и организацией визитов зарубежных деятелей и специалистов. Тем самым возможность ездить за границу тесно увязывалась с благонадежностью и послушностью. Председателем комиссии был назначен М. А. Сулов, ее членами — П. Н. Поспелов, Н. А. Мухамединов, О. В. Куусинен, Е. А. Фурцева — все члены или кандидаты в члены Президиума ЦК и секретари ЦК.

На деле комиссия почти не занималась «изучением проблем» и «теоретических вопросов», а готовила и принимала решения по конкретным случаям. По давней аппаратной традиции все решения, исходившие от структур ЦК, имели силу «постановлений ЦК», главным образом секретных или совершенно секретных. Часть вопросов обсуждалась на заседаниях комиссии с приглашением лиц, не являвшихся ее членами, но имеющих отношение к этим вопросам. По другим вопросам принимались заочные решения путем «опроса». По своему характеру деятельность комиссии ничем не отличалась от той, которую осуществляли Президиум и Секретариат ЦК КПСС. Однако наиболее важные вопросы культуры, особенно имеющие международный резонанс или скандальный оттенок, рассматривались на уровне Президиума ЦК КПСС. Так, 23 октября 1958 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О клеветническом романе Б. Пастернака», в котором была дана резко отрицательная характеристика роману, а главное — прямые указания (строго секретно) о развязывании кампании травли писателя в печати и ССП: о публикации фельетона в «Правде», выступлениях известных писателей в прессе о том, что «присуждение Пастернаку Нобелевской премии можно оценить как развязывание холодной войны»⁸⁶.

Несколько иной характер приняла деятельность идеологической комиссии ЦК, образованной решением Президиума ЦК от 3 ноября 1962 г. Из ее ведения были изъяты международные вопросы и вопросы спорта, «наблюдение» за работой конкретных учреждений, но были добавлены вопросы управления и контроля над народным образованием (общим и специальным). Но, пожалуй, самым ее существенным отличием являлось изменение статуса: она не принимала никаких постановлений, а только обсуждала проекты, выносила предложения и

готовила проекты постановлений для их утверждения на Секретариате и Президиуме ЦК. Существенные перемены произошли и в составе, что также свидетельствовало о снижении статуса комиссии. Первым ее председателем был назначен секретарь ЦК, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Л. Ф. Ильичев. В 1965 г. его сменил П. Н. Демичев — секретарь ЦК, кандидат в члены Президиума (Политбюро) ЦК. В первый состав комиссии вошли заведующие отделами ЦК, руководители ведомств, главные редактора газет (В. И. Снастин, А. В. Романов, А. Г. Егоров, В. А. Кириллин, Д. А. Поликарпов, В. А. Степаков, П. А. Сатюков, А. И. Аджубей, В. П. Степанов, С. П. Павлов). В дальнейшем в персональный состав комиссии вносились изменения, а сама она была упразднена постановлением Политбюро в мае 1966 г.⁸⁷

В центре внимания идеологических комиссий был прежде всего основной вопрос, от которого во многом зависел не только фасад, но и фундамент государства: должна ли культура служить «высоким партийным идеалам», другими словами, быть на службе партии, или же перед ней стоит задача объективного и беспристрастного поиска истины, любым путем добыть и открыть правду народу. Культурно-политические события 1953–1957 гг. и 1958–1964 гг., значительные сдвиги в общественном дознании указывали на то, что, наряду с поляризацией между «верхами» и «низами», на высших этажах власти также не было единства в принципиальных идеологических подходах. Это давало, в пределах образующихся противоречий, определенную свободу действий в принятии конкретных практических решений по вопросам культуры. Отсюда и превратные представления, что по отдельным фактам можно судить об этом времени как о времени «оттепели». На деле же это означало лишь то, что шел поиск, во-первых, новых форм управления и контроля, ослабленных в 1956–1957-х гг., а, во-вторых, идеологической платформы, которая концентрировалась вокруг вышеназванного главного вопроса: о целях и задачах культуры. Именно на заседаниях идеологической комиссии речь шла о том, что является «полезным» или «вредным» для страны «в условиях культурной и политической открытости вредным влияниям буржуазной среды». Образовавшийся разрыв между привычными мерами охранительства, запретами, окриками и очернительными кампаниями и реальной культурно-политической ситуацией, динамичное развитие которой невозможно было предсказать и отрегулировать старыми методами, свидетельствовал о явном кризисе системы. Затянувшийся диалог между консерваторами и либералами закончился победой приверженцев догматических подходов, что было закреплено на июньском пленуме 1963 г.

В качестве инструмента, который мог позволить выйти из кризиса, снова рассматривались резервные возможности репрессивных органов, усиление роли и расширение функций которых произошли в соответ-

ствии с постановлением Президиума ЦК КПСС и СМ СССР № 134-46 от 5 февраля 1960 г. «О внесении изменений в структуру КГБ при СМ СССР и его органов на местах и сокращении штатной численности». По новому штатному расписанию идеологией занималось 2-е Главное управление (контрразведка). Это продолжалось до 1967 г., когда в связи с изменениями в политической системе руководства страной «борьба с идеологической диверсией» была вновь выделена в специальное 5-е управление, так хорошо известное в среде советской интеллигенции⁸⁸. Можно с уверенностью сказать, что именно в этот период КГБ совместно с соответствующими отделами и комиссией ЦК осуществляли политическую цензуру, разворачивали борьбу против отдельных направлений в литературе и искусстве и представляющих их писателей, художников и др. О конкретных «оперативных» действиях и разработках свидетельствуют многочисленные репрессии, известную роль в которых играл Главлит. Одновременно Главлит информировал и сигнализировал ЦК и КГБ обо всех случаях нарушения их распоряжений или антисоветских выступлений, ставших известными цензуре из своих источников. Таким образом замыкалась эта треугольная фигура управления обществом.

Так, 6 июля 1960 г. КГБ информировал ЦК об антисоветской деятельности в Москве и Ленинграде, где «существовали группы лиц, увлекающихся абстрактной живописью и так называемым левым направлением в поэзии, в кругу которых высказываются пессимистические и антисоветские настроения». Сообщалось, что «некоторые из них установили связь с представителями капиталистических стран и пытаются использовать ее во враждебных Советскому Союзу целях». Вот только несколько характеристик, которые давались в этой связи: «Гинзбург А. А., 1936 года рождения, еврей, беспартийный, со средним образованием, без определенных занятий, автор идеологически вредных, упадочных стихотворений. Среди своего окружения ведет антисоветские разговоры, стремится часть имеющихся у него стихотворений, а также картин так называемых левых художников передать за границу, усиленно ищет знакомства с иностранцами, занимается жульничеством и подделкой документов, под его руководством выпускается печатаемый на машинке нелегальный журнал “Синтаксис”, в котором помещаются идеологически вредные и антисоветские произведения. Некоторые близкие Гинзбурга высказывают изменнические настроения, возводят клевету на советский строй и руководителей партии и Советского правительства.

Успенский (литературный псевдоним Косицкий) К. В., 1915 г. рождения, член Союза писателей СССР, проживает в Ленинграде, за антипартийные высказывания в 1944 г. исключен из КПСС. Среди своего окружения систематически ведет злобные антисоветские разговоры, клеветает на политический строй в СССР, поддерживает преступные связи с иностранцами, по его выражению, “...Советская власть поедает сама себя, она обречена на гибель... вы живете в полицейском государ-

стве.., социализм построен руками заключенных.., Америка оказывает сдерживающее действие на наших фашистов.., советский режим опрокинул нас в допугачевские времена...” Враждебные взгляды Успенский навязывает собеседникам, склоняет их на свою сторону, у себя на квартире хранит антисоветскую литературу, полученную им из-за кордона. В ходе проверок материалов на Гинзбурга и Успенского установлено, что они поддерживали между собой связь на почве неприязни к советскому строю. В целях пресечения враждебной деятельности Успенского и Гинзбурга имеется в виду провести следствие и привлечь их к уголовной ответственности. В отношении остальных участников этих групп намечается провести профилактические мероприятия с привлечением широкой общественности из числа писателей, художников и другой интеллигенции, придав широкой гласности имеющиеся материалы на этих лиц»⁸⁹.

Несмотря на все увеличивающийся поток дисциплинарных мероприятий, проводимых «треугольником», в 1960 г. произошел определенный перелом в установившемся соотношении и понимании границ возможностей творчества. В письме председателя КГБ А. Шелепина Н. С. Хрущеву в связи с предстоящим 17 июля 1960 г. приемом интеллигенции на госдаче «Семеновское» он информировал о настроениях советской интеллигенции и ее реакции на проводимые партией и правительством мероприятия. Как отмечается в письме, «подавляющее большинство интеллигенции одобряет политику, проводимую Коммунистической партией и Советским правительством, высоко оценивает успехи нашего государства в миролюбивой внешней политике, достижения социалистической экономики, а также меры, направленные на дальнейшее развитие социалистической демократии и улучшение материального благосостояния советских людей». Для демонстрации этого были приведены высказывания тех, которые еще в недавнем прошлом отличались известным недоверием к проводимым мероприятиям, «заблуждались» в своих политических выводах («артист Большого театра Чудновский, кинорежиссер Кармен, поэты Кирсанов и Безыменский, в отличие от таких, как Паустовский и сатирик Ландау»)⁹⁰.

В это время театр, который постепенно выходил из «межвременной спячки» после известных разгромов театрального мира второй половины 1940 — начала 1950-х гг., переживал период творческого и интеллектуального расцвета. Знаменем времени стала посмертная реабилитация, позволившая вернуть удостоенных этой запоздалой милости государства в историю искусства, в том числе и театрального. «Старики» свободно вспоминали театральные потрясения своей молодости, «молодежь» заново открывала своих соотечественников — новаторов не только советской, но и мировой театральной культуры. И, прежде всего, все, что было связано с творческой школой В. Мейерхольда, М. Чехова и дру-

гих. Сквозь щели в «железном занавесе» в СССР стали «просачиваться» зарубежные сценические коллективы, для которых отринутые победившей классической школой Станиславского имена являли собой эталоны режиссерского мастерства. Постепенно под этим воздействием советский театр стал делаться разнообразным. И в смысле репертуара, и с точки зрения художественно-постановочных решений.

Решительным прорывом к новому сценическому реализму стало открытие театра-студии «Современник» в Москве. В Ленинграде в 1956 г. А. Товстоногов начинает создавать новый театр, открытием которого явилась постановка в 1959 г. спектакля «Идиот» по Ф. М. Достоевскому с И. Смоктуновским в главной роли. В Москве В. Плучек и С. Юткевич, возрождая традиции Мейерхольда, ставят «Клопа» В. Маяковского. В этих условиях театр становится объектом пристального внимания властных органов. КГБ ищет удобоваримые формы контроля и воздействия на один из наиболее абстрактных видов искусства, в котором текст и конечный результат творчества — спектакль — отдалены друг от друга на расстояние, вмещающее в себя замысел режиссера, актерское мастерство, интерпретацию, мимику, жесты и многие другие составляющие. Новые реалии КГБ охарактеризовал как «групповщину среди драматургов»: «вокруг Арбузова и в меньшей мере Розова сложилась группа драматургов: Штейн, Зорин, Шток, Шатров, Аграненко, Володин и др., которые сплочены на нездоровой основе “борьбы” с драматургией “сталинского режима”, с так называемыми “правоверными лакировщиками”, к числу которых эта группа относит таких советских драматургов, как Корнейчук, Погодин, Софронов, Вирта, Мдивани и др.». Однако главное место оппозиционера, по мнению КГБ, занял приверженец названной группы драматургов главный режиссер театра «Современник» О. Ефремов, поставивший недавно идейно порочную пьесу «Голый король». Ефремов так определял роль театра в условиях своеобразной социалистической гласности: «Нам говорят: “Дела у нас в стране идут хорошо”. А мы со сцены должны нести подтекст: “Ой ли?”»

В качестве оплота абстракционизма был назван поселок Лиозово, под Москвой, в котором проживал художник-абстракционист О. Рабин и его единомышленники, которых посещали иностранцы и известные советские литераторы: И. Эренбург, Б. Слуцкий, Л. Мартынов. Однако одним из главных проявлений вольнодумства, по мнению КГБ, являлось постоянное дискутирование в творческой среде вопроса о политической цензуре, в частности о роли редакторов и их низкой квалификации. «Многие возмущаются раздутыми штатами редакций и журналов. Писатель Федин говорит, например, что было хорошее время, когда на одного редактора приходилось 20–30 авторов, а сейчас на каждого писателя по 10 редакторов и по 10 человек из подсобного аппарата, а среди редакторов наблюдается взяточничество, стремление к наживе за счет гонорара за редактируемое произведение. По мнению писателя

Привалова, «легион редакторов паразитирует на теле нашей литературы. Дело это нужно упорядочить и перестроить так, чтобы оно не тормозило, а помогало общеписательскому делу». Такие же мнения существовали в театральной и кинематографической среде⁹¹.

Помимо доносительства и различного рода дисциплинарных мер, применяемых для подавления любого инакомыслия или отступления от инструкций сверху, ЦК партии совместно с КГБ осуществлял прямое цензурирование. Так, в ЦК был рассмотрен вопрос по поводу выхода в свет в Калужском книжном издательстве литературно-художественного сборника «Тарусские страницы» под редакцией К. Паустовского, В. Кобликова, Н. Оттена, Н. Панченко, А. Штейнберга. Принятое решение было по существу прямым цензурным распоряжением о запрете распространения и изъятии всех имеющихся экземпляров из оборота. В записке Отдела культуры, науки и школ ЦК КПСС по РСФСР (Е. Чехарин) и Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС (Е. Лигачев) к проекту постановления Бюро ЦК КПСС от 1 февраля 1962 г. говорилось, что многие литературные произведения написаны на низком идейном и художественном уровне и ранее уже отвергались центральными издательствами как непригодные. Имелись в виду повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр», В. Максимова «Мы обживали землю», рассказы Ю. Казакова, поэма В. Корнилова «Шофер», стихотворение Н. Заболоцкого «Прохожий», которые «пропитаны неверием в человека, изображают советских людей ущербными, показывают нашу действительность в искаженном виде; для этих произведений характерно натуралистическое копирование фактов, смакование некоторых теневых сторон нашей жизни». Вместе с тем положительно оценивалось творчество М. Цветаевой, И. Бунина, В. Мейерхольда.

Записка была составлена в стиле и манере разбора произведений цензоров Главлита, но последовавшие санкции были значительно серьезней, чем просто изъятие и уничтожение тиража: решением бюро Калужского обкома от 9 января 1962 г. за выпуск этой книги директору издательства Сладкову был объявлен выговор, а главному редактору Левите — строгий выговор. 30 января бюро обкома изменило свое решение: «за потерю политической бдительности и партийной принципиальности, помещенные в сборнике «Тарусские страницы» идейно вредных произведений» директору издательства был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, а главный редактор был снят с работы, и ему был вынесен выговор с занесением в учетную карточку. Этим же решением было обращено внимание заведующего Отделом пропаганды и агитации местного обкома КПСС Ананьева на отсутствие должного контроля за работой издательства, отмечена ошибка секретаря обкома Сургакова, давшего разрешение на выпуск сборника. В назидание местным издательствам, искушаемым столичными знаменитостями в надежде обойти «цензурные рогадки» на региональном уровне, было принято постанов-

ление «Об ошибке Калужского книжного издательства»⁹². Фактически центральный партийный аппарат взял на себя функцию последующего контроля, которую выполнял Главлит, усилив дисциплинарный и устрашающий эффект использованием возможностей.

Примером «двойной» предварительной цензуры по схеме — «Главлит — ЦК КПСС — Главлит» — может служить подготовка к печати в журнале «Новый мир» (1963, № 2) второй части пятой книги И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». В записке Отдела культуры ЦК КПСС приводилось мнение Главлита СССР, что эта часть мемуаров, посвященная событиям 1943–1944 гг., не может быть опубликована в представленном виде, в связи с чем Главлит просит ЦК взять на себя рассмотрение этой рукописи. В заключении Отдела культуры (А. Романов, Д. Поликарпов, А. Галанов) говорилось, что автор слишком много внимания уделяет отрицательным явлениям и тенденциям общественной жизни страны, следствиям культа личности Сталина. По их мнению, И. Эренбург будто бы неоднократно намекал, что под влиянием культа личности советское общество в годы войны якобы начало обнаруживать признаки социального перерождения, «возвращения к дореволюционному прошлому» (новое законодательство о браке, раздельном обучении школьников, введение формы для дипломатов, юристов, железнодорожников и т. д.). Но главной ошибкой, по мнению партийных цензоров, являлось его утверждение, что в атмосфере военных побед проявились тенденции отхода от принципов пролетарского интернационализма, стал насаждаться великодержавный шовинизм, получили поддержку антисемитские настроения. Для подтверждения этих странных умозаключений И. Эренбург делал ссылки на А. С. Щербакова, приводил его слова (например, такие: «Фронтвикам Бородино теперь ближе, чем Парижская коммуна»), выдавая его за одного из организаторов шовинистической кампании. Вспоминал о неправильном отношении к некоторым писателям, журналистам, дипломатам (В. Лидину, Е. Шварцу, К. Уманскому, Д. Ортенбергу и др.). Считалось, что И. Эренбург «раздувал» «еврейский вопрос», намекая, что лица еврейской национальности подвергались гонениям по обе стороны фронта. С ними зверски расправлялись фашисты в оккупированных областях (автор приводил много таких фактов, называя точные цифры жертв). Но с ними обращались несправедливо и в советском тылу: писателей травили в печати, журналистов и дипломатов не жаловали на работе, самому Эренбургу запрещали писать о боевых делах евреев — воинов Красной Армии...

Не могли смириться партцензоры и с выпадами писателя в их сторону, а именно в адрес «ответственных товарищей», ведающих вопросами литературы и искусства, которые выразились в словах одного из персонажей: «Все, чего они не понимают, для них заумь. А их вкусы обязательны для всех... В литературе хочешь не хочешь, а ври, только не так, как вздумается, а как хозяин велит»⁹³, и т. д.

При подготовке к печати первой части пятой книги мемуаров, которая была опубликована в «Новом мире» в январе 1963 г., И. Эренбург под воздействием указаний ЦК партии уже вносил поправки, которые касались его утверждений о государственном антисемитизме в СССР. Так, например, рассказывая о еврейском антифашистском радиомитинге, Эренбург указывал, что некоторых его участников «восемь лет спустя арестовали только потому, что они были евреями». В журнальном тексте он несколько смягчил свою оценку: «...арестовали только потому, что они входили в Еврейский антифашистский комитет». Также была внесена поправка в реплику Литвинова, которая содержала прозрачный намек на развивающийся в стране антисемитизм. В первом варианте он писал: «Литвинов добродушно сказал мне: “Будут резать” — кто и кого, он не объяснил». В журнальном тексте эта фраза изменена: «Добродушно сказал мне: “Боюсь, будет плохо...” — почему, он не объяснил».

В связи с наличием в тексте мемуаров И. Эренбурга большого количества «сомнительных» мест, печатание февральского номера «Нового мира», в котором была уже заверстана эта часть мемуаров, по указанию ЦК было приостановлено до того момента, пока И. Эренбург не внесет изменения в текст. Он снял фразу, приписываемую А. С. Щербакову: «Фронтовикам Бородино теперь ближе, чем Парижская коммуна», смягчил фразу о 1929 году, заменив выражение: «когда ни спорить, ни мечтать еще не возбранялось» более обтекаемым: «когда легко было и спорить, и мечтать», сделал несколько других редакционных поправок. Но остальных необходимых исправлений не сделал, а вместо этого отправил текст в издательство итальянских друзей «Эдитори Реунити» и просил сообщить в Италию его просьбу, чтобы издательство не печатало никаких отрывков из пятой книги, за исключением первых десяти глав. В ЦК это расценили как оказание давления на решение вопроса об опубликовании его мемуаров и остались непреклонными, поставив редактора «Нового мира» А. Твардовского перед дилеммой: или будут внесены необходимые исправления, или публикация будет запрещена. Из пометы на документе видно, что цензоры успешно выполнили поставленную перед ними задачу: «В архив. Эренбург внес приемлемые поправки в материал для второго номера журнала. Дано указание номер верстать. Материал для третьего номера будет рассмотрен особо. Д. Поликарпов. 18.02.63 г.»⁹⁴

Однако не все шли на компромиссы и соглашались вносить смысловые редакционные поправки в свои произведения. На излете хрущевской «оттепели» механизм контроля и подавления окончательно сложился в мощную и безотказную систему, сплавленную из трех сил — КПСС, КГБ и Главлита, действующих слаженно и в тесном взаимодействии, как своего рода сообщающиеся сосуды, попав в которые выбраться было невозможно. Казалось, что только обращение к самому «главному» спасет положение. В. Гроссман, солдат Великой Отечественной, мужество и

бесстрашие которого воплотилось не только в его книгах, но и в поступках, лишенных какого бы то ни было компромисса, возможно, знал, что власть не потерпит правды, но боролся до последнего, как на фронте. Он обратился лично к Н. С. Хрущеву:

«Дорогой Никита Сергеевич!

В октябре 1960 года я отдал рукопись моего романа “Жизнь и судьба” в редакцию “Знамя”. Примерно в то же время познакомился с моим романом редактор журнала “Новый мир” А. Т. Твардовский. В середине февраля 1961 года сотрудники Комитета Государственной Безопасности, предъявив мне ордер на обыск, изъяли оставшиеся у меня дома экземпляры и черновики рукописи “Жизнь и судьба”. Одновременно, рукопись была изъята из редакций журналов “Знамя” и “Новый мир”. Таким образом закончилось мое обращение в многократно печатавшие мои сочинения редакции с предложением рассмотреть десятилетний труд моей писательской жизни.

После изъятия рукописи я обратился в ЦК КПСС к тов. Поликарпову. Д. А. Поликарпов сурово осудил мой труд и рекомендовал мне продумать, осознать ошибочность, вредность моей книги и обратиться с письмом в ЦК. Прошел год. Я много, неотступно думал о катастрофе, происшедшей в моей писательской жизни, о трагической судьбе моей книги. Я хочу поделиться с Вами своими мыслями. Прежде всего должен сказать следующее: я не пришел к выводу, что в книге моей есть неправда. Я писал в своей книге то, что считал и продолжаю считать правдой, писал лишь то, что продумал, прочувствовал, перестрадал. Моя книга не есть политическая книга. Я, в меру своих ограниченных сил, говорил в ней о людях, об их горе, радости, заблуждениях, смерти, я писал о любви к людям и о сострадании к людям. В книге моей есть горькие, тяжелые страницы, обращенные к нашему недавнему прошлому, к событиям войны. Может быть, читать эти страницы нелегко. Но, поверьте мне, — писать их было тоже нелегко. Но я не мог не писать их.

Я начал писать книгу до XX съезда партии, еще при жизни Сталина. В эту пору, казалось, не было ни тени надежды на публикацию книги. И все же я писал ее. Ваш доклад на XX съезде придал мне уверенность. Ведь мысли писателя, его чувства, его боль есть частица общих мыслей, общей боли, общей правды.

Я предполагал, отдавая рукопись в редакцию, что между автором и редактором возникнут споры, что редактор потребует сокращения некоторых страниц, может быть глав. Редактор журнала “Знамя” Кожевников, а также руководители Союза Писателей Марков, Сартаков, Щипачев, прочитавшие рукопись, сказали мне, что печатать книгу нельзя, вредно. Но при этом они не обвиняли книгу в неправдивости. Один из товарищей сказал: “Все это было или могло быть, подобные изображенным люди также были или могли быть”. Другой сказал: “Однако напечатать книгу можно будет через 250 лет”.

Ваш доклад на XXII съезде с новой силой осветил все тяжелое, ошибочное, что происходило в нашей стране в пору сталинского руководства, еще больше укрепил меня в сознании того, что книга «Жизнь и судьба» не противоречит той правде, которая была сказана Вами, что правда стала достоянием сегодняшнего дня, а не откладывается на 250 лет. Тем для меня ужасней, что книга моя по-прежнему насильственно изъята, отнята у меня. Эта книга мне так же дорога, как отцу дороги его честные дети. Отнять у меня книгу, это то же, что отнять у отца его детище. Вот уже год, как книга изъята у меня. Вот уже год, как я неотступно думаю о трагической ее судьбе, ищу объяснений происшедшему. Может объяснение в том, что книга моя субъективна? Но ведь отпечаток личного, субъективного имеют все произведения литературы если они не написаны рукой ремесленника. Книга, написанная писателем, не есть прямая иллюстрация к взглядам политических и революционных вождей. Соприкасаясь с этими взглядами, иногда сливаясь с ними, иногда в чем-то приходя в противоречие с ними, книга всегда неизбежно выражает внутренний мир писателя, его чувства, близкие ему образы, и не может не быть субъективной. Так всегда было. Литература не эхо, она говорит о жизни и о жизненной драме по-своему...

Вот уже год, как я не знаю, — цела ли моя книга, хранится ли она, может быть, она уничтожена, сожжена? Если книга моя ложь, — пусть об этом будет сказано людям, которые хотят ее прочесть. Если моя книга клевета, — пусть будет сказано об этом. Пусть советские люди, советские читатели, для которых я пишу 30 лет, судят, что правда и что ложь в моей книге. Но читатель лишен возможности судить меня и мой труд тем судом, который страшней любого другого суда — я имею в виду суд сердца, суд совести. Я хотел и хочу этого суда. Мало того, когда книга моя была отвергнута в редакции «Знамя», мне было рекомендовано отвечать на вопросы читателей, что работу над рукописью я еще не закончил, что работа эта затянется на долгое время. Иными словами, мне было предложено говорить неправду. Мало того. Когда рукопись моя была изъята, мне предложили дать подписку, что за разглашение факта изъятия рукописи я буду отвечать в уголовном порядке. Методы, которыми все происшедшее с моей книгой хотят оставить втайне, не есть методы борьбы с неправдой, с клеветой. Так с ложью не борются. Так борются против правды. Что же это такое? Как понять это в свете идей XXII съезда партии?

Дорогой Никита Сергеевич! У нас теперь часть пишет и говорят, что мы возвращаемся к ленинским нормам демократии. В суровую пору гражданской войны, оккупации, хозяйственной разрухи, голода Ленин создал нормы демократии, которые во все сталинские времена казались фантастически большими. Вы на XXII съезде партии безоговорочно осудили кровавые беззакония и жестокости, которые были совершены Сталиным. Сила и смелость, с которыми Вы сделали это, дают все осно-

вания думать, что нормы нашей демократии будут расти так же, как выросли со времени разрухи, сопутствовавшей гражданской войне, нормы производства стали, угля, электричества. Ведь в росте демократии и свободы еще больше, чем в росте производства и потребления, существо нового человеческого общества. Вне непрерывного роста норм свободы и демократии новое общество, мне кажется, немислимо. Как же понять, что в наше время у писателя производят обыск, отбирают у него книгу, пусть полную несовершенств, но написанную кровью его сердца, написанную во имя правды и любви к людям, и грозят ему тюрьмой, если он станет говорить о своей горе. Я убежден, что самые суровые и непримиримые прокуроры моей книги должны ныне во многом изменить свою точку зрения на нее, должны признать ошибочными ряд кардинальных обвинений, высказанных ими в адрес моей рукописи год-полтора назад до XXII съезда партии.

Я прошу Вас вернуть свободу моей книге, я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета Государственной Безопасности. Нет смысла, нет правды в нынешнем положении в моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, — ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее. Прошло двенадцать лет с тех пор, как я начал работу над этой книгой. Я по-прежнему считаю, что написал правду, что писал я ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы своей книге. Глубоко уважающий Вас Вас. Гроссман. 23 февраля 1962 г.»⁹⁵

Тридцать лет (а не 250 и не 100, как предрекал писателю М. А. Суслов) томилась книга в забвении (спасение и публикация рукописи в 1988 г. — отдельная история). Но «нет ничего тайного, что не становится явным». Факты, которые описаны в письме В. Гроссмана, а также донесения в ЦК КПСС о результатах «оперативной разработки» писателя (по этическим соображениям автор не берется обнародовать содержащуюся в них информацию)⁹⁶ позволяют говорить о непоследовательности проводимой партией политики в области культуры. Как и прежде события развивались в рамках условий привычной игры, правила которой хотя и оставались неизменными и усваивались ее участниками, но постоянно обновлялись. К таким «новым» формам отношений можно отнести знаменитые встречи в Кремле Н. С. Хрущева и его посещения выставки в Манеже. Раздававшиеся с трибуны Кремля грозные крики о наступивших «морозах» соответствовали действительности⁹⁷.

Последнее слово в затянувшейся дискуссии о руководстве культурой и контроле над ней было сказано, как мы уже говорили, на июньском 1963 г. пленуме ЦК КПСС. Прежде всего был подчеркнут прежний тезис о «партийности литературы», а также резко осуждены «натуралистические» «серые», «формалистические», «антинародные» произведения модернистов. На словах партийные лидеры не призывали к прямым репрессиям, Л. Ф. Ильичев демагогично заявлял,

что главное не в том, чтобы «отлучить» подвергнутых критике писателей, а в том, чтобы помочь им понять свои идеологические ошибки. На деле же репрессии вскоре последовали и стали отличительной чертой советской действительности на ближайшие десятилетия: политический корабль страны советов разворачивался и брал новый курс. СССР брежневской эпохи — эпохи «застоя» стал для мира воплощением зла и полицейского государства. Именно в этой связи следует рассматривать первые политические процессы над И. Бродским (1964 г.), А. Д. Синявским и Ю. М. Даниэлем (1966 г.), В. Я. Тарсисом (1966 г.). Акции устрашения были направлены против нелегальной молодежной группы «Смог» (В. Алейников, В. Баташев, Б. Дубинин, Л. Жбанов, В. Гусев, С. Морозов и другие), а также против подпольных журналов и сборников «Синтаксис», (1959–1960 гг.), «Бумеранг» (1960 г.), «Феникс» (1961 г.), «Коктейль» (1961 г.), «Времена года» (1962 г.), «Сирена» (1962 г.), «Фонарь» (1963 г.), «Мастерская» (1964 г.), «Бом!» (1964 г.), «Сфинксы» (1965 г.) и многих других.

Начавшиеся «профилактические мероприятия», сопровождавшиеся истеричными пропагандистскими кампаниями, разделили советскую интеллигенцию на многочисленную «группу поддержки» и малочисленную оппозиционную, отныне ставшую для советской власти неблагонадежными или диссидентами. В записке КГБ в ЦК КПСС от 11 декабря 1965 г. творческая интеллигенция в лучших традициях и стилистике периода 1930 — начала 1950-х гг. открыто обвинялась в антисоветской деятельности, враждебности к советскому строю, антинародности, буржуазности и многих других грехах. «Трудно найти оправдание тому, что мы терпим, по сути дела, политически вредную линию журнала “Новый мир”... Критика журнала “Юность” по существу никем не учитывается и никто не делает из этого необходимых выводов. Журнал из номера в номер продолжает публиковать сомнительную продукцию, выдавая ее за достижения литературного процесса... Многие произведения советских писателей печатаются в реакционных журналах за рубежом...»⁹⁸ — отмечалось в записке КГБ. Вывод напрашивался сам собой: пришло время решительных действий и открытых репрессий.

Открытое подавление инакомыслия способствовало появлению диссидентского, а затем и правозащитного движения в стране, явилась причиной разделения культуры на официальную, подцензурную и находящуюся в пределах контролируемости, и неофициальную, распространяющуюся путем «тамиздата» или «самиздата». Этот раскол, вынесший на поверхность только разрешенные цензурными органами произведения, каким-то образом сгладил конфронтацию, поскольку наиболее оппозиционные силы ушли в нишу неофициальной, «второй» культуры. Поэтому и деятельность таких органов, как идеологическая комиссия, была, по сути, исчерпана. Последним «исходом» либералов было изгнание в 1970 г. из «Нового мира» А. Т. Твардовского. Советские

идеологи хорошо усвоили урок истории: «Будапешт начался с брожения в литературных кружках». В бой вступали совсем другие силы, силы КГБ.

Косвенным результатом реформирования системы явились некоторые изменения в соотношении «сторон» «треугольника». Возвращение прежнего могущества КГБ и расширение административно-командных функций партийного аппарата, имеющих мощные рычаги управления культурой, а также большие возможности наблюдения, слежки и проведения оперативных мероприятий опережающего и последующего свойства, привели к частичному поглощению контрольно-запретительных функций Главлита в части идеологического контроля. Для Главлита наступила пора ведомственной периферии: с августа 1963 г. до августа 1966 г. он находился в составе Государственного комитета Совета министров СССР по печати (постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 августа 1963 г.)⁹⁹. В результате этого недолгого пребывания Главлита в родственной сфере возникла опасность ослабления его могущества, снизился его авторитет, ухудшилось материальное положение и изменилось место на иерархической лестнице номенклатурных привилегий. О явном недовольстве свидетельствуют материалы отчета Главлита за 1963–1965 гг., направленного в ЦК КПСС:

«Государственный комитет Совета Министров УССР по печати 11 июня с.г. принял постановление “Об усилении контроля общественно-политической и художественной литературы”. Из этого постановления вытекает, что основную ответственность за идейное содержание литературы должны нести не издательства, а органы цензуры. Это в корне противоречит постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 августа 1963 г. № 884, а также постановлению ЦК КПСС от 3 апреля 1957 г. “О работе Главлита СССР” и фактически ведет к возрождению старых методов работы, осужденных ЦК КПСС.

Следует сказать, что на заседание Комитета по печати Украины, где рассматривался этот вопрос, не были приглашены представители союзного Главлита и даже не были поставлены в известность о его рассмотрении. Необходимо отметить, что, основываясь на двухлетней практике работы в составе управлений и госкомитетов по печати, руководители многих главкрайобллитов неоднократно высказывали соображения о нецелесообразности создания управлений по печати в некоторых областях, о неудобствах в связи с объединением партийных организаций главкрайобллитов с парторганизациями госкомитетов и управлений по печати, об ухудшении связи с партийными органами из-за возникновения промежуточной инстанции в виде комитетов и управлений по печати»¹⁰⁰.

Далее приводятся сведения о нежелании целого ряда республиканских и обллитов расходовать средства на содержание управлений печати во всех областях. Так, начальник Главлита Эстонии

Адаме подчеркнул, что на практике органы цензуры превращаются в ведомственный орган. Ухудшилась связь Главлита республики с ЦК КП Эстонии. Начальника Главлита уже не приглашали на заседания ЦК КПЭ. По словам Адамса, при постановке вопроса о необходимости участия в такого рода мероприятиях представителя Главлита, в ЦК КПЭ ответили, что на заседания в ЦК приглашаются председатель Госкомитета СМ ЭССР по печати, его заместитель. Увеличить число участников от одной организации не представлялось возможным. По мнению Адамса, председатель Госкомитета по печати основное внимание уделяет вопросам издательского дела, полиграфии и проблеме обеспечения бумагой, а начальник Главлита Латвии В. Н. Агафонов высказал мнение, что с момента вхождения органов Главлита в состав Госкомитета объективно сложилась тенденция к ослаблению авторитета органов Главлита. Так, Госкомитетом СМ Латвийской ССР по печати в обход Главлита были одобрены политические плакаты и ряд афиш, исполненные в формалистической манере¹⁰¹.

Между тем цитируемый документ содержит перечень важнейших «достижений» цензуры «по предотвращению в контролируемой литературе ошибок политико-идеологического характера», о чем свидетельствует тематика информационных писем, оперативно направленных в ЦК КПСС по результатам работы. Вот только некоторые из них: «О многочисленных фактах разноречивого освещения в исторической литературе вопроса о государственных границах нашей страны на Дальнем Востоке. О крупных недостатках в работе издательства «Искусство» при подготовке к изданию литературы по вопросам эстетики. О выявленных недостатках при подготовке к изданию девятитомного собрания сочинений И. Эренбурга в издательстве «Художественная литература». О тенденциозности обращения к читателям «От редакции» журнала «Новый мир» относительно позиций журнала на 1964 год, в котором ряд вопросов шел вразрез с оценками, данными ЦК КПСС и партийной печатью. Об идейно-порочных стихах поэта Н. Глазкова, которые направлялись поэтом М. Лукониным в Чехословакию. О книге В. Перцова «Маяковский в последние годы». О контроле литературы, поступающей в Советский Союз из Китайской Народной Республики. О книгах генерала армии А. Горбатова «Годы и войны», Е. Некрасова «По обе стороны океана», о стихотворении Е. Евтушенко «Станция Зима» и др.¹⁰²

Понятно, что долго такое положение не могло продолжаться, особенно в связи с общими изменениями в политико-идеологической ситуации в стране, во многом сведшей на нет, а впоследствии и полностью уничтожившей, все демократические достижения «оттепели» второй половины 1950 – начала 1960-х гг. После образования в 1966 г. Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (постановление СМ СССР от 18 августа 1966 г.)¹⁰³ как

самостоятельного союзно-республиканского ведомства, постановлением правительства было утверждено новое положение, уточнявшее некоторые функции цензуры. Инструкция о порядке цензорского контроля 1967 г., разработанная на основе нового положения, содержала много идеологических установок и ограничений, с помощью которых практически любое художественное произведение или любая информация могли быть объявлены неблагонадежными или несвоевременными, а прохождение через «фильтр» Главлита превращалось в бесконечные «хождения по мукам», выдержать которые мог только терпеливейший и сильнейший. Установленная положением и инструкцией система ограничений, больше напоминающих военный устав, личная административная и судебная ответственность цензоров за пропуск подобной информации в открытую печать или для обнародования ставили их в дальнейшем в зависимость от любого «сигнала», поступившего от должностного лица или «добровольного радетеля интересов государства»¹⁰⁴.

Функции предварительного контроля приобрели главенствующее значение, поставив тем самым мощнейший заслон на начальном этапе издательского, эфирного, театрального и других творческих процессов. Так, в 1966 г. предварительный контроль осуществлялся только центральным аппаратом Главлита в 22 центральных газетах и еженедельниках, 390 журналах, 48 издательствах, 116 министерствах, ведомствах и организациях, которым было предоставлено право выпускать литературу. Предварительная цензура проводилась также с материалами ТАСС, АПН, Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР, произведениями репертуара 22 московских театров и 5 киностудий, произведениями для эстрады и цирка. Масштабы деятельности цензуры были поистине грандиозны, не менее значительны были и результаты: в материалы печати, радио и телевидения было произведено 3388 вмешательств, 400 исправлений по политическим мотивам было внесено в книжно-издательскую продукцию, полностью было снято 126 книг и т. д.¹⁰⁵

Особую заботу Главлита в этот период составляли недостатки идеологического и политического характера: «искажение» советской действительности, «принижение» успехов и достижений нашего народа, «преувеличение» недостатков и трудностей. Начиналась активная атака на какую бы то ни было вольную или отличную от утвержденной трактовку современных событий и фактов прошлого. Главными объектами контроля стали в первую очередь «толстые» литературные журналы, на страницах которых уже привычными стали новые литературные имена и острая публицистика, а также репертуарная политика в театрах — отдушинах московской и ленинградской интеллигенции, деятельность которой имела также громадный общественный и культурный резонанс в провинции. Вот только некоторые сведения из обстоятельного отчета о репрессивных действиях цензуры в 1966 г.: «Свыше двадцати вме-

шательств и замечаний сделано при контроле журнала «Новый мир». В ряде материалов большое внимание сосредоточивалось на фактах репрессий, произвола и беззакония в годы культа личности, необъективно изображалась коллективизация деревни, пересматривались некоторые вопросы теории и практики социалистического строительства». Так, не была подписана к печати в февральском номере «Нового мира» за 1966 г. статья доцента В. Данилова и доктора исторических наук С. Якубовской¹⁰⁶ «О фигуре умолчания в исторической науке», в которой ставился вопрос о неправомерности «замалчивания» имен некоторых видных революционеров, в частности Троцкого и Зиновьева и других лидеров оппозиций. По мнению авторов, «замалчивание» деятельности Троцкого и Зиновьева «обедняет историю», имеет «разрушительные последствия» для изучения истории партии. Не разрешена была к опубликованию в десятом номере журнала статья В. Венжера «О прошлом и настоящем колхозов», в которой проводилась мысль, что в ходе колхозного строительства был нарушен ленинский план кооперации, предполагавший «полную свободу» колхозов распоряжаться своими материальными и трудовыми ресурсами. В статье обосновывалась идея о развитии договорных отношений между колхозной системой и Советским государством на основе коммерческого расчета и «полного равенства» сторон. О содержании статьи Главлитом был специально проинформирован Отдел сельского хозяйства ЦК КПСС. При контроле апрельского номера журнала «Новый мир» была запрещена редакционная статья «Еще раз о легендах и фактах», написанная в защиту ранее опубликованного в этом журнале «ошибочного» выступления В. Кардина, в котором он пересматривал общепринятые оценки некоторых исторических событий. В своей статье журнал вновь поддерживал В. Кардина и подвергал сомнению историческую достоверность легендарного залпа «Авроры», событий, связанных с днем создания Красной Армии, подвига 28 панфиловцев и других пропагандистских мифов.

В этом же четвертом номере журнала редакция подготовила к печати памфлет В. Катаева «Святой колодец», в первой части которого рисовалась «искаженная картина советской жизни в послевоенный период: обстановка в стране изображалась как бред больного, как состояние кошмарного сна, в котором преобладали тягостные настроения подавленности, оцепенения, вызванные “идеологией” культа личности». Из пятого номера «Нового мира» был снят роман А. Бека «Новое назначение», в котором, по мнению Главлита, давалась искаженная оценка эпохи индустриализации нашей страны, сосредотачивалось внимание лишь на отрицательных явлениях, талантливые организаторы советской промышленности, коммунисты показывались как носители порочных методов руководства. При контроле сентябрьского и октябрьского номеров журнала «Новый мир» было обращено внимание на содержание записок К. Симонова «Сто дней войны» и комментарий автора к

ним, посвященных описанию боевых действий в первые месяцы войны, личных переживаний и сомнений участников событий, связанных с отступлением нашей армии. В связи с тем, что война и потери советского народа в ней, причины военных неудач СССР и сам факт нападения фашистской Германии на СССР рассматривались Симоновым как следствие репрессий 1937–1938 гг., предпринятых Сталиным для утверждения своей личной власти, публикация была запрещена. Такая же судьба постигла и повесть Н. Воронова «Происшествие» в декабрьском номере этого журнала, в которой партийные работники были представлены карьеристами и приспособленцами¹⁰⁷.

Перечисленные в аналитической записке Главлита в ЦК КПСС запретительные меры и их основания свидетельствовали о масштабах и широте охвата сфер культурной жизни политико-идеологической цензурой. Комплекс аналитических справок Главлита дает полное представление о судьбе свободного слова в СССР, фактической травле правдивых писателей, затормозившей на несколько десятилетий прозрение всего общества, демонстрирует действительную и основную функцию Главлита, состоявшую вовсе не в защите государственной и военной тайны, а в реализации идеологических решений ЦК¹⁰⁸.

В этой ситуации Главлит занял свое прежнее место в системе регулирования и упреждающего контроля, прежде всего за состоянием идеологии в обществе на очередном крутом переломе. Именно в этот период аналитическая роль Главлита значительно усилилась. Призванные для реализации соответствующих задач опытные сотрудники Главлита, наряду с сотрудниками КГБ, готовили для ЦК подробнейшую информацию о культурной и общественной жизни страны, мнениях и настроениях интеллигенции, отражении этих явлений в зарубежной прессе. Таким образом, привычная перекрестная методика информирования и контролирования дала необходимый эффект: позволила партии в достаточно короткий срок максимально монополизировать идеологию, запугать поверивших в перемены, изгнать во внутреннюю и внешнюю эмиграцию несогласных.

Первым открытым протестом против произвола политической цензуры в СССР явилось письмо А. И. Солженицына к IV Всесоюзному съезду советских писателей от 16 мая 1967 г. Несмотря на его объем, мы считаем необходимым привести его текст, поскольку его содержание имеет определяющее значение для данной темы:

«Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем “Главлита” тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных.»

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, — запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной неведальническим.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они «не пройдут». Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не устаивали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется в свет в искаженном виде.

А между тем сами цензурные ярлыки («идеологически-вредный», «порочный» и т. д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (полностью не печатают и сейчас), исключили из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался «контрреволюционным» Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)? Не был ли и Маяковский «анархистствующим политическим хулиганом»? Десятилетиями считались «антисоветскими» неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено «грубой политической ошибкой». Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то «признать» и Замятина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или невскоре, его возвращают нам, сопровождая «объяснением ошибок». Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях. Воистину сбываются пушкинские слова: «Они любить умеют только мертвых!»

Но позднее издание книг и «разрешение» имен не возмещает ни общественных, ни художественных потерь, которые несет наш народ от этих уродливых задержек, от угнетения художественного сознания. (В частности, были писатели 20-х годов — Пильняк, Платонов, Мандельштам, которые очень рано указывали и на зарождение культа и на особые свойства Сталина, — однако их уничтожили и заглушили вместо того, чтобы к ним прислушаться.) Литература не может развиваться в

категориях “пропустят — не пропустят”, “об этом можно — об этом нельзя”. Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь — косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырьё.

Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого века и в начале нынешнего, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы. Всему миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, проще и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если бы ее не ограничивали, не замыкали. От этого проигрывает и наша страна в мировом общественном мнении, проигрывает и мировая литература: располагай она всеми несметными плодами нашей литературы, углубись она нашим духовным опытом — все мировое художественное развитие пошло бы иначе, чем оно идет, приобрело бы новую устойчивость, возшло бы даже на новую художественную ступень.

Я ПРЕДЛАГАЮ СЪЕЗДУ ПРИНЯТЬ ТРЕБОВАНИЕ И ДОБИТЬСЯ УПРАЗДНЕНИЯ ВСЯКОЙ — ЯВНОЙ ИЛИ СКРЫТОЙ — ЦЕНЗУРЫ НАД ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ, ОСВОБОДИВ ИЗДАТЕЛЬСТВА ОТ ПОВИННОСТИ ПОЛУЧАТЬ РАЗРЕШЕНИЕ НА КАЖДЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ЛИСТ.

[...] II [...] обязанности Союза [советских писателей] по отношению к своим членам. Эти обязанности не сформулированы отчетливо в уставе ССП («защита авторских прав» и «меры по защите других прав писателей»), а между тем за треть столетия плачевно выявилось, что ни «других», ни даже авторских прав гонимых писателей Союз не защищал. Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того, личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не предоставил им для ответа и оправдания страниц своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту — но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него! Тем более руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артем Веселый, Пильняк, Бабель, Табидзе, Заболоцкий и другие). Этот перечень мы вынужденно обрываем словами “и другие”: мы узнали после XX съезда партии, что их было БОЛЕЕ ШЕСТИСОТ — ни в чем не виноватых писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе. Однако свиток этот еще длинней, его

закрутивший конец не прочитывается и никогда не прочтется нашими глазами: в нем записаны имена и таких молодых прозаиков и поэтов, кого лишь случайно мы могли узнать из личных встреч, чьи дарования погибли в лагерях нерасцветшими, чьи произведения не пошли дальше кабинетов госбезопасности времен Ягоды — Ежова — Берии — Абакумова.

Новоизбранному руководству Союза нет никакой исторической необходимости разделять с прежним руководством ответственность за прошлое.

Я ПРЕДЛАГАЮ ЧЕТКО СФОРМУЛИРОВАТЬ В ПУНКТЕ 22-М УСТАВА ССП ВСЕ ТЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ, КОТОРЫЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ СОЮЗ ЧЛЕНАМ СВОИМ, ПОДВЕРГШИМСЯ КЛЕВЕТЕ И НЕСПРАВЕДЛИВЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ, — С ТЕМ, ЧТОБЫ НЕВОЗМОЖНО СТАЛО ПОВТОРЕНИЕ БЕЗЗАКОНИЙ...»¹⁰⁹

А. И. Солженицын в своем письме не только дал всеобъемлющий анализ и оценку истории советского цензурного диктата в литературе, обозначил апологетов цензуры — партию, Главлит и КГБ, но и предъявил обвинения в фактическом удушении литературы Союзу писателей, послушно выполняющему циркуляры «сверху». Правда, он оставил для новоизбранных членов Правления ССП возможность искупить грехи предшественников и внести соответствующие поправки в Устав Союза. Но ему лучше, чем кому-либо, было известно, что эти призывы останутся без ответа. Вернее, ответом стала развернувшаяся мощная кампания по травле писателя, в то время тяжело больного. Однако резонанс, который был вызван этим впервые прозвучавшим голосом правды, был намного сильнее, чем все ответные шаги власти. В ответ на призыв Солженицына около 80 советских писателей подписали письмо в ЦК КПСС с требованием полностью отменить цензуру. А. Вознесенский не подписал этого письма, т. к. он считал требование полной отмены цензуры нереальным. Вместо этого он выступил с призывом отменить литературную цензуру, не возражая против цензуры экономической и военной. Он также настаивал на том, чтобы в случае запрещения литературного произведения автору сообщали о причинах этого. Он также предложил, чтобы все опубликованные произведения А. Солженицына, включая «Один день Ивана Денисовича», которые до сих пор появлялись только в литературных сборниках и журналах, были изданы отдельными книгами, и была создана комиссия для ознакомления с неопубликованными рукописями Солженицына, в числе которых были рассказы и пьесы, а также два его новых романа «Раковый корпус» и «В круге первом».

Протест А. Вознесенского привел к раздражению Союза писателей, и было принято решение отменить его поездку в США. Представители Союза писателей сообщили некоторым иностранным журналистам в Москве о его болезни и в то же время просили американское посольство оформить Вознесенскому визу. Приведенный в ярость этими действиями, А. Вознесенский написал письмо в «Правду», а копию направил в

Союз писателей. В письме он заявил, что «действия Союза писателей являются идиотскими», и добавил, что «это — унижение элементарного человеческого достоинства». Вознесенский с горечью отмечал, что «ложь, натравливание писателей друг на друга являются обычной практикой в Союзе писателей, — констатировал поэт. — Это было со многими моими друзьями. Иногда мы не получаем нашу почту. Иногда на наши письма отвечают другие люди без нашего ведома». «Правда» письма не опубликовала. Эта информация была предоставлена Главлитом в ЦК КПСС и внимательно изучена, как видно из резолюций и помет, в Отделе культуры¹¹⁰.

Очередным скандалом обернулось письмо А. Е. Костерина¹¹¹ М. А. Шолохову, которое в дальнейшем также имело огромный общественный резонанс. Записка КГБ от 21 сентября 1967 г. в ЦК КПСС сообщала о письме, направленном в редакцию журнала «Дон» и Союз писателей РСФСР¹¹² в июле 1967 г., текст которого был приложен. В письме А. Е. Костерин горько свидетельствовал о сотнях писателей и поэтов, «без вести пропавших» в тюрьмах и лагерях, физически и морально искалеченных, для которых смерть духовная хуже, чем смерть физическая. Он писал, что на совести коммунистических догматов целые национальные культуры, подвергшиеся репрессиям. И не только малых народов, но и русского и украинского. «Беспощадна, — писал Костерин, — “Прокрустова ложа” цензуры. И у меня есть произведения, которые возвращали мне из редакций нескольких журналов:

— Неплохо, но — увы — не пройдет.

И у меня есть книжка, которую дважды посылали «на консультацию» (как тяжело больного к профессору-специалисту)... в Комитет госбезопасности! Потеряв, в результате “консультации”, целые главы и многие абзацы и даже реплики, книга стала рахитичной, бесцветной, просто жалкой “безноженькой” (по Вертинскому). И я непрерывно чувствую и чувствовал за все время после реабилитации, как «некто в сером» держит мою руку с пером, давит на мозг и сердце, толкает на асфальтированный путь к славе, к признанию».

А. Е. Костерин отмечал, что для наступления царства «свободы печати» помимо ликвидации Главлита и КГБ необходимо еще «обеспечить использование бумаги и типографий в интересах трудящихся». Здесь он опирался на высказывания В. И. Ленина о том, «свобода печати» это не такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты», а когда «все мнения всех граждан свободно можно оглашать». Цитировал из статьи «Как обеспечить успех Учредительному собранию» практический план В. И. Ленин, что «государственная власть, в виде Советов, берет все типографии, всю бумагу и распределяет ее справедливо: на первом месте — государство, в интересах большинства народа, на втором месте — крупные партии и затем — любая группа граждан, достигшая определенного числа членов

или собравшая столько-то подписей». Выступая на Первом конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин также уверял, что коммунисты строят такой порядок, в котором «не будет объективной возможности ни прямо, ни косвенно подчинять прессу власти денег, не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся (или группа трудящихся любой численности) имел и осуществлял равное право на пользование типографиями и общественной бумагой». Аргументируя далекими от действительности цитатами непоколебимого авторитета, А. Е. Костерин вспомнил 1920-е гг., время литературных споров и объединений писателей по политическим и эстетическим вкусам, частных и кооперативных издательств, свободных «от назначенных редакторов и цензуры (за исключением военной)».

Оставим на совести автора письма несколько идеалистичную оценку «теоретических» положений В. И. Ленина и 1920-х гг., не забывая, что все познается в сравнении. Тем более что дальше он обращается к действительности, в которой на деле «не только всякий трудящийся (или группа трудящихся любой численности), но и рядовой член партии лишены возможности свободно оглашать свое мнение в печати», а на словах накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции декларируется: «Победа социализма создала экономические, социальные, политические и духовные предпосылки для перехода к строительству коммунистического общества»¹¹³.

И действительно, нельзя забывать, что развернувшееся противостоение против засилья цензуры происходило именно накануне 50-летия Октября. Юбилей отмечался долго, помпезно, с характерной уверенностью в полной и окончательной победе международного социализма и его идеалов. В контексте юбилейного восхваления исторических и современных достижений социализма можно представить себе, каким потрясением для власти была акция, организованная группой ученых и представителей творческой интеллигенции. Более ста человек (среди подписавшихся были академики Леонтович, Сахаров, Капица, Кнунянц, писатели Костерин, Каверин, Копелев, композиторы Пейко, Леденев, Каретников, художники Бригер, Жилинский), направили в адрес Верховного Совета СССР проект закона о распространении, отыскании и получении информации. Приуроченная к 50-летию Декрета о печати, фактически введенного сразу после победы большевиков политическую цензуру, эта акция, с одной стороны, была рассчитана на исключительный международный интерес в юбилейные дни, с другой — на определенную, тоже юбилейную, лояльность власти, по аналогии с амнистией заключенных. Однако нанесенный удар по позициям и престижу власти был значительно серьезнее, чем прежние. И преамбула, и текст проекта самого закона значительно опережали время. Авторы не только выступали против любой цензуры, но шли значительно дальше, разрушая созданные искусственные границы между странами и идеологиями. Власть ощутила огромную пропасть между собой и интеллектуальной

элитой общества, которая, несмотря на возведенные стены и «железные занавесы», мыслила уже категориями XXI века. Кроме того, в преамбуле была дана профессиональная правовая оценка, которая своей научной основой резко контрастировала с демагогическим и огульным стилем партийных «проработок» и тем самым выбивала почву из-под ног чиновников из идеологического отдела ЦК.

Как уже говорилось, авторы проекта привели все основные нормативы в истории складывания государственного цензурного аппарата — Главлита. Опираясь на Программу КПСС, в которой было сказано о том, что «диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию», они провозгласили конец цензуре — орудию пролетариата и начало новой эры — эры закона за распространением и получением информации. Утверждалось, что судебный контроль, осуществляемый в ходе открытого судебного разбирательства, эффективнее, чем административный. Совершенно фантастически в условиях всевластия подавляющих институтов, «предпринявших дополнительные меры для пресечения деятельности организаторов указанного документа», выглядят статьи закона:

«Статья 1. Каждый имеет право без предварительной цензуры, но с учетом указанных ниже ограничений распространять любую информацию в любой форме.

Примечание:

1. Понятие “информация” в тексте настоящего закона включает в себя понятие “художественная информация”.

2. Понятие “распространение информации” в тексте настоящего закона включает в себя любые высказывания, а также распространение любых текстов и произведений искусств.

ЗАПРЕЩАЮТСЯ: *1. сообщения шпионских сведений; 2. разрешение военной и государственной тайн; 3. пропаганда захватнических войн; 4. разжигание расовой или национальной вражды или розни; 5. оскорбления; 6. распространение ложной информации, причиняющее ущерб какому-либо лицу; 7. лжесвидетельство; 8. оскорбление нравственности; 9. подстрекательство к совершению преступления; 10. высказывания, имеющие характер преступного оговора; 11. высказывания, имеющие характер пособничества при совершении преступления; 12. угрозы совершением преступных действий; 13. распространение произведений, а также сведений об открытиях и изобретениях без согласия автора либо законных владельцев авторских прав; 14. нарушение посредством осуществления указанного выше права правил общежития, установленных соответствующими нормативным актами.*

Статья 2. Любое лицо, любые группы лиц, учреждения и организации или предприятия имеют право без предварительной цензуры, но с учетом ограничений, указанных в предыдущей статье: 1. издавать любым тиражом любые печатные издания; осуществлять постановку спекта-

клеи, производство и демонстрацию кинофильмов, а также производство фотографий; 3. устраивать выставки, концерты и иные зрелища; 4. осуществлять радио- и телепередачи; 5. организовывать лекции, диспуты, а также другие мероприятия по осуществлению права, указанного в статье 1.

Издания, фильмы, произведения изобразительного искусства, радио- и телепередачи обязательно должны содержать сведения либо об авторе, либо о редакторе, либо об изготовителе.

Статья 3. Граждане СССР имеют право на кооперативных началах либо разрешенным законом способом создавать издательства, журналы, газеты, информационные агентства, театры, труппы, ансамбли, концертные организации, концертные и выставочные залы, кинотеатры, фото-, кино-, теле- и радиостудии, библиотеки, лектории и др. учреждения, организации и предприятия, необходимые для осуществления прав, указанных в статьях 1 и 2. В случаях, предусмотренных законом, правоспособность таких учреждений, организаций и предприятий возникает в полной мере только с момента утверждения или регистрации соответствующим Советом депутатов трудящихся их устава или положения, на основе которых они действуют...

Статья 4. Каждый имеет право на отыскание, получение информации с учетом ограничений, указанных в ст. 1 или установленных законом с целью предотвращения постороннего вмешательства в частную жизнь...»¹¹⁴.

Главной задачей этого документа были, прежде всего, обеспечение и защита прав человека в самых различных сферах, его взаимодействия с обществом: получение и распространение информации, ограничение вторжения в личную жизнь, охрана авторских прав, решение возникших конфликтных ситуаций в судебном порядке. Обращает на себя внимание и тот факт, что в проекте закона реализовались не только основные положения международного права, но и идея об «обеспечении предоставления гражданам СССР, учреждениям, организациям и предприятиям типографий, запасов бумаги, общественных зданий и сооружений, средств связи и других материальных условий, необходимых для осуществления указанных прав (Статья 5)»¹¹⁵, которая была предложена А. Е. Костериным.

О том, что ни общество, ни власть не были готовы к такому пониманию и осуществлению гражданских прав, свидетельствует еще более ожесточившаяся предварительная цензура Главлита. Так, в справке о результатах предварительного контроля Главлита 15 июля 1968 г. говорилось, что число цензорских вмешательств продолжает оставаться высоким. Только за предшествующие два с половиной года из различного рода материалов, подготовленных редакциями, издательствами и другими организациями к печати и передачам по радио и телевидению, Главным управлением и его органами на местах было удалено свыше

72 тысяч сведений, запрещенных к опубликованию, в том числе: сведения о дислокации воинских частей и подразделений, закрытых предприятий и учреждений; материалы, характеризующие состояние боевой и политической подготовки, вооружение, боевую технику Советской Армии и Военно-Морского Флота; сведения об исследовании космического пространства, атомной энергии, радио и электронной технике; информация о научно-технических достижениях, которые могут быть признаны открытиями или изобретениями; данные о выпуске важнейших видов промышленной продукции. Среди «провинившихся» были различные НИИ, АПН, ТАСС, Гостелерадио СССР, газеты и др. Даже в поступивших на контроль киносценариях и пьесах были выявлены запрещенные к опубликованию сведения военного характера и «искаженное освещение развития важнейших оборонных отраслей производства». Так, согласно сценарию В. Венделовского и В. Соловьева «Нейтральные воды», представленному Центральной киностудией им. А. М. Горького, были запланированы киносъемки базы ракетноносцев в Севастополе. По предложению Главлита в сценарий были внесены изменения, и съемки базы не производились. В пьесе А. Тверского «Генеральный конструктор» был воссоздан образ человека, с чьим именем связано изобретение советского космического оружия и космических кораблей. Дело создания ракетного оружия в нашей стране, как это рисовалось в пьесе, зависело от многих случайностей, и в частности от репрессий по отношению к самым талантливым из советских ученых. Таким образом, делался акцент на то, что в этой, одной из самых важных отраслей науки, определявшей будущее страны и ее военную мощь, репрессии ставили под угрозу дело обороны страны. Пьеса была запрещена.

Нарушения были найдены в докладах и выступлениях на различных совещаниях и конференциях, а также в порядке отправки материалов за рубеж отдельными гражданами, которые самостоятельно направляли рукописные материалы или служебные издания за границу.

В соответствии с указаниями ЦК КПСС и Совета министров СССР Главлит и его органы на местах систематически информировали и консультировали руководящий состав редакций газет, журналов, издательств, органов радиовещания, телевидения, телеграфных агентств, кино и других заинтересованных организаций. Только в 1967 г. с работниками центральных редакций, издательств и издающих организаций было проведено около 200 совещаний и бесед.

Несмотря на то что Главлит, казалось бы, вел речь исключительно о нарушениях в области разглашения государственных и военных тайн, меры, которые предлагалось принять в отношении учреждений культуры, создавали невыносимые условия для работы. Предлагалось следующее: а) ввести наказание в виде строгой административной ответственности лиц, грубо нарушавших порядок подготовки материалов к опубликованию, если их действия по характеру разглашенных сведений

не требуют наказания в уголовном порядке; б) повысить ответственности авторов за сохранение сведений, не подлежащих опубликованию; в) рассмотреть вопрос о внесении в гражданский кодекс положения, предусматривающего принятие соответствующих санкций к авторам, которые, преднамеренно нарушив установленные правила опубликования сведений об открытиях и изобретениях СССР, нанесли государству материальный ущерб¹¹⁶.

Однако главные перемены были впереди. Они ускорились в связи с «Пражской весной» и последовавшим за ней вторжением советских войск в Прагу в августе 1968 г. Пропась между СССР и остальным миром стала очевидна. Удерживать баланс между диктатом силы и куда более привлекательными ценностями буржуазного общества внутри страны можно было только удесятерением этой силы, как казалося сверху.

Секретное постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» от 7 января 1969 г. явилось своего рода признанием завоеванных властью позиций, оно закрепляло изменения в системе ответственности за идеологический уровень содержания художественных и информационных материалов, превратившим всю культурную среду в один большой ГЛАВЛИТ. Суть этих изменений заключалась в том, что «в условиях жесточайшей идеологической борьбы... ответственность за идейную направленность выпускаемых произведений» должны нести «непосредственно руководители организаций и ведомств и редакционных коллективов», ответственность партийную и государственную. «...Отдельные авторы, режиссеры и постановщики отходят от классовых критериев при оценке и освещении сложных общественно-политических проблем, фактов и событий, а иногда становятся носителями взглядов, чуждых идеологии социалистического общества. Имеются попытки односторонне, субъективистски оценить важные периоды истории партии и государства, в критике недостатков выступать не с позиций партийной и гражданской заинтересованности, а в роли сторонних наблюдателей, что чуждо принципам социалистического реализма и партийной публицистики... — отмечалось в постановлении. — Некоторые руководители издательств, органов печати, радио, телевидения, учреждений культуры и искусства не принимают должных мер для предотвращения выпуска в свет идейно ошибочных произведений, плохо работают с авторами, проявляют уступчивость и политическую беспринципность в решении вопросов о публикации идейно порочных материалов. Отдельные руководители идеологических учреждений пытаются переложить собственную ответственность в этом отношении на Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР...»¹¹⁷

Обвинительный тон ясно высвечивал контуры идеологической обстановки, которая на некоторое время потеряла белую резкость, но теперь предлагалась обществу и культуре в знакомом и привычном образе.

При этом лицемерно заявлялось, что «в условиях социалистической демократии органы предварительного контроля существуют главным образом для предотвращения сведений, составляющих государственную и военную тайну». Установленный порядок создал невыносимые условия для творческих коллективов и их руководителей, которые превратились в заложников, вечно выбирающих между своим креслом и совестью, совестью художника.

Организовав дело таким образом, партия в лице ее центральных органов сконцентрировала в своих руках определяющую и вместе с тем контрольно-регулирующую идеологические функции, оставив за государственными цензурными органами проведение последующего контроля. Он сводился, как подтверждают сами сотрудники Главлита, к «вылавливанию блох». Отныне всю предварительную цензуру осуществлял редакторский состав, отвечающий за выпуск информационной и художественной продукции в свет и разрешающий все конфликтные ситуации до ее обнародования. Мы не говорим о самоцензуре, ставшей приметой времени и второй натурой поколения 1970–1980-х гг. По нашим представлениям, созданная в соответствии с постановлением 7 января 1969 г. система всепроникающей политической цензуры была признаком начавшейся «эпохи застоя», «брежневщины».

Таким образом, период с середины 1950-х до конца 1960-х гг. был отмечен следующими тенденциями в развитии системы политической цензуры. Эпоха, наступившая после XX съезда, породила в обществе надежды на обновление и демократические перемены, одним из признаков которых являлось ограничение функции Главлита как контрольного ведомства по охране государственной и военной тайны, вывод из его компетенции политико-идеологического контроля. Эти изменения нашли свое отражение в действии нового «Перечня сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» и утверждении в феврале 1958 г. нового Положения о Главлите СССР. Изменения, происшедшие в положении Главлита, были вызваны общей трансформацией стратегии партии во взаимоотношениях между властью и обществом, которые партия стремилась модернизировать, отойдя от «сталинской модели», не утратив при этом свои руководящие функции в культуре. Проистекающая отсюда противоречивость и непоследовательность действий часто приводила к их противоположным результатам.

Подводя итоги периода так называемой «оттепели», в который и власть, и культура пытались наладить диалог для выработки компромисса в условиях государства с тоталитарным и идеократическим типом руководства, следует подчеркнуть, что формы и методы управле-

ния культурой и политической цензуры диктовались внутривластной обстановкой. После Польского восстания и событий в Будапеште 1956 г. они стали зависеть еще и от международной ситуации. «Пражская весна» и ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. стали отправной точкой для окончательного «замораживания» прямого диалога с творческой интеллигенцией, отношения власти и интеллигенции, с одной стороны, были переведены на уровень постановлений и решений ЦК по вопросам идеологии, с другой стороны, были опутаны мелочной опекой цензоров различной ведомственной принадлежности (Главлита, Министерства культуры, отделов культуры исполкомов местных советов и пр.).

Подавление инакомыслия и силовой диктат способствовали появлению правозащитного движения в стране, явились причиной разделения культуры на официальную, подцензурную, находящуюся в пределах контролируемости, и неофициальную, распространявшуюся путем «тамиздата» или «самиздата». Этот раскол, в известной степени сгладил конфронтацию, поскольку оппозиционные силы заняли нишу неофициальной, «второй» культуры.

Все это привело к активизации деятельности КГБ и изменению в соотношении между «сторонами» цензурного «треугольника» ЦК КПСС — КГБ — Главлит. Контрольно-запретительные функции последнего отчасти перешли к центральному партаппарату и руководящим органам госбезопасности. Главлит на некоторое время перешел в состав Госкомитета Совета министров СССР по печати. Однако вскоре Главлит вновь занял свое прежнее место в регулировании и упреждающем контроле за состоянием идеологии в обществе. Именно в этот период аналитическая роль Главлита была особенно заметна: опытные его сотрудники, наряду с сотрудниками КГБ, готовили для ЦК подробнейшую информацию о культурной и общественной жизни страны, мнениях и настроениях среди интеллигенции, их отражении в зарубежной прессе. Привычная перекрестная методика информирования и контролирования дала необходимый эффект: позволила партии в достаточно короткий срок максимально монополизировать идеологию, запугать тех, кто поверил в перемены, изгнать во внутреннюю и внешнюю эмиграцию несогласных.

На этом этапе Главлит особенно ярко продемонстрировал свою подлинную и основную функцию, состоявшую не в защите государственной и военной тайны, а в реализации идеологических решений ЦК. Ужесточение его действий вызвало открытые протесты интеллигенции против цензурных притеснений и за полную отмену цензуры.

Наметившиеся тенденции были окончательно закреплены секретным постановлением Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уро-

вень публикуемых материалов и репертуара» от 7 января 1969 г. Отныне всю предварительную цензуру осуществлял редакторский состав, отвечающий за выпуск информационной и художественной продукции в свет и разрешающий все конфликтные ситуации до ее обнародования. Организовав дело таким образом, партия сконцентрировала в своих руках определяющую и контрольно-регулирующие функции в области идеологии, за государственными цензурными органами осталась вторичная функция последующего контроля. Созданный механизм к началу 1970-х гг. всепроницающей политической цензуры стал одной из составляющих политико-идеологической системы наступающей эпохи брежневского «застоя».

Политическая цензура в период стагнации и кризиса власти и идеологии в СССР (1969–1991 гг.)

Новая политическая ситуация вынуждала подавляющее большинство мыслящих людей смириться, в лучшем случае пользуясь нелегальными информационными каналами (западные радиостанции, «самиздат»). Это не относится к малочисленной по составу, но эффективной по своему интеллектуальному выходу группе оппозиционеров, диссидентов. Несмотря на различия в целях и задачах борьбы с властью национальных и религиозных движений, борцов за права человека, «отказников» и прочих представителей оппозиции, формы и методы этой борьбы были общими: подписание писем-обращений, издание листовок и прокламаций, «самиздат». Понятно, что любая информация, которая не могла пройти через государственные каналы коммуникации, получила свое распространение в неофициальной зоне, за которой зорко следил КГБ. По его наблюдениям (записка КГБ в ЦК от 7 февраля 1969 г.), в то время в среде интеллигенции и молодежи стали иметь хождение «идеологически вредные материалы» в виде сочинений по политическим, экономическим и философским вопросам, литературных произведений, коллективных писем в партийные и правительственные инстанции, в органы суда и прокуратуры, воспоминания «жертв культа личности», именуемые «внецензурной литературой», или «самиздатом», который распространялся путем передачи из рук в руки рукописных, отпечатанных на пишущих машинках, размноженных фотоспособом или на ротаторных аппаратах документов. Для пропаганды «самиздата» иногда использовались всякого рода полуофициальные диспуты, конкурсы песен, концерты, устраиваемые самодеятельными клубами, литературными объединениями. Именно поэтому неформальная культура подвергалась со стороны органов особой опеке. Были выявлены главные организаторы «самиздата» — П. Григоренко, П. Литвинов, Л. Богораз-Брухман, П. Якир и другие.

Особого внимания со стороны Лубянки и Старой площади удостоились следующие издания «самиздата»: статья А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», книга Р. Медведева «Перед судом истории», письмо в ЦК КПУ писателя И. Дзюбы, известное под названием «Интернационализм или русификация», заметки пенсионера из Караганды, в прошлом активного меньшевика, Якубовича, «Письма к неизвестному», а также подписанное Л. Бородиным исследование «Закат капитала», в котором подвергалась критике вся общественно-экономическая структура СССР и выдвигалась программа борьбы против «диктатуры бюрократического аппарата».

Председатель КГБ Ю. В. Андропов докладывал в ЦК, что «антисоветские и антиобщественные элементы нередко направляют “нецензурные” произведения в редакции буржуазных газет, журналов, радиостанций, в адрес эмигрантских центров в расчете на то, что западная радиопропаганда в передачах на Советский Союз ознакомит с содержанием этих документов значительное число советских граждан и облегчит таким образом распространение их внутри СССР. В августе 1968 г. издаваемый Информационным агентством США журнал “Проблемы коммунизма” выпустил сборник из 53 документов “самиздата”. Рассматривая “самиздат” как одно из средств ослабления социалистического общества, империалистическая реакция стремится всемерно оказывать поддержку действующим внутри нашей страны авторам и распространителям политически вредных материалов. Создано, например, “Международное литературное содружество” во главе с известными специалистами по антикоммунизму Струве и Филипповым. Одной из главных задач этого “содружества” определена публикация не издающихся в СССР произведений советских писателей. Помимо публикации за границей и передачи по радио, материалы «самиздата» засылаются по различным каналам в СССР»¹¹⁸. Из вышепроцитированного видно, что сформировались основные направления «самиздата»: художественная литература, публицистика, мемуары и документы.

И действительно, правозащитникам удалось превратить единичные случаи передачи рукописей за границу в постоянно действующий механизм: «самиздат» — «тамиздат» — «самиздат». Первым постоянным «связным» с Западом стал А. Амальрик¹¹⁹. В 1966–1969 гг. он оставался практически единственным «специалистом», через которого уходили и возвращались документы правозащитного движения. До 1972 г. по этому каналу прошли книга А. Марченко «Мои показания», роман В. Гроссмана «Все течет...», повести Л. Чуковской, «Москва — Петушки» В. Ерофеева, романы А. Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом», В. Максимова «Семь дней творения», стихи И. Бродского, Н. Горбаневской, Н. Коржавина¹²⁰. Все эти произведения, распространявшиеся нелегальным путем, представляли собой «параллельную» литературу и общественную мысль, которые, несмотря на ограничения в

распространении, оказывали огромное влияние на становление гражданского самосознания поколения конца 1960–1970-х гг.¹²¹

Постепенно налаживались каналы распространения информации, совершенствовался процесс размножения текстов (фотографирование, платные машинистки, множительная техника в учреждениях и пр.), что, в свою очередь, вызывало увеличение спроса на «самиздат».

Самым большим достижением диссидентов, по мнению А. Д. Сахарова, было создание информационного бюллетеня правозащитного движения — «Хроника текущих событий». Первый ее номер вышел 30 апреля 1968 г. в разгар репрессий против участников движения. К концу 1983 г. на Западе были опубликованы 64 выпуска. Это полноценная фактография движения, нарушений прав человека в СССР, хроника репрессий. На экземплярах отсутствовали сведения об адресе редакции и составе редколлегии, что объяснялось «своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах»¹²².

Первым редактором «Хроники...» была Н. Горбаневская, после ее ареста в декабре 1969 г. и до 1972 г. — А. Якобсон. В дальнейшем состав редакции каждые два-три года меняли, главным образом из-за арестов¹²³. Однако смена коллективов не отражалась ни на концепции, ни на содержании «Хроники...». Механизм распространения «Хроники...» и сбора материалов для нее был определен в ее пятом выпуске: «Каждый... легко может передать известную ему информацию в распоряжение “Хроники”. Расскажите ее тому, у кого вы взяли “Хронику”, а он расскажет ее тому, у кого он взял “Хронику”, и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача»¹²⁴.

Масштабы и международный резонанс противостояния незначительной по количеству, но очень авторитетной по составу части советского общества, вывели ее на прямую и открытую конфронтацию с органами госбезопасности. В свою очередь, «учитывая, что распространение политически вредной литературы наносит серьезный ущерб воспитанию советских граждан, особенно интеллигенции и молодежи», в КГБ «принимали меры, направленные на пресечение деятельности авторов и распространителей “самиздата” и на локализацию отрицательного влияния “внецензурных” произведений на советских людей». Так, в 1968 г. «значительное число причастных к деятельности “самиздата” лиц профилактировано с помощью общественности, несколько злостных авторов и распространителей документов, порочащих советский государственный и общественный строй, привлечены к уголовной ответственности»¹²⁵. Обыски, аресты, последовавшие за этим пребывание в местах заключения и психиатрических заведениях были применены к В. Буковскому, Н. Горбаневской, П. Якиру и И. Якир, Л. Плющу, В. Севруку, Ю. Мельнику, П. Старчику, Ю. Шихановичу, В. Красину и другим¹²⁶.

Даже наиболее надежный оплот партии и КГБ, творческие союзы, не могли сдерживать волны протеста, вызванной вторжением в Чехословакию и наступившим вслед за этим разочарованием «шестидесятников». Выступления писателей на внутренних заседаниях союзов носили резко критический характер и касались внутренней и внешней политики государства, деятельности цензурных органов, положения свободы слова в СССР. Так, 9 декабря 1968 г. в Риге состоялось общее собрание писателей Латвии, в котором приняли участие представители других творческих союзов, партийных и комсомольских органов, журналисты, всего около 500 человек. (Об этом сообщалось в ЦК КПСС 16 января 1969 г.) В прениях по докладу секретаря ЦК Компартии Латвии Ю. Я. Рубэна выступил член Союза писателей Латвии Албертс Цирулис (Бэле), который и до этого был известен своими критическими выступлениями (Рижское телевидение, май 1965 г.). Он заявил, что «мы живем в век танков» (видимо, имея в виду чехословацкие события), но что он «предпочел прибыть на собрание самолетом». Бэле сетовал на плохую информированность писателей, поскольку из официальной печати трудно судить о действительном положении вещей: например, в один день в «Известиях» Дубчека называют предателем, а на другой день — другом. «Нам нужен, — говорил Бэле, — институт по изучению общественного мнения; у ЦК есть такой нелегальный институт, который возглавляет Авдюкевич (фамилия председателя КГБ при СМ Латвийской ССР. — Т. Г.), но его данные нам не доступны». В заключение Бэле заявил, что давно наступила пора упразднить цензуру, как крепостнический пережиток, и в Латвии, где на 40 лет раньше, чем в России, отменили крепостное право, нужно отменить и цензуру на 40 лет раньше¹²⁷.

Появились так называемые «невозвращенцы». Одним из первых, попросивших политического убежища во время своей зарубежной поездки, был А. Кузнецов, известный широкой аудитории читателей по таким романам, как «Продолжение легенды», «Бабий Яр», «Огонь». В своем интервью, опубликованном 1 сентября 1969 г. в западногерманском журнале «Дер Шпигель» Кузнецов заявил, что все его произведения были подвергнуты цензуре, «целые главы были вычеркнуты, ход мыслей был изменен». Вот как была представлена система политической цензуры А. Кузнецовым: «Это очень сложная система. Редактор подчиняется Главлиту, т. е. цензуре. Цензура подчинена идеологическому отделу партии. КГБ следит за лояльностью. Цензура получает указания от Центрального Комитета. Она должна следить за охраной государственных тайн в печати и у нее есть право вмешиваться в вопросы искусства. Редакторы и лекторы хорошо знакомы с работой цензуры — по опыту: если цензура несколько раз делает выговор то за одни промахи, то за другие, то становится ясно, что можно писать, что нельзя. Изменение литературных текстов производит издательский редактор журнала. Они говорят мне или автору: “Это хорошо, но цензура этого не пропустит”.

И сколько раз я просил: покажите мне этого человека, познакомьте меня с теми, кто это не пропускает, и я докажу, что это можно пропустить. Но мне этого никто не разрешал. Эти личности за кулисами, их никто не видит. Это какие-то мифические фигуры». По поводу впервые обнародованных в «Бабьем Яре» фактах о разрушении Крещатика в Киеве и роли чекистов в этих событиях А. Кузнецов пояснил: «Цензура в Москве не поняла, что это значит. Если бы роман был опубликован в Киеве, то цензура бы его не пропустила. После опубликования романа в Москве от ЦК Украины пришло большое письмо, основным содержанием которого было — что вы там натворили?» Общую ситуацию в СССР он определил правдиво и жестко: КГБ является истинным хозяином страны, в том числе и судеб творческой интеллигенции. А в Союзе писателей во главе стоит Константин Федин, ему подчиняются секретари, и главным из них является Константин Воронков из КГБ, который отвечает за идеологические вопросы и ведает личными делами писателей¹²⁸.

Диктат Главлита вызывал протест не только в среде ярых оппозиционеров и реформаторов социализма, но и у вполне уважаемых и благополучных, обласканных властью представителей интеллигенции. Таким неожиданным для многих явились выступления К. М. Симонова во время его зарубежных командировок, о которых в стране стало известно из иностранной прессы. Эту прессу, в свою очередь, просматривал и анализировал Главлит (справка в ЦК от 29 апреля 1971, г.). Разумеется, были и иные источники информации о поведении наших граждан во время пребывания за границей. В этих сообщениях утверждалось, что Симонов в Западном Берлине 22 апреля сделал заявление в защиту Солженицына, а также осудил действия советской цензуры, которая не допустила опубликование одного из произведений Симонова. Газета «Нюрнберг нахрихтен» за 24–25 апреля 1971 г., в статье под заголовком «Советский писатель о цензуре», писала: «...Симонов высказал сомнение по поводу того, что исключение Солженицына из Союза писателей является “лучшей воспитательной мерой”. Во всех сообщениях приводятся его слова: “Я не намерен скрывать, что у нас существует цензура, и было бы странным, если бы я, как писатель, сказал, что люблю ее. Однако она нужна. Она была введена Лениным на трех условиях: не допускать к печати ни контрреволюционной, ни мистической, ни порнографической литературы. Тогда, когда цензура выходит из рамок этого ограничения, она мне совсем не по душе”».

В передаче радиостанции «Немецкая волна» утверждалось: «В том же, что касается его собственного, забракованного цензурой произведения, Симонов придерживается того мнения, что он мог бы способствовать его пересылке на Запад, как это в свое время случилось с романами Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом», однако он знает, что и его произведение было бы использовано на Западе против Советского Союза».

Свое отношение к контрольным органам К. Симонов высказывал еще на IV съезде писателей СССР в 1967 г., где он утверждал, что у писателей существуют трудности «во взаимоотношениях с некоторыми учреждениями, причастными к печатанию или, наоборот, к непечатанию наших книг, и с некоторыми из причастных к этим учреждениям людей»¹²⁹. Такое осторожное замечание в отношении цензуры и цензоров, по сравнению с бесстрашным письмом А. Солженицына, не вызывало никаких опасений и не предвещало возможных выпадов за границей. Безусловно, что такое поведение всегда лояльного по отношению к власти Симонова было вызвано цензурой его собственных произведений. Подготовленные для опубликования записки Симонова «Сто суток войны. Памяти погибших в сорок первом» были представлены редакцией журнала «Новый мир» на контроль в Главлит в сентябре 1966 г. Однако он запретил публикацию записок в связи с тем, что они содержали «существенные ошибки и недостатки, касающиеся политических оценок первого периода Великой Отечественной войны и подготовки партии и страны к ней». Об этом было сообщено в ЦК КПСС и самому писателю. Вместо того чтобы «исправить» указанное, К. Симонов, по словам работников цензурных органов, «апеллировал к западному общественному мнению по вопросам, которые касаются внутренней политики нашей партии в области руководства литературой и искусством», чем вызвал гнев и раздражение властей. Для партийных и цензурных чиновников было неприятно убедиться в том, что советские писатели, особенно в ранге главного редактора «Литературной газеты» и журнала «Новый мир», которому хорошо известны «правила игры», нарушали их, и, вместо того чтобы «прогнуться», сами пытались противостоять власти¹³⁰.

В справке Главлита в ЦК КПСС от 29 июня 1971 г. говорилось, что «главной оппозиционной силой» в СССР является интеллигенция, творческая и техническая, которая, по мнению советологов, представляет из себя так называемое «движение сопротивления», или «демократическое движение», во главе с А. Солженицыным и А. Сахаровым. Среди апологетов инакомыслия назывались также Н. Горбаневская, В. Шаламов, В. Буковский и ряд других антисоветски настроенных лиц; высоко ценимые на Западе поэты А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Л. Мартынов, Б. Ахмадулина, скульптор В. Сидур, художник И. Глазунов¹³¹. Такая подстрекательская позиция Главлита не имела ничего общего с определенной ему задачей стоять только на охране военных и государственных тайн и явилась показателем очередной смены тактики политической цензуры, наметившейся в первой половине 1970-х гг.

Зная сегодня судьбы наших лучших и талантливейших писателей, поэтов, художников, драматургов, имея возможность полностью ознакомиться с их творчеством, можно ли спокойно воспринимать утверждения некоторых бывших начальников цензуры, прозвучавшие в ряде публикаций и на научных конференциях¹³², что ни одно по-настоящему

художественное произведение не было отвергнуто по политическим мотивам! Различные свидетельства подтверждают, как решались судьбы многих писателей, актеров, режиссеров, как закрывались спектакли, «рассыпались» тиражи книг, сносились бульдозерами художественные выставки. По одному телефонному звонку...

Наиболее талантливые и неординарные художники испытывали на себе особую опеку со стороны партийно-государственных чиновников, которые грубо внедрялись в творческий процесс, калечили не только произведения, но судьбы и души самих художников.

Одной из трагических фигур, наиболее болезненно ощущавших отсутствие свободы творчества, был А. Тарковский. Так, законченный в 1966 г. и готовый к прокату фильм «Андрей Рублев» был разрешен специальным постановлением Секретариата ЦК КПСС¹³³ от 24 августа 1971 г. В приложении к протоколу заседания Секретариата ЦК (Суслов, Кулаков, Пельше, Андропов, Демичев, Катушев, Баскаков, Зимянин, Толкунов, Тяжелников), подготовленном Отделом культуры ЦК КПСС (Ф. Ермаш) и Комитетом по кинематографии при Совете министров СССР (А. В. Романов), говорилось, что в августе 1970 г. выпуск этой кинокартины на экран был приостановлен «вследствие просчетов идейного и художественного характера». Доработка фильма проводилась авторами при участии Кинокомитета СССР, студии «Мосфильм» и доверенных режиссеров — столпов советского кинематографа — С. Ф. Бондарчука, С. А. Герасимова, Л. А. Кулиджанова, В. Н. Наумова. Под их воздействием А. А. Тарковский внес в картину существенные сокращения и изменения: «были исправлены эпизоды со скomorохом, языческого праздника, ослепления в лесу художников, новеллы “Страшный суд” и “Нашествие”, а также ряд других частей фильма, изъяты многие натуралистические моменты, хотя некоторых недостатков преодолеть не удалось». Однако главным аргументом для допуска фильма к прокату было то, что «режиссер А. Тарковский в целом правильно относился к высказываемым замечаниям и, несмотря на провокационную шумиху за рубежом, вел себя достойно». О том, чего ему это стоило, мы можем узнать из его собственных дневниковых записей. Однако, разрешая одной рукой выпуск фильма на экраны ограниченным тиражом, было дано указание «опубликовать в печати материалы, содержащие принципиальный анализ кинофильма, его достоинств и недостатков», другими словами, организовать отрицательную критику¹³⁴.

Буквально все подвергалось контролю и корректировке высших партийных органов. В 1972 г. в преддверии исторического шахматного матча между Б. Спасским и Р. Фишером Отдел пропаганды ЦК постоянно информировал ЦК о ситуации, осуществлял цензуру спортивных изданий, которые, по его мнению, чересчур «пессимистично оценивали положение в шахматном спорте страны и создавали нездоровую психологическую обстановку вокруг предстоящего матча». В качестве

назидательного примера была взята статья В. Смылова «Час пик на шахматной доске», опубликованная в газете «Труд» 4 января 1972 г., в которую по вине редактора газеты были внесены несогласованные с автором поправки, изменившие общий смысл статьи. Кроме взыскания, которое было наложено на сотрудника «Труда», было обращено внимание всех редакторов центральных газет на «необходимость улучшить спортивную информацию в печати», что на языке того времени означало организацию заказных публикаций по согласованию с Отделом пропаганды ЦК¹³⁵.

Предварительную цензуру вел КГБ, который, в частности, осуществлял агентурные действия, т. е. залезал в «портфели» и «ящики» писателей и информировал ЦК о намерениях и планах лиц, находящихся под пристальным вниманием. Так, 8 июля 1973 г. КГБ информировал ЦК о новой рукописи писателя Л. Леонова, о которой стало известно от ближнего окружения писателя. Рукопись представляла собой автобиографическую исповедь, охватывающую события периода коллективизации, голода 1933 г. и репрессий 1937 г., т. е. касалась наиболее болезненных тем. Несмотря на то что, по сведениям КГБ, рукопись не была предназначена к опубликованию, она являлась предметом беспокойства еще и потому, что одна из глав, которая называлась «Обед у Горького», была посвящена встрече М. Горького с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым. Характеризуя последних двух Леонов, как участник встречи, отмечал такие черты Сталина, как подозрительность, а Ворошилова изображал несколько ограниченным человеком. Одновременно он также выступал против появившихся, по его мнению, тенденций предать забвению понятия «русское», «русский народ», «Россия»¹³⁶. Помета на документе — «Тов. Демичеву П. Н.» — свидетельствует об устоявшемся механизме взаимодействия и принятия решений в этот период.

Таким образом, можно говорить еще об одной разновидности политической цензуры, наряду с предварительной и последующей цензурой, а именно о цензуре профилактической, с помощью которой власть имела возможность не только регулировать обнародование информации и доступ к ней, но и оперативно реагировать соответствующим образом — с помощью различных методов влияния предупреждать нежелательные действия, находящиеся за пределами официальных каналов информации. Главная роль в осуществлении этой профилактики принадлежала КГБ и его 5-му управлению. Р. Г. Пихоя приводит данные, ссылаясь на письмо КГБ от 31 октября 1975 г. «О некоторых итогах предупредительно-профилактической деятельности органов КГБ», которые свидетельствуют о том, что главными причинами преследований советских граждан были именно идеологические. На фоне десятка пойманных шпионов за период с 1959 по 1974 г. было «профилактировано» 60 тысяч граждан, из них три-четыре сотни были обвинены в антисоветской деятельности¹³⁷. Наиболее типичным обвинением, предъ-

являемым при аресте и дальнейшем следствии, было чтение и распространение «самиздатовской» и другой «антисоветской литературы». К такой литературе были отнесены следующие произведения: «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Не хлебом единым» А. Дудинцева, «Воспоминания террориста» Б. Савинкова (Издательство «Прибой». Харьков, 1926), «Из жизни Федора Кузькина» Б. Можая (Новый мир. 1966. № 7), «Моя биография» Е. Евтушенко (рукопись), «Ленин о Троцком и троцкизме» и «Новый курс» Л. Троцкого (Университет. 1925. № 1, 2), «Племена — партии — бюрократия» М. Френкля (Мировая политика и международные отношения. 1968. № 11), «Либерализм и демократия», «Дубинка для слишком умных» Л. Горбаневского (Наука и жизнь. 1968. № 1), «Почему я не ношу жилет» Л. Плешакова (Комсомольская правда. 1966. 28 июня), «Мертвым не больно» В. Быкова (Новый мир. 1966. № 10), «Януш Корчак и наши дети» А. Шарова (Новый мир. 1966. № 10), «Кончина» В. Тендрякова (Москва. 1968. № 3), «Германский фашизм» А. Галкина (Издательство «Наука», 1967). Из этого перечня видно, что как «антисоветскую литературу» КГБ рассматривал не только изданные в 1920-е гг. произведения, которые по спискам Главлита хранились в библиотечных спецхранах, но и литературу, изданную в 1960-е гг. и, соответственно, разрешенную органами цензуры. Поэтому в данном случае речь шла совсем об иных критериях и другом уровне политической цензуры: прежние нормы и позиции подвергались пересмотру в связи с новыми идеологическими задачами.

Как уже отмечалось, характерной чертой системы было ее негласное правило не оставлять следов наиболее реакционных решений и по возможности их ликвидировать. Но тем не менее архивы сохранили некоторые документальные свидетельства так называемого «телефонного права»: сводки «оснований к оперативным указаниям или приказам Главлита», а в них следующие формулировки с указаниями дат и номеров приказов: «указание тов. Яковлева А. Н. и. о. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС. 8 июля 1971 г.», «указание ЦК КПСС, переданное т. Севруком В. Н. 2. 10. 79 г.», «согласовано с КГБ», «согласие секретарей ЦК КПСС от 22. 8. 84 г. Передано по телефону т. Зорину Н. П.» и т. д. Одним из последних приказов Главлита подобного свойства, изданных по телефонному указанию секретарей ЦК КПСС от 22 августа 1984 г., был приказ № 11с от 4 сентября 1984 г. об изъятии из библиотек общего пользования и книготорговой сети книг, касающихся всех произведений В. П. Аксенова, Г. Н. Владимова, В. Н. Войновича, А. А. Зиновьева, Л. З. Конелева (Л. Яковенко, А. Кадашова), Ю. П. Любимова, Э. В. Оганесяна, Р. Д. Орловой (Конелевой), В. Я. Тарсиса¹³⁸.

Устойчивость цензурной системы отнюдь не свидетельствовала о ее надежности, а демонстрировала ограниченность и убогость самой идеи цензурирования СМИ по идеологическим мотивам, поскольку послед-

ние постоянно обновлялись по мере развития современных средств коммуникации (спутниковое телевидение, телефакс, Интернет и др.).

В изменяющихся условиях позиция и роль Главлита мало изменились. В июне 1972 г. наша страна отметила еще один юбилей, количество которых в этот период неукротимо нарастало. Правда, этот юбилей был отпразднован, в отличие от остальных, в сугубо «домашней обстановке». Мы имеем в виду 50-летие Главлита. Была создана специальная комиссия по организации празднования, в составе А. П. Охотникова (председатель комиссии), Н. П. Зорина (заместитель председателя), А. И. Андреева, Д. В. Павлова, Ф. Г. Бурибаева, Б. П. Романова, В. П. Бородина, И. А. Седова, В. И. Васильева, В. Я. Симанькова, Н. Н. Глазатова, Г. К. Семенова, М. М. Гавриловой, В. А. Солодина, Р. С. Давидова, И. И. Стовбун, В. И. Купцова, З. Н. Тимашевой, И. А. Миренской, С. Д. Фенина (приказ Главлита № 65 от 21 апреля 1972 г.)¹³⁹.

Деятельность Главлита 1970 — середины 1980-х гг. можно рассматривать как один из элементов механизма торможения, попытки хотя бы внешне сохранить лакировано-благополучный стиль официальной культуры и информационной среды. Это требовало дополнительных усилий: если в 1957 г. число замечаний, сделанных органами цензуры страны по содержанию проконтролированных материалов, составляло 467, то в 1984 г. их стало уже более 1700¹⁴⁰.

Уточнение функций и задач цензурных органов, отраженных в Положении Совета министров СССР о Главлите от 19 ноября 1974 г., имело явно демонстрационный характер и не вносило ничего принципиально нового. Основными, задачами были названы: а) охрана государственных тайн в печати, телевидении, радиовещании, кинофильмах, репертуаре зрелищных предприятий, экспозициях в музеях и выставках и материалах, предназначенных для вывоза за границу; б) предотвращение распространения в стране поступающих по открытым каналам иностранных изданий, содержащих антисоветские и антикоммунистические материалы. В числе задач назывались также: рассмотрение представляемых министерствами и ведомствами на согласование проектов ведомственных перечней сведений, не подлежащих опубликованию; информирование руководителей министерств, ведомств, издательств, органов печати и т. д. о наиболее серьезных замечаниях в области охраны государственных тайн в печати и др. Был подтвержден статус Главлита как союзно-республиканского органа, пользующегося по своему положению правами государственного комитета. Предписывалось, что приказы, инструкции и указания Главлита СССР являются обязательными для всех министерств, ведомств, органов печати и других организаций¹⁴¹. На заседании Секретариата ЦК это Положение было утверждено 12 ноября 1974 г.¹⁴²

Примечательно, что очередное обновление и утверждение нормативов Главлита происходило незадолго до обсуждения проекта закона о печати,

в котором даже предполагалось отменить цензуру. Это было лицемерным тактическим шагом власти, очередной попыткой усыпить мировое общественное мнение в связи с выполнением положений Заключительного Акта Общеευропейского совещания. 11 декабря 1975 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение о разработке Закона о печати (авторы записки Ю. В. Андропов и А. А. Громыко)¹⁴³. Проект провозглашал свободу слова и отсутствие какой бы то ни было цензуры. Однако у высшего партийного руководства хватило трезвого расчета, чтобы отказаться от этой заранее уязвимой для политических оппонентов затеи, поскольку декларативно заявленные, скопированные с законов демократических европейских государств гарантии свободы слова и печати явно не соответствовали реальной ситуации¹⁴⁴. В стране шла борьба с диссидентами, «самиздатом» и «тамиздатом». Поэтому было принято мудрое решение: лучше по-прежнему жить без Закона о печати, чем отбиваться от обвинений идеологических противников в его нарушении.

Прежние цензурные меры, учитывая реакцию международной общественности и возросшую активность правозащитного движения в СССР, не давали необходимого эффекта. Поэтому смена тактики власти по отношению к неконформистскому меньшинству была закономерной: система не могла сдерживать поток правды, предпочтя избавляться от непокорившихся. Теперь вместо политических или уголовных процессов следовали анонимные репрессивные действия КГБ, организованная травля с последующей высылкой или эмиграцией за границу.

Так, в связи с выходом на Западе книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», в преддверии его высылки из страны было принято постановление Секретариата ЦК КПСС (Протокол № 108 / 4с от 4 января 1974 г.)¹⁴⁵, в котором был определен план борьбы с писателем:

«1. Был утверждён следующий текст телеграммы совпослам!¹⁴⁶ Встретьтесь с представителями руководства друзей и передайте следующее: Реакционная печать, прежде всего в США и во Франции, начала, как вам известно, новую антисоветскую кампанию в связи с выходом книги Солженицына “Архипелаг Гулаг”. Момент выпуска этой книги совершенно очевидно выбран с таким расчетом, чтобы нанести ущерб дальнейшему развитию разрядки напряженности. Одновременно книга Солженицына, носящая антисоветский и антисоциалистический характер, направленная на дискредитацию Октябрьской революции, социализма как системы и лично В. И. Ленина, бесспорно будет использована антикоммунистами, чтобы нанести ущерб всему нашему движению, интересам революционной классовой борьбы.

С нашей стороны будут приняты меры политического и пропагандистского характера, для того чтобы в должной форме дать спокойный, аргументированный ответ на клеветническую кампанию буржуазной печати. Имеем в виду, в частности, подчеркнуть, что книга Солженицына на этот раз в более полной, чем ранее, форме раскрывает

суть контрреволюционных, по существу белогвардейских, воззрений ее автора. Она направлена не против каких-то отдельных сторон жизни в Советском Союзе, а против социалистического строя в целом, против самой идеи социалистической революции и строительства нового общества. Автор книги стремится дискредитировать саму идею коммунизма, злобно клеветает на Маркса и Энгельса, на основоположника Советского государства — В. И. Ленина. Касаясь периода гражданской войны, Солженицын расписывает решительные меры со стороны Советской власти и “забывает” сказать, что они были ответом народной власти на массовый белый террор, который был составной частью классовой борьбы буржуазии и помещиков против трудящихся и опирался на иностранную интервенцию против Советской России. В результате этого были расстреляны сотни и сотни тысяч коммунистов и беспартийных, выступавших на стороне Советской власти. Солженицын глумится над подвигом Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, полностью оправдывает тех, кто перешел на сторону Гитлера и воевал вместе с ним против собственного народа.

Даже буржуазная печать (например, агентство “Франс Пресс”) признает, что книга Солженицына не содержит каких-либо новых фактов и соображений помимо тех, которые уже широко использовались им в своих предыдущих публикациях. Дело в том, что никаких фактов такого рода современная советская жизнь не дает и дать не может. КПСС, как хорошо известно товарищам, еще на своем XX съезде твердо и определенно подвергла критике нарушения социалистической демократии и законности, имевшие место в прошлом, в 30–40-х годах, и заявила, что ничего подобного впредь никогда допущено не будет. Это наша принципиальная позиция, которую вновь подтвердил XXIV съезд КПСС, и она последовательно проводится в жизнь.

Учитывая все вышесказанное, мы хотели бы обратить внимание на новую антисоветскую кампанию и считали бы желательным, чтобы ваша партия в подходящей для нее форме дала на нее ответ. Мы исходим из того, что, как неоднократно подчеркивалось в документах вашей партии, борьба против антисоветизма является общим делом коммунистов.

(Только для Парижа. В Москве с удовлетворением обратили внимание на статью т. Лейрака в “Юманите” от 31 декабря 1973 г. Думаем, что взаимодействие наших партий в этом случае, как и во многих других, может сыграть действительную роль в деле борьбы с противниками социализма.)

2. Отданы распоряжения опубликовать в “Правде” и “Литературной газете” статьи, раскрывающие антисоветскую, антисоциалистическую суть злостных писаний Солженицына, подлинные цели пропагандистской шумихи вокруг Солженицына, поднятой на Западе.

3. Было поручено ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР в оперативном порядке распространить материалы, в которых следовало показать под-

линные политические цели враждебных делу мира и социализма писаний и деятельности Солженицына, а также раскрыть суть антисоветской кампании, направленной на разрядку международной напряженности.

4. ВААП поручалось изучить вопрос о возможности применения правовых санкций против нарушения Солженицыным норм советского законодательства и доложить ЦК КПСС по этому вопросу.

5. СМИ было поручено активизировать работу по разоблачению антинародной сущности буржуазной демократии, расизма, аморализма, буржуазной культуры, в особенности буржуазного диктата по отношению к деятелям демократической культуры»¹⁴⁷.

В этой связи следует отметить роль творческих союзов, входивших в систему политической цензуры, которые использовали такие ее формы, как «проработки», лишения привилегий, ограничения в издании и, наконец, исключение из Союза. После высылки и лишения гражданства А. И. Солженицына в июле 1974 г. эта схема стала применяться достаточно часто и воспринималась Западом, как это ни покажется странным, довольно спокойно, поскольку вынужденную эмиграцию специалисты по правам человека рассматривали более благосклонно, чем репрессии. Только в 1970-е и 1980-е гг. из СССР эмигрировали: В. Аксенов (1980), Ю. Алешковский (1979), А. Амальрик (1976), Г. Андреев, Д. Бобышев (1979), Н. Боков (1975), Ф. Берман, В. Бетаки (1973), И. Бродский (1972), В. Войнович (1980), А. Галич (1974), Л. Гальперин (1979), А. Гладилин (1976), Н. Горбаневская (1975), Ф. Горенштейн (1980), С. Довлатов (1978), Л. Друскин (1980), А. Зиновьев (1978), Л. Копелев (1980), Н. Коржавин (1974), Ю. Кублановский (1982), К. Кузминский (1975), А. Кузнецов (1969), Э. Лимонов (1974), В. Максимов (1974), Ю. Мамлеев (1975), В. Марамзин (1975), В. Нечаев (1975), В. Некрасов (1974), Р. Орлова (1980), М. Поповский (1976), А. Синявский (1973), Саша Соколов (1975), А. Солженицын (1974), Л. Халив, М. Хейфец (1980), А. Цветков (1975), Е. Эткин (1974), С. Юрьенен, Г. Владимов (1983)¹⁴⁸.

Постепенно происходила деградация творческих союзов. Они превратились в кормушку для приспособленцев и литературных чиновников с погонами. Пресловутый советский блат и система взаимных обязательств открывали конформистам дорогу в рай, т. е. ко всем имеющимся материальным благам, в том числе и изданию их произведений. Главную роль в обеспечении материальными благами играли определявшиеся Государственным комитетом по делам издательств (Госкомиздатом) тиражи сочинений писателей-функционеров. Высокие прибыли от многотиражных изданий, грандиозные государственные премии за литературные, художественные и иные «шедевры» создавали дутые образы советских классиков, имена которых сегодня не известны даже специалистам. Та же ситуация складывалась и во всех областях изобразительного искусства, кинематографе, музыке.

По сравнению с тиражами писателей-функционеров, тиражи других авторов были значительно меньше, а тираж устанавливался Госкомиздатом после соответствующего обсуждения в ССП¹⁴⁹. Бывший функционер Госкомиздата Ю. Идашкин описывал иерархию писателей-функционеров, которые имели преимущество перед другими. На первом месте стояли секретари СП СССР и союзных республик, затем — главные редактора журналов и директора издательств и, наконец, за ними — руководители региональных писательских организаций и заместители главных редакторов¹⁵⁰. Понятно, что в такой ситуации страна имела постоянный дефицит бумаги (имея миллионные тиражи партийных газет и иной партийной литературы). В 1974 г. Госкомиздат издал приказ, по которому покупка беллетристической литературы стала возможна только после сдачи определенного количества макулатуры¹⁵¹, и также создал координационный орган для предотвращения повторных изданий.

Практика политической цензуры располагала еще одним совершенным и трудно уязвимым методом, а именно идеологически скорректированным переводом, так называемой цензурой через перевод¹⁵². В результате этого, например, происходила фальсификация реального развития литературного процесса как зеркала борьбы идей в обществе и в искусстве, эта фальсификация, осуществляемая под знаком «единственно допустимой и правильной» марксистско-ленинской идеологии, находила свое выразительное явление не только в отборе, но и в своеобразном «препарировании» историко-литературных и литературоведческих произведений. Например, в панорамном обзоре тенденций британского литературоведа и критика Уолтера Аллена¹⁵³ при переводе для русского издания были пропущены страницы и разделы, отражавшие вклад в литературу таких авторов, как Джорж Оруэлл и Артур Кестлер, на протяжении десятилетий числившихся «идеологическими противниками» социалистической системы¹⁵⁴.

Подчас тяготение к «идеологической опеке» над читателями побуждало руководство издательств приносить в жертву собственному представлению о «верном» и «неверном» в литературе целые части и фрагменты художественных произведений. Красноречивый пример — «операция», произведенная над романом крупнейшего английского фантаста Артура Кларка «Космическая одиссея»¹⁵⁵ (экранизирован Стенли Кубриком), вышедшим в СССР в 1970 г. Можно представить, что идеологическое начальство смутила идея постепенной трансформации главного героя — астронавта Дэвида Боумена — в человекобожество в космосе. Автор послесловия к роману Иван Ефремов был уполномочен издательством оповестить читателей об «отсечении» финальных глав в русском переводе, как «не согласующихся с собственным, вполне научным мировоззрением Кларка»¹⁵⁶.

Еще один пример «косметического» издания — перевод страстной публицистическо-репортажной книги патриарха американской

журналистики Стадса Теркела «Работа»¹⁵⁷, осуществленный в СССР. Панорамная картина жизни в США 1970-х, представленная на 500 с лишним страницах оригинала, «сжежилась» у нас до книжечки в 12 авторских листов¹⁵⁸. Цензурирование осуществлялось прежде всего путем целенаправленного отбора, о сверхзадаче которого можно судить с полной ясностью, если добавить, что в русский текст не попали монологи таких персонажей-собеседников С. Теркела, как безработный, домашняя хозяйка и женщина легкого поведения. «Неадекватным» целям издания редакция посчитала и предпосланный книге эпиграф из Уильяма Фолкнера, не слишком соотносившийся с каноническим представлением советского общества о труде как единственном смысле и оправдании существования человека.

В творчестве любимого широкими массами читателей СССР Джона Апдайка пуристы отечественных идеологических ведомств не могли принять его подчеркнутого интереса к интимным сторонам жизни. Поэтому не случайно читающий русские переводы Д. Апдайка порою выносит впечатление, что перед ним произведение другого автора. Как правило, дело обходилось смягчением грубой лексики и опущением отдельных подробностей; однако купюра объемом в страницу печатного текста в переводе романа «Кролик, беги!»¹⁵⁹ — первой части тетралогии о Харри Энгстроме — была чревата обеднением духовного облика действующих лиц (речь идет о любовной сцене между Кроликом и его возлюбленной Рuffyю)¹⁶⁰.

Такой сравнительный анализ идеологизированного перевода можно было бы продолжить¹⁶¹. Следует заметить, что в стране, где знание иностранного языка считалось не только не обязательным, но и не всегда поощряемым, мало кто был способен читать произведения зарубежных авторов в подлиннике (тем паче, что они были практически недоступны), чтобы затем обнаружить несоответствие перевода. Примечательно, что, несмотря на очевидные цензурные искажения в изданиях переводных книг, особенно выходявших в издательстве «Прогресс», признать его деятельность хотя бы тенденциозной отказался один из его бывших ведущих сотрудников А. Мулярчик¹⁶².

Реальные данные переизданий литературы различного профиля доказывают, что законы в СССР были писаны не для всех. Например, роман Ю. Бондарева «Горячий снег» выходил по два раза в 1970, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1984, 1988 гг.; трижды в 1982, 1983, 1985 гг.; пять раз в 1986 г.; в общей сложности было организовано 38 изданий общим тиражом около 8 миллионов экземпляров. Его же роман «Берег» выдержал 18 изданий тиражом более 4 миллионов экземпляров. И это не считая республиканских¹⁶³.

В секретной записке Отдела пропаганды (Е. Тяжелыников), Отдела культуры (В. Шауро) и Отдела науки и учебных заведений (С. Щербаков) ЦК КПСС от 27 июля 1977 г. «О ходе выполнения постановлений

ЦК КПСС» (которая была посвящена периоду, включающему такие идеологически определяющие решения, как постановления ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» от 7 января 1969 г., «О недостатках в подготовке и выпуске историко-партийной литературы мемуарного характера» от 5 февраля 1974 г. и «О мерах по дальнейшему упорядочению издания литературы, экономии и рациональному использованию бумаги для печати» от 2 июня 1975 г.) помимо общих сведений «о повышении идейно-научного и художественного уровня выпускаемой литературы» и «усилении контроля и личной ответственности руководителей и каждого работника за качество публикуемых материалов», была дана оценка деятельности Главлита. Говорилось, что его работа активизировалась: Главлит систематически информирует руководителей органов печати, информации и культуры, а в необходимых случаях — партийные и советские органы об ошибках идейно-политического характера, содержащихся в материалах, предназначенных для печати или публичного использования, что существенно «улучшает» их идейное качество. Так, журнал «Плановое хозяйство» намерчал опубликовать статью Е. Юдина, в которой была представлена крайне неблагоприятная картина о положении дел в топливных отраслях народного хозяйства страны. По рекомендации Главлита статья была снята из номера. Другой пример: журнал «Дружба народов» подготовил к публикации цикл стихов Е. Евтушенко, в которых читателю навязывалась мысль о том, что в стране якобы нет подлинной демократии и что чуть ли не единственным борцом за нее выступает сам поэт. После беседы в Главлите ряд стихотворений Евтушенко был снят редакцией из номера, а в другие внесены исправления.

С печатными и электронными СМИ использовались иные формы работы. Одной из таких наиболее эффективных форм политической цензуры были совещания в ЦК, на которых не только подвергались разбору прецеденты идеологических ошибок, но давались прямые указания о содержании информационных и пропагандистских материалов. Так, в конце мая 1977 г. в Отделе пропаганды ЦК КПСС было проведено совещание с представителями органов печати, радио, телевидения по вопросам дальнейшего усиления политической бдительности и повышения ответственности руководителей средств массовой информации за идейно-политический уровень публикуемых материалов.

В издательской деятельности политическое цензурование проходило под лозунгом «осуществления системы мер по дальнейшему упорядочению выпуска литературы, экономии и рациональному использованию бумаги», а также исключения малоактуальных и дублирующих тем.

Особую бдительность политическая цензура проявила в этот период в отношении мемуарной литературы. Выпуск ее в результате «упорядо-

чения издания» был сокращен более чем в два раза. Это «упорядочение» заключалось в том, что Госкомиздатом СССР было специально разработано положение о порядке публикации мемуарных произведений, а также составлен сводный план выпуска этой литературы на 1977–1980 гг. Особое внимание в этом плане уделялось организации рецензирования. Именно на этом этапе можно было значительно сократить общее количество изданий мемуаров, не превышающее 12–15 печатных листов. Как считали в отделах пропаганды и культуры ЦК, все эти мероприятия положительно сказались на качестве выпуска мемуаров, уровне их идейно-теоретического содержания¹⁶⁴.

Любые попытки организовать самостоятельные издания, без участия Союза писателей и других идеологических инстанций, заканчивались плачевно как для самих изданий, так и для их авторов, независимо от художественного уровня представленных произведений и популярности издателей. Наиболее ярким примером подобных «инициатив» является альманах «Метрополь», с которым связаны судьбы целого поколения советских литераторов. В каком-то смысле «Дело о “Метрополе”» стало последним испытанием для творческой интеллигенции, которая пыталась найти легальные формы общения с властью. В предисловии к альманаху интеллигенция излагала свои претензии к редакционно-издательской практике в стране, которая для авторов сборника неприемлема, говорилось, что «муторная инерция, которая существует в журналах и издательствах, ведет к возникновению раздутой всеобщей ответственности за “шутку” литературы, не только не умеющей быть такой, как надо, но даже такой, как вчера». Авторы предисловия отмечали: «Эта всеобщая “ответственность” вызывает состояние застойного тихого перепуга, стремление подогнать литературную “шутку” под ранжир. Внекомплектная литература обречена порой на многолетние скитания и бездомность...»

В секретной записке Отдела культуры в ЦК КПСС от 2 января 1979 г. содержится не только реакция на эти обвинения, но и резко отрицательная оценка самих сочинений, включенных в альманах, в которых, по мнению отдела, отчетливо прослеживается преимущественное внимание к изображению негативных сторон жизни в СССР. Имеются в записке и обвинения в идейно-политической двусмысленности и злоупотреблении эротическими, подчас откровенно порнографическими сценами.

В записке представлен и авторский состав альманаха: «Всего к участию в “Метрополе” были привлечены 23 литератора. Среди них 11 членов Союза писателей СССР (кроме упоминавшихся — С. Липкин, И. Лиснянская, А. Арканов, Б. Бахтин), а также не члены Союза писателей СССР: М. Розовский, Е. Рейн, Ф. Горинштейн, П. Кожевников, Г. Сапгир, В. Высоцкий, Ю. Карабичевский, Ю. Кублановский, В. Ракитин, В. Тростников, Л. Баткин и Ю. Алешковский. (Ю. Алешковский исключен из Союза писателей СССР в связи с предстоящим выездом в

Израиль.) Для придания своему сборнику большего веса В. Аксенов пригласил к участию в нем и двух известных советских писателей. В сборник включены несколько стихов А. Вознесенского и небольшое произведение Б. Ахмадулиной. Художественное оформление альманаха осуществлено членами Союза художников СССР Б. Мессерером и Д. Боровским».

Воздействие политической цензуры на создателей альманаха выразилось в привычных формах и методах, выбор которых зависел от самых различных обстоятельств. Так, в секретариате Московской писательской организации состоялись индивидуальные беседы с А. Битовым, Ф. Искандером, Е. Поповым и В. Ерофеевым, в которых организаторам альманаха пытались «разъяснить неприглядный идеологический характер их затеи, несовместимость их действий с нормами литературной жизни». Однако эти беседы не увенчались успехом, а В. Аксенов от встречи вообще уклонился.

Реакция «литературных генералов» была иной. Первый секретарь правления Московской писательской организации Ф. Кузнецов, секретарь парткома М. Барышев, известные писатели М. Алексеев, Н. Грибачев, Ю. Жуков, А. Алексин, Я. Козловский, Л. Гинзбург, Ю. Друнина и другие в своих выступлениях на заседании организации квалифицировали действия составителей сборника как политическую провокацию, направленную на разжигание очередной антисоветской кампании на Западе, как попытку легализации «самиздата». Организаторам «Метрополя» было предложено решать вопрос об издании произведений, включенных в альманах, в соответствии с нормами советского авторского права и существующей в стране издательской практикой. Присутствовавшие на заседании В. Аксенов, А. Битов, Ф. Искандер, Е. Попов, В. Ерофеев пытались наивно представить свои действия как «заботу» о расширении художественного богатства советской литературы, уверяя, что они не были связаны с зарубежными пропагандистскими центрами и не намерены переправлять рукопись за границу.

Однако это не соответствовало действительности. В тот же вечер радиостанция «Голос Америки» сообщила, что рукописи «Метрополя» уже находятся за рубежом и вскоре будут изданы в США и во Франции.

Секретариат правления Московской писательской организации по согласованию с МГК КПСС и Союзом писателей СССР разработал меры по «нейтрализации этой вылазки». Они заключались в огульной пропагандистской кампании, которая была развязана в печати, в проведении открытого партийного собрания Московской писательской организации с повесткой дня: «Современная идеологическая борьба и задачи московских писателей».

Власть умело использовала принцип: «разделяй и властвуй». Он был реализован в виде «индивидуальной работы» с участниками сборника, проводимой на уровне МГК КПСС и руководства Московской писа-

тельской организации. Авторам произведений, которые по своему духу и направленности не противоречили идейно-эстетическим принципам советского искусства, было предложено опубликовать их в соответствующих советских изданиях¹⁶⁵. Однако конфликт так и не нашел своего разрешения и принял открытые формы. 19 января 1979 г. с письмом и просьбой разобраться в сложившейся ситуации на имя Л. И. Брежнева и М. В. Замятина обратились Б. Ахмадулина, А. Битов, В. Аксенов, В. Ерофеев, Е. Попов, Ф. Искандер¹⁶⁶.

Приближалось время великих перемен. Начиналась перестройка, которая ознаменовалась в Главлите выработкой программы по самосохранению в новых условиях. Цензуре и ее органам необходимо было найти свое место в этой сложной и непонятной пока обстановке. Поэтому, говоря на языке подобных документов, в целях усиления роли печати в пропаганде и реализации решений XXVII съезда КПСС, расширения информирования населения по актуальным вопросам социально-экономического развития страны, усиления гласности в борьбе с бюрократизмом, недостатками в производственной и хозяйственной деятельности, другими негативными явлениями, а также повышения уровня работы по защите сведений, составляющих государственную и военную тайну, и других запрещенных к открытому опубликованию данных, разглашение которых может нанести ущерб оборонным и экономическим интересам страны, Главлиту было поручено:

— совместно с соответствующими министерствами, ведомствами внести необходимые изменения в Перечень Главлита, исключив из него ограничения на опубликование: сведений политического характера, ответственность за публикацию которых возложена на руководителей средств массовой информации; отраслевых и ведомственных материалов, если их открытое опубликование не наносит ущерба оборонным и экономическим интересам нашей страны; сведений, легко получаемых потенциальным противником с помощью широко развитых технических средств разведки;

— сосредоточить внимание на вопросах, связанных с охраной государственных и военных тайн в печати, поскольку отбор произведений для публикации и ответственность за их идейно-политическое содержание возложены на руководителей органов печати, радио и телевидения, учреждений культуры и искусства;

— внести необходимые изменения и дополнения в Положение о Главлите СССР, вытекающие из его современных задач и функций¹⁶⁷.

Новые функции и задачи вполне отвечали духу времени. В стране началось развитие частной формы собственности и предпринимательства. Появилась необходимость обеспечения информационной безопасности в области экономики и ноу-хау. В 1987 г. переиздается «Перечень сведений, запрещенных к открытому опубликованию». Главное внимание сосредоточивается на охране в печати сугубо государственных тайн.

Повсеместно внедряются новые подходы к контролю материалов по их идейно-политическому содержанию: органы цензуры лишь при возникновении серьезных замечаний, не вмешиваясь в материалы, информируют о них соответствующие партийные комитеты (в 1987 г. замечаний по содержанию контролируемых материалов было почти в десять раз меньше, чем в 1984 г.).

Коренным образом стала меняться работа по контролю поступающей из-за рубежа литературы и аудиовизуальных материалов: изменились критерии оценки, значительно сократилось количество ограничиваемой для общего пользования литературы, почти вся научно-техническая, научно-популярная, справочная литература и многие другие издания были сняты с контроля Главлита; начали рушиться спецфонды библиотек, музеев, архивов.

Развернулась активная работа по пересмотру изданий, изъятых из общих фондов библиотек и книготорговой сети в 1920–1980-е гг. по приказам Главлита, и возвращению их из специальных в открытые, общие фонды библиотек; начался постепенный процесс рассекречивания архивных документов. Работа Главлита по возвращению книжного фонда из спецхранов осуществлялась по прямым указаниям из ЦК. 13 января было принято постановление ЦК КПСС Ст. № 36 / 14с о работе межведомственной комиссии в составе представителей Главлита СССР, Министерства культуры СССР и Госкомиздата СССР для пересмотра «Сводного списка книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» и частично «Списка лиц, все произведения которых подлежат изъятию». За период с марта 1987 по октябрь 1988 г. этой комиссией было возвращено в общие фонды библиотек 7930 изданий, оставлено в спецфондах 462 издания в связи с их «явно антисоветским характером», «клеветой на В. И. Ленина, КПСС, Советское государство и советский народ»; «белогвардейские, сионистские, националистические издания».

По предложению Главлита и по согласованию с Союзом писателей СССР (А. Карпов) в общие фонды библиотек были возвращены все, изданные в Советском Союзе, произведения авторов-эмигрантов: В. П. Аксенова, Р. Л. Баумволь, А. В. Белинкова, Г. Н. Владимирова, Б. М. Влэстару, В. Н. Войновича, А. А. Галича, А. Т. Гладилина, М. Демина (Г. Е. Трифонова), А. А. Зиновьева, И. Б. Керлера, Л. З. Копелева, М. Р. Копытмана, Ю. Б. Кроткова, А. В. Кузнецова, А. Л. Львова, Ю. П. Любимова, В. Е. Максимова, Х. И. Мальгийского, В. П. Некрасова, Р. Д. Орловой, Н. Д. Руденко, А. Д. Синявского, А. И. Солженицына, Г. Д. Табачника, В. Я. Тарсиса, З. А. Телесина, Е. Г. Эткинда. Кроме того, была проделана грандиозная работа по переводу из спецфондов в общие фонды библиотек зарубежных изданий на русском языке произведений авторов-эмигрантов, выехавших за рубеж в период с 1918 г. по 1988 г. Этот фонд насчитывал около 600 авторов. В их числе были И. А. Бунин,

В. В. Набоков, Н. С. Гумилев, Е. Д. Замятин, И. А. Бродский, философы и публицисты — Н. А. Бердяев, В. Ф. Ходасевич, Б. К. Зайцев и другие¹⁶⁸.

Фактически за эти немногим более чем два года Главлит вернул в открытый доступ все, что с таким упорством скрывалось в течение всей его 75-летней деятельности. Однако не стоит думать, что таким образом цензура реабилитировала себя в глазах общества. Старая машина продолжала работать в прежнем режиме: осуществлялась политическая цензура в СМИ, прежде всего в электронных средствах — на радио и телевидении; в спецхраны библиотек и на утилизацию отправлялись теперь уже произведения Л. И. Брежнева, К. У. Черненко и других. Эта «цензура наоборот», несмотря на свой курьезный оттенок, продемонстрировала несовершенство и примитивность запретительных форм политической цензуры и бесперспективность ее существования в таком виде.

Аналогичную деятельность Главлит проводил в отношении архивов в связи с решением правовых и организационных вопросов доступности архивных документов с грифом «Секретно». В этот период особое внимание общественности было приковано именно к этой проблеме. Чтобы проанализировать этот сюжет как можно корректнее, следует разграничить комплекс проблем, возникающих в процессе архивной деятельности. Это, прежде всего, проблемы, связанные с порядком доступа исследователей к архивным документам, т. е. организацией пользования архивной информацией, где со стороны архива должны быть соблюдены все условия оперативного и полного предоставления потребителям архивной информации. Со стороны исследователей, в свою очередь, должна быть предоставлена гарантия соблюдения правил работы с подлинниками или копиями архивных документов, а также их использования, т. е. непосредственного введения в научный и общественный оборот. При этом если первая группа проблем связана только с деятельностью архивных учреждений, то вторая — с состоянием нравственности и культуры в обществе, поскольку в роли публикаторов архивных документов выступают как архивисты, так и представители других специальностей, являющиеся в данном случае посредниками, ретрансляторами во взаимоотношениях между архивом и обществом.

Важной характеристикой любой архивной системы является степень доступности архивных документов, соотношение между открытой частью государственного архивного фонда и его закрытой частью. Следует отметить, что вопросы, связанные со степенью открытости в архивных учреждениях или ее отсутствием, являются предметом постоянного общественного внимания и обсуждения. Поэтому любые факты ограничения допуска к документам, их засекречивания без серьезных на то причин попадают на страницы печати и получают широкий общественный резонанс. Тем не менее в этой области существуют проблемы, решение которых лежит вне компетенции Росархива.

На протяжении всей своей истории советская архивная служба являлась одной из важнейших составляющих системы политической цензуры и была не только полностью подконтрольна партийным органам и Главлиту, но и с 1938 по 1960 г. входила в структуру НКВД – МВД. Говоря о проблеме доступности архивных документов, мы должны вернуться к середине 1950-х гг., когда возможности работы с ретроспективной информацией были сильно ограничены. В проекте строительства «архивного городка» на Б. Пироговской улице читальный зал для исследователей не был предусмотрен. Под неусыпным контролем Главлита находились немногочисленные публикации архивных документов. В циркуляре № 12104156 Главного архивного управления МВД СССР от 21 июня 1952 г. говорилось:

«В течение 1951 г. и в начале 1952 г. в Главное архивное управление МВД СССР и в редакцию журнала «Вопросы истории» поступил ряд статей о государственных архивах СССР для опубликования в журнале «Вопросы истории». Во многих статьях встречаются сведения, не подлежащие опубликованию в открытой печати. К таким сведениям относятся главным образом упоминания: 1. О полезных ископаемых; 2. О строительстве мостов, железных дорог и судоходстве на реках; 3. О численности документальных материалов архивов, о сети государственных архивов и другие сведения. Кроме того, в присылаемых статьях часто упоминаются сборники, не вышедшие в свет, а также сообщается о работе государственных архивов по подготовке путеводителей, издание которых указанием Министра внутренних дел Союза ССР прекращено. Совершенно излишне приводятся фамилии лиц, написавших диссертацию или статьи по материалам государственных архивов СССР. Имеются случаи, когда архивные органы поручают написание статей о государственных архивах лицам, не являющимся работниками архивных органов, вследствие чего эти лица вводятся в курс внутренних служебных вопросов архивных органов и знакомятся с составом и содержанием архивных фондов, что безусловно неправильно.

Главное архивное управление МВД СССР обращает внимание руководителей архивных органов и государственных архивов на необходимость более ответственной и внимательной подготовки статей о государственных архивах, предназначенных для опубликования в открытой печати. Следует строго следить за тем, чтобы сведения особой важности (по вопросам международных отношений, организации и строительства вооруженных сил, оборонной промышленности и др.) безусловно не помещались в работах, предназначенных для открытого опубликования. При подготовке статей необходимо строго придерживаться «Перечня Главлита», изд. 1949 г., о сведениях, не подлежащих опубликованию в открытой печати, с дополнениями к нему, а также приказов и указаний Министерства внутренних дел СССР и главного архивного управления МВД СССР по этому вопросу. Что касается сведений о работе партий-

ных организаций и решений партийных органов, то при этом необходимо исходить из директивы № 632 от 19 июня 1951 г. С данным письмом ознакомьте руководящих и научных сотрудников Архивного отдела и государственных архивов.

*Начальник Главного архивного управления МВД СССР, генерал-майор В. Стыров*¹⁶⁹.

Первые попытки провести определенную либерализацию допуска исследователей к закрытым для использования архивным документам предпринимались еще во второй половине 1950-х гг., в период хрущевской «оттепели». Однако вскоре большинство рассекреченных материалов вновь оказалось на «специальном хранении»¹⁷⁰. В преддверии и сразу после XX съезда КПСС группа историков, представляющих основные научные центры страны (Л. Л. Сидоров — директор Института истории АН СССР, Л. Л. Новосельский — заведующий сектором публикации источников и В. И. Шунков редактор журнала «Исторический архив»), обратились в ЦК с просьбой рассмотреть вопрос о снятии грифов секретности с целых комплексов документов, засекреченных только на том основании, что они были подписаны репрессированными лицами. Пожелания и рекомендации ученых были учтены в подготовленном проекте постановления ЦК от 3 марта 1955 г. об упорядочении режима хранения и использования архивных материалов министерств и ведомств¹⁷¹. Однако вскоре после событий в Венгрии в 1956 г. последовали резкие и решительные меры, направленные на борьбу с антипартийными «хвостистскими» проявлениями. В секретном письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», наряду с привычными обвинениями в адрес творческой интеллигенции, содержались резкие оценки деятельности научных журналов по истории, экономике, философии и праву, в которых «под видом исправления недостатка и преодоления последствий культа личности» помещаются «статьи и публикации, извращающие историю партии», они способствуют «оживлению ревизионистских взглядов и настроений у людей неустойчивых, не свободных от груза буржуазной идеологии, и активно используются антисоветскими элементами»¹⁷². Такие указания высших партийных идеологических органов ориентировали государственные архивы на то, чтобы строго охранять поступавшую на госхранение документацию от так называемого несанкционированного использования, которое могло спровоцировать гнев партийного и архивного руководства. С этими установками совпадала позиция ведомств, не заинтересованных в обнародовании документов об их деятельности.

Можно вспомнить в связи с этим один из многочисленных запретов обнародования информации, содержащейся в архивных документах. Нижеприведенный факт особенно показателен, поскольку связан с празднованием двадцатилетия со дня Победы над фашистской Германией и воз-

никшей в связи с этим скандальной ситуацией вокруг сведений о жертвах фашизма, почерпнутых из документов Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, хранящихся в ЦГАОР СССР. Потребовалось вмешательство ЦК КПСС, чтобы через двадцать лет обнародовать эти сведения. В записке Идеологического отдела ЦК от 14 января 1965 г. говорилось:

«Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил к печати и сдал в производство заключительный шестой том труда “История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.”. Книга должна выйти из печати в марте 1965 г. с расчетом ее распространения к 20-й годовщине победы над фашистской Германией. Шестой том подводит итоги Великой Отечественной войны, анализирует ее последствия, источники и причины победы Советского Союза. Вместе с тем в томе показывается и огромная тяжесть войны, а также неисчислимые жертвы, принесенные народами СССР во имя победы. В этой связи в томе приводится численность общих людских потерь — 20 млн. человек. Эта цифра называлась в официальных выступлениях главы советского правительства и уже не раз была опубликована в печати (например, журнал “Международная жизнь”. 1961. № 12. С. 8).

Однако в связи с тем, что буржуазные фальсификаторы истории относят всю цифру потерь только к Вооруженным Силам СССР, редакционная комиссия считает необходимым привести сведения об общих людских потерях Советского Союза в войне в следующей редакции: “СССР понес наибольший урон в людях (20 млн. человек). Почти половину из этих жертв составляют мирные жители и военнопленные, убитые и замученные гитлеровцами на оккупированной советской территории”.

Данные о количестве убитых и замученных взяты из обобщенных данных, подготовленных Чрезвычайной Государственной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов по сведениям на 10 декабря 1950 г. (ЦГАОР СССР. Ф. 7021. Оп. 125. Д. 3. Л. 84–86). Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати Государственного комитета Совета Министров СССР по печати не дает разрешения на опубликование этих данных, поскольку до сих пор такие заявления в печати не делались.

Идеологический отдел ЦК КПСС поддерживает предложение Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и считает целесообразным привести в шестом томе “Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.” сведения об общих людских потерях Советского Союза в войне в следующей, несколько измененной редакции: “СССР понес наибольший урон в людях (20 млн человек). Почти половину из них составляют мирные жители и военнопленные, убитые и замученные гитлеровцами на оккупированной советской территории”. Считаю также необходимым дать указание Главному управлению по охране военных и государственных тайн в печати Государственного

комитета Совета Министров по печати (тов. Охотникову А. П.), разрешающее опубликование этой формулировки в шестом указанного выше труда»¹⁷³.

Политической цензуре была подвергнута книга А. Некрича «1941, 22 июня», в которой впервые были обнародованы свидетельства и документы, проливающие свет на причины и предпосылки начала Великой Отечественной войны. Была развернута целая кампания, в которой приняли участие многочисленные «авторитетные эксперты», в том числе и генерал-майор КГБ Белоконев. На основании отзыва последнего, в котором он высказал мнение, что книгу «в теперешней редакции издавать нецелесообразно», она была запрещена и изъята из издательства «Наука»¹⁷⁴.

Если продолжить перечень ограничений, то следует указать, что в категорию документов так называемого «ограниченного доступа», как правило, включались организационно-распорядительные документы, плановые, статистические и другие наиболее ценные для исследователей материалы, отражающие механизмы принятия решений и динамику социальных процессов, протекавших в СССР на различных уровнях. Изучение несекретных документов из архивных фондов Совета министров СССР, Госплана СССР, Минфина СССР, ЦСУ СССР, МВД СССР, Прокуратуры СССР и даже Министерства культуры СССР разрешалось только после получения позитивной санкции соответствующего ведомства.

Таким образом, сложилось положение, когда из научного и общественного оборота были выведены огромные комплексы несекретной по содержанию, но имеющей специальные отметки документации, представляющей интерес для исторической и других наук; эти ограничения были связаны соображениями идеологического толка и соответствовали тому социально-политическому заказу, который Коммунистическая партия делала общественным наукам, и прежде всего истории. Разумеется, что в таких условиях ни о каком объективном документальном отражении действительности не было и речи и вся работа по использованию и публикации архивных документов сводилась к реализации чисто пропагандистских задач.

Историческая наука в СССР в этих условиях развивалась экстенсивно, а любые попытки вырваться из пут идеологических стереотипов были тщетны. Хрестоматийной с точки зрения методов руководства исторической наукой явилась кампания по критике известной статьи В. П. Данилова и С. И. Якубовской «О фигуре умолчания в исторической науке». В этой статье говорилось о невозможности освещения отечественными историками деятельности не только конкретных исторических лиц, но и учреждений, а также отдельных сфер жизни, и, в связи с отсутствием полноценной источниковой базы, всей советской истории¹⁷⁵.

Такая обстановка порождала атмосферу апатии в профессиональных исторических кругах, вызывала такие явления, как лицемерие и конъюнктуризм в определении тематики научных исследований, что для серьезных историков становилось нестерпимым и заставляло их уходить в другие профессии.

С началом гласности и всплеском невероятного интереса к истории потребовалось создание новых механизмов допуска к архивным документам повышенной общественной значимости. Следует отдать должное как потребителям, так и хранителям ретроспективной информации: они применяли максимум усилий и изобретательности для того, чтобы сделать архивные документы доступными широкой аудитории. Огромную роль в этом сыграли комиссии по рассекречиванию, специально созданные в государственных архивах¹⁷⁶. Например, подавляющее большинство документов архивного фонда самого Главлита было рассекречено именно в этот период. Говоря о доступности ретроспективной информации как важнейшем факторе политической цензуры, мы вынуждены нарушить хронологию изложения и рассмотреть эту ситуацию в аспекте современности.

До принятия закона «О государственной тайне»¹⁷⁷ (21 июля 1993 г.) процесс рассекречивания архивных документов регулировался положением ст. 20 «Основ законодательства об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» (7 июня 1993 г.). В «Основах...» впервые в истории российского архивного дела были законодательно установлены правила доступа к архивным материалам. Секретные документы (за некоторыми исключениями) в соответствии с «Основами...» становились открытыми для публичного использования после истечения 30-летнего срока со времени их создания. Материалы, содержащие сведения о личной жизни граждан (об их здоровье, семейных и интимных отношениях, имущественном положении) или создающие угрозу для их жизни и безопасности жилища, открывались для всех категорий по прошествии после их составления 75-ти лет. Предусматривались в «Основах...» и процедуры, допускающие возможность досрочного ознакомления с указанными категориями документов и дел. Остальные документы, входящие в государственную часть Архивного фонда России, как говорилось в «Основах...», «представляются для использования всем юридическим и физическим лицам»¹⁷⁸.

Указом Президента РФ от 14 января 1992 г. № 20 «О защите государственных секретов Российской Федерации», постановлением Правительства РФ от 2 апреля 1992 г. № 220 «Вопросы защиты государственных секретов Российской Федерации», а также временным положением «О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования» предусматривалась упрощенная процедура рассекречивания по отдельным группам архивных документов. Документы, созданные до 1941 г. включительно, объявлялись открытыми и подлежа-

ли полному рассекречиванию комиссиями, созданными при архивных учреждениях. Документы, созданные после 1941 г., при необходимости рассекречивались с участием представителей ведомств. В этот период были рассекречены огромные комплексы документов, только в 1992–1993 гг. были сняты ограничения с 3,5 млн дел.

Для выявления и рассекречивания документов, ставших основой доказательств на процессе по делу КПСС, была сформирована специальная Комиссия при Президенте РФ, которая оперативно рассекречивала документы АП РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ, РГАНИ. Подавляющее большинство этих документов впоследствии опубликованы.

Несмотря на достаточно благополучную картину, было очевидно, что и «Основы...» все-таки не определили четкий порядок допуска исследователей к документам. Особенно это касается документов, находящихся на временном ведомственном хранении: порядок доступа к этим документам определяется в соответствии с правилами, созданными самими учреждениями-фондообразователями. Они должны согласовывать свои решения с государственными архивными органами. Казалось бы, на первый взгляд, абсолютно бесконфликтная ситуация. Вместе с тем она несла новые, вернее, возвращала старые традиции, но на новом этапе и в новых условиях. Лишенные «Основами...» своих привилегий, отраслевые ведомственные хранения вернули свое могущество через очень краткий срок. Уже через два месяца Верховным Советом РФ был принят закон «О государственной тайне», в котором наряду с весьма позитивными положениями был определен порядок рассекречивания, в нем решающее слово было за ведомством. Указ Президента РФ от 17 марта 1994 г. об Архивном фонде Российской Федерации вернул и узаконил Прежние отраслевые депозитарные хранения¹⁷⁹ для Министерства иностранных дел РФ, федеральных служб внешней разведки и безопасности, Министерства внутренних дел РФ, Министерства обороны РФ, Министерства РФ по атомной энергии и для других организаций и учреждений. Понятно, что определяемый этим же актом порядок согласования решений и взаимодействия этих могущественных ведомств с Государственной архивной службой России не менял сути дела. Рычагов воздействия на чиновничий мир архивная служба не имела, помещений для приема документов также не было. Странно, но факт: в отсутствии правовой базы рассекречивание документов проводилось оперативно и планомерно, а когда таковая была создана, эта работа зашла в тупик.

Все последующие шаги осуществлялись в полном соответствии с имеющимися законодательными актами. Однако закономерным следствием использования вновь созданной законодательной базы стал бюрократизм. К работе привлекается большое число чиновников – представителей тех самых ведомств, которые были глубоко не заинтересованы в снятии грифов секретности и часто не имели ни времени, ни желания принимать участие в работе Межведомственной комиссии по защите

государственной тайны. При этом позиция Росархива, выражающего интересы госархивов, стала отныне по отношению к властным структурам инициативно-просительной.

Вот характерная ситуация, сложившаяся в отношениях между Росархивом и Министерством иностранных дел России. С одной стороны, согласно утвержденному Президентом России в марте 1995 г. Положению о МИД РФ¹⁸⁰, оно приобрело право постоянного хранения международных договоров России и материалов архивов внешней политики России (что не соответствует нормам «Основ законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архива»). С другой стороны, МИД РФ в соответствии с Положением об Архивном фонде РФ заключил в августе 1995 г. соглашение с Росархивом о депозитарном хранении своих документов.

Особое место в архивной системе нашей страны до определенного времени занимал Архив Президента РФ, оставшийся, несмотря на утверждение «Основ законодательства» о невозможности существования секретных архивов на территории Российской Федерации, таковым, т. е. секретным. В состав так называемого «Кремлевского» архива (VI сектор Архива Общего отдела ЦК КПСС, а с июля 1990 г. — Архив аппарата Президента СССР, сейчас — Архив Президента РФ) вошли документы Политбюро и Президиума ЦК КПСС, комиссий ЦК РКП(б) — КПСС, материалы ряда съездов и пленумов ЦК ВКП(б) — КПСС, личные фонды советских партийных и государственных деятелей, в том числе фонды И. В. Сталина, Г. М. Маленкова и других. Сосредоточив в своих фондах важнейшие документы по политической истории России XX в. и осуществляя их постоянное хранение, Архив Президента РФ стал местом для работы привилегированных исследователей; допуск к его фондам можно получить только от Администрации Президента РФ.

Одновременно с проведением работы по рассекречиванию архивных документов в периодической печати стали появляться публикации источников, носящих разоблачительный характер, однако без указания на место хранения, без должных комментариев об источниковой базе и принципах отбора документов. Такое некорректное использование архивных документов, порождающее неомифологию по сталинской формуле «История есть политика, обращенная в прошлое», вызвало справедливое возмущение специалистов и общественности. Только активное вмешательство прессы и общественности изменило это положение (Известия. № 131. 1994 г. 13 июля; № 208. 1995 г. 2 ноября и др.): оно стало причиной появления специального распоряжения Президента Российской Федерации от 22 сентября 1994 г. о порядке рассекречивания архивных документов. Этим распоряжением предусматривалась поэтапная передача документов в профильные федеральные архивы — РГАСПИ и РГАНИ. Тем не менее от принятия решения и начала научного освоения документов (в частности, методика систе-

матизации и описания в Архиве Президента РФ несколько отличается от традиционной, принятой в отечественном архивоведении) и их передачи в госархивы до обеспечения широкого и свободного допуска к ним — дистанция огромного размера. Поэтому обсуждение этой проблемы продолжилось в прежних обеспокоенных тонах. На страницах «Slavic Review» еще весной 1993 г. развернулась дискуссия американских историков (Марка фон Хагена, Элен Мицкевич и других), посвященная профессионально-этическим проблемам общения западных ученых и российских архивистов. Особое беспокойство у американских исследователей вызывало тяжелейшее положение, в котором оказались российские архивы, толкающее их руководителей на столь непопулярные «коммерческие» отношения, которые выходят за рамки общепринятых цивилизованных норм¹⁸¹. В 1994 г. Американской ассоциацией славистов и Американской ассоциацией историков создается совместная комиссия для изучения ситуации в архивном деле России, бывших союзных республик и восточно-европейских государств. Весной 1995 г. комиссия подготовила заключительный доклад, посвященный анализу развития архивного дела в России, где отмечалась, что, несмотря на некоторые позитивные изменения, связанные с принятием в 1993 г. «Основ законодательства», положение до сих пор остается далеким от желаемого¹⁸².

Принципиально поддерживая общую тональность в отношении труднодоступности ряда ведомственных архивов и, прежде всего, Архива Президента РФ, тем не менее выскажем собственную точку зрения. Безусловно, тематическая система хранения документов «по вопросам», характер видовых особенностей документов (материалы к протоколам заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК и др.) сделали коллекцию Архива Президента РФ особенно привлекательной. Попасть туда — вожделенная мечта каждого серьезного исследователя. Однако, признавая право каждого историка получать всю необходимую для работы ретроспективную информацию, надо сказать, что ажиотаж вокруг Архива Президента во многом сильно преувеличен. Уже после того, как в целом было закончено выявление документов в федеральных архивах и центрах документации для сборника документов «История советской политической цензуры»¹⁸³, автору, как ответственному составителю по ходатайству ГА РФ и Росархива была разрешена работа с фондами АП РФ. Нельзя сказать, что архив разочаровал: документы, которые удалось просмотреть и отобрать для сборника, существенно обогатили его состав. Но только добавили, уточнили и утвердили прежние концептуальные предположения. Сходной точки зрения придерживается О. В. Хлевнюк, автор монографии «Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы» (М.: РОССПЭН, 1996), который многие годы работал над фондами РГАСПИ, но так и не смог получить доступ к личному фонду И. В. Сталина в АП РФ. Он высказал мнение о том, что

для плодотворно работающего историка наступает такой момент, когда любой факт или документ только лишний раз подтверждает уже сформулированную концепцию.

Дальнейшие шаги по рассекречиванию были связаны с Указом Президента РФ от 30 марта 1994 г. № 614, в соответствии с которым функции Межведомственной комиссии по защите государственной тайны были возложены на Гостехкомиссию России, которая совместно с Росархивом разработала и утвердила 28 июня 1994 г. «Временный порядок рассекречивания и продления сроков засекречивания носителей сведений, составляющих государственную тайну, находящихся в закрытых фондах государственных архивов и центрах хранения документов». Этот документ регламентировал работу Специальной комиссии по архивам при Президенте РФ. Прекращение деятельности Спецкомиссии, которая за 1992–1993 гг. провела 37 заседаний и рассекретила свыше 6000 документов, привело к приостановлению рассекречивания документов и бывших партархивов. В этих условиях Росархив инициировал издание Президентом РФ распоряжения от 22 сентября 1994 г. № 489-рн, в соответствии с которым была образована Комиссия по рассекречиванию документов КПСС на правах структурного подразделения Межведомственной Комиссии по защите государственной тайны во главе с первым заместителем главы Администрации Президента РФ Н. П. Красавченко. Этим же распоряжением был определен состав Комиссии, куда вошли представители ФСК РФ, Службы внешней разведки (СВР) РФ, МИД, Росархива.

Комиссия по документам КПСС, которая выполняет плановую работу по рассекречиванию документов АП РФ, РГАСГТИ, РГАНИ, ЦХДМО провела 30 заседаний и рассекретила 102432 дела полностью и 826 частично за период 1994–1997 гг. Такие же комиссии были созданы в республиках Алтай, Бурятия, Карачаево-Черкессии, Удмуртии, Хабаровском крае, Краснодарской, Липецкой, Новгородской области и других местах (всего 29 административных единиц)¹⁸⁵. По необходимости к работе этой комиссии привлекались эксперты из силовых ведомств (МИД, Минобороны, СВР, ФАПСИ, МЧС и др.). Сейчас их позиция консервативна и крайне пассивна, появились организационные трудности. Работа этой комиссии временно приостановлена, что вызывает естественное возмущение общественности.

Росархив совместно с Гостехкомиссией и правительственным архивом РФ разработал «Положение о порядке рассекречивания и продления сроков засекречивания архивных документов Правительства СССР», которое было утверждено постановлением Правительства РФ 20 февраля 1995 г. Также Росархивом был разработан «Порядок рассекречивания и продления сроков засекречивания носителей сведений, составляющих государственную тайну, хранящихся в государственных и ведомственных архивах Российской Федерации», который был

направлен 17 мая 1995 г. в Гостехкомиссию и ФСБ РФ. Этот документ хотя и был доработан повторно, но до сих так и не принят.

В настоящее время Росархив готовит проект Федерального закона «О внесении изменения и дополнений в “Основы законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах”», положения которого должны привести архивное законодательство в соответствие с другими законами об информационной безопасности. Принятие нового закона должно решить следующие нижеперечисленные проблемы.

1. Делегирование полномочий федеральных органов власти – фондообразователей или их правопреемников соответствующему федеральному архиву, хранящему фонд этого ведомства. Такая работа уже была частично проделана. Так, Госкомстат дал разрешение РГАЭ рассекретить документы бывшего ЦСУ СССР до 1963 г., МВЭС – по 1930 г. включительно и т. д. Ряд министерств и ведомств, имеющих право депозитарного хранения (Минобороны, ФАПСИ, МВД и др.), определили порядок рассекречивания документов, созданных их предшественниками, в соглашениях, заключенных с Росархивом в 1994–1997 гг. Архивные комиссии при необходимости привлекают экспертов из ведомств, составляют акт, который посылается на утверждение ведомства, затем документы оформляются в соответствии с «Временной инструкцией по учету и оформлению рассекреченных дел и документов в государственных архивах, центрах хранения документации»¹⁸⁶. После этого они становятся доступными для исследователей. Срок, который исчисляется с начала работы до ее завершения, составляет от одного месяца до одного года.

2. Получение федеральными архивами информации о том, как осуществляется рассекречивание в отраслевых хранилищах и депозитариях. Так, только 21 декабря 1994 г. МИД РФ проинформировал Росархив о завершении просмотра секретных дел в архивах МИД по 1963 г. и проведении рассекречивания определенных категорий документов. С 16 ноября 1994 г. эти вопросы возложены на ЦЭК, состав которых утверждается приказом министра иностранных дел, и результаты деятельности которых Росархиву недоступны.

3. Самостоятельное проведение ведомствами работы по рассекречиванию, если они не передали свои полномочия архивам. Так, по инициативе МВД (29 сентября 1997 г.) в течение первого полугодия 1998 г. эту работу проводили постоянно действующие комиссии, было рассекречено 9244 дела за 1917–1966 гг.

4. Повторное засекречивание уже рассекреченных дел, которое имеет место. На начальном этапе, в условиях законодательного вакуума без наличия экспертизы были рассекречены и попали в СМИ многие документы. Это привело к отдельным упущениям, связанным с открытием информации, имеющей чувствительный характер, затра-

гивающей интересы государства и личности. Так, часть документов РГАНИ — протоколы заседаний Секретариата ЦК за период с 1952 по февраль 1981 г. и материалы к ним, а также документы отделов ЦК за этот же период — выдавались в читальный зал в соответствии с «Нормативной справкой РГАНИ о составе документов, открытых для использования через читальный зал» (утверждено Р. Г. Пихоей). Затем эти комплексы были закрыты, как и документы Международного отдела ЦК в РГАСПИ. Часть документов фонда № 495 (ИККИ) — секретариат Д. З. Мануильского, И. А. Пятницкого и Г. Димитрова, были открыты в 1991–1992 гг., однако вновь были закрыты в январе 1995 г. до проведения экспертизы представителями ФСБ и СВР, МИД, т. к. в этих документах содержится переписка НКВД по кадровым вопросам членов зарубежных компартий.

Второй комплекс проблем связан с осуществлением доступа пользователей к архивным документам. Информирование исследователей и общественности проводится: через читальные залы архивов; путем издания путеводителей, справочников, аннотированных перечней и указателей к фондам, с помощью популяризации архивной информации через СМИ. Так, вышли в свет путеводители по ранее засекреченным документам РГАЛИ и РГАЭ. ГА РФ осуществляет комплексную программу аннотированных указателей к фондам НКВД / МВД СССР («Особые папки» Л. Берии, В. Молотова, И. Сталина). К сожалению, нет средств для издания Бюллетеня о снятии грифов с партийных документов — материалов съездов, конференций, пленумов ПБ, ОБ, СТ, ЦКК ВКП(б), КПСС, ВЛКСМ, рассекреченных в 1994–1997 гг. Комиссией по рассекречиванию документов, и организационно-распорядительных документов высших органов государственной власти.

Доступ пользователей осуществляется в соответствии с «Основными правилами работы в государственных архивах» (1984 г.) и «Временным Положением». Тем не менее имеются случаи отказов пользователям в выдаче тех или иных комплексов документов. Срок рассмотрения просьб в таких случаях от одного до полутора месяцев. Например, за 1994–1997 гг. в РГВА обратились с подобными ходатайствами 14 российских и 3 зарубежных исследователя, а в РГАСПИ — 32 отечественных и 4 зарубежных. Самым достоверным показателем открытости архивов является работа читальных залов.

Цифры, представленные в таблице 4, подтверждают относительное снижение интереса отечественных и особенно зарубежных исследователей к документам партийных архивов и говорят о достаточно стабильном внимании к политематическим комплексам ГА РФ. Однако эти же показатели с соответствующими пояснениями свидетельствуют об относительной закрытости одних архивов по сравнению с другими.

**Количество исследователей, работающих в читальных залах
РГАСПИ, ГА РФ, ЦХСД (1994–1997 гг.)***

Архив	Итого	Отечест. Зарубеж.	1994	1995	1996	1997
РГАСПИ	4169	<u>2754</u> 1415	775 455	707 369	618 306	654 285
ГА РФ	6485	<u>5385</u> 1100	1399 298	1343 264	1248 278	1395 260
ЦХСД	1599	1191 408	462 182	331 105	161 59	237 62

* Сведения взяты из отчетных материалов Росархива.

Возвращаясь к деятельности Главлита в новых условиях, следует отметить, что, наряду с осуществлением деятельности по вышеупомянутым направлениям, на него были возложены функции, которые существенно расходились с провозглашаемыми принципами демократизации и гласности. Еще по постановлению ЦК КПСС № 177 / 77гс от 7 марта 1961 г. Главлиту было поручено осуществление негласного контроля за информацией, передаваемой иностранными корреспондентами за границу для получения необходимых сведений и своевременной организации контрпропаганды. В этих целях спецслужба Главлита была параллельно подключена к линиям связей ряда иностранных корреспондентов. Руководство Главлита 16 декабря 1988 г. обратилось в ЦК КПСС с просьбой о техническом обеспечении своей спецслужбы. Оно сообщало, что «в последнее время в связи с переходом все большего числа западных информационных агентств на передачу материалов с помощью быстродействующей компьютерной техники и других современных средств связи (например, «телефакс»), работа спецслужбы Главлита СССР, оснащенной устаревшей аппаратурой (телетайпами), значительно осложняется. Без соответствующего обновления технической базы эта спецслужба вскоре не сможет в полном объеме выполнять возложенные на нее функции». Поэтому предлагалось поручить Министерству связи СССР совместно с Комитетом государственной безопасности СССР и Главлитом СССР проработать вопрос о техническом обеспечении спецслужбы Главлита СССР¹⁸⁶. История эта имела продолжение, но уже не цензурное, а коммерческое.

В то время, когда в условиях гласности на страницах печати разворачивались бурные дискуссии, Главлит по инерции информировал ЦК партии, для которого он по-прежнему готовил обзоры-доносы мате-

риалов прессы. Так, в обзоре, посвященном Первому Съезду народных депутатов 1989 г., говорилось:

«Газеты и журналы предпочитают интервью с депутатами съезда, известными деятелями науки и культуры, публикуют письма читателей, хотя, естественно, подбор лиц для интервью, равно как и читательских писем, находится в прямой зависимости от взглядов руководителей и редакций тех или иных органов печати. К сожалению, отличительной чертой высказываемых таким образом мнений и утверждений является их бездоказательность. Пассажи, например, такого рода: “Я разочарован большинством делегатов... Формальные выборы в Верховный Совет СССР. Оскорбление Литвы, устранение на первом этапе Ельцина, извращение сути выступлений Афанасьева и Попова — предпосылки для создания нового сталинизма” (письмо читателя М. Кучкарова, «Огонек» № 25). “Ничего не ждал от съезда и мои “надежды” полностью оправдались” (письмо в газету «Труд» № 140), “Съезд шел на грани скандальности...” (мнение В. Третьякова в газете “Московские новости”) и т.п. Совсем не редкость, а очень распространенная манера подачи материалов под вывеской “личное мнение”. Не приходится говорить, что бездоказательность и неуважительность идут здесь часто рука об руку. Особенно показательны в этой связи рассуждения о “примитивном и бесплодном диктате большинства на Съезде”, как выразился в газете “Известия” № 164 В. Надеин, также имеющие широкое хождение.

Характерной чертой выступлений в печати части депутатов и читателей является и то, что особенно интересующие их вопросы, по их мнению, или прозвучали на съезде недостаточно громко, или не прозвучали вообще. Для деятелей культуры это соответственно вопросы культуры, для ученого — науки, для аграрника — вопросы развития сельского хозяйства, для эколога — экологии и т.п... К примеру, “Огонек” охотно публикует письма читателей и другие материалы, в которых выражается неудовольствие выступлениями на съезде В. Белова и В. Распутина, и ни в коем случае не допускает на свои страницы критики академика Сахарова или других членов так называемой московской группы, что, впрочем, характерно не только для этого журнала...

Необходимо отметить, что, несмотря на почти повсеместное уважение к М. С. Горбачеву, как признанному лидеру страны, в печати нет-нет да и проскакивает, как правило, слегка замаскированные выпады и в его адрес. К примеру, в юмористическом рассказе Э. Медведева “Ошибка” («Огонек» № 28) один из персонажей обращается к другому так: “И запрети Горбачеву с женой ездить. Семья рухнет. Из-за такого примера моя Акулина везде за мной тащится, даже в домино”. То, что этот персонаж далеко не положительный, понятно, дела не меняет»¹⁸⁷.

О том, какая атмосфера царил в аппарате Главлита в период наибольшего обострения взаимоотношений союзной и республиканской власти и нарастающего политического кризиса, свидетельствует стено-

грамма Всесоюзного совещания системы Главлита 20–21 марта 1990 г. Однако позволим себе привести наиболее яркий фрагмент из выступления руководителя Главлита В. А. Болдырева, свидетельствующего о том, что даже в преддверии законодательной отмены цензуры Главлит не собирался сдавать свои позиции:

«Прозвучал тезис относительно того, что мы снимаем то, се, пятое, десятое. И остаемся непонятно с чем. Зачем это? Если мы посмотрим, чем мы будем заниматься, то работы будет не меньше, а может быть, даже больше. Потому что у нас появляется та сторона проблемы, которой не было раньше. Это внештатные редакторы, которые являются ответственными работниками средств массовой информации. Это — наполовину наша работа. Мы их будем учить, мы их будем контролировать, справки им давать. И они будут на связи с нами все время, чтобы они чувствовали себя нашими работниками. Эта проблема не продумана.

И должен сказать, что, к моему большому удовольствию, видно было, насколько внештатные работники, назначенные ответственные работники редакций и издательств, они освобожденные вообще, они занимаются только охраной государственных тайн. Некоторые работают на полставки, они наполовину освобождены, некоторые работают с определенной доплатой. Формы различные, как в редакции. Но в принципе они работники наполовину наши, даже в большей степени и по системе, и по ограничению, и все остальное. Но для этого, для того, чтобы руководить вот этой армией, а это целая армия с учетом того, что количество средств массовой информации увеличится. У нас в Москве теперь каждый район газеты выпускает и т. д., и т. д. И нам не под силу везде иметь своего человека. Надо будет учить этих людей, контролировать этих людей, общаться с этими людьми и т. д. Следовательно, уровень квалификации наших работников должен будет существенно возрастать. Одно дело — самому на каком-то участке работать, а второе дело — учить, как делать правильно и очень доходчиво разъяснять все наши нюансы.

Кроме того..., плюс к этому изменится последующий контроль. Я-то убежден, что он в значительной степени увеличится по объему у нас, потому что раз выпадает у нас предварительный контроль, в какой-то степени, то, естественно, центр тяжести перейдет в известной степени на последующий контроль, плюс музеи, выставки, вывоз, ввоз иностранной литературы и т. д. и т. д. Я вам скажу, давайте не будем мы себе рисовать картинки, что мы с вами сегодня у разбитого корыта, и нечего нам делать. Ей богу, вот собираемся мы в следующий раз с вами, у нас, наверное, будет другая тональность нашего разговора в том плане, что у нас не хватает сил охватить вот этот огромный участок, который нам предстоит. То есть иными словами, как Наполеон говаривал: вязаться в бой сначала надо, а потом мы посмотрим, что

будет из этого дела. Конечно, какие-то вещи мыотрегулируем по ходу действий...

Но я поделюсь с вами еще одно мыслью. У нас разрабатывается Закон о военном положении, которое вправе вводить Президент, Верховный Совет и т. д., и т. д. А что это такое? С моей точки зрения, введение такого положения обязательно предполагает контроль и средств массовой информации. Кто это должен делать? Значит, должна быть квалифицированная, готовая к действию сила, которая могла бы это осуществить в любой момент, который наступит. Давайте мы с вами все это дело ликвидируем, а потом будем вводить чрезвычайное положение, и будем вводить туда цензуру. Кто ее будет проводить? Так вот, априорно посмотрим на эти вещи. Я не буду брать все аспекты проблем, которые существуют, я просто их на выборку беру. Но я повторяю, что сегодня говорить относительно того, что мы с вами у разбитого корыта и нет ничего, с моей точки зрения, преждевременно, по крайней мере...

Следующая более частная проблема, которую мне хотелось бы здесь затронуть. Я так вижу и, вообще говоря, вы сами чувствуете, вот этот ГУОГП не по сердцу ни мне, ни вам. Я почувствовал ваше отношение к этому. Название надо продумать. Очень хорошее название — Главлит, сроднились мы с ним, хорошо читается, музыкальное. Но, с другой стороны, все нападки не на Главное управление по охране государственной тайны, а все на Главлит. Главлит и цензура — это настолько сросшиеся понятия, что оставить Главлит — это все равно, что оставить цензуру. Поэтому перспективы и того, чтобы, как говорится, переложить ружье на другое плечо, нам надо бы это сделать. Придумаем что-нибудь доброе — будет другое название. Нет — придется оставить старое. Но я надеюсь на вашу мудрость, шлите телеграммы, звоните, если вам придет что-нибудь доброе в голову...

И последнее. Я думаю, что мы высказались по разным аспектам. Что касается конкретного положения, то мы условились о последующем порядке работы. Что касается ваших предложений, а их было предостаточно, мы их все зафиксировали. И вот товарищи добросовестно несут свою вахту, стенографируют материал. И мы очень детально и тщательно будем прорабатывать каждое ваше предложение. С тем, чтобы это стало у нас традицией. Я хочу сказать вам всем слова благодарности за все ваши высказывания, а мы соответственно будем все претворять в жизнь. Я думаю, что недалеко то время, когда мы с вами проведем региональное совещание, а до того мы вас обеспечим всеми руководящими документами, где будет четко от "А" до "Я" ясно как действовать. Желаю вам успехов, здоровья, до свидания! (Аплодисменты)¹⁸⁸.

Между тем в стране шли процессы развития законодательной базы, закрепляющей демократические завоевания перестройки. В июне 1990 г. Верховный Совет СССР после продолжительных обсуждений принял Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации»,

который законодательно закрепил отсутствие какой бы то ни было предварительной цензуры¹⁸⁹.

Исполняя волю законодателей, Совет министров СССР признал утратившим силу Положение о Главлите и создал другую контору, мало чем отличающуюся от него по сути — Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации (ГУОТ) при Совете министров СССР¹⁹⁰ «Новорожденный» поразил всех масштабами своей деятельности, разродившись через 22 дня после вступления в силу закона о печати и запрета цензуры новым «Перечнем сведений, запрещенных к опубликованию», изданным тиражом 20 тысяч экземпляров.

События следующих месяцев, разворачивавшиеся вокруг удушения гласности, попытки реанимировать систему Главлита под новой вывеской, наконец, август 1991 г., продемонстрировавший с очевидностью реальную опасность консервативной оппозиции, бастионом которой являлся цензурный аппарат, показали всю декоративность проводившихся реформ. Одним из наиболее «ярких» деяний новоиспеченного управления, численность которого, по сравнению с численностью сотрудников Главлита хоть и сократилась на 30%, однако руководящий состав остался прежним (В. А. Болдырев был руководителем Главлита, ГУОТа, а впоследствии и Агентства по защите государственных секретов в средствах массовой информации, его заместители также не менялись), явились подготовленные тексты указов Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по охране общественной нравственности и пресечению пропаганды насилия, жестокости и порнографии» и «О защите чести и достоинства Президента СССР», по которым преследовались и были осуждены не один десяток человек¹⁹¹.

В письмах на имя М. С. Горбачева, В. С. Павлова и И. С. Силаева руководство государственной цензурой обвиняло прессу и электронные средства массовой информации в разжигании национальной ненависти, дестабилизации и дискредитации государственной власти, клевете на высшие должностные лица, пропаганде насилия и порнографии, требовало оставить за ним руководящие функции общесоюзного масштаба¹⁹².

Тем не менее принятие Российским Верховным Советом закона о СМИ повлекло за собой неизбежный распад контролирующей системы, и после непродолжительной борьбы за выживание, 25 июля 1991 г. ГУОТ был преобразован в Агентство по защите государственных секретов в средствах массовой информации при Министерстве информации и печати СССР¹⁹³. Поразительна в этом смысле картина, демонстрирующая способность цензуры как системы к самосохранению и самовоссозданию. Уже в сентябре — октябре 1991 г., практически вскоре после августовских событий, руководство Агентства предпринимает неоднократные попытки вновь восстановить прежний статус и значение своего органа, прикрываясь различными мотивами, в частности, вполне

отражающими дух времени, — охраной экономических и коммерческих тайн¹⁹⁴. Видимо, в этих же целях было создано малое предприятие «Инфотека», одним из учредителей которого стал первый заместитель начальника ГУ ОТ Н. П. Зорин, а в качестве уставного капитала была передана дорогостоящая техника и оборудование, предоставленные для развития технических возможностей цензуры, а также помещение, находящееся в государственной собственности¹⁹⁵.

25 октября 1991 г. «в целях выполнения указания Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР (Г. А. Явлинский) от 23.10.91 и в связи с Указом Президента РСФСР от 20.08.91 № 66 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», постановления Совета министров РСФСР от 15.10.91 № 545 «О совершенствовании государственного управления в сфере печати и средств массовой информации на территории РСФСР» и приказа Мининформпечати СССР от 24.10.91 № 60 «О работе ликвидационной комиссии Мининформпечати СССР» была создана комиссия по ликвидации Агентства, которая завершила свою работу 25 декабря 1991 г.¹⁹⁶

Архивные документы и документы текущего делопроизводства Агентства в соответствии с распоряжением Правительства РСФСР от 14 ноября 1991 г. № 8-р об обеспечении сохранности документов ликвидированных министерств и ведомств СССР¹⁹⁷ были переданы на государственное хранение в ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ), где приступили к их научно-технической обработке, рассекречиванию и научно-исследовательскому освоению.

Начался новый, очередной этап существования политической цензуры в «бесцензурном пространстве». Появление в 1992 г. Государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации при Мининформпечати Российской Федерации, борьба за телерадиовещание и газеты между Верховным Советом и правительством, появление в июле 1993 г. Закона о государственной тайне¹⁹⁸ воссоздавшего институт охраны и диктат так называемой межведомственной комиссии, наконец, введение особого режима цензуры на два дня после кровавых событий 2–3 октября 1993 г. — новая фактография истории. В этой связи вспоминаются слова, произнесенные Владимиром Познером на собрания трудового коллектива Всесоюзной телерадиовещательной компании в Останкине 27 августа 1991 г.: «В сказке Евгения Шварца “Дракон” есть сцена, когда Ланселот, увидев, что все покоряются дракону, отдают ему дочерей и никто не сопротивляется — ведь все хорошо: очень чистый воздух, хорошая вода — вызывает его на бой. Дракон с ним встречается на площади города один на один. Такой с виду грубоватый, немолодой человек и говорит: “Эй, ты, дурак, зачем ты вызвал меня на бой? Я же тебя убью”. — “Так ведь что делать, я не могу, я должен с тобой воевать”. — “Неужели ты думаешь, что эти люди этого хотят? Да они тебя боятся. Я же их кроил по своему образу и подобию

300 лет. Это исковерканные души, больные души, изломанные души. Они тебя боятся»».

Я к чему рассказал это? Почему мы должны удивляться, что кто-то трусил, кто-то не был героем, и ведь большинство? Это же про нас сказка. Это не ново, что люди боятся. Страх — это естественное проявление человека. Хуже, когда из-за страха человек начинает делать подлости»¹⁹⁹. Современные манипулятивные действия политтехнологов, утрата общественной значимости прессы как важнейшего социально-политического института, квазицензура и есть результат и последствия страха в его самом негативном проявлении.

Примечания

- 1 Архив Гостелерадио СССР. Оп. 1 л / с. Д. 102. Л. 126.
- 2 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 19. Л. 155–161.
- 3 Там же. Л. 153–154.
- 4 В период с 1931 по 1934 гг. были приняты следующие решения по этому поводу: постановления СНК СССР № 2103 / 472с от 23 сентября г. № 2430-573с от 4 ноября 1933 г., № 270 / 46с от 15 февраля 1933 г. и постановление СНК РСФСР № 31 от 6 июня 1931 г.
- 5 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 12. Л. 155.
- 6 Там же. Д. 19. Л. 156–161.
- 7 Там же. Л. 157-158.
- 8 Сигачев Ю. Письма из ада // Труд-7. 30 апреля 1999 г. С. 18.
- 9 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 19. Л. 79
- 10 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 29. Л. 653.
- 11 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 19. Л. 88.
- 12 Там же. Д. 29. Л. 119.
- 13 Там же. Л. 118.
- 14 Там же. Оп. 2. Д. 30. 3–Зоб.
- 15 Там же. Л. 13-14.
- 16 Там же. Оп. 1. Д. 123. Л. 37.
- 17 Там же.
- 18 Ситуация с подготовкой брошюры подробно излагалась в письме Н. Г. Садчикова в ЦК ВКП(б), секретарю ЦК Щербакову А. С. от 28 июля 1943 г.
- 19 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 123. Л. 40–41.
- 20 К сожалению, документы по этому делу, хранящиеся в ЦА ФСБ, не были выданы.
- 21 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 36. Л. 38об.
- 22 Там же. Д. 69. Л. 80.
- 23 Там же. Оп. 1. Д. 503. Л. 47.
- 24 Там же. Оп. 2. Д. 61. Л. 4.

- 25 Там же. Л. 11.
- 26 Там же. Л. 10.
- 27 Вспоминается «Покаяние» Ч. Абуладзе, где в одну ночь арестовывают и свозят во двор местного управления внутренних дел всех однофамильцев врага народа.
- 28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 271. Л. 11, 13.
- 29 Проверка проводилась в результате жалобы академика Е. Варги, направленной на имя И. В. Сталина и А. Щербакова, в которой он описывал «все круги ада», которые должен был пройти любой научный труд, требующий своевременного опубликования. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 270. Л. 9–13).
- 30 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 270. Л. 14–19.
- 31 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 498. Л. 24.
- 32 Там же. Д. 29. Л. 17–18об.
- 33 Там же. Д. 1386. Л. 1.
- 34 Там же. Д. 308.
- 35 Там же. Оп. 4. Д. 240.
- 36 Там же. Д. 673.
- 37 Там же. Д. 308. Все дело сформировано из донесений цензоров по хронологическому принципу, листы не пронумерованы.
- 38 Там же. Д. 604. Л. 87.
- 39 Там же. Д. 401. Л. 9–10.
- 40 Там же. Д. 508. Л. 3–7.
- 41 АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 37. Л. 128–129.
- 42 Известия. 1947. 10 июня. С. 1.
- 43 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 88. Л. 8.
- 44 Там же. Д. 92. Л. 92–96.
- 45 Там же. Оп. Д. 808. Л. 9–17.
- 46 Там же. Д. 781. Л. 32–35.
- 47 Там же. Д. 604. Л. 44.
- 48 Там же. Д. 512. Л. 129.
- 49 Там же. Д. 401. Л. 30–31.
- 50 Там же. Д. 771. Л. 1–9.
- 51 Подробнее об истории подготовки этого постановления см.: Бабиченко Д. Л. И. Сталин: «Доберемся до всех»: (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943–1946 гг.) // «Исключить всякие упоминания...» Очерки истории советской цензуры. С. 139–189.
- 52 Лазарев Л. И. «Как бы ни была горька...» // Коммунист. 1991. № 8. С. 28.
- 53 Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 77, 78.
- 54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1057. Л. 2.
- 55 «Литературный фронт»: История политической цензуры. 1932–1946 гг. Сборник документов. М., 1994. С. 202.

- 56 Там же. С. 214.
- 57 Вопросы истории. 1991. № 10–11. С. 64.
- 58 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 404. Л. 57.
- 59 Там же. Оп. 2. Д. 84. Л. 178.
- 60 Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1990. С. 93.
- 61 Бабиченко Д. Л. Указ. соч. С. 187–189.
- 62 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 635. Л. 28.
- 63 Там же. Оп. 17. Д. 392. Л. 37.
- 64 Там же. Д. 389. Л. 158–163.
- 65 Там же. Оп. 59. Д. 72. Л. 126–128.
- 66 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 827. Л. 20.
- 67 Пр. ПБ № 40 от 26 октября 1953 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 6).
- 68 Пр. СТ № 39 / 2с от 24 августа 1953 г. (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 75. Л. 3).
- 69 Пр. СТ № 42 / 7с от 2 октября 1953 г. (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26–28).
- 70 АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 10–12.
- 71 Пр. Президиума № 105 / 19 от 31 января 1955 г.
- 72 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 125. Л. 17.
- 73 Советская культура. 1955. 15 февр.
- 74 Там же. 17 февр.
- 75 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 130. Л. 23–30.
- 76 Пр. Президиума № 131 от 14 июля 1955 г. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 22).
- 77 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 96–109.
- 78 Там же. Ф. 89. Перечень 6. Док. 2.
- 79 Пр. СТ № 28 / 2с от 27 ноября 1956 г.
- 80 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 15. Д. 50. Л. 6.
- 81 Пр. СТ № 32 / 5с от 23 февраля 1957 г. (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 15. Д. 50. Л. 6).
- 82 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 15. Д. 54. Л. 60.
- 83 Пр. СТ № 37 / 24с от 3 апреля 1957 г.
- 84 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 15. Д. 57. Л. 59–62.
- 85 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1в (6). № 453. С. 13.
- 86 АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 269. Л. 8.
- 87 Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964. Документы. М., 1998. С. 25–26.
- 88 Кокурин А., Петров Н. КГБ: Структура, функции, кадры (1954–1967) // Свободная мысль. 1998. № 2. С. 110–126.
- 89 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 320. Л. 15–16.
- 90 Там же. Д. 491. Л. 32–41.
- 91 Там же. Д. 319. Л. 138–144.
- 92 Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 16. Л. 68–72.

- 93 Там же. Ф. 5. Оп. 55. Д. 44. Л. 14–15.
- 94 Там же. Л. 13–16.
- 95 АП РФ. Ф. 3. Он. 34. Д. 250. Л. 15–19.
- 96 Комплекс документов, посвященных В. Гроссману, хранится в фонде Политбюро ЦК КПСС в Архиве Президента РФ.
- 97 Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 1996. С. 160–190.
- 98 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 462. Л. 249–256.
- 99 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 372. Л. 2–Зоб.
- 100 Там же. Оп. 1. Д. 1217. Л. 41–42.
- 101 Там же. Л. 43–44.
- 102 Там же. Л. 34–35.
- 103 Там же. Д. 432. Л. 1.
- 104 Там же. Д. 1254. Л. 231–273.
- 105 Там же. Д. 1261. Л. 7–9.
- 106 В справке ЦК КПСС СИ. Якубовская по небрежности фигурирует то как «И. Якубовская», то как «И. Якубовский».
- 107 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1261. Л. 10–27.
- 108 См. об этом подробнее: Горяева Т. М. Главлит и литература в период «литературно-политического брожения в Советском Союзе» // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 276–321.
- 109 АП РФ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 643. Л. 42–47.
- 110 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 56. Л. 189–192.
- 111 Костерин А. Е., 1896 года рождения, известно, что в 1918–1920 гг. он принимал участие в Гражданской войне. Позднее, получив неполное высшее образование, сотрудничал в газетах «Известия» и «Гудок». Начиная с 1922 г., он примыкал к различным троцкистским группировкам. В мае 1938 г. был арестован, находился в заключении и ссылке до 1955 г., впоследствии приговор был отменен и дело производством прекращено. Костерин неоднократно исключался из партии: в 1922 г. за бытовое разложение, в 1938 г. за сокрытие порочащих его родственников сведений и в 1958 г. за антипартийное поведение, выразившееся в изготовлении и распространении «клеветнического» письма, которое нанесло политический ущерб восстановлению Чечено-Ингушской АССР. С июня 1959 г. Костерин восстановлен в партии.
- 112 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 56. Л. 248.
- 113 Там же. Л. 249–258.
- 114 АП РФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 8. Л. 46–56.
- 115 Там же. Л. 55.
- 116 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1294. Л. 28–42.
- 117 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 131. Л. 2–6.
- 118 Там же. Ф. 5. Оп. 61. Д. 668. Л. 1–4.

- 119 Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс — Москва. 1990. С. 209.
- 120 Амальрик А. Записки диссидента. Ардис, 1982. С. 11–13, 37, 66–68.
- 121 См.: Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе. Каталог выставки. Москва. Май — июнь 1993 г. Ч. 1. М., 1993.
- 122 Хроника текущих событий. Вып. 5. С. 102.
- 123 Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс — Москва. 1990. С. 210–211.
- 124 Хроника текущих событий. Вып. 5. С. 102–103.
- 125 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 668. Л. 4.
- 126 Об это подробнее см.: Алексеева Л. Указ. соч. С. 231–232.
- 127 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1294. Л. 66–68.
- 128 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 763. Д. 112. 16–27.
- 129 Там же. Д. 146. Л. 22.
- 130 Там же. Л. 23–26.
- 131 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1396. Л. 111–113.
- 132 Конференция «Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе» (25–28 мая 1993 г., Москве), организованная ВГБИЛ им. М. И. Рудомино и Иллинойским университетом (США).
- 133 Пр. СТ № 13 от 24 августа 1971 г.
- 134 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 72. Л. 27–32.
- 135 Там же. Д. 77. Л. 7.
- 136 Там же. Оп. 66. Д. 1034. Л. 88.
- 137 Пихоя Р. Г. СССР: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 365–366.
- 138 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1в (б). № 453. С. 17–18.
- 139 Там же. Оп. 2. Д. 578. Л. 16.
- 140 Там же. Оп. 1в (б). № 453. С. 16.
- 141 Там же. С. 14.
- 142 Пр. СТ № 146 от 12 ноября 1974 г. П. 7.
- 143 АП РФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 8. Л. 136–137.
- 144 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1556. Л. 160–17, 52–54.
- 145 На заседании Секретариата ЦК присутствовали: Суслов, Пельше, Демичев, Пономарев, Соломенцев, Устинов, Капитонов, Катушев.
- 146 Телеграмма была послана шрифтом КГБ в Берлин, Прагу, Будапешт, Варшаву, Софию, Улан-Батор, Гавану, Париж, Бонн, Лондон, Брюссель, Рим, Копенгаген, Вену, Буэнос-Айрес, Нью-Йорк.
- 147 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 28. Д. 138. Л. 21–23.
- 148 Приводится список из кн.: Кречмар Д. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1997. С. 220.
- 149 Вигилянский В. Гражданская война в литературе, или О том, как помочь читателю Льва Николаевича // Огонек. 1988. № 43. С. 6–8;

- Жукова Т. Кому повею цифирь свою // Книжное обозрение. 1988. 3 июня. С. 2.
- ¹⁵⁰ Книжное обозрение. 1987. № 8.
- ¹⁵¹ Социалистическая индустрия. 1974. 14 сент.
- ¹⁵² Цензура иностранных книг в Российской Империи и Советском Союзе. С. 82–88.
- ¹⁵³ Allen, Walter. Tradition and Dream: A critical survey of British and American Fiction from the 1920s to the Present Day. Lnd., 1964.
- ¹⁵⁴ Аллен У. Традиция и мечта: Критический обзор английской и американской прозы с 20-х годов до сегодняшнего дня. М.: Прогресс, 1970.
- ¹⁵⁵ Clark A. C. 2001: A Space Odyssey; based on the Screenplay by Arthur C Charles and Stanley Kubrick. London: Hutchinson, 1968.
- ¹⁵⁶ Кларк А. Космическая Одиссея 2001 года: Сборник научно-фантастических произведений / Послесловие И. Ефремова. М.: Мир, 1970.
- ¹⁵⁷ Terkel S. Working: People Talk About What They Do All & How They Feel About What They Do. N. Y.: Pantheon Books, 1974.
- ¹⁵⁸ Теркел С. Работа: Люди рассказывают о своей каждодневной работе и о том, как они к этой работе относятся. М.: Прогресс, 1978.
- ¹⁵⁹ Urdike J. Rabbit run: A novel. N. Y.: Knopf, 1960.
- ¹⁶⁰ Апдайк Д. Кролик, беги!; Давай поженимся: Романы / Пер. с англ. / Вступ. статья А. Мулярчика. М.: Художественная литература, 1979.
- ¹⁶¹ Анализ был проведен Н. Пальцевым для каталога «Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе» (С. 82–88).
- ¹⁶² Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе. М., 1993. С. 68–70.
- ¹⁶³ Кречмар Д. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1997. С. 221.
- ¹⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 262. Л. 114–118.
- ¹⁶⁵ Примечательно, что страсти вокруг этого до сих пор не могут утихнуть. Несмотря на то, что все участники событий давно заняли свои места в отечественной литературе, акценты не могут быть расставлены окончательно, пока документы Московского отделения Союза писателей РСФСР не будут доступны. В настоящее время, вопреки всем существующим правилам, они находятся на хранении в ИМЛИ, которым руководит Ф. Кузнецов, и не выдаются в читальный зал.
- ¹⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 25–28.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 28.
- ¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1в (б). № 453. С. 18.
- ¹⁶⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 135. Л. 22–25.
- ¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 813. Л. 50–51.

- 171 Елпатьевский А. В. О рассекречивании архивных фондов // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 15–20.
- 172 Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 59.
- 173 ЦД «Народный архив». Ф. 104 («Гласность», редакция независимого журнала).
- 174 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 123. Л. 23–24. Приложенная справка составлена на основе данных Отдела по учету злодеяний (ЦГАОР СССР. Ф. 7021. Оп. 125. Д. 3. Л. 84–86).
- 175 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1211. Л. 133–135.
- 176 История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Отв. сост. Г. М. Горяева. М., 1997. С. 159–163, 557.
- 177 Елпатьевский А. В. Указ. соч. С. 15–20; Козлов В. П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева и А. П. Логунова. М., 1996. С. 522–537; Павлова Г. Ф. Рассекречивание документов в государственных архивах: некоторые итоги, законодательная база, проблемы // Вестник архивиста. 1994. № 1 (19)–2 (20). С. 2–11; Все остается Мне-мозине // Индекс. Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 12–49.
- 178 Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1, редакция 6 июня 1997 г.
- 179 Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 8.
- 180 Там же. 1994. № 3. С. 3–8.
- 181 СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1033.
- 182 Mickiewicz Ellen. The Commercialization of Scholarship; von Hagen Mark. The Archival Gold Rush; Arch Getty J. Do We Need a Code of Behavior; Fink Carole. Resolution of the AHA Council // Slavic Review. Spring 1993. 52. No. 1. P. 85–106; «Slavic Review» о проблемах российских архивов // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 95–105.
- 183 Final Report of Joint Task Force on Archives American Association for the Advancement of Slavic Studies and the American Historical Association. 1 April 1995 // Slavic Review. Summer 1995. 54. No. 2. P. 407–426.
- 184 История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Отв. Сост. Т. М. Горяева. М., 1997.
- 185 Приказ Росархива № 83 от 11 ноября 1994 г.
- 186 Приказ Росархива № 79 от 7 декабря 1995 г. Данные о рассекречивании архивных документов охватывают период до 2000 года.
- 187 Куранты. 1992. 7 июля.
- 188 ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 1063. Л. 68–74.
- 189 Там же. Д. 1104. Л. 244–262.
- 190 Закон о печати и других средствах массовой информации. Закон СССР. Закон и Положение. М., 1990; Батурич Ю. и др. Закон о средствах массовой информации (республиканский вари-

ант). Авторский проект. М., 1991; Закон Российской Федерации о средствах массовой информации. Постановление Верховного Совета РСФСР. М., 1992.

- ¹⁹¹ Постановление Совета министров СССР от 24 августа 1990 г. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 1091. Л. 4–6об.
- ¹⁹² ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 1092. Л. 183–187; Д. 1117. Л. 15 и др.
- ¹⁹³ Там же. Д. 1117. Л. 48–51, 57 и др.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 71–73, 80–82.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 83–85.
- ¹⁹⁶ Там же. Д. 1119. Л. 25–39.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 40–41.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 50.
- ¹⁹⁹ Российская газета. 1993. 16 сентября.
- ²⁰⁰ Экспресс-информация «Бюллетеня инновещания». 1991. Вып. 4. С. 9–17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга является результатом системного анализа исторического опыта советской политической цензуры как единого, целостного процесса. Исследование показало, что только подобный подход, включающий изучение структуры, содержания и механизмов политической цензуры как важнейшей части политической системы, позволяет выйти на новый уровень знаний об истории советского государства, его идеологического и административного аппарата. Главным итогом является вывод о том, что без систематизированных знаний о механизме функционирования политической цензуры как совокупности идеологических принципов и норм сегодня нельзя говорить о полноценном и объективном представлении о закономерностях и особенностях исторического развития советского общества. В этом заключается особая значимость для отечественной исторической науки результатов данного исследования, заставляющих существенно уточнить многие устоявшиеся понятия в историографии, и прежде всего ранее принятое одностороннее представление о цензуре. Неоспоримой является ее отрицательная роль при тоталитарной власти, использующей цензуру в политических целях, когда небольшая группа людей навязывает свою волю остальным. Ярко выраженный политический характер советской цензуры особенно очевиден при сравнении с отечественным и зарубежным историческим опытом. Особой чертой советской цензуры, отличающей ее от царской, несмотря на определенную преемственность, является отсутствие законности и, отсюда, полная неопределенность, размытость допустимых норм и запретительных критериев. С другой стороны, анализ зарубежной правовой базы свидетельствует, что цензура в ее нормативном проявлении (охрана государственной, военной, экономической тайн, тайны личной жизни и пр.) представляет собой важный элемент управленческой структуры общества и является естественной составляющей государства и его политической системы. И, наконец, цензуру можно рассматривать не только с позиций взаимодействия государства и общества, а в связи с психофизической природой человека, интерпретировать цензуру как инстинкт запрета. Именно этим можно объяснить такие свойства цензуры, как приспособляемость и самовоссоздание.

Не менее важными являются и выводы, которые подтверждают определяющую роль политической цензуры в развитии духовной жизни общества и культуры. Во все времена культура испытывала на себе жесткое давление власти, преодоление которого и было высшим проявлением творческого начала и эволюции мысли. Институт цензуры стал своеобразным «водоразделом», между культурой официальной и неофициальной, подпольной, обладающей особой притягательной силой «запретного плода», оказывающей на аудиторию огромное воздействие. При этом история культуры демонстрирует противоречивость и неоднозначность этого явления: чем сильнее выражены условия выживания, тем более высокого уровня развития достигает культура. С точки зрения культурной антропологии, этот эффект объясняется тем, что экстремальные условия, в данном случае политико-идеологические являются для культуры питательной средой. Однако такую культуру, представляющую результат борьбы между темным и светлым, тайным и явным, следует считать культурой «детского» периода вызревания цивилизации, признаком ее недоразвитости. Можно предположить, что в будущем неизбежным станет «повзреление» культуры большого общества и превращение ее в «нормальную».

Целостный анализ совокупности институтов, связанных с функционированием политической власти, позволил сделать выводы о том, что цензура в СССР, независимо от ее ведомственной принадлежности, в подавляющем проявлении имела политический характер и по своим целевым и функциональным характеристикам представляла часть политической инфраструктуры. При сложившемся тоталитарном типе власти цензура являлась важнейшим орудием исполнения пропагандистского заказа политической системы и реализовывала контрольно-запретительные, полицейские и манипулятивные функции, направленные на формирование массового сознания и осуществление государственной культурной политики. В этом виде советская политическая цензура представляла собой систему, в которой определяющее и регулирующее место занимала коммунистическая партия, возведенная в ранг государственной структуры и функционирующая в тесном сотрудничестве с репрессивными органами. Главлит и Главрепертком являлись только исполнителями их директив.

Проведенное исследование позволило выявить основные формы политической цензуры, проследить реализацию последовательной политики, направленной на огосударствление и монополизацию всех сфер культуры. Созданные в результате этого отраслевые органы управления позволяли партийно-государственным органам еще более эффективно осуществлять идеологическое руководство и цензурно-контрольную деятельность. На примере монополизации одного из ведущих средств массовой информации — радиовещания и организации идеологического руководства литературно-творческим процессом продемонстрированы

наиболее распространенные формы политической цензуры в области осуществления культурной политики.

Концептуальным является определение советской политической цензуры как системы действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов власти, системы, представляющей собой структурную и внеструктурную деятельность, не всегда обеспеченную законодательно и нормативно. Были выявлены такие внеинституциональные особенности советской культурно-информационной среды, как самоцензура, мифологизация, различные формы политического доноса.

Самостоятельным результатом являются исследовательские методы и методики, которые показали преимущества комплексного анализа, основанного на системном подходе. В книге продемонстрировано, как в результате органичного соединения множественных сторон одной системы можно восстановить механизм действия двух основных участников процесса: репрессивно-государственного и культурно-подавляемого — и, как результат этого процесса, феномен советской культуры. Подробный анализ разработки и принятия цензурно-идеологических постановлений ЦК РКП(б)/ВКП(б)/КПСС и их реализации демонстрирует логическую связь документов партийной и государственной принадлежности, хранящихся в бывших партийных архивах и государственных архивах. Только исследовательское объединение физически разобщенных источников может дать в совокупности информационно адекватный результат. Этот синтетический метод, включающий разработку основы классификации архивных фондов, исследование системы государственных учреждений, видовой источниковедческий анализ, представляется нам весьма перспективным для фундаментальных исторических исследований, построенных на масштабном корпусе источников. Практической реализацией данного метода и подтверждением корректности теоретико-методических основ выявления и отбора источников по истории политической цензуры является создание информационной базы данных по культурной политике в СССР, в формировании которой автор принимала непосредственное участие. Кроме этого, совокупность обозначенного корпуса источников дает возможность полностью или почти полностью воссоздать пласт культуры, который был изъят из открытого обращения.

Важными, на наш взгляд, являются итоги проведенного источниковедческого анализа специфических документов цензуры. С помощью результатов данного анализа можно восстановить первоначальный вид текста, изобразительного и звукового ряда, монтажа и иных вербальных и структурных принадлежностей авторской воли. С другой стороны, методы текстологии (сопоставление вариантов, образовавшихся в результате творческого процесса, идеологической

редактуры и цензуры) помогают определить намерения автора и скрытые механизмы цензуры и самоцензуры. Использование этой методики в специальных исследованиях делает их более предметными и эффективными.

Важнейшим исследовательским результатом является представленная периодизация истории политической цензуры, которая имеет не только познавательное теоретическое, но и конкретно-практическое значение. Ее основу составила ключевая функция политической цензуры как важнейшей составляющей советской государственности, в развитии которой выделяются два основных периода: период становления и утверждения и период стагнации и распада. Такое развитие диктовалось общими закономерностями и внутренними противоречиями генезиса и эволюции государственной и политической системы, общественной и культурной жизни, а также особенностями динамики существования и функционирования цензурных органов. Исходя из этого, наша периодизация представляет собой синтез всех подходов в сочетании с локальными хронологическими схемами, в ее рамках выделяются две основные исторические вехи развития системы политической цензуры: с 1917 по 1930-е гг. и с 1940-х по 1991 г.

Основным результатом исследования является воссоздание истории складывания и функционирования системы советской политической цензуры за весь период ее существования. Несмотря на определенные институциональные и содержательные модификации, этот феномен в качестве действенного инструмента воздействия на общество просуществовал вплоть до изменения политической системы в 1990-х гг. Характерной чертой исследуемого процесса является поступательное и агрессивно выраженное развитие системы политической цензуры на этапе становления и укрепления тоталитарной власти. Именно в этот период сформировались основные виды, формы и методы политической цензуры, определились зоны подцензурного контроля и внутренний регламент взаимодействия всех сторон и участников информационно-пропагандистского процесса. В дальнейшем функционирование системы происходило в устоявшемся режиме. Новые элементы в ее деятельности появились в период стагнации и кризиса политической власти, однако они не влияли на соотношение власти и общества, идеологии и культуры, которое определялось общими тенденциями соответствующего исторического периода.

Построенная в результате системного анализа и институционального подхода модель политической цензуры позволяет проводить сравнительные исследования и рассматривать этот феномен в других государственных и временных системах. Полученные знания о закономерностях возникновения и функционирования различных механизмов политической цензуры позволяют также отделить общие признаки системы от их специфических проявлений. Наилучшим образом это можно про-

демонстрировать на примере современных политических процессов в России, развивающихся вокруг формирования общественного мнения, обеспечения свободы слова как важнейшего фактора политического регулирования, представляющими реальный исторический опыт для прогнозирования и решения конкретных задач.

Ликвидация государственного института цензуры вовсе не означает конец политической цензуры. Авторитарный характер новой власти, борьба элит и номенклатуры за достижение политического преимущества вызывали к жизни новые формы цензуры, которые, в свою очередь, нуждались в воссоздании прежних по сути, хотя и видоизмененных структур, призванных выполнять соответствующий социально-политический заказ.

Модель политической цензуры применима и к ситуации, в которой находятся западные масс-медиа. Компаративный анализ условий и форм воздействия на информационный процесс показывает наличие сходных проявлений в западной журналистике. Между тем характерно, что некоторые американские политологи в первые годы перестройки отрицали существование такой же системы на Западе. Привычные стереотипы «холодной войны» о тотальном различии двух систем (одна — добрая, другая — злая; одна — лживая, другая — правдивая и пр.) не давали возможности убедиться в том, что любая политическая система использует журналистов и органы информации в своих интересах. Этот же стереотип мешал разглядеть то, что, несмотря на очевидные изменения в российской системе «власть — пресса», отличий ее от советской модели гораздо меньше, чем первоначально казалось: генетическая привычка советской журналистики обслуживать интересы государства привела только к смене знаков и символов, а не к существенному пересмотру принципов профессиональной этики журналистов и их роли в удовлетворении информационных потребностей общества. Не только системные особенности современного характера власти, но и нежелание журналистов признать свою зависимость не позволят в ближайшее время превратить информацию из привешегося всем «мощного идеологического орудия» в подлинный товар на рынке масс-медиа.

Все это является подтверждением правильности нашей концепции о роли и месте политической цензуры в социально-политическом устройстве государства. Известный публицист А. Ваксберг охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Гласность, вроде бы перешедшая в свободу слова, вскоре обнаружила иллюзорность надежд на то, что новая власть осознала насущную необходимость для всего общества не продекларировать, а реально предоставить каждому литератору, каждому журналисту возможность свободного общения с читателем. Меняются способы давления, меняются формы цензуры, меняются методы воздействия на писателя и виды репрессий против неугодных,

но остается неизменной суть: свобода слова нужна только рвущимся к власти и решительно не нужна тем, кто до нее дорвался»¹.

Примечания

- ¹ Ваксберг А. Писатель нужен любой власти, если он ее обслуживает // Литературная газета. 1996. 5 сент. С. 14.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
Акцентр — Академический центр
АПО, или Агитпроп — Отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б)
АПП — Ассоциация пролетарских писателей
АППО — Отдел по агитации и пропаганде и печати ЦК ВКП(б)
АРКК — Ассоциация работников революционной культуры
АХГ — Ассоциация художников-графиков при Доме печати
АХР — Ассоциация художников революции
АХРР — Ассоциация художников революционной России
ВАПП — Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей
ВАХ — Всероссийская академия искусств
ВАХТ — Всероссийская ассоциация художников театра
ВГТРК — Всероссийская государственная телерадиокомпания
ВКИ, или ВКПДИ, или КПДИ — Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР
ВОАПП — Всероссийское объединение ассоциаций пролетарских писателей
ВОКП — Всероссийское общество крестьянских писателей
ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВОЛЬФИЛА — Вольная философская ассоциация
ВОПКП — Всероссийское объединение пролетарско-колхозных писателей
Всекохудожник — Всероссийское кооперативное товарищество «Художник» (Всероссийский кооперативный союз работников изобразительных искусств)
Всерабис — Всероссийский профсоюз работников искусств
Всеросскомдрам — Всероссийское общество драматических писателей и композиторов
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВСП — Всероссийский союз писателей
ВССП — Всероссийский союз советских писателей
ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
ВУСПП — Всеукраинский союз пролетарских писателей
ВУФКУ — Всеукраинское фотокиноуправление

ВФКО — Всесоюзный фотокиноотдел
ВХУТЕИН — Высший государственный художественно-технический институт
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские
ВЦВБ — Всероссийское центральное выставочное бюро
ГА РФ (бывш. ЦГАОР СССР) — Государственный архив РФ
ГАХН — Государственная академия художественных наук
ГИЗ — Государственное издательство
ГИНХУК — Государственный институт художественной культуры
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы
Главархив — Главное архивное управление СССР
Главискусство — Комитет по делам искусств (Совет по делам искусств НКП РСФСР)
Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств
Главмузей — Главный комитет по делам музеев НКП РСФСР
Главнаука — Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями НКП РСФСР
Главполитпросвет — Главное управление внешкольное, затем Главный политико-просветительный комитет республики НК РСФСР
Главпрофобр — Главное управление профессионально-технических школ и высших учебных заведений НКП РСФСР
Главрепертком, или ГРК — Главный комитет по контролю за репертуаром НКП РСФСР
Главоцвос — Главное управление социального воспитания и политехнического образования НКП РСФСР
ГЛМ — Государственный литературный музей
ГОМЭЦ — Государственное объединение музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий НКП РСФСР
Госиздат — Главное управление государственным издательством
Госкино — Центральное государственное фотокинопредприятие НКП РСФСР
ГПУ — Государственное политическое управление при СНК РСФСР
ГСПС — городской совет профессиональных союзов
ГСХМ — Государственные свободные художественные мастерские
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
Губком — губернский комитет
Губпрофсовет — губернский профсоюзный совет
ГУКФ — Главное управление кинофотопромышленности
ГУС — Государственный ученый совет НКП РСФСР
Доброхим — Общество друзей химической обороны и химической промышленности
Драмсоюз — Ленинградское общество драматических писателей и композиторов

ИЗО – Изобразительное искусство
Изогиз – Государственное издательство изобразительного искусства
ИЗОРАМ – ИЗО рабочей молодежи
ИЗОСТАТ – Научно-исследовательский институт изобразительной статистики советского строительства и хозяйства
ИМЭЛ – Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) (КПСС)
Исполком – исполнительный комитет
ИССТР – Объединение работников изобразительных искусств
 «Искусство – социалистическому строительству»
ИСТР – группа художников «Искусство – трудящимся»
КОГИЗ – Книготорговое объединение государственных издательств
Комфракция – Фракция ВКП(б)
КПДИ – комитет по делам искусства
КПК – Контрольно-проверочная комиссия
ЛАД – Ленинградская ассоциация драматургов
ЛАПП – Ленинградская ассоциация пролетарских писателей
ЛЕФ – Левый фронт искусства
Ликвидком – Ликвидационный комитет
Литфонд – Литературный фонд
ЛОКАФ – Литературное объединение Красной Армии и Флота
ЛОССХ – Ленинградское отделение Союза советских художников
ЛЦК – Литературный центр конструктивистов
МАИ – Мастера аналитического искусства
МАПП – Московская ассоциация пролетарских писателей
МАСТОМХ – Художественно-производственные мастерские ОМХ
МАХД – Московская ассоциация художников-декораторов
Межрабпом – Международная рабочая помощь
МКК – Московская контрольная комиссия
МОДПИК – Московское общество драматических писателей
 и композиторов
МОЛХ – Московское общество любителей художеств
Моссовет – Московский городской совет депутатов трудящихся
МОССХ – Московский областной союз советских художников
МСНК – Малый СНК
МССХ – Московский союз скульпторов-художников
МТХ – Московское товарищество художников
МУЖВЗ – Московское училище живописи, ваяния и зодчества
МУЗГИЗ – Государственное музыкальное издательство
Музпред – Объединение предприятий музыкальной промышленности
МФРКП – Московская федерация рабоче-крестьянских писателей
МХО – Московское художественное общество
НК РКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКВнешторг — Народный комиссариат внешней торговли
НКВод — Народный комиссариат водного транспорта
НКЗем — Народный комиссариат земледелия
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
НКО, или НКОбороны — Народный комиссариат обороны
НКП, или НКПрос, или Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКПТ, или Наркомпочтель — Народный комиссариат почт и телеграфов
НКСвязь — Народный комиссариат связи
НКФин — Народный комиссариат финансов
НКЮст — Народный комиссариат юстиции
НОЖ — Новое общество живописцев
ОБ, или Оргбюро — Организационное бюро ЦК РКП(б) / ВКП(б) / КПСС
ОБИС — Группа художников «Объединение» («Объединенное искусство»)
ОБМОХУ — Общество молодых художников
ОГИЗ — Объединение государственных издательств РСФСР
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОДА — Общество друзей АХРР
ОДВФ — Общество друзей воздушного флота
ОДПИК — Общество русских драматических писателей и композиторов
ОМАХР — Объединение молодежи АХР
ОМАХРР — Объединение молодежи АХРР
ОМСХ — Общество московских скульпторов-художников
ОМХ — Общество московских художников
ОПОЯЗ — Общество изучения теории поэтического языка
ОПХ — Общество поощрения художеств
ОРД — организационно-распорядительная документация
ОРИ — Объединение работников искусств
ОРРП — Объединение работников революционного плаката
ОРС — Общество русских скульпторов
ОСТ — Общество станковистов
ОХК — Объединение художников книги
ОХО — Общество художников-общественников
ОХР — Объединение художников-реалистов
ОХТ — Общество художников-текстильщиков
ПБ, или Политбюро — Политическое бюро ЦК РКП(б) / ВКП(б) / КПСС
ПКО — Парк культуры и отдыха

ПРГК – Первая рабочая группа конструктивистов
ПРОЖ – Первая рабочая организация художников
Профиздат – Издательство ВЦСПС
ПУР – Политическое управление Реввоенсовета
ПУРККА – Политическое управление Рабоче-Крестьянской
Красной Армии
РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей
РАПХ – Российская ассоциация пролетарских художников
РВС, или Реввоенсовет – Революционный военный совет
РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-
политической истории
РГАФД – Российский государственный архив фонодокументов
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГБ – Российская государственная библиотека
РКИ – Рабочее-крестьянская инспекция
РОСТ – Общество художников «Рост»
РОСТА – Российское телеграфное агентство

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I	
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	25
Историография проблемы	25
Реконструкция корпуса источников по истории политической цензуры	46
Особенности источниковой базы исследования	65
Глава II	
ЦЕНЗУРА XX ВЕКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	117
Становление основных видов цензуры и практики цензорской деятельности	117
Эволюция политической цензуры	135
Глава III	
СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ (1917–1930-е гг.)	167
Формирование руководящих органов и институтов цензуры	168
Идеологическое руководство художественной культурой и контроль над ней как главная особенность функционирования системы политической цензуры (на примере политики по отношению к литературным группировкам 1920 — начала 1930-х гг.)	223
Монополия государства на средства массовой информации как основа политической цензуры (на примере радиовещания)	246
Глава IV	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА В 1940-е — 1991 гг.	284
Особенности политической цензуры в годы Второй мировой войны и послевоенной конфронтации (1941–1956 гг.)	284
Модернизация системы политической цензуры (1956–1968 гг.)	317
Политическая цензура в период стагнации и кризиса власти и идеологии в СССР (1969–1991 гг.)	350
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	396
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	402

Лебедев-Полянский П. И.
Начальник Главного управления по делам
литературы и издательств Наркомпроса РСФСР
(Главлит). 1922–1931 гг.

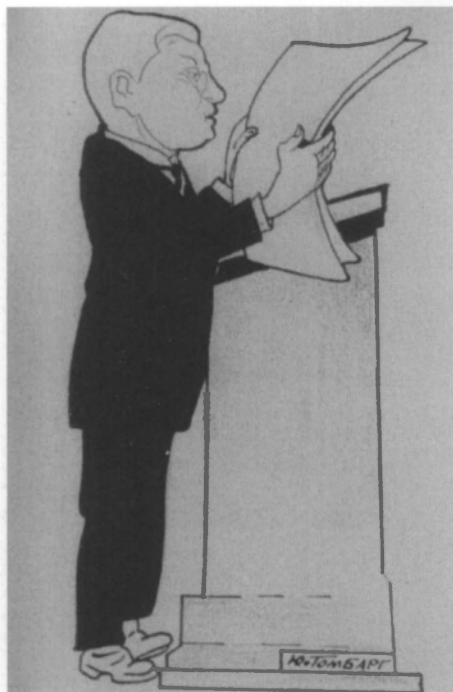

Волин Б. В.
Начальник Главного
управления по делам
литературы и издательств
Наркомпроса РСФСР
(Главлит). 1931–1935 гг.
Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн в
печати. 1932–1935 гг.

Волин Б. В.
Художник Е. А. Кацман.
[1924 г.]. РГАЛИ. Ф. 2368.
Оп. 2. Д. 15. Л. 13.

Ингулов С. Б.
Начальник Главного
управления по делам
литературы и издательств.
Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн
в печати. 1935–1938 гг.

Дружеский шарж
на С. Б. Ингулова.
Художник Ю. Я. Гомбарг.
С авторской подписью.
Тушь, черный карандаш.
Не ранее 1929 г. РГАЛИ. Ф.
2335. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

Садчиков Н. Г.
Начальник Главного
управления по делам
литературы и издательств.
Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн
в печати. 1938—1946 гг.

Омельченко К. К.
Уполномоченный Совета
Министров СССР
по охране военных тайн
в печати. 1946—1953 гг.
Начальник Главного
управления по охране
военных и государственных
тайн в печати МВД СССР.
1953 г. (март—октябрь).
Начальник Главного
управления по охране
военных и государственных
тайн в печати при Совете
Министров СССР.
1953—1957 гг.

Романов П. К.
Начальник Главного
управления по охране военных
и государственных тайн
в печати при Совете Министров
СССР. 1957–1965 гг.
Начальник Главного
управления по охране
государственных тайн
в печати Совета Министров
СССР. 1966–1986 гг.

Охотников А. П.
Начальник Главного
управления по охране военных
и государственных тайн
в печати Государственного
Комитета Совета Министров
СССР по печати.
1963–1965 гг. Первый
заместитель начальника
Управления по охране военных
и государственных тайн
в печати при Совете
Министров СССР.
1966–1983 гг.

Болдырев В. А.
Начальник Главного
управления по охране военных
и государственных тайн
в печати при Совете
Министров СССР.
1986–1990 гг. Начальник
Управления охраны тайн в
печати и СМИ при Совете
Министров СССР (ГУОТ).
1990–1991 гг. Председатель
Агентства по защите
государственных секретов
в средствах массовой
информации. 25 июля–
25 декабря 1991 г.

Солодин В. А.
Начальник Отдела
по контролю общественно-
политической
и художественной
литературы, член Коллегии;
в системе Главлита
в 1961–1991 гг.

Фенин С. Д.
Начальник Московского
управления по охране военных
и государственных тайн в печати;
в системе Главлита с 1961 г.

Адамс А. М.
Начальник Главного
управления Главлита
Эстонской ССР; в системе
Главлита с 1959 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА в СССР

Татьяна Горяева

Объектом данного монографического исследования является сформированная в СССР система всеобъемлющей политической цензуры, «всещензуры» советского типа.

В книге впервые показано многообразие форм и методов идеологического и политического контроля, который осуществлялся партийно-государственными органами и институтами цензуры в период с 1917 по 1991 г. Наряду с подавляющими функциями цензуры прямого воздействия – решения о запретах, цензорские вмешательства, отклоненные рукописи и пр., и с использованием всего арсенала идеологического руководства и монополизации всех средств управления, – кадровая, издательская, гонорарная политика, – продемонстрирована и ответная реакция творческой интеллигенции, поведенческие особенности которой выработались в ответ на «дамклов меч» цензуры. Новаторство исследования заключается и в том, что параллельно с фактами противодействия и сопротивления представлена фактография, отражающая конформизм и компромисс с властью, проявившиеся в период огосударствления различных сфер культурной и общественной жизни: ликвидация литературных группировок и организация Союза советских писателей СССР, создание государственных СМИ и др. Актуальность книги несомненна и основывается, прежде всего, на острой потребности осмысления нынешнего состояния культуры и ее роли в современном информационном и эстетическом пространстве.

Проблемы, поднимаемые и решаемые автором, ставят данное исследование в ряд наиболее востребованных самыми различными категориями читательской аудитории в связи с становлением в России гражданского общества и выработкой механизмов взаимоотношения власти и общества.

"СПб Дом Книги" А-032

416.00

2 000109 680316

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917-1991 гг.

История
СТАЛИНИЗМА

